Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук
Фонд «История Отечества»
Северо-Кавказский федеральный университет
Южный федеральный университет

НАРОДЫ КАВКАЗА в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура

Материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края

(г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2024

УДК 94(47)(063)
Н30

Издается при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:
академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор)
д.г.н. *С.В. Бердников*, д.и.н. *Е.Ф. Кринко*
к.филол.н. *Т.Е. Гревцова*, к.филол.н. *Н.А. Власкина, Р.Г. Михалюк*

Н30 **Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура:** материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. – 600 с. – ISBN 978-5-4358-0263-4.

В сборник материалов XI Международного форума историков-кавказоведов вошли статьи, посвященные исследованию истории, политики и культуры народов Кавказа в XVIII–XXI вв. Особое внимание уделено изучению национально-государственных преобразований в регионе в начале 1920-х гг. и их законодательного закрепления. Также в статьях нашли отражение актуальные проблемы современного кавказоведения, административно-территориальные изменения, политические, социальные, демографические, экономические, культурные и религиозные процессы в регионе в XVIII–XXI вв., проблемы региональной безопасности, военной истории, значение Кавказа как пространства межкультурного диалога и исторической памяти. Главной целью научного форума стало обсуждение спорных проблем в развитии Кавказа для формирования целостной научной картины истории и культуры региона и населяющих его народов.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

Редколлегия не несет ответственности за недостоверность приводимой авторами информации. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц несут авторы либо лица, их представляющие.

ISBN 978-5-4358-0263-4

© ЮНЦ РАН, 2024
© Авторы, 2024

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Foundation "History of the Fatherland"
North-Caucasus Federal University
Southern Federal University

PEOPLES OF THE CAUCASUS in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture

Proceedings of the 11th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Dedicated to the 100th Anniversary of the Adoption of the First Constitution of the USSR and the Formation of the North Caucasus Krai)

(Rostov-on-Don, 16–19 October 2024)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2024

UDC 94(47)(063)
M39

The publication was financially supported by the Foundation "History of the Fatherland"

Editorial Board:
Academician RAS *G.G. Matishov* (Managing Editor)
Dr (Geography) *S.V. Berdnikov*, Dr (History) *E.F. Krinko*
PhD (Philology) *T.E. Grevtsova*, PhD (Philology) *N.A. Vlaskina*
and *R.G. Mikhalyuk*

M39 **Matishov, G.G. (Ed.) (2024). Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture:** Proceedings of the 11th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Dedicated to the 100th Anniversary of the Adoption of the First Constitution of the USSR and the Formation of the North Caucasus Krai) (Rostov-on-Don, 16–19 October 2024). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 600 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0263-4.

The proceedings of the 11th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies include articles examining the history, politics, and culture of the peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries. The authors pay particular attention to the study of the ethnic-national-state transformations in the region in the early 1920s and their legislative approval. The authors also analyze the relevant issues of the contemporary Caucasian studies, administrative and territorial changes, political, social, demographic, economic, cultural, and religious processes in the region in the 18th–21st centuries, the issues and challenges of regional security, military history, and the significance of the Caucasus as a space for the intercultural dialogue and historical memory. The main goal of the scientific forum is to discuss controversial issues in the development of the Caucasus in order to form a holistic scientific picture of the history and culture of the region and the peoples inhabiting it.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, and all readers interested in the subject.

UDC 94(47)(063)

The Editorial Board is not liable for the possible inaccuracy of the information provided by the authors. The authors or/and their representatives are responsible for the violation of the third parties intellectual property rights.

ISBN 978-5-4358-0263-4

© SSC RAS (2024)
© Authors (2024)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отечественное кавказоведение прошло длительный и сложный путь в своем развитии. Уже первые комплексные академические экспедиции второй половины XVIII в. заложили основы междисциплинарного подхода к изучению Кавказа, ставшего впоследствии предметом изучения географов, историков, филологов, культурологов, социологов, политологов, экономистов, биологов, геологов, философов, юристов и представителей других научных специальностей.

300-летие Российской академии наук (далее – РАН) дает нам хороший повод для осмысления значения и возможностей академических исследований истории и культуры Кавказа. Основные направления научного поиска в кавказоведении, как и во многих других отраслях знаний, всегда в значительной степени определялись потребностями развития страны. Одной из главных форм организации и проведения исследований являлось создание специализированных научных центров с целью системного изучения природных ресурсов Кавказа и культурных особенностей населяющих его народов. Немаловажную роль в этом сыграла Академия наук (далее – АН) СССР. Созданная в 1926 г. Закавказская комиссия АН СССР наметила основные направления организации и развития научно-исследовательской работы в республиках Южного Кавказа, входивших в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. В 1933 г. был создан Закавказский филиал АН СССР, через два года разделившийся на Грузинский, Армянский и Азербайджанский филиалы АН СССР. На их основе были созданы АН Грузинской ССР (1941 г.), АН Армянской ССР (1943 г.) и АН Азербайджанской ССР (1945 г.).

На Северном Кавказе еще в начале 1930-х гг. предполагалось организовать академическую базу в Ростове-на-Дону как административном центре Северо-Кавказского края. Однако это решение не было реализовано в связи с разделением края и переносом административного центра в Пятигорск. Первым академическим подразделением в регионе стала Дагестанская база АН СССР (1945 г.), позже преобразованная в Дагестанский филиал АН СССР (1949 г.), а затем Дагестанский научный центр АН СССР (1991 г.) (в настоящее время – Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН). Попытку создать академический научный центр в Ростове-на-Дону предпринял ректор Ростовского государственного университета Ю.А. Жданов. Но в то время удалось открыть только Северо-Кавказский научный центр высшей школы (1969 г.).

С распадом СССР произошли кардинальные изменения в организации академической науки на юге страны и проводимых ее представителями исследований. На базе республиканских академических учреждений в государствах Южного Кавказа возникли собственные национальные академии наук: Национальная академия

наук Азербайджана (1991 г.), Национальная академия наук Республики Армения (1993 г.), Национальная академия наук Грузии (1995 г.). В их составе действуют научные институты, специализирующиеся на историческом кавказоведении. Собственная академия наук создана в Республике Абхазии (1993 г.) из действовавших на ее территории научных учреждений. Исследования в зарубежных академических учреждениях проводятся с учетом собственных национальных интересов и новых приоритетов.

Серьезной трансформации в 1990–2000-х гг. подверглась и структура научных организаций на Северном Кавказе. На базе прежних исследовательских учреждений возникли Кабардино-Балкарский (1993 г., в настоящее время – Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук») и Владикавказский (2000 г., в настоящее время – Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук») научные центры РАН. В Чеченской Республике были созданы Комплексный научно-исследовательский институт РАН (2000 г.) наряду с уже действовавшей к этому времени АН Чеченской Республики (1992 г.). В их составе есть институты и отделы гуманитарной направленности. Академические научные учреждения действуют в Республике Калмыкии (в настоящее время – Калмыцкий научный центр Российской академии наук) и в г. Сочи Краснодарского края (в настоящее время – Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук»), специалисты которых также принимают участие в изучении проблем Кавказа. Собственные научно-исследовательские институты, не имеющие академического статуса, действуют в республиках Адыгее, Карачаево-Черкесии и Южной Осетии. Как правило, они специализируются на изучении истории и культуры титульных этносов своих республик.

Традиционный интерес к Кавказу поддерживается во многих центральных научно-исследовательских учреждениях, столичных и региональных вузах. Среди них в первую очередь надо отметить Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, в которых созданы научные подразделения, специализирующиеся на кавказоведческой проблематике.

Стремление к научной интеграции усилий академической науки на Юге России привело к созданию в Ростове-на-Дону Южного научного центра РАН (2002 г., в настоящее время – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук), одним из ведущих направлений исследований которого стало изучение проблем безопасности, военной истории, демографического развития, этносоциальных процессов, исторической памяти на материалах Кавказа. На базе ЮНЦ РАН был успешно реализован ряд крупных проектов, включая программы фундаментальных исследований Президиума РАН, посвященные

Югу России и Северному Кавказу, в которых принимали участие ученые из других академических центров, научных и образовательных организаций.

Немаловажную роль в представлении результатов исследований по истории и культуре народов Кавказа, развитии научной коммуникации между исследователями играют научные конференции и в первую очередь, международные форумы историков-кавказоведов, проводимые в Ростове-на-Дону с 2013 г. (на базе ЮНЦ РАН с 2014 г.). На предыдущих форумах было представлено свыше тысячи научных докладов исследователей из почти двух десятков стран и свыше двадцати регионов России. Систематическое проведение данного мероприятия на высоком научно-организационном уровне стало возможным при неизменной поддержке Южного и Северо-Кавказского федеральных университетов, в которых сложились собственные научные школы кавказоведения, и других наших партнеров.

В этом году наш очередной форум носит уже одиннадцатый номер. В представляемый читателям сборник материалов вошли 93 доклада от 111 авторов, а всего в конференции принимает участие свыше 150 специалистов. Надеюсь, что публикуемые в сборнике материалы будут востребованы и профессиональным сообществом, и представителями органов власти.

Нам необходимо восстанавливать и развивать научные связи между академическими и другими научно-исследовательскими и образовательными учреждениями разных стран и регионов, изучающими Кавказ.

Академик РАН Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ 1
К 100-летию первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края

Е.Ф. Кринко

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ НА КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. И ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ: К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР[1]

Национально-государственные преобразования на Кавказе в 1920-х гг. нашли широкое отражение в значительном количестве исторических и историко-правовых исследований (см. подробнее: [4; 18; 33]). В советской историографии нередко подчеркивалось, что становление национальной государственности у народов Кавказа являлось выражением волеизъявления трудящихся масс под руководством партии большевиков. После распада СССР историография пополнилась десятками новых исследований, предлагающих иной взгляд на рассматриваемые события. Переосмысление данной проблемы приобретает особую актуальность в связи со столетием первой Конституции СССР, юридически и политически закреплявшей создание нового союзного государства.

Ввод в научный оборот значительного количества новых источников, отказ от прежних стереотипов и появление новых подходов позволили современным исследователям существенно расширить представления о формах и практиках национально-государственного строительства на Кавказе в начале 1920-х гг. При этом очевидны различия в процессах нациестроительства на Северном и Южном Кавказе, в значительной степени определявшиеся разными внешне- и внутриполитическими факторами.

[1] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100347-2.

На юге РСФСР во время Гражданской войны происходила смена государственных и квазигосударственных образований (советских республик, структур Добровольческой армии, казачьих, горских, мусульманских правительств), завершившаяся весной 1920 г. победой большевиков. В ноябре 1920 г. были провозглашены Дагестанская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее – АССР) и Горская АССР, утвержденные декретами Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) 20 января 1921 г. В состав Дагестанской АССР вошли десять национальных округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумукский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский, Темирханшуринский и Хасавюртовский. В 1922 г. из Терской губернии были переданы Кизлярский округ и Ачикулакский район. Горская АССР включала шесть национальных округов: Балкарский, Кабардинский, Карачаевский, Владикавказский (Осетинский), Назрановский (Ингушский), Чеченский, а также города Владикавказ (ставший центром автономии) и Грозный. В марте 1921 г. был создан Дигорский округ, но уже в апреле 1922 г. он объединился с Осетинским. Осенью 1921 г. из Чеченского округа выделился Сунженский казачий округ. Однако практически сразу Горская АССР стала распадаться. 1 сентября 1921 г. ВЦИК постановил выделить Кабарду, получившую статус автономной области в составе РСФСР. Это было связано с ее земельными противоречиями с другими округами, поддерживаемыми руководством Горской АССР. 16 января 1922 г. Кабардинская автономная область (далее – АО) объединилась с Балкарским округом. В результате образования Кабардино-Балкарской АО Карачай оказался отрезан от остальной части Горской АССР. Поэтому еще 12 января 1922 г. ВЦИК издал декрет об образовании Карачаево-Черкесской АО с административным центром в городе Баталпашинске (в настоящее время – Черкесск). 30 ноября Президиум ВЦИК постановил выделить Чечню в автономную область со столицей в Грозном, который не включался в ее состав и оставался самостоятельной административной единицей. Окончательно упразднена была Горская АССР 7 июля 1924 г., когда из нее выделились Северо-Осетинская АО, Ингушская АО и Сунженский казачий округ. Владикавказ превратился в административный центр Северо-Осетинской АО и Ингушской АО, сохранив самостоятельный административный статус. За два года перед этим, 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК постановил создать Черкесскую (Адыгейскую) АО, 24 августа переименованную в Адыгейскую (Черкесскую) АО.

В условиях перехода к новой экономической политике национальные различия утрачивали свое значение перед соображениями хозяйственной эффективности, которым более отвечали крупные административные образования. 13 февраля 1924 г. была создана Юго-Восточная область, куда вошли Донская и Кубанская области, Ставропольская и Терская губернии, Адыгейская (Черкесская) АО, Кабардино-Балкарская АО, Карачаево-Черкесская АО и Чеченская АО. 16 октября 1924 г. она была преобразована в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону. В него вошли, помимо Юго-Восточной области, все горские национальные

автономии – Адыгейская (Черкесская) АО, Ингушская АО, Кабардино-Балкарская АО, Карачаево-Черкесская АО, Северо-Осетинская АО и Чеченская АО, а также Сунженский казачий округ, города Грозный и Владикавказ на правах самостоятельных округов.

Процессы национально-государственных преобразований на Северном Кавказе в 1920-х гг. получили новые оценки в работах Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова [6], А.М. Бугаева [5], А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе [12], В.Д. Дзидзоева [14], А.Г. Кажарова [17], Ю.Ю. Карпова [19], С.А. Орешина [26], Т.П. Хлыниной [32], В.Г. Шнайдера [34] и других исследованиях [25; 28; 29 и др.]. В них выявлены особенности нациестроительства у разных народов Северного Кавказа, причины создания, кризиса и ликвидации Горской АССР. В кандидатских диссертациях А.Е. Бытырова [3], Т.А. Дзуганова [15], А.У. Магомедова [20] и М.А. Манаева [21] охарактеризована роль представительств национальных автономий при Президиуме ВЦИК и Наркомате по делам национальностей РСФСР в становлении национальной государственности у народов Северного Кавказа. Обращаются исследователи и к этнотерриториальным конфликтам между отдельными автономиями. Так, еще в начале 1922 г. возник приграничный кабардино-карачаевский конфликт по поводу горных пастбищ и урочища Хасаут, потребовавший вмешательства центра [13].

На Южном Кавказе процессы национального строительства имели свои особенности, так как вследствие революции 1917 г. здесь возникли независимые государства (Закавказская Демократическая Федеративная Республика, затем Азербайджанская Демократическая Республика (далее – АДР), Грузинская Демократическая Республика (далее – ГДР) и Республика Армения (далее – РА)), просуществовавшие до установления в них советской власти. Раньше других это произошло в Азербайджане, где вступление частей 11-й Красной армии привело к провозглашению 28 апреля 1920 г. Азербайджанской Социалистической Советской Республики (далее – ССР). 28 июля при участии частей Красной армии была провозглашена Нахичеванская ССР. В 1923 г. она была преобразована в Нахичеванский автономный край, который в том же году вошел в состав Азербайджанской ССР, а на следующий год был преобразован в Нахичеванскую АССР. 29 ноября 1920 г. в условиях наступления турецких войск была провозглашена ССР Армении. Завершило советизацию Южного Кавказа вступление частей Красной армии в Грузию и провозглашение ССР Грузии 25 февраля 1921 г. Вскоре после этого 31 марта 1921 г. была провозглашена ССР Абхазия, подписавшая 16 декабря с ССР Грузия союзный договор об объединении на федеративных принципах. До этого, 16 июля, в составе ССР Грузии образовалась автономия грузин-мусульман – АССР Аджаристан. 7 июля 1923 г. в составе Азербайджанской ССР была образована АО Нагорного Карабаха. Советское руководство не согласилось с требованиями осетин о создании единой осетинской автономии в РСФСР: 20 апреля 1922 г. в составе ССР Грузии была образована АО Юго-Осетии, позже переименованная в Юго-Осетинскую АО.

В 1921–1922 гг. в республиках Южного Кавказа были приняты конституции, образцом для которых послужила Конституция РСФСР 1918 г.: в Азербайджанской ССР – 19 мая 1921 г., в Армянской ССР – 2 февраля 1922 г., в Грузинской ССР – 28 февраля 1922 г. 12 марта 1922 г. они подписали договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (далее – ФСССРЗ). На 1-м Закавказском съезде Советов ФСССРЗ был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (далее – ЗСФСР) со столицей в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси) при сохранении самостоятельности входивших в нее республик. Съезд утвердил Конституцию ЗСФСР, образовал Закавказский ЦИК и правительство – Совет народных комиссаров ЗСФСР. При этом ССР Абхазия вошла в ЗСФСР не напрямую, а через ССР Грузию.

Важным событием в национально-государственном строительстве всех народов страны стало подписание 29 декабря 1922 г. РСФСР, ЗСФСР, а также Белорусской ССР и Украинской ССР договора об образовании СССР. На следующий день он был утвержден на I Съезде Советов СССР. 31 января 1924 г. II Съезд Советов СССР принял первую Конституцию СССР [27].

В современной российской историографии национально-государственным преобразованиям на Южном Кавказе уделяется меньше внимания, чем данным процессам на Северном Кавказе. Тем не менее в работах В.М. Муханова и других исследователей на новой источниковой базе раскрываются перипетии советизации и последующие практики нациестроительства у народов Южного Кавказа [1; 7; 24 и др.]. Особое внимание уделяется выбору модели объединения трех закавказских республик и всех союзных республик в одно государство с анализом противоречий внутри советского руководства и связанных с ними разных планов (федерации, «автономизации» и др.) [9; 10 и др.]. Наряду с этим подчеркивается, что АДР, ДРГ и РА в тот период не имели достаточно ни военных, ни экономических возможностей, чтобы осуществлять самостоятельную политику и были вынуждены искать себе покровителей в лице тех или иных держав.

В постсоветской историографии Азербайджана, Армении и Грузии на переосмысление национально-государственных преобразований в значительной степени накладывают отпечаток современные события. Превалируют оценки, впервые высказанные представителями эмиграции, подвергавшими жесткой критике процессы советизации, вследствие которых они были вынуждены покинуть свои страны [30 и др.]. Так, установление советской власти в Азербайджане нередко рассматривается как военная агрессия Советской России, положившая «конец независимой азербайджанской государственности в Северном Азербайджане» [22: 28]. Широко распространены представления о «российской оккупации» и в Грузии [2: 171]. Установление советской власти в Армении обусловливается помощью, оказанной большевиками кемалистам в Турции [30: 17]. Критике подвергается создание национальных автономий в составе союзных

республик, связываемое не с устремлениями их народов, а с давлением советского руководства [16: 214–215]. Подчеркивается, что все республики «проиграли» вследствие советизации, утратив исторические территории [8 и др.]. Поскольку большевики объявляются «узурпаторами», то и все принятые ими нормативно-правовые акты считаются нелегитимными [31: 5].

В данной связи немаловажную роль играет законодательное закрепление различных национально-государственных форм в советском законодательстве. В современных исследованиях отмечается, что первая Конституция РСФСР 1918 г., провозгласив Россию федеративной республикой, «оставалась, по сути, конституцией унитарной» [11: 15]. В конституции 1918 г. практически ничего не говорилось о федерации, да РСФСР и не являлась договорной федерацией. Создание национальных автономий на Северном Кавказе закрепляли постановления высшего органа власти РСФСР – ВЦИК и его Президиума. В данной связи Т.П. Хлынина обращала внимание на разработанную советскими юристами теорию «правового октроизма», согласно которой «источником формирования автономных областей и республик выступали центральные органы» [33: 19]. Статус различных национальных образований всегда вызывал острые дискуссии. Как правило, считалось, что автономные республики являлись субъектами РСФСР и имели более высокий статус, в том числе выражавшийся в том, что они имели право принимать собственные конституции. Статус автономных областей в рассматриваемый период был ниже, чем у автономных республик, но выше, чем у «обычных» областей [11: 18].

В Конституции СССР 1924 г. термин «федерация» не употребляется, но она юридически закрепила правовой статус союзных республик как суверенных субъектов, включая право свободного выхода из СССР, а также признание невозможности изменения территории без их согласия [27: 7]. Эти положения были закреплены и в принятых позже на ее основе конституциях закавказских республик. Однако в реальности пределы самостоятельности республик сужались, особенно во внешнеполитической сфере: в Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР, как и в других союзных республиках, были ликвидированы наркоматы по иностранным делам. Воспользоваться правом на выход из состава СССР даже формально могла только ЗСФСР, а не входившие в нее республики.

Тем не менее создание и конституирование Советского государства имело немаловажное значение для последующего развития всех народов Кавказа, их достижений в социальной, культурной и других сферах. Очевидно, что изучение советской эпохи, при всем трагизме отдельных событий, не укладываются в классическую схему взаимоотношений метрополии и колоний. Конечно, требуется комплексный анализ различных аспектов проблемы. Чрезмерная идеализация АДР, ГДР и АР и отказ отдельных исследователей рассматривать советский период как определенный этап в развитии азербайджанской, армянской и грузинской государственности и составную часть национальной истории в конечном счете ведет к обесцениванию судеб нескольких поколений ее жителей, своим трудом

закладывавших основы сегодняшнего благосостояния, экономики и культуры своих стран. Выяснению всех обстоятельств и факторов, определявших содержание данных процессов, служит введение в научный оборот новых документов. Немаловажную роль играет и продолжающееся сотрудничество между армянскими и российскими историками, выражающееся в реализации совместных проектов и появлении совместных публикаций [23 и др.].

Источники и литература

1. *Амбарцумян К.Р.* Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1921). Ставрополь, 2022.

2. *Анчабадзе Ю.Д.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 159–175.

3. *Батыров А.Е.* Представительство Северо-Осетинской автономной области при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета: 1924–1936 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

4. *Бугаев А.М.* Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. Историографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Вып. II. М., 1978. С. 127–150.

5. *Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012.

6. *Бугай Н.Ф.*, *Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994.

7. *Волхонский М.*, *Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

8. *Гамахария Дж.*, *Гогия Б.* Абхазия – историческая область Грузии. Тбилиси, 1997.

9. *Гатагова Л.С.* Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 195–226.

10. *Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007.

11. *Гунаев Е.А.* Национальные автономии Юга России в советский период: территориальное устройство и система управления (на примере Калмыкии). Элиста, 2022.

12. *Даудов А.Х.*, *Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 г.). СПб., 2009.

13. *Джазаева И.А.-А.* Процессы административно-территориального размежевания в Карачае в 1920–1930 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 33–41.

14. *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). Владикавказ, 2003.

15. *Дзуганов Т.А.* Кабардино-балкарское национальное представительство. 1921–1938 гг.: дис. … канд. ист. наук. Нальчик, 2004.

16. *Исмаилов Э.Р.* Очерки по истории Азербайджана. М., 2010.

17. *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). Нальчик, 2019.

18. *Камалдинов Е.С.* Советская национальная государственность на территории Северного Кавказа в 1917–1924 годы в отечественной историко-юридической науке. Пятигорск; Минеральные Воды, 2011.

19. *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

20. *Магомедов А.У.* Представительство Горской АССР при Наркомнаце: дис. … канд. ист. наук. М., 2007.

21. *Манаев М.А.* Национальные представительства в системе советской власти (на примере Чеченской автономной области (1922–1934 гг.): дис. … канд. ист. наук. Грозный, 2018.

22. *Махмудов Я.М.* Азербайджан: краткая история государственности. Баку, 2005.

23. *Мелконян А.А.*, *Хачатрян К.Г.*, *Крючков И.В.* Проблемы советского национально-государственного строительства (историко-критический анализ на примере Армении) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 340–352.

24. *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019.

25. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

26. *Орешин С.А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе, 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

27. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1925.

28. Северный Кавказ: выбор пути национального развития / отв. ред. Н.Ф. Бугай. Майкоп, 1994.

29. Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы) / отв. ред. Н.Ф. Бугай. Майкоп, 1992.

30. *Степанян Х.Р.* Советизация Армении (попытка сравнительного анализа) // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1. С. 15–20.

31. *Топчишвили Р.* Осетины в Грузии: миф и реальность. Тбилиси, 2009.

32. *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

33. *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

34. *Шнайдер В.Г.* Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007.

Т.Ю. Красовицкая

ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕПТЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА[1]

Восприятие реальности столь же сложно и противоречиво, как и общество, в котором живут люди. Мы по-прежнему не умеем описывать и выявлять логику функционирования сложносоставных обществ, множественную динамику их развития, не детерминированную знанием того, «чем всё закончилось». Следовало бы оценить один из серьезных вызовов федерализма – проблему упорядочивания несистемных для большевистского проекта различий, которая остается актуальной в России и по сей день. Представления о них позволяют видеть ключевые тенденции российского федерализма начала XX в., оценить всю сложность столкновения общей логики нормальности и естественности человеческих различий с ее частным опытом унификации и систематизации, который лежал в основе политических проектов на Северном Кавказе.

Отказываясь изучать динамику создания, рационализации, манипулирования, игнорирования, переопределения, упорядочивания различий как имманентного свойства любого социума в прошлом и настоящем, предпочитая вместо этого описывать линейные политические процессы, социальные и гуманитарные науки расписываются в своей интеллектуальной и политической бесполезности [14: 184–204].

Значительная часть нерусского населения сохраняла в границах России этническую родину, институты и ресурсы культур, претендуя на разную степень политической и правовой самостоятельности. В 1917 г. претензии превратились в угрозу фрагментации общегосударственного пространства. Отречение Николая II стало признанием исторической неудачи попытки включить этнические общества в модерную политическую, экономическую, культурную систему. На повестке дня стояла проблема нового государственного устройства.

С конца XIX в. этнографы и антропологи играли видную роль в дискуссиях о модернизации государственного устройства, заостряя внимание на разнообразии пространственно-временных хронотопов, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество), на этнических культурах как природном ресурсе государственного строительства. Множество факторов указывали на неоднородность проблемных пространств на северокавказском политическом поле. В системе отношений между Россией как государством и ее

[1] Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. Проект: «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

«культурными» единицами обстоятельства этнического характера оказались немаловажными. Многие этносы были нацелены на индустриальную модернизацию. В одном пространстве приходилось учитывать разные культурные времена, глубинные устойчивые культурные установки, с трудом поддающиеся коррекции политически. Этничность стала участвовать как силовой фактор в осмыслении политического ландшафта. Социальный взрыв из центра империи «накрыл» в 1917 г. разные социумы – от этнически консолидированной в территориальном ядре Польши до этнически чересполосно расселенных горцев Северного Кавказа. Один из полузабытых антропологов-этнологов, врач И. Пантюхов отмечал: «Ингуши – любознательный, бойкий и умный народ. <…> Они более, чем какая-либо другая российская магометанская народность, рвутся к просвещению» [15: 136].

Этнизация политических процессов достигла весомых масштабов, стала полем конкуренции и борьбы, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, подпитывая комплекс неясных перспектив. Требовалось совместить уникальность проблемы с широтой взгляда на вызовы времени. Опыта использования федерализма не было. Через сталинский кабинет в наркомате проходили разнообразные лица, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими) государства. Среди них были как образованные и умные люди, так и просто наивные. Для освоения проблемного поля от руководителя Наркомнаца требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и исторических причин формирования тех или иных управленческих конструкций или отказа от них. По оценке Л.Д. Троцкого, в коллегию Наркомнаца вошли «русифицированные “инородцы”», которые «свой абстрактный интернационализм противопоставляли реальным потребностям развития угнетенных национальностей»: в Наркомнаце «коллегия состояла из людей случайных, теоретически малоподготовленных» [19: 34]. В структуре Наркомнаца из значительного числа северокавказцев в 1918 г. оказалось лишь два ингуша и один чеченец [11: 120, 336, 374]. Магомеда Менгиевича Альтемирова направили в комиссариат по решению совещания ингушей, живущих в Москве [11: 106–107]. 1 июля 1918 г. чечено-ингушский подотдел в отделе горцев Кавказа возглавил Хамзат Матыгович Гастимиров, но уже 2 июля 1918 г. чеченец Магомед Чокаев временно возглавил чеченский подотдел [11: 159, 336]. Многие вырастут до видных руководителей северокавказских автономий. Известен Гапур Саидович Ахриев, в марте 1918 г. назначенный народным комиссаром по делам национальностей Терской Советской Республики. В сентябре 1920 г. Альтемиров будет участвовать в Баку в работе I Съезда народов Востока вместе с 13 делегатами от Ингушетии. Все они – соратники Г.К. Орджоникидзе и А.Д. Шерипова, участники Гражданской войны на Северном Кавказе, видные советские деятели. Всем им приходилось принимать практические решения в деятельности тех или иных автономных управленческих структур.

Имеет смысл оценить высказывание другого политического авторитета, осетина-мусульманина Ахмеда Цаликова (Сталину не удалось по просьбе Ленина уговорить его прийти в Наркомнац работать). Цаликов описал позицию ингушей в сложнейшем переплетении северокавказской политической атмосферы: «Ингушетия, более дружелюбно относившаяся и к турецкому движению, и к Терскому правительству, и вообще ориентации на Восток, была в роковые моменты более других активна в смысле поддержки советской власти. Осетия, чуждая ориентации на Восток, наносила удары советской власти, предавая ее при всяком удобном и неудобном случае. <…> Ориентация на советскую власть, к которой призывали осетинские политические деятели, фактически становилась ориентацией не на демократию, как это могло бы казаться с первого взгляда, а на пришлое русское население, случайно оказавшееся в крае, с которым у осетин-христиан в действительности едва ли было что-либо общего, кроме православия. Но столь велика была ненависть ко всему горскому, как пахнущему мусульманством, что известные слои осетинского населения готовы были признать какую угодно русскую власть, лишь бы только не власть горца-мусульманина, чеченца, ингуша, кабардинца» [7: 420–447].

У каждой группы элит имелись представления о встраивании этнокультурных интересов в общий государственный механизм. Ментальность горско-мусульманских элит большевики связывали с ориентализмом. В основе термина «ориентализм» лежала дихотомия, почти изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Варианты его опирались на значительное количество нарративов о своем прошлом, не интересном большевикам. Все они так или иначе «тормозили» перед проблемой этнического многообразия, классовыми и прочими регуляторными социальными стратификациями и безумно усложняли большевикам задачи политики. Но и физическая антропология не ассоциировалась с освоением мира, с распространением цивилизации, с модерностью как таковой [10: 111–135; 12: 31–41].

Федеративные проекты становились лабораторией политического мышления, важной частью представлений о формах федеративной связи с центром, с соседней идентичностью. На них влияли структуры общества, «воображенная история», литературный язык, формы искусства, художественная литература. Но важное место отводилось новым политическим и управленческим структурам, социокультурной инженерии.

Ориентализм был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Но как «знание второго порядка» он находился в интеллектуальном пространстве северокавказских горцев, сохранял двойственное отношение к дискурсу, в котором Восток представал сакральным пространством. Эта утопия с пространственной локализацией позволяла связать эмпирическое знание с ментальным атласом. Эмпирика проистекала

из необходимости интерпретировать Восток в границах российского политического пространства. Собственный и зарубежный Восток выступали как область полифонического диалога и соревнования со стороны различных дискурсов партийных, государственных и общественных акторов политики. Тем более этносов на Северном Кавказе было достаточно, со своей сложной комбинаторикой этнического и конфессионального, обусловливавшей гетерогенность горско-мусульманской среды. Но общность религии означала: они составляют одно целое, мир, живущий по правилам, отличающимся от русских. Пересечь эту границу было непросто даже для тех сообществ, которые имели много разнообразных контактов с русскими: яркий пример тому – сам Ахмет Цаликов. Интеллектуальное отношение к этноконфессиональным моделям федерализма было адекватно политическим силам, удерживающим власть в регионе. На Северном Кавказе пример тому – имамат Н. Гоцинского (аварца), Северо-Кавказский эмират Узун-Хаджи (дагестанско-чеченского религиозного и политического лидера, эмира Северо-Кавказского эмирата, аварца) [8]. Правительство Узун-Хаджи было интернациональным: в нём было по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца. Восемь министров возглавил «великий визирь» «князь» Дышнинский, одновременно главнокомандующий вооруженными силами Северо-Кавказского эмирата. Высшее светское образование имел один человек, высшее духовное – двое, грамотно писали по-русски трое (а среди них один и по-арабски) были трое, неграмотными были два министра.

Эмигрант осетин Б. Билатти позже указывал: «В свободном Северном Кавказе не должно быть ни аварца, ни кабардинца, ни балкарца, ни осетина, ни чеченца, ни кумыка. Там должны быть только северокавказцы» [6: 14–17]. Влияние родственных языков сохранялось в эмиграции, считает И.Л. Бабич. Об исторически сложившемся горском единстве писал и кабардинец Э.А. Бекович-Черкасский: «Мы объясняем наше единство тем, что в горском религиозно-общественном быту лежат основы старых исторических культур, влиявших веками на самобытность горской массы». Молодой публицист Бекович-Черкасский, в Гражданскую войну штабс-ротмистр, прикомандированный к 1-му конному полку Кабардинской конной дивизии Добровольческой армии, оказавшись в эмиграции, обучался в пражском Русском университете [13: 140–148].

Автор статей о сепаратизме горцев Кавказа, он всколыхнул эмигрантскую общественность неординарным подходом к оценке политической истории горских народов и перспектив их развития. В дискуссиях о проблемах независимости кавказских народов он высказывал суждения о национальной независимости как начале, «здоровом и полезном, ибо свободном, развитии отдельных наций лежит залог обогащения общечеловеческой культуры и международного хозяйства; при угнетенном же состоянии субъективные дарования и возможности подчиненной нации заглушаются и нередко атрофируются посредством прямого действия ассимилирующего фермента народа – господина, что не соответствует, а явно противоречит стремлениям культуры и цивилизации, поскольку стандартизация

последних, как таковых, представляет меру регрессивную» [4: 24]. Участвовали в дискуссиях эмигрантов ингуш, полковник царской армии Муртаз Али Куриев, и чеченец, капитан французской армии, промышленник и общественный деятель Саид Тукаев [3: 15]. Позже эмигрант Б. Билатти писал: «Несмотря на кажущееся языковое многообразие, в отношении генетической общности своих народов <…> Кавказ является одной из наиболее сконсолидированных частей мира… с одними и теми же национальными аспирациями и стремлениями <…> Перед завоеванием Северного Кавказа Россией, проблема эта была разрешена таким образом, что роль общего языка исполнял, с одной стороны, арабский язык, а с другой – местные тюркские языки-наречья: карачаево-балкарский и кумыкский». Билатти напомнил: «в мае 1917 г. … съезд единогласно постановил <…> должно было быть введено преподавание кумыкского языка… который предназначался к занятию в будущем места общепонятного языка. Съезд рассмотрел также проблему алфавита… “Для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит” <…> Советской языковой политикой на Северном Кавказе была начата парцелляция языков, которой предшествовала парцелляция административная, разделившая территорию страны на ряд т. н. автономных областей» [5: 8–10].

Действительно, Сталина раздражали северокавказские федералистские проекты. Он возмущался: «что это за загадочные “правительства”, откуда они пришли?» Наскоро и наспех сконструированная Горская АССР слабо исследована в исторической литературе. Почему так быстро она была разделена на ряд отдельных автономий? Только ли это удача Б. Калмыкова, уговорившего Сталина? Он по сути оставался на позиции, высказанной еще в 1917 г.: «Федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса… Он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории» [18]. Кстати, и А. Авторханов «рекомендовал всем автономиям Кавказа соединиться в одну республику», которая, по его словам, «уже существовала под названием Горская республика». Он сообщал: «Несмотря на наше многоязычие, но ввиду нашей исторической, социально-культурной и геополитической общности, во внешнем мире нам дали одно обобщенное национальное имя – русские называли нас “горцами Кавказа”, а на Западе – “черкесами”. Мы никогда не знали расовой дискриминации, религиозных трений» [9].

Потерпев очевидную неудачу в федеральном государственном обустройстве Северного Кавказа, Сталин пошел по другому пути. «Все горские дела решает Ростов и, очевидно, решает не очень удачно, т.к. с каждым годом северокавказский салат из национальностей делается все мельче искрошенным и всё круче приправленным перцем бандитизма, – писали в ЦК РКП(б) председатель ЦИК и председатель Совета народных комиссаров Дагестанской АССР Н. Самурский и Д. Коркмасов. – А ответственность за неудачную политику Ростова возлагается на руководителей национальных объединений. Что и как нужно делать – нас не спрашивают, но за неудачи тянут к ответу» [17: 10–11].

Федерализм использовался в сложнейшем этнокультурном пространстве как инструмент воздействия, как ресурс и предмет торга с Москвой [1: 135]. Логику развития федералистских построений следует искать на перекрестье обстоятельств места и времени, начиная от игр ума (они могли быть увлекательными) и заканчивая построением конкретных проектов. Б. Билатти в 1937 г. опубликовал статью в журнале «Северный Кавказ» под названием «Национальный централизм – залог успеха» и перепечатал ее на французском языке в журнале «Прометей» [16]. Билатти всецело поддержал идею единой северокавказской нации. По его мнению, такую нацию реально сформировать: «отсутствие общего языка не дает основание сомневаться в существовании единой нации» [5]. Это внимание к историческому, языковому, религиозному и прочему родству как к основе формирования северокавказской идентичности было порождено в эмиграции не только отношением к сталинской модернизации, но и дисциплинарной антропологической саморефлексией, как к осмысленной и поучительной истории. Сталин упрощал феномен модерности: отношения власти и знания, вызовы, перед которыми оказывались люди, сознательно стремившиеся переопределить окружающую их реальность в современном понимании, порождали сложную динамику притяжения и отталкивания от сталинских практик. Оценивая сталинскую политику, не вполне описываемую социологическими стандартами, эмигранты искали способ сохранить уникальную горскую гетерогенность в культуре модерна средствами метисации, которая должна была сформировать сильный, устойчивый, конкурентоспособный, однако смешанный физический тип как основу новой северокавказской нации. Сверхидеей было нащупать новые когнитивные параллели и разработать новые когнитивные механизмы [2: 4–9].

Требуется обновить концептуальный аппарат для перевода конструкций пространства, времени, вещного фона, ролевой структуры героев, норм репрезентации реальности в исторические факты. Другими словами, соединить мотивацию действий с морфологией общества.

Источники и литература

1. *Аманжолова Д.А.*, *Красовицкая Т.Ю.* Культурная сложность Советской России. Идеологии и практики управления. 1917–1941 гг. М., 2020.

2. *Бабич И.Л.* Теория построения государства на Северном Кавказе (северокавказская эмигрантская мысль 1920–1930-х гг. в Европе) // История государства и права. 2011. № 22. С. 4–10.

3. *Бабич И.Л.* Запад-Восток в судьбе современных северокавказских эмигрантов в Европе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 1. С. 13–18.

4. *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8–9. С. 17–31.

5. *Билатти Б.* Борьба за язык на Северном Кавказе // Северный Кавказ. 1937. № 27. С. 8–10.

6. *Билатти Б.* Нация и язык // Северный Кавказ. 1935. № 11–12. С. 14–17.

7. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014.

8. *Доного Х.М.* Андийский съезд. 1917 год. Махачкала, 2017.

9. Кавказ (Сухум). 1990. № 1.

10. *Красовицкая Т.Ю.* «Горская интеллигенция к эпохе почти физиологически не приспособлена». 1920-е годы // Этнодиалоги. 2019. № 2 (58). С. 111–135.

11. *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): документы и материалы. М., 2007.

12. *Красовицкая Т.Ю.* Элиты России в дихотомии Восток – Запад (1917–1920-е гг.) // Востоковедение: история и методология. 2021. № 1. С. 31–41.

13. *Мамсиров Х.Б.*, *Паритов А.Ю.* Э.А. Бекович-Черкасский – эмигрант, публицист, ученый // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 2. С. 140–148.

14. *Могильнер М.* Антропология как филология, или о пользе метисации: Иван Иванович Пантюхов и его «метисы» // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. С. 184–204.

15. *Пантюхов И.* Ингуши. Этнографо-антропологический очерк // Известия Кавказского отделения ИРГО. Тифлис, 1900. Т. XIII. № 6. С. 123.

16. Прометей. 1937. № 128–129.

17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 112. Д. 568.

18. *Сталин И.* Против либерализма // Правда. 1917. № 19. 28 марта.

19. *Троцкий Л.Д.* Сталин в наркомнаце // Троцкий Л.Д. Сталин: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 26–51.

С.Ш. Салакая

СОЗДАНИЕ АБХАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ОЦЕНКАХ АБХАЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В абхазской исторической науке большое внимание уделялось созданию и развитию советской государственности в Абхазии. Ведущим специалистом в области национально-государственного строительства Абхазии советского периода являлся доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии Б.Е. Сагария. Ему принадлежит большое количество работ по данной тематике. В одном из первых своих трудов о создании советской государственности Абхазии вполне

в духе господствовавшей тогда исторической концепции автор жестко критиковал самодержавие, называя Абхазию одной из отсталых окраин царской России, в которой царизм проводил колонизаторскую политику, искусственно сдерживал социально-экономическое развитие абхазского народа. Не меньшей критике подвергалась и меньшевистская Грузия: «Меньшевики Грузии, пришедшие к власти после Октябрьской социалистической революции в России, вели самую гнусную шовинистическую политику в Абхазии, всячески попирали национальные права абхазского народа. Так называемая "автономия" Абхазии меньшевистской фабрикации, которая была провозглашена в марте 1919 года, была придумана лишь для обмана народа» [14: 15].

Провозглашение Советской Социалистической Республики (далее – ССР) Абхазии (31 марта 1921 г.) Б.Е. Сагария вполне в духе существовавших тогда исторических теорий представлял как необходимый для преодоления национальной розни промежуточный этап. Говоря о заключении союзного договора между Абхазией и Грузией (16 декабря 1921 г.), исследователь писал, что он был первым историческим актом равноправного союза между обеими республиками за всю их многовековую историю, но в то же время указывал, что союз являлся формой государственно-правового положения Абхазии в составе Грузии. Автор вынужден был поддержать существовавшее в то время утверждение о том, что «хотя абхазская республика по форме своего существования занимала особое положение в составе ССР Грузии, чем Аджария и Юго-Осетия, но фактически она являлась автономной частью Грузии» [14: 25]. Принятое же в феврале 1931 г. решение о преобразовании договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузии историк вынужденно назвал ярким примером последовательного проведения в жизнь принципов ленинской национальной политики [14: 28–29].

Основные положения этой статьи были развернуты в последующих монографиях Б.Е. Сагария [13; 15; 19; 20], его кандидатской и докторской диссертациях, а также в обобщающих работах абхазских историков «Очерки истории Абхазской АССР» [12], «Абхазская АССР в братской семье советских народов» [1], «История Абхазской АССР (1917–1937)» [7], учебном пособии «История Абхазии» [2] и др. Данные тезисы стали общепринятыми при рассмотрении государственного строительства Советской Абхазии.

Советская историография национально-государственного строительства советской Абхазии являются одним из ярких примеров несвободы абхазских исследователей, которые, с одной стороны, констатировали факты национального угнетения абхазов со стороны меньшевистской Грузии, писали о создании самостоятельного абхазского советского государства, а с другой – вынуждены были оправдывать понижение политического статуса Абхазии и трактовать включение в качестве автономной республики в состав Грузии как прогрессивное событие, способствующее политическому, экономическому и социальному развитию Абхазии.

Несмотря на то что исследователи указывали на ряд недостатков и даже ошибок в работах Б.Е. Сагария, надо сказать, что они имеют много положительных сторон. Во-первых, в них содержится огромный фактический материал, который позволяет чуть ли не по дням воссоздать происходившие события. Во-вторых, в них широко используются архивные документы, часто впервые вводимые в научный оборот, справочная и иная литература, значительная часть из которой ныне библиографическая редкость. Всё это в сегодняшних условиях многократно увеличивает значимость работ Б.Е. Сагария. Ну и, наконец, поддержка автором доктрины, принятой в исторической науке того времени, позволяла пройти через цензуру документам и фактам, противоречащим этой доктрине. Когда появилась возможность, Б.Е. Сагария написал целый ряд работ, в которых давал объективную оценку национально-государственному строительству Абхазии и абхазо-грузинским политическим взаимоотношениям [22: 53–54]. В целом то же самое можно сказать и о работах большинства абхазских историков, изучавших новейшую историю Абхазии.

Когда в конце 1980-х гг. ослабевает идеологическое давление, у абхазских историков появляется возможность проводить научные исследования без оглядки на Москву и Тбилиси. Среди работ по интересующему нас хронологическому периоду особое место занимает книга С.З. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии» [11]. Несмотря на относительно небольшой объем, она произвела настоящий переворот в изучении истории Абхазии XIX–XX вв. В ней получили освещение многие закрытые ранее темы, а ряд известных событий и фактов – новую, часто диаметрально противоположную существующим подходам трактовку. Относительно легкая победа большевиков и восстановление советской власти в 1921 г. во многом произошли потому, что местные большевики, учтя свои ошибки 1918 г., объявили о восстановлении самостоятельного Абхазского государства. Это нашло горячий отклик не только у абхазского народа, но и у других народов, живших в Абхазии. Кроме того, ученый обращает внимание на миссию Е.А. Эшба и Н.А. Лакоба в Турции в конце 1920 – начале 1921 г., в том числе благодаря которой руководители ревкома Абхазии добились права провозглашения советской социалистической республики.

В 1991 г. вышло в свет второе учебное пособие «История Абхазии» [6], подготовленное группой сотрудников Абхазского института гуманитарных исследований во главе с С.З. Лакоба. Написанная в острый политический момент, книга приобрела огромное не только научное, но и общественно-политическое значение, стала знаковым событием в научной и общественной жизни Абхазии того времени. Свободная от идеологических установок сверху, «История Абхазии» смогла показать самостоятельность истории абхазского народа, разрушив многие догмы, утверждавшиеся десятилетиями в науке. В разделе, посвященном советскому времени (автор – Б.Е. Сагария), впервые в таком объеме в учебной литературе было написано о создании советской государственности, политическом статусе Абхазии в 1921–1931 гг., о давлении со стороны Сталина и Берии на государственность Абхазии, ее включении в состав Грузии, репрессиях и переселенческой политике,

грубых искажениях национальной политики и попытке ассимиляции абхазов, происходивших в 1930–1950-х гг., и т.д. Б.Е. Сагария во многом отказывается от положений, высказывавшихся им ранее, объективно рассматривает острейшие вопросы истории Абхазии советского периода.

В постсоветское время изучение истории Абхазии советской эпохи продолжается весьма активно, хотя надо сказать, что наблюдается крен в сторону политической истории. Имеются работы по истории культуры, и практически нет исследований социальной и особенно экономической истории советского времени. Среди исследователей политической истории данного периода несомненно выделяется С.З. Лакоба, который фактически является автором современной концепции истории Абхазии Нового и Новейшего времени. В многочисленных монографиях, книгах, учебниках пересмотрен целый ряд, казалось бы, незыблемых в исторической науке положений, переосмыслены и уточнены как целые периоды, так и отдельные факты, сыгравшие важную роль в истории Абхазии. Не является исключением и история ССР Абхазия [8–10].

В послевоенный период вышло несколько работ Б.Е. Сагария, посвященных разным аспектам истории Абхазии XX в., ее взаимоотношениям с Грузией, восстановлению абхазской государственности [16–18].

Имеются работы по возрождению абхазской государственности и у автора этих строк [21; 23].

Заметное место занимает тема создания ССР Абхазии в учебнике для старших классов «История Абхазии» [3; 4] и курсе лекций «История Абхазии» [5].

В целом и в советской, и в современной абхазской историографии создание ССР Абхазии расценивается как положительное прогрессивное явление. Но если дальнейшее понижение статуса Абхазии в советской историографии рассматривалось как исторически неизбежное событие, как развитие национально-государственного строительства и торжества ленинской национальной политики, то современная абхазская историография негативно оценивает этот процесс как попытку принудительно «пристегнуть» Абхазию к Грузии.

Источники и литература

1. *Абхазская АССР* в братской семье советских народов / ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1972.

2. *Анчабадзе З.В.*, *Дзидзария Г.А.*, *Куправа А.Э.* История Абхазии: учебное пособие. Сухуми, 1986.

3. *Бгажба О.Х.*, *Лакоба С.З.* История Абхазии. Учебник для 10–11-х кл. Сухум, 2006.

4. *Бгажба О.Х.*, *Лакоба С.З.* История Абхазии. Учебник для 10–11-х классов / 2-е изд., дополн. и перераб. Сухум, 2015.

5. История Абхазии. Курс лекций / гл. ред. А.М. Хашба. Сухум, 2021.

6. История Абхазии. Учебное пособие / гл. ред. С.З. Лакоба. Сухум, 1991.

7. История Абхазской АССР (1917–1937) / отв. ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1983.

8. *Лакоба С.З.* Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Саппоро, 2004.

9. *Лакоба С.З.* Из века в век: Историко-культурные очерки. Сухум, 2022.

10. *Лакоба С.З.* Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001.

11. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

12. Очерки истории Абхазской АССР: в 2 т. Ч. 2. Сухуми, 1964.

13. *Сагария Б.Е.* Абхазия под солнцем Октября. Сухуми, 1967 (на абх. яз.).

14. *Сагария Б.Е.* Из истории образования Абхазской Автономной Республики // Труды Сухумского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Т. XV. Сухуми, 1962. С. 15–29.

15. *Сагария Б.Е.* Национально-государственное строительство Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970.

16. *Сагария Б.Е.* О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра, 1993.

17. *Сагария Б.Е.* О некоторых вопросах национально-государственного устройства в Абхазии (1917–1931 гг.) // Абхазоведение (История, археология, этнология). Вып. II. Сухум, 2003. С. 69–81.

18. *Сагария Б.Е.* О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995.

19. *Сагария Б.Е.* Образование Абхазской АССР – торжество ленинской национальной политики КПСС. Сухуми, 1979.

20. *Сагария Б.Е.* Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921–1938). Сухуми, 1981.

21. *Салакая С.Ш.* Вопрос восстановления государственности Абхазии в исторической науке // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба. Материалы Международной научной конференции (г. Сухум, 14–17 мая 2015 г.). Сухум, 2016. С. 493–496.

22. *Салакая С.Ш.* Вопросы истории Абхазии XIX–XX веков в абхазской советской историографии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Сухум, 2024.

23. *Салакая С.Ш.*, *Салакая Е.С.* ССР Абхазия: идея, реализация, ликвидация // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования: история и современность: мат-лы Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 21–22 октября 2022 г.). Ростов н/Д.; Таганрог, 2022. С. 65–70.

Ш.Ф. Рахманзаде

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ И МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ГРУЗИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

Грузинская Демократическая Республика (далее – ГДР) – одно из государственных образований, возникшее в результате Великой Российской революции. Она отличалась от других аналогичных постимперских структур, образовавшихся

в тот период на просторах России, своими системными и мировоззренческими особенностями, сообщенными ей правящей Социал-демократической партией Грузии – стрежневым элементом политической системы республики. Данная партия представляла исключительный для своего времени политический феномен: она стремилась к сочетанию в своей практике государственного строительства тяги к народовластию с приверженностью к марксистской концепции социализма в его каутскианском толковании.

Судьбоносными, как показал дальнейший ход событий, оказались отношения социал-демократической Грузии с большевистской Россией. Характеристика их в плоскости заурядного межгосударственного противостояния, подразумевающего поглощение слабого соперника более сильным актором, является упрощением сложной, многогранной проблемы. Уместно говорить о конкуренции двух (большевистского и грузинского меньшевистского) социалистических проектов как в создании и управлении государственными институтами, так и в подходах к решению базовых вопросов на примере Советской России и Грузии.

Грузинские социал-демократы за всё время существования республики принимали во внимание, пусть и в неявной форме, сопоставление этих двух проектов. В своей внутренней и внешней политике они действовали как прагматичные политики, ставившие во главу угла интересы и цели грузинской государственности, которой приписывали надклассовый и демократический (в контексте постфевральской российской действительности понятие «демократия» имело больше социальное значение, нежели политико-правовое) характер. Однако под поверхностной национальной завесой явно просматривается приверженность марксистской идеологии.

Внимание привлекают три аспекта идеологического измерения противостояния между Советской Россией и Грузией.

Прежде всего, противостояние грузинского меньшевизма с большевиками предстает как борьба не на жизнь, а на смерть. В связи с этим интересно признание одного из лидеров грузинской социал-демократии, главы правительства независимой Грузии в 1918–1921 гг. Н. Жордании: «Наше демократическое государство было идеологическим и национальным противопоставлением только одному государству – большевистской советской республике. Защитить себя от нее стало для нас главной заботой. Но какими путями мы должны идти? – Только по двум: первый путь – распространение в населении антибольшевистской идеологии; второй – укрепление государства в международном отношении» [3: 100].

Может показаться удивительным, что отношения между двумя республиками, воспринимавшими себя социалистическими, – советской большевистской и грузинской социал-демократической – приобрели столь конфронтационный характер. На самом деле история богата примерами принципиального противостояния течений, рожденных в рамках одной идеологической платформы, но демонстрирующих разные стратегии ответа на вопросы, актуализированные зачастую этим

же идеологическим базисом. Подобные коллизии нередко трансформировались в форму экзистенциальной борьбы, предполагавшей конфликт с нулевой суммой. Наиболее уместна аналогия с борьбой направлений и течений внутри тех или иных мировых религий.

Непримиримость между большевиками и грузинскими меньшевиками проявилась в том, что оба лагеря обвиняли друг друга в отходе от истинного марксизма, в искажении его сути и духа. Если большевики осуждали грузинских социал-демократов за буржуазно-националистическое перерождение, оппортунизм, ревизию марксизма и предательство дела пролетарской революции, то последние обвиняли их в волюнтаризме, анархизме и терроризме, антидемократизме, создании невиданной тирании за ширмой социализма. В этом плане показательна следующая характеристика, данная Н. Жорданией большевизму: «Словом, большевики вздумали перескочить через этапы развития, одним прыжком попасть из царства царского режима в царство социализма, обойти демократию, обмануть историю, но оказались сами обманутыми. Отвергая демократию, получили не социализм, а вандализм» [2: 111].

Лозунг «к социализму через демократию» был одним из главных лейтмотивов большинства нарративов грузинских социалистов того времени. Тогда как в большевистском дискурсе понятие «демократия» часто сопровождалось определением «буржуазная». Вот что писал по этому поводу Л.Д. Троцкий в своей книге «Терроризм и коммунизм», появившейся в ответ на одноименное произведение К. Каутского, которое занимает важное место среди ряда его работ по жесткой критике большевизма: «Вопреки клевете Каутского, Маркс не имеет ничего общего со взглядом на демократию, как на последнее, безусловное, верховное слово истории. Развитие самого буржуазного общества, из которого выросла современная демократия, никак не является процессом той постепенной демократизации, о которой до войны мечтал величайший из социалистических иллюзионистов демократии, Жан Жорес, а ныне – ученейший из педантов, Карл Каутский» [13: 91–92]. Л. Троцкий и другие большевистские теоретики ставили идею пролетарской диктатуры, которую К. Маркс пытался обосновать в таких работах, как «Гражданская война во Франции», посвященной изучению итогов деятельности Парижской коммуны, и «Критика Готской программы», против тезиса каутскианцев о демократическом социализме. «Задачу революционного Парижа Маркс видит, следовательно, не в том, чтобы от своей победы апеллировать к зыбкой воле Учредительного Собрания, а в том, чтобы всю Францию покрыть централизованной организацией коммун, построенных не на внешних принципах демократии, а на подлинном самоуправлении производителей… Все вопросы пролетарского государства Маркс берет в революционной динамике живых сил, а не в игре теней на ярмарочном экране парламентаризма» [13: 92–93]. Вся аргументация против теоретических положений о демократическом социализме косвенно адресовалась и грузинским социал-демократам, стоявшим на каутскианских позициях.

Разоблачению теоретической и практической несостоятельности республики грузинских социалистов посвящена специальная работа Троцкого под названием «Между империализмом и революцией». Кстати, грузинская республика была единственным небольшевистским государственным образованием, которую организатор Октября и Красной армии удостоил особым трудом. Этот факт сам по себе свидетельствует о том значении, которое большевистские лидеры придавали необходимости разоблачения меньшевистской республики и теоретических воззрений его основателей. Троцкий так объясняет сущностные различия чрезвычайных мер, наличествующих в управленческой практике как большевиков, так и грузинских меньшевиков: «…меньшевистский террористический режим, копируя многие методы большевиков, имел задачей охранять устои частной собственности и союз с империализмом. Советская диктатура была и остается организованной борьбой за социалистическое переустройство общества в союзе с революционным пролетариатом» [12: 230]. Троцкий и его единомышленники опирались на радикальную версию марксизма, основанную на революционной теории и практике, которая рассматривала историю исключительно в русле столкновения классов и, таким образом, требовала бескомпромиссной классовой позиции в судьбоносные переломные моменты. Эта точка зрения основывалась той фактивности, что каждый революционный акт является авторитарным, поскольку основан на насилии.

Второй аспект, на наш взгляд, заключается в том, что большевизм и грузинский меньшевизм представляли собой две стратегии незападной модернизации, предполагающей переход от аграрного общества к современному. Если большевики пытались провести такую трансформацию форсированно, радикальными методами, демонстрируя при этом готовность полностью порвать с прошлым и использовать авторитарные механизмы, то меньшевики стремились осуществить преобразования, демонстрируя щадящее отношение к прежним социальным нормам и установкам. В одном из номеров газеты «Борьба», русскоязычного органа Социал-демократической партии Грузии, утверждалось: «Правящая социалистическая партия не может укреплять основы буржуазного строя, как приписывают ей по странному недомыслию все большевики и большевиствующие элементы. Но она и не разрушает этого строя советскими методами. Она ставит своей целью преобразование, а не голое разрушение, допускает компромиссы, поскольку они могут быть использованы в социалистическом строительстве и решительно отвергает их, поскольку на них может опереться буржуазия в борьбе за сохранение своего классового господства» [10].

Третьей особенностью, на наш взгляд, выступает то, что означенное противостояние предстает и как конфликт глобальных и национально-ориентированных социалистических проектов. Со дня своего возникновения и до 1923 г. большевистская Россия функционировала не как государство в классическом понимании, а как штаб мировой революции. Тот факт, что в те годы Коминтерн стал почти

синонимом большевистского режима и в принятии стратегических решений обладал не меньшими полномочиями, чем Политбюро ЦК РКП(б), подтверждает ориентацию большевиков на мировую революцию. Это в свою очередь предполагало проактивную внешнюю политику, граничащую с откровенным интервенционизмом. В этом смысле грузинские социалисты формально были правы, когда осуждали своих оппонентов-большевиков за красный империализм. Газета «Борьба» утверждала, что «советская власть в своей внешней политике идет империалистическими путями… Ибо их (большевиков. – *Ш. Р.*) основное стремление – навязать иным странам и народам советскую форму правления, ибо их политика – политика вмешательства, политика навязывания своей воли народам, не желающим ее знать» [8].

Главной целью большевистского режима было не достижение устойчивости и стабильности, а постоянное расширение революционного пространства. На этой же логике основывалось и рассмотрение новых государственных образований, возникших на окраинах бывшей империи, как объектов, которые должны быть встроены в это пространство и, следовательно, подвергнуты кардинальной деструкции. Иными словами, советизация постимперского пространства воспринималась в те годы как продвижение не узкогосударственных интересов, а интересов мировой революции. Лишь после образования СССР советский режим приобрел устойчивые государственные черты, осознавая собственные национальные интересы. Подобное преобразование нашло свое емкое выражение в теоретическом постулате «социализм в отдельно взятой стране».

В отличие от большевиков, грузинский социалистический проект, хотя и имел наднациональные особенности, учреждался в локальном масштабе и был призван решить в пределах национальных границ задачи модернизационного свойства, которые, однако, должны были заложить материальные и духовные основы будущего социалистического преобразования страны.

В-четвертых, если Советская Россия заявляла о себе как о штабе мировой революции, естественным союзником и покровителем национально-освободительных движений, развернувшихся в разных уголках мира, и в этом качестве бросала вызов международному порядку, то социал-демократическая Грузия продемонстрировала совершенно иное поведение. Ее целью было не разрушение и свержение существующего миропорядка, а адаптация и интеграция в него.

Еще 6 января 1920 г. РСФСР обратилась к Грузии и Азербайджану с просьбой вступить в переговоры о заключении военного договора против Деникина. Правительство Грузии отвергло это предложение, сославшись на свою политику нейтралитета. 31 января нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил свою вторую ноту Грузии. В ней правительство Н.Н. Жордании и Е.П. Гегечкори обвинялось в пособничестве контрреволюции и в переговорах с британскими и французскими правителями с целью превратить Грузию в плацдарм для нападения на Россию [4: 281].

Уже в начале 1920 г., когда судьба Гражданской войны в России во многом определилась и почти уже не было сомнений в победе большевиков, газета «Борьба» забила тревогу по поводу приближающейся советской угрозы и охарактеризовала политику большевиков как «империалистическую». Более того, курс советского правительства на сближение с антиимпериалистическими и национально-освободительными силами на Востоке газетой оценивался как «союз с националистическими и панисламистскими течениями в Азии» и «использование народов Турции, Ирана и Индии в качестве инструмента в борьбе против правительств Антанты» [6].

Такая позиция получила законченное выражение в знаменитой речи Н. Жордании 14 января на торжественном заседании Учредительного собрания, посвященном фактическому признанию Грузии Антантой. Эта речь впоследствии неоднократно тиражировалась, хотя зачастую в отрыве от контекста, большевистскими идеологами и советской историографией: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез в этом отказали… Что означает этот союз? Он означает то, что мы должны были порвать связь с Европой, как это сделали они, и обратить свои взоры к Востоку, где они ищут новых союзников. Запад или Восток – вот вопрос, который поставлен перед нами и здесь колебания не возможны: мы всегда выбирали и выбираем Запад…. Как видите, пути Грузии и России и здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить: предпочту империалистов Запада фанатикам Востока… не забудем одной научной азбуки, которая говорит, что рабочий народ всю свою надежду возлагает на культуру, а не на варварство. Он является наследником капиталистического строя, а не азиатской замкнутости» [11: 2].

Дилемма «Запад – Восток» занимала важное место в дискурсе Жордании тех лет. И в судьбоносные ноябрьские дни 1917 г., и в мае 1918 г., когда ему приходилось объяснять необходимость принятия декларации независимости и фактического немецкого протектората, и в последующие драматические моменты грузинский лидер в своих выступлениях постоянно противопоставлял Запад и Восток.

В канун советизации Азербайджана дипломатическая переписка между официальными лицами РСФСР и ГДР приобрела более интенсивный характер. 29 февраля глава наркомата иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил третью ноту, в которую вошли требования, выдвинутые в предыдущих нотах. Министр иностранных дел Грузии Гегечкори в своей ответной ноте от 14 апреля еще раз призвал противоположную сторону вступить в переговоры и подписать мирное соглашение. В следующем письме от 21 апреля грузинский министр запросил официальную позицию Москвы по поводу слухов о планах советских войск захватить район Гагры. Ответ Чичерина последовал 24 апреля. В нём советский нарком иностранных дел заявлял, что большевистское правительство не намерено начинать военные действия против Грузии и предпочитает решать все спорные вопросы

путем переговоров. При этом выражалось недовольство тем, что деникинцы используют территорию Грузии для переправления на Крымский полуостров [1].

У грузинского руководства были свои причины не желать любой ценой влиться в советский стан против белого движения. Во-первых, грузинское правительство старалось во что бы то ни стало избежать вступления в Гражданскую войну, поскольку воспринимало вовлечение в нее в том числе и как возвращение на российскую политическую орбиту. Во-вторых, и это самое главное, союз с Советской Россией означал автоматическое превращение в противника Антанты. Газета «Борьба» по этому поводу писала, что если желания большевиков сбудутся, то «цепь Москва – Эрзерум замкнется в Тифлисе, Грузия очутится в союзе с большевиками и младотурками, в войне с державами Согласия» [7]. Подобного развития грузинское социал-демократическое правительство не желало. Вся внешнеполитическая стратегия Грузии была рассчитана на интеграцию в систему международных отношений, спроектированную и сконструированную государствами-победителями, и получение через эту систему гарантии своего независимого существования. Такая стратегия делала невозможными какие-либо союзнические отношения с Советской Россией. Последняя в те годы находилась в маргинальном положении, воспринимаясь ведущими странами Запада в качестве экстремистского режима, стремящегося к разрушению существующей международно-правовой системы.

28 апреля 1920 г. произошла советизация Азербайджана, которая оказалась переломным моментом во всех сферах жизнедеятельности кавказских народов. Послеапрельская ситуация поставила народы региона и их политические силы перед почти онтологической дилеммой: либо вместе с Советской Россией – новой евразийской общностью, ставшей эпицентром глобальной революции, примером иного (некапиталистического) устройства и модернизации, против Запада (мировой метрополии), либо с Западом против России.

Под руководством социалистов политическое сообщество Грузии в контексте советизации Азербайджана сделало политический выбор в пользу Запада. По мнению меньшевиков, большевистский советизм был проявлением азиатчины, ставшей воплощением отсталости, невежества и реакции. Газета «Борьба» так кратко охарактеризовала апрельский переворот уже на следующий день: «Рождение Красного Азербайджана приветствуют все черные силы азиатской реакции» [9].

В начале мая 1920 г. происходили ожесточенные стычки между советскими и грузинскими войсками на казахском участке азербайджано-грузинской границы. Одновременно большевистские силы в самой Грузии, подстрекаемые Кавказским бюро РКП(б) во главе Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым, стремились повторить опыт с советизацией Азербайджана. В те дни, когда советская военная интервенция и выступление большевиков представляли реальную угрозу, лозунги «Наша революция в опасности» и «Защитим нашу революцию» всё чаще звучали на различных собраниях и в газетных публикациях грузинских социалистов. Социал-демократическое правительство попыталось представить возникший

конфликт как посягательство большевиков на революционные достижения грузинского народа. Иными словами, мы обнаруживаем фактически ту же самую идеологическую риторику, используемую большевистским режимом как для укрепления собственной власти в Центральной России, так и для получения эффективных ресурсов в борьбе с Белым движением в условиях бушующей Гражданской войны. По сути, грузинские социалисты старались дать отпор большевизму на его дискурсивно-символическом поле. Ряд митингов и совещаний, состоявшихся в Тбилиси в конце апреля – начале мая, был направлен на мобилизацию трудящихся масс на защиту Родины и республики, с одной стороны, а с другой – означал стремление заполучить необходимое морально-символическое преимущество в конкуренции с большевистской пропагандой.

Несмотря на желание Кавбюро советизировать Грузию, центральное большевистское правительство не планировало осуществлять намерения кавказских коммунистов. Лидеры Советской России, осознавая непрочность международно-политических позиций нового режима, решили повременить с советизацией Грузии. Тем более меньшевистская Грузия, по признанию Троцкого, нужна была в качестве посредника между Советской Федерацией и капиталистическим Западом [12: 244]. Важным внешним фактором служила Советско-польская война, которая разразилась в апреле 1920 г. и требовала огромных материальных и человеческих ресурсов.

В Москве начались грузино-российские переговоры, завершившиеся подписанием 7 мая 1920 г. мирного договора [5: 8–14]. РСФСР признала независимость Грузинской республики и отказалась от любого вмешательства во внутренние дела Грузии. Статья 5 соглашения предусматривала, что остатки Белого движения, а также его корабли будут разоружены и интернированы внутри страны, военное и военно-морское имущество, богатства и денежные суммы, принадлежавшие деникинцам, будут переданы России. Со своей стороны Советская Россия обязалась в соответствии со статьей 6 соглашения не допускать присутствия на своей территории организаций или групп, претендующих на роль грузинского правительства. Для выполнения условий соглашения была создана совместная российско-грузинская комиссия по военным гарантиям. Также по соглашению Грузия помиловала тех, кто совершил преступные действия в пользу Советской России или Коммунистической партии, и освободила осужденных за такие действия. Стороны договорились, что будут следовать принципу создания наиболее благоприятных условий во взаимных торговых отношениях.

Однако данное соглашение отнюдь не обеспечило устойчивое сосуществование двух республик; дальнейший ход событий показал, что включение всего Южного Кавказа в советское политико-правовое пространство дело лишь времени. Особенно в свете советизации Армении, произошедшей в конце ноября – начале декабря 1920 г., участь независимости Грузии была предрешена; логика политических процессов фактически перечеркивала возможность продолжительного

существования грузинской меньшевистской республики. Следующее утверждение Л.Д. Троцкого, призванное оправдать аннексионистские стремления большевистских властей, раскрывало в некоторой степени отношение большевиков к признанию независимости новообразованных республик, в том числе и Грузии: «Мы не только признаем, но всемерно поддерживаем принцип самоопределения там, где он направлен против феодальных, капиталистических, империалистических государств. Но там, где фикция самоопределения превращается руками буржуазии в орудие, направленное против революции пролетариата, у нас нет никакого основания относиться к этой фикции иначе, чем к другим "принципам" демократии, превращенным капиталом в свою противоположность» [12: 274].

16 февраля 1921 г. началась советско-грузинская война, в результате которой существованию ГДР был положен конец. Тем самым оборвался и своеобразный грузинский эксперимент по созданию демократической республики, основанной на марксистских (небольшевистских) постулатах в их каутскианской трактовке. Грузинская социал-демократическая республика, руководствующаяся каутскианским девизом «к социализму через демократию», представляла собой попытку продвижения к социалистическим целям не только через репрессивные механизмы, чрезвычайные меры и сверхцентрализованное государство, которое в конечном итоге превратилось в тотальную подавляющую машину, но и через институты, типичные для плюралистических демократий.

Источники и литература

1. Дипломатическая переписка Республики Грузии с Советской Россией // Борьба. 1920. № 101 (656). 7 мая. С. 1.

2. *Жордания Н.Н.* За два года. Доклады и речи (с 1-го марта 1917 г. по 1 марта 1919 г.). Тифлис, 1919.

3. *Жордания Н.* Моя жизнь / пер. с груз. Жордания И. Стэнфорд, 1968.

4. *Каземзаде Ф.* Борьба за Закавказье (1917–1921). Стокгольм, 2010.

5. Российская социалистическая федеративная советская республика и Грузинская демократическая республика, их взаимоотношения. М., 1921.

6. Тифлис, 6 января // Борьба. 1920. № 4 (559). 6 января. С. 1.

7. Тифлис, 11 января // Борьба. 1920. № 7 (562). 11 января. С. 1.

8. Тифлис, 14 января // Борьба. 1920. № 9 (564). 14 января. С. 1.

9. Тифлис, 29 апреля // Борьба. 1920. № 95 (650). 29 апреля. С. 1.

10. Тифлис, 24 июня // Борьба. 1920. № 140 (695). 24 июня. С. 1.

11. Торжественное заседание Учредительного Собрания Грузии // Борьба. 1920. № 11 (566). 16 января. С. 2–3.

12. *Троцкий Л.* Между империализмом и революцией // Собрание сочинений. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М.; Л., 1925. С. 181–296

13. *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм // Собрание сочинений. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М.; Л., 1925. С. 7–180.

Д.Д. Чотчаев, М.А. Токов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАРАЧАЯ (1917–1926 гг.)

Одной из противоречивых и малоизученных тем в истории Карачая является становление его национальной государственности и роль в этом процессе местной политической элиты. У карачаевцев национальная государственность впервые появилась в 1917 г. и была связана с первой Горской республикой. Известно, что после Февральской революции 1917 г. горские народы Северного Кавказа, в том числе и карачаевцы, были вынуждены искать пути решения национально-государственных проблем, вставших перед ними. Первым шагом в этом направлении стало учреждение Союза объединенных горцев Северного Кавказа (далее – СОГК), на основе которого впоследствии была создана Горская республика. Его временным Центральным комитетом (далее – ЦК) стал созданный 6 марта 1917 г. на принципах выборности членов Горский национальный комитет, который располагался во Владикавказе. Новый орган возглавил известный деятель карачаево-балкарского народа подполковник артиллерии в отставке и присяжный поверенный (адвокат), кавалер имперского ордена св. Станислава 3-й степени князь Басият Абаевич Шаханов. В исторической литературе отмечаются заслуги Б.А. Шаханова в деле укреплении связей народов Кавказа с Россией. Он явился автором тезиса о возможности построения Российского государства на основе автономизации или федерации.

Именно эта программа была выдвинута им на рассмотрение делегатов I Съезда горских племен Кавказа, который проходил с 1 по 7 мая 1917 г. во Владикавказе. На съезд прибыли 340 делегатов от всех народов Северного Кавказа [3: 27]. Карачай был представлен такими известными людьми, как Хасанбий Хубиев, Халит Эркенов, Шахым Алиев, Абдул Хубиев, Абубекир Батчаев, кадий Джагафар Хачиров [4: 32]. Также в работе съезда принимал участие Умар Алиев, который являлся тогда преподавателем уфимского медресе Османия. 8 апреля Б.А. Шаханов обратился с воззванием «К горским племенам Кавказа», в котором констатировал: «Наша свобода нуждается в закреплении, наше будущее – устройство на разумных демократических началах… Помните время не ждет, и выборы в Учредительное Собрание должны нас привести уже объединенными» [12: 24].

В ходе съезда были избраны президиум и его председатель. В данной должности был утвержден Б.А. Шаханов. Делегаты форума приняли конституцию, политическую платформу и программу, а также резолюции по важнейшим проблемам, стоявшим в тот период перед страной. На съезде был сформирован Центральный комитет СОГК, который должен был действовать на постоянной основе. Председателем

ЦК был избран Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, его заместителями – Рашидхан Капланов, Пшемахо Коцев, Башир Далгат. От карачаевского народа в состав ЦК СОГК вошел фельдшер Халит Эркенов, а кандидатами стали Шахым Алиев, Абдул Хубиев. В состав Кавказского духовного правления были избраны девять человек, среди которых был и Умар Алиев. Карачаевская делегация приняла активное участие в работе заседаний съезда, включившись в обсуждение важнейших политических и социально-экономических проблем России и региона.

Осенью 1917 г. карачаевцы оказались в составе Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (далее – ЮВС), который был образован в соответствии с договором СОГК и четырех казачьих войск – Астраханского, Кубанского, Терского и Донского – от 2 ноября 1917 г. Этому событию предшествовал учредительный съезд ЮВС, который состоялся 20 октября 1917 г. Союзный договор предусматривал право каждого народа, вошедшего в ЮВС, в том числе и карачаевцев, «сохранить полную независимость в отношении своей внутренней жизни», а также «самостоятельно вступать в сношения и договоры». Речь здесь шла о праве народов юга России на автономию [13: 132].

В ЦК СОГК негативно восприняли Октябрьскую революцию и взяли курс на противостояние большевикам. 19 ноября 1917 г. было заключено соглашение с войсковым правительством Терского казачества, предусматривавшее раздел Терской области между горцами и казаками. Это событие непосредственно коснулось и карачаевцев, ибо в состав области входили часть Карачая и Балкария. В соответствии с указанным соглашением, «в Терской и Дагестанской областях должна быть федеративная республика: область разбивается на две территории – казачью и горскую – по границам» [11: 140].

В ноябре 1917 г. территории, оказавшиеся под контролем СОГК, были провозглашены Горской республикой «автономным штатом Российской Федерации». Впоследствии новое государственное образование стало называться Республикой горцев Северного Кавказа. ЦК СОГК стал правительством республики [14: 32–33].

1 (14) декабря 1917 г. руководство Горской республики в лице главы ее правительства Т. Чермоева, войсковое правительство Терского казачьего войска и Союз городов Терско-Дагестанского края пришли к соглашению об образовании антибольшевистского объединенного Терско-Дагестанского правительства, состоящего из 12 министерств. Из них шесть мест было у представителей Горской республики, три получило терское казачество [13: 133]. Горская республика и Терское казачье войско в составе нового административного образования сохранили свое самостоятельное положение.

Не все горские народы одобряли провозглашенный в 1918 г. руководством Горской республики курс на независимость от России. В числе его противников были и представители Карачая, которые считали, что горским народам будет лучше вместе с Россией.

После упразднения Горской республики жизнь карачаевского народа была связана с четырьмя советскими республиками, куда входил Карачай в период с февраля до осени 1918 г. Как свидетельствуют источники, II Съезд Советов Кубанской области, проходивший с 1 по 16 апреля 1918 г. в Екатеринодаре, принял решение о создании Кубанской советской республики в составе РСФСР. В составе Баталпашинского отдела Кубанской области в новую республику вошел и Карачай. 30 мая 1918 г. на III Чрезвычайном съезде Советов народных депутатов Кубано-Черноморья произошло объединение Кубанской советской республики и Черноморской губернии в единую Кубано-Черноморскую советскую республику [2: 262]. Кубано-Черноморская советская республика в июле 1918 г. была объединена со Ставропольской советской республикой в Северо-Кавказскую советскую республику. Терская советская республика оставалась самостоятельной. Но в силу того, что жизнь в Северо-Кавказской республике была тесно связана с событиями, происходившими в Терской республике, необходима была тесная их интеграция. Новая республика включала в себя Кубано-Черноморскую и Ставропольскую республики. Неофициально в ее составе оказалась Терская советская республика. Северо-Кавказская республика объявлялась частью РСФСР [2: 278–279]. В составе Северо-Кавказской советской республики оказался и Карачай.

Исследователи отмечают, что объективные и субъективные внутренние и внешние факторы не позволили добиться тех целей и решить те задачи, которые ставились при создании Северо-Кавказской советской республики. Прежде всего, оказалась невозможной экономическая, административная и военная интеграция Кубани и Черноморья [10: 45]. Не удалось достигнуть и реальной консолидации административных единиц республики. Причинами этого явились усиление внешней военной угрозы в середине 1918 г. и антисоветские выступления, распространившиеся летом того же года почти на всей территории Северного Кавказа. В итоге 11 января 1919 г. Северо-Кавказская советская республика была ликвидирована.

18 октября 1920 г. общественно-политический деятель Карачая, активный участник революции, уполномоченный Наркомнаца по Северному Кавказу Умар Джашуович Алиев направил в адрес В.И. Ленина записку «Об экономическом и политическом положении в Карачае», в которой писал о необходимости предоставления карачаевцам автономии:

«1. Образовать общекарачаевский орган власти, объединяющий всех карачаевцев в Терской и Кубанской областях с присоединением к ним (по желанию) соседних аулов черкесов и прочих, поставив во главе этого органа работников, ответственных и популярных среди карачаевского населения (интеллигентные работники Карачая под руководством ответственных товарищей вполне могут справиться с управлением в Карачае). Карачай должен представлять собой нечто вроде местных самоопределяющихся единиц (кантон), как это практикуется по отношению к некоторым горским народностям.

2. Карачаевские районные органы власти (местные самоопределившиеся) освобождать от старого административного подчинения казачьему отделу в Баталпашинске, иметь связь и подчиняться центру через горскую областную автономную (терско-дагестанскую) власть» [8: 110–111]. Таким образом, У.Д. Алиев, наряду с созданием автономии Карачая, предлагал вернуться к идее Горской республики, но уже исходя из реалий советского времени.

17 ноября 1920 г. на II Съезде народов Терека, в котором приняли участие И. Сталин и Г.К. Орджоникидзе, было принято решение об образовании Горской Автономной Социалистической Советской Республики (далее – АССР). Республика не имела названия, соответствующего какой-либо преобладающей по численности нации, ибо состав ее был многонациональным. Основным принципом объявлялось равенство всех входящих в нее народов.

20 января 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об Автономной Горской Социалистической Советской Республике», в котором говорилось: «Образовать Автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику, как часть РСФСР, в состав коей включить территорию, занимаемую ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними, а именно: а) Чеченский округ (бывший Веденский и Грозненский округа, правотеречная часть Кизлярского отдела и Восточная часть Сунженского отдела); б) Назрановский округ (Ингушетия); в) Владикавказский округ (Осетия и западная часть бывшего Нальчикского округа); г) Кабардинский округ (южная часть бывшего Нальчикского округа); д) Балкарию (западная часть бывшего Нальчикского округа); е) Карачаевский округ (южная часть Пятигорского отдела и южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области)» [13: 144]. Горская АССР в своем составе имела шесть административных округов: Чеченский, Кабардинский, Ингушский, Балкарский, Осетинский, Карачаевский.

Народы Карачая горячо одобрили создание Горской АССР, так как получали автономию в статусе национального округа, что положительно сказалось на всех сферах жизни общества. Началось формирование новой системы органов власти. Наметились позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии округа. Появилась возможность больше внимания уделять национальной культуре. Административным центром Карачаевского национального округа стал Кисловодск.

Образование Карачаевского округа справедливо считается первым этапом создания национальной государственности карачаевского народа. Значительную роль в этом сыграли представители народа, которые делали всё возможное для того, чтобы карачаевский народ полноценно развивался в единой семье народов Советской России.

В исторической литературе дается неоднозначная оценка Горской АССР. Полагаем, что правы те исследователи, которые считают Горскую республику «первым неформальным объединением многочисленных народов края, состоявшимся уже в совершенно новых условиях, когда завершилась Гражданская война

и на передний план выдвигались меры мирного характера» [10: 68]. В условиях того времени народы региона нуждались в таком объединении. Именно с ним многие связывают улучшение социально-экономического положения населения Северного Кавказа.

В то время как большинство народов Северного Кавказа устраивала Горская АССР как союз равноправных народов, появились силы, заинтересованные в ее разрушении. В частности, руководство Кабарды в лице Б.Э. Калмыкова выступило с инициативой о выходе из состава Горской республики. Это предложение обосновывалось тем, что у Кабарды отсутствуют определенные экономические связи с другими субъектами Горской АССР, а также тем, что кабардинцы не похожи на других горцев [5: 668]. Несмотря на категорическое возражение руководства Горской АССР, при поддержке народного комиссара по делам национальностей И. Сталина Б. Калмыкову удалось добиться желаемого результата. 1 сентября 1921 г. был издан декрет ВЦИК, в соответствии с которым Кабарда выходила из состава Горской АССР и преобразовывалась в автономную область.

Данное событие оказало серьезное влияние на положение в Карачае. Еще в мае 1921 г. трудящиеся Карачаевского округа вышли с инициативой о создании самостоятельной автономии, что было поддержано широкими слоями населения. В то же время на прошедшем в ауле Тохтамышевском объединенном съезде представителей народностей долин Зеленчуков абазины, черкесы и ногайцы также поставили вопрос о создании автономии. Учитывая ситуацию, сложившуюся после выхода Кабарды из Горской АССР, руководство Карачаевского округа и лидеры советско-партийных органов аулов долин Зеленчуков пришли к мнению о необходимости объединенного автономного образования.

На целесообразность создания единой автономии для карачаевцев, черкесов, ногайцев, абазин и русских, живущих в близлежащих станицах, указал прибывший осенью 1921 г. в Карачай представитель Наркомнаца. 8 ноября 1921 г. на заседании Карачаевского оргбюро РКП(б) с участием представителей Наркомнаца РСФСР, СНК и ЦИК Горской республики по инициативе У.Д. Алиева было решено провести съезды народов Карачая и Черкесии, на которых должен был рассматриваться вопрос о создании Карачаево-Черкесской автономной области. В населенных пунктах были организованы сходы граждан.

В ноябре 1921 г. состоялись чрезвычайный съезд карачаевского народа и совместный съезд черкесского, абазинского, ногайского населения с участием представителей трудящихся и администрации Баталпашинского отдела. Делегаты этих форумов поддержали идею объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. Положительное решение по данной проблеме было принято и на собраниях, состоявшихся в аулах Черкесии и шести смежных казачьих станицах.

26 ноября 1921 г. в Баталпашинске состоялся съезд народов будущей автономной области. Было принято решение о формировании делегации в составе Даута Гутякулова, Якова Чайкина, Асланбека Калмыкова, Айтека Батчаева,

Магомет-Гирея Мансурова, Шахыма Алиева. Руководителем делегации был назначен Умар Алиев.

В декабре 1921 г. ВЦИК РСФСР получил ходатайство делегации Карачая и Черкесии об образовании Карачаево-Черкесской автономной области [7: 177–179]. 9 января 1922 г. У. Алиев, Д. Гутякулов, М. Батчаев, А. Калмыков и М.-Г. Мансуров приняли участие в заседании коллегии Наркомнаца, по итогам которого было принято постановление о выходе Карачая из состава Горской АССР, а также Черкесии и шести казачьих станиц из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области. Предписывалось создать объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область [9: 65].

Заключительным актом в процессе создания области стал декрет ВЦИК РСФСР, в котором говорилось: «Выделить из Горской республики территорию, ныне занимаемую карачаевцами, и южную часть Баталпашинского отдела Кубанской области, ныне занимаемую черкесами и 6-ю казачьими станицами, и образовать из этих территорий объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область с административным центром в г. Баталпашинске, непосредственно связанную с РСФСР» [1: 182]. В соответствии с этим документом в состав новой области включались Учкуланский, Хумаринский, Малокарачаевский, Эльбурганский и Баталпашинский округа.

До проведения I Съезда Советов всю власть должен был осуществлять областной ревком во главе с Курманом-Али Курджиевым. Его заместителями были назначены Яков Балахонов и Даут Гутякулов. Все они внесли весомый вклад в развитие новой области, в становление национальной государственности Карачая и Черкесии.

В 1922 г. из состава Горской АССР вышла Чечня. Окончательно ее судьба была решена 7 июня 1924 г. Именно тогда Горская АССР была упразднена в связи с предоставлением статуса автономий Северной Осетии и Ингушетии. Статус самостоятельных административных единиц получили также Сунженский округ и город Владикавказ.

Положительно оценивая сам факт создания Карачаево-Черкесской автономной области, исследователи указывают на то, что она оказалась непрочным образованием вследствие неразвитой экономической интеграции народов, сочетания стремления народов к национально-территориальной самоорганизации с государственной политикой права наций на самоопределение в рамках Советской России, противоречий внутри советской партийной элиты. У.Д. Алиев констатировал, что «“международная политика” внутри объединенной области занимала первое место и отнимала много энергии у руководителей, и тем самым хозяйственно-культурные вопросы отодвигались на второй план; паритетность, вложенная в основу конституции области, временами не соблюдалась. Так, например, по целевым назначениям специальных ассигнований центра или края на устройство места или восстановление курорта в той

или иной части области нередко требовалась обязательная пропорция от всех народностей области на началах паритетности и пропорциональности населения, что, конечно, осложняло и тормозило работу и связывало руки областных органов власти» [1: 185–186].

26 апреля 1926 г. был издан декрет ВЦИК РСФСР, а 1 июля 1926 г. вышло постановление Президиума Северо-Кавказского крайисполкома, в соответствии с которыми Карачаево-Черкесская автономная область упразднялась путем выделения из ее состава Карачаевской автономной области, Черкесского национального округа с прямым подчинением Северо-Кавказскому крайисполкому, Баталпашинского и Зеленчукского районов в составе Армавирского округа. 30 апреля 1928 г. Черкесский национальный округ получил статус Черкесской автономной области Северо-Кавказского края. Таким образом, карачаевский народ после распада Карачаево-Черкесской автономной области получил возможность развиваться в рамках своей национальной автономии.

В 1926 г. территория Карачаевской автономной области составляла свыше 8000 кв. км, а население – 64 563 человека, из них 57 801 карачаевцев, что составляло 85 % населения области. Наряду с этим в Кисловодске численность карачаевцев была 2800 человек, а в Баталпашинске – 800 [6: 301]. Знаменательным событием в жизни карачаевского народа стало основание 7 ноября 1927 г. нового города, который стал административным центром Карачаевской автономной области. Постановлением Северо-Кавказского крайисполкома городу присвоено название Микоян-Шахар.

Председателем исполнительного комитета областного Совета Карачаевской автономной области в 1927–1928, а затем в 1934–1937 гг. был выдающийся политический деятель, революционер, бывший председатель Карачаево-Черкесского облисполкома К.-А. Курджиев, внесший большой вклад в становление и развитие национальной государственности Карачая. Таким образом, 1917–1926 гг. для карачаевского народа ознаменовались становлением его национальной государственности. Большую роль в этом сыграли представители карачаевской политической элиты.

Источники и литература

1. *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д., 1927.

2. Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг.: сборник документов и материалов. Краснодар, 1957.

3. *Гайнулин А.Ю.* Карачай и Черкесия в составе Союза горцев Кавказа (1917 г.) // De Caucaso: историко-этнографический альманах. Вып. 2. Карачаевск, 2010. С. 27–30.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р.-1259. Оп. 1. Д. 11.

5. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). Нальчик, 1983.

6. *Лайпанов К.* О государственности карачаевцев и черкесов // Ас-Алан. 2000. № 1 (3). С. 287–304.

7. *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.

8. *Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.-К.* Умар Алиев. Черкесск, 1986.

9. *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972.

10. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995.

11. *Опрышко О.Л.* На изломе времен... Документальное повествование. Нальчик, 1996.

12. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994.

13. *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.

14. *Эбзеева С.Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976.

Ю.А. Яхутль

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ АДЫГОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Советский опыт национально-государственного строительства остается актуальной темой в условиях роста межконфессиональных и межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве. Для Северо-Западного Кавказа он имеет как научное, так и практическое значение в условиях формирования новых принципов государственного строительства. Регион многонациональный, отличается неравномерностью экономического развития республик, что влечет за собой рост социальной напряженности в обществе.

Еще до революции большевики в своих программных документах уделяли значительное внимание национальному движению и активно его поддерживали. Основным принципом в разрешении национального вопроса они считали право нации на самоопределение. После прихода к власти в октябре 1917 г. большевики провозгласили и обосновали основные принципы национально-государственного устройства страны в «Декларации прав народов России» и обращении СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этих политических декларациях национальные меньшинства страны получили поддержку. Большевики гарантировали сохранение самобытности народов, культуры, языка и, главное, права на самоопределение [12: 137]. Правительство Советской России выступило

преемником империи и старалось учитывать исторический опыт взаимодействия с национальными меньшинствами, но на новых идеологических принципах.

В годы Гражданской войны идеи самоопределения в национальных окраинах получили поддержку широких народных масс и обеспечили победу РКП(б) в противостоянии с Белым движением. Активными участниками этих событий стали малочисленные народы Северо-Западного Кавказа. Регион отличался многонациональным, многоконфессиональным, многосословным составом населения и значительно отставал в экономическом развитии от центральных районов Российской империи. Вместе с тем, как отмечают исследователи, формирование национальных автономий в регионе положило начало разрушению сложившихся в имперский период традиционных границ и привело к обострению отношений между народами Кавказа [13: 55].

Национально-государственное самоопределение адыгов, коренного народа Северо-Западного Кавказа, в рамках многонационального социалистического государства произошло в первой половине 1920-х гг. Период 1920–1924 гг. характеризуется активным процессом национального самоопределения – автономизации горских народов и административно-территориального строительства («районирование») в регионах с русским населением.

По данным на 1916 г. в Кубанской области нацменьшинства составляли лишь 4,4 % [4: 12–14]. Адыги составляли 2 % населения области и компактно проживали в Екатеринодарском (6,3 % жителей), Майкопском (5,6 %) и Баталпашинском (около 6 %) отделах. Часть адыгов (3,4 % населения) проживали в Черноморской губернии. Но общую численность коренного населения установить не представляется возможным, так как в источниках представлены разные данные – от 65 583 тыс. [6] до 200 тыс. человек [7: 41]. По нашему мнению, эти цифры значительно завышены.

Для региона были характерны локальные этнополитические процессы, во многом предопределенные историческими особенностями формирования этнического состава населения, а также последствиями Кавказской войны. С другой стороны, региональные партийные функционеры выступали против национальной автономии горских народов, обосновывая это низкими уровнем экономического и культурного развития нацменьшинств.

После повторного восстановления советской власти на Кубани весной 1920 г. активизировалась деятельность адыгов по созданию автономии с целью обеспечить соблюдение национальных, правовых и культурных интересов [3: 98]. На Кубани был учрежден Кубано-Черноморский ревком, чьи властные полномочия распространялись на адыгское население. Но не имея своих представителей в областном ревкоме, часть адыгской интеллигенции обратилась с предложением о создании мусульманской секции в структуре ревкома. Однако данное обращение не нашло не только понимания, но и желания рассмотреть вопрос и принять какое-либо решение [2: 20]. Долго игнорировать мнение представителей коренного населения было сложно, поэтому ревком 8 апреля 1920 г. учредил Мусульманскую секцию.

Деятельность секции изначально вызывала нарекания из-за ее культурно-национальной обособленности. Мусульманскую секцию распустили и на I Съезде горцев Кубано-Черноморской области учредили Горскую секцию [1: 249], которая оказалась «трудно управляемой», так как ориентировалась на решение проблем адыгского народа и не учитывала политические вопросы советского строительства. Это объяснялось неустойчивостью советской власти в начале 1920-х гг., когда у малочисленных народов появилась возможность добиться уступок от центральной и региональной властей. В сентябре 1920 г. руководство РКП(б) дважды рассматривало ситуацию на Северном Кавказе. На фоне создания Автономной Горской Социалистической Советской Республики 20 января 1921 г. нарастало активное требование со стороны адыгов о собственном самоопределении в составе РСФСР. Руководство Кубано-Черноморской области выступало против национально-государственного самоопределения адыгского народа. Областной ревком считал, что область (Адыгея) не могла обеспечить органы государственной власти собственными подготовленными кадрами, и это при том, что в самих руководящих структурах Кубано-Черноморской области были в основном бывшие красноармейцы. Это обоснование было приемлемо для каждого региона страны, а не только территории Северо-Западного Кавказа. Кроме того, такая позиция противоречила статье 8 Конституции РСФСР, провозглашавшей право народов на политическое самоопределение. Основная причина заключалась в земельном вопросе и процессе размежевания территории [11: 18].

Национальное самоопределение адыгов в начале 1920-х гг. прошло сложный и противоречивый путь, связанный с противостоянием на местном уровне, с идеями региональной «самостийности и неделимости», с одной стороны, а с другой – национальной политикой большевиков, которая носила явно выраженный характер унификации с идеями самосохранения малочисленных народов.

На I Съезде трудящихся адыгов Кубани и Черноморья 11 августа 1920 г. и на II съезде 8 марта 1921 г. был рассмотрен вопрос о выделении в отдельную автономию. Большинство населения, в том числе русские, поддержали это решение. Жители 16 волостей выразили желание войти в состав автономной области, в том числе жители хутора Большой Сидоров, которые записали в протоколе схода: «…не питая никакого недружелюбия к черкесскому населению, выражаем свое торжественное желание быть одним из краевых звеньев Черкесской автономной области в великом мире нашей Советской республики» [14: 23].

На II съезде избрали Горский исполком, ставший в последующем основой для первых самостоятельных органов власти Адыгеи [10: 2 об.]. Исполком возглавил Дауг Гутекулов, но 21 декабря 1921 г. Ш.У. Хакурате ввели в состав окружного исполнительного Комитета Кубани и Черноморья и избрали председателем Горского исполнительного комитета [7: 45]. Горский исполнительный комитет переименовали в Горский исполнительный комитет Кубани и Черноморья и утвердили в составе девяти человек. Члены исполкома получили полномочия на срок шесть

месяцев до очередного съезда горского народа [9: 7]. 15 декабря 1921 г. создали районные горские исполкомы в Краснодарском, Майкопском и Туапсинском отделах на правах волисполкомов. Так были сформированы первые органы власти будущей автономии.

В декабре 1921 г. прошел III Съезд горцев Кубани и Черноморья, который признал обоснованным требование об организации автономии. Съезд принял решение: «Просить высшие органы РСФСР о выделении трудящихся горцев Кубани и Черноморья и находящееся среди них иногороднее население в автономную Черкесскую область» [8: 111]. Горский исполком проявил инициативу и обратился в Наркомат по национальным отношениям с просьбой рассмотреть вопрос о выделении адыгов в отдельную область. В свою очередь, из Москвы в Юго-Восточное бюро РКП(б) и Кубано-Черноморский областной комитет был отправлен запрос с целью выяснить мнение местных партийных и советских органов по вопросу автономии адыгов. Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) 11 мая 1922 г. в своем ответе отрицательно высказался о выделении горцев в автономию в территориальных пределах Кубано-Черноморской области [9: 11].

Но несмотря на это, правовое решение о создании Черкесской (Адыгейской) автономной области было принято Президиумом ВЦИК РСФСР 27 июля 1922 г. В состав Черкесской (Адыгейской) автономной области вошли территории Краснодарского и Майкопского отделов (44 аула) с компактным проживанием адыгов. В административном плане она включала в себя три округа. На момент своего образования площадь области составила 2,6 тыс. кв. верст [5: 6]. Не все адыгские поселения смогли войти в автономию. Так, в составе Черноморской округа (до 1920 г. – губерния) оставалось несколько аулов: Большое Псеушхо, Карповский, Малое Псеушхо, Наджиго, Псебе (Ведьяминовская волость), Кичмай (Лазаревская волость).

Адыгский народ в сложных условиях советского строительства, остаточных явлений гражданского противостояния и экономического кризиса получил возможность создать самостоятельное этнополитическое образование. В автономии сразу сказался дефицит кадров и вопрос выстраивания диалога с руководством Кубано-Черноморской области и центром. Вторая проблема была еще более сложной – это формирование структур органов государственной власти и местного самоуправления, способных реализовывать задачи советского строительства, продовольственной и земельной политики. Одновременно пришлось проводить административную реформу в 1922 г. и первой половине 1923 г., в результате чего Псекупский, Фарсский, Ширванский округа были разделены на 42 волости. Президиум ВЦИК 31 октября 1923 г. принял очередное постановление об административно-территориальном делении области, которое предусматривало объединение волостей. Данное решение было неоднозначным по своим последствиям: территории округов увеличились, но снизилась эффективность управленческих

решений из-за отсутствия средств связи и сократился управленческий аппарат. При последующем районировании эти недостатки были учтены.

На XII Съезде РКП(б) в 1924 г. было признано, что существующее административно-территориальное деление не отвечает новым политическим и экономическим потребностям страны. В свою очередь Президиум ВЦИК 2 июня 1924 г. принял решение о районировании Юго-Восточной области (края), которое предусматривало деление на новые административно-территориальные единицы – округа и районы. В Адыгее по состоянию на 1924 г. были учреждены Джиджихабльский, Натырбовский, Преображенский, Тахтамукайский, Хакуриновский районы. Осенью 1924 г. в составе Черноморского округа был образован Шапсугский район с центром в Туапсе, куда вошли сельские советы Карповский, Кичмай, Красноалександровский, Псеушхо.

Постановлением Президиума ВЦИК от 16 октября 1924 г. и постановлением крайисполкома от 16 ноября 1924 г. Юго-Восточный край был переименован в Северо-Кавказский, в состав которого вошли десять округов, четыре автономные области. Административно-территориальные преобразования в регионе были обоснованы необходимостью реализации новых форм и принципов государственного устройства СССР. Очередная административная реформа предусматривала деление области на районы и сельские советы. В Адыгее создали пять районов и 32 сельсовета, однако это не означало завершения административных реформ.

До 1924 г. Адыгейская автономная область напрямую входила в состав РСФСР, с 1924 г. – в состав Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Краснодарского края. С 10 апреля 1936 г. столицей Адыгеи стал Майкоп, до этого временной столицей был Краснодар.

Национальная политика РКП(б) предоставила возможность малочисленным народам Северного и Северо-Западного Кавказа развивать экономику, расширять хозяйственные связи с другими регионами страны и формировать собственный управленческий аппарат. Поддерживая инициативу малочисленных народов Кавказа в вопросах национально-государственного строительства, большевики расширяли социальную базу советской власти. Национальная политика РКП(б) способствовала консолидации революционных сил, поддерживающих коммунистов и формировала условия для будущей социалистической модернизации.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р102. Оп. 1. Д. 25.

2. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 53.

3. *Емтыль З.Я.* Адыгская интеллигенция и проблема национального самоопределения в начале 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 98–104.

4. Кубанский сборник на 1916 год. Т. 21. Екатеринодар, 1916.

5. *Куваева А.А.*, *Адзинова З.Ю.* Административно-территориальные преобразования на Северо-Западном Кавказе в первой четверти XX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 6–12.

6. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 40.

7. НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1.

8. НАРА. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4.

9. НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 6.

10. НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 20.

11. НАРА. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 5.

12. *Тетуев А.И.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе (1917–1941 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 137–142.

13. *Хлынина Т.П.* Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 4. С. 54–62.

14. *Шеуджен А.Х.*, *Тхакушинов А.К.* Во главе Адыгеи. Майкоп, 2003.

А.Е. Ашуба, М.Е. Колесникова

КРАЕВЕДЕНИЕ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ в 1920-е гг.

В 2024 г. исполняется 100 лет со дня образования Северо-Кавказского края с центром в Ростове-на-Дону. Новая административно-территориальная единица на территории РСФСР была создана в соответствии с постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) «О Северо-Кавказском крае», принятом 16 октября 1924 г. на 2-й сессии XI созыва [13: 1270]. Северо-Кавказский край был образован в результате объединения территорий упраздненной Юго-Восточной области, Ставропольской и Терской губерний, г. Грозного (на правах округа) и автономных областей Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской. Положение о Северо-Кавказском крае было введено в действие декретом ВЦИК от 26 января 1925 г., согласно которому край делился на четыре автономные области, г. Грозный (с 4 февраля 1929 г. – в Чеченской автономной области) и 10 округов: Армавирский, Донецкий, Донской, Кубанский, Майкопский, Морозовский, Сальский, Ставропольский, Терский и Черноморский.

Административно-территориальные изменения в Северо-Кавказском крае происходили и в дальнейшем. 26 февраля 1925 г. в состав края были включены

Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, г. Владикавказ (на правах округа) и Сунженский округ (в 1924 г. при расформировании Горской АССР получил статус отдельной административной единицы с правами губернии, в 1929 г. был расформирован и разделен между Терским округом и Сунженским округом Чеченской автономной области). В состав Северо-Кавказского края из УССР были также переданы Таганрогский и Шахтинский округа. 16 июня 1925 г. был упразднен Морозовский округ, а его районы были присоединены к Шахтинскому округу (5 октября 1925 г. переименован в Шахтинско-Донецкий округ). Карачаево-Черкесская автономная область в составе края постановлением Президиума ВЦИК от 26 апреля 1926 г. была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ (30 апреля 1928 г. преобразован в Черкесскую автономную область). В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 4 марта 1929 г. Таганрогский и Донской округа были объединены в Донской округ с центром в Таганроге. С 6 сентября 1931 г. в состав края была включена Дагестанская АССР. В таком составе Северо-Кавказский край просуществовал до 1934 г.

Спустя 10 лет 10 января 1934 г. было принято решение о разделении Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский край, включающий Адыгейскую автономную область, с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске. В дальнейшем в составе Северо-Кавказского края 15 января 1934 г. две автономные области, Чеченская и Ингушская, были объединены в одну Чечено-Ингушскую автономную область. В январе 1936 г. центром Северо-Кавказского края стал г. Орджоникидзе (Владикавказ). Из состава края 5 декабря 1936 г. были выведены Дагестанская АССР и преобразованные в АССР Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области. Новым центром Северо-Кавказского края стал г. Ворошиловск (Ставрополь). 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский, а 12 января 1943 г. – в Ставропольский край.

Краткий экскурс в историю административно-территориальных преобразований Северо-Кавказского края дает возможность представить масштаб исследовательской и культуроохранительной деятельности краеведческих организаций, действовавших на его территории в 1920-е гг. Краеведение предполагало комплексное изучение края, его истории, природы, экономики и географии, познание взаимосвязи природы и общества.

Мы рассматриваем краеведение как область междисциплинарного знания, направленного на всестороннее познание отдельной территории, своей малой родины и разделяем определение краеведения, данное С.О. Шмидтом, согласно которому краеведение это – «наука и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо “края” (местности). Это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей.

Краеведное знание – обычно комплексное знание: и природы, и общества, знание не просто историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не только географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое <…> Краеведение – это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного; метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи (и потому-то особенно важный в плане развития экологической культуры), учитывающий не только выводы научных теорий, но и первичные наблюдения обычной житейской практики. Следовательно, краеведение – и школа познания и методики мышления, и школа воспитания, воспитания культурой (а основа культуры – память, поэтому можно говорить о "воспитании историей")» [21: 155]. Согласно этому определению объектом интереса краеведа может быть местность разного масштаба и культурно-исторического значения. В краеведческой деятельности объединялись по интересам люди разного возраста, разного социокультурного статуса, разного уровня специальной (научной) подготовки.

Период 1920-х гг. известен как «золотое десятилетие» краеведения. Это время становления государственной системы органов охраны памятников, начала масштабных археологических обследований территорий, первых опытов планового изучения краев и областей, выработки основ государственной политики в области науки, культуры и образования. В этот период на местах создавались различные краеведческие организации и общества, сыгравшие важную роль в развитии исторических исследований и сохранении памятников истории и культуры.

Краеведческие организации 1920-х гг. опирались на предшествующий опыт деятельности дореволюционных научных обществ на местах, квалифицированные кадры, сохраняя тем самым исследовательскую традицию изучения края. Они имели разнообразные формы (бюро, этнолого-археологические комиссии, комитеты и секции по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, общества, кружки, музеи, институты и т.д.), которые определялись спецификой местности, на которой они действовали, и наличием кадров. Основные направления их деятельности были схожими: научно-исследовательская (исторические, археологические, этнографические исследования, изучение языка и фольклора, производительных сил), просветительская, издательская и культуроохранительная (инвентаризация, охранные археологические раскопки, охрана памятников древности и архитектуры) работа.

Результативность работы краеведческих обществ обеспечивалась постоянными связями с академической наукой, центральными научными учреждениями, что находило отражение в использовании выводов и наблюдений краеведов при составлении научно-популярных и обобщающих исторических трудов. Развитие краеведения в 1920-е гг. было тесно связано с идеологическими установками в обществе. Краеведение было общегосударственным делом, и четко обозначилась тенденция направить его на решение народнохозяйственных проблем, на изучение производительных сил края (области, региона).

Краеведческое движение активно развивалось в стране. Повсеместно проходили краеведческие съезды и конференции. Так, 12 сентября 1924 г. в Сухуме состоялся Первый съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа [2]. В его работе приняли участие и представители краеведческих организаций Северного Кавказа. Съезд придал новый импульс изучению исторического прошлого Абхазии, наметил программу первоочередных работ области археологии, этнографии, истории, литературы и языкознания [1].

За год до создания Северо-Кавказского края, в 1923 г. в Ростове-на-Дону проходил 2-й Съезд по изучению производительных сил, организованный Севкавпланом. На съезде работала особая краеведческая секция с широким представительством – до 50 краеведческих организаций с правом решающего голоса [11: 4]. По сути, секция являлась первым съездом краеведов Северного Кавказа, определившим направления краеведческой работы на годы вперед.

Центром Северо-Кавказского края стал Ростов-на-Дону. Он сосредоточил в себе административно-политические и плановые функции. Здесь работали учреждения, координирующие научно-исследовательскую и краеведческую работу в крае: Севкавплан, Ассоциация научно-исследовательских институтов, Краевой национальный совет по вопросам культуры и просвещения горских народов при крайисполкоме, Северо-Кавказское бюро краеведения. С одной стороны, данная структура кажется громоздкой и дублирующей в части краеведческой деятельности. С другой – анализ функций, методов и стиля руководства краеведением на Северном Кавказе в 1920-е гг. в разрезе результативности деятельности краеведческих организаций показывает специфику работы каждого элемента этой структуры и заинтересованность власти в деятельности краеведов.

Краевой национальный совет по вопросам культуры и просвещения горских народов, созданный в 1925 г., занимался вопросами культуры горских автономных образований, в том числе научно-исследовательской работой, созданием письменности на родных языках народов Северного Кавказа, национальных издательств, развитием горских национальных школ, подготовкой кадров для журналистики и литературы, созданием системы краеведческих учреждений и их управлением.

Деятельность краеведческих организаций Северо-Кавказского края непосредственно координировало созданное в 1926 г. в Ростове-на-Дону Северо-Кавказское бюро краеведения (далее – Бюро). Его главной задачей было объединение краеведческих организаций, выявление и координация их деятельности, организация новых окружных и районных бюро краеведения, руководство и инструктирование в деле изучения Северо-Кавказского края и организационного строительства. Деятельность Бюро осуществлялась по основным направлениям: *исследовательская работа* (включала и публикацию результатов исследований); *организационная* (создание новых научно-краеведческих обществ, кружков; реорганизация музеев; учет и обмен информацией между организациями и учреждениями; объединение, планирование и координация их деятельности);

культуроохранительная. Периодическими изданиями Бюро являлись «Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения», журнал «Краеведение на Северном Кавказе», ставшие своеобразной трибуной краеведов Северо-Кавказского края.

В состав Бюро входили представители ВКП(б), Крайсовпрофа, вузов, краеведческих организаций и обществ. Работа Бюро была организована по секциям: организационно-инструкторской (включала редакционную коллегию), общего краеведения (имела ряд подсекций), школьного краеведения, музейной, экскурсионной [3: 31]. Позже в структуре Бюро была образована секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств. Ее возглавил известный археолог А.М. Ильин, членами секции были С.Ф. Войцеховский, Н.М. Егоров, Б.В. Лунин, М.А. Миллер, Г.Н. Прозрителев, Л.П. Семёнов и др. [4: 13]. Секция организовывала работу краеведческих организаций Северо-Кавказского края по изучению территорий, собирала сведения о предполагаемых археологических работах и лицах, их производящих, о памятниках, находках, открытиях и результатах в области археологии, антропологии, этнографии и истории, координировала культуроохранительную деятельность на местах [17: 9].

До 1928 г. материальное обеспечение деятельности Бюро было недостаточным [12: 88]. С октября 1927 г. Бюро было включено в местный бюджет, были утверждены штатные должности ответственного и ученого секретаря. Стал издаваться журнал «Краеведение на Северном Кавказе», на страницах которого значительное внимание уделялось школьному краеведению. Бюро разработало специальные инструкции по сбору и использованию местного материала, по организации школьных краеведческих уголков и музеев [16: 71].

Возникновение Бюро стало началом нового периода в истории краеведения Северного Кавказа. Разрозненные краеведческие организации и учреждения края, среди которых активно работающих насчитывалось 65, были объединены под общим краевым руководством. Бюро работало в тесном взаимодействии с Центральным бюро краеведения, образованном в 1922 г. в структуре Наркомата просвещения РСФСР. На местах создавались окружные и районные бюро краеведения. Они, как и краевое Бюро, активно вовлекали в краеведческую работу государственные (особенно плановые), научные, профсоюзные и общественные организации, взаимодействовали с отдельными краеведами. Северо-Кавказское бюро краеведения занималось их организацией, координацией их деятельности в соответствии с государственными народно-хозяйственными задачами, реорганизацией музеев на местах.

Краеведческая работа строилась в соответствии с «Пятилетним планом краеведческих работ по Северо-Кавказскому краю» [7: 69, 244]. Учитывалась специфика края – наличие большого количества археологических памятников, широкомасштабный характер кладоискательства, самовольные раскопки и использование исторических памятников для хозяйственных и строительных нужд. На характер и интенсивность краеведческой работы влияли административно-территориальные изменения на Северном Кавказе, многонациональный состав

его населения, особенности процесса национально-государственного строительства в регионе.

В 1927 г. организацией научно-исследовательской и краеведческой работы в Северо-Кавказском крае стали заниматься Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт и краевой музей горских народов, открытые в Ростове-на-Дону. Основу института составил коллектив переведенного в ноябре 1926 г. из Владикавказа в Ростов-на-Дону Северо-Кавказского института краеведения.

Северо-Кавказский институт краеведения был создан в мае 1920 г. во Владикавказе с отделением в Пятигорске. Исследования проводились на территории современных Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Чечни, Адыгеи и на территории Абхазии [5: 8]. При институте был образован музей и библиотека. Библиотекой заведовал ученый секретарь института Л.П. Семёнов. Благодаря ему была начата библиографическая работа, составлен указатель литературы по истории народов Северного Кавказа и «Словарь писателей Северного Кавказа», начато формирование архива [5: 6]. Институт взаимодействовал с Петроградским и Московским отделениями Центрального бюро краеведения и с краевым Северо-Кавказским бюро краеведения, с Осетинским историко-филологическим обществом (с 1919 г., председатель – профессор Б.А. Алборов, секретарь – Г.А. Дзагуров), координировал работу созданных во Владикавказе краеведческих обществ, ячеек, кружков (при вузах и педтехникумах). В 1924 г. были образованы Ингушское литературное общество, Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском пединституте и краеведческое общество при Горском сельхозинституте во Владикавказе.

С 1924 г. Северо-Кавказский институт краеведения стал издавать научно-информационный журнал «Краеведение на Кавказе». Финансировали издание также Наркомпрос Дагестанской АССР (руководитель – А.А. Тахо-Годи), Осетинское историко-филологическое общество (руководитель – Б.А. Алборов). На страницах журнала печатались материалы краеведов Владикавказа, Махачкалы, Пятигорска, Ставрополя, Баталпашинска и др. В 1925 г. во Владикавказе был открыт Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, а в 1926 г. организован Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Научно-исследовательские институты продолжили комплексные исследования региона, начатые Северо-Кавказским институтом краеведения [10: 438]. Среди них следует отметить Археолого-этнографическую экспедицию под руководством Л.П. Семёнова в Ингушетию в 1925–1927 гг. [15]

Первый опыт деятельности краеведческих учреждений и обществ Северного Кавказа был обобщен на областной краеведческой конференции, которую в июне 1924 г. организовал Северо-Кавказский институт краеведения [6: 210]. Участие в конференции приняли представители Центрального и Северо-Кавказского бюро краеведения, краеведческих обществ региона, в том числе из Ставрополя. Были

рассмотрены вопросы координации краеведческой деятельности на Северном Кавказе, издание краеведческой литературы и периодических изданий краеведческих учреждений, избраны делегаты на II Всероссийскую краеведческую конференцию, которая состоялась осенью 1924 г. в Москве.

На областной краеведческой конференции было принято решение о создании Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Она представлялась организационным центром краеведческой работы в горских областях. Учредительный съезд Северо-Кавказской горской ассоциации состоялся в сентябре 1924 г. в Махачкале. В работе съезда приняли участие 42 делегата, представлявшие краеведческие организации и вузы Северного Кавказа, отделы народного образования. Среди делегатов были и ученые Н.Я. Марр, Н.Б. Бакланов и др. [19: 5] На съезде было принято решение об издании «Бюллетеня Горской краеведческой ассоциации».

Вопросы краеведения в национальных областях Северного Кавказа, музейное строительство и культуроохранительная деятельность были в центре внимания и краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов, которая проходила в 1925 г. в Ростове-на-Дону. На ней отмечалась огромная роль краеведения во всестороннем развитии культуры народов Северного Кавказа и необходимость создания единого центра краеведения в Ростове-на-Дону.

В июле 1926 г. во Владикавказе состоялась I Краевая конференция научно-исследовательских и краеведческих организаций и учреждений горских автономных образований Северо-Кавказского края. На ней был поставлен вопрос о переводе Северо-Кавказского института краеведения из Владикавказа в Ростов-на-Дону и об образовании Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института и Краевого горского музея. Этот вопрос возник в связи с районированием Северного Кавказа. На конференции было выработано положение о музее, определены его основные задачи, формы работы. Обсуждался и вопрос подготовки квалифицированных кадров для научно-исследовательской и краеведческой работы в областях Северного Кавказа [14]. В резолюции конференции отмечалось, что «краеведение должно явиться… основой советского строительства по поднятию хозяйственно-экономического и культурного благосостояния трудящихся СССР, и в частности горцев Северного Кавказа» [17: 18]. Вместе с тем участники конференции выступили против перевода института из Владикавказа в Ростов-на-Дону.

Против излишней централизации краеведческого дела в крае выступал и председатель Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа А.А. Тахо-Годи. В статье «Еще одна вредная традиция» он писал: «Краеведение – наиболее демократическая дисциплина, требующая для своего развития инициативы самих мест, периферии, а не центра» [18]. Против перемещения института из Владикавказа, где он координировал работу краеведов всего Северного Кавказа и отчасти Закавказья (краеведческие общества в Тифлисе), в Ростов-на-Дону выступил и председатель Центрального бюро краеведения, отмечая, что стремление

перенести институт и научный музей в Ростов-на-Дону «с точки зрения целесообразности и наиболее продуктивного использования краеведческих сил в общегосударственных интересах является стремлением вредным, идущим в разрез с федеративными принципами современного государственного строительства и интересами изучения Северного Кавказа, ибо в данном случае С.-К. институт краеведения как нельзя более нужен для той территории, на которую распространяется его исследовательская деятельность» [20: 283]. Против перемещения института и музея из Владикавказа в Ростов-на-Дону выступал и научный отдел Главнауки, приняв 4 ноября 1926 г. соответствующую резолюцию, в которой указывалось, что «это уничтожит уже работающий культурный центр» [8: 15].

Несмотря на это, в марте 1927 г. в Ростове-на-Дону начал работу Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Его возглавил У. Алиев. В институте работало 118 человек, в основном представители народов Северного Кавказа – члены Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. В институте были организованы три отдела: экономический (возглавил доцент А.И. Гозулов), естественно-производительных сил (профессор П.М. Ерохин), и социальной культуры (историк-краевед А.Н. Дьячков-Тарасов) [9: 230]. В 1929 г. в связи с необходимостью изучения горских языков в структуре института был образован лингвистический отдел с секциями адыго-абхазских, вайнахо-дагестанских, горско-турецких и горско-иранских языков. При лингвистическом отделе института была создана краевая терминологическая комиссия по обогащению горских языков необходимыми общественно-политическими и производственными терминами. Таким образом, Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт являлся научно-практической лабораторией, разрабатывающей актуальные вопросы развития национальных культур народов Северного Кавказа.

В своей деятельности институт опирался на методическую помощь центральных учреждений: Главнаука Наркомпроса РСФСР и ее Северо-Кавказский комитет по изучению языков и этнических культур, Российская академия истории материальной культуры, Центральный музей народоведения, Центральное бюро краеведения и др.

На III Всероссийской конференции по краеведению, состоявшейся в 1928 г., в состав Центрального бюро краеведения было избрано 12 представителей от Северо-Кавказского края. В их числе А.И. Воскресенский, Г.Ф. Руденко, Г.Г. Григор (Краснодар), А.П. Семёнов (Владикавказ), Е.А. Ларин (Пятигорск), Г.Н. Прозрителев (Ставрополь) [7: 254, 274].

Деятельность Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, Северо-Кавказского бюро краеведения и других краевых структур, занимающихся организацией научно-исследовательских работ в Северо-Кавказском крае, способствовала созданию разветвленной сети научных и краеведческих учреждений, нацеленных на всестороннее изучение края.

К 1928 г. на Северном Кавказе (в семи национальных областях: Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Ингушской, Чеченской, Адыгейской, Карачаевской, Черкесской – и в Дагестанской автономной республике) были созданы и успешно работали восемь научно-краеведческих обществ, четыре научно-исследовательских института краеведения, целый ряд краеведческих кружков в вузах, педагогических техникумах, школах, а также краеведческие общества, созданные при национальных землячествах в Москве, Ленинграде. Баку, Тифлисе и других городах страны. К началу 1930-х гг. на Северном Кавказе уже работало девять научно-исследовательских институтов краеведения: Ингушский, Северо-Осетинский, Горский, Дагестанский, Кабардино-Балкарский, Адыгейский, Чеченский, Черкесский, Карачаевский. Фактически все НИИ Северного Кавказа создавались на базе местных научных обществ, краеведческих по своей сути, которые еще в дореволюционное время являлись организационными центрами изучения региона, объединяли в своих рядах как профессиональных исследователей, так и краеведов-любителей.

Источники и литература

1. *Ашхацава С.М.* Пути развития Абхазской истории: доклад, читанный на 1-м Всесоюзном краеведческом съезде в Абхазии, 12 сентября 1924 г. Сухум, 1925.

2. Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа / Абхазское научное общество. № 3. Сухум, 1924.

3. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. № 1–2. Ростов н/Д., 1926.

4. *Воскресенский А.И.*, *Ямпольский М.Л.* Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития // Краеведение на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1928. № 1–2. С. 6–19.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 266.

6. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 331.

7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р1076. Оп. 1. Д. 11.

8. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 5.

9. *Ерохин П.М.* Отчет о деятельности Северо-Кавказского Краевого Горского научно-исследовательского института с 1 марта 1927 г. по 1 июня 1928 г. // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д., 1928. Т. 1. С. 227–230.

10. Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. 1.

11. Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2.

12. Краеведная работа в РСФСР. М., 1930.

13. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, принятое на 2-й сессии XI созыва. О Северо-Кавказском крае. Принято

16-го октября 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1924. Отд. 1, № 87. Ст. 881.

14. Протоколы и резолюции заседаний I краевой конференции научно-исследовательских и краеведческих организаций и учреждений горских автономных образований Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1926.

15. *Семёнов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928.

16. Советское краеведение на Северном Кавказе: второй сборник краеведческих материалов Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов н/Д., 1933.

17. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 22.

18. *Тахо-Годи А.А.* Еще одна вредная традиция // Горский краеведческий журнал. Махачкала, 1926. № 1. С. II–III.

19. Учредительный съезд Северо-Кавказской горской ассоциации. Пятигорск, 1924.

20. *Хордикайнен А.* Некоторые особенности краеведческой работы на Северном Кавказе // Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 8. С. 282–283.

21. *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 153–166.

В.Ю. Мартыненко

ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг. (по материалам Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области)

Победа Октябрьской революции, установление советской власти, распад Российской империи дали толчок к административно-территориальным преобразованиям. В условиях жесткого идеологического противостояния, угрозы гражданской войны и необходимости сохранения территориальной целостности страны в 1917–1920 гг. был сделан выбор в пользу федеративного национально-территориального принципа построения государства. С образованием новых административно-территориальных единиц существенно изменились дореволюционные границы бывших областей.

В 1928–1929 гг. с учетом проекта районирования прошлых лет в Российской Федерации была проведена новая административная реформа, в основу которой

был положен опыт согласования политико-административного районирования с экономическими проблемами территорий. В качестве наиболее крупной единицы деления была избрана область (край), которая совпадала с экономическим районом. Она была и территориальным производственным комплексом, связанным с другими областями общей экономической системой (благодаря межрайонному разделению) и транспортными магистралями [1: 56].

В качестве областных центров для новых административно-территориальных образований были определены крупные промышленные города. Для Северо-Кавказского края был избран город Ростов-на-Дону. После отделения 10 января 1934 г. Азово-Черноморского края, административным центром стал Пятигорск, с 26 мая 1937 г. – Ворошиловск (ныне – Ставрополь). В основу нового административно-территориального деления был положен административный район – низовое звено административной реформы. Создание новой административно-территориальной единицы – Северо-Кавказского края – было первым опытом организации и функционирования крупной административно-хозяйственной единицы на основе объединения национально-государственных территорий (губерний, республик, областей и автономий).

Новое административно-территориальное деление вызывало ряд вопросов на местах. Так, в краевой исполнительный комитет Северо-Кавказского края, особенно в последние месяцы 1929 г., увеличилось поступление ходатайств от окружных и областных исполкомов о внесении в существующее административное деление округа или области того или иного административно-территориального изменения, причем данные ходатайства в подавляющем большинстве случаев не сопровождались почти никакими крайне необходимыми конкретными материалами и содержали в себе слишком общие доводы, которые не могли служить основанием к их рассмотрению [4: 82].

В этих ходатайствах главное место занимали вопросы о передаче отдельных населенных пунктов и сельсоветов из района в район, упразднении так называемых маломощных и дефицитных районов и округов в автономных национальных областях [4: 82]. Такое положение, создавая значительные трудности в разрешении вопроса, диктовало необходимость чрезвычайно осторожного к нему отношения и лишний раз доказывало весьма слабую проработку проблемы в окружном или областном исполкомах. Кроме того, много различных вопросов по районированию решались на местах без санкции краевого исполнительного комитета и Всесоюзного центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) [4: 82]. Всё это создавало путаницу в повседневной работе различных учреждений и организаций и не гарантировало отсутствия ошибок в административно-территориальном устройстве того или иного округа или автономной национальной области.

На основании статей 1 и 2 Положения о Северо-Кавказском крае (Собрание узаконений 1923 г. № 1, ст. 76), циркуляра административной комиссии при Президиуме ВЦИК от 10 марта 1920 г. № 4004/170 и постановления ВЦИК от 9 марта 1923 г.

(Собрание узаконений 1923 г. № 41, ст. 448) при Президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета была образована краевая административная комиссия в целях предварительной разработки, рассмотрения и дальнейшего продвижения через президиум краевого исполнительного комитета всех вопросов административно-территориального деления Северо-Кавказского края и определения границ отдельных областей, округов, районов и сельсоветов; представления краевым исполнительным комитетом исключений по вопросам административно-территориального деления Северо-Кавказского края и определения границ отдельных областей и своевременной информации о результатах решений по этим вопросам административной комиссии при президиуме ВЦИК; предварительной проработки и рассмотрения всех возникающих территориальных споров о границах края, а также между областями и окружными единицами [4: 88–89].

В соответствии с этим в обязанности краевой административной комиссии входило рассмотрение вопросов по изменению территориальных границ между округами и автономными областями, входящими в состав Северо-Кавказского края; изменение в составе районной сети вследствие передачи ее сельсоветов или отдельных населенных пунктов из одного района в другой, образование новых районов или ликвидации существующих; перевод населенных пунктов из состава сельских поселений в городские, рабочие и обратно; проработка и разрешение вопросов по расширению действующей городской черты; переименование населенных пунктов; изменение в составе сельсоветов вследствие передачи отдельных населенных пунктов из одного сельсовета в другой; разукрупнение сети сельсоветов; рассмотрение споров, возникающих в порядке применения статьи 8 инструкции ВЦИК и Совета народных комиссаров от 8 октября 1923 г. о порядке приема – передачи территорий, выделяемых в новую административную единицу или перечисляемых из одной административной единицы в другую (Собрание узаконений 1923 г. № 80, ст. 774); разработка на основе действующих узаконений и декретов центра проектов циркуляров, распоряжений, инструкций, разъяснений и указаний окружным и областным исполнительным комитетам по вопросам административно-территориального характера; осуществление живой связи с нижестоящими окружными и областными административными комиссиями путем организации планомерных выездов на места для обследования и инструктирования; составление производственного и перспективного планов по разукрупнению сети сельсоветов; подготовка материалов и заключений по ним, составление проектов постановлений Президиума краевого исполнительного комитета по вопросам административно-территориального порядка; систематический учет административного деления края, округов, районов и сельсоветов с указанием входящих в их состав населенных пунктов; подбор и сводка картографического материала по состоянию внешних границ между округами и автономными областями и внутреннего деления в целях периодического издания административной

карты Северо-Кавказского края; постановка работ по изучению и учету опыта и результатов районирования [4: 82–82 об.].

В целях упорядочения работы по районированию краевая административная комиссия указывала в своих директивных документах на необходимость рассмотрения всех ходатайств окружных и областных исполкомов по вопросам административно-территориальных изменений в строго установленные сроки, приведенные в прилагаемом календарном плане работ и в соответствии с имеющимся опытом в области районирования. В связи с этим краевая административная комиссия выдвигала следующие основные задачи: приведение к общему знаменателю существующего административно-территориального деления, выявление и подведение итогов районирования за период с 1925 по 1929 г.; внесение частичных корректив в границы округов и автономных национальных областей; устранение недочетов в тех случаях, когда имеется переукрупнение районов и сельсоветов; проработка и проведение дальнейшего административно-территориального устройства национальных меньшинств [4: 82].

В связи с этими задачами краевая административная комиссия просила окружные и областные исполкомы обратить должное внимание на работу своих окружных и областных административных комиссий, рассмотреть планы их работы и в целях обеспечения выполнения намеченного плана выделить в аппарате организационного отдела или же плановой комиссии лицо, ответственное за своевременное и аккуратное выполнение как своих заданий, так и заданий вышестоящих органов.

В докладе председателя окружного исполнительного комитета Шахтинско-Донецкого округа к циркулярным распоряжениям от 5 ноября 1923 г. № 1563 и от 18 июня 1924 г. № 5052 окружного статистического управления предлагалось всем районным исполнительным комитетам представлять ежемесячные отчеты о работе с национальными меньшинствами по следующей схеме:

– общие условия, при которых протекала работа национальных меньшинств, связь с уездом и характеристика запросов, выполняемых мероприятий и распоряжений партийного органа национальных меньшинств и его (органа) национальных секций;

– связь с другими советскими органами по вопросам, имеющим отношение к национальным меньшинствам: сколько было запросов, обращений, ходатайств со стороны различных организаций, учреждений и частных лиц и что было сделано для их решения;

– проведение совещаний, комиссий при участии представителей национальных меньшинств;

– участие национальных меньшинств в местном законодательстве;

– количество предъявляемых к регистрации национальных объединений, союзов, комитетов, коллективов, артелей, религиозных общин. Какое было дано заключение представителей национальных меньшинств при регистрации обозначенных

объединений, установлен ли надзор за их деятельностью, замечены ли уклонения от уставов, в чем эти уклонения выражаются и какие меры приняты по их устранению, открыты ли какие-либо национальные организации и по какой причине, привлечены ли исполнительные органы национальных объединений к судебной ответственности и по какому поводу;

– влияние этих объединений на население в идеологическом и экономическом отношениях, какие группы национальных меньшинств они вокруг себя объединяют;

– рост национальных культурных объединений (по каждой национальности отдельно);

– «заражены» ли национальные меньшинства национализмом и существуют ли среди них нелегальные партийные и общественные фискальные организации, их влияние на население, замечена ли на местах национальная рознь, в чем она выражается, ее причины;

– замечается ли тяга национальных меньшинств к выезду за границу, эмиграции и возвращению на родину;

– организованы ли в населенных пунктах, где проживают представители национальных меньшинств, исполнительные комитеты, каков их состав, отношение к коллективизации;

– организованы ли в населенных пунктах, где проживают представители национальных меньшинств, комитеты взаимопомощи, уровень их роста, род деятельности;

– имеются ли какие-нибудь формы административно-территориального деления, особо не затрагивающие крестьянские национальные меньшинства, какие именно и что предпринято в целях урегулирования этого вопроса;

– замечены ли тяга национальных меньшинств к земледельческому труду, рост национальных земледельческих и производительных коллективов и артелей, каких именно, их состав, количество обрабатываемой ими земли и характер выращиваемых культур;

– источник существования обозначенных коллективов и артелей, является ли участие в таких объединениях основным или побочным занятием для их членов, «встречается ли стремление в организации коллективов и артелей препятствовать в чем-либо» (предположительно и стремление кого-то препятствовать организации коллективов или артелей, и самих коллективов кому-то в чем-то препятствовать) [2: 39].

Анализируя работу прошлых лет, краевая административная комиссия предлагала в работе окружной (областной) административной комиссии иметь в виду, что особенно тщательно будут проверяться проекты, предусматривающие ликвидацию так называемых маломощных и дефицитных районов (округов) в автономных национальных областях, поэтому во всех таких случаях необходимо было представлять в краевую административную комиссию нижеследующие материалы и сведения: какие организационные, экономические и культурно-

просветительские мероприятия предпринимались для укрепления того или иного слабого района (округа в автономных областях) и почему они не имели успеха; подробные протоколы и решения районных (окружных и национальных областей) съездов советов или пленумов районных или окружных исполнительных комитетов совместно с представителями сельских советов. Так как при ликвидации районов и округов в национальных областях происходит отдаление партийного аппарата от населения, необходимо было выявлять отношение бедняцко-середняцкого слоя сельских станиц, аулов и хуторов к вопросу ликвидации района или округа в национальной области. Также требовалось предоставлять подробную экономическую характеристику района, районного центра и сведения о бюджете района за последние три года и проектируемый период [2: 39–39 об.]. Кроме того, в тех округах и автономных национальных областях, где на район приходится большое число (40–60) сельсоветов, надлежало проработать вопрос об организации новых районов, дабы избежать укрупнения сельсоветов, и предусмотреть возможность организации новых районов и сельсоветов [4: 82 об.].

Вопросы районирования и изменения границ административно-территориальных делений рассматривались на заседаниях Малого Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета [4: 92]. Так, вопрос о выделении внутри Кубанского округа 15 новых районов взамен существующего районирования был рассмотрен 7 сентября 1927 г. и внесен в протокол № 23/205 (п. 573) на основании доклада тов. Брюховецкого [4: 94]. На этом же заседании Малого Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета были рассмотрены вопросы о пограничных спорах Чеченской автономной области и Дагестанской ССР [4: 92] и о передаче ряда хуторов Обливского района Шахтинско-Донецкого округа в Сталинградскую губернию [4: 95 об.].

На заседаниях краевой административной комиссии постоянно рассматривались вопросы укрупнения сельсоветов. Например, в протокол № 2/12 от 1 марта 1928 г. внесено рассмотрение вопроса об укрупнении сельсоветов в Шахтинско-Донецком округе [4: 109]. Было принято во внимание, что в случае ликвидации Мало-Гнилушинского и Ворошиловского сельсоветов население их значительно удалится от низовых органов власти и ухудшится его обслуживание и что сам акт ликвидации противоречит постановлению ВЦИК и директивам президиума краевого исполнительного комитета по разукрупнению сельсоветов. Поэтому ходатайство Шахтинско-Донецкого окрисполкома о ликвидации Мало-Гнилушинского и Ворошиловского сельсоветов было решено отклонить [4: 109].

Рассмотрев план работы краевой административной комиссии на 1927–1928 гг., президиум Шахтинско-Донецкого окружного исполнительного комитета счел необходимым внести в него следующие дополнения: «В пункте 17 плана, кроме вопроса об установлении между Шахтинско-Донецким и Донским округами границ в районе хуторов Большого и Малого Мечетинского, Висловского, Дурновского, Задоно-Кагальницкого и Титовского Семикаракорского района Донского округа,

планировалось рассмотреть также и вопрос об установлении границ между теми же округами в районе хуторов Самбек, Болдырев и Таврической 209-й сотни Новочеркасского района Донского округа. Президиум окружного исполнительного комитета считал, что эти три хутора должны быть присоединены к Шахтинскому району Шахтинско-Донецкого округа как вклинивающиеся в этот округ и как имеющие для себя ближайшим торговым пунктом г. Шахты. Необходимость присоединения этих хуторов к Шахтинско-Донецкому округу подтвердила за № 11 и краевая комиссия (имеется в виду административная комиссия. – *В. М.*) по уточнению границ Шахтинско-Донецкого округа» [4: 96].

Достаточно длительный период рассматривался вопрос о передаче Алексеево-Тузловского и Аграфеновского сельсоветов Шахтинско-Донецкого округа в Таганрогский округ. После затянувшейся переписки между округами [5: 10–33] было вынесено решение заседания президиума Шахтинского районного исполнительного комитета Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края: «Принимая во внимание, что, благодаря присоединению Алексеево-Тузловского и Аграфеновского сельсоветов к Таганрогскому округу, конфигурация Шахтинского района выравнивается и бюджет не ущемляется, а также имея в виду, что население Аграфеновского сельсовета ранее само поднимало вопрос о присоединении к Таганрогскому округу, так как территориальное, бытовое и экономическое тяготение лежит больше к Таганрогскому округу, в частности, к Больше-Крепенскому району, и лишь единственным мотивом желания остаться в Шахтинском районе служит заинтересованность населения в постройке школы крестьянской молодежи, считать нецелесообразным оставление Аграфеновского сельсовета в Шахтинском районе» [5: 16]. Таким образом, за Шахтинским районом Шахтинско-Донецкого округа было закреплено только 12 сельсоветов [3: 43]. Некоторые населенные пункты Шахтинско-Донецкого округа были признаны рабочими поселками: пос. Власово-Грушевский, рудник им. Грачева, 1-й госрудник, рудник им. Ленина, пос. им. Артема, рудник им. III Интернационала, Зверево, Лихая, Глубокая [4: 108].

Изучение опыта административно-территориального переустройства территорий Северного Кавказа имеет большое значение для проведения нынешних административных реформ в регионе. Без учета накопленного в прошлом опыта и национального аспекта проведение подобных реформ может иметь опасные последствия.

Источники и литература

1. *Алиева А.Б.* Опыт административно-территориальных реформ на Северном Кавказе в XX – начале XXI в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4. С. 54–60.

2. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 1.

3. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 4.

4. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 16.

5. ЦХАД. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 25.

Д.А. Аманжолова

«РЫСКУЛОВСКОЕ» СОВЕЩАНИЕ 1926 г. И Н.П. САМУРСКИЙ[1]

Сложная иерархическая конструкция, в создании которой участвовали и центр, и национальные лидеры разного уровня, укреплялась усилиями воплощаемого ими государства, которое поддерживало и этническое разнообразие, и межкультурную/гражданскую интеграцию, предлагая собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Обеспечить реальное равенство народов к тому же можно было лишь благодаря экономическому подъему и социальному прогрессу, и эти задачи решались в сложных обстоятельствах, что потребовало не только консолидации средств и сил, но и организационно-управленческих усилий центра и местных элит, взаимодействие которых стало испытанием для обеих сторон. Н.П. Самурский (1891–1938), наряду с другими лидерами автономий РСФСР, сыграл активную роль в решении ряда принципиальных вопросов такого взаимодействия и становления советской федерации. События середины 1920-х гг. отразили специфику организационно-институциональных способов и задач нациестроительства.

Сложности были связаны с необходимостью усилить влияние Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б)) и достичь взаимопонимания центра и автономий. Совещание комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) 8 сентября 1925 г. констатировало сохранение существенных проблем в партийном руководстве советами и сильного влияния традиционных этносоциальных иерархий. Как наиболее важные были выделены коренизация и упрощение соваппарата, подготовка работников для него, влияние пережитков докапиталистического быта в восточных национальных республиках и областях, оформление и образование автономных единиц и районирование. И хотя Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) еще в октябре 1924 г. разделил автономии с учетом размеров территорий, дабы обеспечить некие стандарты в упрощении управленческих структур, были объединены технические аппараты некоторых ЦИКов, Совета народных комиссаров (далее – СНК), других органов и отделов, оказалось «местами сделано мало» [9: 317–323].

На сессии ВЦИК XII созыва (октябрь 1925 г.) представители автономий попытались отстоять свои позиции по вопросам полномочий и разделения функций

[1] Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. Проект: «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

в иерархии управленческих институтов. Главы ЦИК Дагестана Н.П. Самурский и правительства автономии немцев Поволжья В.А. Курц обратились в ЦК партии, его секретариату и к И.В. Сталину с предложениями внести изменения в Положение о наркоматах РСФСР, прежде всего в отношении автономных ведомств. Они протестовали против расширения полномочий Президиума ВЦИК и СНК РСФСР [5: 37–38; 9: 331–332]. Но вскоре было принято Общее положение о наркоматах РСФСР, по которому необъединенные наркоматы непосредственно подчинялись ВЦИК, его президиуму и СНК РСФСР. ЦИК автономных республик, краевые и облисполкомы могли в исключительных случаях под свою ответственность приостанавливать распоряжения наркоматов РСФСР, предварительно известив Президиум ВЦИК [2: 1–3; 9: 346–350; 7: 2–18]. Такой подход был вполне оправдан, поскольку обеспечивал консолидацию управленческих структур и их согласованную деятельность в рамках не только самой большой, но и «самой федеративной» национально-территориальной единицы СССР. Для союзных республик подобное единство директивной линии обеспечивали общие органы управления СССР.

Однако проблема согласования решений и действий многочисленных бюрократических инстанций, созданных, как и сами автономии, по принципу матрешки, сохранялась, как и противоречия на местах. 12 и 14 ноября 1926 г. (пятница и воскресенье), в дни работы III сессии ВЦИК XII созыва, по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин» [10: 3–25]. Обсуждение проблем партийного и нациестроительства, подготовки конституций автономных советских социалистических республик (далее – АССР) отчетливо проявило существенные разночтения между лидерами автономий и представителями центра в их толковании и путях разрешения. Особую остроту приобрели споры по поводу статуса республик, так или иначе боровшихся за его повышение до союзного, особенно после преобразования Чувашской автономной области в АССР в апреле 1925 г., а также вокруг распределения средств на индустриальное строительство и иные задачи.

Лидеры автономий не были единодушны в трактовке национальных аспектов государственного строительства, эти споры вылились в том числе в обсуждение идеи республики и отдельной парторганизации для русских. Н.П. Самурский использовал образные сравнения: «Как приостановить… наступление “Ваньки” и контрнаступление, скажем, “Османа”?». Еще в 1925 г. он предложил Сталину создать при Президиуме ВЦИК Совет национальностей, ввести представителей автономий в состав коллегий наркоматов, в Госплан, Экономический совет (далее – ЭКОСО), Высший совет народного хозяйства, СНК, ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) и в Центральную контрольную комиссию (далее – ЦКК): «какие бы решения советские органы ни принимали, партией эти решения в любой момент могут быть приостановлены и отменены». Самурский высказался против создания Русского ЦК партии: «Мы потеряем все

завоевания, которые наша партия имеет в национальном вопросе. (Голоса: “Правильно!”) Потому что единый русский кулак сильнее вас ударит, чем кулак, в котором хотя бы один палец принадлежит автономным республикам и областям. (Смех в зале.) Вы не выиграете! Что произойдет?.. Возьмите Татарскую республику, там 49 % населения – русские. Возьмите Крым, там большая часть населения русские. С Казахстаном, который, может быть, больше всех имеет право стать независимой республикой, случится то же самое, то есть из всех республик, в которых 30–40 % населения – русские, естественно, русские присоединятся к Русской республике… Сможете ли вы тогда защитить свои автономные права, о которых мы так много говорим?.. Не сможете… Вы совершаете величайшую ошибку, поднимая вопрос о “Русской республике”» (цит. по: [10: 14–15]).

Самурский отразил позицию центра: «Выход из РСФСР автономных республик и переход в разряд союзных, с выделением особой, чисто великорусской республики… должен быть решительно отвергнут» [3: 34]. Путь решения – «в теснейшем сплочении автономий с Великороссией». Его поддержал председатель СНК Башкирской АССР Халиков: «Тезис о “Русской республике” нужно снять». Председатель СНК Казахской АССР Исаев также считал: «Постановка вопроса о выделении “Русской республики” не выдерживает никакой критики с точки зрения партийной программы… Это – буржуазно-националистический уклон в наших краях» [3: 58–59]. Проблема состояла в наладке отношений внутри федеративной иерархии, обеспечении устойчивости и работоспособности ее структур.

Материалы совещания были представлены Комиссии ЦК ВКП(б) по строительству РСФСР, национальных республик и областей (22 июня 1926 г. – 11 марта 1927 г.), возглавляемой М.И. Калининым (формально оно созывалось для содействия Комиссии). Комиссия рекомендовала ЭКОСО и Совнаркому РСФСР создать специальную секцию по изучению производительных сил автономных образований; центральным исполкомам республик дать директиву разработать перспективный план развития народного хозяйства на ближайшие пять лет [1: 15–27].

На совещании Рыскулову, Курцу, Самурскому, наркому соцобеспечения РСФСР И.А. Наговицыну и С.Д. Асфендиарову было поручено доложить Сталину о результатах работы. Состоялась ли эта встреча, неизвестно [4]. Указанные руководители подготовили свои предложения, Самурский и Наговицын приложили некоторые рукописные уточнения. Асфендиаров и Самурский подготовили свои предложения еще до работы совещания. Среди них были следующие: «установить определенную долю участия АССР в средствах, ассигнуемых на промышленность и капитальное строительство, определив эту долю в соответствии не только с количеством населения АССР и экономическими возможностями, но также с задачами преодоления имеющего место фактического материального неравенства», в том числе развитие национальной кооперации по решениям XIII съезда партии; «полное и реальное отражение в бюджете и в общехозяйственных планах РСФСР нужд и потребностей национальных окраин»; соблюдение правильной линии

в земельной политике и завершение землеустройства в соответствующих национальных окраинах; «решительно приспособить Госплан и ЦСУ РСФСР к внимательному изучению экономической и культурно-социальной жизни автономных национальных объединений, динамики их развития, степени отсталости, выявления более точно коэффициента удельного веса каждой из автономии в составе РСФСР»; закрепление в конституциях РСФСР, АССР и Положении об автономных областях «автономных прав национальных объединений, с учетом необходимости расширения законодательных прав АССР для применения общих законов к местным условиям»; увеличение числа представителей автономий в составе членов ВЦИК и в Президиуме ВЦИК, с приданием им в Президиуме ВЦИК «определенного влияния в работе», а также установление «определенных расширенных функциональных прав» Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК; «дальнейшее введение в управленческие, планирующие и руководящие хозяйственные органы РСФСР националов, по кандидатурам которых должно учитываться мнение всех местных национальных организаций партии» с созданием «особых секций» во всех объединенных наркоматах, планирующих и хозяйственных органах под руководством националов; а также «установление на ближайшие годы особого культурного фонда, который был бы в бюджете РСФСР постоянной величиной, пропорциональной росту бюджета». По партийной части самым важным было предложение об увеличении «количества националов в ЦК ВКП и ЦКК, с учетом положения нацобъединений в РСФСР, обеспечение участия секретарей национальных организаций на Пленуме ЦК и ЦКК с совещательным голосом, а также связи с ЦК выдвинутых в Президиум ВЦИК и СНК РСФСР националов по вопросам национальных окраин». Против этого пункта возражал Наговицын, оставивший запись при подписании документа. Участники совещания выступили и за созыв V совещания при ЦК партии по национальному вопросу. Самурский, подписывая документ, выступил против пункта о великорусской республике. Он считал: если мы будем националистами, то потеряем все завоевания, так как «единый русский кулак сильнее вас ударит, чем кулак, в котором хотя бы один палец принадлежит автономным республикам». При большом количестве русского населения в автономиях от всех республик оно должно войти в Русскую республику. «Сумеете ли вы тогда защищать свои автономные права, о которых мы так много говорим… Чем сильнее внутри РСФСР объединятся автономные республики, тем скорее и правильно мы разрешим национальный вопрос», а потому надо отвергнуть выход из РСФСР и переход в союзные с выделением чисто великорусской республики, а также создать Совет национальностей при ВЦИК [6: 5–12; 7: 15–17].

В его предложениях к совещанию содержались уточнения по поводу поведения наркоматов: Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) РСФСР по новому положению о судоустройстве пытался подчинить себе прокуратуру и НКЮ АССР; а при аппарате Наркомпроса РСФСР пытались создать федеральный комитет

для руководства делом всеобщего обучения. Именно Н.П. Самурский критиковал также слабое присутствие националов во ВЦИК. «Предлагаемый некоторыми товарищами выход из РСФСР автономных республик и переход их в союзные, с выделением особой чисто великорусской республики должен быть решительно отвергнут». «Теснейшее сплетение» автономий с РСФСР и участие представителей меньшинств в законодательных и исполнительных органах в центре он считал лучшим средством от великорусского шовинизма, а усиление социалистического строительства на местах – от национализма автономий. Вошло в общий текст и предложение о развитии кооперации, но идея создать особый фонд для этого не была поддержана. Предложение о культурном фонде вошло в итоговый текст, но без уточнения против его подмены резервным фондом. Самурский заявил о необходимости увеличения «интернационального» пролетариата в республиках для межэтнической интеграции. «Чтобы, прежде нежели кочевые племена ОСОЗНАЮТ СЕБЯ ЕДИНОЙ НАЦИЕЙ, значительная часть их уже ОСОЗНАВАЛА БЫ СЕБЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ». Практически все пункты итогового документа совещания были обоснованы Самурским более детально. Так, он предлагал, чтобы в особые секции представители выдвигались не центральными органами РСФСР, а только местными парторганизациями и утверждались ЦК ВКП(б) [6: 34–39]. Он считал невыгодным повышение статуса автономий до союзных республик, подчеркивал значение общероссийского фактора для борьбы с «великодержавным уклоном госаппарата», участие «представителей малых национальностей в управлении РСФСР» расценивал как фактор их влияния в законодательных и управляющих органах власти; предлагал отказаться от Отдела национальностей ВЦИК, с которым «в Центре никто не считается», и создать Совет национальностей [6: 5–40, 67, 71].

По итогам совещания констатировалась, по сути, идеалистическая позиция лидеров автономий: они рассчитывали на полное проведение в жизнь решений XII съезда партии и других постановлений, однако оно было «недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих Госорганов РСФСР», особенно Наркомюста и Наркомзема. Объективно сложные вопросы взаимоотношений центра с национальными регионами, особенно в хозяйственной и финансовой сферах, вызывали особую критику, а присутствие националов в составе центральных учреждений РСФСР и на сессиях ВЦИК трактовалось как ключ к решению проблем. В документе отвергалась идея выделения великорусской республики и предлагались различные практические меры по подъему автономий [6: 5–12, 30–32]. Сессия ВЦИК, где Самурский также выступал весьма активно и детально, своими решениями фактически ответила на претензии националов. В докладе о бюджете РСФСР отмечалось, что при общем росте бюджета РСФСР на 10 % бюджеты автономных республик возрастают на 22,2 %, хотя и неравномерно в связи с различиями в росте расходов в предыдущие годы. При этом по уровню зарплаты школьные учителя русских губерний РСФСР отставали

не только от Украины, но и от 11 автономий России. «Во всяком случае… бюджет 1926–27 г. так же, как и бюджеты предшествующих лет, форсирует расходы в автономных республиках, несомненно, в большей степени, чем расходы по остальной части РСФСР». В целом местный бюджет РСФСР без учета автономий составил 191 % в сравнении с двухгодичной давностью, в автономных республиках – 205 %. На сессии были утверждены положения о ряде наркоматов, что упорядочивало такое взаимодействие после принятия Конституции РСФСР в 1925 г., принят проект нового Положения о судоустройстве РСФСР с учетом недавно прошедших дебатов [8: 52, 726–727, 826, 757, 832–835, 858, 510–511, 826].

Принятые в 1926 г. решения соответствовали общему курсу руководства страны на обеспечение вертикали власти и управляемости поликультурным обществом посредством централизованного партийного механизма, способного регулировать деятельность сложно структурированной системы советской государственности. Дискуссии вокруг статуса и полномочий автономий в меняющемся государственном организме выявили многофакторный характер федеративного строительства. Центр оставался третейским судьей в межрегиональных и внутриэлитных конфликтах, вырабатывал общие стандарты решения сходных проблем на местах и выглядел в глазах руководителей национально-государственных образований единственно возможной конечной инстанцией для утверждения заявленных Москвой принципов национальной политики, оказания организационной, технической и материальной помощи, разграничения полномочий между разноуровневыми ведомствами и хозяйствующими субъектами, источником пополнения местного бюджета. Важнейшим доводом служила необходимость укрепления «советских позиций». В ходе описанных событий Н.П. Самурский проявил себя как весьма дальновидный деятель, стремившийся соотносить интересы целого и частей в политически, экономически и культурно едином пространстве СССР.

Источники и литература

1. *Аманжолова Д.А.* «РСФСР является центральной страной»: проблемы федерализации России в 1920-е гг. // Российская история. 2022. № 6. С. 15–27.

2. *Асфендиаров С.Д.* Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 16 а. Д. 212.

4. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 997.

6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108.

7. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 88.

8. Стенографический отчет / III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва. М., 1926.

9. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005.
10. *Чеботарева В.Г.* И.В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.

Е.В. Туфанов

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА в 1920-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций и пленумов)

Анализ кадровой политики и формирования кадрового потенциала через деятельность молодежных объединений и других организационных инструментов РКП(б) – ВКП(б) является актуальным, так как именно управленцы реализовывали на местах решения центральной власти, а также олицетворяли всю советскую политическую систему. Анализ резолюций, принятых на партийных форумах, позволяет определить векторы кадровой политики, а довольно длительный хронологический отрезок исследования – увидеть процесс становления и функционирования партийно-государственной номенклатуры. Научная новизна исследования – в системном анализе решений партийных форумов по кадровым вопросам и по вопросам рекрутирования кандидатов в административный управленческий аппарат из различных групп советского общества. Анализ кадровой политики и формирования кадрового потенциала управленцев имеет и практическое значение для современной государственной системы.

Важность данного исследования показывает довольно обширная историография темы. Обратим внимание на работы Е.Г. Гимпельсона [1–4], в которых вопросы подбора кадров, механизма функционирования советского государственного аппарата представлены на основе архивного материала. Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер рассмотрели решение кадрового вопроса путем назначенства [7]. Особенности функционирования советской политической системы и решение проблемы рекрутирования местного населения в состав партийно-государственной номенклатуры исследованы Е.Г. Карелиным [6], А.Н. Чистиковым [15], З.Г. Гариповой [10], Е.В. Туфановым [11–13]. Авторы проанализировали попытки решения кадрового вопроса, однако вопрос формирования кадрового потенциала и возможность рекрутирования местного населения в систему государственного управления ими был освещен не в полном объеме. Отметим и исследования данной темы зарубежных ученых. Б. Штудер и Б. Унфрид показали, как иностранные коммунисты входили в контакт с советской политической системой и повседневностью советских граждан [16], однако специфика решений кадрового вопроса не была рассмотрена. Ш. Фицпатрик и Д.М. Истер рассмотрели советскую политическую систему как командно-административную

и акцентировали внимание на персоналиях партийно-государственной номенклатуры [5; 14].

Цель данной работы – изучение особенностей и динамики кадровой политики, становления кадрового резерва аппарата управления и работы с различными социальными группами советского общества в 1920-е гг. Исследование базируется на анализе материалов партийных съездов, конференций и пленумов.

На XVIII Съезде Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б)), который работал 18–23 марта 1919 г., были приняты резолюции, в которых делался акцент на работе партии большевиков с различными социальными группами, рассматриваемыми как кадровый резерв советской политической системы. На съезде была принята «Программа Российской Коммунистической партии (большевиков)», в которой говорилось о том, что нужно организовать «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» [8: 416]. Таким образом, съезд ставил задачу отбора талантливых управленцев из народа. Принятая программа в области народного просвещения ставила перед собой амбициозные цели: «проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического… образования для всех детей обоего пола до 17 лет»; «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти» [8: 419–420]. Следовательно, центральная партийная власть стремилась охватить образовательным процессом всё молодое население государства и организовать в стенах образовательных учреждений агитационную работу для формирования коммунистического мировоззрения и из этой группы черпать рекрутов для системы государственного управления. В резолюции «По организационному вопросу» указывалось, что «одной из важнейших задач партии в данный момент является – включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления» [8: 441]. Для подготовки партийных работников съезд поручил организовать высшую партийную школу при ЦК, выработать общую учебную программу и направить в партийные школы «сильных» лекторов. Партия стремилась обучить представителей народа для формирования кадрового резерва.

Делался акцент на работе среди женского пролетариата. VIII съезд предложил всем партийным комитетам содействовать привлечению «работниц и крестьянок… к советскому строительству» [8: 453]. Из резолюции видно, что съезд еще не дает конкретной программы взаимодействия власти и женского пролетариата, предлагает только содействие партийных комитетов, однако вопрос был поставлен на самом высоком партийном уровне, и этот факт говорит о важности и актуальности привлечения женщин в структуры государственного управления. Также на съезде была принята резолюция «О работе среди молодежи». В ней указывалось, что «революция требует всё новых ответственных работников и сознательных борцов. На долю молодого поколения выпадает задача – принимать… активное участие в революционном строительстве». В резолюции прописан вопрос формирования

кадрового резерва: «Партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать… сознательных работников». Работа среди молодежи может быть организована только через самостоятельные объединения, «идущие под знаменем коммунизма». Такой системообразующей организацией назван Российский коммунистический союз молодежи (далее – РКСМ) [8: 453]. В финале резолюции констатируется, что съезд РКП(б) должен оказывать идейную и материальную поддержку РКСМ. Таким образом, уже в начале 1919 г. на VIII Съезде РКП(б) центральная партийная власть сделала акцент на привлечении молодежи и других социальных групп к образовательному процессу и формировании своего кадрового резерва из этой среды.

С 29 марта по 5 апреля 1920 г. работал IX Партийный съезд, на котором была принята резолюция «О работе среди женского пролетариата». В ней подчеркивалось, что съезд «считает работу среди женского пролетариата одной из неотложных задач момента и частью… общепартийной работы», Съезд предложил всей вертикали партийной власти принимать участие в работе среди женщин, «организуя при… партийных комитетах отделы работниц», а также «вести… работу среди женщин в профессиональных союзах» [8: 503]. Таким образом, партийная власть старалась привлечь представителей самых разных социальных групп для формирования кадрового резерва партийно-государственной номенклатуры.

Десятый съезд РКП(б) работал с 8 по 16 марта 1921 г. Его решения серьезно изменили как политическую, так и экономическую систему Советского государства. На съезде обсуждали в том числе кадровый вопрос и формирование кадрового резерва. В резолюции «По вопросам партийного строительства» отмечалось, что теперь партия меняет концепцию воспитания как своих членов, так и беспартийной массы: теперь «поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня, наряду с усилением влияния партии на беспартийные массы» [8: 519]. В резолюции указывалось, что главной внутрипартийной задачей является не количественное расширение партийных рядов, а их качественное улучшение и единство их членов: «Съезд считает основной задачей работу среди партийных низов, а также работу среди беспартийных, в целях сближения партии с широкими массами пролетариата и крестьянства» [8: 521]. Большое значение придавалось работе с РКСМ «для пополнения рядов партии кадрами новых сознательных коммунистов» [8: 527]. В резолюции мы видим систему взаимодействия РКСМ и РКП(б): все члены партии до 20 лет должны быть членами РКСМ и активно там работать. Тем самым выстраивается преемственность РКСМ – РКП(б). Все члены РКСМ и члены партии должны взаимодействовать во всех вопросах, как организационных, так и производственных. Партийные структуры обязаны привлекать представителей РКСМ к обсуждению общеполитических вопросов, вопросов советского и партийного строительства.

Таким образом, данный съезд меняет концепцию взаимоотношений с различными социальными группами и, конечно, молодежными организациями, интегрируя

их в партийные структуры. РКСМ становится базой, откуда будут рекрутироваться самые активные и идеологически подготовленные работники для советского государственного аппарата управления.

Работу по формированию кадрового резерва высшая партийная власть продолжила на XI Всероссийской конференции РКП(б), которая проходила с 19 по 22 декабря 1921 г. Резолюция «По вопросу об укреплении партии, в связи с учетом опыта проверки личного состава ее» [8: 594–598] содержит важные решения в области партийно-организационной, партийно-воспитательной работы, материального положения коммунистов. В пункте резолюции «Партийные резервы» обозначены приоритеты кадровой работы партии. Резолюция показывает, какие социальные группы являются кадровым резервом: «комсомол, Красная Армия и женотделы являются нашими главными резервами» [8: 597]. Однако партийная власть, объединяя в свой кадровый резерв эти социальные группы, видела особенности своей работы в каждой. Взаимодействовать с организацией РКСМ было необходимо в рамках исключительно идейно-воспитательной работы и разгрузить союз от административно-технических функций и от представительства в различных советских учреждениях. Рассматривая Красную армию как один из важнейших элементов советской политической системы, в рядах которой сконцентрирован потенциальный кадровый резерв, партия ставила задачу превратить казармы в параллельное отделение партийных школ. Уровень партийного образования у красноармейцев не должен был уступать знаниям курсантов губернской партийной школы. Отметим, что высшая партийная власть сделала акцент на работе с женотделами, на которые возлагалась организационная и агитационная работа по вовлечению широких масс в партийное и советское строительство. Таким образом, XI Партийная конференция указала вектор формирования кадрового резерва. Определены социальные группы и направления партийной работы с ними, особенности взаимодействия с потенциальными кандидатами на управленческие должности. В конце 1921 г. складывается стройная система взаимодействия партии и социальных групп, откуда рекрутируются потенциальные ответственные работники.

Следующим крупным партийным мероприятием стал XI Съезд РКП(б), который работал с 27 марта по 2 апреля 1922 г. Данный форум подтвердил решения XI Партийной конференции в плане работы по формированию кадрового резерва. Съезд принял резолюцию «По вопросу о РКСМ» [8: 640–642], в которой говорилось, что «РКСМ обеспечивает партии… непрерывный рост за счет… молодежи» [8: 640]. В резолюции съезд ставил практические задачи: усилить свою пролетарскую часть и повысить свой возрастной состав, развивать классовое самосознание, пропитать всю воспитательную работу элементами марксизма, подготовить членов союза и неорганизованную молодежь к вступлению в Красную армию. В то же время съезд брал на себя обязательства в отношении РКСМ: идейное руководство со стороны партийных структур, подбор представителей партии в структуры союза, обеспечение финансирования для просветительской работы и воспитания

членов РКСМ, привлечение членов РКСМ к партийной работе. Таким образом, выстраивалась система взаимоотношений между партийными структурами и РКСМ. В резолюциях съезда поддерживается деятельность женотделов и их деятельность в сфере взаимодействия с партийными структурами. Съезд признавал работу женотделов целесообразной и считал, что их необходимо усилить квалифицированными работниками [8: 642]. Этот форум продолжил линию взаимодействия с союзом молодежи, обозначив приоритетные направления деятельности по интеграции РКСМ и РКП(б). Этот съезд продолжает намеченные предыдущими партийными форумами векторы формирования кадрового ресурса управленцев.

В апреле 1923 г. работал XII Съезд РКП(б), на котором были приняты важные решения, касавшиеся всех сторон жизни государства. Не обошел съезд стороной и вопрос о работе партии среди работниц и крестьянок. В принятой резолюции указывалось, что нужно «усилить работу по вовлечению работниц и крестьянок в партийное, советское, профессиональное и кооперативное строительство, для чего необходимо укрепить институт профорганизаторов-работниц и создать кадр инструкторов для этой работы» [8: 754–755]. Также съезд ставил задачу осуществления руководства парткомов работой женотделов и укомплектования их партработниками. Таким образом, съезд содействовал большей планомерности и систематизации во взаимодействии партийных органов и женотделов, привлекая их активных работников в структуры управления. В резолюции «О работе РКСМ» отмечалось, что партия должна поставить вопрос о подготовке нового коммунистического поколения квалифицированных и классово сознательных рабочих [23: 755–758]. Также должна быть поставлена систематическая работа по формированию у нового поколения тяги к науке и технике. Отметим, что на предыдущем форуме партия ставила задачу РКСМ, а теперь мы видим, что партия для более координированной работы ставит задачи партийным структурам: ознакомить с прошлым партии молодое поколение, создать сеть политшкол и политкружков, сформировать и подготовить командный состав для РКСМ. Руководство партии союзом должно строиться на основе практической помощи в воспитательной работе и усиления политического руководства. В то же время съезд выступил против сведения роли РКСМ «к чисто культурнической организации» [8: 757]. Также был поднят вопрос об использовании партаппарата для обслуживания работы РКСМ, что, однако, не должно было нарушать структуры союза. Таким образом, происходила трансформация взаимоотношений РКСМ с партийными структурами. На съезде было обозначено, что РКСМ – это организация, ведущая работу среди молодежи в плане идеологического воспитания и образования, а высшие партийные органы рассматривали союз как структуру, которая выполняла функции партии среди молодого поколения.

Следующий крупный партийный форум работал в мае 1924 г. уже после смерти главы Советского государства и лидера РКП(б) В.И. Ленина. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» говорилось о необходимости «сблизить

работу отделов работниц и крестьянок с общепартийной работой. Ликвидировать отрыв партийной работы в Красной Армии и Красном Флоте от общепартийной работы» [8: 8231]. Таким образом, съезд показывает важность партийной работы как в армии, так и женотделах, из среды которых можно будет формировать резерв управленцев. Также съезд принял резолюцию «О работе среди молодежи» [8: 881–893]. Если раньше партия регламентировала только деятельность РКСМ, то в данной резолюции говорится о взаимодействии молодежи, высшей школы и РКСМ, рассматриваются вопросы организационного обеспечения руководства и социальный состав организаций молодежи. В резолюции указано, что РКСМ выполняет роль «резерва, откуда партия отбирает лучшие элементы для обеспечения постоянного притока новых и более молодых сил, комсомол является в то же время проводником влияния партии на всё более широкие круги рабочей и крестьянской молодежи» [8: 885]. Однако партийная организация выступает за сохранение самостоятельности РКСМ. При этом «усиление партийного ядра союза и втягивание в партийную жизнь активных его работников является очередной основной задачей» [8: 886]. Резолюция констатирует, что «комсомольцы должны быть первыми помощниками партии в политической, административно-советской, хозяйственной и просветительной областях как в городе, так и в деревне» [8: 887]. Съезд принял отдельно резолюцию «О работе среди работниц и крестьянок», в которой ставились задачи вовлечения в партию сознательных и проявивших себя на общественной работе женщин, выдвижения их на выборные должности в руководящие партийные и советские органы [8: 894–896].

XIV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)), работавший в декабре 1925 г., принял много важных резолюций и постановлений, в том числе и новый партийный устав. Также была принята резолюция «О работе комсомола», где были определены основные проблемы данной организации, главные черты работы среди молодежи, взаимоотношения пролетариата, крестьянства, комсомола и партии, а также поставлены практические задачи комсомолу. Затронут в резолюции вопрос пионерского движения [9: 109–122]. Указывалось, что «работа РЛКСМ должна приспособляться к собственным особенностям текущего момента» [9: 109]. Таким образом, политика союза должна быть подвижна, реализовывать политику партии и реагировать на любое настроение масс. «Борьба за молодежь, соответствующее ее воспитание, сохранение преемственности опыта социалистической революции» называются главными задачами переживаемого периода [9: 110]. Съезд не отказался от своей линии в отношении РЛКСМ и в очередной раз указал, что «комсомол не может быть организацией “нейтральной” по отношению к вопросам, занимающим партию, – это нарушало бы основное соотношение между партией и РЛКСМ» [9: 117]. Центральная партийная власть обращала особое внимание на необходимость усилить работу комсомола в армии и флоте, взаимодействуя с партячейками подразделений. Съезд видел «усиление руководства комсомолом» важнейшей задачей

партии [9: 121]. Указывалось на необходимость сотрудничества партийных структур на местах с комсомольскими организациями, так как именно комсомол виделся одним из важнейших элементов советской политической системы.

На следующем партийном съезде вопросы формирования и функционирования кадров не получили должного освещения в принятых документах, однако в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» отмечалось, что «комсомол должен быть одним из главных помощников партии в деле проведения ее политики на фронте борьбы с отсталостью. Комсомол должен быть главным рычагом перевоспитания масс молодежи в духе строительства социализма». Также указывалось на важность «вовлечения слоев женского пролетариата в дело строительства социализма и рационализации хозяйства» [9: 347]. Съезд не выделил в отдельную резолюцию вопрос о взаимодействии с комсомолом и женским пролетариатом, но не прошел мимо этих важных вопросов, затронул их в других принятых резолюциях.

Таким образом, деятельность партийных форумов на протяжении исследуемого периода была направлена на решение важных государственных и партийных вопросов. Однако вопрос формирования кадрового резерва советского и партийного аппарата управления был всегда в центре внимания. Начиная с XIII съезда начинает выстраиваться система формирования кадрового резерва. Становление этой системы происходит все 1920-е гг. Именно в это время выстраиваются отношения с комсомольской организацией и представительницами женского пролетариата и крестьянства. Система формирования кадрового ресурса была многогранна, включала в себя общее и партийное образование, идеологическое воспитание, привлечение активной молодежи к системе административного управления, выдвиженчество. В 1920-е гг. складывается система подготовки молодежи для управленческой работы. РКСМ, ВЛКСМ, Красная армия, женотделы являлись той средой, откуда черпался кадровый ресурс для функционирования советской политической системы.

Источники и литература

1. *Гимпельсон Е.Г.* НЭП Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20 гг. XX в.). М., 2004.

2. *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998.

3. *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001.

4. *Гимпельсон Е.Г.* Формирование Советской политической системы 1917–1923 гг. М., 1995.

5. *Истер Д.М.* Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

6. *Карелин Е.Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М., 2014.

7. *Коржихина Т.П. Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. 7-е. Часть I. 1898–1924. М., 1953.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. 7-е. Часть II. 1925–1953. М., 1953.

10. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах 1920–1930-е гг. / сост. З.Г. Гарипова. Казань, 2009.

11. *Туфанов Е.В.* К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. на материалах Юга России // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3 (39). С. 48–56.

12. *Туфанов Е.В.* Кадры региональных органов управления: становление и развитие в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Современная научная мысль. 2018. № 1. С. 30–36.

13. *Туфанов Е.В.* Становление системы распределения кадров в период формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг.: на материалах Северного Кавказа // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1 С. 186–191.

14. *Фицпатрик Ш.* О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике / пер. с англ. Е. Варгиной. М., 2021.

15. *Чистиков А.Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

16. *Штудер Б., Унфрид Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / пер. с нем. И.А. Золотарева М., 2011.

Е.С. Салакая

А.Э. КУПРАВА О КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ в 1920–1930-е гг.

Выдающуюся роль в изучении истории Советской Абхазии, особенно народного хозяйства и культуры, сыграл доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Абхазии Арвелод Эрастович Куправа (1924–2019). История культурного строительства Советской Абхазии является одной из главных в научном творчестве А.Э. Куправа. Отметим, что характерной чертой всех без исключения научных трудов ученого является использование в них богатейшего архивного материала и глубокий научный анализ фактов. Для освещения вопросов культурного строительства в рассматриваемый период А.Э. Куправа собрал большой фактический материал. В его работах использованы разные источники, в том числе тысячи

документов, большая часть из которых была впервые введена в научный оборот. Значительная часть этих документов из Центрального государственного архива Абхазии, архива Абхазского обкома Компартии Грузии, архива Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа, к сожалению, были безвозвратно утрачены в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг.

В 1961 г. вышла монография А.Э. Куправа «Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921–1925)». В книге показано тяжелое наследие, полученное советской властью от царизма и меньшевиков в области образования, когда подавляющее большинство населения Абхазии было безграмотным, отмечены мероприятия советской власти по становлению и развитию народного образования, создание и развитие культурно-просветительных учреждений, культурно-политическое просвещение трудящихся, борьба за ликвидацию религиозных предрассудков, развитие национальной советской печати, работа по созданию национальной интеллигенции из трудящихся масс, культурно-воспитательная работа среди трудящихся, становление национальной литературы, искусства и науки [3].

Интересно, что А.Э. Куправа указали на следующий недостаток его исследования: «Автор правильно осветил вопрос о помощи, оказанной Наркомпросом РСФСР органам народного образования Абхазии в строительстве трудовой школы. Но из книги мы не узнаем о помощи, оказанной Наркомпросом Грузии» [2: 177]. Таким образом, указывалось, что отмечать помощь со стороны Грузии необходимо.

В 1964 г. был издан второй том «Очерков истории Абхазской АССР» [12]. А.Э. Куправа принимал участие в подготовке книги. Им были написаны главы и параграфы, посвященные промышленности, сельскому хозяйству и культуре Советской Абхазии.

Совместно с известным абхазским историком Б.Е. Сагария у А.Э. Куправа в 1967 г., к 50-летию Октябрьской революции, на абхазском языке выходит юбилейный труд «Расцвет экономики и культуры Абхазии», впоследствии переиздававшийся в 1971 и 1977 гг. [7].

Монография «Культурное строительство в абхазской деревне (1921–1929 гг.)» издана в Сухуми в 1973 г. В ней А.Э. Куправа исследует социальную структуру сельского населения, его образовательный и культурно-технический уровень, роль города в повышении культуры села, содержание, формы и методы работы культурно-просветительских учреждений. Как отмечал автор: «В работе исследуются борьба за ликвидацию неграмотности среди крестьянства, развитие школьного образования, культурно-просветительская и политико-массовая работа в деревне» [5: 5].

Значительное место в работе отводится школьному образованию. На основе большого фактического материала А.Э. Куправа показывает, как развивалась школьная сеть в Абхазии, создавалась ее материальная база, как в годы восстановительного периода и начала социалистической реконструкции народного хозяйства осуществлялись подготовка и переподготовка педагогических кадров.

Большую заинтересованность в развитии школьного образования проявляло и само крестьянство. Сельские жители помогали в строительстве школ, открывали общественные школы, нередко содержали и учителей государственных школ.

Исследователь обращает внимание на социальные и экономические особенности изучаемого периода и их влияние на организацию работы по ликвидации неграмотности. Становление и развитие аппарата управления системой народного просвещения, партийная печать, комсомол, крестьянская общественность, учительство и их роль в решении задачи ликвидации неграмотности – всё это находит освещение в монографии.

А.Э. Куправа рассматривает содержание и формы деятельности культурно-просветительских учреждений среди крестьянства в исследуемый период. Книга содержит большой фактический материал о работе изб-читален и клубов, кинопередвижек, культурном шефстве города над абхазской деревней, периодической печати и т.п.

Одному из важнейших звеньев культурной революции – борьбе с неграмотностью – посвящена вышедшая в 1979 г. работа А.Э. Куправа «Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР». В ней ученый вновь поднимает вопросы культурного строительства в Советской Абхазии. Автор вновь показывает тяжелейшую ситуацию с образованием в Сухумском округе в дореволюционный период и описывает подготовительную работу по ликвидации неграмотности, начавшуюся уже в первые месяцы после установления советской власти в Абхазии. За короткий срок была успешно осуществлена ликвидация массовой неграмотности. В книге прослеживается процесс борьбы с безграмотностью, который рассматривается в тесной связи с осуществлением всеобуча, развертывания народного просвещения в целом. Целеустремленная работа партийных и советских органов, позволила довести грамотность населения республики в предвоенные годы до 87 %. Полностью же неграмотность была ликвидирована после окончания войны [6].

В своих следующих работах – «Абхазия по пути Октября», написанной на абхазском языке, и «Культура Советской Абхазии за 60 лет» – А.Э. Куправа обобщает развитие Абхазии за годы советской власти [4]. В этих книгах автор дает краткий исторический очерк развития культуры Абхазии за 60 лет советской власти. В результате у читателя появилась возможность проследить основные этапы развития народного образования, науки, литературы, искусства в Советской Абхазии. В книге широко использована существующая литература и, как и в других работах А.Э. Куправа, представлено большое количество архивного материала.

Первые главы обеих книг посвящены начальному этапу развития советской культуры 1921–1927 гг. Показано становление новой системы народного образования и первые мероприятия в области культурного строительства. Советская власть предоставила детям возможность обучаться в школах на родном языке. Автор показал, как преодолевались трудности в создании абхазских и других национальных школ, и рассмотрел деятельность выдающихся педагогов – самоотверженных

борцов за народное образование Д. Гулиа, С. Басария, С. Чанба, А. Чочуа, К. Дзидзария и других, которые создавали учебную и методическую литературу, готовили учителей, закладывали основы для развития школы.

Вторая глава книги «Культура Советской Абхазии за 60 лет» посвящена успехам культурной революции, которые были достигнуты в годы довоенных пятилеток 1928–1941 гг. В этот период была решена одна из важнейших задач культурной революции – ликвидирована массовая неграмотность населения. Широкое развитие получило народное образование. Быстро росла сеть средних и неполных средних школ. Успешно развивалась абхазская школа. Особое внимание уделялось подготовке национальных кадров. Важную роль в формировании национальной советской интеллигенции сыграло обучение в вузах страны, а также основание в 1932 г. в Сухуме педагогического института [4: 26–33].

Надо отметить, что написанные в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. работы А.Э. Куправа несут отпечаток своего времени. Это и выдвижение на первый план коммунистической партии, и тезис о преимуществах коллективного хозяйства, и т.п. – положения, ставшие обязательными для книг того времени.

Впоследствии А.Э. Куправа признавал, что книги, написанные им и другими авторами в советское время, нуждаются в переработке и переосмыслении с точки зрения современной историографии [1: 218].

А.Э. Куправа был инициатором публикации документов из личного архива. Они нашли отражение в книгах «Участники освободительного движения в Абхазии, 1917–1921: воспоминания киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан» [13], «Материалы по истории Абхазии советского периода» [9–11]. Он также являлся инициатором издания трех томов «Материалов по истории Абхазии XVIII–XIX века» из личного архива Г.А. Дзидзария [8].

Во втором томе сборника «Материалы по истории Абхазии Советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 гг.)» представлены документы и материалы о народном образовании, культурно-просветительной работе и науке в ССР Абхазии в первом десятилетии советской власти. Материалы сборника извлечены в основном из фондов Центрального государственного архива Абхазии, копии которых сохранились в домашнем архиве ученого. В книгу вошли и некоторые ранее опубликованные материалы, извлеченные из сборников документов и воспоминаний государственных деятелей Советской Абхазии. Большинство документов, как было указано выше, были сожжены во время Отечественной войны в Абхазии 1992–1993 гг., и поэтому сборник является одним из важнейших источников по данной проблематике.

Источники и литература

1. *Габелая А.С.* Вопросы социально-экономического развития ССР Абхазии в трудах академика А.Э. Куправа // Времена. Историко-культурный альманах. № 1–2. Сухум, 2024. С. 211–218.

2. *Каландадзе Ц.П.* Рец. на кн.: Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921–1925 гг.). Сухуми, 1961. 160 с. // История СССР. 1962. № 3. С. 176–177.

3. *Куправа А.Э.* Из истории культурного строительства в Советской Абхазии (1921–1925). Сухуми, 1961.

4. *Куправа А.Э.* Культура Советской Абхазии за 60 лет (Краткий исторический очерк). Сухуми, 1981.

5. *Куправа А.Э.* Культурное строительство в абхазской деревне (1921–1929 гг.). Сухуми, 1973.

6. *Куправа А.Э.* Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979.

7. *Куправа А.Э.*, *Сагария Б.Е.* Расцвет экономики и культуры Абхазии / 2-е изд., перераб и доп. Сухуми, 1977.

8. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века: сборник документальных материалов. Т. 1–3. Сухум, 2011.

9. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Т. I. Сухум, 2012.

10. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. Сухум, 2015.

11. Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. III. Сухум, 2016.

12. Очерки истории Абхазской АССР: в 2 т. Ч. 2. Сухуми, 1964.

13. Участники освободительного движения в Абхазии, 1917–1921: воспоминания киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан / сост. А.Э. Куправа, А.Ф. Авидзба. Сухум, 2007.

Н.Ю. Кулиш

ОТ «ТРУЖЕНИЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» – К «ХЛЕБОРОБКЕ»: СМЕНА АКЦЕНТОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЦЕССОВ «РАСКРЕПОЩЕНИЯ ГОРЯНКИ» в 1925–1930 гг. (на материалах АЧАО, КБАО, КЧАО)

Женский вопрос в политике большевиков был одним из центральных в 1920–1930-е гг. Работа в этом направлении велась по всему Советскому Союзу, и наиболее сложной, как следует из отчетных документов Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета, она была на территории национальных автономий

и автономных республик. В данной статье мы ограничимся обзором материалов, касающихся работы советской власти в границах нынешних республик Северо-Западного Кавказа – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в рассматриваемый период именовавшихся Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономными областями соответственно.

Работа по «раскрепощению» горянок велась в различных направлениях: ликвидация бытовой и политической неграмотности, осуществление обучения по квотам в образовательных учреждениях и на профильных краткосрочных курсах, организация комиссий по улучшению труда и быта, а также открытие детских комнат и площадок, что в совокупности позволило привлечь женщин к участию в производственной и политической жизни страны.

Репрезентация комплекса проводимых на территории автономных областей решений и мероприятий в прессе, роль которой в формировании общественного мнения в тот период трудно переоценить, до сих пор не приводилась. Имеются исследования, позволяющие нам взглянуть на процессы «раскрепощения» на примере восточной женщины через призму журнала «Труженица Востока» [13], сквозь музейные экспозиции [1], и даже через кинематографическое творчество [12]. Отражение в прессе мероприятий, предпринятых властями с целью «раскрепощения» черкешенок – жительниц Адыгейской (Черкесской), Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей Советского Союза, а также достигнутых результатов на сегодня является недостаточно изученной темой.

В данной работе рассматриваются публикации в журнале, выходившем под названием «Труженица Северного Кавказа», в 1928 г. переименованном в «Хлеборобку». Выбор этого издания неслучаен: мы анализируем отражение предпринимаемых властями решений и действий на страницах официального печатного органа отдела по работе среди работниц и крестьянок (так называемого «женотдела») Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета ВКП(б) за 1925–1930 гг. Ограничение исследования этими годами объясняется наличием сохранившихся экземпляров данных изданий в справочно-информационном фонде Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО).

Рассматривая материалы, публиковавшиеся в первых номерах «Труженицы Северного Кавказа» за 1925 г., мы можем отметить обилие селькоровских заметок и крупных редакционных статей, посвященных мероприятиям по ликвидации неграмотности горянок вообще и черкешенок в частности. Так, в № 6–7 читаем об организации и проведении в Ростове-на-Дону краевых курсов для горянок (по тексту также – горянок и казачек). Их организатором выступил Северо-Кавказский краевой женотдел. Первый поток (40 курсанток) завершил обучение 15 сентября 1925 г. Курсы длились четыре месяца, но по их итогам было принято решение впредь увеличить период обучения до полугода ввиду стремительно повышающихся требований к работницам женотделов «со стороны всё растущей

активности масс» [4: 29–30]. Такие обстоятельные описания работы с горянками в плане ликвидации бытовой и политической неграмотности соседствуют с восторженными поэтическими миниатюрами о важности общественной работы и стремления к знаниям у женщин, в частности у горянок [4]. Однако, например, даже по прошествии нескольких лет работы с горянками, в 1927 г., черкешенки писали о нежелании отцов и мужей пускать жен на делегатские собрания [2], а дочерей – в школу [3]. К моменту вышедшей заметки такое упорство черкесов только начинало встречать сопротивление со стороны женских масс.

В ноябрьском номере «Труженицы Северного Кавказа» за 1927 г. было объявлено о грядущем переименовании издания в «Хлеборобку», а заранее оплатившие подписку на «Труженицу…» граждане были проинформированы о том, что при отсутствии объявленного с их стороны нежелания выписывать этот журнал, будут получать уже обновленное издание [5].

В январе 1928 г. журнал получил новое имя. И хотя при этом он по-прежнему оставался официальным печатным органом Северо-Кавказского краевого женотдела, содержательное наполнение издания претерпело значительные изменения. Новое название сразу наводит на мысль о переориентации журнала на сельскохозяйственную тематику, и это неспроста – материалы, опубликованные в его номерах за 1928–1930 гг., подтверждают это. Об этом говорилось и в объявлении о том, что журнал будет переименован в связи с недостаточным обеспечением крестьянки и казачки книгой, «учитывая преобладающее большинство крестьянского и казачьего населения на Северном Кавказе» [5].

После переименования журнала всё больше внимания уделяется вопросам сельскохозяйственной кооперации, в том числе описанию усилий по привлечению к ней женщин. На страницах «Хлеборобки» появляются советы по возделыванию различных культур, борьбе с вредителями, уходу за домашним скотом. Минимизируются, а к 1930 г. и вовсе пропадают публикации о ликвидации неграмотности, особенно среди горянок. Здесь можно выдвинуть предположение о приближении «окончательного решения женского вопроса» и связать такие перемены в содержательной части издания с грядущим упразднением отдела по работе среди работниц и крестьянок в связи с его «ненадобностью». Однако такая гипотеза будет не вполне состоятельна, ведь, как можно судить по наполнению номеров «Хлеборобки» 1928–1930 гг., центральное место здесь продолжало отводиться работе с женскими массами – то есть, вопрос работы с женским активом в этот период был по-прежнему актуален. Однако редакция переориентировалась на новую целевую аудиторию – крестьянок. Безусловно, материалы из национальных автономий продолжали поступать в редакцию и появляться на страницах журнала, однако даже присланные горянками заметки большей частью касались сельскохозяйственной кооперации и работы швейных, огородных и иных артелей в их родных областях.

Тем не менее в апрельском номере «Хлеборобки», посвященном десятилетнему юбилею основания женотдела и запоздалому празднованию Международного

женского дня, было опубликовано послание «Работницам Ростова» от кабардинок и балкарок, которые благодарили советскую власть, освободившую их от адатов, и – что вполне укладывалось в новую редакционную политику – указывали на рост кадров в цифрах: делегаток-националок в Кабардино-Балкарской автономной области – 2000, общественниц – 1500. Клубами, красными уголками, мастерскими, ликпунктами на тот момент было охвачено 1100 человек, работали две шерстопрядильни и птицеводное товарищество с 1000 членами женского пола [6: 7].

В некотором смысле в продолжение школьной тематики и статей, опубликованных в «Труженице…» в 1927 г., в выпуске «Хлеборобки» за май 1928 г. была помещена статья о важности учебы девочек в школах крестьянской молодежи, где их обучали правильному ведению домашнего хозяйства [7: 19]. Однако данный материал являл собой призыв к хлеборобкам вообще, а не к горянкам или к черкешенкам в частности.

Если говорить о материалах, посвященных работе непосредственно с черкешенками, то в следующем номере издания в одной строке, присланной из Кабардино-Балкарской автономной области, сказано, что в Нальчике состоялась выставка работ по рукоделию. Вырученные за проведение выставки деньги (100 руб.) были направлены на устройство детских яслей [8: 21].

В последующих номерах журнала были опубликованы единичные материалы (не связанные с сельскохозяйственной деятельностью) по просвещению черкешенок. Например, в сентябре корреспондентка Царахова направила в журнал заметку о работе с декабря 1927 г. в Нальчике военно-санитарного кружка, где вместе занимались кабардинки, балкарки, осетинки, грузинки, еврейки и кумычки [9: 22].

В том же номере можно прочитать о работе женского клуба в с. Рейском. Отмечалось, что при клубе действует пункт ликвидации неграмотности, в котором обучаются 20 горянок (без указания национальной принадлежности). Кроме того, что этот клуб выписывал журнал «Хлеборобка» и газету «Карахалк», он также выпускал свою стенгазету на кабардинском языке под названием «Клич женщины».

Обратимся к выпускам «Хлеборобки» за 1929 г. Чем дальше мы уходим от «Труженицы Северного Кавказа», тем меньше упоминаний горянок встречается в публикациях, размещенных на страницах издания. Заметки от черкешенок приходят всё реже. В номерах «Хлеборобки» за 1929 г. заметки о черкешенках единичны. В основном они касаются перевыборов в советы: в Кабарде шесть горянок выбраны в председатели советов, в Малой Кабарде – три женщины (две черкешенки и одна русская) выбраны в заместители председателей советов [10: 3].

В номерах со второго по четвертый за 1930 г., единственных за этот год, сохранившихся в ГАРО, и вовсе отсутствуют упоминания черкешенок. Все материалы касаются работы с колхозницами, в том числе красочно описывается прошедший в январе 1930 г. Всесоюзный съезд колхозниц [11: 2–5].

Подводя итоги, можно отметить постепенную тенденцию к размыванию границ и укрупнению групп аудитории издания. Она менялась от черкешенок, о жизни

и мерах по «раскрепощению» которых писали на его страницах в 1925–1927 гг., когда журнал выходил под названием «Труженица Северного Кавказа», к горянкам к 1928 г., когда журнал стал именоваться «Хлеборобка» и переориентировался на казачью и крестьянскую аудиторию, сократив количество публикаций по теме работы среди горянок, затем к «колхозницам» к 1930 г. Соответствующим образом изменились и акценты в репрезентации процессов «раскрепощения» черкешенок. Если в 1925–1927 гг. на страницах журнала «Труженица Северного Кавказа» можно увидеть буквально летопись «раскрепощения»: подробные описания работы пунктов по ликвидации неграмотности, кружков, организации артелей, яслей и детских площадок, борьбы черкешенок за право учиться и участвовать в политической жизни родного аула, то к 1930 г. на страницах «Хлеборобки» все горянки вместе с черкешенками обобщенно присоединены к категории «хлеборобок Северного Кавказа», а дальнейший короткий период деятельности издания закономерно связывается с популяризацией работы на ниве коллективизации. В начале 1930 г., вместе с реорганизацией женотдела, был упразднен и его официальный печатный орган – журнал «Хлеборобка».

Источники и литература

1. *Аброськина Е.В.* «Свободные женщины Востока»: репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–30-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 2 (12). С. 106–119.

2. Жизнь горянки (Аул Кувинский, Черкесской обл.) // Труженица Северного Кавказа. 1927. № 1 (16). С. 4.

3. *Ильина Т.* Горянка в школе (Аул Шах-Гиреевский, Черкес. окр.) // Труженица Северного Кавказа. 1927. № 2 (17). С. 20.

4. Труженица Северного Кавказа. 1925. № 6–7 (октябрь – ноябрь).

5. Труженица Северного Кавказа. 1927. № 11 (26).

6. Хлеборобка. 1928. № 7 (5 апреля).

7. Хлеборобка. 1928. № 9 (май).

8. Хлеборобка. 1928. № 11 (июнь).

9. Хлеборобка. 1928. № 17–18 (30 сентября).

10. Хлеборобка. 1929. № 2 (31 января).

11. Хлеборобка. 1930. № 2 (20 января).

12. *Хан О.В.* «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 215–229.

13. *Черняева Н.А.* Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 149–178.

РАЗДЕЛ 2
Актуальные проблемы кавказоведения: подходы, оценки, источники

А.М. Сугаипова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Кавказоведение как комплексная научная дисциплина, изучающая историю, культуру, языки и этнографию народов Кавказа, исторически формировалось и развивалось в тесной связи с россиеведением – научным направлением, занимающимся всесторонним изучением России. Эта связь обусловлена длительной историей взаимодействия России и Кавказа, процессами интеграции кавказских народов в состав Российского государства и формированием единого социокультурного пространства.

Истоки научного кавказоведения в России восходят к XVIII в., когда начались систематические экспедиции Российской академии наук на Кавказ. Данные экспедиции заложили основы комплексного изучения региона, его географии, природных ресурсов, этнического состава и культурных особенностей. С этого времени кавказоведение развивалось как неотъемлемая часть российской науки, испытывая влияние общих тенденций в развитии отечественного гуманитарного знания.

В этой связи отметим, что комплексную научную задачу, сохраняющую высокую степень актуальности и значимости в современном научном дискурсе, представляет собой проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении. Ее актуальность обусловлена рядом факторов как научно-теоретического, так и практического характера.

В теоретическом плане данная проблема связана с необходимостью выработки адекватных концептуальных подходов к пониманию и интерпретации

культурно-исторической специфики Северного Кавказа как особого региона в составе Российской Федерации. Эта специфика определяется сложным переплетением географических, этнокультурных, социально-экономических и политических факторов, действовавших на протяжении длительного исторического периода.

Сложность проблемы культурно-исторического синтеза в кавказоведении проистекает из необходимости интеграции и системного осмысления обширного эмпирического материала, накопленного различными отраслями кавказоведения – историей, этнологией, лингвистикой, политологией, социологией, культурологией. Каждая из этих дисциплин оперирует собственным понятийным аппаратом и методологическим инструментарием, что затрудняет выработку единого концептуального языка для описания и анализа культурно-исторических процессов на Северном Кавказе.

Практическая значимость решения данной проблемы связана с тем, что адекватное понимание культурно-исторической специфики региона является необходимым условием для выработки эффективной государственной политики в отношении Северного Кавказа, направленной на обеспечение стабильного социально-экономического развития и межнационального согласия. Кроме того, проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении имеет важное значение для развития межкультурного диалога и формирования общероссийской гражданской идентичности. Она затрагивает фундаментальные вопросы соотношения общего и особенного в историческом развитии народов России, взаимодействия различных культурных традиций в рамках единого государства.

Таким образом, актуальность и сложность рассматриваемой проблемы определяется ее междисциплинарным характером, теоретической и практической значимостью, а также ее связью с ключевыми вопросами национальной политики и социокультурного развития современной России.

В процессе развития отечественного кавказоведения сформировался ряд концептуальных моделей, направленных на осмысление и репрезентацию культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Эти модели отражают эволюцию научных подходов и методологических парадигм, а также изменение социально-политического контекста изучения региона.

Можно выделить четыре основные модели, последовательно сменявшие друг друга в истории кавказоведения [7]:

1. Просветительско-географическая модель (конец XVIII в.).
2. Политико-этнографическая модель (первая половина XIX в.).
3. Социоисторическая модель (конец XIX в. – XX в.).
4. Цивилизационная модель (конец XX в. – начало XXI в.).

Каждая из этих моделей характеризуется специфическим набором концептуальных установок, методологических подходов и исследовательских приоритетов. Их анализ позволяет проследить эволюцию научных представлений о культурно-

исторической специфике Северного Кавказа и выявить ключевые проблемы, остающиеся актуальными для современного кавказоведения.

Просветительско-географическая модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа сформировалась в конце XVIII в. в контексте общего развития российской науки эпохи Просвещения и была связана с первыми систематическими попытками научного изучения Кавказа. Данная модель была тесно связана с деятельностью экспедиций, организованных Российской академией наук для изучения различных регионов империи. Ключевыми фигурами в формировании модели стали такие ученые, как И.А. Гильденштедт, С.Г. Гмелин и П.С. Паллас. Их труды заложили основы систематического научного изучения Северного Кавказа и определили основные направления исследований на долгие годы вперед.

Основные характеристики просветительско-географической модели [5]:

1. *Приоритет географического описания региона.* Северный Кавказ рассматривался прежде всего как особая географическая область, характеризующаяся специфическими природно-климатическими условиями и ландшафтом. Большое внимание уделялось описанию горных систем, рек, растительного и животного мира.

2. *Этнолингвистическая классификация населения.* Одной из главных задач исследователей было выявление и описание различных этнических групп, населяющих Северный Кавказ. Особое внимание уделялось языковому разнообразию региона. Предпринимались попытки классификации языков и диалектов, составления словарей и грамматик.

3. *Акцент на культурном многообразии.* Исследователи стремились зафиксировать и описать разнообразие культурных традиций, обычаев, форм материальной культуры различных народов Северного Кавказа. При этом культурные различия часто рассматривались в контексте географических и климатических особенностей мест проживания этнических групп.

4. *Ограниченное внимание к социально-политической организации.* В рамках данной модели вопросы социальной структуры и политического устройства северокавказских обществ рассматривались относительно поверхностно. Основное внимание уделялось внешним, легко наблюдаемым аспектам социальной жизни.

5. *Просветительский пафос.* Исследователи исходили из убеждения в превосходстве европейского рационального знания и рассматривали свою деятельность как «просвещение» отсталых народов. Местные культуры часто характеризовались как «примитивные» или «варварские».

6. *Стремление к систематизации.* Несмотря на преимущественно описательный характер, в рамках данной модели предпринимались попытки систематизации собранного материала, выявления общих закономерностей и типологических характеристик различных этнокультурных групп.

7. Практическая направленность. Хотя исследования носили преимущественно академический характер, они рассматривались также как источник полезных знаний для российской администрации, военных и торговцев.

Значение просветительско-географической модели заключается в том, что она заложила основы научного изучения Северного Кавказа, создала первичную базу эмпирических данных о регионе и его населении. Вместе с тем эта модель имела ряд существенных ограничений. Она не давала целостного представления о культурно-исторической специфике региона, ограничиваясь преимущественно описанием отдельных этнографических фактов. Социальные и политические аспекты жизни северокавказских обществ оставались на периферии исследовательского внимания. Тем не менее просветительско-географическая модель сыграла важную роль в развитии кавказоведения, подготовив почву для формирования более сложных и комплексных подходов к изучению культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

Политико-этнографическая модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа сформировалась в первой половине XIX в. в контексте активного военно-политического продвижения Российской империи на Кавказ. Эта модель отражала потребности имперской администрации в более глубоком и детальном знании о социальной организации и культуре горских народов, необходимом для эффективного управления регионом.

Основные характеристики политико-этнографической модели:

1. *Акцент на социальной организации.* В отличие от предшествующей просветительско-географической модели, политико-этнографический подход уделял первостепенное внимание изучению социальных структур и институтов северокавказских обществ. Исследователи стремились выявить и описать различные формы социальной иерархии, системы родства, механизмы социального контроля и регуляции.

2. *Изучение обычного права.* Особое значение придавалось исследованию норм обычного права (адатов) различных народов Северного Кавказа. Это было обусловлено как научным интересом к традиционным правовым системам, так и практическими потребностями российской администрации в понимании местных правовых норм и практик.

3. *Анализ политических структур.* Значительное внимание уделялось изучению традиционных форм политической организации горских обществ, включая различные формы вождества, племенные союзы, «вольные общества» и др. Исследователи стремились выявить механизмы принятия решений, способы разрешения конфликтов, формы легитимации власти.

4. *Военно-стратегический аспект.* В рамках данной модели большое значение придавалось изучению военной организации горских народов, их тактики и стратегии ведения войны, что было непосредственно связано с задачами покорения Кавказа [4].

5. *Детальное этнографическое описание.* Продолжалась и углублялась работа по детальному описанию материальной и духовной культуры различных этнических групп Северного Кавказа. Особое внимание уделялось тем аспектам культуры, которые имели значение для понимания социальной и политической организации (например, обычаи гостеприимства, кровной мести и т.д.).

6. *Попытки типологизации.* В рамках политико-этнографической модели предпринимались попытки типологизации северокавказских обществ на основе различных критериев – форм социальной организации, политического устройства, хозяйственно-культурного типа и др.

7. *Практическая ориентация.* Исследования в рамках данной модели были тесно связаны с практическими задачами управления регионом. Многие работы создавались по прямому заказу военной и гражданской администрации и содержали рекомендации по организации эффективного контроля над горскими народами.

8. *Сравнительный подход.* Исследователи часто прибегали к сравнению социальных и политических институтов северокавказских народов с аналогичными институтами других обществ, находящихся на сходной стадии развития (например, с германскими племенами эпохи раннего Средневековья).

Политико-этнографическая модель существенно углубила понимание социальной и политической организации северокавказских обществ, создала богатую эмпирическую базу для дальнейших исследований. Вместе с тем эта модель имела ряд ограничений. Во-первых, ориентация на практические нужды имперской администрации часто приводила к упрощенным и утилитарным интерпретациям сложных социокультурных явлений. Во-вторых, преобладание синхронного подхода над диахронным ограничивало возможности понимания исторической динамики северокавказских обществ. В-третьих, тенденция к типологизации и классификации иногда приводила к игнорированию уникальных черт отдельных этнокультурных групп.

Социоисторическая модель развивалась в русле общих тенденций развития социальных наук в конце XIX–XX вв. и была нацелена на определение места северокавказских обществ в рамках универсальных схем социальной эволюции. Данный подход характеризовался стремлением к более глубокому анализу социальных структур и исторических процессов на Северном Кавказе. Он был представлен двумя основными направлениями: позитивистским и марксистским.

Позитивистское направление характеризовалось стремлением к объективному, «научному» изучению социальных явлений и исторических процессов. Внимание уделялось экономическим факторам в развитии обществ Северного Кавказа, сравнительно-историческому анализу социальных институтов региона, изучению процессов модернизации и трансформации традиционных обществ под влиянием российской административной и экономической системы.

Марксистское направление фокусировалось на анализе социально-экономических формаций и классовой структуры обществ Северного Кавказа. Акцент

делался на роли производственных отношений в формировании социальной и политической организации, на изучении форм социального неравенства и эксплуатации в традиционных обществах региона, на интерпретации исторических процессов на Северном Кавказе в контексте общих закономерностей исторического развития [6].

Социоисторический подход значительно расширил понимание культурно-исторической специфики Северного Кавказа, включив в анализ долговременные социальные процессы и структурные факторы. Однако он также имел тенденцию к определенной схематизации и упрощению сложных культурных и исторических реалий региона.

Цивилизационный подход к изучению культурно-исторической специфики Северного Кавказа получил развитие в конце XX – начале XXI в. Он характеризуется стремлением представить регион как особую цивилизационную общность или часть более широкого цивилизационного комплекса. Основные аспекты цивилизационного подхода заключаются в поиске уникальных, устойчивых черт культурно-исторического развития региона, формирующих его цивилизационную идентичность. Анализу подвергаются взаимодействие и взаимовлияние различных цивилизационных комплексов на территории Северного Кавказа, изучаются роли религиозных и культурных традиций в формировании цивилизационной специфики региона. Кроме того, Северный Кавказ рассматривается как контактная зона между различными цивилизациями. Цивилизационный подход позволил по-новому взглянуть на культурно-историческую специфику региона, акцентируя внимание на уникальных чертах его развития. Однако эта модель также подвергается критике за тенденцию к эссенциализации культурных различий и недостаточное внимание к процессам исторических изменений [2].

Каждый из подходов не только отражал накопление научных знаний о регионе, но и был обусловлен исторической ситуацией. Каждая из моделей формировалась в определенном политическом контексте, который влиял на постановку исследовательских вопросов и интерпретацию полученных результатов. Политико-этнографический подход был тесно связан с процессом имперской экспансии и необходимостью управления новоприсоединенными территориями. Социоисторический подход, особенно в его марксистском варианте, отражал идеологические установки советского периода.

По мере того как общества Северного Кавказа проходили через различные этапы социально-экономического развития – от традиционных форм хозяйствования к интеграции в российскую экономическую систему и далее к советской модели модернизации – менялись и подходы к изучению их культурно-исторической специфики. Например, социоисторическая модель уделяла большое внимание процессам трансформации традиционных обществ под влиянием модернизации. Эволюция подходов также отражала изменения в культурном восприятии Северного Кавказа российским социумом и научным сообществом.

Каждая из моделей в той или иной степени отражала геополитическое положение Северного Кавказа как пограничного региона на стыке различных культурных и политических влияний, что особенно ярко проявилось в рамках цивилизационного подхода, рассматривающего регион как контактную зону между цивилизациями.

Эволюция подходов к изучению культурно-исторической специфики Северного Кавказа также отражала общие изменения в научных парадигмах исторического и социального познания: от географического детерминизма Просвещения через позитивизм XIX в. к марксизму и далее – к постмодернистским и постколониальным подходам конца XX – начала XXI в.

Важным аспектом анализа различных подходов к представлению культурно-исторической специфики Северного Кавказа является понимание того, как в них соотносятся «горизонт прошлого» и «горизонт будущего». «Горизонт прошлого» в контексте изучения Северного Кавказа включает в себя всю совокупность исторических событий, процессов и явлений, формировавших культурно-историческую специфику региона. Этот горизонт постоянно расширялся по мере накопления исторических знаний и развития методов исторического исследования [1].

В рамках просветительско-географического подхода «горизонт прошлого» был относительно ограничен и фокусировался преимущественно на современном исследователям состоянии обществ Северного Кавказа и их недавнем прошлом. Политико-этнографический подход увеличил этот горизонт, включив в него более глубокие исторические пласты, связанные с формированием традиционных социальных и политических институтов горских обществ. Социоисторическая модель значительно расширила «горизонт прошлого», стремясь проследить долговременные исторические процессы и выявить закономерности социально-экономического развития региона. Особенно это характерно для марксистского направления, которое пыталось вписать историю Северного Кавказа в общую схему смены общественно-экономических формаций. Цивилизационный подход еще больше расширил «горизонт прошлого», обращаясь к глубинным культурным основам и длительным историческим процессам формирования цивилизационной идентичности региона.

«Горизонт будущего» в контексте изучения культурно-исторической специфики Северного Кавказа – это те представления о перспективах развития региона, которые явно или неявно присутствовали в каждом из рассмотренных подходов. В рамках просветительско-географического подхода «горизонт будущего» часто ассоциировался с идеей «цивилизаторской миссии», предполагавшей постепенную интеграцию народов Северного Кавказа в более «развитые» формы социальной и культурной организации. Политико-этнографический подход, тесно связанный с имперской политикой, видел будущее региона в контексте его полной интеграции в административную и социально-экономическую систему Российской империи при сохранении определенных элементов традиционного уклада.

Социоисторический подход, особенно в его марксистском варианте, проецировал на будущее Северного Кавказа общие представления о закономерностях исторического развития. В советский период это выражалось в идее о неизбежном движении всех обществ к социализму и коммунизму, что предполагало кардинальную трансформацию традиционных структур. Цивилизационный подход, развивавшийся в постсоветский период, часто связывал «горизонт будущего» с идеями сохранения культурной самобытности региона в условиях глобализации и поиска баланса между традицией и модернизацией.

Соотношение «горизонта прошлого» и «горизонта будущего» в каждом из подходов не было статичным, менялось в зависимости от конкретных исторических условий, в которых работали исследователи, и от тех практических задач, которые стояли перед обществом и государством в отношении Северного Кавказа. Например, в периоды активной интеграции региона в состав Российской империи или СССР «горизонт будущего» часто доминировал над «горизонтом прошлого», что выражалось в акценте на перспективах трансформации традиционных обществ [3]. В периоды кризисов и конфликтов, напротив, возрастал интерес к историческим корням современных проблем, что приводило к расширению «горизонта прошлого».

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что культурно-историческая специфика Северного Кавказа на протяжении длительного времени являлась объектом пристального внимания российских ученых. Эволюция научных подходов к ее изучению отражает не только развитие научного знания, но и изменения в политическом и социокультурном контексте взаимоотношений России и Кавказа. От просветительско-географической модели конца XVIII в. через политико-этнографический подход XIX в. к социоисторическим концепциям XX в. и современным цивилизационным теориям – каждый этап привносил новые аспекты в понимание уникальности региона. Важно подчеркнуть, что эти подходы не просто сменяли друг друга, но и взаимно обогащались, формируя многогранное представление о культурно-исторической специфике Северного Кавказа. Особую роль в этом процессе играло соотношение «горизонта прошлого» и «горизонта будущего», которое менялось в зависимости от исторического контекста и задач, стоящих перед исследователями и обществом в целом. Сегодня, в условиях глобализации и поиска новых форм национальной и региональной идентичности, комплексное понимание культурно-исторической специфики Северного Кавказа приобретает особую актуальность, открывая новые перспективы для научного синтеза и практического применения накопленных знаний в сфере межкультурного диалога и регионального развития.

Источники и литература

1. *Боров А.Х.* Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 3. С. 12–40.

2. *Боров А.Х.* Россия и Северный Кавказ: проблема нарративного синтеза в представлении совместной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 10 (108). URL: https://history.jes.su/s207987840017015-5-1/ (дата обращения: 10.07.2024).

3. *Васильев А.Д.*, *Кананчев З.В.* Актуальные проблемы современного кавказоведения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С. 162–165.

4. *Гапуров Ш.А.*, *Абдурахманов Д.Б.*, *Израйилов А.М.* Некоторые «болезненные» вопросы современного кавказоведения // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2008. № 2–2 (9). С. 79–86.

5. *Кобахидзе Е.И.*, *Туаева Б.В.* Язык и политика как проблема современного исторического кавказоведения: историографический аспект // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2020. № 3. С. 36–44.

6. *Кузьминов П.А.* Объективная субъективность в исторических исследованиях кавказоведения // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. № 22. С. 30–39.

7. *Манкиева Э.Х.* Зарубежное и российское кавказоведение: история и современное состояние // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 2. С. 250–253.

А.А. Вартумян

СОСТАВ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ АКТОРОВ ФРОНТИРА: ИСТОРИЯ И СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ СПЕЦИФИКА

Историография продвижения границ Российской империи в контексте фронтирного подхода имеет явно выраженную направленность исследования: географическую (сибирский, уральский, прикаспийский и другой фронтир), хронологическую, гендерную, цивилизационно-культурологическую и т.д. Дискуссионные вопросы российского фронтира в отечественной исторической науке также рассматриваются, как правило, в приложении теории Ф.Д. Тёрнера к отдельному этносу или социально-культурному институту. Рассмотрение феномена российского фронтира через призму классической теории выявило неоднозначность понятия «российский фронтир» и его значения для исторической науки [1]. Самобытность отечественных исторических процессов обуславливает актуальность исследований, направленных на создание модели, позволяющей переопределить статус фронтирной концепции, заложить основы теории российского фронтира. Цель статьи – показать возможности моделирования как инструмента проектирования современных процессов межкультурного взаимодействия народов России, обосновать необходимость и целесообразность методологического подхода, в основе

которого лежит системный анализ моделей поведения акторов фронтира, инвариантных по отношению к территориально-хронологической принадлежности.

В основе исследования особенностей российского фронтира и формирования методологического подхода, базирующегося на идее использования моделирования, лежат принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма способствовал идентификации и конкретизации особенностей продвижения российских границ на различных территориях, дал возможность сделать сравнительный анализ процессов «фронтиризации», проследить их эволюцию, обосновать возможность формирования концептуальной модели российского фронтира. Принцип объективности при исследовании территориальных особенностей российского фронтира позволил избежать механистического переноса теории Тёрнера на отечественные условия, учесть начальные факторы, способствующие или противодействующие развитию приграничных территорий, выявить положительные тенденции в системе взаимодействия этносов, имеющих различный исторически сложившийся культурно-цивилизационный статус, оценить негативные явления, сопровождающие фронтир. Принцип системности, являясь базовым при проведении анализа моделей поведения акторов фронтира, способствовал реализации комплексного подхода к исследованию состава и структуры фронтирных процессов, формированию моделей, обеспечивающих проектирование системы управления фронтирными процессами в условиях вызовов современности и прогнозирование трендов развития приграничных социумов. При проведении исследования использовались общеисторические методы и частные научные методики.

В российской историографии понятие фронтира получило распространение сравнительно недавно. Для советского периода отечественной истории характерно специфическое, максималистское отношение к отдельным наукам (генетика, кибернетика) и теориям зарубежных ученых. Теорию фронтира как теорию о расширении цивилизационного пространства с целью приобщения «варваров» к культурным, духовным и прочим ценностям просвещенных народов постигла та же участь: интерес к идее прошел все стадии от категорического отрицания [3: 26; 9: 135] до попытки придать теории статус универсальной категории. В дискуссии по статье Д.В. Сеня [19] И.П. Басалаева, позиционируя теорию фронтира как «самый неоднозначный концепт современного социально-исторического знания», акцентирует внимание на том, что сегодня она не рассматривается исследователями как новаторская методология, скорее можно говорить об определенности и упорядочении мнений, суждений и направлений полемики по поводу «образа чужого», «колонизации» и т.п. [2: 81–106]. Тем не менее остается актуальным вопрос: можно ли концепцию фронтира считать универсальной для всех стран или есть какие-то особые условия применимости. Если «да», то какие?

На сегодняшний день, по мнению автора, не подлежит сомнению, что теория Ф.Д. Тёрнера [22: 24–30] с традиционным разделением ролей («цивилизованное

сообщество» и «варвары»), определением миссии и задач фронтирного процесса не может быть спроецирована на реалии отечественной истории.

В контексте задач данного исследования интерес представляют не противоречия, которые очевидны при проекции фронтирной теории на российскую историю и современность, а те черты, которые позволяют говорить об общности процессов расширения цивилизационного пространства и продвижения границ Российского государства. Мы разделяем точку зрения И.В. Побережникова, который, будучи сторонником трансдисциплинарного подхода к анализу проблемных зон цивилизационных исследований, особенностей межцивилизационного диалога [21: 41–44], говорит о необходимости использования новых теоретических моделей при изучении тенденций развития мировой и отечественной истории [18]. Сегодня интеграция методологий при проведении исторических, политических, культурологических исследований [5] – скорее норма, чем экзотика, что нашло отражение в научных публикациях, посвященных применению методов математического моделирования в социально-гуманитарных исследованиях [6; 7; 27].

Формальное моделирование открывает новые возможности для исследователей, позволяет на основе комплексного использования количественных и качественных методов описания исторических процессов расширить представления об объекте изучения, понять его полифункциональность и многогранный, полиаспектный характер.

Принцип объективности исследования требует отметить, что парадигма междисциплинарного синтеза как инструмента методологического обновления исторической науки, зародившаяся в 1950-х гг., сегодня провоцирует дискуссии в научном мире [17] по поводу невозможности впрячь «в одну телегу» «коня и трепетную лань», но автор справедливо полагает, что идея интеграции методов научных исследований, интересная уже сама по себе, окажется продуктивной для историографии и теории фронтира.

Применение методов моделирования совместно с методами системного анализа к историографии фронтира корректно определяет состав и структуру фронтира, создает теоретико-методологическую основу для применения математических методов в историческом исследовании [16].

Компаративный анализ современных публикаций по истории российского фронтира показал, что наибольший интерес у исследователей вызывают фронтирные процессы, в которых ключевым фактором является географическое положение территории, границы которой подлежат изменению [4; 8; 12; 13; 23; 25]. В ходе исследования установлено, что фронтирные исследования начала XXI в. носят оттенок «американизированной» теории развития приграничных областей, делают акцент на культурологическом и цивилизационном аспектах взаимодействия акторов фронтира; для более поздних исследований (примерно с 2010-х гг.) характерна иная постановка задачи и расширение предметного поля объектов, позиционируемых в качестве «участников» фронтирного процесса.

Так, исследования дальневосточного фронтира, основу которых заложили культурологи, филологи, религиоведы (А.А. Забияко, А.П. Забияко, И.А. Дябкин), первоначально были направлены на изучение межсоциальных, межрелигиозных проблем, возникающих в процессе освоения таежных земель Дальнего Востока и Камчатки русскими путешественниками-исследователями, военными [10: 10; 11]. Более поздние публикации, посвященные фронтиру на дальних рубежах нашего отечества, можно охарактеризовать как системные исследования фронтирных процессов на Дальнем Востоке, которые расшили предметную область фронтирных исследований и в качестве основных действующих факторов позиционировали внутреннюю и внешнюю политику, систему международных связей, влияние социально-экономических и политических реформ, проводимых в стране и ориентированных на укрепление приграничных территорий, создание конструктивных форм взаимодействия с соседями [8].

В историографии фронтира на Юге России просматриваются два похода к изучению явления «колонизации» и освоения порубежных земель: подход, в основе которого фактор территории является доминирующим, и подход, в котором приоритет в определении понятия «фронтир» отдается цивилизационно-культурным аспектам взаимодействия автохтонного населения с переселенцами. Интересными представляются исследования, в которых намечена тенденция комплексного использования этих подходов. Так, в работах А.Ю. Мизиса и других авторов, помимо попытки избавиться от терминологического коктейля, характерного для фронтирных исследований этого периода, уточнен ряд понятий, отмечены основные отличительные признаки южнорусского фронтира: подчеркивается условность понятия «граница», динамичный/подвижный характер линии границы; фокусируется взгляд на существовании экспансии как фактора, сопровождающего процессы освоения сопредельной территории; отмечается различие в уровнях социально-экономического развития коренного населения и «колонизаторов» (термин А.Ю. Мизиса и соавторов), небольшое количество местного оседлого населения [14; 15; 20].

Проекция южнорусского фронтира как процесса освоения территорий, которые зачастую использовались в качестве места ссылки, на территории Урала и Сибири [24] служит дополнительным аргументом, подкрепляющим нашу идею о возможности построения моделей поведения акторов фронтира, инвариантных по отношению к действующим факторам.

Теоретическая база исследований северокавказского фронтира, по мнению отдельных ученых [23], хорошо согласуется с геополитическим подходом к изучению российско-кавказских отношений. Автору импонирует позиция исследователей кавказского фронтира, которая отрицает безусловный перенос теории Ф.Д. Тернера на историю российско-кавказских отношений [28]. Сегодня «северокавказский регион выступает в качестве “контактной зоны” различных этнических, религиозных и социальных групп, самоопределение и взаимодействие которых приобрело чрезвычайную политическую важность и историческую актуальность, поскольку

ситуация и состояние дел в данном пространстве оказывает системное воздействия на всю конструкцию современной российской государственности, в той или иной мере определяя ее будущность» [26: 16–17].

Результаты выполненного на материале современных исследований анализа условий, действующих факторов и акторов фронтирных процессов, проходящих на различных территориях, предлагается представить в виде «модели входов».

При построении модели входов предполагается, что вышестоящая система – это комплекс системообразующих факторов/условий, оказывающих существенное влияние на исследуемую систему; нижестоящая система – это комплекс факторов/условий, влиянием которых на исследуемую систему нельзя пренебречь; существенная среда – это совокупность внешних и внутренних воздействий, в том числе возмущающих, которые зачастую определяют вероятностный характер поведения исследуемой системы.

Представленные модели отражают всё многообразие процессов продвижения Росси на окраинные территории. Будучи инвариантными, модели, по сути, дают возможность исследователю получить пространство альтернатив, используя различные сочетания факторов, переопределяя статус входящих в модель элементов, оценивать объективные и субъективные причинно-следственные связи, тем самым реализуя системный подход к формированию парадигмы российского фронтира, основанной на интеграции методов научных исследований.

Моделирование как инструмент исследования сложных социально-политических и социально-экономических процессов пока не получило широкого распространения и применения в исторической науке. Опыт моделирования, предложенный автором, позволяет, учитывая специфику трансформации территориальных фронтиров, объяснить и прогнозировать поведение акторов процесса. Основная фронтирная идея, претерпевшая определенные изменения в приложении к реалиям отечественных исторических процессов, в контексте проведенного исследования открывает возможности для перехода от локальных, местечковых псевдотеорий к разработке универсальных моделей поведения акторов фронтирного процесса, обеспечивающих корректное описание всех этапов эволюции фронтира в России.

Источники и литература

1. *Барахвостов П.А.* Формирование и эволюция русских фронтиров // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 166–177.

2. *Басалаева И.П.*, *Дубман Э.Л.* и др. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (17). С. 81–105.

3. *Болховитинов Н.Н.* О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 23–35.

4. *Вартумян А.А.* Фронтир в северо-кавказской истории: специфика формирования // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д., 2017. С 315–321.

5. *Вартумян А.А.*, *Клименко И.С.* Имитационное и формальное моделирование политических процессов: опыт интеграции методологий // Управление в современных системах. Челябинск, 2020. С. 14–19.

6. *Вартумян А.А.*, *Клименко И.С.* Методы математического моделирования в управлении социально-политическими процессами: теория массового обслуживания // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 55–61.

7. *Вартумян А.А.*, Клименко И.С. Формальные модели и алгоритмы в политологии: теоретико-игровой подход // Современная наука и инновации. 2020. № 2 (30). С. 124–128.

8. *Ващук А.С.* Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 4. С. 105–135.

9. *Ефимов А.В.* Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф.Д. Тернера // Вопросы философии. 1958. № 5. С. 132–141.

10. *Забияко А.П.*, Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009.

11. *Иванова Л.М.* Концепция дальневосточного фронтира в современной российской историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 256–263.

12. *Клименко П.Ф.*, *Клименко И.С.* Социально-культурное развитие народов Кавказа: казахстанская проекция // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора В.П. Невской. Карачаевск, 2019. С. 324–326.

13. *Кулаков О.В.* Северные провинции Ирана в истории русского фронтира в Прикаспии // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 57–66.

14. *Мизис Ю.А.*, *Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронтира на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1. С. 9–16.

15. *Мизис Ю.А.*, Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 7–15.

16. *Миронов Б.Н.*, Степанов З.В. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975.

17. *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006.

18. *Побережников И.В.* Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории:

от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2017. С. 72–140.

19. *Сень Д.В.* Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66–80.

20. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронтира: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58–65.

21. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; 2-е изд., испр. и доп. М., 2016.

22. *Тёрнер Ф.Д.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин. М., 2009.

23. *Хотко С.Х.* Степной фронтир в Черкесской истории: к постановке проблемы // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 4. С. 49–62. DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-49-62.

24. *Хромых А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов III региональной молодежной научной конференции / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск, 2009. С. 108–113.

25. *Шебзухова Т.А.* Полиаспектный характер кавказского фронтира как объект системного анализа // Современная наука и инновации. 2023. № 1 (41). С. 110–114.

26. *Шебзухова Т.А.* Фронтир как историческое и социокультурное явление. Пятигорск, 2023.

27. *Шебзухова Т.А.*, *Вартумян А.А.*, *Клименко И.С.* Формальные модели как инструментальное средство в политологических исследованиях // Современная наука и инновации. 2019. № 2 (26). С. 283–291.

28. *Шеуджен Э.А.* К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 76–83.

Т. А. Шебзухова

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗА: ОТ ФРОНТИРА К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

Основной целью исследования является анализ истории зарождения и становления процессов межкультурного взаимодействия в историческом развитии Кавказа как пространства диалога культур. В соответствии с принципами и методологией научного познания автором использовались общенаучные подходы (системный анализ, ретроспективный метод) и частные специальные методики

(историко-генетический, хронологический подходы, сравнительно-нарративный метод). Методы системного анализа обеспечивают корректное определение терминов/понятий и категорий, связанных с предметом исследования; ретроспективный анализ позволил установить связь и степень влияния исторических событий на современные процессы формирования пространства межкультурного взаимодействия. Историко-генетический и хронологический методы дают возможность проведения нарративно-сравнительного анализа исторических и современных компонентов диалога культур.

Научное кавказоведение, возрождение и становление которого нашло отражение в системном подходе к организации форума кавказоведов, реализует основную миссию исторической науки – изучение прошлого, осмысление его влияния на события современности, отыскание закономерностей в исторических и современных культурно-цивилизационных процессах. Интерес к процессам кросс-культурного взаимодействия народов, населяющих Северный Кавказ, обусловлен геополитическим и географическим положением региона, полиэтническим составом населения и необходимостью изучения факторов, влияющих на гармоничное развитие современного социума.

Исследование истории и особенностей развития региона, проводимое автором в течение ряда лет, подтверждает необходимость и целесообразность систематизации уникального исторического материала, отражающего процессы социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа, позволяет говорить о том, что стремление этноса сохранить свою национальную идентичность не является препятствием для конструктивного диалога культур. Более того, автору импонирует мнение исследователей, которые констатируют, что «комплексный подход к истории и современной социальной жизни Кавказа и Юга России свидетельствует о безусловном доминировании конструктивных, мирных взаимоотношений народов региона над маргинальными сепаратистскими, экстремистскими и террористическими проявлениями (ни в коей мере не преуменьшая их социальную опасность)» [16: 140].

Интеграционные процессы на Кавказе имеют полиаспектный характер и представляют интерес не только для историков, но и для специалистов в области политологии, социальной философии, элитологии, культурологии и др. [4; 8]. Интеграция как процесс изменения формата взаимоотношений между властью и обществом, представителями различных народов, населяющих непростой в социальном отношении регион, каким является Северный Кавказ, имеет глубокие исторические корни [9; 10]. Будучи фактором структурной трансформации общества, интеграционные процессы, по сути, имеют неоднозначную природу: с одной стороны, взаимопроникновение культур не всегда положительно влияет на сохранение национального самосознания, традиций, обычаев и культурно-цивилизационного кода этноса, с другой – оно способствует расширению представлений о единстве культурных ценностей, их межнациональном характере.

Интерес к истории зарождения и развития межкультурных коммуникаций стал отправной точкой настоящего исследования, а парадокс современности, суть которого в «сочетании несочетаемого», обуславливает актуальность изучения истории и современного состояния процессов этноинтеграции и этнодифференциации, в основе которых лежит диалог культур. Широкий спектр проблем, связанных с диалогом культур как явлением в отечественной истории, диктует необходимость комплексного подхода к изучению генезиса и аксиологической сущности межкультурных коммуникаций.

Межкультурная коммуникация как научная категория, предложенная Д. Трейгером и Э. Холлом в исследовании по проблемам моделирования коммуникационной культуры [3: 171], сегодня рассматривается в разных аспектах: межличностное общение представителей разных культур, форма общения индивидов как «равноправное взаимодействие различных культур, менталитетов, картин мира, проявляющихся на формальном и неформальном уровнях межкультурного общения» и «различные виды субъект-объектной связи (вербальные и невербальные), используемые в процессе взаимодействия» [11: 186; 15]. Мы предлагаем позиционировать диалог культур как систему межцивилизационного взаимодействия, в основе которого лежат интеграционные процессы, сохраняющие национальную идентичность и формирующие целостность культуры многонационального социума. Такой подход требует погружения в историю диалога культур как явления, анализа степени влияния исторических событий на современное состояние региона, его стабильность и способность к инновационному развитию.

Зарождение активного диалога культур можно связать с феноменом кавказского фронтира, появление которого отдельные исследователи относят к началу XVI в., но общепринятая точка отсчета – строительство оборонительной Азово-Моздокской линии (последняя четверть XVII в.) [17; 19]. Принимая за время возникновения диалога культур продвижение России на Кавказ, обозначим основные этапы эволюции межкультурного взаимодействия, конкретизируя системообразующий фактор каждого этапа, цели, средства и последействие.

Этап первый: XVI–XVIII вв. Рассматривая кавказский фронтир как системообразующий фактор межкультурного взаимодействия, определим цели и задачи процессов продвижения России на Кавказ, которые до сих пор вызывают дискуссии в научном мире, оценим последействие процесса и степень риска как в контексте достижения обозначенных целей, так и в контексте исследуемой проблемы [18; 20]. В обозначенный исторический период основной целью государства было расширение и упрочение влияния России на Кавказе. Принимая во внимание классическую теорию фронтира, автор тем не менее поддерживает точку зрения тех исследователей, которые говорят о некорректности прямого приложения идей Ф. Тёрнера к процессам освоения Кавказа российскими пионерами-переселенцами из числа крестьян, казаков и др. При наличии

определенного социального неравенства, низком уровне грамотности населения, патриархальном укладе жизни в социуме нельзя отрицать наличие у автохтонных народов собственной, пусть и зачастую бесписьменной, культуры, вековых традиций, обычаев. Более того, жизненные практики коренного населения помогали переселенцам адаптироваться к непростым климатическим условиям ведения хозяйства на Кавказе, способствовали выработке адаптационных механизмов у обеих сторон фронтира, создавали предпосылки для конструктивного взаимодействия как на уровне социальных групп, так и на уровне межличностного общения. Конструктивный диалог всегда рассматривался как инструмент разрешения конфликтных ситуаций, средство согласования несовпадающих интересов. Кажущаяся неоднородность культуры народов Кавказа на данном историческом этапе не стала препятствием для органичной интеграции переселенцев из России в специфическую цивилизационно-культурную среду Северного Кавказа.

Исторические события начала XX в., потрясения от которых, по мнению автора, до сих пор не получили должной оценки, безусловно, отразились на стабильности и развитии межнациональных отношений на Кавказе. Выбирая между революцией как форматом интенсивного решения задач отдельных социальных групп и эволюцией, экстенсивным путем совершенствования межгруппового взаимодействия, необходимо оценивать риски, которые кроются под привлекательными, на первый взгляд, способами решения проблем. Ретроспективный анализ событий дореволюционного периода и периода до середины 1920-х гг. в контексте диалога культур позволяет утверждать, что проблема межэтнического коммуницирования в этот отрезок времени недостаточно полно сегодня освещается историками, правоведами, специалистами в области культурологии и социальной философии и требует дополнительных исследований.

Обозначим *второй этап* в процессе развития пространства диалога культур: конец 1920-х – 1930-е гг. В этот период государственная политика на Кавказе, по мнению отдельных исследователей, была направлена на сохранение и развитие этнического самосознания автохтонных народов Кавказа [2]. Системообразующий фактор этого этапа – индустриализация, цель которой – восстановление и развитие промышленного производства на Кавказе, вовлечение коренного населения в структуру системы управления государственными делами. Новая экономическая политика, ориентированная на комплексное развитие региона, способствовала реализации идеи о праве нации на самоопределение. На Кавказе возрождается и развивается промышленное производство, создается система подготовки кадров, ориентированная на привлечение представителей коренного населения, особенно молодежи, для работы в промышленном секторе; местное население участвует в деятельности органов самоуправления; меняется молодежная и гендерная политика. Такие изменения в структуре социума создали благоприятные условия для межкультурного взаимодействия: знакомство русскоязычного населения

с обычаями и традициями горских народов при одновременном формировании элементов городской культуры, развитии системы образования и здравоохранения оказали существенное влияние на возникновение у населения общих представлений о системе культурных ценностей, морально-этических нормах, цивилизационной общности [12–14].

Научно-техническая революция как системообразующий фактор *третьего этапа* (вторая половина XX в.) в контексте нашего исследования может оцениваться как прорыв в развитии межкультурных коммуникаций. Современные технологии и средства коммуницирования, доступность информации, интернационализация во всех сферах жизнедеятельности человека – вот далеко не полный перечень факторов, которые оказали влияние на формат и качество интеграции наций и народов в единое информационное пространство. Не отрицая существования негативных аспектов интернационализации социума, автор согласен с положительной оценкой роли межнационального общения в процессах трансформации общественно-политической жизни страны в целом и Кавказа как уникального региона. Интересными в этом контексте представляются исследования, посвященные региональному аспекту формирования гражданского общества [7], социально-политическим проблемам Кавказа [5], вопросам сохранения национальной идентичности народов Кавказа в условиях изменения структуры и состава социокультурного пространства [6].

Научно-технический прогресс способствовал созданию условий и предпосылок для *четвертого этапа* – глобализации и цифровизации (1990-е гг. – наше время) – в хронологии эволюции межкультурного взаимодействия. Глобализация как объективный процесс в силу своей противоречивой сущности на сегодняшний день не имеет однозначного определения, что позволяет автору дистанцироваться от экономического аспекта этого процесса и сделать акцент на трансформации мировосприятия в условиях поликультурного социума. Цифровизация, определяемая на первых этапах как процесс внедрения новых технологий сбора, обработки, передачи, хранения и отображения информации, сегодня оценивается как социальный феномен, оказывающий существенное влияние на процессы общения и взаимодействия стран, народов, этнических групп. Отметим, что, несмотря на существование единого информационного пространства и стремление сторонников глобализации к унификации, стандартизации, стиранию различий между национальными сообществами, сегодня сохраняются уникальные национальные культуры [1; 21]. Более того, в условиях поликультурного пространства многонациональных регионов создаются и развиваются центры национальных культур, призванные сохранять, распространять и приумножать культурные ценности этноса. Очевидно, что рациональное сочетание традиций и инноваций в организации духовной, культурной, политической, социально-экономической жизни общества – это едва ли не единственный путь к сохранению национальной идентичности в условиях глобализации,

который открывает возможности для диалога культур, основанного на принципах мультикультурализма и равноценности разных культур в современном цивилизационном пространстве.

Целостность культуры многонационального народа Кавказа подразумевает свою систему ценностей, среди которых национальное самосознание занимает далеко не последнее место. Показано, что интеграционные процессы, историко-хронологический анализ которых выполнен в исследовании, имеют противоречивый характер. Не отрицая того, что фронтир, революция, нэп, научно-технический прогресс, глобализация и цифровизация, по сути, являются факторами риска, способствующими нивелированию этнической самобытности, считаем возможным говорить о диалоге культур как об уникальном инструменте объединения локальных культур в единое цивилизационно-культурное пространство, препятствующем появлению антагонизма в процессах межнационального общения.

Источники и литература

1. *Авдеев Е.А.*, *Воробьев С.М.* Трансформация традиционных и современных ценностей полиэтничной молодежи Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3 (68). С. 107–116.

2. *Аккиева С.И.* Советская модернизация как детерминанта поселенческих и этнодемографических процессов в Кабардино-Балкарии с 1920 по 1940 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10 (54). С. 72–77.

3. *Андреева С.М.*, *Андреева А.М.* Межкультурная коммуникация как один из способов развития цивилизаций в поликультурном социуме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). С. 170–177.

4. *Боров А.Х.*, *Муратова Е.Г.* Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9989 (дата обращения: 20.06.2024).

5. *Вартумян А.А.* Новая региональная геополитическая реальность и ее роль в профилактике волны радикализма на Северном Кавказе // Влияние новой геополитической реальности на государственное управление и развитие Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Грозный, 20–21 сентября 2019 г.) / под ред. З.А. Саидова. Грозный, 2019. С. 313–316.

6. *Вартумян А.А.*, *Клименко И.С.* Национальная идентичность этносов Кавказских Минеральных вод через призму креативной организации пространства // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции «Россия: ключевые проблемы и решения». Вып. 2. Ч. 2. М., 2019. С. 563–565.

7. *Вартумян А.А.*, *Клименко И.С.* Формирование гражданского общества в цифровую эпоху: региональная проекция // Черноморская конференция – 2019: Сборник материалов III Черноморской международной научно-практической конференции Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Проблемы развития технологий, государства и общества в цифровую эпоху» (20–22 июня 2019 года, г. Севастополь). Севастополь, 2019. С. 158–159.

8. *Гурбанов Э.А.-О.* Северный Кавказ в российском социокультурном пространстве. Персиановский, 2013.

9. *Карамурзов Б.С.*, *Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 1. С. 12–40.

10. *Клименко П.Ф.*, *Клименко И.С.* Социально-культурное развитие народов Кавказа: казахстанская проекция // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора В.П. Невской. Карачаевск, 2019. С. 324–326.

11. *Колесникова Л.Н.* Соотношение понятий: диалог культур, межкультурная коммуникация и межкультурное общение // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 183–187.

12. *Кравченко И.Н.* К вопросу о процессах урбанизации, индустриализации и социокультурном развитии городов Северного Кавказа: сравнительно-исторический анализ // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 24–29.

13. *Мамилов М.С.* Проблемы индустриализации в национальных регионах Северного Кавказа в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 51–56.

14. *Мамилов М.С.* Пути решения кадровых проблем для промышленности национальных областей Северного Кавказа в начальный период индустриализации в СССР (сер. 20-х – нач. 30-х гг.) // Сборник научных статей Института социальных исследований / отв. ред. И.М. Сампиев. Назрань, 2020. С. 128–145.

15. *Меликов И.М.*, *Гезалов А.А.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–34.

16. *Черноус В.В.* Цивилизационно-культурный диалог на Кавказе – основа региональной стабильности // Кавказская цивилизация: историко-культурное наследие народов Юга России. Сборник материалов круглого стола. Магас, 2009. С. 140–151.

17. *Шебзухова Т.А.* Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.: социально-экономическое развитие // Миссия конфессий. 2019. Т. 8. № 3 (38). С. 284–291.

18. *Шебзухова Т.А.* Полиаспектный характер кавказского фронтира как объект системного анализа // Современная наука и инновации. 2023. № 1 (41). С. 110–114.

19. *Шебзухова Т.А.* Социально-экономические и культурные особенности жизни народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2230–2234.

20. *Шебзухова Т.А.* Фронтир как историческое и социокультурное явление. Пятигорск, 2023.

21. *Юрков Д.В.* Роль и место институтов традиционного общества в эпоху социальной модернизации в России начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2015. № 1. С. 5–12.

Е.Г. Муратова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАЛКАРИИ XVII – НАЧАЛА XX в.

При написании истории отдельного народа Северного Кавказа в среде профессионалов всегда встает вопрос о создании национальной истории как интегрированной и непротиворечивой части общероссийской истории. Помимо этого, в обобщающих историях Северного Кавказа и его республик необходимо осуществить синтез национальных историй народов региона, то есть достигнуть консенсуса по узловым проблемам [2: 50–51].

Большие расхождения историографических оценок обнаруживаются при рассмотрении всех ключевых вопросов истории Балкарии XVII–XIX вв., а именно: при типологизации общественно-политической структуры балкарского социума традиционного периода, в оценке уровня социально-экономического развития и роли архаичных политических институтов этого народа, в определении места балкарских обществ в системе политических связей Северо-Кавказского региона XVII–XVIII вв. [2: 48–85], а также при решении вопроса о времени и способах вхождения Балкарии в состав России [1: 295–296]. К этому еще следует добавить проблему политико-административной интеграции и этносоциальной консолидации Балкарии в условиях имперской модернизации России второй половины XIX – начала XX в. – то, что в отечественной историографии принято называть развитием в пореформенный период [3].

Между тем история Балкарии XVII – начала XX в. может быть понята только во взаимодействии трех групп факторов, которые составляют концептуальные основания ее изучения.

Во-первых, это постоянство природно-географических условий и устойчивость традиционного хозяйственно-культурного типа.

Во-вторых, это интенсивные и глубокие изменения исторической среды в результате включения в орбиту внутренней политики и социально-экономической системы модернизирующейся России.

В-третьих, это сложность, многослойность и внутренний дуализм самого горского общества.

Фундаментальными предпосылками формирования специфического уклада хозяйственной и общественной жизни традиционной Балкарии являлись ее природно-климатические и территориально-демографические характеристики. Суровые природно-климатические условия и географическая изоляция во многом определили морфологическую структуру, социокультурный облик и хозяйственный тип балкарских обществ XVII–XIX вв., наложили зримый отпечаток на характер, темпы и направление их этнополитического развития. Балкарские общества складывалась в определенной экологической нише – в труднодоступных ущельях на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. Исторические источники указывают на интенсивные процессы консолидации и ассимиляции народов, подчеркивают зыбкость и неустойчивость этнических границ на Центральном Кавказе в XVII–XVIII вв., особенно в контактных зонах, и вместе с тем позволяют проследить определенные изменения территории расселения балкарцев. К концу XVIII в. в источниках обозначены уже все пять подразделений балкарского народа (Балкарское, Чегемское, Хуламское, Безенгиевское и Урусбиевское общества). С 1830-х по 1870-е гг. этнические границы балкарцев сохраняли свою стабильность. Начиная с 1870-х гг., в предгорных районах для безземельных горцев стали создаваться новые селения: Гунделен, Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. По имеющимся данным, в последней четверти XVIII в. во всей Балкарии насчитывалось около 1560 дворов. К середине XIX в. численность балкарцев составляла от 9 до 10 тыс., к концу века она достигла 23,2 тыс., а к 1916 г. уже превысила 30 тыс. человек. Переселение части балкарцев из ущелий в предгорья, изменение границ расселения этноса благотворно сказались не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов. В новых поселках, где в начале XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения, субэтнические различия начали постепенно стираться, обнаружилась перестройка внутрисистемных связей [3: 24].

В Балкарии вековой опыт ведения скотоводческого хозяйства, приспособления к центрально-кавказскому высокогорью привел к высокому уровню специализации и наиболее целесообразному в этих условиях отгонно-пастбищному скотоводству, которое являлось ведущей отраслью хозяйства. Исходя из комплексного характера хозяйственно-культурного типа, можно характеризовать балкарское общество как общину оседлых скотоводов-земледельцев, ведущей отраслью хозяйства которых было альпийское скотоводство и связанная с ним система жизнеобеспечения.

Созданная деятельностью всего населения хозяйственная среда: хуторная система, террасирование полей, нормативное регулирование хозяйственной деятельности и водопользования – имела структурообразующее воздействие на саму

горскую общину. Экономической основой балкарских обществ, помимо общинного владения некоторыми земельными угодьями, была и частная собственность горцев на пахотные и покосные участки при наличии их верховной собственности на всю занимаемую территорию.

Ограниченное пространство горных теснин определяло территорию, поддерживало политическую общность немногочисленного населения, устанавливало четкое разделение «внутреннего» и «внешнего». Обозначившаяся политическая консолидация на общинных началах способствовала длительному сохранению властных полномочий общественного самоуправления, с достаточно эффективно действовавшей защитной функцией общин в отношении основной массы населения в условиях роста имущественного и социального неравенства. Регулирование хозяйственно-экономических и сословно-правовых отношений в традиционном балкарском обществе проходило на основе норм адата. При этом представители владельческого сословия, являвшиеся носителями общественной власти, оставались такими же объектами обычного права, как и рядовые горцы.

Говорить об организованных системах власти, то есть потестарно-политических структурах, можно применительно к отдельным балкарским обществам. Именно здесь был сосредоточен весь набор традиционных органов самоуправления, таких как народное собрание, совет старейшин, система различных судов, институт княжеской власти. Определение границ территории, которую осваивало население, обеспечение защиты этой территории от нашествия врагов и притязаний соседей, установление норм, регулирующих общественную и хозяйственную жизнь самой общины, решение судебных споров и т.п. – всё это являлось функцией указанных выше институтов общинной власти.

Но сводить традиционный балкарский социум только к общине было бы неправомерно. Будучи фактором более высокого порядка, этническое единство населения всех балкарских обществ обеспечивало поддержание устойчивых социальных, хозяйственных и политических отношений межобщинного и надобщинного уровня (родства, хозяйственного обмена, военных союзов). С другой стороны, нельзя забывать, что речь здесь идет не о родовой или соседской (крестьянской) общине, а об иерархическом, стратифицированном, сословно-классовом обществе, в котором систему властных отношений следует характеризовать как позднепотестарную или предполитическую.

Если вышеприведенные характеристики условий традиционного балкарского общества объясняют значительную устойчивость ряда его черт, то источником его исторической динамики, тех трансформаций, которые оно претерпело на протяжении исследуемого периода, выступает политика Российского государства на Кавказе и его воздействие на внутреннюю жизнь местных обществ. Фактор российской политики не оставался неизменным. При всех поворотах в этой сфере можно говорить о постепенном нарастании активности, масштабов и глубины

воздействия России на социально-исторические процессы в балкарском обществе. На этом пути можно выделить ряд этапов.

Первый этап, XVII–XVIII вв. – эпоха эпизодических политических и экономических контактов балкарцев с Российским государством. В целом, в обозначенный период можно констатировать устойчивое существование горских обществ в рамках традиционной социо-цивилизационной системы центрально-кавказского региона. Место балкарских общин в этой системе изначально определялось соотношением политических сил весьма разных по своим возможностям этносоциальных образований, а особенности хозяйственных и социокультурных взаимодействий с соседями обусловливались дихотомией «горы – равнина». Взаимоотношения балкарцев с соседними народами определялись проницаемостью социокультурных границ для межэтнических контактов и обеспечивались наличием элементов единой социо-нормативной инфраструктуры, сформированной на основе традиций и обычаев отдельных народов региона и признававшейся всеми этническими группами. То есть возникал особый социально-правовой континуум, обеспечивающий взаимодействие различных традиционных обществ.

Второй этап охватывает последнюю четверть XVIII в. – 1820-е гг. В это время сложились политические предпосылки для вхождения Балкарии в состав империи. Процесс присоединения горских обществ был опосредован Кавказской войной и растянулся на несколько десятилетий. Разрушение системы этнополитического равновесия на Северном Кавказе, установление военно-политического контроля империи в регионе и строительство новой укрепленной линии у самых гор привели к включению в 1820-х гг. Балкарии в состав России. Политически это событие было оформлено актом присяги 11 января 1827 г., принятой главами владельческих фамилий всех балкарских обществ.

Третий этап, 1830–1860-е гг. – период «автономного» существования горских обществ в условиях внешнего российского управления. Эти 30 лет отмечены постепенным процессом выстраивания системы косвенного управления при сохранении базовых основ функционирования балкарского социума.

Четвертый этап, 1860-е гг. – 1917 г. характеризовался постепенным распространением на Северный Кавказ в целом и Балкарию в частности общероссийских государственных и гражданских порядков, проведением земельной и сословной реформ. В этом контексте главным фактором подрыва автономности горских обществ стало включение в административно-политическую систему Российского государства [4]. Фактически в пореформенный период балкарские общины потеряли свою самостоятельность и самоуправление. К началу XX в. сфера воспроизводства социальных традиций, всего ценностно-нормативного уклада балкарского общества была заметно сужена и испытывала повседневное воздействие неорганичных для нее внешних факторов. Вместе с тем балкарские общины обладали значительным потенциалом для адаптации к новым условиям

и для сохранения преемственности в этносоциальном развитии. В большом российском обществе они продолжали функционировать как более или менее целостные подобщества, способные к удовлетворению основных социальных потребностей своих членов.

Если источники исторической динамики балкарского общества лежали вне его – в политике Российского государства, то характер реакции, формы и пути трансформации социальных институтов определялись особенностями внутренней структуры балкарского общества, которое отличалось многослойностью и дуалистичностью.

Рассмотрение балкарских обществ XVII – начала XX в. как целостных социальных образований выдвигает на первый план сложность их структуры, многоукладность и неоднозначность социальных форм, имеющих различное происхождение. Общественная организация балкарцев объединяла разные семейно-родственные группы, сложно дифференцированные по своему сословному и имущественному статусу социальные слои и различного рода половозрастные корпоративные структуры, связанные с обменом деятельностью. Это хитросплетение разнообразных связей превращало общину в живой динамичный организм и объясняло особую противоречивость происходивших в ней процессов.

Дуализм горской общины, существование в ней частновладельческого и общинного начал давали ей значительные возможности для эволюции. Борьба этих двух начал не означала процесса неуклонной победы частновладельческого начала над общинным. Одни социальные факторы: развитие индивидуальной зависимости и эксплуатации, товарных отношений, захват общинных угодий, сословная реформа и образование новых сёл – действовали в направлении разложения общины. Другие, часто разнородные: необходимость обороны, совместный режим водо- и землепользования, обусловленный хозяйственно-культурным типом, заинтересованность в общине как в органе местного управления, искусственное закрепление общинных структур в результате административной политики – способствовали ее сохранению. Поэтому иногда тенденция разложения сменялась тенденцией упрочения общинных структур.

Влияние исторической среды стимулировало тот или иной из полюсов внутреннего дуализма горской общины. В обоих случаях община трансформировалась в качественно новое состояние, причем направление эволюции зависело не столько от специфики ее строя, сколько от особенностей структуры социального организма, частью которого она являлась. Сельская община прошла длительную модернизацию, претерпела значительные изменения, потеряла черты своего патриархального демократизма, но все же сохранилась как важнейшая организация общественной жизни балкарцев.

Исследование истории Балкарии XVII – начала XX в. сквозь призму горской общины – основной социальной единицы этнического социума – подводит к постановке более общих вопросов и высвечивает перспективы дальнейших

исследований. В конечном счете, это вопрос о переходе от изучения отдельных аспектов социальной истории к целостной реконструкции истории балкарского общества на его пути от традиции к современности. Дело в том, что традиционная Балкария предстает в источниках и литературе прежде всего как совокупность «горских обществ», то есть сельских общин. Этим обстоятельством вызван отказ некоторых специалистов употреблять собирательное понятие «Балкария» при освещении истории балкарского народа вплоть до советской эпохи.

Действительно, на протяжении XVII – первой половины XIX в. горская община оставалась автономной единицей общественной организации исторической Балкарии, обладавшей высокой степенью самодостаточности. Но если в территориальном, хозяйственном, административном отношении существовало четкое разграничение отдельных балкарских обществ, то в социокультурном плане такого разграничения не было. В рамках отдельных общин все социально-политические функции легитимизировались именно этносоциальной традицией и отнесением к единому этнокультурному миру, отличному от окружающей иноэтничной среды. Внутренняя системность каждого из балкарских обществ определялась единой для них всех ценностно-нормативной инфраструктурой социального порядка. Таким образом, их интеграция носила не «вертикальный», основанный на отношениях центра и периферии, а «горизонтальный» характер. Это позволяет рассматривать их в «ансамбле», в качестве некоего социетального сообщества.

На протяжении же XIX в. горская община приобретала все более «открытый», «разомкнутый» характер. Общество как бы выходит за пределы локальной общины, приобретая собственный социетальный масштаб, соответствующий этническим границам. История балкарского народа в XX в. уже со всей очевидностью демонстрирует, как социальная история превращается в историю общества.

Источники и литература

1. *Боров А.Х.*, *Дзамихов К.Ф.*, *Муратова Е.Г.* Об основных этапах совместного развития России и народов Кабардино-Балкарии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 295–306.

2. *Боров А.Х.*, *Муратова Е.Г.*, *Азикова Ю.М.* Центральный Кавказ как пространство социально-политических взаимодействий: итоги и перспективы изучения // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 48–85.

3. *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 2. С. 12–36.

4. *Муратова Е.Г.* От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII–XIX вв. // Вестник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований. 2017. № 3 (34). С. 7–12.

В.Д. Дзидзоев

ПОДДАНСТВО ЮЖНЫХ ОСЕТИН ФЕОДАЛЬНОЙ ГРУЗИИ (постановка проблемы)

О подданстве южных осетин феодальной Грузии, под которой имеется в виду Картли, а затем Картли-Кахетинское царство, не приходится сомневаться в силу нескольких объективных причин. Во-первых, южные осетины, как и их далекие предки – аланы, сарматы и скифы, большими волнами переселялись на территорию Южной Осетии. Они осели не только на территории Южной Осетии, как составной части Картли, но и на других землях феодальной Грузии, которая вынуждена была вести постоянные войны с иностранными захватчиками, по военной силе, как правило, превосходившими грузин. Во-вторых, в исторических источниках и исследованиях авторитетных ученых, как академиков И.А. Джавахишвили, М.М. Бердзенишвили, профессоров Г.Д. Тогошвили, Д.В. Гвритишвили, так и более молодых ученых, например, профессора В.Н. Гемрекели, подчеркивается, что не только южные осетины, но и некоторые другие негрузинские народы (кипчаки) были подданными грузинских царей. Автор настоящих строк также считает южных осетин подданными грузинских царей. Подданство (англ. *citizenship*) – в конституционном праве «понятие, означающее юридическую принадлежность и правовую связь лица с государством, главой которого является монарх». Подданство соответствует понятию «гражданство» в государствах с республиканской формой правления [9: 641]. Разумеется, южные осетины, как и другие подданные грузинского царя, безоговорочно подчинялись монарху как верховному главнокомандующему «и признавали его власть над собой» [1: 863]. Заметим и то, что ни южные осетины, ни Грузия в этом отношении не являются исключением, так как в странах Европы в Средневековье существовали те же самые тенденции и законы.

Чтобы лучше понять суть и значение подданства следует иметь в виду, что Грузии, которая постоянно вела войны, необходимы были подданные, независимо от их этнической принадлежности. Конечно, кроме самих грузин, которые обязаны были сражаться за свое Отечество, Грузию в многочисленных войнах защищали и южные осетины, многие из которых не просто служили ей, но давно перешли в грузинскую политическую, религиозную и духовно-нравственную среду. Трудно перечислить все войны Грузии с иностранными захватчиками, в которых принимали участие южные осетины. Приведем лишь некоторые из фактов. Так, в 1751 г. владетель Тавриза, могущественный Азат-хан, начал угрожать не только интересам Грузии, но и других территорий Южного Кавказа. В его планы входило даже завоевание всей Персии. Хан Еревана, напуганный агрессивными намерениями и практическими действиями Азат-хана, обратился за помощью к грузинам. В аналогичных случаях цари Грузии, как правило, обращались за помощью к народам

Северного Кавказа, в том числе к Осетии, Черкесии и другим горным странам. Грузинский историк того времени Папуна Орбелиани сообщает интересные факты, которые сводятся к тому, что «в период опасности в 1751 г. снова из Грузии были отправлены уполномоченные в Осетию, Черкесию и другие горные страны, которые находились на Северном Кавказе» [4: 435]. Орбелиани приводит и другие подробности относительно участия осетин в войнах Грузии. Он пишет, что «осетинские войска прибыли в военный лагерь Ираклия II» [4: 435]. Речь в данном случае идет о северных осетинах, которые воевали за интересы Грузии по найму. Далее Папуна Орбелиани дает интересные сведения об организации сбора войск, призванных на помощь Ираклию II.

Небольшое войско Ираклия II недалеко от Еревана столкнулось с огромным войском Азат-хана, который командовал почти 20 тыс. отборных солдат. Бой начался с атаки Ираклия II, который командовал грузино-осетинским войском. Атака была неожиданной и хорошо подготовленной с военной точки зрения, и грузино-осетинские войска нанесли решающий удар по центру войск Азат-хана и фактически дезорганизовали ряды вражеских солдат. Была одержана победа над войсками Азат-хана. Заметим, что ни сами грузины, ни южные осетины – подданные грузинского царя – за кровопролитие в боях ничего не получали в качестве вознаграждения, в отличие от наемных войск.

Мусульманские ханства периодически угрожали Грузии. После победы над Азат-ханом она в скором времени снова оказалась под угрозой нападения врагов. Могущественный Аджи-Чалаба, хан Шаки-Шарвана, начал готовиться к военной схватке.

Разумеется, не только Ираклий II, но и руководители близлежащих государств прекрасно были осведомлены о намерениях друг друга. Аджи-Чалаб хотел уничтожить Ираклия II и Грузию в целом, так же, как и Ираклий II вынашивал планы уничтожения Аджи-Чалаба. При этом каждая сторона прибегала к помощи других государств, а также наемных сил. В то время такая политика вписывалась в нормы международных отношений. В феврале 1751 г. Аджи-Чалаб с помощью дагестанских войск, в которых преобладали аварцы и лезгины, нанес поражение войскам Ираклия II. Конечно, война с Азат-ханом временно расстроила планы походов друг против друга царей Грузии и ханов Южного Кавказа.

Аджи-Чалаб как хитрый и дальновидный руководитель решил объединить мусульманские ханства, подготовиться к решающей схватке и нанести поражение христианской Грузии. Для этого ему нужно было найти точки соприкосновения ханств Ганджа – Карабаха и Еревана, а также объединенных сил Дагестана. Собранная таким образом внушительная военная сила становилась слишком опасной для других государств Южного Кавказа. Достаточно сказать, что Ираклий II вынужден был платить ежегодно дань даже отдельным народам Дагестана [3: 179], а объединенная с другими ханствами военная сила реально угрожала самой Грузии. В 1752 г. Аджи-Чалаб напал на Грузию, и снова начались кровопролитные

сражения, в которых наряду с этническими грузинами сражались подданные грузинских царей, включая и южных осетин. Фактически Картли-Кахетия оказалась разграбленной. Настоящий ужас наводили аварцы, даргинцы, лезгины и другие народы Дагестана. Папуна Орбелиани пишет, что собственных сил у Грузии не хватало и начался сбор войск под знаменами Ираклия II: «Ираклий II в очередной раз обратился к народам Северного Кавказа и в первую очередь к Черкесии и Осетии для сбора войск» [4: 444]. Грузинский царь срочно направил в Черкесию своего специального представителя Зураба Зедгенидзе с особой миссией по сбору войск. Представитель Ираклия II вел успешные переговоры с местными владетелями, была достигнута договоренность, что они дадут войска из черкесов, но черкесские правители потребовали жалованье. По непонятной причине они тянули время, что не устраивало ни Зураба Зедгенидзе, ни Ираклия II. Папуна Орбелиани пишет о затягивавшихся переговорах: «Черкесские князья и дворяне прибыли в Грузию, ознакомились с приказом царя, обещали нужное количество черкесских войск, но вопрос о жаловании надо было решать до перевода войск» [4: 444]. Общественно-политическая и военная обстановка для Грузии была сложной, и нужно было торопиться. В этой ситуации «царь Грузии Ираклий II с согласия другого грузинского царя Теймураза сам отправился в Черкесию. Царь прибыл в Хеви, остановился там и оттуда отправил своих людей в Черкесию. До прибытия черкесов пришли осетинские войска, потом явились и черкесы, договорились с царем об условиях сбора войск и жаловании» [4: 444].

Из этого сообщения следует, что черкесы часто выручали Грузию, когда ей грозила военная опасность. То же самое можно говорить о северных осетинах, которые также участвовали в войнах Грузии с иностранными захватчиками. И хотя черкесы, осетины и другие народы участвовали в войне по найму, тем не менее их помощь трудно переоценить в те моменты, когда собственных сил у Грузии не хватало.

Из сообщения П. Орбелиани не совсем понятно, почему черкесы тянули время, но можно предположить, что они хотели повышения жалования за участие в войне. Об этом свидетельствует и то, что Ираклий II сам отправился в Хеви, поскольку не согласовал с черкесскими князьями сумму денежного вознаграждения. Тем не менее черкесы и осетины поддержали Ираклия II. На поле боя отличились как осетины, так и черкесы. П. Орбелиани писал: «Осетинская часть подверглась сильному натиску врага. В это время Ираклий II нанес мощный удар основным силам врага, в результате чего противник потерпел жестокое поражение. В этом бою отличились и черкесы» [4: 446].

Нанимаемые Грузией войска состояли из представителей многих народов Северного Кавказа. Как правило, они получали жалованье за участие в войне. Отметим, что им платили даже тогда, когда по разным причинам в военных действиях они не могли участвовать. Наиболее солидную награду получали предводители войск, т.е. представители высших феодальных кругов, что было

обусловлено необходимостью заручиться их поддержкой и в дальнейшем в аналогичных ситуациях. Таким образом, осетины, черкесы, дзурдзуки (предки современных чеченцев), другие народы Северного Кавказа несли военную службу в Грузии за жалование, которое выдавали цари из династии Багратионов. Книги жалований почти ежегодно обновлялись. Для приглашения осетин из Северной Осетии достаточно было сообщить им о необходимости участия в военных сражениях, и они, как правило, в короткое время прибывали на помощь грузинским войскам. Такая помощь со стороны осетин и других народов Северного Кавказа стала традицией. Грузинские князья и феодальная верхушка оценивали такую помощь по достоинству. Кроме того, такие дружеские отношения способствовали укреплению не только боевого содружества, но и сближению народов во всех остальных сферах жизни – политической, религиозной, духовно-нравственной и др.

Добрососедские взаимоотношения между Грузией и Осетией, продолжавшиеся веками, оставили заметный след во всех сферах жизни двух соседних народов, начиная от экономики и заканчивая кровнородственными связями. Осетия испытала огромное влияние грузинской политики, культуры, духовно-нравственных традиций. В меньшей степени, но и на Грузию повлияли отношения с осетинским народом. Тесные взаимосвязи с Грузией повышали значимость правящих кругов Осетии в обществе. Цари Грузии и их ближайшее окружение, включая христианское духовенство, почти всегда проявляли интерес к Осетии. Здесь их особо привлекала возможность упрочения тех сил, которые не только хотели, но и в реальной действительности добивались максимального сближения с Грузией. В целом следует согласиться с историком грузинской царицы Тамары, писавшем, что «она приблизила к себе осетин, касогов (кабардинцев. – *В.Д.*), трапезундов, которые начали жить свободно, и стало безопасно от врагов» [2: 15]. Эти сведения подтверждаются и другими фактами. В Грузии до сих пор хранят память о кровавых событиях 1795 г., когда Ага-Магомед-хан из династии Каджар напал на Картли с целью уничтожения грузинского народа. Его войско состояло «из 35 тысяч отборных воинов» [3: 180]. Грузинский царь Ираклий II не смог должным образом подготовиться к обороне. Под его руководством «удалось собрать только пятитысячное войско» [5: 258]. С ним грузинский царь встретил Ага-Магомед-хана. Решающее сражение между грузинами и персами произошло 11 сентября 1795 г. на Крцанисском поле. Грузины, а также подданные Картли отчаянно бились с персами, но тем не менее потерпели поражение, хотя в ожесточенной битве участвовал и сам Ираклий II.

Южные осетины вместе с другими подданными Ираклия II принимали активное участие в битве с персами. Специалист по истории грузино-осетинских отношений, профессор Г.Д. Тогошвили отмечает, что южные осетины, проживавшие в Арагвском, Ксанском и Лиахвском ущельях, принимали активное участие в этой битве [5: 258]. Сегодня трудно подсчитать точную численность осетин, участвовавших в кровопролитной битве на Крцанисском поле. Грузино-осетинское

братство в очередной раз было скреплено совместно пролитой кровью в сражении с захватчиками Грузии. Это служит еще одним подтверждением, что южные осетины, как подданные феодального государства, рассматривали Картли как свою родину. Один из героев битвы на Крцанисском поле царевич Иоане 30 сентября 1796 г. пожаловал тбельским осетинам Туаури (Туаевым. – *В.Д.*) книгу милости, где сказано: «Мы, царевич Иоане, написали эту книгу милости и дарим тебе, нашему преданному крепостному, Тбельскому осетину Ору Туаури (Туаеву. – *В.Д.*), твоим сыновьям Хосру, Атосу и внукам твоим Габилу, Мамсу и будущим твоего дома в знак того, что ты служил нам на этот раз верную службу, служил и раньше преданно и за это жалуем вам тарханную (дворянскую. – *В.Д.*) грамоту, и впредь ждите от нас милостей» [6: 618]. Из этого документа понятно, что осетинская семья Туаури оказала царевичу Иоане какую-то существенную помощь, за что царевич подарил осетинскому семейству полное тарханство, т.е. дворянство. При этом царевич обещает и дальше хорошо относиться к осетину и его семейству.

В Центральном государственном историческом архиве Грузии хранятся так называемые «книги милости о дарении поместья». В одной из них, выданной в ноябре 1796 г. той же осетинской семье Туаури (Туаевым), более подробно сказано о характере службы осетина грузинскому престолу: «Ты, Хосро Туаури (Туаев. – *В.Д.*), находился с нами и остался до конца с нами в тех событиях и преданно служил нам. И за это дарим вам поместье за честную и добрую службу во время Ага-Магомеда-хана» [7: 478].

Политическое, экономическое и особенно боевое содружество между грузинами и осетинами продолжалось не только в годы правления Ираклия II, но и в дальнейшем. Так, во время царствования наследника Ираклия II Георгия XII (1798–1800 гг.) в Картли происходили болезненные и тяжелые перемены. После смерти Ираклия II развернулась борьба за царский престол, которая ослабляла государство. Разумеется, в таких условиях оно не могло вести успешную борьбу с иностранными захватчиками. В этот период грузино-осетинское содружество заметно пошатнулось. Архивные документы проливают свет на некоторые стороны грузино-осетинских отношений этого периода. Интересен приказ царевича Вахтанга захским и трусовским осетинам от 1798 г., в котором сказано: «Вахтанг, сын царя, приказываю захским и трусовским осетинам, что наш племянник, царевич Давид, прибудет в Куртатию (Куртатинское ущелье – и в те годы, и в настоящее время – территория Республики Северной Осетии – Алании. – *В.Д.*). Как подобает вашей преданности, так и постарайтесь оказать ему помощь во всем, в чем он нуждается. Вы же знаете, что ваше преданное служение не будет предано забвению ни сыновьями его величества, царя Георгия, ни нами» [8: 922]. Таким образом, архивный документ свидетельствует о том, что, во-первых, трусовские и захские осетины были крепостными крестьянами, во-вторых, власть царевича Вахтанга над ними не была неограниченной, иначе бы он не обещал за оказанную службу определенное вознаграждение. Под трусовскими осетинами нужно понимать

крестьян Трусовского ущелья (по-осетински – Тырсыгом), которые жили с древнейших времен на территории Алании – Осетии, но в годы советской власти в результате национально-государственного строительства на Кавказе оказались на территории Грузии. Захские осетины – крестьяне, проживавшие вдоль реки Закка, в настоящее время эта территория относится в основном к Республике Южной Осетии.

В истории взаимоотношений Грузии и Осетии было много интересного и поучительного. В период татаро-монгольского нашествия на Аланию – Осетию и Грузию, а также в тяжелейший период нашествия среднеазиатского эмира Тамерлана (Тимура) обе страны испытали не только горечь поражения, но и страшные катаклизмы. В архивах нет документов, которые бы проливали свет на этот тяжелый период. Тем не менее не будет преувеличением утверждать, что до этих страшных событий и в последующие эпохи взаимоотношения Грузии и Осетии можно оценивать в целом как дружественные и взаимовыгодные, чему способствовал ряд факторов. Во-первых, и Грузия, и Осетия подвергались завоевательным походам со стороны иноземных захватчиков. Во-вторых, добрососедские отношения сближали оба народа, тем более что осетины всегда отличались склонностью к ассимиляции с другими народами, особенно – более сильными. В-третьих, осетины, часть которых были подданными грузинских царей, участвовали в сражениях за интересы Грузии. Таким образом, грузино-осетинские отношения на протяжении веков складывались на основе боевого сближения, военного союза, направленного против врагов Грузинского государства. Сказанное вовсе не означает, что грузино-осетинские добрососедские отношения сводились только к совместному участию в войнах. Помимо этого, на протяжении длительного времени формировались прочные экономические, культурные, духовно-нравственные связи. Отметим, что со времен Давида IV Строителя происходило активное сближение между Грузией и Осетией. Не последнюю роль в этом процессе, надо полагать, сыграло то, что южные осетины стали полноправными подданными грузинских царей. Подданство их продолжалось и в периоды царствования других грузинских правителей. Царь Давид Строитель, как дальновидный и мудрый грузинский монарх, увидел прекрасную перспективу подданства не только южных осетин, но и некоторых других народов, также ставшими «своими» для грузинских царей. Участие негрузинских народов в различных войнах за интересы Грузии, надо полагать, было не единственным условием для получения статуса подданных. На наш взгляд, дополнительными требованиями были, как минимум, знание грузинского языка, соблюдение грузинских традиций и обычаев, переход в христианство. Проще говоря, необходимо было, чтобы целый народ или отдельный его представитель полностью соответствовал грузинскому политическому и духовному миру. Именно эти условия, которые на протяжении многих веков четко выполняли южные осетины, позволяют утверждать, что они были подданными грузинских царей.

Источники и литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
2. *Дондуа В.Д.* Басили-историк царицы Тамар // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 33–76.
3. История Грузии. Учебник для VIII–X классов / под ред. Н.А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1960.
4. *Орбелиани П.* Амбавни Картлиса (История Картли) // Картлис цховреба. Ч. II. СПб., 1854. С. 343–474 (на груз. яз).
5. *Тогошвили Г.Д.* Избранные труды по кавказоведению: в 2 т. / отв. ред. Л.А. Чибиров. Т. 1. Владикавказ, 2012.
6. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИА Грузии). Ф. 14448. Оп. 1220, Д. 458.
7. ЦГИА Грузии. Ф. 14448. Оп. 15342. Д. 516.
8. ЦГИА Грузии. Ф. 14448. Оп. 16708. Д. 1862.
9. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007.

Д.В. Сень

ТОЛМАЧИ И ПЕРЕВОДЧИКИ ВОЙСКА ДОНСКОГО XVIII в.: новые материалы для просопографического описания

Статья является продолжением авторского исследования 2023 г., в котором дано обоснование новой научной темы, составлен и опубликован предварительный список толмачей и подтолмачей Войска Донского конца XVII–XVIII вв., а также некоторых переводчиков указанного периода [21]. Этот список не является исчерпывающим несмотря на то, что в нём учтен 21 человек из числа толмачей и подтолмачей (главным образом – войсковых), а помимо них – несколько переводчиков. Данная работа уточняет и дополняет опубликованные автором сведения о лицах из числа войсковых толмачей, подтолмачей и переводчиков. Она детализирует намеченную ранее методику и содержание их просопографического описания, верифицирует авторские гипотезы с учетом как ранее полученных данных (документы Архива внешней политики Российской империи, Государственного архива Астраханской области (ГААО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)), так и реализации очередного этапа архивной эвристики (ГААО[1], ГАРО, РГВИА, Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД)).

[1] Документы из ф. 394 ГААО (Оп. 1. Д. 1390; Оп. 2. Д. 23) выявлены и любезно предоставлены мне к.и.н. В.В. Грибовским. Документы из д. 1958 того же архива и того же фонда выявлены автором статьи.

Актуально связать тематику статьи с анализом форм и способов сбора на юге региона дипломатической, разведывательной и иной документации восточного происхождения, активно поступавшей на Дон и после окончательного подчинения Войска Донского в Петровскую эпоху. К примеру, после перехода Войска Донского в ведение Военной коллегии (1721 г.) регулярной стала отправка переписки (включая оригиналы входящей переписки и копии исходящей переписки) атаманов Войска Донского, например, с элитами Крымского ханства (включая правящих ханов, кубанских сераскеров), с ачуевским мухафызом [15: 7, 8–8 об., 105, 107–110, 143–146а об., 146, 147, 151–157, 187, 188]. В свое время А.П. Пронштейн обратил внимание на то, что, когда в 1718 г. крымский хан Сеадет-Гирей III направил письмо Войску Донскому, оно было тут же переправлено в Санкт-Петербург [10: 220]. И всё же часть такой входящей документации переводилась именно в Черкасске (например, письма азовских пашей), поскольку требовала оперативной реакции войсковых властей.

Коммуникации Войска Донского с крымскими и кубанскими властями имели место еще в середине XVIII в. Так, по-прежнему малоизученной остается переписка Войска Донского с крымским ханом начала 1740-х гг. [14]. Войсковым наказным атаманом С.Д. Ефремовым был отправлен на Кубань в ноябре 1749 г. к «кубанскому сераскеру Селимгирею салтану и к Мамбет-аге с писмами» донской казак И. Фёдоров [3: 1]. 13 декабря того же года он вернулся с Кубани в Черкасск, «и что о тамошних произхождениях обявил со оного, також и с присланных с ним от кубанского сераскера и Мамбет аги писем, которые за опасностию перекопированы и с тех копеи переведены…» [3: 1][1]. Обращает на себя внимание, что указанные копии и переводы созданы между 13 и 15 декабря 1749 г., что позволяет сделать вывод о том, что их оперативный перевод, скорее всего, был организован в Черкасске. Переписывался наказной атаман с кубанским сераскером Селим-Гиреем и позже, например, в 1750 г., а крымский хан Арслан-Гирей писал в том же году войсковому атаману Д.Е Ефремову. Тот, в свою очередь, писал в том же году как самому крымскому хану, так и кубанскому сераскеру [3: 66, 68–68 об., 70–70 об., 256–257]. Войсковой атаман С.Д. Ефремов писал кубанскому сераскеру в 1758 г. [8: 305], кубанскому же сераскеру Гази-Гирею и калге Сеадет-Гирею – в 1761 г. [8: 324]. Известна его переписка с нурадыном Максуд-Гиреем и кубанским сераскером Бахадыр-Гиреем еще за 1750-е гг. [18]. Переписка войскового атамана С.Д. Ефремова с крымским ханом Крым-Гиреем имела место в 1761 и 1762 гг.; калга Сеадет-Гирей писал войсковому атаману с Кубани в 1762 г. [8: 314–315, 353; 5: 5–6 об.]. Поэтому необходим системный анализ всех категорий переводчиков, обеспечивавших устойчивую (но, конечно, не исключительную) коммуникацию российских властей на Юге через Войско Донское с центральными и региональными властями Крымского ханства, Калмыцкого ханства,

[1] См. в том же деле перевод на русский язык письма кубанского сераскера Селим-Гирея [3: 6–6 об.].

с османскими чиновниками и пр. Полагаю, что переводчикам Войска Донского здесь принадлежала существенная роль; ведь обеспечить переводы подобных документов усилиями только «сторонних» специалистов (например, присылаемых время от времени в Новый Транжамент из Коллегии иностранных дел и т.п.) было проблематично. То же относится к деятельности войсковых толмачей и других казаков (тоже владевших восточными языками – например, кейсы 1750–1760-х гг.: Евдоким Греков, Пётр Греков, Владимир Закалиев, Алексей Каршин, Клим Паниотов, Яков Ханженков), активно вовлекаемых в процессы сбора военной, разведывательной и иной информации в Крыму, на Северном Кавказе (включая Кубань), регулярно передаваемой Войском Донским центральным учреждениям (прежде всего, Военной коллегии) [12; 13; 16; 17; 19; 20], «пограничным» российским губернаторам и пр.

По-прежнему актуальны наблюдения над эволюцией как количественного/персонального состава толмачей и переводчиков, так и над историей самих войсковых чинов в контексте нескольких исследовательских проблем истории донского казачества XVIII в. Среди них выделим следующие: эволюция потестарных структур Войска Донского, трансформация донской казачьей старшины (еще и потому, что часть войсковых толмачей родом была «из старшинских детей»), участие Войска Донского в пограничных и иных контактах с государствами и народами Востока, в том числе сбор военно-разведывательной информации и ее передача Военной коллегии, «пограничным» губернаторам и пр. Обратим внимание на то, что Войсковая канцелярия дел старшин, созданная в 1740-е гг., состояла из атамана, двух войсковых есаулов, войскового дьяка, толмача и «наличных» войсковых старшин [2: 1190]. Стоит уточнить ранее высказанную нами гипотезу о том, что в разное время (в пределах 1780-х гг. и ранее) войсковых толмачей могло быть несколько [21: 334]. Так, по ведомости 1768 г. о составе Войска Донского в нём числились три войсковых толмача [11: 118].

Продолжая намеченный ранее поиск персональных данных о толмачах и переводчиках (включая данные об их родственниках – предках и потомках), также необходимо выяснять и учитывать места их происхождения. Сегодня можно судить о том, что с так называемым черкасским кланом в составе верхушки Войска Донского оказались связаны своим происхождением несколько войсковых толмачей, в том числе М.А. Барабанщиков, Г.Н. Греков, М.Ф. Сулин. Логично исследовать генеалогию толмачей и переводчиков как по восходящей, так и по нисходящей линиям родства, предполагая, что родство (именно для ситуации XVIII в.) по нисходящей линии может быть доказано более верифицируемо (учитывая увеличение соответствующей массовой документации). Среди генеалогических сведений необходимо дополнительно выявлять отчества интересующих нас лиц. Так, с опорой на данные других исследователей установлено отчество войскового толмача М. Барабанщикова – Афанасьевич [22: 14]. При этом зададимся вопросом, не являлся ли «Иван Михайлов Барабанщиков» (ок. 1731 г.р., из старшинских детей, войсковой

есаул с 1 января 1775 г., грамотный) [7: 192 об.–193] сыном указанного войскового толмача?

Говоря об эвристическом потенциале установления отчества того или иного лица, необходимо иметь в виду, что соответствующая массовая документация (именные, послужные и иные списки казаков Войска Донского) не всегда содержит такую информацию. Так, автор статьи ошибся, отождествив в предыдущей статье войскового толмача Гаврилу Грекова с полковником Войска Донского Гаврилой Васильевичем Грековым, умершим в 1806 г. [21: 331]. Между тем толмач Г. Греков оказался Никитичем, жившим еще в 1775 г. [22: 16, 18]. К слову, М. Сенюткин уточнял, что Г.Н. Греков, будучи неоднократно на службе в Астрахани (в начале службы в 1718 г., а позже – уже в качестве походного атамана), «имел случай ознакомиться с разговорными языками татарским и персидским», после чего был избран в 1734 г. на круге войсковым толмачом [22: 17]. Однако данные из именного списка Войска Донского за разные годы определенно указывают на то, что это случилось в 1732 г. [6: 35 об., 125]. Тот же М. Сенюткин писал, что «должность эта (толмача. – *Д. С.*) <…> при частых сношениях с Татарами и другими народами, была так затруднительна, что исправлять ее, по незнанию языков, могли редкие из Донцов. Это видно из того, что по прошествии 5 лет, при перемене должности Греков принужден был ехать в Астрахань за тем только, чтобы выбрать на свое место достойнаго переводчика Войску» [22: 18]. Данный вопрос можно развить в той связи, что до конца непонятно, одни ли и те же обстоятельства «вынуждали» толмачей Войска Донского оставлять при жизни свои обязанности и чин? Предположим, что о плановой «ротации» таких кадров, скорее всего, речь не шла. Не менее важно установить, использовались ли компетенции бывших толмачей войсковыми властями. Так, уже бывший (по состоянию на вторую половину 1758 г.) войсковой толмач О. Данилов неоднократно затем привлекался к разведывательной и т.п. деятельности [21: 333; 8: 300]. Не исключено, что толмаческий чин рассматривался его обладателями в качестве этапа дальнейшего служебного «роста». Так, М.А. Барабанщиков («из старшинских детей», ок. 1695 г.р., на службе с 1714 г., не умевший читать и писать; прожил не менее 85 лет) был произведен войсковым толмачом в 1753 г., а войсковым есаулом стал в 1756 г. [6: 221 об., 222, 361 об.–362; 7: 43 об., 44, 45]. М. Сенюткин недаром пишет, что М.А. Барабанщиков был избран в 1753 г. войсковым толмачом (переводчиком) на войсковом круге, «и в этой значительной в то время должности пробыл три года» [22: 15]. А тот же О. Данилов вскоре после оставления толмаческого чина стал войсковым есаулом уже в 1759 г. [6: 18 об., 232 об., 233].

На примере жизненного пути еще одного войскового толмача, Семена Дмитриевича Кундилекова, подтверждается другая авторская гипотеза о формировании языковых и т.п. компетенций многих толмачей в связи с их предыдущим опытом пограничной и иной коммуникации (включая поездки с дипломатическими и разведывательными целями в Османскую империю, Крымское

ханство, включая Кубань, их общение с крымскими и кубанскими и др. элитами, с разными чиновниками, торговцами и пр. – толмачи М.Ф. Сулин, М.А. Барабанщиков, Е.Т. Греков, О. Данилов и др. [21: 328–334]). По всей видимости, без рассмотрения истоков опыта культурной коммуникации проблематично объяснять предпосылки и причины, прямо или косвенно влиявшие на избрание войсковым кругом в толмачи конкретного казака. Итак, копия «секретного доезда» донского казака Семена Кунделекова, ездившего в Крым под видом покупки соли, была отправлена в Астрахань наказным атаманом Войска Донского И. Иловайским 26 июня 1762 г. (получена там 15 июля 1762 г.) [5: 5–6 об.]. 16 мая 1762 г. этот будущий толмач Войска Донского [21: 334] был отправлен с Дона в Крым с письмом на имя крымского хана Крым-Гирея «под претекстом для подряду и покупки по неурожаю здесь соли», а на деле – с разведывательной миссией, оказавшейся весьма успешной. Наконец, недавно автором получены новые данные об одном из выявленных ранее подтолмачей Войска Донского – Асане Давлеткелдееве (родом из ст. Татарской на Дону, как и другой подтолмач – Мамбет Эткусаев) [21: 324]. Это касается более раннего времени его службы «подтолмачеем» в Войске Донском, нежели удалось установить по документам ГАРО (т.е. начало 1780-х гг.). Согласно записям его доноса и рапорта, датированных 20 и 23 декабря 1773 г., А. Давлеткилдеев уже тогда являлся войсковым подтолмачом, причем – грамотным «по-татарски» [24: 97–98]. Данная находка не решает вопроса о времени и причинах появления таких помощников у войсковых толмачей, но существенно уточняет наши представления о периоде их деятельности в пределах XVIII в.

Поскольку в Войске Донском имелись и переводчики, то закономерно задаться вопросами о (не)совпадении функций тех и других, о том, могли ли толмачей именовать переводчиками, как это отмечено выше? В отдельных случаях происходило смешение функций толмача и переводчика, причем современники и исследователи XIX в. могли именовать толмачей переводчиками в том смысле, что они являлись специалистами по устным переводам. Правда, имеется нестандартный пример того, когда толмач становился затем войсковым переводчиком. Речь идет о Василии Ивановиче Перфилове [21: 325–326], родом из казаков ст. Бессергеневской, дед которого, Перфил Михайлович, являлся там старшиной [22: 38–39]. В.И. Перфилов поступил на службу походным толмачом в 1723 г. (освоив еще «в малолетстве» устный и письменный калмыцкий язык: «это маловажное, по-видимому, обстоятельство имело большое влияние на его судьбу»; в итоге он стал переводчиком калмыцких дел при Войске [22: 39]). Выявленные недавно автором в ГАРО документы помогают доказать использование им полученных знаний при общении именно с калмыками на протяжении длительного времени и в самых разных ситуациях [6: 127 об., 128, 129; 7: 40 об., 41, 42]. Так, в «733 (т.е. в 1733 г.; в другом варианте описания его служебного пути указана другая дата: 1731 г. – *Д. С.*) при склонении ушедшаго в Турецкую область калмыцкого владелца Дондук Омбы

по-прежнему в российское подданство переводчиком по 736 (т.е. по 1736 г. – *Д. С.*)» [6: 128]. Не исключено, что на данном направлении В.И. Перфилов действовал по поручению войскового атамана Д.Е. Ефремова (еще до фазы активных переговоров?), действительно принимавшего с 1734 г. активное участие в решении актуальной и весьма острой для российской дипломатии проблемы – возращении Дондук-Омбо с территории ногайской Кубани на территорию Калмыцкого ханства [26: 222–225]. В конце 1730-х гг. В.И. Перфилов – уже войсковой переводчик Войска Донского. Так, именно в этом чине он переводил письма калмыцкого хана Дондук-Омбо наказному атаману Д.Е. Ефремову от 2 и 8 августа 1739 г. [23: 148–150]. Еще об одном войсковом переводчике, правда, не названном в источнике по фамилии, становится известно из «Журнала Крымского похода корпуса генерал-фельдмаршала П.П. Ласси с 3 мая по 25 июня 1737 г.» [1: 114]. П.А. Аваков идентифицировал его, со ссылкой на документ из РГАДА, как «донского казака Артемова» [1: 337]. Не был ли он войсковым переводчиком до В.И. Перфилова? Дело в том, что Артемов упомянут в источнике 1737 г., а Перфилов значился войсковым переводчиком согласно документам 1739 г. Впрочем, нельзя исключить и той ситуации, при которой таких переводчиков в Войске Донском было несколько (как, например, во второй половине XVIII в.).

Удалось обнаружить новые существенные данные еще об одном войсковом переводчике – Абдрахмане (Абдурахмане) Байчурине, включенном в работу 2023 г. [21: 324–325]. Это был человек, весьма долго занимавшийся переводческой деятельностью, о личности которого, впрочем, известно пока мало. Другое дело, что новые материалы позволяют утверждать: на данном поприще он был занят более 10 лет, а это значит многое! Именно А. Байчуриным (Баичуриным) 17 февраля 1750 г. был сделан перевод письма крымского хана Арслан-Гирея, привезенного в Черкасск кубанским Казбек-агой «к господину войсковому атаману Данилу Ефремову» [3: 70–70 об.]. Войсковой атаман Д.Е. Ефремов в письме на имя астраханского губернатора И.О. Брылкина сообщал после 14 марта 1750 г. о приезде в Черкасск с письмами от крымского хана трех человек, которые в связи с поветрием «чрез огонь» были скопированы «войсковым переводчиком» и писарем канцелярии войсковых дел, «а орегиналы… до обратного их отправления оставлены, и они в карантеин затворены. А какого содержания оныя письма состоят, о том для разсмотрения вашему превосходителству сообщаю при сем копии…» [3: 124–124 об.].

В этом не названном по фамилии переводчике определенно усматривается А. Байчурин и вот почему: чуть позже, в 1751 г., он переводил письма крымского хана Арслан-Гирея и ширинского Салих-бея, адресованные войсковому атаману Д.Е. Ефремову [25: 31–31 об., 35–35 об., 36–36 об.]. Примечательно, что эти письма стали ответом на письма атамана указанным лицам, отправленные 15 декабря 1750 г. с разведывательной миссией черкасского казака В. Закалиева (к слову, и позже, например, в 1754 г., привлеченному к разведывательной деятельности

на Кубани под предлогом передачи писем кубанскому сераскеру и пр. [4: 5, 6–7]) [25: 32–34 об., 77–80]. Обращение автора к первоисточникам помогло существенно уточнить вывод Г.М.-Р. Оразаева о том, что А. Байчурин был указан в документе войсковым переводчиком Гребенского войска [9: 88]. Наша ссылка на данное суждение до ознакомления с документами ЦГА РД привела к ошибочному сомнению в статусе А. Байчурина как переводчика Войска Донского [21: 325]. Между тем информация о нём как о переводчике Гребенского войска отсутствует в источнике; по сумме всех выявленных документальных свидетельств можно утверждать, что А. Байчурин служил переводчиком именно в Войске Донском. Этот же человек был занят в Войске Донском привычной для себя работой еще в начале 1760-х гг.: именно он переводил 28 ноября 1761 г. письмо крымского хана Крым-Гирея, адресованное атаману Войска Донского С.Д. Ефремову [8: 314–315]. 23 мая 1762 г. в Черкасске был сделан перевод с очередного «писма татарского», присланного «к господину воисковому атаману Ефремову от крымского Крым Гирея хана с нарочным посланцом Сарсембий агою» [5: 50–51 об.]. Отметим, что и на этот раз автором перевода выступил войсковой переводчик А. Байчурин [5: 50–51 об.]. Не был ли он (выскажем гипотезу) жителем ст. Татарской Войска Донского (как и войсковой переводчик более позднего времени – Эшакай Доинов, начавший службу, по данным ГАРО, 25 мая 1780 г. [21: 324])?

В представленном исследовании получены новые данные о некоторых толмачах Войска Донского (ранее включенных в авторскую сводку 2023 г.), уточнен их статус, в ряде случаев – отчество и другие существенные детали биографии, в том числе связанные с переходом от толмачества к переводческой работе (В.И. Перфилов). Приведены данные в пользу версии о том, что толмачами действительно становились казаки, не просто владевшие языками, но получившие до избрания немалый служебный опыт соответствующей межкультурной коммуникации. Наконец, получены новые материалы о войсковых переводчиках, что позволяет более не считать их истории лишь «ответвлением» исследовательского поиска о толмачах [21: 338]. Теперь в список переводчиков Войска Донского внесены на основании прямых и косвенных данных [21: 338] уже пять человек: Перфилов Василий Иванович, Артемов, Турченинов Александр (?), Байчурин Абдрахман (Абдурахман), Доинов Эшакай. Предстоит, конечно, дальнейшая верификация этого списка, но в отношении А. Байчурина сомнения предыдущего этапа сняты – он действительно оказался войсковым переводчиком.

Источники и литература

1. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: сборник документов / сост., вступ. ст., археограф. введение, передача текста, комм. и указатели П.А. Авакова; отв. ред. И.О. Тюменцев. Ростов н/Д., 2017.

2. *Венков А.В.*, *Матишов Г.Г.* Трансформация донской войсковой верхушки в 1770-е – 1780-е годы // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 12. С. 1189–1195.

3. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 1390.

4. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958.

5. ГААО. Ф. 394. Оп. 2. Д. 23.

6. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40.

7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 2. Д. 182.

8. Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники В. Мільчев, О. Посунько / Передмови: С. Гаврилович, С. Лалич, В. Мільчев, О. Посунько / Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005.

9. *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002.

10. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

11. *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846.

12. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3.

13. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 48.

14. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108.

15. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 316. Ч. 1.

16. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 351.

17. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 427.

18. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 500.

19. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 501.

20. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 959.

21. *Сень Д.В.* Толмачи Войска Донского в XVIII веке: Персональный состав, происхождение, функции // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий: Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–15 сентября 2023 г.). М., 2023. С. 320–341.

22. *Сенюткин М.* Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. Ч. 2. М., 1866.

23. *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Т. 1. Екатеринодар, 1904.

24. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 2.

25. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 248.

26. *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.

Д.С. Ткаченко

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ XVIII в. В ИЗУЧЕНИИ НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЕЛЬ[1]

Научные экспедиции, организованные при прямой поддержке государства, стали важной ступенью в исследованиях окраин Российской империи. Их изучению посвящен обширный пласт историографии. Исследователей привлекают как фигуры отдельных ученых-академиков, занятых описанием регионов [6], так и общетеоретические вопросы организации научной деятельности [1; 5; 8]. Однако имеющиеся работы носят в основном описательный характер, а сами научные экспедиции на Кавказ рассматриваются изолированно от мировой практики своего времени.

Вместе с тем в мировой науке, в рамках возникших на рубеже XX–XXI вв. практик постколониальной критики, накоплен богатый опыт анализа ведения научно-исследовательской деятельности европейскими государствами на неизведанных землях в начале Нового времени. Исходя из этого, целью настоящей статьи является попытка адаптации позитивных методологических наработок зарубежных авторов к известному кавказоведческому материалу.

Во второй половине XVIII в. в рамках идеологии Просвещения в европейской общественно-политической мысли сложилось течение энциклопедизма, важной частью которого стало составление «географических описаний» – сборных каталогов флоры, фауны, людей, социального устройства, морали, экономики и политической жизни конкретного региона. В ходе этой работы быстро возникла идея составления каталогов «как отдаленных мест в заокеанских колониях, так и той деревни, что лежала за воротами родного города» [14: 32].

Как отмечает исследовательница М. Пратт, поворотным в истории изучения европейцами окраин мира стал 1735 г. Он был не только временем изобретения выдающимся шведским ученым К. Линнеем новой системы классификации живой природы, но и годом организации первой совместной англо-французской академической экспедиции на окраины мира (в Южную Америку) [16: 15]. Она принесла новые сведения о далеких землях, а также заставила европейцев изменить сам подход к составлению описаний территорий [16: 24].

Со времен Великих географических открытий в научных кругах был широко распространен так называемый навигационный подход к отражению сведений об иных землях. Он акцентировал внимание на изложении данных о торговых путях, кромке берегов континентов или границ известных территорий [16: 23]. Данный

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

подход широко практиковался и российскими исследователями при составлении описаний Кавказа в начале XVIII в. Ярким образцом навигационной литературы о регионе являлся труд Ф.П. Соймонова «Описание Каспийского моря» [12]. Он представлял собой длинный перечень географических координат и описаний пунктов, расположенных вдоль побережья Каспия, которые посетил автор во время своей разведывательной работы. «В заливе Аграханском, от Терского устья на румб OZO (востоко-юго-восток. – *Д. Т.*), есть банк песочный подводный, на котором во время западных ветров глубина в 5 и в 4 фута. Оный проходить, оставляя к западной стороне, понеже между оным и Учинским валом глубина 10 и 12 футов» [12: 13], – дает Соймонов рекомендацию всем, кто будет плавать в этих водах. Изобилие технических деталей о румбах, глубинах, направлении ветров и течений, а также прочей технической информации, важной для мореплавателя, было типично для навигационной литературы. Оно же для человека, не являвшегося узким специалистом, делало эту литературу «скучной, как длительное морское плавание» [16: 36].

Навигационная литература касалась не только морских путей. В таком стиле были выполнены и записки А.И. Лопухина, совершившего в 1718 г. пеший переход по Кавказскому побережью Каспийского моря из Шемахи на Терек. Его «Журнал путешествия через Дагестан» [9], наряду с упоминанием бытовых трудностей, которые встретил путешественник, и любопытными зарисовками местных народов, содержит полные топографические данные маршрута. При этом автора прежде всего интересовала возможность прохода по побережью пеших войск, кавалерии и артиллерии, вопросы снабжения их припасами и водой, фуражом, наличие на пути водных или горных преград и другая тактически важная информация [9: 6].

В целом навигационная литература, по точному замечанию М. Пратт, создавала некую ментальную контурную карту, на которой точная информация относилась только к тонкой линии прибрежной полосы или известного путешественникам пути. Все же остальные пространства регионов, или даже огромных континентов, представлялись в виде обширной пустой зоны. На картах, составленных по имевшимся сведениям, пустоты заполнялись не конкретной географической информацией, а красочными виньетками или рисунками, отражавшими набор бытовавших стереотипов об описываемой территории [16: 32].

Указанный подход хорошо виден и на российских картах первой половины XVIII в. Например, знаменитая карта Каспия, составленная Ф.П. Соймоновым, представляет море висящим в географической пустоте, посредине белого листа [2], а навигационная карта Азовского и Чёрного морей, составленная лейтенантом Х. Отто в 1700 г., наоборот, представляет само море как пустое пространство с нарисованным посередине него кораблем и прерывистыми линиями, изображающими устье Дона в районе Азова, Керченского пролива, южную оконечность Крыма и очертания пролива Босфор [10]. Громадной виньеткой, изображающей ангелов и святых, славящих могущество Российской империи, прикрыл автор карты

северо-восточного побережья Каспия неизвестные ему территории на месте степной зоны между Астраханью и Тереком [7: 37].

Данный подход в условиях разворачивающейся экспансии на окраины мира ко второй половине XVIII в. уже не удовлетворял ни исследователей, ни политические круги европейских стран. Эту мысль в ярком виде сформулировал участник англо-французской академической экспедиции в Южную Америку А. де Ульоа, сравнивавший европейскую экспансию на неизведанные земли с покупкой на рынке турецкого ковра. Испанский капитан указывал, что, пока покупатель смотрит на внешнюю кромку свернутого в рулон товара, он не может составить точного представления о его качестве, и ему неизбежно приходится разворачивать рулон и тщательно изучать внутреннюю поверхность ковра за его кромкой [16: 24]. Образ европейца, тщательно изучающего поверхность неизведанной земли, лежащей за кромкой вычерченных навигационной литературой границ, прекрасно отражал настрой ученых-энциклопедистов. С борта корабля, плывущего вдоль берега неведомой земли, не видно ни направления горных цепей, ни особенностей их геологического строения, ни климатических зон внутри континента, ни их влияния на все жизненные формы – считал знаменитый исследователь Африки А. фон Гумбольдт [16: 24]. Вывод, который вынесли из первой академической экспедиции европейские ученые, состоял в мысли, что исследователю следует идти вглубь континента и заполнять белое поле карты не виньетками, а точной информацией [16: 24].

В целом со второй половины XVIII в. начинается целенаправленная организация путешествий национальными академиями наук по четкой программе. Путешествия М. Парка в Центральную Африку (1799 г.), А. фон Гумбольдта в Африку и Южную Америку (1799–1804 гг.), Э. Бонплана в Южную Америку (1799–1804 гг.), по словам современных западных исследователей, ознаменовали конец морской и начало сухопутной фазы «великой эпохи» научных экспедиций [16: 24]. По результатам путешествия составлялся научный труд, который мог быть дополнен путевыми впечатлениями и политико-культурными размышлениями самого автора.

С 1730-х гг. в Российской империи также начинает развиваться комплексное изучение и описание окраин. Оно было возложено на членов Российской академии наук. Одной из новых территорий, всё чаще входивших в сферу российских интересов, был Кавказ, поэтому имена П.С. Палласа, И.А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, Г.Ю. Клапрота и ряда лиц второго плана (Я. Потоцкого, И. Иерига и др.) стали неразрывно связаны со становлением научного кавказоведения. Начало академических экспедиций на Кавказ пришлось на период первой Русско-турецкой войны, которая закончилась территориальными приобретениями на юге и заставила обратить пристальное внимание на изучение территорий не только Восточного, но также Центрального и Северо-Западного Кавказа. Фактическая сторона организации и хода академических экспедиций не раз становилась предметом

специального изучения, в связи с чем в рамках данной статьи мы акцентируем внимание только на ряде общетеоретических вопросов.

Еще в ходе англо-французской экспедиции Ш. де ла Кондамина ученые-академики столкнулись с трудностями описания новых для европейцев природных, социальных, политических и этнических реалий на неизведанных землях. Проблема заключалась не столько в отсутствии в европейских языках терминов и понятий, подходящих для описания новых жизненных форм и явлений, сколько в необходимости систематизации реалий. Недаром многие авторы говорили о хаосе – дикой мешанине из новых предметов и вещей, животных и растений, экзотических людей и их социальных практик, – царящем на неизведанных землях [11: 153].

Ответ на вопрос, как вписать всё это в единое научное повествование, дал знаменитый шведский ученый К. Линней, который, как упоминалось выше, в 1735 г. предложил научному сообществу разработанную им универсальную систему классификации живой природы. Вся флора была разделена на виды, роды, семейства и классы. У каждого имелось свое видовое и родовое название. В этой системе могли найти свое место все формы жизни на планете, в том числе и еще не открытые [16: 15]. Позднее этот же принцип был применен к двум другим царствам природы: животному миру и миру неорганических минералов.

Придуманная матрица описаний оказалась проста, и, по сути дела, Линней предложил европейцам универсальную схему взгляда на устройство мира. Комментируя свое творение, сам Линней указывал, что его система – это «нить Ариадны в ботанике, без которой в природе царит хаос» [16: 25]. Остальным ученым оставалось только вписывать в ячейки новые виды, причем делать это мог и человек, не имевший специальных познаний, – путешественник или любой достаточно эрудированный энтузиаст [16: 25]. Вторая метафора, придуманная Линнеем, сравнивала ученого, попавшего в Новый Свет, с Адамом, расхаживающим по Эдему и называющим в нём все увиденные предметы [16: 32].

Появление системы классификации предлагало европейским ученым представлять мир не как тонкую линию пройденной дороги, а как коллекцию всего того, что содержат внутренние территории континентов, стран и поверхностей вод. Она должна была быть представлена на бумаге с помощью максимально полного описания или детальной карты, на которой необходимо было отразить все значимые объекты [16: 30]. Так, по словам современных исследователей, благодаря универсальной системе классификации, на рубеже XVIII–XIX вв. появилась новая наука – естественная история: светское изучение живой и неживой природы, тесно вплетенное в политико-культурные доктрины своего времени [16: 31].

Следует отметить, что сам Линней не задумывался о политико-культурных последствиях своего открытия, однако его система закладывала основы для идеологии превосходства европейского человека [11: 190]. Во-первых, в ходе систематизации у ученых, организаторов экспедиции и широкой европейской аудитории, знакомящейся с результатами, рождалось чувство того, что мир принадлежит

европейцам, так как он ими познан, изучен и научно классифицирован [15: 106]. Во-вторых, в имперских кругах европейских стран появился новый политический проект: экспансия и территориальные захваты объяснялись необходимостью познания мира в рамках развития естественной истории [16: 34]. В-третьих, политические выводы из системы классификации получались самые радикальные. Выходило, что только европейцы додумались до научной систематизации живой и неживой природы на планете, а туземцы превращались в людей «второго сорта», которые веками жили рядом с тем, чего сами не понимали, так как без «нити Ариадны» блуждали в потемках невежества [16: 34]. Так, по словам Дж. Паксмана, рождалась порочная уверенность европейцев в своем превосходстве, сформулированная в тезисе “White man knows better” (Белый лучше знает) [15: 109].

В конце XVIII в. система Линнея стремительно набрала популярность, и еще при жизни у ученого появилось большое количество последователей, которые побывали в Африке и Японии, Северной и Южной Америке, Китае, на Ближнем Востоке и островах Океании [16: 25]. Одним из них стал посланный Российской академией наук на Кавказ С.Г. Гмелин, который не только пытался применить систему классификации естественной истории к региональному животному и растительному миру, но и переписывался со своим учителем по данному вопросу [16: 27].

Опубликованное посмертно, в 1784 г., четырехтомное произведение Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества» [4] было составлено в четкой логике научных травелогов конца XVIII в.: сведения из области естественной истории в нём были приведены в контексте описаний собственных приключений и политических выводов. Характеристику минерального, растительного и животного царств ученый дополнил описаниями мира человека. Он привел отдельные этнографические, социально-экономические и историко-культурные зарисовки жизни людей на исследуемых им землях, снабдив их замечаниями.

Все сведения о новых для него вещах ученый приводил в том порядке, в котором он встречал их на своем пути. Например, после описания окрестностей Кубы ученый привел обширную ботаническую справку о корне хины, найденном в естественной среде [4: 47], а после описания улиц Дербента отметил, что в соседних горах произрастал кустарник, который, возможно, «составляет новый род» [4: 38]. Ученый детально описал новое для науки растение, зарисовал его [4: 38] и, возвращаясь к описанию Дербента, провел на примере города критику персидской системы управления. «Можно ли там быть богатым членом государства, где сердца человеческие никакого не ощущают внутреннего побуждения, где владетель не отец своих подданных и подданные живут в зверской слепоте» [4: 39], – задавал ученый вопрос, пересказав известный ориенталистский штамп о пороках восточной деспотии. Ее противоположностью для Гмелина выступало правление просвещенной императрицы России Екатерины II. «Никогда еще… не приходило сюда

такого судна, с тем самым намерением, с каким мое отправлено было. Благоволение премудрой и великой нашей Монархини не попустило долее быть неизвестным естественные произведения Персии для наук Европы. Ее Императорское Величество… хвалиться может планом, по которому меня для приращения истории натуральной на Восточный берег Каспийского моря направить надлежало» [4: 43]. Нарратив о туземцах, погрязших в темноте и невежестве без «нити Ариадны», просвещенной императрице, открывающей для науки новые земли, и ученом-натуралисте, занятом систематизацией знаний, перемешивался в работе Гмелина с рассказом о личном опыте, вынесенном из путешествия, и конкретными сведениями из области естественной истории. Высказав весь набор политико-культурных выводов, вытекавших из классификации Линнея, ученый на следующей странице вновь вернулся к зарисовкам встреченных им в окрестностях Дербента растений [4: 42].

Следуя похожей логике, построил свое описание Центрального Кавказа и участник второй академической экспедиции – И.А. Гильденштедт. В 1768 г. ученый покинул Санкт-Петербург и по Волге прибыл в Астрахань, где несколько месяцев шли приготовления. Затем он перебрался в Кизляр, откуда под военной охраной двинулся в сторону гор, записывая и коллекционируя всё, что могло представлять какую-то ценность.

Гильденштедт так же, как и Гмелин, собирал данные по естественной истории, однако, в отличие от своего предшественника, хоть и вплетал их в общий контекст травелога, но уже представлял в самостоятельных разделах («Рыбы Терека», «Водные животные, птицы и амфибии», «Плоды древесные», «Растительность», «Дикие растения») [3]. Вместе со сведениями о крепостях (Моздоке и Кизляре), русских поселениях и этнографическими зарисовками народов, проживавших в зоне российского контроля, они составили своеобразную энциклопедию, став первым примером комплексного описания Кавказа в стиле естественной истории. В творчестве академика оказался заложен огромный научный потенциал, и, по справедливому замечанию Ч. Кинга, «то, что народы Кавказа знают о своей дописьменной истории и культуре, сохранилось в основном благодаря Гильденштедту» [14: 103].

Заметки и картографические зарисовки Гильденштедта были сведены в «Новую карту Кавказа», приложенную ко второму тому изданной после смерти автора работы. Она, несмотря на вопиющие ошибки, допущенные в очертаниях Черноморской береговой линии, тем не менее уже не выглядела как контурная навигационная карта предшествующих времен, а представляла собой попытку четкой научной визуализации региона. Внутри Кавказского перешейка обозначились понятия этнических территорий, таких как Кабарда, Осетия, Чечня, Дагестан [13]. «Конечно, не сам исследователь придумал эти термины, а они были известны задолго до него, но никто до Гильденштедта не додумался установить четкие границы этих земель» [14: 103], – писал Ч. Кинг.

Таким образом, в России появился справочник, который можно было использовать при организации управления местными народами. В целом же, если использовать аллегорию А. де Ульоа, благодаря творчеству участников первых академических экспедиций, Россия смогла развернуть тот кавказский ковер, на кромку которого она столетиями смотрела со стороны Астрахани, и начать детальное изучение всей его поверхности. В этом деятельность российских участников академических экспедиций полностью коррелировала с общим направлением развития мировых практик описаний неведомых земель.

Источники и литература

1. Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / под ред. Ж.И. Алферова. СПб., 2010.

2. Атлас Каспийского моря / сост. Ф.П. Соймонов. СПб., 1731.

3. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.

4. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств естества. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1785.

5. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описания архивных материалов. М.; Л., 1940.

6. *Дюльденко А.А.* Иоган Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века. Ставрополь, 2017.

7. *Кирилов И.К.* Часть моря Каспийского // Атлас Всероссийской империи. Собрание карт. СПб., 1722–1737.

8. *Князев Г.А.* Научные экспедиции XIX века по материалам Архива Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 6. С. 59–66.

9. *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: архивные материалы / отв. ред. М.О. Косвен. М., 1958. С. 6–59.

10. *Отто Х.* Навигационная карта Азовского и Чёрного морей с обозначением пути от Азова до Константинополя. 1700 // Библиотека Академии наук. Собрание рукописных карт. Карт. осн. 22.

11. *Саид Э.* Ориентализм. М., 2021.

12. *Соймонов Ф.П.* Описание Каспийского моря от устья реки Волги, от протока Ярковского, до устья реки Астрабадской, положение западного и восточного берегов, глубины, грунты, и виды знатных гор. СПб., 1783.

13. *Güldenstaedt J.A.* Neue Carte des Caucasus gröstentheils aus Güldenstaedts nachgelassenen handschriftlichen Entwürfen zusammengesetzt. [Б.м.], 1787.

14. *King Ch.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. New York, 2008.

15. *Paxman J.* Empire. What Ruling the World Did to the British. London, 2011.

16. *Pratt M.L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York, 1992.

А.М. Бугаев, Ш.А. Гапуров

БУДУЩЕЕ ЗАВИСИТ ОТ УСВОЕНИЯ УРОКОВ ПРОШЛОГО…

Обращение к урокам прошлого, к истокам и первым годам Кавказской войны представляет, по нашему мнению, интерес не только академический, но и практический. Эти уроки иллюстрируют, чего «не надо, нельзя делать» в кавказской политике России. Они показывают, что Россия значительно больших успехов в сближении с народами Кавказа добивалась, используя политические, экономические, дипломатические методы. «Пролитая кровь порождала новое кровопролитие, насилие порождало ответное насилие…» [21: 78].

Разумеется, при анализе уроков Кавказской войны (пусть и начального ее периода) следует исходить из того, что «сводить старые исторические счеты, апеллировать в современных политических столкновениях к событиям полуторастолетней давности – безумие. Но надо помнить, когда и как были посеяны зерна, давшие позже страшные всходы» [19: 3]. То обстоятельство, что спекулятивная интерпретация исторических фактов и событий, околонаучные выводы и обобщения в исторических исследованиях могут быть востребованы и использованы в деструктивных целях в политической борьбе, показали трагические события, произошедшие в Чечне в 1990-х гг.

На научной конференции в Краснодаре в 1994 г. отмечалось: «Сегодня мы являемся свидетелями того, что демократия принесла народам не только свободу, но и межнациональную неприязнь. Здравый смысл порой подменяется эмоциями, а разумный подход в решении межнациональных вопросов уступает место произволу, что приводит к дальнейшему их обострению, поэтому так важен сейчас объективный подход к оценке исторических событий…» [9: 22].

Актуальность заявленной темы исследования еще и в том, что она является неотъемлемой частью двух масштабных проблем: территориального расширения, складывания Российского многонационального государства и национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа.

Начало XIX в. занимает особое, рубежное место как в кавказской политике России, так и в целом в ее политической жизни. «Первая четверть XIX века – наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории империалистической России», – отмечал А.Е. Пресняков [12: 5].

Активизация политики России на Кавказе была обусловлена целым рядом факторов. К концу XVIII в. уже четко обозначилось, что длившееся целое столетие противоборство России, Турции и Ирана на Северном Кавказе завершается в пользу Российской империи. Укрепились позиции России и среди северокавказских народов, считавших себя ее военно-политическими союзниками. Это позволило России приступить к следующему шагу в освоении Кавказа – присоединить

в 1801 г. Восточную Грузию. Однако господствовать в Закавказье Россия могла только обезопасив свой тыл, т.е. полностью установив на Северном Кавказе свою власть. Так на рубеже XVIII–XIX вв. явственно проявилось единство исторического процесса на Кавказе, когда события, происходившие в одной его части, так или иначе оказывали влияние на весь регион. На рубеже XVIII–XIX вв. активизировалась колониальная политика Франции и Англии. С точки зрения российских интересов, наиболее опасными были их попытки укрепиться в Турции и Иране и через эти страны (и с их помощью) прорваться на Кавказ.

Начало XIX в. – это время, когда великие державы приступают к решительным шагам по разделу стран Востока, по превращению их в свои колонии. Кавказ же являлся органической частью Востока и неизбежно должен был стать объектом такой борьбы. В силу общих закономерностей исторического развития, своих экономических и геополитических интересов Россия как великая держава неизбежно должна была включиться и включилась в борьбу за раздел стран Востока. С этой точки зрения в борьбе за Кавказ у России были «преимущества» перед Англией и Францией: Кавказ находился на естественных окраинах России, в то время как все восточные страны для Англии и Франции были отдаленными заморскими территориями. Но, самое главное, Россия к началу XIX в. имела богатый опыт торгово-экономических и политических связей с народами Северного Кавказа, что имело важное значение для утверждения российского влияния в регионе. В российском активе в ее кавказской политике к началу XIX в. был и другой фактор, способствовавший покорению края, – это русские и казачьи поселения на Тереке и Кубани. «Притеречье стало основной и прочной оперативной базой военно-политического и административного продвижения России на Кавказе, вплоть до момента его полного присоединения к империи. Вместе с тем, Притеречье являлось тем районом Северного Кавказа, где завязывались первые важные узлы торговых связей Северного Кавказа с Россией», – отмечал В.Н. Гамрекели [7: 59].

Разумеется, в политике России на Северном Кавказе и колониальной практике западноевропейских стран можно найти и общее, но указанные выше моменты принципиально отличали кавказскую политику России и восточную политику западноевропейских держав в XIX в. В последнем случае в доколониальный период не было такого военно-политического и экономического сближения между будущими владениями и метрополиями, как в первом.

Мы не преследуем цель возродить в новом формате теорию «меньшего зла», а при оценке военных действий российских войск против горцев ни в коей мере не руководствуемся конъюнктурными соображениями. Мы стараемся понять и объективно объяснить логику действий России на Северном Кавказе в XIX в. Мы исходим из того, что Кавказская война – это следствие недальновидной имперской политики, бездумно отступившей от практики установления плодотворных отношений с горцами, сложившихся к середине XVI в.

Была ли у России альтернатива тем кровавым событиям, которые развернулись в первой половине XIX в. на Кавказе? Имелись ли возможности для мирного или, по крайней мере, не столь кровопролитного решения кавказской проблемы? Думается, что да! Россия могла более эффективно использовать политические и экономические рычаги, отдать им предпочтение перед силовыми, карательными действиями.

У России, в отличие от западноевропейских метрополий в их отношениях со странами Азии и Африки, был солидный фундамент торгово-экономических и политико-дипломатических связей с народами Северного Кавказа, заложенный в XVI–XVIII вв., развитие которых могло бы привести к инкорпорации северокавказских народов в Российское государство преимущественно мирным путем или с меньшими жертвами с обеих сторон. Ведь именно в этом направлении развивались российско-кабардинские, российско-чеченские и российско-дагестанские отношения до начала XIX в.

До последней четверти XVIII в. российско-северокавказские отношения устанавливались и развивались преимущественно не военными средствами и методами. При этом Россия, как нам представляется, исходила из того, что в ее многолетней борьбе за регион с Турцией и Ираном позиция горских народов имела важное значение. Со многими владетелями Северного Кавказа Россия находилась в вассально-союзнических отношениях.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира начинается новый этап в политике России на Северном Кавказе, когда она шаг за шагом вытесняла Турцию и Иран из региона. Но одновременно активизируется военная деятельность по покорению горцев. Россия, по словам Т.Д. Боцвадзе, «стала проводить более активную и более независимую политику по отношению к кавказским политическим образованиям. Если даже интересы местных политических образований не совпадали с интересами России, то это уже не имело для нее решающего значения» [4: 97]. Опираясь на возросшую военную мощь и укрепление своего международного положения, Россия уже в последней трети XVIII в. приступила к более решительным, чем раньше, мерам по утверждению своего господства на Северном Кавказе.

Особое место в политике России на Северном Кавказе в XIX в. занимают 1816–1827 гг. – период «проконсульства» (впервые это название было дано великим князем Константином Павловичем) на Кавказе генерала А.П. Ермолова. Дореволюционные историки и публицисты называли его «ермоловским временем», «ермоловским периодом», «ермоловской эпохой» на Кавказе. Действительно, по значимости, драматичности событий, происшедших в этот период на Северном Кавказе, их влиянию на дальнейшее развитие российско-северокавказских взаимоотношений, «ермоловское десятилетие» не имеет себе равных в XIX в.

Об А.П. Ермолове написано много и в XIX, и в XX вв. В то же время в конце XIX в. Н.А. Волконский отмечал: «…эпоха Ермолова, обстоятельства, при которых

он вступил в управление краем (Кавказом. – *А. Б., Ш. Г.*), и которые сопровождали дальнейшее его начальствование, и более всего, самая его личность, до сих пор малоизвестны и исследованы, почему и взгляд на этого человека и на его эпоху далеко еще не установился – даже на Кавказе...» [6: 15]. Спустя более ста лет мы читаем то же самое: «В работах, посвященных Ермолову в последние десятилетия, мы просто видим фразы о “противоречивости некоторых сторон его мировоззрения”, которые так же мало проясняют его личность, как и прежнее умолчание о любви к нему многих прогрессивных людей России XIX века» [8: 78]. И это несмотря на то, что с началом драматических событий в Чечне в начале 1990-х гг. научный, общественный интерес к Ермолову как к первому «покорителю» Чечни резко возрос, появился целый ряд публикаций о его кавказской службе.

Дело объясняется тем, что ермоловская тема «жжется», тем, что фигура и деятельность генерала А.П. Ермолова по-разному оцениваются русской и кавказской общественностью. «Бесспорно, в нынешнем (XIX. – *А. Б., Ш. Г.*) столетии в России никто не пользовался, сравнительно с Ермоловым, большей популярностью. В высших кругах русского общества, и между военными преимущественно, имя его произносилось с особенным уважением и сочувствием» [14: 103]. Но в историческую память северокавказских горцев, особенно чеченцев, А.П. Ермолов «вошел как жестокий колонизатор» [5: 89].

Профессор Кабардино-Балкарского госуниверситета А.К. Текуев на заседании круглого стола историков в Москве в 1989 г. отмечал: «Одной из главных задач исторической науки является серьезное научное осмысление прошлого народов нашей страны. <…> Для москвича генерал А.П. Ермолов – герой Отечественной войны 1812 г., а для чеченца, ингуша или адыгейца – жестокий колонизатор Кавказа. Мы забыли о том, что А.В. Суворов не только блестяще воевал с врагами России, но и подавлял восстание Емельяна Пугачева и Тадеуша Костюшко. Конечно, Суворов и Ермолов – дети своего времени. Но это не повод для оправдания насилия, жестокости, политики угнетения одного народа другим» [20: 71].

Главная задача историка – беспристрастность, объективность исследования, особенно такой «деликатной» темы, как деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе. Целью А.П. Ермолова на Кавказе было достичь полной покорности горцев и контроля над ними, сделать северокавказские области обычными российскими уездами. Эта цель достигалась главным образом силой, т.к. и П.Д. Цицианов (наместник Кавказа в 1802–1806 гг.), и А.П. Ермолов были уверены, что горцы понимают только один язык – «язык силы». Можно согласиться с М.М. Блиевым, что перед Ермоловым не стояла задача «совершить геноцид» горцев. Для этого у России не было ни политических, ни идеологических, ни экономических мотивов [13: 20].

С XIX в. и по настоящее время дискуссионным остается вопрос о дате начала Кавказской войны. Одни полагают, что она началась в 1801 г., с присоединением Грузии, другие – в 1817 г., с началом активной деятельности А.П. Ермолова по покорению горцев на Северном Кавказе.

Военные действия между горцами и российскими войсками отмечались уже с 1801 г., но до 1818 г. они носили локальный, «местечковый» характер. А в 1818 г. крупные выступления горцев охватили Чечню, Кабарду и Дагестан. Перенос военной линии с Терека на Сунжу и строительство крепости Грозной показало горцам, что в российско-северокавказских отношениях начинается новый этап, означающий начало практического осуществления планов российской колонизации и лишения горцев их былой самостоятельности. Уже с 1818 г. были сделаны первые попытки для объединения чеченцев и дагестанцев в борьбе за свою независимость. С этого времени (в 1817 г. не было сколько-нибудь серьезных военных столкновений между горцами и российскими войсками) и вплоть до отставки Ермолова в 1827 г. антироссийские выступления горцев происходили непрерывно то в Чечне, то в Дагестане, то в Кабарде, а порою – одновременно во всех трех регионах. А.П. Ермолов большую часть времени из своего десятилетнего пребывания на Кавказе провел в военных походах против горцев. И чем больше он использовал карательные методы их усмирения, тем упорнее и организованнее становилось их ответное сопротивление. Уже в конце своей кавказской эпопеи А.П. Ермолов и сам пришел к выводу, что цель, которую он поставил в 1818 г. в своем плане – полное покорение горцев Северного Кавказа за два года – не только не достигнута, но и еще более отдалилась. Более того, А.П. Ермолов хотел любой ценой изменить Кавказ. Но получилось наоборот. Кавказ (точнее, горцы своим сопротивлением грубой силе) заставили измениться самого Ермолова. Уже к концу своей кавказской эпопеи, после подавления восстания под предводительством Бей-Булата Таймиева 1825–1826 гг. в Чечне, А.П. Ермолов понял, что силой «порядок» ни в Чечне, ни в целом на Северном Кавказе невозможно навести. В 1826 г. он указал начальнику Левого крыла Кавказской линии генералу Н.И. Лаптеву не предпринимать более в Чечню военных экспедиций и начать проводить в отношении чеченцев новую политику – строить в российских крепостях, прежде всего в Грозной, школы для горских детей, мечети, проводить здесь регулярные ярмарки и т.д. [1: 510–511]. По мнению А.П. Ермолова, нужны были меры не военные, а экономические, политические и административные. Как отмечают М.М. Блиев и В.В. Дегоев, «усмиритель Кавказа за время службы в Тифлисе приобрел немало новых профессиональных и личностных качеств. Пытаясь создать “новый Кавказ”, А.П. Ермолов не заметил, как Кавказ создал “нового А.П. Ермолова”» [3: 151].

Во многих публикациях, докладах на научных конференциях последних лет, посвященных истории Кавказа конца XVIII – первой половины XIX в., отмечается, что Кавказская война по своему характеру была народной, национально-освободительной борьбой северокавказских горцев. Но у Кавказской войны, или у военной фазы утверждения России на северокавказских землях, была одна важная особенность, отличавшая ее от прочих войн XVIII–XIX вв. на Востоке, – это ее длительность, многофазность, многоэтапность. Сколько было военных походов в конце XVIII – первой половине XIX в. в Кабарду, Чечню, Дагестан – и каждый

раз – «окончательное покорение» в рапортах царских военачальников и новые присяги о покорности и подданстве со стороны горцев. В Кабарде – это военные походы в конце XVIII в., в 1804, в 1807, в 1810, 1818, 1822 и 1825 гг. Равнинные чеченские села по рекам Аргун, Мартан, Гехи с конца XVIII до середины XIX в. десятки раз подвергались нашествию российских войск. А.П. Ермолов только зимой 1825 г. и весной 1826 г., при подавлении освободительного восстания чеченцев под руководством Бей-Булата Таймиева, дважды огнем и мечом прошелся через аулы современного Шалинского, Урус-Мартановского и Грозненского районов Чечни. А ведь по этим селам, захватывая их и принимая присяги, в 1807 г. прошли Булгаков, Мусин-Пушкин, Ивелич, а уже в ермоловское время – Греков. Царский генерал Пассек, предупреждая российских военачальников, отмечал: «Только тот кусок земли наш, где стоит отряд... Наш отряд, как корабль, все разрежет, куда ни идет, и нигде не оставит следа, где прошел. Ни следов опустошения, ни следов покорности» [16: 371].

В чем же крылись причины такого упорного, беспримерного сопротивления горцев в борьбе за свою свободу? В.Г. Чернуха полагает, что Россия имела дело с десятками народов, племен, народностей, каждый из которых представлял собой особый мир, действовал самостоятельно, требовал специфического подхода [18: 12]. Объяснение интересное, но, на наш взгляд, неполное. Дело в том, что каждый народ, а зачастую и каждый аул царским войскам приходилось покорять множество раз.

Представляется, что главная причина – в особенностях общественно-экономического строя, географической среды и порожденной всем этим психологии горца. А.И. Робакидзе подчеркивал, что в силу этих особенностей «Кавказ в целом отличается от Запада и Востока, составляя исторически сложившуюся высокоразвитую и самобытную историческую общность» [15: 6]. И в Европе (шотландцы, баски), и в странах Востока горцы всегда отличались особой воинственностью. Горцы Непала (гуркхи), индийские горцы, афганцы, горцы Южной Африки оказали английским колонизаторам такое сопротивление, что те так и не смогли их полностью покорить.

Практически все дореволюционные этнографы и историки отмечали, что жизненные условия выработали у северокавказских горцев исключительную воинственность, смелость и абсолютное презрение к смерти. Эти качества, соединенные с гипертрофированным чувством любви к свободе, независимости, и развили в горцах (речь идет только о вольных общинниках) исключительную стойкость в освободительной борьбе и готовность идти на любые жертвы.

Даже любимец Николая I, преемник А.П. Ермолова на посту наместника Кавказа граф И.Ф. Паскевич в рапорте царю от 6 мая 1830 г. признавал: «Известно, сколь трудно вести войну в горах с народами, обладающими оными и решившимися на упорное сопротивление... Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаянье»[17: 4].

И.Ф. Бларамберг подчеркивал, что у горца главная заповедь – «дорожить свободой более, чем жизнью. <…> Они могут терпеть всяческие лишения, особенно, когда речь идет о том, чтобы защитить их свободу <…> Трудно найти на земле, которую мы населяем, народы, которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством… чем жители Кавказа» [2: 17, 25]. Крупнейший российский кавказовед П.И. Ковалевский писал, что чеченцы «объединены одной беззаветной жаждой свободы и независимости и всегдашней готовностью отстаивать ее своей жизнью. Отсюда вытекала беспредельная воинственность и безграничная ненависть к победителям-гяурам» [10: 158]. Геополитическая и экономическая значимость Кавказа в глазах царского правительства была столь высока, что длительность процесса утверждения России в регионе и приносимые при этом жертвы (с обеих сторон) особого значения не имели. «Правительство шло к своей цели (занятию Кавказа. – *А. Б., Ш. Г.*) неуклонно и не жалело никаких жертв», – подчеркивал Р.А. Фадеев [23:35]. Выработанная в течение XVIII в. и окончательно оформившаяся в XIX в. имперская доктрина России была такова, что раз поставленная цель в деле расширения территории государства должна была быть достигнута любой ценой.

Следует указать на еще одну причину длительности военного противостояния империи и северокавказских горцев. Россия и Кавказ представляли из себя два разных мира, две разные культуры, две разные цивилизации и соответственно – два разных мировидения. Европоцентристские взгляды официального Петербурга и его представителей на Кавказе сводили дело к тому, что культуру и цивилизацию несла только одна Россия, а горцы виделись однообразной массой «хищников» и «дикарей», стоящих на низкой ступени развития, которых надо приобщить к цивилизации.

Российские власти не понимали и не хотели понимать, что «горцев надо принимать такими, какие они есть – горцы есть горцы, не европейцы. Не дикари, нет, но у них своя, особенная культура» [13: 18]. Царская власть грубо вторгалась в нравственно-этический, культурный мир горца, ломала обычаи и традиции, имевшие на Кавказе силу закона. «Не вглядевшись хорошо в характер вновь приобретенного края, русская власть начала свои действия ложной системой – отменой самобытных общественных учреждений, ломкою властей, возросших из народной почвы, заставлявших каждое племя дорожить своей самостоятельностью» [24: 135]. Чеченцы «уступали русской силе, но они не признавали нравственного превосходства над собой этой силы и задыхались в ее тенетах. Вольные, как ветер горных ущелий… они не могли и не хотели понять тех новых начал жизни, которые на острие штыков, при страшном зареве пылавших аулов, вносили к ним победоносные пришельцы... Они не только не понимали, они презирали эту культуру, казавшуюся им посягательством на отвагу, удаль, на необузданную свободу личности, на всё то, что было мило и дорого сердцу чеченца» [22: 315]. Тут мы видим типичную для авторов XIX в. интерпретацию столкновения российской

(европейской) и кавказской культур – «горцы не понимали» российскую культуру. О том, что была и горская культура, которую российские власти тоже не понимали, речи нет.

Немало историков, рассуждая о Кавказской войне, отмечают, что в конечном итоге присоединение Кавказа к России имело прогрессивное значение. В целом разделяя эту точку зрения, все же следует не забывать, что эти перспективы материализовались, если так можно выразиться, спустя долгое время. А в конце XVIII – начале XIX в. северокавказские горцы видели лишь грубый произвол и жестокость завоевателей и соответственно реагировали. Даже некоторые, далеко не либеральные авторы XIX в., отмечали: «Но были причины к ненависти и злобе у лезгин против гяура-уруса и специальные... Раздувался этот пожар злобы и вражды лезгин грубым и наглым отношением русской администрации в Дагестане. Чеченец и лезгин, сознавая необходимость и личную пользу чего-то, будет переносить от власти всякое давление, всякий гнет, всякий деспотизм, если он видит в этом смысл; но если этот гнет – грубый произвол и служит выражением личного каприза и не приносит чеченцу никакого блага – в этом случае чеченец озлобляется бесконечно и приходит в отчаяние и действует, как истинный хищник. К сожалению, нередко русские действовали именно в этом направлении, и, не дав чеченцам ничего доброго, доводили их до последней степени озлобления против России и русских» [10: 193]. М.Я. Острогорский, рассуждая о длительности сопротивления горцев царским войскам, задавался вопросом: «Почему же, при таких неравных силах, война тянулась так долго, каким это образом страна с 4-миллионным населением с лишком шестьдесят лет сопротивлялась могущественнейшему на свете государству?». Острогорский считал, что причины этого феномена заключались в том, что «родину свою горец любит больше всего и думает, что выше ее нет страны на свете», и что суровые условия жизни развили «в нём необыкновенную отвагу, любовь к войне» и, главное, научили, «защищаться самому, без посторонней помощи» [11: 10].

За десять лет своего пребывания на Кавказе А.П. Ермолов внешне утвердил российскую власть в Кабарде, Дагестане, в равнинной Чечне, создал здесь основы российской военно-административной власти. Но сделано это было такими жестокими методами, что со временем неизбежно вызвало массовое освободительное движение горцев под лозунгами мюридизма. России потребовались десятки лет, огромные усилия и жертвы, чтобы преодолеть последствия ермоловской эпохи на Северном Кавказе. Лишь в середине XIX в. в Петербурге стали понимать, что насилие и жестокость необратимо рождают ответную реакцию, не менее жестокую и беспощадную, поэтому действовать здесь необходимо продуманно, мирными средствами – политическими, экономическими и культурными. Это понимание ляжет в основу деятельности российской власти на Северном Кавказе после окончания Кавказской войны, когда и в самой России начнутся крупные социально-экономические и административные преобразования. Тогда

народы Северного Кавказа окажутся прочно включенными в административную, социально-экономическую и культурную систему Российского государства.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875.

2. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись / пер. с фр. Ставрополь, 1992.

3. *Блиев М.М.*, *Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 2003.

4. *Боцвадзе Т.Д.* Северный Кавказ во внешней политике Грузии XV–XVIII веков. Тбилиси, 1974.

5. *Бугаев А.М.* Наша история – дорога в сегодняшний день // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 87–90.

6. *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 1–224.

7. *Гамрекели В.Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. В 2 ч. Ч. 2. Тбилиси, 1976.

8. *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994.

9. *Джимов Б.М.* Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы научной конференции, г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 5–24.

10. *Ковалевский П.И.* Кавказ: в 2 т. Т. 1. Народы Кавказа. СПб., 1914.

11. *Острогорский М.Я.* Завоевание Кавказа. Рассказ из отечественной истории. СПб., 1874.

12. *Пресняков А.Е.* Александр I. Петербург, 1924.

13. Перевернутый мир бесконечной войны [Материалы заочного круглого стола] // Родина. 1994. № 3. С. 17–23.

14. *Ратч В.Ф.* Сведения об Алексее Петровиче Ермолове. СПб., 1861.

15. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 6–20.

16. *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война: публичные лекции, прочитанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального Штаба полковником Романовским. СПб., 1860.

17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 255.

18. Россия в Кавказской войне. Вып. 2. СПб., 1997.

19. Россия и Кавказ. СПб., 1995.

20. *Текуев А.К.* Вернуться в национальном вопросе к В.И. Ленину // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 70–72.

21. *Тройно Ф.П.* Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы научной конференции, г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 79–89.

22. Утверждение русского владычества на Кавказе. В 12 т. Т. 3. Ч. 1. Тифлис, 1904.
23. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.
24. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

В.О. Бобровников

ГОРСКИЕ ИСТОЧНИКИ О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ XIX в. НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ: ПОСТСОВЕТСКИЕ НАХОДКИ, ПУБЛИКАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

Кавказская война (точнее войны) Российской империи в XIX в., юбилей окончания которой отмечался в начале лета 2024 г., остается одной из центральных тем в кавказоведении двух последних столетий. Ее историю писали (и до сих пор пишут) в основном по русским (реже – западноевропейским) источникам, представляющим реакцию на войну в России и других колониальных мировых державах, вовлеченных в «большую игру» за Кавказ. Между тем со второй трети XIX в. появляются отклики на войну местного мусульманского общества, «горцев», как их называли в империи, чаще сторонников, реже противников вооруженного джихада имамов Горного Дагестана и Чечни. Небольшая их часть была опубликована в пересказах и оригинале без перевода и комментариев уже в последней трети XIX – первой четверти XX в.

Насколько нам известно, впервые проблему специального изучения местных горских свидетельств о Кавказской войне и необходимости сопоставления их с описаниями русских и зарубежных наблюдателей еще в 1936 г. поставил замечательный знаток этой эпохи, ростовский историк-кавказовед Николай Ильич Покровский в знаменитом «Обзоре источников по истории имамата», позднее включенном в его докторскую диссертацию, опубликованную больше чем через полвека после его смерти [24; 25]. «Обзор» Покровского не утратил научной значимости доныне, хотя со времени его публикации прошло почти 90 лет. Вместе с тем многие его данные, конечно, устарели. Однако никто еще не попробовал продолжить Покровского. Попытаемся сделать это сейчас.

После 1936 г. было переведено, опубликовано в переводах и на восточных языках и, главное, введено в научный оборот множество местных горских источников. По-прежнему подавляющее большинство материалов о Кавказской войне происходит из русского лагеря, но количество местных восточных нарративных и нормативных источников исчисляется уже не единицами, а десятками, число же писем и документов – сотнями, если не тысячами. Особенно значимые перемены в ее источниковой базе и жанрах произошли за постсоветское тридцатилетие. Тогда же существенно трансформировались «оптика» источниковедения, а именно критерии подбора и анализа свидетельств и документов той эпохи.

Долго господствовавший в литературе упрощенный военно-политический нарратив мусульманского сопротивления колониальной экспансии Российской империи еще в 1990-е гг. оттеснили более сложные и менее политизированные нарративы новой имперской истории, связанные с религиозным, социальным и культурным значением Кавказской войны и Имамата в горском обществе на границах империи. Дихотомия колониального завоевания и национально-освободительного движения звучит все более анахронично. Перемены в источниковедении войны удачно отметил во введении к своей докторской диссертации, а затем книге, написанной на ее основе, германский исламовед Михаэль Кемпер [38]. Но и его обзор не учитывает публикаций последних 19 лет, документов и рукописей, выявленных за это время.

Цель этой статьи – дать за всю постсоветскую эпоху обзор основных публикаций и использования источников на восточных языках, составленных на Северном Кавказе и отразивших отношение местного мусульманского населения к Кавказской войне. Они представляли взгляды как сторонников, так и противников вооруженного джихада имамов, реже – сторонних наблюдателей из числа современников Кавказской войны и последующих поколений. Я попытаюсь продолжить «Обзор» Покровского, пересмотрев некоторые его установки, исходя из наработок новой имперской истории. Из обзора сознательно исключена одна тема. Это так называемое мухаджирство – массовый исход кавказских горцев в последний период войны и после ее окончания в Османскую империю. Мухаджирство документировано в источниках на арабском и староосманском языках[1], представлено и в горском фольклоре на кавказских и тюркских языках. Эта слишком объемная самостоятельная тема, заслуживающая специального исследования.

В оценке источников на восточных языках мы отталкивались от классификации Покровского, пытаясь не копировать, а критически перерабатывать ее. Покровский разделил все русские, западные и восточные источники «по степени достоверности» на пять больших групп: «1) документы, современные событиям (официальная и частная переписка) и основанные на непосредственном их наблюдении; 2) сообщения, основанные на расспросных сведениях, то есть получаемые историком уже из вторых рук; 3) по степени достоверности к ним примыкают воспоминания и 4) даже некоторые из произведений художественной литературы, авторы которых могли расспрашивать участников событий; 5) сводные работы, написанные по источникам» [24: 28–29].

Ту же типологию Покровский находит в «местных горских источниках», которые он подробно разбирает в заключительной части своего «Обзора» [24: 70–94]. Из них ему были известны преимущественно материалы, вышедшие из лагеря сторонников Имамата. Как историк-позитивист своего времени Покровский

[1] Чтобы читатель мог понять современное состояние изучения османских источников по мухаджирству, отсылаем его к двум недавним публикациям: книге Владимира Хамеда-Троянского [37] и статье Мустафы Танрыверди [27].

с подозрением относится к последним двум группам источников, чрезмерно субъективным и далеким от действительности, отказывая им в самостоятельной значимости и используя лишь для реконструкции утраченных первоисточников. Вместе с тем он верно оценил значение религиозно-правовой составляющей Кавказской войны. Недаром обзор горских источников он начинает с разбора сборников по адату и шариату.

Тематика современных исследований еще в начале столетия сместилась к игрокам и дискурсивным практикам войны, отраженным в нарративах ее свидетелей и историографов. Верификация источников по-прежнему необходима, но степень достоверности передачи ими того, что происходило в действительности, отошла на второй план. Важнейшим стал критерий информативности данных источников не для реконструкции того, как колониальное завоевание Кавказа происходило на самом деле, но для реконструкции восприятия Кавказской войны ее современниками и последующими поколениями.

Поэтому в предлагаемой ниже типологии местных источников о Кавказской войне на восточных языках мы исходили из критерия информативности их данных для реконструкции восприятия войны. По степени значимости содержания выстраивается следующая типология источников: 1) правовые и нормативные сочинения и документы; 2) суфийские трактаты шейхов и мюридов братств Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа; 3) официальная и частная переписка; 4) эпиграфика; 5) хроники и краткие памятные записи (таварих); 6) стихи на политические и религиозные темы, связанные с Кавказской войной; 7) воспоминания и биографии, в том числе биографические словари (манакиб, тараджим) и агиография (табакат); 8) каталоги рукописных библиотек и архивов; 9) записи и переводы героического фольклора о Кавказской войне.

При столь удивительном многообразии тем публикации источников в постсоветское время имеют между собой немало общего. Во-первых, все они, за редким исключением, выявлены и опубликованы в России, но порой с участием иностранных коллег-востоковедов. Падение научной цензуры позволило издать переводы и подборки источников, сделанные в 1920–1970-е гг. [4; 6; 11; 28]. В Махачкале, Нальчике, Грозном, Владикавказе и Москве стали перепечатывать дореволюционные и эмигрантские издания источников в кириллице и арабской графике [7; 10; 16; 3; 36]. В их издание включились краеведы-любители, религиозные деятели и муфтияты (духовные управления мусульман) [29; 9]. Отдельные нарративные источники печатали в популярных переводах с арабского на кавказские и тюркские языки [26; 12; 1; 33]. В итоге книжный голод по источникам о Кавказской войне был значительно утолен.

Наряду с любительскими перепечатками в постсоветское время было немало удачных и не очень попыток введения в научный оборот местных восточных источников. С арабского, северокавказского тюрки и аварского переведены на русский неизвестные кавказоведам до конца XX в. исторические сочинения в жанрах

аульных хроник (*таварих*) [6; 14; 5; 8; 31], мемуаров (*кутуб тазкира*), дневников и даже автобиографий участников Кавказской войны [2; 19]. Еще больший интерес представляют биографические словари улемов и суфиев, впервые введенные в научный оборот в этот период [30; 35; 20; 39; 34; 17]. Наконец, в оригинале и переводах издана полемика о шариате и вооруженном джихаде времен Кавказской войны, шариатские документы и нормативные акты [32; 18; 22; 15], переписка [21; 23; 33].

Что можно сказать в заключение? Еще 30–40 лет назад многие историки и в особенности широкая публика верили, что восточные (в основном арабоязычные и арабографичные) источники скрывают в себе массу информации, позволяющей восстановить, как все происходило на самом деле. Читавшие и переводившие их наивно полагали, что эти материалы помогут исправить и уточнить русскоязычные источники, введенные в научный оборот ранее. Эта фантазия рассеялась. Прав оказался Покровский. Скорее восточные источники можно уточнять с помощью одновременных им русских. Это касается цифр, имен, хода событий. Но важнее другое. Восточные и русские источники нужно анализировать именно в связке, с учетом методики современного кавказоведения, не подменяя один тип источников другим, например, не изучать хронологию и военно-политическую историю Кавказской войны по горскому фольклору.

Источниковое поле историка резко расширилось, особенно на Северо-Восточном Кавказе, лучше представленном в источниках на восточных языках. Выявлено много материалов, появились десятки их публикаций в оригинале, переводах и пересказах, редко в академическом издании с введением, археографической характеристикой и комментариями [2–4; 13; 20–23], чаще в дефектном, порой даже «голом» виде только не выверенных текстов самих источников [1; 5; 6; 9; 11; 15; 26; 29; 33; 35]. Крайне позитивно на восточном источниковедении Кавказской войны сказалось падение советской научной цензуры. Вместе с тем в постсоветскую эпоху размываются границы между источниками и историографией. В число «историков» Кавказской войны вливаются любители [8; 29], в первую очередь верующие [9; 15; 26; 35], очарованные ее героическими образами ислама в исторической памяти, но не знакомые с азами издания и академической научной критики источников, и тем паче с современной ревизионистской историографией. Публикации полностью зависят от воли частных спонсоров, учитывающих лишь рынок сбыта, установки исторической памяти и политики. Общий уровень публикаций по сравнению с поздней советской эпохой резко упал.

Существуют и более серьезные проблемы. Подавляющее большинство отечественных востоковедов, занимающихся источниками этого времени, крайне плохо представляют себе современную историографию Кавказской войны и Российской империи. Они не знают крупнейших историков-русистов, в том числе военных историков. Взаимно и русисты, пусть даже прекрасные источниковеды, как правило, не читают востоковедов и не знают находок, публикаций и интерпретаций восточных источников за последние полвека. Многие лучшие издания источников

постсоветского времени [2; 4; 13; 14; 21; 23] не использованы в литературе. Проблему взаимного игнорирования усугубляет незнание современной зарубежной литературы.

Но не все так мрачно. Есть яркие исследования (например, [38]), которые не содержат переводов новых восточных источников, но вводят в научный оборот массу неопубликованного материала, порой даже массовых нормативных и нарративных текстов и документов на современном научном языке. Их достоинство еще и в том, что они уберегают от преувеличения значения Кавказской войны, которую советская историография и советологи представляли как главную проблему кавказоведения. Ведь большинство восточных источников времен Кавказской войны и вплоть до 1930-х гг. как раз не про мусульманское сопротивление или интеграцию в империю, не про джихад и войну. Они показывают путь, по которому следует идти в исследовании Кавказской войны XIX в.

Источники и литература

1. *'Абд ас-Салам*. Макалат аш-шайх ал-фадил ва-л-устаз а-камил ал-Хаджжи Кунта ал-Иласхани. Аджвибат ал-устаз ал-муфид ли-маса'ил ал-мурид ал-мустафид. Назрань, 2003. (на араб. и ингуш. яз.).

2. *Абдурахман ал-Газигумуки*. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М., 2002.

3. *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха Тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / пер. с араб. М.-С. Саидова. Ред., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

4. Аваразул кьалул кучIдул ва баллпадаби: текстал, таржамаби, баянал = Героические песни и баллады аварцев / сост. А.А. Ахлаков. Махачкала, 2003 (на авар. и рус. яз.).

5. *Айтберов Т.М.*, *Дадаев Ю.У*. Хроника Иманмухаммеда Гигатлинского – текст XIX в. об истории имамата. Махачкала, 2010.

6. *Айтберов Т.М.*, *Дадаев Ю.У.*, *Омаров Х.А*. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Материалы. Кн. I. Махачкала, 2001.

7. *Алкадари Г.-Э*. Асари-Дагестан / вступ. ст., коммент., прим., ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.

8. *Ангъидаса Халил*. Цо мухъалъул тарихалъул бицен. Махачкала, 2017 (на авар. яз.).

9. *Асар аш-шайх ал-Йараги*. Махачкала, 1435/2016. (на араб. яз.).

10. *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле / сост., вступ. ст., коммент., ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1995.

11. *Гимринский Г*. Газимухаммад / пер. с авар. Б. Маллачиханова // Маллачиханов Б. Жизнь и творчество / автор-сост. А.М. Муртазалиев. Махачкала, 2004. С. 84–187.

12. *ГИсаев А.* Дагъиста имамтачила ва наибунчила даргантала далуйти / *Исаев А.* Даргинские песни об иамах и наибах Дагестана. Махачкала, 2002. (на дарг. и рус. яз.).

13. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии) / сост. Г.М. Оразаев. Книга 1. Махачкала, 2003.

14. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии) / сост. Г.М. Оразаев. Книга 2. Махачкала, 2022.

15. *Маджму‘ ал-Фатава*. Махачкала, 1439/2018. (на араб. яз.).

16. Мемуары генерала Мусса-паши Кундухова / под ред. В.В. Дегоева // Дарьял. Литературно-художественный журнал. 1994. № 4. С. 138–164; 1995. № 2. С. 118–145; № 3. С. 183–201.

17. *Мусаев М.А.* Дагестанские арабоязычные биографические сочинения второй половины XIX – начала XX в.: Хрестоматия. Махачкала, 2020.

18. Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Хрестоматия / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев. СПб., 2017.

19. *Мухаммадтахир ал-Карахи*. Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил / пер. с араб. и коммент. Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Маламагомедова, М.Г. Шехмагомедова. М., 2014.

20. *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., коммент., указ., библ. А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустанова. М., 2012. (на рус. и араб. яз.).

21. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию) / введ., издание текстов, переводы, коммент. Х.А. Омарова. Махачкала, 2002.

22. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. Т. I–II. М., 2009.

23. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала, 2007.

24. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2000.

25. *Покровский Н.И.* Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. 1936. Т. 2. С. 187–234.

26. *Салман-афанди ар-Рашади*. КIикIуниса Шарабудин устар. ХIикматазул асарал / Пер. с араб. М.-Р. Мугумаев. Махачкала, 1997. Т. 1 (на авар. яз.).

27. *Танрыверди М.* Мухаджирство с Северного Кавказа на территорию Османской империи во второй половине XIX века по архивным материалам Турции // Россия в центре истории. Научный сборник памяти Н.С. Киняпиной (1920–2003). М., 2024.

28. Ташав-хаджи из Эндирея – герой Кавказской войны (Сборник исследований и материалов) / сост. Г.М-Р. Оразаев, И.И. Ханмурзаев. Махачкала, 2023.

29. *Фатава ал-Чухи*. Махачкала, 2011 (на араб. яз.).

30. *Хайдарбек Геничутлинский*. Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. Т.М. Айтберова, под ред. М.Р. Мугумаева, вступ. ст., коммент. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

31. *Хасанилав ал-Гимрави*. Имам Газимухаммад: аварская хроника времен Кавказской войны (1827–1831 гг.) / исслед., ред., факс. изд. П.И. Тахнаевой; пер. с авар. П.И. Тахнаевой, Дж.М. Маламагомедова, М.-А.М. Магомедова. М., 2020. (на рус. и авар. яз.).

32. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. / сост. Т.М. Айтберов. Ч. I–II. Махачкала, 1999.

33. Шамил имамасул 500 кагъат / под общ. ред. А.М. Муртазалиева, пер. с араб. на авар. яз. М. Шейхмагомедова, А.М. Магомедова, М.О. Каримова, комм. Ш.М. Хапизова. В 2 кн. Махачкала, 2022.

34. *Шехмагомедов М.Г.* «Ла[’]иха[т] низам ал-джадид» – «Свод нового низама» Шамиля // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2. С. 43–49.

35. *Шу‘айб б. Идрис ал-Багини*. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандиййа васадат ал-машайих ал-халидиййа ал-махмудиййа. Дамаск, 1317/1996. (на араб. яз.).

36. *Ясулов Г*. Хунзахъа ХIажимурадил хIакъалъулъ хундерил биценал / Хунзахские предания о Хаджимураде / подгот. к изд. Д.М. Маламагомедов. Махачкала, 2009 (на авар. и рус. яз.).

37. *Hamed-Troyansky V*. Empire of Refugees. North Caucasian Muslims and the Late Ottoman State. Stanford, 2024.

38. *Kemper M*. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeinebünden zum gihad-Staat. Wiesbaden, 2005.

39. Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 4. Die Islamgelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke / eds. Kemper M., Šixsaidov A.R. Berlin, 2004.

Т.Е. Покотилова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРАКТИКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Устойчивое и успешное будущее государственности многонациональной России напрямую зависит от гармоничности межнациональных отношений, определяемой, наряду со многими иными факторами, безоговорочной

ориентированностью национальных элит на будущее своих народов в составе России. Одним из непременных условий для формирования таких элит является их осознанное и целенаправленное воспитание в рамках общероссийских социокультурных ценностей, предусматривающих, в том числе, уважение к культурным традициям всех народов, входящих в состав нашей страны. Опыт таких действий в истории нашего государства нарабатывался как по мере вхождения народов в состав Российской империи, так и в советскую эпоху. Изучение этого опыта, его позитивных и негативных сторон – актуальнейшая для современной гуманитаристики задача.

История вхождения народов Северного Кавказа в состав Российской империи свидетельствует о непосредственной связи успешности процесса и полученного в итоге результата с активной политикой и практикой вовлечения населения региона в социокультурное пространство России, в рамках которого государством уделялось отдельное внимание образованию и воспитанию наиболее талантливых представителей горских народов как их будущей культурной и военно-политической элиты. Поэтому изучение содержания и особенностей исторического опыта такой деятельности со стороны государства, а также механизма, форм и масштабов общественного участия в процессе подготовки национальных элит северокавказских народов в составе Российской империи должно получить повышенный исследовательский интерес и активную адаптацию полученных аналитических результатов к современной государственной и общественно-политической практике.

На рубеже XX–XXI вв. и в первые десятилетия XXI в. отдельные аспекты проблемы нашли отражение в работах М.А. Кошева, Т.Х. Кумыкова, Г.Н. Малаховой, С.А. Айларовой, З.Х. Ибрагимовой, Ю.Ю. Клычникова, М.В. Клычниковой, В.А. Матвеева, Д.С. Ткаченко, Т.А. Колосовской, Т.А. Невской, А.С. Кондрашевой, Е.И. Кобахидзе, Л.С. Гатаговой, В.В. Трепавлова, А.Ю. Бахтуриной, В.В. Черноуса и др. [1; 3–12; 14; 16; 18]. В контексте проведенного предметного анализа истории и отдельных аспектов как политической, так и социокультурной интеграции северокавказских народов в состав России авторами подчеркивается значимость становления в регионе системы образования и воспитания, нацеленной на привитие горцам представлений о прогрессивной роли России. При этом М.А. Кошев, С.А. Айларова, З.Х. Ибрагимова и Т.Х. Кумыков подробнее осветили историю приобщения отдельных северокавказских народов к российской государственности и культуре через их просвещение, становление и развитие современной общественно-политической мысли, не сосредоточив при этом особого внимания на проблеме подготовки элиты [1; 5; 9; 10].

Интересными и полезными в изучении заявленной проблемы могут, на наш взгляд, стать следующие два комплексных труда. В коллективной монографии Института российской истории РАН «Этнические элиты в национальной политике России» (2017) в рамках изучения политики властей в отношении

национальных элит сформулированы представления, объясняющие причины «длительной стабильности» в межэтнических отношениях в стране [19]. В коллективной монографии ученых ЮНЦ РАН «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (2020) в контексте исследования содержания попыток справиться с кадровым «голодом» на Кавказе изучается процесс организации образования в регионе в рамках полутора столетий, завершившийся появлением слоя собственных квалифицированных чиновников [13].

Зарубежная, особенно англо-саксонская, русистика в вопросах истории интеграции Кавказа в состав Российской империи продолжает в основном тренд на преимущественное исследование этого процесса в контексте изучения имперской политики России, где даже вопросы межкультурного взаимодействия изучаются как часть колонизационных процессов. При этом «обвинительный» уклон в оценке действий Российской империи на Кавказе пронизывает подавляющую часть исследований. Хотя робко, но пробивает дорогу тенденция, предложенная американцем Т. Барретом в его работе «Линии неопределенности: северокавказский “фронтир” России» на обращение к анализу иных аспектов «российско-северокавказского пограничья», таких, где «переплетались воздействие на окружающую среду, культурное смешение, социальная стратификация и грандиозное мифотворчество» [2: 168]. В русле данной тенденции американский исследователь Ч. Кинг опубликовал в 2008 г. работу, в которой предпринята попытка исследования процесса освоения Россией Кавказа с точки зрения культурного взаимодействия с местным населением [20]. Изучая вопросы взаимодействия российских властей с национальными окраинами, Р.Г. Суни, А. Рибер, Дж. Хоскинг анализируют особенности государственного управления присоединенными регионами и пути достижения их лояльности [15; 17; 21].

На наш взгляд, ожидаемое целостное исследование политики и содержательной стороны деятельности государства и общества в сфере подготовки культурной и политической элиты горских народов Северного Кавказа в составе Российской империи может базироваться на решении следующих достаточно объемных исследовательских задач:

– выявление видов северокавказских элит периода начала активного освоения Россией региона и определение основных механизмов и особенностей их влияния с учетом особенностей традиционной культуры;

– изучение причин и особенностей процесса обращения Российского государства к внедрению системы светского образования в регионе;

– рассмотрение процесса и проблем, возникавших при обеспечении баланса в соотношении массового и элитного образования при организации системы образования в регионе;

– анализ соответствия требований «Положения о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных» от 18 декабря 1848 г.

и «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, за счет казны, в высших специальных учреждениях империи» от 11 июля 1849 г. особенностям традиционной культуры горских народов и решавшимся Россией в регионе задачам в части подготовки национальных элит;

– исследование содержания, проблем и результатов деятельности основных учебных заведений, обеспечивавших подготовку культурной и управленческой элиты из среды горских народов во второй половине XIX – начале XX в.;

– выявление основных имен представителей управленческих структур и педагогических кадров, в наибольшей мере способствовавших становлению системы подготовки национальных элит для региона, и анализ содержания их вклада в процесс;

– исследование содержания и определение форм и степени участия общества в обеспечении процесса становления и развития системы образования и воспитания в регионе в составе Российской империи с точки зрения подготовки культурной и управленческой элиты;

– анализ вклада наиболее ярких представителей горской элиты второй половины XIX – первой половины XX в. в развитие региона и страны;

– предложение по результатам проведенного анализа ряда универсальных мер, необходимых для применения в современной отечественной общественно-политической практике воспитания национальных элит в РФ.

Справиться с таким объемом разноплановых задач наиболее эффективно возможно, на наш взгляд, лишь с опорой на комплексный подход, который предполагает проведение исследования избранного исторического феномена, а именно – подготовки культурной и политической элиты горских народов Северного Кавказа в Российской империи – в конкретных исторических условиях в процессе его развития (принцип историзма) на основе фактически состоявшихся событий (принцип научной объективности). При этом необходимо использовать такие общенаучные методы, как аналитический (достижение научной реконструкции событий в опоре на ситуационное моделирование, предполагающее поиск и привлечение к анализу разноплановых и разноформатных источников как из разряда информационно-статистических, делопроизводственных, так и источников личного происхождения; расчеты и последующая оценка изучаемого исторического явления); классификации и аналогии (классификация фактов через выделение их сущностных признаков с целью выявления их взаимодействия и описания их последовательности; перенос уже известных свойств первоначального сходства изучаемого объекта на неизвестные для построения логических рассуждений и их дальнейшего обоснования).

Использование такого специально-исторического метода исследования, как историко-генетический, поможет изучению эволюции представлений российской администрации о необходимости и средствах вовлечения горских народов Северного Кавказа в социокультурное пространство страны, появления и расширения

мотивации горцев к работе в управлении, динамики в развитии системы образования у горских народов Северного Кавказа в рамках развития всей образовательной системы Российской империи, соблюдения баланса в развитии обычного и элитного образования и т.д. Историко-сравнительный метод необходим при определении качественных, количественных показателей и иных характеристик результатов обучения горцев на различных его этапах, соотношения обычного и элитного образования, соотношения размеров государственного вклада и общественного участия в обеспечение подготовки пророссийски ориентированной горской культурной и политической элиты и т.д. Историко-биографический метод востребован при описании, анализе жизни и результатов деятельности наиболее значимых в истории региона и страны представителей новой горской элиты, а также государственных и общественных деятелей, внесших значимый вклад в дело их подготовки.

Видится, что достижение значимых научных результатов в разработке проблемы государственной практики и общественного участия в подготовке культурной и политической элиты горских народов Северного Кавказа в Российской империи станет серьезным вкладом как в современное историческое научное знание, так и в обеспечение устойчивого развития нашей страны в целом.

Источники и литература

1. *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

2. *Баррет Т.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 163–194.

3. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

4. *Гатагова Л.С.*, *Трепавлов В.В.* «Перед толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019.

5. *Ибрагимова З.Х.* Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М., 2006.

6. *Клычников Ю.Ю.* Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII веках / под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2008.

7. *Клычникова М.В.*, *Клычников Ю.Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006.

8. *Кобахидзе Е.И.* Интегративные практики Российской империи на Центральном Кавказе в контексте политики «русификации» // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4. С. 116–133. URL: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-4-116-133 (дата обращения: 29.06.2024).

9. *Кошев М.А.* Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991.

10. *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996.

11. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.

12. *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ростов н/Д., 2006.

13. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2020.

14. *Невская Т.А.*, *Кондрашева А.С.* Власть и реформы на Северном Кавказе (XVIII – начало XX вв.). Ставрополь, 2011.

15. *Суни Р.Г.* Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011. С. 31–87.

16. *Ткаченко Д.С.*, *Колосовская Т.А.* Военно-политическая история Северного Кавказа XVI–XIX вв.: факты, события, люди. Ставрополь, 2009.

17. *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). М., 2000.

18. *Черноус В.В.* Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые современные тенденции // История: научные поиски и проблемы: Памяти А.П. Пронштейна. Ростов н/Д., 2000. С. 164–187.

19. Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.В. Трепавлов. М., 2017.

20. *King Ch.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. N.Y., 2008.

21. *Rieber A.*, *Kotsonis Y.* The Imperial Russian Project: Autocratic Politics, Economic Development, and Social Fragmentation. Toronto, 2018.

Т.Х. Матиев

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГОРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ в 1920–1980-е гг.: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Историография горского национального движения в отечественной традиции прошла значительную эволюцию и может быть разделена довольно четко на три крупных отрезка. Первый – раннесоветский, сразу после окончания Гражданской войны и вплоть до конца 1930-х гг.; второй – историография 1940-х – конца 1950-х гг.; наконец, позднесоветская историография – с начала 1960-х до второй половины 1980-х гг.

Первые работы, касавшиеся истории небольшевистского горского национального движения (поскольку за весь советский период попытки горских народов создать свою независимую конфедерацию так и не получили специального, пусть даже и тенденциозного исследования), пребывали в целом в парадигме общего подхода ранней советской историографии к проблемам истории революций и Гражданской войны.

Как пишет Л.А. Сидорова, «советские историки первой марксистской генерации были одновременно историками-пропагандистами, а жанр пропаганды, как известно, отличается от академической науки. Они обращались не только к разуму своих читателей и слушателей, но и к сердцам» [13: 288].

К.С. Бутаев уже в 1922 г. пишет, что члены Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (далее – СОГСКД), «пригретые царской властью, которая в них нашла свою опору и которая существование их узаконила, теперь вышли на арену с национальными лозунгами, с лозунгами о буржуазно-демократических прелестях, о независимости горцев, самобытности и т.п.» [3: 7]. В то же время при оценке их деятельности он довольно сдержан: «Союз этот, организованный силами и уменьем указанных выше групп, имел целью объединение горских народов на основе национально-буржуазных демократических лозунгов в одно целое – основу будущего государственного объединения горцев» [3: 8].

Вообще при всей публицистичности своего слога К.С. Бутаев отличался умением необычайно точно и емко, в нескольких фразах, изложить суть описываемой ситуации. Так, говоря о судьбе второго созыва горского правительства в Темир-Хан-Шуре в 1918–1919 гг., он вполне адекватно и объективно оценил трагизм его судьбы: «Правительство это собрало все остатки демократических (характерно, что термин “демократических” не берется Бутаевым в кавычки, что было непременным приемом позднесоветских авторов в подобной ситуации. – *Т. М.*) групп, которые блуждали по Кавказу после первого краха во Владикавказе. Оно же собирало вокруг себя офицерство как боевую силу. Это офицерство позже стоило правительству жизни, так как, начиная с своего главнокомандующего полковника Хабаева, все они предали Горское правительство добровольцам» [3: 28].

Еще одна характерная черта работ того времени – смесь публицистичности и мемуарного жанра с советской исследовательской парадигмой. Последнее объяснялось фактом участия многих первых историков вопроса в описываемых событиях. А непосредственно в период выхода работ ряд авторов, о которых идет речь, занимали ответственные партийные и советские посты. Такими были К.С. Бутаев, А.-Г.С. Гойгов [15] и др., тексты которых трудно отнести к какому-либо определенному жанру – мемуаристике, публицистике или историческому исследованию.

Капитальная работа Н.Л. Янчевского [16] – одна из первых в советской историографии, в которой детально рассмотрены события революций и Гражданской

войны на Юге России. Несмотря на критичную оценку деятельности Союза горцев, в работе довольно подробно изложены и программа организации, и конкретные предпринимавшиеся ее членами в 1917–1918 гг. шаги. Так, представитель Союза в Ингушетии В. Джабагиев назван ингушским националистом [16: 122] – при всем негативном смысле, который вкладывался советской традицией в этот термин, в целом он более точно отражает суть политической программы деятелей СОГСКД, нежели обвинение их в контрреволюционности.

В ряде случае Н.Л. Янчевский отходит даже от умеренно-критического подхода к деятельности горских демократов и придерживается делающего ему честь как историку сухого изложения фактов. Так, говоря о Втором съезде горских народов в сентябре 1917 г., он пишет, что форумом были приняты «основы государственного устройства горцев с автономией для каждого народа, двухпалатной системой, причем одна из палат формировалась с учетом национального представительства каждого народа» [16: 131].

В целом работа Н.Л. Янчевского по сей день является ценным и довольно объективным примером исследования проблем революций и Гражданской войны в регионе, что называется, «по горячим следам».

Работа И.П. Борисенко, вышедшая примерно в те же годы и посвященная истории советских республик на Северном Кавказе [1], несколько более публицистична. В оценке горского небольшевистского национального движения Борисенко менее сдержан в сравнении с Янчевским и гораздо ближе к парадигме советской историографии более поздних лет. Так, говоря о ситуации в Ингушетии после февраля 1917 г., Борисенко пишет, что у власти стояли генералы и офицеры во главе с Джабагиевым [1: 37]. Между тем даже выходившие в те же годы воспоминания участников революционных событий в Ингушетии свидетельствуют о противостоянии, которое фактически шло между Джабагиевым и офицерской фракцией [15: 39].

При этом, несмотря на более ярко выраженную пристрастность работы Борисенко, она значительное место отводит ходу двух первых съездов горских народов, включая в текст цитаты из выступлений его участников (правда, довольно тенденциозно подобранные). При этом ни Борисенко, ни Янчевский не приводят какие-либо цитаты, которые позволили бы обосновать ставший в дальнейшем одним из главных при оценке характера небольшевистского национального движения горцев тезис – о его сепаратистском и антироссийском, антирусском характере. Борисенко стремится восполнить нехватку аргументов для обвинения горских демократов в этой сфере обвинениями их в панисламизме [1: 40].

В то же время стоит отметить, что И.П. Борисенко является одним из авторов, наиболее подробно рассмотревших социальный расклад и политическую дифференциацию горского национального движения в 1917–1918 гг. [1: 80–81]. Кроме того, считая горских демократов и сторонников духовенства врагами советской

власти, Борисенко признает, что в борьбе с этой частью своих противников на Тереке в конце 1918 г. большевики «проглядели» более грозного врага в лице Добровольческой армии [1: 76].

С середины 1930-х гг. в условиях курса на этатизм, четко взятого сталинским руководством, история стала в рамках данной политики одной из приоритетных гуманитарных наук. Это было связано в первую очередь с ее наибольшей среди гуманитарных дисциплин связью с текущей политикой и формированием мировоззрения нации.

Новая советская историческая наука унаследовала, с одной стороны, многие лучшие традиции российской историографии дореволюционного периода, переосмыслив и воплотив их в лице таких корифеев, как Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров и др. Но, с другой стороны, под воздействием еще более жесткого административного давления резче выступали и «родимые пятна» – прежде всего в виде сервильности и готовности обслуживания потребностей политической конъюнктуры в ущерб объективности и беспристрастности, только и делающей историка историком в подлинном смысле слова.

Любые политические маневры горских демократов теперь рассматривались однозначно как происки контрреволюционеров и наймитов иностранных разведок. Всё это подкреплялось обильными цитатами из соответствующих трудов И.В. Сталина (благо, в рассматриваемый период он в качестве народного комиссара по делам национальностей имел прямое отношение к формированию политики на Кавказе). Ярким примером такого нового подхода в советской историографии революций и Гражданской войны на Северном Кавказе служат работы И.Э. Разгона [11, 12]. Разумеется, в новых условиях не могло быть и речи даже о таком уровне объективности, который отличал историографию 1920-х гг. В свете этого можно считать изучение вопросов истории горского национального движения в трудах по истории революций и Гражданской войны, вышедших в 1940-х – первой половине 1950-х гг., как минимум стагнацией, если не шагом назад в историографии проблемы.

На протяжении позднесталинского времени депортация ряда народов в середине 1940-х гг. стала дополнительным идеологическим фактором, значительно повлиявшим на историографию середины 1940-х – начала 1950-х гг. В научном изложении этих событий результатом стало в лучшем случае умолчание о народах, подвергшихся репрессиям, но в то же время активно участвовавших в свое время в революционных событиях и Гражданской войне.

Развенчание культа личности и «возвращение в историю» репрессированных народов не слишком отразилось на оценке тех их представителей (как, впрочем, и представителей народов, не подвергавшихся поголовным репрессиям), которые входили в горское правительство. Скорее наоборот: именно в отношении деятелей горского национального движения демократического толка оценки советской историографии не просто не смягчились, а стали более жесткими.

Так, в работе З.А.-Г. Гойговой Союз горцев, созданный в мае 1917 г., прямо назван «контрреволюционным» [4: 35]. В дальнейшем созданное по инициативе Союза горцев горское правительство, объявившее в мае 1918 г. о независимости Северного Кавказа, именуется «марионеточным» и созданным «агентами Турции и Германии» [4: 50]. Надо отметить, что вплоть до конца советской эпохи такая оценка характера горского правительства и вообще политических организаций, связанных с Союзом объединенных горцев, была фактически единственно принятой в официальной историографии.

По мнению Б.П. Екати, «лишившись всякой опоры внутри страны, “горское правительство” пыталось в своей борьбе против советской власти опереться на помощь Англии, Германии, Турции. Стремление Англии проникнуть на Северный Кавказ развивалось, разумеется, независимо от домогательств “горского правительства”. Ее интервенция на Северном Кавказе диктовалась не столько желанием поддержать “независимость” Горской республики, сколько стремлением отторгнуть одну из богатейших окраин России с нефтяными районами Баку и Грозного» [5: 11].

Во второй половине 1960-х гг. в советской исторической литературе отмечается всплеск публикаций, посвященных истории революций и Гражданской войны, приуроченных к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В ряде республик выходят капитальные труды по истории этих субъектов советской федерации, в которых нашли отражение и события революций и Гражданской войны. Так, в «Истории Северо-Осетинской АССР» Союз горцев назван контрреволюционным. Организаторы якобы создали его в целях отторжения Северного Кавказа от России и образования на его территории «самостоятельного» государства под эгидой Турции [6: 93]. Оценки, близкие к этой, можно найти в «Очерках по истории Чечено-Ингушской АССР», изданных в те же годы в Грозном [9: 313]. Между тем документы Первого и Второго съездов горских народов, инициаторами созыва которых были лидеры Союза горцев, убедительно доказывают, что вплоть до начала Гражданской войны в России идеи отделения от нее и создания сепаратного государства не были популярны в горской среде, во всяком случае среди руководства СОГСКД. Наоборот, последнее всячески подчеркивало историческую роль российской революции и стремление идти рука об руку с революционными народами России, добиваясь от грядущего Учредительного собрания только максимально широкого самоуправления и автономии [14: 16–17].

В то же время в некоторых работах, вышедших в 1960-е гг., например, в обстоятельном исследовании событий начального периода Гражданской войны на Тереке, которое выполнил Д.З. Коренев [7], отсутствие реальных результатов деятельности горского правительства в конце 1917 г., в частности неспособность обеспечить защиту населения Владикавказа от разгула анархии и криминала, объясняется не столько реакционностью Союза горцев, сколько объективным

бессилием в условиях отсутствия реальной вооруженной силы для обеспечения правопорядка [7: 83]. В данной оценке Д.З. Коренева важна не столько констатация бессилия буржуазно-демократических правительств (во многом связанного с их разборчивостью в методах в сравнении с будущими сторонами Гражданской войны – красными и белыми), но и фактическое уравнивание в эффективности владикавказского совета и этих порождений «буржуазного национализма».

На протяжении 1970–1980-х гг. тон публикаций, посвященных истории революций и Гражданской войны на Северном Кавказе, в отношении горского движения если и меняется в целом, то, скорее, в сторону ужесточения. Так, в официозной работе, объединившей историков Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии и посвященной победе Советов на Тереке, лидеры национальных советов, большинство которых являлись представителями Союза объединенных горцев, именуются не иначе как «ярыми реакционерами» [10: 88].

Несколько более сдержан в своих оценках Ш.М. Магомедов. Он, говоря о создании Союза горцев и его дальнейшей деятельности в 1917–1918 гг., предпочитает термины «буржуазно-националистическая верхушка», «клерикалы», «духовенство» [8: 63, 64, 114–115]. При этом отдельные течения внутри горского движения он не выделяет, равно как и не употребляет сам термин «национальное движение». Правда, буквально на соседней странице той же работы Магомедова мы можем найти цитату из В.И. Ленина, в которой содержится как раз утверждение, что «на этапе краха феодализма и сложения капитализма, в эпоху сложения буржуазно-демократического общества *национальные движения* (курсив наш. – *Т.М.*) впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т.д.» [8: 64].

Вневременными категориями оценки работы горского правительства в советской историографии могут считаться уничижительные оценки его деятельности, «протекавшей в нескольких номерах гостиниц Тифлиса» (это можно прочесть в трудах, вышедших и в начале советского периода [3], и на его закате [2]).

Таким образом, в советской историографии деятельности горского национального движения можно проследить ряд закономерностей. Это, во-первых, присущее советской исторической традиции резко критическое отношение к содержанию и направленности политики умеренных горских демократов, которых относили к когорте «буржуазных националистов» и «сторонников реакции» (хотя сами себя они последовательно позиционировали как неотъемлемую часть революционного движения, но его наиболее здравомыслящую и озабоченную нуждами своих угнетенных народов часть). Во-вторых, на всем протяжении советского периода отечественной истории в работах, неизменно несущих на себе сильный отпечаток идеологического влияния, деятельность горских демократов трактовалась как инспирированная и чуть ли не руководимая из-за

рубежа иностранными спецслужбами. Этому способствовали связи горского правительства в поисках своего политического признания как выразителя интересов горских народов после провозглашения независимости в мае 1918 г. сначала с Германией и Турцией, а после – с Англией. То, что подобные шаги были предприняты только после фактического распада прежнего российского государства и начала в стране Гражданской войны, как и то, что горское умеренное движение выступало бескомпромиссным и последовательным противником белогвардейцев в ходе Гражданской войны (поддерживая в том числе и вооруженные формы противостояния армии А.И. Деникина и на почве этого удостаиваясь неудовольствия со стороны держав Антанты), игнорировалось или замалчивалось. В-третьих, одной из характернейших оценок советской историографией деятельности горского правительства было постоянное подчеркивание его «бессилия», «пустословия», неумения и нежелания решать актуальные проблемы горских народов с точки зрения классового подхода.

Если в ранние советские годы (1920-е – начало 1930-х гг.) в историографии еще присутствовали попытки если не объективного, то сдержанного отношения к деятельности небольшевистских сил, не примыкавших к белогвардейцам, а в ряде случаев (Ингушский национальный совет в борьбе с Бичераховским мятежом, силы Узун-Хаджи и Н. Гоцинского в борьбе с Добровольческой армией в Чечне и Дагестане) выступивших и ситуативными союзниками большевиков, то начиная с 1940-х гг. в советской историографии превалирует однозначное черно-белое восприятие расстановки сил в ходе революций и Гражданской войны как в центре, так и на окраинах с позиции «кто не с нами, тот против нас».

Подобные оценки деятельности небольшевистского горского движения сохранялись в дальнейшем на протяжении практически всего советского периода отечественной историографии и стали меняться только с началом перестройки и гласности в СССР.

Источники и литература

1. *Борисенко И.П.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1930.

2. *Бугай Н.Ф.* Г.К. Орджоникидзе на Северном Кавказе, 1918–1920 гг. М., 1986.

3. *Бутаев К.С.* Борьба горцев за революцию (беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922.

4. *Гойгова З.А.-Г.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963.

5. *Екати Б.П.* Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции (лето 1918 – начало 1919 гг.). Орджоникидзе, 1964.

6. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней: учебное пособие для учителей истории и учащихся старших классов школ Северо-Осетинской АССР / под ред. М.С. Тотоева. Оржоникидзе, 1968.

7. *Коренев Д.З.* Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

8. *Магомедов Ш.М.* Северный Кавказ в трех революциях: по материалам Терской и Дагестанской областей. М., 1986.

9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1: С древнейших времен по март 1917 г. Грозный, 1967.

10. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма / М.И. Гиоев, З.А. Гойгова, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов; предисл. Ю.И. Кониева. Орджоникидзе, 1983.

11. *Разгон И.Э.* Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942.

12. *Разгон И.Э.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М., 1941.

13. *Сидорова Л.А.* Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 288–297.

14. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, Л.Г. Каймаразова. Махачкала, 2013.

15. *Хейер-Хаев* (*Гойгов А.-Г.*). Этапы революции в Ингушетии // Горский вестник. 1924. № 2. С. 35–53.

16. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1927.

Т.А. Булыгина

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

История повседневности как научное направление в России сформировалось в конце 1990-х гг. во время становления «новой исторической науки». По большому счету повседневность – это бытование человека в контексте всего исторического процесса. Повседневное бытование включает в себя разнообразный индивидуальный опыт рождения, проживания, переживания, выживания и конца человеческой жизни, а также поведение, сознание, интересы, эмоциональную реакцию людей на определенном историческом этапе.

Повседневность включает в себя смысл понятий «обыденность», «привычность». Эти синонимы порождают двоякое отношение к повседневности. С одной

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20073, https://rscf.ru/project/24-18-20073/

стороны, образ повседневности представляется как обыкновенность, рутина, отсутствие нового, инновационного и креативного. Н.А. Бердяев в книге «Самопознание» писал: «Обыденность, повторяемость, подражание, однообразие, скованность, конечность жизни вызывают чувство скуки, притяжение к пустоте» [3]. С другой стороны, обыденность почти не говорит о себе, выделяя только необычные для повседневности события и явления, что порождает большие трудности в поисках источников истории повседневности и одновременно захватывающий интерес к открытиям. Такое свойство повседневности позволяет увидеть отклонения от нормы, которые воспринимаются современниками как девиантность, а потомками – как ростки будущего.

Такая же неоднозначность кроется и в понятии «привычность». С одной стороны, это банальность, неоригинальность, интеллектуальная плоскость. В то же время привычность влечет за собой представление о непринужденности в поведении с окружающими, в обращении с миром, о естественности человеческого бытия, это свойственная человеку среда, что и делает повседневность основой всей истории.

Еще одна особенность изучения истории повседневности – это междисциплинарный подход. В социологии имеется отрасль «Социология повседневности», которая может быть инструментально полезна историку. Явление повседневности изучается гуманитаристикой широкого спектра: философией, антропологией, социологией, культурологией. Именно философы и социологи начала XX в. впервые заинтересовались феноменом повседневности в контексте формирующейся феноменологии. Использование термина, в первую очередь, принадлежит философу А. Шюцу и историку Ф. Броделю, что также глубоко символично как знак междисциплинарности объекта, о котором мы говорим.

Повседневность первична, так как из нее растет весь массив той Атлантиды, которая определена профессиональным сообществом как «исторический процесс». Поэтому трудно согласиться с А.С. Сенявским, который предостерегает историков повседневности от переоценки значимости их предмета исследования. Автор сводит историю повседневности к массовому читательскому интересу и бытовым подробностям жизни, следствием чего является «размазывание» истории [24]. Антропологический поворот «новой исторической науки» открыл возможности изучения повседневности индивидуума в социокультурном и историческом контекстах как активного участника сотворения структур повседневности. Автор этой статьи склонен скорее согласиться с Т.П. Хлыниной в том, что «“малые величины” исторического процесса обладают куда более широкими исследовательскими возможностями, чем представлялось ранее» [17: 30]. Повседневность создает видимость простоты, но в реальной исследовательской практике история повседневности содержит ряд проблем. Можно отметить некоторые из них. Исследование начинается с источника, и отбор и интерпретация источников представляется трудной задачей. Для ее решения необходим поиск методологических

подходов, который связан не только с положениями исторической антропологии, но и с лингвистическим поворотом, который актуализировал наработки семиотики культуры.

Для историка проблема познания исторической реальности через повседневную жизнь человека кроется в многогранности объекта исследования, а также в соблазне ограничиться столь интересным бытописанием. Для истории быта, для этнографических сюжетов характерно описание стереотипов глубинного и малоподвижного пласта человеческой обыденности, а реально ядро повседневности, на наш взгляд, – это действия, эмоции, интересы, представления и иллюзии конкретного человека через его окружение в контексте исторического времени.

Сложность, многосторонность и противоречивость повседневной жизни определяется не только всей совокупностью «жизненного мира» человека, но этническими, историческими, региональными и локальными, социальными, политическими, конфессиональными, профессиональными особенностями. История повседневности имеет тесное взаимодействие с историей локальных сообществ, поэтому так важен ее региональный контекст. Особое место в этом отношении занимает Северный Кавказ. Повседневность локальных сообществ этого региона в полной мере ощутила на себе его уникальность, кроющуюся в цивилизационном пограничье, а в XX в. усиленное «советскостью». Как отмечали известные ростовские исследователи, национальное строительство на Северном Кавказе, основанное на предложенных советской властью формах, включало элементы «так и неизжитой советскими порядками дореволюционной системы образования, судопроизводства, родовых традиций». В результате у этносов, населявших автономии, особенно если последние были двухосновными, сложились «представления о неполноценности собственного национального существования» [26: 431].

Обзор литературы последнего двадцатилетия свидетельствует о неуклонном росте интереса местных исследователей к повседневной жизни народов Северного Кавказа, а также о переходном состоянии историографии истории повседневности в регионе. Эта переходность состоит в том, что историографический массив такого рода изданий содержит наряду с новым взглядом на повседневность и классическое бытописание. В качестве примера можно назвать работу Ш.М. Казиева и И.В. Карпеева [13]. Такие исследования очень полезны для историков повседневности, поскольку содержат большой материал для аналитического комментария и реконструкции повседневности, но не являются самой реконструкцией, так как человек действующий, думающий, чувствующий, заблуждающийся и ошибающийся ускользает от внимания авторов.

Интерес представляют работы по отдельным сюжетам повседневной жизни, например, статья о стариках-колхозниках [23]. Однако повседневная жизнь этой социальной группы в 1930-е гг. не является главным предметом исследования,

речь идет скорее о социальной политике государства по отношению к пожилым крестьянам. На наш взгляд, источники социальной истории содержат интересный материал для реконструкции повседневности в той степени, в какой последняя является элементом социального пространства. Сказанное в полной мере относится к статье М.П. Ахмадовой [1].

Надо заметить, что данная проблематика расширяется и по хронологии истории Северного Кавказа. В первое десятилетие XXI в. больше внимания уделялось повседневности этносов региона в XIX в., как в упомянутой книге Ш.М. Казиева и И.В. Карпеева, в работах О.С. Мутиевой. Мутиева пошла по пути контекстности повседневности. В выводах она указала, что «под влиянием социально-политических процессов, этнокультурного взаимодействия с сопредельными народами, во второй половине XIX века происходила модернизация повседневной жизни дагестанских народов» [20: 310]. Эта тема продолжает быть востребованной и сегодня [8].

В 2010-е гг. появилось больше работ по истории советской повседневности. Своеобразным катализатором была книга о повседневном мире советского человека [17]. Во-первых, исследование имеет солидную теоретическую основу, включая время и пространство истории повседневной жизни, во-вторых, рассмотрены такие предметные поля, как военная повседневность, потребление, стратегия выживания, досуговые практики, слухи и т.д. Наконец, в книге среди разнообразных источников использованы материалы по истории Кубани, Дона и Северо-Западного Кавказа. Следует заметить, что историю Предкавказья и Кавказских Минеральных Вод в их повседневном бытовании авторы обошли, хотя эти локусы принадлежат территории Северного Кавказа. В рамках научно-образовательного центра «Новая локальная история», действующем в Северо-Кавказском университете, такие попытки предпринимались [4–7].

В центре внимания местных исследователей оказалась проблема повседневности в переломные эпохи российской истории – войн и революций. Это в основном период от завершения Кавказской войны до Великой Отечественной войны [9; 16; 22]. В этой связи обратим внимание на работу пятигорских исследователей, которые рассматривали повседневность как новые ценности, новый стиль поведения автохтонных этносов в контексте процесса модернизации, когда посредством этих форм жизненного бытования укреплялся «дух империи», прежде всего, в городском пространстве [2; 14].

Историки Северного Кавказа вслед за ведущими учеными страны стали уделять внимание проблемам гендерной истории региона. Именно в этом исследовательском поле родилась еще одна тема: женская повседневность, ее эволюция в контексте разных исторических эпох. Примером может служить диссертация Н.В. Обрезковой [21], в которой междисциплинарность проявляется в полной мере, так как реконструкция социального портрета горожанки 1920-х гг. требует владения некоторыми инструментами социологии.

Одной из дискуссионных методологических проблем при исследовании истории повседневности является уместность сочетания макро- и микроанализа. Так, З.М. Кобозева, в отличие от И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, не занимавшихся исследовательской практикой историка, аргументировала допустимость сочетания макро- и микроподходов, вписав в повседневное пространство городское сословие мещан [15]. В повседневность включаются любые события и явления: урбанизация и войны, индустриализация и революции, перемены и стагнация – всё это отражается на течении повседневности. Н.В. Иллерицкая пишет: «Повседневность всегда прислушивается к событийной истории и реагирует на вызовы внешнего мира» [11: 19]. Таким образом, повседневность отдельных людей всегда вписана не только в исторические, но и в политические, материальные, интеллектуальные, социальные и другие реалии. Это всегда та или иная степень выживания, приспособления, адаптации отдельных людей. Поэтому повседневные практики людей столь разнообразны и одновременно зависимы от самых разных обстоятельств.

О том, что региональная история повседневности Северного Кавказа, с одной стороны, накопила исследовательский опыт, а с другой, находится в развитии, говорит появление работ по историографии этого вопроса [19; 27]. Исследователь историографии женской повседневности обращает внимание на многообразие моделей поведения горянки в связи с ее социальными ролями в контексте того или иного локуса, в связи с символикой ее приватной жизни: «При оценке роли женщины в традиционном укладе кавказских народов сложились многочисленные штампы и стереотипы. Основной комплекс установок связан с эксплуатацией образа женственности, хрупкости, красоты и прочих качеств горянки, избегая огромного круга вопросов культурного пространства женщин в традиционном социуме со всем многообразием проблем и особенностей женского повседневного бытия» [19]. Тем самым автор озвучивает мысль о сложности структур повседневной жизни даже в жестких рамках устоявшихся традиций. Недостатком традиционных исследований как раз и является следование стереотипам, характерным для описания быта горцев.

На наш взгляд, наиболее перспективной сегодня является реконструкция этапов, на которых происходит слом повседневности той или иной социальной группы под воздействием различных факторов. Одним из таких факторов являются миграции – добровольные, естественные и принудительные. История повседневности под влиянием исторических переломов создает для человека экстремальные условия, в которых рутинность существования разрушается и наиболее остро встает вопрос о выживании и приспособлении. Богатая архивными сведениями статья Е.М. Грибановой и Е.В. Чиликовой [10] и работа В.Р. Истягина [12] о влиянии миграций, связанный с коллективизацией, на культурно-бытовые условия колхозников навели на мысль о важности такого вопроса, как соотношение утраченных и сохранившихся форм повседневности в процессе различных

видов миграции. Что касается Северного Кавказа, то здесь на протяжении двух с четвертью веков наблюдались различные виды массовой миграции из региона и в регион. Поэтому проблема соотношения миграций и повседневности может быть изучена достаточно подробно.

Перспективным является анализ повседневности в междисциплинарном поле семиотики культуры. Ю.М. Лотман замечал, что для понимания поведения людей в прошлые эпохи надо «знать их культуру: их простую, обычную жизнь, их привычки, представления о мире» [18: 9], т.е. их повседневность. Ученый раскрывает свое видение быта как обычное протекание жизни в ее реально-практических формах. С одной стороны, это вещи, окружающие нас постоянно, наши привычки и обыденное поведение, с другой – это «сгустки отношений между людьми», что и делает их символами. По мнению Ю.М. Лотмана, быт включает весь «ритуал ежедневного поведения» человека, в нём мы распознаем «свое» и «чужое» [18: 10–12]. Таким образом, семиотика культуры, учение о знаках, отражающих символизм человеческой жизни, позволяет понять поведение, сознание людей изучаемой эпохи, а следовательно, эпоху в целом.

К примеру, перед нами статья об институте кровной мести в Кабарде и Балкарии [25]. Взятая из правовой практики и помещенная в повседневный контекст кровная месть может быть рассмотрена как символ родственной традиции определенных локальных сообществ, изучена ее трансформация под воздействием новых исторических обстоятельств, условия упрощения и примитивизации этого института. Еще один пример – диссертационное исследование повседневности горожан Владикавказа в годы революции и Гражданской войны [9]. Семиотический анализ представленного источникового материала раскрывает связь форм повседневности – вещей, привычек, ритуалов – и их разрушения с интеллектуальным, духовным миром человека, уничтожение которого более проблематично. Таких примеров множество, но все они подтверждают слова материалиста Ю.М. Лотмана: «История, отраженная в одном человеке, в его жизни, в быте, жесте, изоморфна истории человечества» [18: 389].

Источники и литература

1. *Ахмадова М.П.* Реализация культурно-образовательной политики советской власти среди женщин-горянок в Чечне и Ингушетии в 20–30-х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17447 (дата обращения: 22.06.2024).

2. *Багдасарян С.Д.* Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017.

3. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1990.

4. *Булыгина Т.А.* Из жизни города Ставрополь в эпоху «протоурбанизации» // Ставрополь – врата Кавказа. История, экономика, культура и политика. Материалы

региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь, 2002. С. 143–148.

5. *Булыгина Т.А.* Источники повседневной жизни локальных сообществ Северного Кавказа (на материалах городов Кавказских Минеральных вод в 20-е годы XX века) // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. Симпозиум XII. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (8–12 октября 2007 г.). Пятигорск, 2007. С. 18–20.

6. *Булыгина Т.А.* Музей в повседневной жизни Ставрополя в 1920-е годы // Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь, 2005. С. 20–22.

7. *Булыгина Т.А.* Письма с фронта как источник по истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / под ред. Т.А. Булыгиной. Ставрополь, 2005. С. 530–540.

8. *Васькина Д.С.*, *Пятунина А.А.* Повседневная жизнь кочевых и горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 3. С. 6–15.

9. *Гапеева М.С.* Человек в меняющемся обществе: повседневная жизнь городских обывателей Терской области в 1917–1920 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2007.

10. *Грибанова Е.М.*, *Чиликова Е.В.* Некоторые аспекты адаптации и интеграции в Казахстане принудительных мигрантов из Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Махачкала, 2019. С. 123–140.

11. *Иллерицкая Н.В.* «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12–20.

12. *Истягин В.Р.* Культурно-бытовое обустройство переселенческих колхозов и повседневность переселенцев в Северо-Кавказском крае в период коллективизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 61–69.

13. *Казиев Ш.М.*, *Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.

14. *Клычников Ю.Ю.*, *Лазарян С.С.* Города, как пространство социокультурной адаптации автохтонного населения Северного Кавказа в процессе осуществления Российского модернизационного проекта // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014. С. 21–34.

15. *Кобозева З.М.* Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013.

16. *Корниенко Т.А.* Социальная повседневность населения Северного Кавказа в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Армавир, 2001.

17. *Кринко Е.Ф.*, *Тажидинова И.Г.*, *Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.

18. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1998.

19. *Маршенкулова Ф.А.* Проблемы изучения женской повседневности на Северном Кавказе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=23410 (дата обращения: 09.07.2024).

20. *Мутиева О.С.* Изменения повседневности в процессе этнокультурного взаимодействия народов Дагестана и сопредельных этносов вторая половина XIX в. // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Грозный, 19 октября 2019 г.). Махачкала, 2019. С. 304–310.

21. *Обрезкова Н.В.* Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920-х годов: дис. … канд. ист. наук. Новочеркасск, 2011.

22. *Поливина М.А.*, *Семёнов А.А.* Повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. (по материалам региональной периодики). Славянск-на-Кубани, 2009.

23. *Самсоненко Т.А.* Старики и старость в колхозной повседневности 1930-х гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. Вып. 1. С. 48–74.

24. *Сенявский А.С.* Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник научных статей. Ростов н/Д., 2009. С. 10–11.

25. *Текуева М.А.*, *Нальчикова Е.А.*, *Гугова М.Х.*, *Баразбиев М.И.* Преступление и наказание на традиционном Кавказе: кровная месть и повседневная жизнь // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 55–66.

26. *Хлынина Т.П.*, *Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014.

27. *Царикаев А.Т.* Нэповская повседневность Владикавказа и Северной Осетии в освещении современной региональной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. I. С. 189–192.

Н.Г. Очирова

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАРОДОВ КАЛМЫКИИ[1]

Основы изучения российского общества в этносоциологическом и этнокультурном отношениях были заложены во второй половине XX в., когда большинство народов переживало процесс перехода от традиционного к современному типу организации общества и возникла потребность в его осмыслении. Для отечественных исследователей проблем этничности в советский период методологическим ориентиром стали труды видных ученых Ю.В. Бромлея [11], С.И. Брука [12], С.А. Арутюнова [2], М.Н. Губогло [15] и др. В постсоветский период было издано немало интересных работ, посвященных этносоциальному и этнокультурному развитию как отдельных народов и регионов, так и народов России в целом. К их числу относятся: фундаментальная энциклопедия «Народы России» [33], труды Ю.В. Арутюняна [3], А.А. Сусоколова [48], Ж.Т. Тощенко [50], В.А. Тишкова [49] и др.

В Калмыкии развитие этносоциологического направления берет начало со второй половины 1960-х гг. Первые социологические исследования были посвящены изучению состояния калмыцкого языка, анализу изменений, произошедших в демографической структуре населения в послевоенные годы, влияния миграции на состав трудовых ресурсов. В 1970-е гг. Калмыцким научным центром РАН (ранее – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории) было издано несколько работ социологического характера. Среди них стоит отметить монографию «Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР», автором которой является ученый – первопроходец по данной проблематике в республике Э.Л. Каспаров. В своей работе исследователь, опираясь на материалы государственной статистики, проанализировал демографическую ситуацию, сложившуюся в 1960-е гг. как в целом по республике, так и по двум самым многочисленным этническим группам – калмыкам и русским. Монография Э.Л. Каспарова также содержит сведения о демографии калмыков в прошлом, об уровне образования наиболее многочисленных народов республики [22]. Этносоциальная и этнокультурная тематика в той или иной степени нашла отражение в статьях, опубликованных в специализированном социологическом выпуске «Вестника института» [14] и сборнике «Современные социальные процессы в Калмыцкой АССР» [47].

В 1980-е гг. интерес к этносоциальной и этнокультурной проблематике возрос, что было связано с кардинальными переменами, произошедшими

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН № госрегистрации проекта 122020100347-2.

в предшествующие два десятилетия в социальной, этнической и демографической структурах населения Калмыцкой АССР. Т.П. Сенглеевой [46], С.Э. Лиджи-Горяевой [25], Б.М. Муняновой [28], Ю.К. Ванькаевым [13], К.П. Катушовым [23], активно разрабатывались проблемы социальной и этнической структур Калмыкии, межнациональных взаимосвязей, демографических и миграционных процессов. По итогам этой сложной работы были изданы сборники научных статей «Национальное и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР» [34], «Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии» [43] и др.

В 1985 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Калмыцким научным центром РАН и Калмыцким госуниверситетом в республике было проведено статистико-этнографическое исследование. Одной из его целей являлось изучение проблем функционирования калмыцкого языка, а также меры жизнеспособности и адаптивности некоторых элементов традиционной культуры на тот период. Результаты масштабного исследования, в которое были вовлечены 4000 человек в трех городах, пяти рабочих поселках, 40 сельских поселениях Калмыкии, были опубликованы в научном сборнике «Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития» [21]. Новый импульс этносоциологические исследования получили после распада Советского Союза, когда государство отказалось от идеологического диктата и ученые получили возможность самостоятельно выбирать методологию исследований. В постсоветский период было издано немало интересных работ, посвященных этносоциальному и этнокультурному развитию отдельных этносов и регионов России. К крупным трудам этого периода относятся солидная энциклопедия «Народы России» [33], «Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий» [52], ряд коллективных монографических трудов. В Калмыкии также было издано немало работ, посвященных различным аспектам этнокультурной и этноконфессиональной составляющей жизни населения республики. К данной тематике обращались О.Д. Мукаева [27], Р.Б. Дякиева [18], Н.Г. Очирова [35; 37–39], Л.В. Намруева [29; 31; 32], С.С. Белоусов [4–7], Е.А. Гунаев [16] и др.

Возросший в постсоветский период интерес общества к национальной проблематике стимулировал проведение в республике многочисленных научных мероприятий (конференций, форумов, симпозиумов, круглых столов), материалы которых публиковались в научных сборниках и коллективных монографиях. В 2003–2005 гг. в процессе реализации проекта Отделения историко-филологических наук РАН, связанного с этнокультурным взаимодействием в Евразии, ученые гуманитарного института Калмыцкого научного центра РАН провели всесторонний анализ этносоциальных, этнокультурных взаимодействий народов Юга России. Исследование велось с междисциплинарных позиций на стыке таких наук, как этносоциология, этнология, культурология, политология и других, что позволило получить новые теоретические знания о реальном положении дел в сфере этнической коммуникации, определить перспективы реализации

основных направлений современной национальной политики. Результаты этого и других исследований были опубликованы в сборниках научных статей: «Юг России: культурно-исторический феномен» [54], «Юг России: взаимодействие народов и культур» [53] и др.

Большой вклад в познание прошлого народов Калмыкии внесли историки Н.Н. Пальмов [41; 42], У.Э. Эрдниев [51], Г.О. Авляев [1], А.Н. Команджаев [24], А.Г. Митиров [26], И.В. Борисенко [9; 10], В.П. Санчиров [44; 45], исследовавшие проблемы исторической географии и демографии, этногенеза, взаимоотношений народов в историческом контексте, национальную политику. Много интересных сведений из истории народов Калмыкии содержится в многотомной коллективной работе «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [20].

В современный период положительная тенденция отмечается в изучении прошлого нетитульных народов Калмыкии. Исследователи обращаются к истории появления отдельных этнических групп на территории республики, их этнокультурным, этносоциальным, демографическим и миграционным характеристикам, взаимоотношениям с другими народами, географии расселения. Так, в последние десятилетия опубликованы работы по немецкому населению [8; 40], по народам Северного Кавказа [36], по чеченской диаспоре [30] и др. В эти же годы в гуманитарной науке республики заметно возрос интерес к казачьей тематике. Появились новые направления исследований: социально-культурная антропология [17], изучение калмыцкого зарубежья [19] и др. Ценные сведения о народах Калмыкии в исторической ретроспективе можно почерпнуть из публикаций республиканских и районных средств массовой информации. В статьях и заметках корреспондентов этих изданий нашли отражение вопросы национальной жизни народов Калмыкии, их традиций, обычаев, религии. Важное место среди источников занимают материалы Национального архива Республики Калмыкия.

Таким образом, учеными Калмыкии на основе архивных и статистических данных, материалов социологических опросов, опубликованных трудов исследуются процессы этнического развития, взаимоотношений и взаимодействия народов, начиная от прихода калмыков в нижневолжские степи в XVII в. и до наших дней. В этих трудах также освещаются наиболее важные аспекты этнокультурной жизни народов Калмыкии в постсоветский период. Исследователи ставят задачу собрать и систематизировать всю доступную по данной теме информацию, которая станет основой для создания банка данных о каждом из народов, проживающих в Калмыкии.

Источники и литература

1. *Авляев Г.О.* Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII века). Элиста, 1994.

2. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

3. *Арутюнян Ю.В.* Трансформация советских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003.

4. *Белоусов С.С.* Вынужденные переселенцы и беженцы в Калмыкии // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. 5: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д., 2009. С. 112–124.

5. *Белоусов С.С.* Изменения в этнической структуре населения Калмыкии в 90-е годы XX века // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.): в 2-х ч. Ч. 2. Элиста, 2008. С. 66–69.

6. *Белоусов С.С.* Международные миграции в Калмыкии (1992–2005 гг.) // Современные историко-правовые и экономические исследования: Сборник научных трудов. Элиста, 2008. С. 78–90.

7. *Белоусов С.С.* Миграционные проекты в общественной и политической жизни Республики Калмыкия // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 9–10 июня 2009 г.). Ростов н/Д., 2009. С. 58–61.

8. *Борисенко И.В.* Из истории поселения немцев Калмыкии // Международная научная конференция «Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII–XIX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры» (г. Волгоград, 6–13 апреля 2000 г.). Волгоград, 2001. С. 141–144.

9. *Борисенко И.В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста, 1991.

10. *Борисенко И.В., Убушиева С.И., Оглаев О.Ю.* Очерки исторической географии Калмыкии (1917 г. – начало 90-х годов XX в.). Элиста, 2000.

11. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

12. *Брук С.И.* Население мира: этнодемографический справочник / 2-е перераб. и доп. изд. М., 1986.

13. *Ванькаев Ю.К.* Гетерогенная семья как характерная черта социалистического образа жизни // Национальное и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР. Элиста, 1984. С. 80–87.

14. Вестник института. Вып. 7. Серия социологии / отв. ред. И.И. Орехов. Элиста, 1973.

15. *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

16. *Гунаев Е.А.* Актуальные проблемы учреждения национально-культурных автономий в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 46–50.

17. *Гучинова Э.-Б.М.* Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии. СПб., 2003.

18. *Дякиева Б.Б.* Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста, 2005.

19. *Илишкин Н.И.* Сородичи с разных континентов: Ойрат-калмыцкое зарубежье. Элиста, 1996.

20. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / редколл. К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова и др. Элиста, 2009.

21. Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М., 1993.

22. *Каспаров Э.Л.* Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР. Элиста, 1974.

23. *Катушов К.П.* Калмыкия в геопространстве России. Элиста, 1998.

24. *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв.: исторический опыт и современность. Элиста, 1999.

25. *Лиджи-Горяева С.Э.* Интернационалистские черты молодежи Калмыкии // Национальное и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР. Элиста, 1984. С. 88–98.

26. *Митиров А.Г.* Истоки. Элиста, 2002.

27. *Мукаева О.Д.* Этнопедагогика калмыков: история, современность: в 3 ч. Ч. 2–3. Элиста, 2006.

28. *Мунянова Б.М.* Вопросы методики социологического исследования образа жизни в Калмыцкой АССР // Национальное и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР. Элиста, 1984. С. 41–50.

29. *Намруева Л.В.* Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 г. в Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 59–64.

30. *Намруева Л.В.* Об этнической идентичности представителей чеченской диаспоры Республики Калмыкия (по итогам социологического исследования 2003 года) // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С. 556–558.

31. *Намруева Л.В.* Роль элиты в сохранении этничности (на примере Калмыкии) // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 9–10 июня 2009 г.). Ростов н/Д., 2009. С. 228–230.

32. *Намруева Л.В.* Характеристика типов этнической идентичности (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 61–65.

33. Народы России: Энциклопедия. / под. ред. В.А. Тишкова. М., 1994.

34. Национальное и интернациональное в образе жизни населения Калмыцкой АССР. Элиста, 1984.

35. *Очирова Н.Г.* К вопросу о диаспорах этнокультурной структуры Калмыкии // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа. Тезисы

межвузовской научной конференции, посвященной 80-летию ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2004. С. 302–303.

36. *Очирова Н.Г.* Народы Северного Кавказа в историко-культурном пространстве Калмыкии // Национально-государственные преобразования на Кавказе: опыт прошлого и современные тенденции. Материалы VII Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2020 г.). Ростов н/Д., 2020. С. 440–448.

37. *Очирова Н.Г.* Национальная политика и ее реализация в условиях этнокультурного разнообразия в Республике Калмыкия // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений : Материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Краснодар, 1 декабря 2022 г.). Краснодар, 2022 С. 184–190.

38. *Очирова Н.Г.* Процессы формирования современной этнической ситуации в Калмыкии // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: материалы международной научной конференции (7–11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 2–5.

39. *Очирова Н.Г.* Северный Кавказ как пространство диалога культур: Давид Кугультинов // Юг России в системе международного, научного, культурного и межконфессионального сотрудничества стран Черноморско-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, г. Махачкала, г. Пятигорск, 10–11 ноября 2022 г.). XVI Ждановские чтения, посвященные памяти Ю.А. Жданова. Ростов н/Д.; Таганрог, 2022. С. 193–199.

40. *Очирова Н.Г.*, *Белоусов С.С.* Этносоциальное развитие немецкого населения Калмыкии во второй половине XIX – начале XXI веков // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 97–103.

41. *Пальмов Н.Н.* Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая степь. Астрахань, 1925. № 2. С. 124–145; № 3. С. 70–108; 1926. № 1 (4). С. 1–46.

42. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1–5. Астрахань, 1926–1929.

43. Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии / отв. ред. А.Г. Митиров. Элиста, 1985.

44. *Санчиров В.П.* Калмыки и ногайцы в междуречье Эмбы и Яика (Урала) в первой трети XVII века // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: Материалы международной научной конференции (7–11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 122–129.

45. *Санчиров В.П.* Ойраты и Русское государство в конце XVI – начале XVII вв. // Наука и высшая школа Калмыкии. 1999. № 1. С. 59–71.

46. *Сенглеева Т.П.* Характеристика миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов КАССР // Вестник института. Вып. 7. Серия социологии / отв. ред. И.И. Орехов. Элиста, 1973. С. 74–105.

47. Современные социальные процессы в Калмыцкой АССР / отв. ред. К.Л. Корнеев. Элиста, 1977.

48. *Сусоколов А.А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию: социологу, экономисту, менеджеру. М., 2006.

49. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М., 1997.

50. *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.

51. *Эрдниев У.Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста, 1985.

52. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006.

53. Юг России: взаимодействие народов и культур / отв. ред. Н.Г. Очирова. Элиста, 2005.

54. Юг России: культурно-исторический феномен: сборник научных статей. Элиста, 2004.

РАЗДЕЛ 3
Административно-территориальные, социально-политические и религиозные преобразования

А.В. Баранов

ЭВОЛЮЦИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЧЕРНОМОРИИ В КОНТЕКСТЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ (1784–1820 гг.)[1]

Актуальность темы – в необходимости выяснить особенности исторического развития населенных пунктов Кубани на этапе формирования Черноморского казачьего войска. В статье будет определена эволюция населенных пунктов Черномории в контексте административно-территориального деления (1784–1820 гг.). Тема редко изучается в аспекте административно-территориального устройства земель, присоединенных к Российской империи по Манифесту императрицы Екатерины Великой 8 (19) апреля 1783 г. В основном проблема освещается в учебных, справочных изданиях [25; 45; 46], популярных очерках [18; 26; 23]. Специальные исследования истории административно-территориального деления Черномории конца XVIII – начала XIX вв. стали проводиться сравнительно недавно (Н.Г. Клименко, Н.Ф. Бугай и др.) [19; 1; 4; 42; 41]. Исследования ведутся как кубанскими (Н.Г. Клименко, А.М. Авраменко, Б.Е. Фролов, Т.В. Фарои), так и крымскими (А.Г. Шевчук, А.С. Кравчук, Р. Близняков) [44; 21; 22; 2] специалистами ввиду общности Крыма и Степной Кубани (Черномории) изучаемого периода.

Основанием присоединения Черномории (между реками Ея на севере и Кубань на юге, между побережьем Азовского моря на западе и ст. Воронежской на востоке) к Российской империи стал Манифест императрицы Екатерины Великой

[1] Исследование выполнено в рамках грантового проекта № 24-18-20096 Российского научного фонда.

«О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу» от 8 (19) апреля 1783 г. [28: № 15708]. Тем самым ликвидировалось Крымское ханство. Его народы приняли присягу верности России в лице своей знати. В том числе такую клятву принесли 28 июня 1783 г. под стенами Ейского укрепления ногайцы, кочевавшие по малозаселенной территории Степной Кубани. Османская империя признала российское подданство Тамани и Правобережной Кубани в Константинопольском акте от 28 декабря 1783 г., что подтверждено в Ясском мире 1791 г. [15: 45]. Но принадлежность Османской империи до 1829 г. Черноморского побережья Кавказа и сюзеренитет османов над Закубаньем сохраняли для России угрозу, регулярно перераставшую в войны.

2 февраля 1784 г. указом императрицы Екатерины Великой создана Таврическая область, включившая в себя Крым, земли нынешних Херсонской и Запорожской областей и Степную Кубань [28: № 15920]. Управлять областью императрица поручила Г.А. Потемкину-Таврическому. 8 февраля 1784 г. область была разделена на семь уездов: Симферопольский, Днепровский, Евпаторийский, Левкопольский, Мелитопольский, Перекопский и Фанагорийский. Земли Черномории (от устья р. Кубань до устья р. Лаба) причислены к Фанагорийскому уезду [28: № 15924, № 15925]. Местности от устья Лабы до верховьев р. Кубани в 1785 г. включены в состав Кавказской области.

Ногайцы вскоре после принесения ими 28 июня 1783 г. присяги изменили России (1 октября 1783 г.) и подняли бунт, усмиренный А.В. Суворовым. Разгромленные ногайские племена бежали в верховья Кубани и на Терек. Вследствие этого обширная территория стала почти безлюдной, ее требовалось освоить. Из-за Кубани совершались набеги по наущению Османской империи. Значительная часть адыгов, напротив, была заинтересована в мирных торговых и экономических отношениях, селясь на российском берегу Кубани и посещая меновые дворы, ярмарки. Заселение недавно присоединенного региона казаками было необходимо, прежде всего, ввиду частых русско-турецких войн.

16 января 1792 г. главнокомандующий войсками на Кавказе и Кубани генерал-аншеф И.В. Гудович представил Екатерине Великой проект устройства Кавказской укрепленной линии, предусматривавшей расселение вдоль границы по р. Кубань казачьих станиц. Гудович писал: «Спокойней был бы сей край, ежели бы вся граница по Кубани была бы занята такими же казачьими войсками, как и по Тереку. Там, от самого Григориополиса (сейчас ст. Григорополисская на западе Ставропольского края. – *А. Б.*) вплоть до устьев Кубани, на протяжении более трехсот верст нет никакого жилья, а потому редуты занимались только летом, зимою же содержать здесь посты было невозможно» [22: 42]. Для этого решено расселить на Кубани потомков запорожских казаков, которые сохранили верность России и героически себя проявили в русско-турецких войнах, тем более что Черноморское верное казачье войско (так оно называлось с конца 1788 по 1798 гг.) получило от князя Г.А. Потёмкина 19 апреля 1790 г. ордер с правом

селиться на Таманском полуострове и вести рыбную ловлю. Атаман Черноморского верного казачьего войска З.А. Чепега и старшины войска 21 февраля 1792 г. подали рапорт генерал-аншефу М.В. Коховскому, уведомив о намерении просить у императрицы земли Кубани для поселения и направить для этого делегацию войска в Санкт-Петербург.

1 апреля 1792 г. состоялся прием императрицей делегации казаков во главе с войсковым старшиной А. Головатым. Черноморские казаки добились согласия на переселение с земель нынешних Приднестровья и Одесской области на Кубань. 30 июня 1792 г. Екатерина Великая подписала указ о переселении Черноморского верного казачьего войска на земли Кубани от устья реки до Усть-Лабинского редута, от р. Кубань до р. Ея и Жалованную грамоту на вечное владение ими [29: № 17055, № 17056]. Императрица указывала на обязанность казаков – «бдение и пограничную стражу от набегов народов закубанских» [16]. Казаки получили из казны на переселение 30 тыс. руб. [29: № 17057], монополию на землевладение и рыбные промыслы; все промышлявшие рыбной ловлей «посторонние люди» были обязаны покинуть пределы земель войска. Территория Черномории составила около 30 тыс. кв. км. Высшая власть в Черномории принадлежала войсковому правительству, которое возглавляли атаман, судья и писарь.

Переселение казаков несколькими волнами состоялось в августе 1792 – июле 1793 гг. 15 августа 1793 г. основан административный центр земель черноморских казаков – г. Екатеринодар. Население Екатеринодара оставалось небольшим – 2522 человек в 1802 г. и 7598 человек к 1848 г., в основном – казаки [39: 12]. Также статус городов получили Тамань и Ейск. 23 мая 1792 г. атаман З.А. Чепега дал приказ расставить кордоны вдоль р. Кубань на расстоянии в 10 верст, что положило начало 40 старейшим казачьим станицам (38 из них сохранили названия куреней Запорожской Сечи) [25: 178]. Места расположения определялись по жребию. Первый жребий бросался на сборе черноморских казаков 15 февраля 1794 г. Но позже места строительства станиц и хуторов часто переносились по военным соображениям, чтобы укрепить кордонную линию вдоль р. Кубань.

На Кубань в это время переселилось свыше 17 тыс. черноморских казаков, а всё население региона составило в 1794 г. 25 тыс. человек (почти на 98 % – казачье) [10: 203; 25: 220]. Только за 1809–1811 гг. в Черноморию правительство переселило 61 тыс. человек, в основном – казаков и государственных крестьян из Малороссии (Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний), с Дона и Волги [7: 35]. В это число не входили беглые крепостные. Лишь за один 1800 г. в черноморские казаки зачислены 1264 частновладельческих и государственных крестьян, а кроме того, многие принудительно выдавались с Кубани старым владельцам [9: 4]. Вопреки вымыслам украинских публицистов, бывшие запорожцы составляли не больше 30 % переселенцев на Кубань, что установил В.Н. Ратушняк [17: 128]. За 1794–1860 гг. население Черномории выросло более чем в семь раз и достигло 180 тыс. человек. Оно состояло на 98,5–99,8 % из казаков [17: 146; 18: 73, 76].

В дальнейшем население Кубани пополнялось из различных земель и социальных групп, доказывая синтез этнических традиций, неразрывное единство великороссов и малороссов. Внесли вклад в складывание регионального сообщества адыги, крымские татары, армяне, греки, молдаване, ногайцы, немцы, поляки и другие народы.

Была образована Черноморская кордонная линия от Тамани до Усть-Лабинской. Одновременно земли вдоль среднего и верхнего течения Кубани (вверх от ст. Усть-Лабинской до р. Уруп) заселялись донскими казаками, ставшими называться Кубанским казачьим линейным полком, так как они создали Кубанскую линию. В 1794 г. проведено размежевание земель Черноморского войска с Кавказской губернией. Граница устанавливалась ниже Усть-Лабинской крепости на 16 верст по р. Кирпили, выше куреней Сергиевского и Платнировского. Также была установлена граница с Войском Донским по р. Ее [6: 4].

Правила расселения, землепользования и управления в Черноморском казачьем войске установлены в «Порядке общей пользы верного императорского войска Черноморского», принятом атаманом З. Чепегой, войсковым судьей А. Головатым и войсковым писарем Т. Котляревским 1 января 1794 г. [43: 28]. Согласно п. 22 «Порядка общей пользы», казачья старшина получила привилегии: «В отменное воздаяние старшинам, яко вождям-наставникам и попечителям общих сего войска благ, при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей поселить дозволяется и определить им земли…» [20: 32–37]. Кроме законных способов обогащения, распространен незаконный захват земли знатными казаками. Государственное межевание земель Черномории было начато только в 1847 г. [12: 159] и узаконило результаты действий казачьей старшины.

Отчетливо проявлялось социальное расслоение. По императорскому указу от 13 ноября 1802 г. казачьи чины приравнены к чинам регулярной армии, а казачьи офицеры получили потомственное дворянство. В 1802 г. в Черноморском казачьем войске насчитывалось 535 дворян [8: 178; 38: 3–3 об.]. Годовой заработок среднего казака составлял примерно 50 руб. серебром. Для службы в кавалерийских и артиллерийских частях требовалось оплатить снаряжение и обмундирование на сумму 80–100 руб., а в пехоте (пластунских частях) – 25–30 руб. [13: 5]. Поэтому значительная часть казаков брала деньги в долг у зажиточных соседей и должна была их отбыть военной службой (на протяжении 30 лет) за кредитора. На 1812 г. в Черномории беднейший слой казаков («сирома»), не имевших семьи и дома, составлял 4062 человек – 10,5 % мужского населения [25: 233].

В ходе заселения Кубани атаман и войсковой судья стали создавать привычные с времен Запорожской Сечи территориальные единицы – паланки (Ейскую, Копыльскую, Екатеринодарскую), но это продолжалось недолго [1: 241]. В соответствии с «Порядком общей пользы» земля Черноморского войска состояла с сентября 1794 г. из пяти округов: Фанагорийского (центр – г. Тамань), Екатеринодарского (ст. Васюринская), Бейсугского (ст. Батуринская), Ейского (ст. Щербиновская)

и Григорьевского (ст. Калниболотская) [6: 3]. Границы округов были определены условно ввиду малозаселенности земель. В 1802 г. Григорьевский округ был упразднен и разделен между Бейсугским и Ейским округами. В церковном отношении земли Черномории причислены указом Святейшего Синода от 12 января 1794 г. к Феодосийской епархии. Позже, в 1820 г. Черномория передана в состав Астраханской епархии, затем – Новочеркасской.

Административно-территориальное устройство Черномории оставалось неустойчивым. Император Павел I указом 12 декабря 1796 г. передал ее земли в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии (губернский центр в Екатеринославе). Новая губерния стала еще больше. Войсковое правительство было преобразовано в войсковую канцелярию, что понизило его статус [30: № 18117]. Упразднялась и низовая военно-административная единица – курень. Войско стало делиться на полки [24: 62–64].

Атаман Черноморского казачьего войска неоднократно просил центральные органы власти передать Черноморское войско под юрисдикцию Военной коллегии по примеру Войска Донского. В 1802 г. принято компромиссное решение: войсковая канцелярия стала подчиняться по гражданской части Правительствующему Сенату, а по военной – Военной коллегии. Именным указом Александра I от 25 февраля 1802 г. в Черноморском войске учреждалось Войсковое правительство. 20 марта 1802 г. последовал указ Сената Черноморской войсковой канцелярии. Повелевалось составить войсковое правительство [4: 45–46]. Не предусматривалось создание ни уездного, ни нижнего земского суда, «потому что войско черноморских казаков по пожалованным ему грамотам состоя на особых правах, кои ныне остаются неприкосновенны. По содержанию указа 25 февраля 1802 г. имеют у себя особенное войсковое правительство, Таврическому губернскому правительству подчиненное» [32: № 290]. Итогом стало еще большее подчинение Черноморского войска в административном, судебном и военном отношении центральной власти [5: 57 об.].

26 марта 1802 г. император Александр I издал указ о переводе канцелярии Черноморского казачьего войска из Екатеринодара в Тамань, предоставив жителям города свободу оставаться на месте или переселяться [4: 45; 40: 338]. Но уже спустя две с небольшим недели император отменил этот указ [4: 45; 3: 20]. 8 октября 1802 г. Новороссийская губерния разделена на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии. Последняя (с административным центром в Симферополе) отныне состояла из семи уездов: шесть в Крыму и одного – Тмутараканского (бывшего Фанагорийского) [31: № 20449; 34: № 1058]. К последнему относились земли Черноморского казачьего войска. На картах того времени можно видеть надпись поверх земель Степной Кубани: «Земля войска Черноморского», хотя такое название не было официальным.

Население Черномории составляло, по сведениям Н.Ф. Бугая, почти 33 тыс. человек, в том числе 556 старшин, 10 чинов, 92 представителя духовенства,

22 926 рядовых казаков, 9144 женщины. В 1807 г. с инспекцией Черноморской кордонной линии и войска приехал Херсонский военный губернатор А.Э. де Ришельё, относившийся с симпатией к казакам. Он сообщил императору, что казачьи полки являются самыми подходящими для охраны границ, предложив переселить на Кубань 25 тыс. казаков. Численность Черноморского войска быстро возрастала. Только за 1808 г. его пополнили 25 тыс. казаков из малороссийских губерний [4: 46–47; 35: 28]. Всего за 1804–1811 гг. переселено в Черноморию из Полтавской и Черниговской губерний более 23 тыс. мужчин и более 16 тыс. женщин [36: 45]. Но Херсонский губернатор предписал 10 сентября 1810 г. войсковому атаману Черноморского казачьего войска «запретить утаивать беглых» (крепостных) [4: 46–47; 35: 28].

С 1802 по 1820 г. Тмутараканский уезд подчинялся по военной части херсонскому военному губернатору, а по гражданской – таврическому губернатору. Такая система административно-территориального устройства становилась все более неудобной по мере эскалации Кавказской войны и роста населения Кубани. Именным императорским указом Сенату от 11 апреля 1820 г. Черномория присоединена в гражданском отношении к Кавказской губернии с центром в Ставрополе и подчинена в военном отношении начальнику Отдельного Грузинского (с октября 1820 г. именуемого Отдельным Кавказским) корпуса с местом управления в Тифлисе [33: № 282225]. Но Черномория не стала уездом Кавказской губернии и сохранила свой особый статус. Территория войска Черноморского была разделена на четыре округа: Екатеринодарский с окружным центром в ст. Медведовской; Таманский (Фанагорийский) – в крепости Тамань; Бейсугский – в ст. Брюховецкой; Ейский – в ст. Щербиновской [27: 36]. Тмутараканский уезд перестал существовать.

Экономическое развитие Черномории в 1783–1820 гг. оставалось замедленным, почти все население проживало в станицах и хуторах. Основной отраслью хозяйства было скотоводство; земледелие и садоводство имели вспомогательный характер [11: 5; 37: 7]. Значительную роль в торговле играли 14 меновых дворов в землях черноморских и линейных казаков, ярмарки в Екатеринодаре и крупных станицах. Так, только в октябре 1818 г. адыги обменяли в Черномории 2700 пудов пшеницы на соль; адыги активно торговали лесоматериалами и плодами садоводства [14: 20–21].

Итак, Тмутараканский уезд был создан в качестве почти незаселенной территории «на вырост». Это пример военного фронтира России. С точки зрения исторической географии, границы Тмутараканского уезда (он же – земля Черноморского казачьего войска) являлись антецедентными, прокладывались на территории, радикально сменившей население и государственную принадлежность. Черномория часто подвергалась административно-территориальным преобразованиям, не всегда эффективным. Действия правительства были непродуманными и непоследовательными. Наибольшее число преобразований приходится

на 1783–1802 гг., когда шел поиск эффективных форм устройства и управления. Вопреки украинофильским мифам, казачье население Кубани являло собой единство малороссийского и великороссийского этнических компонентов, развивалось полностью в русле российской правовой системы и культуры.

Черномория являлась административной единицей в составе Таврической области (позже – Новороссийской губернии, Таврической губернии) в гражданском аспекте, а в военном отношении ее территория управлялась наказным атаманом под контролем центральной власти. Контур внешних границ Тмутараканского уезда оставался без изменений до начала 1830-х гг., когда к русским владениям были присоединены Старая линия и Черноморское побережье от Тамани до Адлера. Тенденции развития подталкивали земли черноморского казачества к интеграции с другими российскими владениями на Кавказе. Порядок землепользования, сословный состав населения Черномории (доминирование казачества) сближали его с землями Терека, Дона и Ставрополья, а не Крыма. Передача Черномории в состав Кавказской губернии (1820 г.) стала логичным и закономерным шагом.

Источники и литература

1. *Авраменко А.М.* Кубань и Кавказское Причерноморье как историко-географические регионы (конец XVIII – начало XX в.) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 239–252.

2. *Близняков Р.* Юбилей Таврической губернии. URL: https://new.crimiz.ru/rubriki/101-istoriya/19617-yubilej-tavricheskoj-gubernii (дата обращения: 08.06.2024).

3. *Бондарь В.В.* Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики. Краснодар, 2006.

4. *Бугай Н.Ф.* Страница истории контактов Крыма и Черноморского казачьего войска (начало XIX века) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 2. С. 40–51.

5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 227.

6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338.

7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 472.

8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2210.

9. ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 125.

10. ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 168.

11. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 194.

12. *Герман И.Е.* История русского межевания / 3-е изд. М., 1914.

13. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2.

14. *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.

15. Договоры России с Востоком, политические и торговые / сост. Т. Юзефович. СПб., 1869.

16. Жалованная грамота Екатерины II Черноморскому казачьему войску на Кубанские земли. URL: http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc29.html#/overview (дата обращения: 08.06.2024).

17. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Ч. 1. Краснодар, 2011.

18. *Кирюшин С.Ю.*, *Малукало А.Н.*, *Сень Д.В.* История Кубани с древнейших времен до наших дней. Краснодар, 2004.

19. *Клименко Н.Г.* Административно-территориальное деление кубанских земель и Кавказского Причерноморья с конца XVIII века по 1937 г.: проблемы организации регионального управления: дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2001.

20. *Короленко П.П.* Черноморцы. СПб., 1874.

21. *Кравчук А.С.* Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и время. 2014. № 3 (17). С. 189–197.

22. *Кравчук А.С.* К истории создания органов управления Таврической губернии (1802–1854) // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «III Феодосийские научные чтения». Феодосия, 2015. С. 142–145.

23. Летопись Кубанского казачьего войска: 1696–2006 / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2006.

24. *Масленников А.Г.* Административно-территориальные преобразования на Кубани в контексте истории региона с 1792 по 1860 год // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1 (26). С. 62–64.

25. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.): справочник / сост. А.С. Азаренкова и др. Краснодар, 1986.

26. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

27. *Певнев А.П.* Кубанские казаки: Пособие для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска. Екатеринодар, 1911.

28. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 1. Т. 21. СПб., 1830.

29. ПСЗ. Собрание 1. Т. 23. СПб., 1830.

30. ПСЗ. Собрание 1. Т. 24. СПб., 1830.

31. ПСЗ. Собрание 1. Т. 25. СПб., 1830.

32. ПСЗ. Собрание 1. Т. 27. СПб., 1830.

33. ПСЗ. Собрание 1. Т. 37. СПб., 1830.

34. ПСЗ. Собрание 2. Т. 2. СПб., 1830.

35. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры. СПб., 1858.

36. *Потто В.А.* История Кавказской войны. Т. 1. Ставрополь, 1994.

37. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 364.

38. РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 420.

39. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 357.

40. *Туренко А.М.*, *Кухаренко Я.Г.* Исторические записки о Войске Черноморском // Кубанский сборник. 2005. Т. 1 (22). С. 315–421.

41. *Фарои Т.В.* Законодательное регулирование административно-территориального развития Кубани в конце XVIII в. – начале XX в. // Социально-гуманитарный вестник. Вып. 19. Краснодар, 2016. С. 15–24.

42. *Фролов Б.Е.* Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 67–70.

43. *Фролов Б.Е.* Порядок общей пользы. Опыт исторического комментария // Голос минувшего. 2001. № 1–2. С. 28–33.

44. *Шевчук А.Г.* Формирование административно-территориального устройства Таврической губернии в географическом пространстве Крымского полуострова в XVIII–XIX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «География». 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1. С. 308–315.

45. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / авт., сост., науч. ред. Б.А. Трёхбратов. Краснодар, 1997.

46. Энциклопедия Кубанского казачества / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011.

А.В. Магалян

МЕЛИКСТВО ДИЗАКА (XVIII–XIX вв.)

Территория гавара Дизак (Тизак, Дузах) начиналась от горного пояса Дизапайт и Ишханагета и простиралась до реки Аракс у моста Худаферина. В начале XVIII в. владыками гавара Дизак были Мелик-Еганяны (Мелик-Аваняны), крепость которых находилась в селении Тох, напротив монастыря Гтич. «Из строений, входящих в первоначальный комплекс, сохранились ворота главного входа, две комнаты и двухэтажная приемная, а также другие соседние комнаты и кое-какие участки крепостных стен» [7: 30]. Здесь мы вкратце представим родословную известного армянского меликского дома – Мелик-Еганянов.

Сведения о происхождении Мелик-Еганянов довольно противоречивы. Так, историограф XIX в. Мирза Юсуф Нерсесов (Овсеп Нерсисянц) считал: «Мелики этих мест – старинные переселенцы из Турции (Рум)» [28: 40]. А по мнению настоятеля Гтчаванка А. Костанянца [15: 12–13], Мирзы Адигезаль-бека [27: 57], С. Джалалянца и Раффи, Мелик-Еганяны переселились в Арцах из Лори. С. Джалалянц и Раффи происхождение последних напрямую связывают с Лорис-Меликянами, а их первоначальным местом поселения считают село Арду гавара Лори

[9: 259; 35: 428]. По этому поводу известный армянский историк Лео писал: «В то время как одна ветвь преданий считает меликов Дизака переселенцами из города Урмия, что в Персии, другая утверждает, что они прибыли из Лори, а третья ветвь поправляет вторую версию, утверждая, что те не были коренными лорийцами, а переселились в Лори из той же страны Дизак» [18: 257].

По преданиям, в начале XVIII в. «Мелик-Еган, сын вардапета Гукаса из области Лори, из села Арду, из рода Лорис-Меликянов, враждовал со своим родственником Элизбаром, который был в то время правителем двух областей – Лори и Ташир, за исключением Мжавета и Бабажанадзора, но ничего не получив, вместе со всем семейством отца переселился в село Тох области Дизак, страны Арцах» [23: 4]. То, что упомянутый Элизбар был реальной исторической личностью, становится очевидно из опубликованной С. Джалалянцем памятной записи: «В году 1133 армянского летосчисления (1684), в память десницы епископа Погоса и в усладу Ованесу Одзнеци: да благословит Господь усопших епископа Саргиса, епископа Акопа, и тер Григора, и тер Аракела, что был служителем калантарства (градоначальства. – *А. М.*) Бегдашбека и Элизбар-бека» [8: 50]. Однако поскольку до сих пор нет достоверных фактов о переселении Мелик-Еганянов, то последнее слово пока остается за преданиями.

В надписи на двери северных ворот церкви Св. Ованеса села Тох сохранились важные сведения о семье мелика Егана: «Дабы благословил господь Христос: сей подкресник – в память мою, парона Мелик-Егана, и родителей моих Мовсеса – вардапета Гукаса, его матери Шхо и родительнице моей Мариам, и брата моего Арама, и сестры моей Ханум, супруги Ханум ага, сына Арама, Эсаи (Есаи), Бахтама, Овсепа, Багира, Аракела, Сафара, Пагума, Верта, супруги Гезал, дочери Тавар, Ханпаджи, Хатуна Хатаи, и других живших помяните, аминь» [4: 198; 36: 178].

Отремонтировавший Гтчаванк вардапет Гукас, как гласит его надгробие [36: 178], скончался в 1715 г.

За проявленную доблесть во время турецко-персидской войны Надир-шах назначил сына вардапета Гукаса мелика Егана главным управляющим в меликствах Хамсы. Члены рода стали называться его именем – Мелик-Еганяны (Мелик-Аваняны). Персидский историк Мухаммад-Кязим мелика Егана представляет как мудрого деятеля, наделенного чрезвычайными способностями тонкого политика, который удостоился большой любви и доверия Надир-шаха [13: 181]. Он в феврале 1736 г. принял участие в Муганском курултае (собрание знати) [17: 80, 217], во время которого Надир взошел на престол Ирана. Мелик Еган в 1736 г. указом Надир-шаха был назначен главным управляющим армянских меликств Хамсы (пять магалов – по-персидски «Магал-е хамсе»). «В это время владыка Дизака был седовласым, уже искушенным и мудрым правителем, прославившим свое имя великими антитурецкими подвигами» [37: 149].

Мы не ошибемся, если скажем, что в армянской действительности меликства Хамсы (Арцаха) оставались той единственной политической силой, на основе

которой при благоприятных возможностях могла бы возродиться армянская государственность [20: 35]. Неслучайно сами мелики Арцаха считали себя «наследниками, оставшимися от благородных воинов армянских царей» [2: 179].

Сохранилась надпись у входа в приемную мелика Егана, где в хронологическом порядке вкратце описаны некоторые примечательные события периода его властвования. Представляем эту надпись в расшифровке известного историка А.Д. Папазяна: «В году 1186 армянского летосчисления (1737). Сия приемная есть память. Было так, что я – сын вардапета Гукаса, а имя мое Мелик-Еган, вначале собрался народ и назначил меня [сельским] старостой. После этого, когда страна подверглась раздорам, я оказал некоторые услуги царю шаху Тахмаспу – сыну шаха Султан-Хусейна, и он назначил меня меликом [над] ними. Затем пришел османец и отобрал у него [страну]. Ему тоже оказал столько услуг, что когда привели в Дизак, я не допустил, чтобы из Армении увели пленных. Потом из Араха [Центральный Иран] пришел могучий царь Надир-шах со своим войском и отвоевал страну у османцев. Ему я тоже оказал столько услуг, что он назначил меня ханом и беклярбеком над шестью христианскими магалами – Талишом, Чарабердом, Хаченом, Варандой, Кочизом, Дизаком, и оказал почести. Кто потом прочтет, [тот] узнает из этой надписи, что таковыми были деяния наши, пусть хоть раз скажет: помилуй, отче. Конец. Аминь» [33: 77].

В нашем распоряжении есть несколько нововыявленных документов, которые могут пролить свет на события, о которых говорится в вышеупомянутой надписи. Так, в Национальном архиве Армении хранится купчая от 1166 г. армянского летосчисления (1717), согласно которой сын Джилаванц Тиха Чали продает мельницу своему племяннику – «сыну Саргиса Исо» [31: 4]. Этот документ важен не столько своим содержанием, сколько тем обстоятельством, что на нём стоит печать Егана с надписью «Еган танутер свид». Итак, благодаря этому документу становится ясным, что в 1717 г. Еган был танутером (т.е. главой) Тоха.

Продолжая тему, отметим, что в той же папке хранятся два других документа 1727–1728 гг., в которых Еган упомянут уже как носитель титула мелик. В первом из этих документов Еган фигурирует как свидетель одной сделки по купле-продаже, с подписью «свидетель Мелик-Еган» [31: 3]. Второй документ уже выдан им самим. Эти документы говорят в пользу мнения А.Д. Папазяна, согласно которому меликские права Егана были утверждены шахом Тахмаспом II (1722–1732) в 1724–1725 гг., когда последний, гонимый афганцами, нашел пристанище в Атрпатакане [33: 77]. В конце рукописи под № 1915, хранящейся в Институте древних рукописей Матенадаран им. св. Месропа Маштоца, есть памятная запись, оставленная вардапетом Месропом, согласно которой «29-го октября 1172 года армянского летосчисления (1723) шах Тахмасп вошел в город Нахичеван» [25: 280 б]. Сефевидский шах пытался объединить силы для противостояния османской армии, вторгшейся в Закавказье и Атрпатакан. По всей видимости, именно в это время и были утверждены меликские права Егана.

Документы, отражающие армяно-русские отношения, дают возможность для более конкретного определения даты назначения Егана меликом. В одном из этих документов, датированном 20-м марта 1724 г. [1: 92], Еган впервые упоминается как носитель титула мелика. Следовательно, по всей вероятности, меликские права Егана были утверждены шахом Тахмаспом II в 1723 г. либо в начале 1724 г.

Впоследствии, как повествует вышеупомянутая лапидарная надпись, Надир-шах назначил мелика Егана главным управляющим арцахских меликств. Он был самым могущественным владыкой в двухвековой истории армянских меликств Арцаха. Не случайно Надир-шах называл его «бабалыг» (вроде отчима), а удостоиться симпатии такого тирана, как Надир-шах, было далеко не просто.

Мелик Еган и его сын мелик Арам были известны и как очень состоятельные люди. Мелик Еган скончался в 1744 г. и был похоронен в притворе церкви села Тох, где и находилась родовая усыпальница Мелик-Еганянов. На его надгробном камне высечено:

Это могила храброго князя,
Великого мелика по имени Еган,
Сына благочестивого
Вардапета Гукаса.
Был он любим всеми,
И шахом Надиром.
Он властвовал над своей страной,
Краем Алуанк.
Весьма уважаем был персидским народом
Как князь страны Армянской.
В год 1193 армянского летосчисления (1744) [36: 178].

Раффи и ряд других исследователей в некоторых случаях ошибочно отождествляли мелика Егана (Авана) с Аваном-юзбаши (приблизительно 1670–1735) [35: 446, 530].

Сестра мелика Егана – Анна-хатун – была женой правителя Варанды мелика Хусейна. Женой мелика Егана была Гоар-ханум.

Мелику Егану наследовал его старший сын мелик Арам (умер в 1745 г.), затем младший сын мелик Есаи (1720–1781). Сохранился указ, выданный мелику Есаи Надир-шахом в 1746 г. следующего содержания: «Назначаю его меликом или управляющим гавара Дизак, обязав его всегда предпринимать деятельные шаги для выполнения всех наших требований и следить за государственными интересами, проявлять усердие в отношении к правительству» [34: 204]. Современники характеризовали его как «образованного человека, увлеченного учебой» [32: 103]. Мелик Есаи семь лет непрерывно воевал против Панах-хана, затем против его сына Ибрагима. По приказу последнего коварно «в 1230 году армянского летосчисления (1781) убили Мелик-Есаи из Тоха» [26: 86 б]. В связи с этим русский военачальник А.В. Суворов написал в рапорте, посланном в 1781 г. князю

Г.А. Потемкину: «Ибраим-хан шошинской, требуя под пристрастием некоторой суммы денег от мелика Есая Дузагского и сим мучительством умертвил оного» [2: 172; 30: 79]. О его жизни вкратце повествует его надгробие: «Это могила мелика Есаи, сына великого мелика Егана. Он был назначен князем Надир-шахом. 33 года правил он Дизакской страной и совершил много подвигов, одержал много побед над неверными. Он был смелее и благороднее своих предков. Жил он 61 год, скончался в лето 1230 (1781 г.) 2-го октября, во вторник. Кто прочтет надпись, пусть хоть раз скажет: Помилуй, отче. Аминь» [9: 260; 14: 214–215; 36: 179; 29: 83]. Мелик Есаи, по имеющимся сведениям, имел одного сына – Багдад-бека.

Мелику Есаи наследовал его племянник, сын мелика Арама – мелик Бахтам, который в памятной записи рукописи «История Сюника» описывается «как очень знатный и богатый человек» [24: 218 а]. Ибрагим-хан вероломно арестовал его и отравил в 1787 году [12: 186]. Это подтверждает и надпись на его надгробном камне: «В сией могиле покоится прах храброго и мужественного мелика Бахтама, сына мелика Арама. Принял он смерть и конец свой от яда Ибрагим-хана. Кто посетит сию могилу, пусть скажет: Помилуй, отче. Аминь» [36: 178]. Младший сын мелика Арама, Багир-бек, скончался в 1789 г.

Мелику Бахтаму наследовал его сын мелик Абас, который правил меликством Дизак в 90-е гг. XVIII в. В Национальном архиве Армении нами выявлены три купчие, составленные «благодаря Мелик-Апазу». Первая из них датирована 1796 г., а две другие составлены в 1797 г. [31: 9, 10, 49]. Его имя как владетеля Дизака упоминается и в прошении царю Павлу I, направленном 23 декабря 1798 г. владыкой Варанды меликом Джумшудом [2: 493]. Однако правление мелика Абаса длилось недолго. Он был предательски убит в селе Цор людьми Ибрагим-хана. Этому убийству предшествовали многократные неудачные попытки Ибрагим-хана заставить мелика Абаса поменять веру. По поводу стремления насильственной мусульманизации представителей меликских родов известный историк А.Г. Иоаннисян заметил: «Религиозная нетерпимость ханов в основном была направлена к меликским домам, обострялась политическими, а также имущественно-правовыми проявлениями» [11: 256]. Мусульманизация представителей меликских родов со стороны ханов рассматривалась как наикратчайший и самый эффективный путь избавления от них.

Два нововыявленных документа свидетельствуют, что мелик Бахтам имел также сына по имени Беглар. Он упоминается в двух купчих 1811 г., где, в частности, написано: «Беглар, сын покойного Бахтама» [31: 42–43].

Мелику Абасу наследовал его сын – мелик Каграман (Багир-бек). Во время его владычества в Арцахе начался голод, а затем эпидемия чумы. Вот как вардапет Иоанн Воскерчян описывает события тех времен, очевидцем которых он был: «Сгустились тучи голода над миром Арцаха так, что народ превратился в стадо травоядное, которое в весеннее время, как стадо коров, выходило на поля и ело траву, дабы не умереть от голода. Но это было смертельным ядом для них, ибо их кишки

воспалялись, разбухали и чернели, и потом они внезапно умирали» [5: 287–288; 3: 103]. Спасаясь от голода и чумы, мелик Каграман со своими подданными переселился в Грузию, но «неизвестно, где именно поселился» [19: 31]. От имени Мелик-Еганянов он поставил свою подпись под письмом меликов Арцаха от 1806 г., направленным в Санкт-Петербург Минасу Лазаряну [10: 40–41], которое «вероятно, было последним совместным письмом меликов Арцаха, выражающим их объединенный образ, их волю, чаяния, решение жить свободно и самостоятельно в своем крае, а также их надежды» [37: 176].

Оставшихся в Дизаке сына мелика Есаи Багдад-бека и его сыновей Аслана и Вагана Ибрагим-хан насильственно мусульманизировал. Однако, не довольствовавшись этим, убил Багдад-бека, а затем и его сына мелика Аслана. Сведения о Вагане не сохранились.

Мелик Аслан оставил лишь одного сына – Фархад-бека. Его имя упоминается в справке о земельных угодьях Гтчаванка [22], направленной А. Костанянцем в декабре 1856 г. в консисторию Карабаха. В 1881 г. известный армянский писатель Раффи видел его [35: 530].

Фархад-бек отуречился и отошел от родных корней. Мусульманизированные потомки мелика Аслана стали называться Мелик-Аслановыми, причем все состояние рода перешло именно к ним, а потомки-христиане были оставлены без наследства. О принявших мусульманство потомках Мелик-Еганянов А. Костанянц в 1884 г. писал: «Эти принявшие магометанство так ревностно соблюдают все его законы, что даже сам Магомет их так не чтил» [16: 6 а; 21: 297]. В связи с этим Лео добавляет: «Эти мусульманизированные армяне теперь являются беками селения Тох и носят армянские фамилии – Мелик-Асланов и Мелик-Еганов. Но религия предала забвению все национальные обязанности далеких потомков армянских меликов. Хотя они отлично знают, что они армяне, но, подчиняясь мусульманской религии, настолько преданы понятиям толпы, что религию считают национальным признаком. Следовательно, ассимилируясь с татаро-магометянами, зачастую выступают против своих сородичей-армян. В 1904–1906 гг., во время армяно-татарских столкновений, один из этих Мелик-Аслановых, занимающий должность пристава в гаваре Зангезур, совершил неописуемые зверства против армян. Даже высшее образование не препятствовало этому и не помогло вспомнить о своем происхождении. Один из тех же Мелик-Аслановых, инженер по образованию, в 1918 г. был министром в мусаватистском правительстве Азербайджана, когда в Баку по приказу этого правительства было истреблено около тридцати тысяч армян» [18: 364]. Фамилия последнего встречается и в списке влиятельных парламентариев в мусаватистской фракции Закавказского Сейма, приводимом видным общественно-политическим деятелем С. Враціяном: «По числу депутатов второе место занимала фракция “группа Мусават и беспартийные”, в количестве тридцати членов, в которую входили самые видные деятели Азербайджана – Топчибашев, Джафаров, Расул-Заде, Усупбегов,

Агаев, др. Султанов, Хан-Хойский, Мелик-Асланов» [6: 74]. Эти ссылки приведены с целью показать, как далеко могло завести вероотступничество потомков армянских меликов.

Таким образом, в данной работе мы составили и обобщили родословную известного армянского меликского дома Мелик-Еганянов из Дизака, показали разделение данного рода на две ветви – христианских Мелик-Еганянов и исламизированных Мелик-Аслановых, а также передвижения потомков этих ветвей.

Источники и литература

1. Армяно-русские отношения: сборник документов. Т. 2. Ч. 2: В первой трети XVIII века / под ред. А.Г. Иоаннисяна. Ереван, 1967.

2. Армяно-русские отношения: сборник документов. Т. 4: В XVIII веке, 1760–1800 / под ред. М.Г. Нерсисяна. Ереван, 1990.

3. Армянские источники о закавказских походах Ага Мухаммад хана (1795–1797 гг.) / текст, введение и примечания Р.Т. Титанян. Ереван, 1981 (на арм. яз.).

4. *Бархутарянц М.* Страна Алуанк и соседи. Арцах; Ереван, 1999 (на арм. яз.).

5. *Воскерчян И.* Летопись для современной национальной истории // Крунк Айоц ашхарин («Журавль страны армян»). 1862. № 4. С. 278–316 (на арм. яз.).

6 *Врацян С.* Республика Армения. Ереван, 1993 (на арм. яз.).

7. *Гулян А.* Дворцы меликов Арцаха и Сюника. Ереван, 2001 (на арм. яз.).

8. *Джалалянц С.* Путешествие в Великую Армению. Т. 1. Тифлис, 1842 (на арм. яз.).

9. *Джалалянц С.* Путешествие в Великую Армению. Т. 2. Тифлис, 1858 (на арм. яз.).

10. *Ерицов А.* Карабагские мелики в Грузии с 1800 по 1808 г. // Кавказская старина. 1872. № 2. С. 34–45.

11. *Иоаннисян А.Г.* Очерки истории армянской освободительной мысли. Кн. II. Ереван, 1959 (на арм. яз.).

12. *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1990.

13. История армянского народа. Т. IV. Ереван, 1972 (на арм. яз.).

14. *Костанян К.* Летопись на камнях: собрание-указатель армянских надписей. СПб., 1913 (на арм. яз.).

15. *Костанянц А.* Меликство Дизака / Материалы об армянских меликствах. Вып. I. Вагаршапат, 1913 (на арм. яз.).

16. *Костанянц А.* История Гтчаванка // Институт древних рукописей Матенадаран им. св. Месропа Маштоца (далее – Матенадаран им. М. Маштоца). Рукопись № 3966 (на арм. яз.).

17. *Кретаци А.* Повествование. Ереван, 1973.

18. *Лео.* Собрание сочинений. Т. 3. Кн. 2. Ереван, 1973 (на арм. яз.).

19. *Лео.* Собрание сочинений. Т. 4. Ереван, 1984 (на арм. яз.).

20. *Магалян А.* Арцахские меликства и меликские дома в XVII–XIX вв. Ереван, 2012.

21. *Магалян А.* Труд Аракела Костанянца «История Гтчаванка» // Вестник Матенадарана (Ереван). 2008. № 18. С. 283–305 (на арм. яз.).

22. Матенадаран им. М. Маштоца. Католикосский архив. Папка 182. Документ 449 (на арм. яз.).

23. Матенадаран им. М. Маштоца. Микрофильм № 367 (на арм. яз.).

24. Матенадаран им. М. Маштоца. Рукопись № 1488 (на арм. яз.).

25. Матенадаран им. М. Маштоца. Рукопись № 1915 (на арм. яз.).

26. Матенадаран им. М. Маштоца. Рукопись № 3881 (на арм. яз.).

27. *Мирза Адигезаль-бек.* Карабаг-наме. Баку, 1950.

28. *Мирза Юсуф Нерсесов.* Правдивая история. Ереван, 2000 (на арм. яз.).

29. *Мкртчян Ш.М.* Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван, 1989.

30. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий / сост. Ю.Г. Барсегов. Т. I. М., 2008.

31. Национальный архив Армении. Ф. 57. Оп. 1. Д. 3.

32. Новая тетрадь, называемая увещеванием / пер. и коммент. П. Хачатрян. Ереван, 1991 (на арм. яз.).

33. *Папазян А.* Надпись на входе в приемную мелика Егана // Вестник общественных наук (Ереван). 1985. № 5. С. 75–78 (на арм. яз.).

34. *Погосян Ф.* Права и обязанности меликов Хамсы // Вестник архивов Армении (Ереван). 1966. № 1. С. 197–208 (на арм. яз.).

35. *Раффи.* Меликства Хамсы // Раффи. Собрание сочинений. Т. 9. Ереван, 1987. С. 417–625 (на арм. яз.).

36. Свод армянских надписей. Вып. 5. Арцах / сост. С.Г. Бархударян. Ереван, 1982 (на арм. яз.).

37. *Улубабян Б.* История Арцаха с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1994 (на арм. яз.).

И.В. Лиджиева

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ (на примере калмыков Туркменского района Ставропольского округа)[1]

В XVII в. калмыцкий народ, добровольно приняв подданство русского царя, на протяжении трех столетий в процессе своего исторического развития в административно-территориальном отношении оказался под юрисдикцией разных

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100347-2.

субъектов: Астраханской и Ставропольской губерний, Области войска Донского, а также отдельные группы калмыков входили в состав Оренбургского и Терского казачьих войск. В начале XX в. революционные потрясения, захлестнувшие страну, привели к идеям, по словам исследователя советской истории России Ж. Кадио, восстановления единого государства путем признания национальных различий, которые должны были найти отражение в определенной территориальной и институциональной организации [5: 149]. В соответствии с этой концепцией передовая часть калмыков достигла идеи национального единения в рамках автономной государственности. Так, 4 июля 1920 г., в ходе утреннего заседания третьего дня I Общекалмыцкого съезда Советов трудящихся, было принято решение о выходе калмыцкого населения Астраханской и Ставропольской губерний, Терской и Донской областей и образовании Автономной области калмыцкого трудового народа [8: 268–269]. Однако были и факты неприсоединения, одному из которых посвящено исследование Е.Ф. Кринко [6]. Следующая небольшая группа калмыков, оказавшаяся вне пределов автономии калмыцкого народа, – калмыки Туркменского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края. Политика государства в отношении последней группы рассматривается в работе А.В. Аверьянова [1].

Предметом исследования данной статьи выступает доклад о судьбе калмыков Туркменского района Ставропольского округа, подготовленный в феврале 1929 г. Л.К. Карвеновым на основании письма калмыка аула Куликовы Копани Мазана Нурмаева, в контексте влияния религиозной идентичности на национально-государственное самоопределение [2: 13].

В докладе Л.К. Карвенова указывается, что проживавшие в ауле Кучерла 120–130 калмыков, исповедовавших ислам и происходивших из рода шерет Малодербетовского улуса, были выдворены с мест исконного проживания. Л.К. Карвенов (Карвин) активно работал в советских органах Большедербетовского улуса, многое сделал для создания Калмыцкой автономной области, принимал непосредственное участие в переселении калмыков с Оренбуржья, Терека, Дона на территорию Большедербетовского улуса.

Касаясь истории происхождения рассматриваемой группы калмыков, следует обратиться к делопроизводству XIX в. Так, во второй четверти XIX в. на уровне центральных и региональных органов управления, в частности коллегии иностранных дел и управленческих структур Кавказской области и Астраханской губернии, завязалась переписка об административной принадлежности шеретовских татар. Предки шеретовцев, являясь родовыми калмыками владельца Малодербетовского улуса Четыря, бежали в Крым, где приняли турецкое подданство и «принужденно магометанскую веру» [3: 1 об.]. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора они в сопровождении провожатых, снабженные документами для беспрепятственного прохода, были переданы графом А.В. Суворовым Малодербетовскому нойону Ценден Дорджи [3: 104]. Но, как было указано в справке, подготовленной Советом астраханского калмыцкого управления для сведения

начальнику Кавказской области, в 1788 г. шеретовцы вновь, «когда было между калмыцким народом замешательство, не желая участвовать в этом, удалились на реку Куму и там кочевали с татарами» [3: 1]. В 1800 г., после восстановления наместничества в калмыцкой степи, они обращаются к Чучею тайши Тундутову с прошением о принятии их в свои владения и соединении их с ближайшими родственниками – шеретовскими калмыками, на что получено было разрешение.

В 1804 г. главный пристав калмыцкого народа П.П. Крупинский в связи с запросом главного пристава магометанских народов И.М. Макарова о том, «по какому случаю сии татары поступили в ведомство калмыков», обратился к астраханскому военному губернатору и главноначальствующему в Грузии князю П.Д. Цицианову с просьбой о разъяснении ситуации. Предписанием от 24 февраля 1805 г. за № 90 князь Цицианов уведомил Крупинского, «чтобы сих татар по большему праву их принадлежности к калмыкам, нежели к татарам, оставить на нынешнем кочевье» [3: 105 об.]. Это же решение предписанием от 30 января 1807 г., данном главному приставу полковнику Ахвердову, было подтверждено преемником Цицианова, главнокомандующим войсками в Грузии и Дагестане генералом И.В. Гудовичем. По мнению историка Н.Н. Пальмова, причиной такого решения могло служить то обстоятельство, что «среди самих калмыков-просителей отсутствовало единодушие. В то время, как часть их стремилась присоединиться к мусульманам, 40 калмыцких кибиток подали главному калмыцкому приставу Н.И. Страхову в 1803 году жалобу на то, что их хотят насильственно присоединить к обществу мусульман, тогда как они желают находиться среди калмыков Дербетевского улуса» [7: 210].

В 1810 г. шеретовские татары самовольно откочевали к ногайцам под ведомство генерал-майора Султана Менгли Гирея, заручившись поддержкой в виде разрешительного документа от 13 февраля 1819 г. со стороны командующего войсками на Кавказской линии генерала И.П. Дельпоццо. Кроме того, они обратились с прошением к главнокомандующему в Грузии, генералу А.П. Ермолову. Реакция одного из самых авторитетных людей на Кавказе в рассматриваемый период являлась закономерной: безусловно, он принял решение в пользу нойонов Тундутовых, Эрдени Тундутова, сына и наследника Чучея. В письменном распоряжении от 15 апреля 1819 г. на имя командующего войсками на Кавказской линии, генерал-майора и кавалера К.Ф. Сталя содержалась оговорка о том, что решение не действительно, в случае возможности просителей предоставления документа, подтверждающего отсутствие владельческих прав со стороны Тундутовых.

В 1827 г. шеретовские татары вновь инициировали разбирательства на высшем уровне, подав очередное прошение теперь уже командующему войсками на Кавказе генералу Г.А. Эммануэлю об освобождении их из-под власти владельцев Малодербетовского улуса. Астраханский гражданский губернатор А.С. Осипов предложил, исходя из конфессиональной принадлежности шеретовцев, причислить их к магометанским племенам Кавказской области, так как «для Правительства все равно, ибо все люди Государевы и суть подданные Его Императорского Величества.

Ни Дербетовский Малый, ни Дербетовский Большой улусы не имеют причины претендовать на сие и гоняться за сими татарами потому, что и самих сих улусах, чтобы обратить их в казенное ведомство, яко не имеющих у себя наследственных владельцев, идет уже рассмотрение. Следовательно, личных препятствий и личных потерь ничьих тут нет» [3: 101 об., 107]. В июне 1831 г. против предложения высшего губернского чиновника выступил владелец Малодербетовского улуса, подав в Совет астраханского калмыцкого управления донесение, к которому прилагались подлинные предписания о причислении шеретовских татар к дербетовцам за подписями князя П.Д. Цицианова и графа И.В. Гудовича.

Впоследствии главный попечитель калмыцкого народа А.М. Фадеев в своем докладе, представленном 18 августа 1836 г. астраханскому губернатору И.С. Тимирязеву, защищая владельческие интересы уже сына Эрдени Тундутова Деджита, отмечает, что решение Осипова было обусловлено «одним лишь следствием желания прекратить навсегда беспрестанную переписку и домогательства на них (шеретовских татар. – *И.Л.*) Магометанского начальства» [3: 5]. Далее главный чиновник Калмыцкой степи обращает внимание на тот факт, что «под предлогом желания причислиться к магометанским кочевым племенам Кавказской области они не отбывают ни по званию татар, ни по званию калмыков никаких повинностей» [3: 5 об.]. Но уже на следующий год министерство внутренних дел направило астраханскому губернатору сообщение, содержащее мнение управлявшего Грузией генерал-аншефа барона Розена о шеретовцах, которые «кроме религии отвыкли уже от кочевой жизни, живут оседло и занимаются хлебопашеством», соответственно, «обратить их опять в калмыцкие улусы значило бы расстроить совершенно хозяйство и подорвать их благосостояние». В ответ на данный документ 5 июля 1839 г. астраханский военный губернатор направил в министерство доклад, содержащий свое мнение по данному поводу, в котором отметил, что земли Малодербетовского улуса вполне подходят для оседлого поселения, в том числе и шеретовцев.

Следующий документ от 23 января 1846 г., подготовленный министерством государственных имуществ, окончательно решил судьбу шеретовских татар, которые при опросе изъявили твердое желание быть причисленными к кавказским магометанским народам. В соответствии с приказом начальника Астраханской губернии П.Е. Чистякова от 27 марта 1846 г. приведено в исполнение распоряжение Совета астраханского калмыцкого управления «о своде шеретовских татар с земель калмыцких». Следует отметить, что вопрос о наделении шеретовцев землей уже в пределах Ставропольской губернии не был решен и в начале второй половины столетия. Так, в 1859 г. на их обращение к кавказскому наместнику последовал следующий ответ: «означенная просьба получит разрешение тогда только, когда последует разграничение земель между Ставропольской и Астраханской губерниями» [4].

Отсутствие правового обеспечения в имперском законодательстве закрепления определенных территорий за шеретовцами привело к столкновениям и при

установившейся власти Советов, о чем упоминает Нурмаев в письме, направленном Л.К. Карвину. По мнению адресата, решение этого вопроса могло быть произведено двумя путями. Первый заключался в создании крупного животноводческого хозяйства на территории Туркменского района с выделением 100–200 тыс. руб., второй – в переселении их в Большедербетовский улус Калмыцкой области.

Докладная записка Л.К. Карвина был направлена в Северо-Кавказский краевой исполком и в Отдел национальностей ВЦИК. На протяжении четырех месяцев записка оставалась не рассмотренной. И только после письма за подписью секретаря ВЦИК А.С. Киселева, в котором указывалось «немедленно представить ответ, сообщив о причинах задержки ответа», 13 ноября последовало первое ответное сообщение [2: 9, 10]. Местные исполнительные органы сообщали об отсутствии сведений по данному вопросу, на изучение которого требовалось время, так как ответы Туркменского районного исполкома не давали возможности предоставить исчерпывающий ответ на запрос. Последовавший в июне 1930 г. ответ был подготовлен на основании материалов обследования, проведенного инструктором крайисполкома Янцом, который отмечал, что калмыки аула Кучерли говорят «исключительно на туркменском языке, даже буддизм сменили все на магометанство… а их заветной мечтой является устроиться обратно в ауле Кучерли» [2: 3]. В отличие от многих других локально проживавших групп калмыков, переселившихся в Калмыцкую автономную область, шеретовцы уже не идентифицировали себя с калмыцкой этнической общностью, что и повлияло на их выбор.

Таким образом, в первой трети XX в. шеретовцы остались на прежних местах проживания, т.е. в Туркменском районе Северо-Кавказского края, вне пределов национальной автономии. Немаловажным фактором в принятии такого решения, несмотря на постулаты идей большевизма, заключающиеся в том числе и в верховенстве этнического принципа в моделировании национальных субъектов и отрицании божественных идей, стала конфессиональная принадлежность шеретовцев.

Источники и литература

1. *Аверьянов А.В.* Ставропольские шереты в контексте советской национальной политики в 1920–1930-е гг. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4 С. 673–681.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 77.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 1856.

4. ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 5108.

5. *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М., 2010.

6. *Кринко Е.Ф.* Сальский инцидент, или о том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа // Oriental Studies. 2019. № 5 (45). С. 787–798.

7. *Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост. А.М. Джалаева. Элиста, 2007.

8. *Плюнов Ф.И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. / сост. И.В. Лиджиева, М.И. Кичеева. Элиста, 2016.

К.Р. Амбарцумян, В.М. Труфанова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГУБЕРНСКОГО СТАВРОПОЛЯ в 1920-е гг.: ОПЫТ ПРОЖИВАНИЯ КРИЗИСА И ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ[1]

Советская повседневность как предмет исследования достаточно давно является востребованной как среди российских, так и среди зарубежных ученых. Пристальное внимание к советскому прошлому в таком ракурсе оправдано необычностью и даже уникальностью социально-политического эксперимента, который сформировал особый тип повседневного существования и массового сознания. Как отмечает российская исследовательница В.Г. Туркина, проблемное поле советской повседневности сложилось благодаря изучению как внешних проявлений, так и мира внутренних переживаний. Чрезвычайно важным для нашей темы представляется сочетание социальных отношений и коллективного сознания, что позволяет фиксировать мир исторической действительности в целостности [12: 108]. А.И. Казанков и О.Л. Лейбович пишут о том, что советская власть не была всеобъемлющей применительно к контролю массовых практик, поэтому возможность унифицировать поведение рядовых граждан тоже была ограниченной [6: 82]. Данные исследователи сформулировали вывод об эвристическом потенциале концепции повседневности, подчеркивая то, что дело не только в детализации исторического знания и корректировке представлений о масштабах и вариативности исторического процесса. Изучение парадигмы повседневности предполагает не столько обобщения, сколько возможность увидеть «большую историю» глазами ее участников [6: 87].

Изучение генезиса советского города позволяет выявить механизмы адаптации рядовых обывателей к новой реальности. В.Г. Туркина и Е.Л. Антонова обращают внимание на влияние на нее не только большевистской власти, но и Первой мировой войны, которая еще до революции 1917 г. и Гражданской войны определила преобразования традиционных установок повседневной культуры [13]. Мы можем в этом убедиться и на примере Ставрополя. Так, Т.А. Булыгина подчеркивает, что изменяются повседневные практики не только участников боевых

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20073, https://rscf.ru/project/24-18-20073/

действий, но и тыла. Война проникала в рутинную жизнь губернского Ставрополя, формировала новые проблемы и меняла настроения [4]. Концепция научно-образовательного центра «Новая локальная история», разработанная Т.А. Булыгиной и С.И. Маловичко, предполагает переориентацию местной истории с линейного описания событий к изучению структур человеческого бытия. История повседневности в локальном измерении позволяет, с одной стороны, реализовать антропологический подход, с другой – увидеть социокультурную целостность определенной общности [3: 114]. Эта общность объединена не только территорией проживания, речь идет о микросоциуме со сложными внутренними связями, правилами и повседневными практиками.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности повседневности провинциального Ставрополя, которая отличалась своеобразием и до революции, так как, несмотря на статус города, он сочетал в себе признаки как городской, так и сельской культуры. Это отличительное свойство городов Ставрополья и Терека, где мещанско-крестьянский элемент обуславливал полудеревенский облик и сельскохозяйственные занятия горожан [7]. Ставропольский писатель И.Д. Сургучев в своем знаменитом сочинении «Большевики в Ставрополе» дал достаточно емкое описание города: «Ставрополь – город тихий и мирный. Фабрик и заводов в нём почти нет. Пришлого рабочего люда тоже нет. Если и есть рабочие, то все больше местные: сапожники, портные, шорники. Город дешевый, плодами земными весьма обильный. Улицы в нём широкие, сады – фруктовые и каштановые. Климат хороший, здоровый. Щедрое, горячее южное солнце. Говорят, что здесь даже чахотку можно вылечить, если захватить ее в начале. Живут здесь не в небоскребах, как в больших городах, а особнячками. Три-четыре комнаты, свой двор, свой сад, своя скамеечка перед домом, свой колодезь» [11].

Ставрополь, как и другие северокавказские города, не имел многовековой истории. Его население формировалось с нуля и очень быстрыми темпами. Уже в 1785 г. он получил статус города, при этом по внешнему облику, количеству жителей, уровню городского управления Ставрополь в тот момент не был похож на город. Кавказ привлекал людей разного социального положения. Так, в XIX в. основную массу кавказских горожан составляли представители мещанства и купечества, значительным было количество крестьян. Следует выделить еще одно имманентное свойство городского сообщества на Кавказе – различия в быту и повседневности определял не сословный, а имущественный принцип [7]. Под влиянием капиталистической модернизации к концу XIX в. социальная мобильность усилилась, однако рабочий класс и городская буржуазия даже в губернском городе были малочисленны. За годы революции и Гражданской войны социальное ядро города еще больше уменьшилось, так как были уничтожены представители купечества и дворянства, вытеснялось мещанство. Оставшееся население в городах еще больше обратилось к сельскому хозяйству. Например, в Ставрополе 47 % населения обрабатывали приусадебные участки [8].

И.Д. Сургучев точно подметил главную особенность революционных событий в городе: «В Ставрополь, по дальности расстояния, все прикатывает последней волной» [11]. Это суждение применимо не только к революции и Гражданской войне, но и к последующим событиям советской истории.

Ставрополь окончательно был занят Красной армией 29 февраля 1920 г. [2]. Фон продолжавшейся Гражданской войны стал частью городской жизни. С этого момента началась работа не только по установлению советской власти, но и по организации хозяйственной жизни в целом. Практически сразу же начала работать пропаганда, и только что созданный Ставропольский комсомол обратился к учащимся с призывом помогать фронту. «Школьная армия маленьких работников» должна была принять участие в заготовке белья, починке шинелей, стирке перевязочных бинтов и т.д. [2: 142]. В это же время, в апреле 1920 г., прибыла группа из Москвы с целью связать «отсталый Ставрополь с государственным и партийным Центром» [2: 145].

Политика военного коммунизма не обошла стороной Ставрополь. Трудовая повинность, продразверстка, реквизиции проникали в ткань городской жизни. В июне 1920 г. председатель местного трудового фронта отчитался о проделанной работе, к которой привлекли 2857 граждан [2: 161].

При этом мы обнаруживаем и другую реальность, в которой люди на бытовом уровне просто пытались адаптироваться и выжить в новых условиях. В годы военного коммунизма были реквизиции. В марте 1920 г. в Ставропольский ревком поступило ходатайство уполномоченных Ставропольской городской мещанской управы (орган самоуправления мещанского сословия) об освобождении земледельцев от реквизиции лошадей, так как близившиеся полевые работы не могли проводиться без тягловой силы. Здесь для нас важен не только факт просьбы, но и ее аргументация тем, что просители «обойдены против сельских жителей», у которых рабочий скот был освобожден от мобилизации [5: 143]. Важно и то, что продолжала функционировать такая дореволюционная институция, как мещанская управа. Если обратиться к более ранним источникам, то мы видим, что многие ставропольские мещане занимались земледелием [1]. Черты сельского быта и хозяйствования проявились в ставропольской повседневности и в годы нэпа. В июле 1922 г. губернский отдел союза металлистов, то есть отраслевой профсоюз, попросил закрепить за ним земельные участки. Более того, к моменту прошения о закреплении полученная садовая и огородная земля была засеяна [5: 88].

Попытки вернуть утраченное в результате реквизиций предпринимались в самых разных случаях. Например, в ноябре 1920 г. шведский поданный И.И. Стафеберг обратился в Ставропольский ревком с просьбой вернуть отобранное имущество. Дело увенчалось успехом, но список возвращенного включил в себя в основном одежду и мелкий скарб [5: 66]. Горожане обращались с просьбами вернуть элементарные предметы быта, необходимые в повседневной жизни:

кастрюли, самовары, кресла и т.д. Учащийся Ставропольского сельскохозяйственного института А. Ицков просил отдать стол, который служил и как обеденный, и как письменный, а ночью использовался как кровать [5: 73]. Обращения во власть этого периода содержат просьбы о демобилизации квалифицированных рабочих, в которых остро нуждались предприятия. Так, в январе 1921 г. Ставропольский губернский отдел союза рабочих металлообрабатывающей промышленности просил вернуть на рабочее место слесаря А. Видинского [5: 67].

Помимо людей, которые страдали от реквизиций, были и те, кто эти реквизиции осуществлял или пользовался их плодами по разным причинам и с разными мотивами. Так, в феврале 1921 г. некая Мария Сисякина донесла на сторожа кассы учетно-продовольственного бюро Алексея Николаева, который до революции был ресторатором, а потому имел оборудование для общественного питания [5: 72].

В город проникали новые способы социальной коммуникации и трудового досуга. Речь идет о субботниках как способе празднования красных дат. Праздник как явление социальной жизни играет важную функцию социальной интеграции, и новая власть создавала с этой целью новые праздничные ритуалы. Практически меньше, чем через два месяца после взятия Ставрополя местный комитет профсоюза рабочих кожевенной промышленности наметил план празднования 1 Мая «путем общественных работ» [5: 226].

В новую систему координат пыталась встроиться церковь и ее структуры. Взявшись за переустройство местной жизни, Ставропольский революционный комитет приказом от 11 июня 1920 г. передал помещение Иоанно-Мариинского женского монастыря под социальные нужды. Был организован Детский городок, куда входили детский приют, ясли и приют для престарелых. В пользу сохранения монастыря выступили прихожане с соответствующим письмом, уповая на народную власть. Монахини также обратились с заявлением в губернский ревком «о возможности применения» их труда [5: 233]. Не зная, какой страшной трагедией для церкви обернется советская власть, некоторые священнослужители пытались искать хоть какие-то точки соприкосновения с большевиками: «Советская власть является защитницей и покровительницей трудового населения, монахини и послушницы всю жизни трудились и трудятся, трудятся и для себя, и для общества, и для государства» [5: 233]. Комиссия по ликвидации монастыря через два дня после обращения монахинь-насельниц (как отмечено в докладе комиссии, насельницам было больше 50 лет) разразилась докладом. Сама ситуация причудливо соединила новое и старое и показала, что при обоюдных попытках сблизиться уже шел дрейф в противоположные стороны. Комиссия видела в монастыре трудовую артель и помещение для дома материнства и детства, то есть объект мирского назначения [5: 235]. Однако важно то, что была возможна двусторонняя коммуникация, которую трудно помыслить в 1930-е гг. Отметим, что в докладе комиссии мы обнаруживаем исключительно рациональность и утилитарность, но не антирелигиозные мотивы.

С началом нэпа городская жизнь стала возрождаться. Как отмечает Е.В. Ногина, именно в условиях нэпа произошло в какой-то степени возвращение к дореволюционным механизмам развития. Возродились такие слои городской социальной структуры, как рантье, торговцы, ремесленники и т.д. Ожившие товарно-денежные отношения и промышленность стимулировали рост городского населения. На Ставрополье, согласно переписи 1923 г., Пятигорск и Ставрополь сосредотачивали более половины городского населения – 50,7 % [8]. В то же время в регионе, как и в Поволжье, в период перехода к нэпу разразился масштабный голод. Согласно сводкам ОГПУ за 1 и 2 апреля 1922 г. только в Ставропольском уезде Ставропольской губернии голодало 54 828 человек [10].

Усиление криминализации всего региона в таких условиях стало неизбежным следствием. Так, ОГПУ сообщало, что 31 марта 1922 г. в районе Георгиевска произошло объединение бандитских отрядов, в том числе их пополнение «якобы произошло за счет голодающих ставропольцев» [10].

Общество провинциального советского города, проходя через исторические метаморфозы, избавлялось от старых социальных делений и конструировало новые. После двух войн (Первой мировой и Гражданской) в стране появилось большое количество людей с физическими увечьями и ограничениями в трудоспособности. В 1922 г. был организован Всероссийский союз кооперации инвалидов. Инвалидная кооперация стала мощным инструментом возвращения в социум лиц с ограниченными возможностями здоровья. К 1926 г. в СССР насчитывалось 3987 инвалидных артелей [9]. Несмотря на достигнутые успехи, были случаи, когда инвалиды оказывались за бортом жизни. Ставрополец М.А. Иванов, представляясь «красным инвалидом» и «красным героем», требовал предоставить ему работу переписчика, журналиста, художника или даже чернорабочего на заводе [5: 128–129]. Здесь нам важен не только сам факт безработицы, но и новая социальная самоидентификация – «красный инвалид». Безусловно, данная ситуация индивидуальна, как и судьба М.А. Иванова, но специфика времени неизбежно накладывала отпечаток на социальное позиционирование населения. Попытки добиться справедливости в обращениях к власти логично сопровождались апелляцией к таким актуализированным эпохой социальным статусам. К службе в Красной армии апеллировал демобилизованный красноармеец, тоже инвалид, П. Шукалов, который просил местный собес о дополнительном пособии на диетическое питание. Казалось бы, эхо Гражданской войны в 1925 г. еще не утихло, а ее участнику в ставропольском окружном исполкоме отказали и ответили, что «хорошо кушать яйца с маслом, но этого окрисполком не в состоянии» дать [5: 287].

В плане оценки социальных явлений нэпа к моменту его свертывания в локальном сообществе Ставрополя мы можем наблюдать рост негативного восприятия «буржуев», к которым относили всех предпринимателей. Постепенно вырабатывалось нужное советской власти отношение к явлениям прежней, дореволюционной России. Горожанин Борковец в сентябре 1926 г. пожаловался на ватную

фабрику, находящуюся в центре города рядом со школой и производящую клубы пыли и большое количество мусора вокруг себя. Принадлежность ее «частным спекулянтам, а не кустарям» усугубляла ситуацию и, вероятно, давала возможность для положительного решения вопроса о переносе предприятия на окраину [5: 145–146].

В истории повседневности трудно стремиться к обобщениям. Ее сложная природа дает возможность увидеть многообразие судеб и вариативность проживания одной и той же исторической трансформации, ситуации и даже катастрофы разными людьми. Однако не следует отказываться от попыток уловить какие-то более или менее универсальные тенденции и приметы эпохи. Каждая из приведенных выше ситуаций маркирована 1920-ми гг. в разных их проявлениях: завершение Гражданской войны, военный коммунизм, нэп и т.д. В то же время специфика Ставрополя продолжала оказывать влияние на повседневную жизнь при советской власти. Полуаграрный характер, преобладание мещанства и купечества и малочисленность рабочих влияли на то, как город встраивался в новую советскую реальность.

Источники и литература

1. *Бахутов К.* Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2007. С. 106–196.

2. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение советской власти на Ставрополье (1917 – апрель 1921 гг.): сборник документов и материалов / изд. 2-е, дополн. Ставрополь, 1968.

3. *Булыгина Т.А.* История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 113–117.

4. *Булыгина Т.А.* Ставропольская повседневность в годы Первой мировой войны // Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны: материалы Международной научной конференции (Пятигорск, 28–30 ноября 2014 г.). Ставрополь, 2015. С. 100–117.

5. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1917–1929 годах: сборник документов / сост. Г.А. Никитенко, Т.Н. Колпикова. Ставрополь, 2009.

6. *Казанков А.И.*, *Лейбович О.Л.* Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 3 (38). С. 82–88.

7. *Кошарная Т.П.* Городское население Ставрополья и Терека в конце XVIII – XIX вв.: эволюция социально-правового положения, хозяйственного уклада и быта: дис. …канд. ист. наук. Ставрополь, 2007.

8. *Ногина Е.В.* Социокультурное развитие городского населения Ставрополья в 1920–1930-е годы: Опыт исторического исследования: дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

9. *Нуруллина А.И.* Кооперация инвалидов в России в 1920-е гг. как этап развития социальной работы // Социальные науки: опыт и проблемы подготовки специалистов социальной работы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 11–12 апреля 2006 г. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 120–124.

10. Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов: в 10 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. Т. 3: в 2 ч. Ч. 1. М., 2002. URL: https://istmat.org/node/23793 (дата обращения: 21.05.2024).

11. *Сургучев И.Д.* Большевики в Ставрополе. URL: http://ivanlyubenko.ru/i-d-surguchjov-bolsheviki-v-stavropole/ (дата обращения: 21.05.2024).

12. *Туркина В.Г.* Некоторые аспекты исследования советской повседневной истории // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2 (22). С. 107–112.

13. *Туркина В.Г.*, *Антонова Е.Л.* Советский город в пространстве советской повседневности // Colloquium-journal. 2019. № 21 (45). С. 24–27.

В.Н. Кальниченко

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ в 1929 г. (по материалам газеты «Большевистская смена»)

Революционные события 1917 г. породили новые визуальные образы, идеологические штампы (образы капиталистов-эксплуататоров), которые актуализировались в период острейших трансформационных процессов. В настоящее время в отечественной историографии накоплен значительный фактографический пласт, отражающий сложный и противоречивый характер государственно-конфессиональных отношений, а также неплохо представлена проблема изменения поведенческих и культурных практик на территории Северо-Кавказского края в 1920-е гг. При этом тема антирелигиозных мероприятий на местах, их характера, общих и особенных черт, проблем в проведении является недостаточно разработанной в современной исторической науке. Актуальность исследования подтверждается также необходимостью привлечения новых источников и методов.

Н.В. Сердюкова выделила характерные черты государственной политики для данного региона в указанный хронологический период, среди которых «вмешательство государства во внутрицерковные дела (в том числе неофициальная поддержка обновленческого движения), кампанейский характер мероприятий, направленных на развал Русской православной церкви», а также увеличение количества сект в регионе [14]. А.А. Шитова, обращаясь к проблеме становления новой праздничной культуры в рассматриваемом регионе, отмечает, что сельское население праздновало «официальные праздники и старые традиционные». Автор также

сообщает о значительной роли молодежи в реализации антирелигиозных мероприятий [18]. С.Н. Шаповалов также отмечает вовлеченность молодежи в проведение антирелигиозных праздников [17].

В некоторых публикациях рассматривается проблема противостояния канонических («тихоновцы») и неканонических (обновленцы, иосифляне) юрисдикций в Северо-Кавказском крае. А.М. Пантюхин привел количественные показатели, отражающие кризис канонической церкви, а также показал, что в конце 1920-х гг. были случаи взаимодействия между обновленческими сообществами и представителями «патриаршей юрисдикции» [10]. Нельзя не сказать о других религиозных группах данного региона. М.С. Башлаева рассмотрела положение мусульманского населения Северного Кавказа. По мнению автора, антирелигиозная кампания в данном регионе началась в 1928 г. с передачи «пятничных» мечетей в государственное пользование [1].

Цель данной статьи – рассмотреть антирелигиозные мероприятия в Северо-Кавказском крае в 1929 г. на примере газеты «Большевистская смена». Задачи настоящего исследования заключаются в описании антирелигиозных мероприятий в регионе, локализации основных очагов «религиозного дурмана» и выявлении регулярности публикаций на тему деятельности религиозных организаций.

Несколько слов необходимо сказать о самой газете. Она выходила ежедневно, в некоторых случаях номера объединялись и дополнялись. Общее количество страниц газеты от 4 до 8. «Большевистская смена» являлась органом Северо-Кавказского и Донского комитетов Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ).

Основными темами публикаций газеты «Большевистская смена» за исследуемый период были ситуация за рубежом (общественно-политический аспект), социально-экономические преобразования в стране (воскресники, красные обозы, индустриализация), изменение в образовании и культуре (ликвидация безграмотности, организация театрализованных представлений, цирк), идейно-политическая борьба (троцкизм, классовый враг), проблемы в комсомоле и пути их решения. Не последнее место в газете занимали публикации, затрагивающие классового советского врага – кулака, подкулачника и попа. Также следует отметить, что на страницах газеты упоминались представители исламского духовенства и разнообразные «сектанты».

В номере газеты «Большевистская смена» от 3 января 1929 г. опубликована заметка неизвестного автора (П-в.) «Сектанты пытаются отвоевать наших товарищей. Зорче следить за их деятельностью». В ней отмечалось, что в немецкой колонии Великокняжеской Невиномысского района Армавирского округа проживало много молодежи, в отношении которой необходимо проводить массовую работу: «карнавалы, агитповозки, справстолы, вечера молодежи и т.д.» [13: 3]. Здесь же выделялись причины неудачи местных органов в привлечении молодежи к иным практикам. Так, местная община менонитов использовала родной язык

(немецкий) в художественной деятельности ее членов, а комсомольская ячейка преимущественно использовала русский язык. Автор заметки отмечал неудачный выбор даты и времени проведения собраний партийной ячейки «в 1 час дня» в воскресенье. Следующая причина игнорирования молодежью советских мероприятий связывалась с их участием в свадебных мероприятиях [13: 3]. Спустя несколько дней вышла не менее эмоциональная статья, посвященная проблемам подготовки в перевыборы советов. Несмотря на яркий заголовок «Кулак и сектант прут», автор посвятил представителям религиозных организаций и кулакам всего одно предложение [6: 2].

В конце марта 1929 г. в газете появились статья «Классовый враг под маской колхоза» и несколько заметок на данную тему. В них в стиле советского фельетона описывалась работа сельскохозяйственной артели «Садопчел». В статье приводилось карикатурное изображение священнослужителя на фоне церковных ворот, за которыми виднелись три купола с крестами. Надпись на воротах «Фёдоровский монастырь» зачеркнута темной краской, на самих же воротах прибита надпись «Артель “Садопчел”». Изображение священнослужителя соответствует жанру и типу классового врага (крупногабаритных размеров, в черной рясе и в головном уборе). В данной статье представлен сюжет тайной корреспонденции, которая выявляла неофициальную деятельность монастыря. Автор обращал основное внимание на враждебные элементы церковной обрядности: «бум-м, бу-ум», «женские фигуры в черных монастырских рясах», «впереди всех сидит мать-игуменья». Здесь же представлен образ безвольного служителя церкви «святые матери эксплоатируют (так в статье. – *В. К.*) рассыпающегося от старости попа», а также «25 лишенок отлично живут за счет 19 работниц» [3: 2]. В статье прояснялась локализация бывшего монастыря «в семи верстах от Ростова» [3: 2].

Спустя месяц на страницах газеты развернулся неравный бой с деятельностью артели. В публикации автор специально обращал внимание органов власти и читателей на материальный фонд сельскохозяйственной артели. Он указывал, что данное предприятие регулярно получало кредиты от государства и Покровской церкви. Автор также намекал на некое покровительство районного исполкома (далее – РИК). Так, многочисленные ревизии Аксайского РИКа выявили лишь недостатки в «ведении культурно-просветительской работы» [5: 3]. Но в целом, артель характеризовалась как «культурная, крепкая, хозяйственная». Основной причиной разбирательства, по мнению авторов публикации, стало неаккуратное использование оружия. В действительности же основная причина заключалась в призыве монашествующих в «хут. Каменоломни против хлебозаготовок, скрывали в своих амбарах излишки хлеба» [5: 3].

20 мая в Новочеркасске было заслушано дело игуменьи «монашеского лже-колхоза Высоцкой с семью монахинями». В публикации прояснялись обстоятельства произошедшего: «одна из монахинь подстрелила мальчика из хутора Каменоломни, сидевшего за забором монастырского сада, решив, что он пришел воровать

фрукты» [5: 3]. 26 мая завершилось это судебное разбирательство. По решению суда имущество артели было конфисковано, а «Игуменья Высоцкая и ее помощница Дарья Шитикова осуждены на пять лет заключения. <…> Остальные шесть монахинь – на принудительные работы от шести месяцев до года» [5: 3].

В этом же номере была опубликована статья «Наглость классового врага» с описанием возмутительного поведения молодежи в отношении «комсомольцев гвоздильного завода» [8: 3]. На суд общественности было вынесено недостойное поведение «покровских хулиганов» в Краснодаре. Обстоятельства были следующими: «на возвращавшихся с прогулки комсомольцев… напала группа хулиганов в количестве 30 человек». Причиной физического противоборства стало нежелание комсомольцев прекратить исполнение антирелигиозных песен. С криками «бей комсомольцев и коммунистов» «покровские хулиганы» «набросились на них с финками и револьверами». Тяжело был избит секретарь партячейки [8: 3]. Центральное место в данной публикации заняли не столько результат столкновения, сколько причина и социальный состав «шайки» (сыновья торговцев и лица, лишенные прав).

В конце апреля 1929 г. на страницах газеты появились публикации, касавшиеся новых советских практик, употреблявшихся взамен религиозным. Так, в статье «Товарищи на карнавал» описаны торжественные звуки духовых оркестров, предвещавшие начало «ночного карнавала молодежи». К карнавальному циклу была разработана соответствующая программа, которая должна была включать «грандиозный маяк, установленный на грузовике», массовые танцы (спортивные и народные) и концертные номера. Все торжества должны были сопровождаться лозунгами «Да здравствует международная пролетарская солидарность!» [15: 1]. Данный номер содержал еще несколько публикаций антирелигиозного содержания: «Очнитесь, “непротивленцы”», «Под ударами сектантской общины», «Школяры посредники “Святого Духа”», «Делом бьем врага!», «Мы растем», «Вызов на пасхальный бой». Цикл публикаций вышел под общим названием «Неугомонный не дремлет. Сектантский “папа” – борется за молодежь. Контр-революция под маркой <благовестия>. Кадильный дым усыпляет классовую бдительность станичных коммунистов». В цикле публикаций поднимались следующие темы: оторванность молодых людей (мальчиков и девочек) от религиозных общин, отсутствие работы комсомольской ячейки, кружок безбожников и необходимость активизации его деятельности, порицание «пьяной пасхи» и проведение антипасхальных мероприятий [9: 2]. География описываемых событий разнообразна: ст. Григориполисская (Армавирский округ), Тихорецкая (Кубанская область), сл. Маньково (Донецкий округ), х. Новый Мир (Верхне-Донской сельсовет), Обливский район и др.

В этом же номере были и другие публикации подобного характера. Например, в статье «Под гнетом кирхи. Десять лет без советской власти» в самых красочных формулировках описывалась деятельность религиозной организации, в которой

по-прежнему «всеми делами заворачивала кирха (церковь) и церковный совет» на территории Кубанской области. Автор публикации указывал на необходимость ведения войны «с классовым врагом» [12: 4]. Заметка «Безбожная ночь» рассказывала о мероприятиях, проводимых в ночь перед Пасхой: «Сбор на демонстрацию по всем районам начинается в 9–30 вечера. На площадях состоятся короткие агитвыступления. В 10 часов вечера колонны демонстрантов с факелами, светящимися лозунгами, духовыми оркестрами, группами гармонистов, плясунов, рассказчиков, живыми газетами и т.д. проходят по городу» [2: 4]. В процессе шествия необходимо было делать остановки с музыкальными, художественными и агитационными выступлениями. Далее описывалось, что три агитационные группы с факелами направлялись в жилищно-арендные кооперативные товарищества, в красные уголки и приглашали к шествию рабочих и их семьи. Встреча районных колонн происходила на Будённовском проспекте г. Ростова-на-Дону [2: 4].

Несмотря на активный призыв авторов газеты к антирелигиозной деятельности комсомольских ячеек, на ее страницах снова и снова отмечались вопиющие ошибки политико-идеологического воспитания советской молодежи. В конце сентября была опубликована статья «Пионеры поют на клиросе», в содержании которой сообщалось не только о появлении пионеров на богослужениях, но и исполнении ими церковных гимнов на клиросе в ст. Константиновской [11: 2].

Во второй половине декабря в газетных публикациях постепенно вырисовывалось несколько центральных тем, характерных для данного периода. Практически каждый номер пронизан темами индустриализации, необходимости закрытия религиозных объектов, продления рабочих дней (воскресники), намеренного неучастия в церковных праздниках, проведения краевых курсов для горянок, раскрытия антиправительственных заговоров. Особое внимание уделялось индустриализации, данная тема раскрывалась в свете антирелигиозных настроений рабочих и молодежных групп. Отмечалось, что «в последнее время среди одесских рабочих развернулось массовое антирелигиозное движение… ежедневно поступают сотни заявлений рабочих и их семей с требованием закрытия церквей и синагог и передачи церковных колоколов в фонд индустриализации» [4: 1]. В том же номере была затронута тема закрытия религиозных объектов. Так, рабочая молодежь поддержала инициативу «закрыть очаг мракобесия – старый собор». Автор статьи сообщал о заинтересованной группе участников данной инициативы: «комсомольский коллектив совместно с беспартийными, рабочими, работницами» считают необходимым изъять церковное помещение и «настаивают на снятии колоколов со всех ростовских и краевых церквей» [16: 3].

Менее заметное место в публикациях отводилось «воскресникам», но к концу года риторика изменилась, и данная тема постепенно включалась в заметки о религиозных праздниках. Например, комсомольский коллектив «Красного Дона» принял «единодушное» решение работать в Рождество. Более того, коллектив

обязался отчислить «весь заработок за 25-е декабря в фонд коллективизации сельского хозяйства» [7: 1].

Подводя итоги настоящего исследования, следует обратить внимание на следующие аспекты. Газета «Большевистская смена» регулярно обращалась к проблемам работы комсомольских ячеек и местных акторов. Авторы публикаций для изображения классового врага использовали броские заголовки, яркие художественные образы, сатирические приемы. Интересно, что для публикаций первой половины 1929 г. было характерно противопоставление тех, кто эксплуатировал внутри религиозных организаций (игуменья, церковный совет, члены семьи) и тех, кого эксплуатировали («старый попик», «горянки»). В то же время трудовые практики в выходные дни («воскресники») освещались вне антирелигиозных мероприятий. Для второй половины 1929 г. наблюдалась иная тенденция. «Воскресники» постепенно стали наполняться антирелигиозным содержанием, особенно ближе к главным церковным праздникам (Рождество). В преддверии ключевых религиозных праздников (преимущественно христианских) частота появления подобных публикаций увеличивалась, усиливалась и их эмоциональная составляющая. Отметим также, что в данной газете в 1929 г. темы, связанные с религиозными организациями, встречаются довольно часто (минимум – через два номера, максимум – в каждом номере). Локализация описываемых сюжетов в основном представлена малыми населенными пунктами (слободами, станицами), нередко и крупными городами (Ростов-на-Дону, Краснодар).

Источники и литература

1. *Башлаева М.С.* Антирелигиозная политика советского правительства на Северном Кавказе в 1920-х – начале 1940-х гг. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 77–78.

2. Безбожная ночь // Большевистская смена. 1929. 30 апреля. № 98.

3. Классовый враг под маской колхоза // Большевистская смена. 1929. 27 марта. № 69.

4. Колокола – на заводы // Большевистская смена. 1929. 20 декабря. № 292.

5. Комсомол края сегодня. Колхоз имени «Большевистской Смены» // Большевистская смена. 1929. 29 мая. № 119.

6. Кулак и сектант прут. Нет боевого темпа // Большевистская смена. 1929. 5 января. № 3.

7. На «рождество» станки работают // Большевистская смена. 1929. 20 декабря. № 292.

8. Наглость классового врага // Большевистская смена. 1929. 29 мая. № 119.

9. Неугомонный не дремлет враг. Сектантский «папа» – борется за молодежь. Контр-революция под маркой <благовестия>. Кадильный дым усыпляет классовую бдительность станичных коммунистов // Большевистская смена. 1929. 30 апреля. № 98.

10. *Пантюхин А.М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в Северо-Кавказском крае во второй половине 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. II. С. 136–138.

11. Пионеры – поют на клиросе // Большевистская смена. 1929. 29 сентября. № 224.

12. Под гнетом кирхи. Десять лет без советской власти // Большевистская смена. 1929. 30 апреля. № 98.

13. Сектанты пытаются отвоевать наших товарищей. Зорче следить за их деятельностью // Большевистская смена. 1929. 3 января. № 1.

14. *Сердюкова Н.В.* Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: на материалах Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

15. Товарищи, на карнавал! // Большевистская смена. 1929. 30 апреля. № 98.

16. Церкви и синагоги – под очаги культуры // Большевистская смена. 1929. 20 декабря. № 292.

17. *Шаповалов С.Н.* Практика проведения антирелигиозных праздников на Кубани в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 2. С. 20–24.

18. *Шитова А.А.* Антирелигиозная борьба и изменения праздничных традиций в 1920-е годы // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 66–76.

С.А. Орешин

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. ДЕКАБРЬ 1994 – июль 1996 г.

После прихода к власти в Грозном сепаратистов во главе с Д.М. Дудаевым в 1991 г. Чеченская Республика в одностороннем порядке провозгласила независимость. Летом 1994 г. в Надтеречном районе, который никогда не подчинялся дудаевскому режиму, был образован Временный совет Чеченской Республики (председатель – глава администрации Надтеречного района У.Д. Автурханов) [9: 99]. 24 ноября антидудаевская оппозиция сформировала Правительство национального возрождения во главе с бывшим министром химической и нефтеперерабатывающей промышленности СССР С.Н. Хаджиевым [3: 165].

В конце 1994 г. Москва приняла решение о начале силовой операции с целью восстановления контроля над этим регионом и отстранения сепаратистов от власти. Соответственно, на повестке дня оказался вопрос о формировании новой пророссийской администрации, которая должна была прийти на смену режиму

Дудаева. 30 ноября президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал указ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», в соответствии с которым создавалась Группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики под руководством министра обороны Российской Федерации П.С. Грачева. На эту группу также возлагались обязанности обеспечения деятельности «особых форм управления на территории Чечни» [7: 14]. При этом не было конкретизировано, что же собой будут представлять эти органы управления, как и из кого комплектоваться, какой будет их сфера деятельности и полномочия.

К моменту вступления российских войск на территорию Чечни федеральный центр не только не создал органы государственной власти, но даже не разработал принципы их формирования. Антидудаевский Временный совет и Правительство национального возрождения пользовались негласной поддержкой федерального центра, однако их статус юридически закреплен не был. Объяснить это можно тем, что, с одной стороны, в Москве были уверены в том, что операция по отстранению сепаратистов от власти завершится в сжатые сроки, а с другой, не оставляли попыток урегулировать спорные вопросы путем компромисса с Дудаевым. Только спустя почти неделю после начала боевых действий, 17 декабря 1994 г. Б.Н. Ельцин подписал указ № 2200 «О восстановлении федеральных территориальных органов исполнительной власти на территории Чеченской Республики», в соответствии с которым было образовано Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти в Чеченской Республике (руководитель – министр по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации Н.Д. Егоров) [10].

18 декабря было принято Положение «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Чеченской Республике». Полномочный представитель подчинялся непосредственно президенту, нес перед ним персональную ответственность и получал чрезвычайно широкие полномочия [11]. Распоряжения полпреда были обязательны для исполнения всеми органами власти, организациями и учреждениями на территории Чечни «до восстановления в полном объеме на территории Чеченской Республики действия Конституции и законодательства Российской Федерации, стабилизации социально-экономической обстановки, а также создания конституционных органов представительной и исполнительной власти Чеченской Республики» [7: 32], при этом сроки их создания не оговаривались.

В ответ Дудаев обвинил российское руководство в стремлении ликвидировать чеченскую государственность. Оппозиция, которая выступала за союз с Россией, была дискредитирована, временное правительство С.Н. Хаджиева оказалось в тяжелейшем положении [5: 754]. В Москве поняли, что к созданию органов государственной власти в Чечне нужно привлекать самих чеченцев. Ставка была

сделана на руководителей антидудаевского Временного совета. 27 января 1995 г. Б.Н. Ельцин подписал указ «Об обеспечении условий для воссоздания конституционных органов власти в Чеченской Республике», предполагавший создание на базе Временного совета Комитета национального согласия Чеченской Республики. Территориальное управление должно было взаимодействовать с ним в поиске путей урегулирования кризиса в регионе [12]. Вместо Н.Д. Егорова руководителем Теруправления был назначен бывший секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Н.И. Семёнов, его первыми заместителями стали У.Д. Автурханов и С.Н. Хаджиев, а заместителями – вице-премьер Правительства национального возрождения, командующий вооруженными силами Временного совета Б.С. Гантамиров и бывший второй секретарь обкома КПСС Каракалпакской АССР В.Ю. Зорин [6: 32]. Комитет национального согласия должен был играть роль временного парламента Чеченской Республики и подготовить выборы в новый законодательный орган. Его возглавил бывший второй секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Л.Д. Магомадов, в годы перестройки зарекомендовавший себя как умеренный национал-демократ. Исполняющим обязанности полпреда Президента РФ в Чечне был назначен первый вице-премьер О.Н. Сосковец [6: 34].

2 февраля 1995 г. правительство Российской Федерации наконец юридически признало Временный совет Чеченской Республики органом государственной власти на территории, контролируемой к тому времени федеральными войсками. В Москве было открыто представительство Правительства национального возрождения, которое возглавил бывший народный депутат Верховного Совета РСФСР И.И. Алироев [6: 45–46]. 23 марта российский президент подписал указ «О временных органах государственной власти в Чеченской Республике», которым одобрил создание Комитета национального согласия Чеченской Республики в составе 45 человек под председательством У.Д. Автурханова на базе бывшего Временного совета, с включением в его состав депутатов бывшего Верховного совета Чечено-Ингушской АССР и наиболее авторитетных лидеров республики. Основными задачами Комитета национального согласия являлись поиск путей достижения примирения, разработка проекта конституции Чеченской Республики и подготовка нормативных актов о проведении свободных выборов в Чечне. Органом исполнительной власти вплоть до проведения выборов было официально признано Правительство национального возрождения во главе с С.Н. Хаджиевым, которое разместилось во взятом российскими войсками Грозном [13]. Правительство назначало глав администраций районов и городов и получило право кооптировать их в состав Комитета национального согласия [2: 140].

К середине 1995 г. в Чеченской Республике была создана система органов государственного управления, которые зачастую подменяли и дублировали друг друга, что не могло не приводить к конфликтам между ними. Она включала в свой состав Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти (Н.И. Семёнов), Правительство национального возрождения (С.Н. Хаджиев),

Комитет национального согласия (У.Д. Автурханов), Грозненское городское собрание, мэрию Грозного, Временное командование федеральных войск с разветвленной сетью комендатур.

Федеральный центр часто напрямую вмешивался в процессы, проходящие в Чечне, а при принятии ключевых решений не всегда считал нужным консультироваться с региональной администрацией. Так, во второй половине июня 1995 г. после террористического акта в Буденновске Кремль принял решение о начале переговоров с сепаратистами. Представители пророссийского правительства не всегда допускались к этим переговорам, а их содержание и принятые решения становились им известны позднее. Так, в конце июня Москва предложила в качестве достижения мирного урегулирования так называемый «нулевой вариант», который предусматривал уход в отставку и сепаратистского, и пророссийского руководства Чечни и замену его коалиционным правительством. Тем самым Кремль готов был распустить поддерживающую его администрацию, однако Дудаев отверг этот вариант.

Одновременно возобновилось соперничество между представителями старой номенклатуры, отстраненной от власти в сентябре 1991 г. (выразителем ее интересов был бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Д.Г. Завгаев), и умеренным крылом чеченского этнополитического движения, которое доминировало в Правительстве национального возрождения. Между Комитетом национального согласия и Правительством национального возрождения тоже не всегда обнаруживалось единство. 12 сентября 1995 г. Комитет на своем заседании даже поставил вопрос о доверии председателю правительства С.Н. Хаджиеву [9: 168]. Пытаясь достичь компромисса, У.Д. Автурханов и С.Н. Хаджиев предложили объединить Комитет национального согласия и бывший Верховный совет Чечено-Ингушской АССР в двухпалатный временный законодательный орган под председательством Р.И. Хасбулатова [4: 114]. Однако уже 24 октября Хаджиев и Автурханов под давлением Кремля, недовольного их излишней самостоятельностью, заявили о своей отставке. Новым председателем Комитета национального согласия был избран Л.Д. Магомадов, а Правительство национального возрождения возглавил Д.Г. Завгаев [7: 56].

Первоначально социальная база Завгаева была относительно широкой. Он пользовался значительной поддержкой в Надтеречном и Ножай-Юртовском районах, где проживали его родственники и сторонники. На его стороне были многие влиятельные представители старой партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, мечтавшие вернуться к власти. С другой стороны, его возвращение было крайне негативно воспринято сепаратистами, заявившими об отказе вести с ним какие-либо переговоры [1: 31]. 14–17 декабря 1995 г. в Чечне прошли выборы главы республики, победу в которых предсказуемо одержал Завгаев, получивший, по официальным данным, 60 % голосов. Сепаратисты, однако, обвинили федеральные власти в организации многочисленных фальсификаций

и подтасовок, а также в том, что к участию в выборах привлекались, помимо граждан республики, военнослужащие федеральных войск и милиции. Дудаев назвал выборы «постыдным фарсом», а Завгаева – «откровенным ставленником Москвы» [8: 27].

28 января 1996 г. Департамент по взаимодействию с регионами Российской Федерации Аппарата Правительства РФ предложил с целью уменьшения официального присутствия в Чеченской Республике федеральных органов власти преобразовать Территориальное управление в Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике. Такая мера, по мысли руководства Департамента, усиливала бы возможности для самостоятельных действий региональных властей, что позволило бы укрепить авторитет правительства Д.Г. Завгаева [2: 156–157]. После определенных колебаний Б.Н. Ельцин в начале марта распорядился преобразовать Территориальное управление в Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике. Его деятельность отныне сводилась к обеспечению координации деятельности территориальных органов федеральных министерств и ведомств по вопросам восстановления экономики и жизнеобеспечения в регионе, а также оказанию помощи в создании необходимых условий для восстановления и налаживания конституционных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в Чеченской Республике [2: 164].

14–16 июня 1996 г. в Чечне состоялись выборы в республиканское Народное собрание, которые сепаратисты и их сторонники бойкотировали (заявив в то же время о якобы многочисленных фальсификациях и подтасовках) [9: 191]. Народное собрание состояло из двух палат: законодательной и палаты представителей. Их возглавили бывшие партийные деятели ЧИ АССР А.А. Алавдинов и А.А. Осмаев, занимавшие последовательно пророссийские позиции и всегда выступавшие против выхода Чечни из состава России. 12 июля Президент Российской Федерации подписал указ № 1028 «О мерах по стабилизации деятельности органов государственной власти Чеченской Республики», в котором было заявлено о завершении процесса формирования конституционных органов власти в Чечне. Ими являлись глава Чеченской Республики, Народное собрание, правительство Чечни и главы районных администраций [14].

Однако уже в начале августа 1996 г. отряды сепаратистов внезапной атакой захватили Грозный, вынудив Завгаева и его министров спешно покинуть столицу и укрыться в Ханкале в расположении федеральных войск [5: 756]. Во второй половине августа российское руководство в лице секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебедя начало переговоры с лидерами сепаратистов. Попытки Лебедя договориться об участии в них Завгаева были последними категорично отвергнуты. Завгаев посчитал это закулисной сделкой, совершенной за его спиной, но у него уже не было сил и средств, чтобы предотвратить подобное развитие событий [9: 194]. После подписания 31 августа Хасавюртовских соглашений

Завгаев и члены его правительства вынуждены были покинуть Чечню и переехать в Москву. Реальная власть в республике перешла к лидерам сепаратистов во главе с преемником убитого Дудаева З.А. Яндарбиевым.

Подводя итоги, следует отметить, что в период проведения федеральными войсками операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. одной из важных проблем являлось создание дееспособных органов государственной власти. Они должны были, прежде всего, привлечь на свою сторону симпатии большинства населения республики и составить действенную конкуренцию сепаратистским властным институтам. Однако вплоть до начала операции и даже некоторое время после ввода войск в Кремле отсутствовало понимание, что они должны собой представлять и на каких принципах основывать свою деятельность. Федеральное правительство направило войска в Чечню, не предложив чеченскому обществу внятной политической альтернативы.

Процесс выбора модели государственного управления продолжался на протяжении всего вооруженного конфликта. Соответственно, региональные органы власти переживали постоянную трансформацию. На первом этапе (декабрь 1994 – март 1995 г.) российские власти попытались внедрить систему чрезвычайного управления, передав все властные полномочия укомплектованному российскими чиновниками Территориальному управлению федеральных органов исполнительной власти и аппарату Полномочного представителя Президента РФ. Однако эта модель очень быстро показала свою нежизнеспособность в чеченских реалиях.

Второй этап (март – ноябрь 1995 г.) представлял собой попытку привлечения к сотрудничеству в деле создания республиканских органов власти представителей антидудаевской оппозиции. Пророссийское Правительство национального возрождения получило юридическое признание, ему были переданы некоторые управленческие функции. Наряду с ним в качестве временного парламента функционировал Комитет национального согласия. Однако в действительности в Чечне сохранялось многовластие, федеральные структуры дублировали региональные и старались мелочно контролировать все их шаги. Военное командование вообще мало считалось с гражданскими властями. В результате эффективность работы региональных органов власти была небольшой, а популярность в народных массах – низкой.

Третий этап (ноябрь 1995 – август 1996 г.) был связан с попыткой опоры на представителей старой партийно-советской номенклатуры, свергнутых в 1991 г. К власти был возвращен бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Д.Г. Завгаев. Были упразднены многие чрезвычайные структуры, в частности Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти. В середине 1996 г. завершился процесс формирования конституционных органов власти в Чечне. Однако администрация Завгаева не смогла привлечь на свою

сторону большую часть населения. Значительная часть чеченцев рассматривала ее как марионеточную и коллаборационистскую структуру. Федеральные власти по-прежнему стремились жестко контролировать деятельность чеченских властей, отказывались передавать им значительную часть полномочий, не считали нужным учитывать их мнение при принятии важных решений. Премьер-министром завгаевского правительства был назначенный из Москвы чиновник Н.П. Кошман, который фактически осуществлял негласный контроль за деятельностью главы республики. На местах реальная власть принадлежала представителям военного командования, которые часто вообще не координировали свои действия с гражданской администрацией.

Всё это привело к дискредитации региональных властей, обусловило слабость пророссийской чеченской администрации и предопределило ее падение после подписания Хасавюртовских соглашений и последовавшего вывода федеральных войск из Чечни.

Источники и литература

1. *Бальбуров Д.* Президент Чечни Доку Завгаев: политический портрет // Россия и мусульманский мир. 1996. № 1 (43). С. 28–32.

2. *Бугай Н.Ф.* Чеченская Республика: конфронтация, стабильность, мир… (1990-е годы – начало XXI в.). М., 2006.

3. *Данлоп Д.* Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М., 2001.

4. *Дикаев В.Р.* Тенденции к стабилизации социально-политической обстановки и создание легитимных органов власти в Чеченской Республике в 1994–1995 гг. // Вестник Чеченского государственного университета. 2012. Вып. 2. С. 112–115.

5. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.

6. *Музаев Т.М.* Чеченская Республика: органы власти и политические силы. М., 1995.

7. Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996 / 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

8. *Ротарь И.* Выборы закончились, война начинается // Россия и мусульманский мир. 1996. № 1. С. 26–28.

9. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 5 т. Т. 3. М., 2002.

10. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1994 г. № 2200 «О восстановлении федеральных территориальных органов исполнительной власти на территории Чеченской Республики». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7336 (дата обращения: 09.01.2024).

11. Указ Президента Российской Федерации от 18.12.1994 № 2201 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Чеченской Республике». URL: https://www.lawmix.ru/expertlaw/252184 (дата обращения: 09.01.2024).

12. Указ Президента Российской Федерации от 27.01.1995 г. № 79 «Об обеспечении условий для воссоздания конституционных органов власти в Чеченской Республике». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7475 (дата обращения: 09.01.2024).

13. Указ Президента Российской Федерации от 23.03.1995 г. № 309 «О временных органах государственной власти Чеченской Республики». URL: https://docs.cntd.ru/document/9010897 (дата обращения: 09.01.2024).

14. Указ Президента Российской Федерации от 12.07.1996 г. № 1028 «О мерах по стабилизации деятельности органов государственной власти Чеченской Республики». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102042336&page=1&rd =0#I0 (дата обращения: 09. 01.2024).

И.Л. Жеребцов, В.В. Фаузер

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АВТОНОМИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.[1]

Территория современной Республики Коми длительное время была заселена в основном народом коми, хотя уже в первые века его существования в регионе появлялись иноэтничные переселенцы. К началу второй четверти XX в. подавляющее большинство населения составляли коми. Существовало несколько русских старожильческих населенных пунктов и групп поселений, сложившихся в конце XIV – начале XX в., и одно ненецкое [3; 4]. Представителей иных этносов почти не было; например, перепись 1926 г. учла в Коми автономии только одного представителя народов Северного Кавказа – осетина. В середине XX в. ситуация стала меняться, вначале главным образом за счет спецпереселений, ссылки, создания исправительно-трудовых лагерей, а затем – оргнаборов на промышленные предприятия. Перепись 1939 г. зафиксировала в Республике Коми 168 представителей народов Северного Кавказа, 1970 г. – 1605, в 1979 г. – 2640 [9].

В условиях демократизации общественной жизни в последние советские и первые постсоветские годы резко вырос интерес общественности к национально-региональной проблематике, появились национальные общественно-политические движения и национально-культурные объединения. Потребовалась разработка региональной национальной политики, учитывавшей новые реалии. Общий ход этнодемографических процессов на Европейском Северо-Востоке в конце XX – начале XXI в., влияние на них социально-экономической и общественно-

[1] Публикация подготовлена в рамках НИР «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (№ ГР 121051400048-0 (2021–2025 гг.)).

политической ситуации в стране достаточно обстоятельно рассмотрен в ряде публикаций [2; 5]. Задача настоящей статьи – показать, как с реализовывавшейся в Коми в постсоветский период национальной политикой было связано создание национально-культурных объединений народов Северного Кавказа.

К концу советского периода разительно изменился национальный состав населения Коми АССР [8]. Согласно данным последней советской переписи населения, в 1989 г. в республике проживало максимальное количество представителей северокавказских народов – 4877, в том числе 930 лезгин, 758 осетин, 537 чеченцев, 529 аварцев, 348 кабардинцев, 263 даргинца, 249 ингушей, 246 кумыков, 181 адыгеец, 149 балкарцев, 112 лакцев, 108 черкесов, 97 карачаевцев, 95 табасаранов, 75 ногайцев, 58 абазин, 37 рутульцев, 33 ассирийца (вероятно, в основном из Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области), 25 агулов, 24 горских еврея, 17 татов, 6 цахуров [9].

На рубеже 1980-х и 1990-х гг. основное внимание общественности и органов власти Коми в этнокультурной сфере уделялось проблеме сохранения и развития коми языка, традиционной культуры коми. Вскоре пришло понимание того, что в многонациональной республике нельзя оставлять вне поля зрения и другие этносы. 1 апреля 1993 г. был образован Государственный комитет Республики Коми по делам национальностей [1: 39–40], который сразу же подключился к работе с этническими землячествами. 20 июня 1994 г. было создано Министерство по делам национальностей Республики Коми (далее – Миннац РК) [1: 89–90]. Среди основных задач министерства были «содействие всем национальностям в свободном развитии родных языков <…> сохранении и развитии национальной культуры и народного творчества», «разработка предложений и рекомендаций по развитию форм национально-культурной автономии», а также «помощь в деятельности национальных культурных центров, ассоциаций, обществ, землячеств и других форм общественных организаций, объединенных на национальной основе» [1: 95–97].

Важным шагом стало принятие 24 апреля 1996 г. «Концепции государственной национальной политики Республики Коми», в которой констатировалось: «Многонациональный состав Республики Коми (более семидесяти национальностей) есть исторически сложившаяся реальность. Полиэтничность республики складывалась в силу естественных демографических и миграционных процессов, а также под влиянием факторов государственной политики» [1: 109]. В числе задач национальной политики назывались «использование интеллектуального потенциала диаспор через национально-культурные и другие общественные объединения», «обеспечение права национально-культурным объединениям Республики Коми на освещение своей деятельности в средствах массовой информации», «развитие системы национально-культурных центров, организационная, финансовая поддержка деятельности национально-культурных объединений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления» и др. [1: 112–113].

9 декабря 1996 г. был принят закон Республики Коми № 41-РЗ «О национально-культурной автономии», 28 июня 2005 г. – новый республиканский закон № 58-РЗ «О национально-культурной автономии в Республике Коми». По первому закону национально-культурные автономии (далее – НКА) могли быть республиканскими и местными (районными, городскими, поселковыми, сельскими). Республиканской признавалась национально-культурная автономия, действовавшая на территории двух и более районов, а местной – действовавшая в пределах территории одного района, города, поселка, сельсовета. Согласно новому закону, на территории муниципального образования создавались местные НКА. Несколько местных НКА из разных муниципалитетов могли образовывать региональную национально-культурную автономию.

В законе 2005 г. НКА определялась как «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства в Республике Коми, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [1: 202–205].

НКА имела право:

– получать от органов государственной власти и местного самоуправления поддержку, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры;

– обращаться в органы власти и местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы;

– участвовать в разработке и обсуждении проектов нормативных правовых актов Республики Коми, касающихся интересов автономий;

– создавать республиканские и местные средства массовой информации; получать и распространять в них информацию на родном языке;

– обладать доступом к национально-культурным ценностям народов, проживающих на территории Республики Коми;

– сохранять и обогащать национальное, историческое и культурное наследие своего народа; следовать национальным традициям и обычаям;

– отмечать национальные праздники, возрождать и развивать художественные и народные промыслы и ремесла;

– создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Коми;

– участвовать через своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций;

– устанавливать и поддерживать гуманитарные контакты с гражданами иностранных государств и их общественными объединениями.

3 марта 1997 г. была утверждена «Комплексная целевая программа реализации государственной национальной политики Республики Коми на 1997–1999 годы». Она предусматривала, в частности, «обеспечение реализации многообразных национальных интересов и создание условий для участия граждан всех национальностей в общественно-политических процессах через их национально-культурные объединения» [1: 127]. 6 марта 2000 г. утвердили «Программу реализации государственной национальной политики Республики Коми на 2000–2003 годы», в которой предусматривалось «содействие в проведении национально-культурными автономиями мероприятий, направленных на сохранение народных традиций, национальных праздников, национальных языков; содействие в проведении съездов и конференций общественных организаций, объединяющих представителей различных национальностей; координация деятельности национально-культурных автономий, их участие в разработке и реализации программ сохранения и развития национальных языков и культур; поддержка гуманитарных контактов национально-культурных автономий с общественными и государственными организациями на этнической родине» [1: 178].

Численность представителей северокавказских народов в Республике Коми в конце XX – первой четверти XXI вв. постоянно сокращалась. По переписи 2002 г. в регионе проживали 3889 представителей Северного Кавказа: 1198 лезгин, 418 осетин, 410 чеченцев, 374 аварца, 268 даргинцев, 198 кумыков, 191 кабардинец, 156 ингушей, 105 табасаранов, 94 лакца, 84 карачаевца, 64 адыгейца, 53 ногайца, 52 рутульца, 49 талышей, по 33 абазина и балкарца, 29 черкесов, 24 горских еврея, 19 агулов, по 16 цахуров и ассирийцев, 5 татов [9]. Согласно переписи 2010 г., в республике насчитывалось 1406 лезгин, 323 осетина, 311 чеченцев, 292 аварца, 251 даргинец, 201 ногаец, 142 кумыка, 128 кабардинцев, 123 ингуша, 116 табасаранов, 76 карачаевец, 61 лакец, 40 адыгейцев, 39 черкесов, 29 талышей, 28 агулов, 25 рутульцев, 21 балкарец, 15 цахуров, 14 абазин, 9 ассирийцев, 6 татов и 4 горских еврея, всего 3660 представителей народов Северного Кавказа [6].

15 апреля 2015 г. правительство Республики Коми утвердило «Стратегию национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года», 29 марта 2016 г. – План мероприятий по ее реализации в 2016–2018 гг. Немаловажное значение в реализации Стратегии имела вовлеченность в принятие решений общественности, диалог власти и гражданского общества. Важная роль в решении задач Стратегии отводилась Консультативному совету по делам национально-культурных автономий, объединений и общественных движений при Миннаце РК и институтам национально-культурных объединений, в числе которых были, в частности, лезгинская и аварская местные национально-культурные автономии, дагестанское национально-культурное общественное объединение.

В первом десятилетии XXI в. несколько более заметным было осетинское землячество – главным образом благодаря входившим в него известным региональным политикам Г.М. Дзуцеву и В.А. Габуеву. Руководителем осетинского землячества являлся Георгий Магомедович Дзуцев. В последние годы осетинское землячество в Сыктывкаре возглавлял Алан Туларович Маргоев. В качестве юридического лица организация не зарегистрирована.

В 2009 г. в Сыктывкаре образовалось дагестанское представительство (землячество), которое возглавил Шамил Сайгидахмедович Расулов. 19 января 2012 г. была организована национально-культурная автономия аварцев в Сыктывкаре. На учредительном собрании ее председателем был избран Ш.С. Расулов. 20 июля 2012 г. местная общественная организация Национально-культурная автономия аварцев в г. Сыктывкаре «Народы Дагестана» была зарегистрирована в качестве юридического лица. Ш.С. Расулов активно работал в Консультативном Совете при Миннаце РК. Под его руководством автономия занималась благотворительной и культурно-просветительской деятельностью, в том числе проводила ознакомительные мероприятия по уважительному и толерантному отношению к разным народам республики в дошкольных учреждениях Сыктывкара и его Эжвинского района, благотворительные рейды в многодетные семьи и детские дома. За время существования автономии аварцев она осуществила несколько десятков проектов, направленных на гармонизацию межнациональных отношений.

26 мая 2012 г. в г. Ухте состоялось учредительное собрание общественной организации «Ухтинская дагестанская диаспора». Ее председателем был избран Зияудин Махмудович Рамазанов. 10 сентября 2012 г. «Ухтинская дагестанская диаспора» («Диаспора Дагестан») была зарегистрирована в качестве юридического лица. Летом 2016 г. ухтинская дагестанская диаспора предложила провести в Ухте детскую национальную спартакиаду – праздник для дошкольников с национальными видами спорта разных народов; он получил название «Олимпик» и стал ежегодным.

17 июня 2017 г. общее собрание «Ухтинской дагестанской диаспоры» приняло решение о ликвидации организации и о создании новой организации, председателем которой избрали Абдулнасира Нурмагомедовича Алиметова. 15 ноября 2017 г. был принят устав местной общественной организации «Народы Дагестана» в г. Ухте. Официально ее зарегистрировали 16 февраля 2018 г.

В 2013 г. национально-культурная автономия Дагестана была создана в Воркуте. Ее возглавил Камалутдин Шамсулхудаевич Муратчаев. В июне 2013 г. в Воркуте состоялась городская конференция, посвященная межнациональным и межконфессиональным отношениям в городе. К.Ш. Муратчаев отметил необходимость регулярной и целенаправленной работы по вопросам сохранения своей этнической культуры и уважительного отношения к культуре соседствующих народов. Конференция проводилась при поддержке Миннаца РК. Министр Г.И. Габушева отметила важность форума и подчеркнула, что важно

беречь исторически сложившееся этнокультурное многообразие, взаимодействие, дружбу и согласие между народами, проживающими на территории Коми.

24 июля 2012 г. в поселке городского типа Усогорск была создана Лезгинская НКА в Удорском районе Республики Коми, зарегистрированная 31 декабря 2012 г. (председатель – Азим Магомедкамилович Пирисмаилов). С 31 августа 2012 г. по 19 апреля 2016 г. действовала Лезгинская НКА в Сыктывкаре (председатель – Камал Эльбрусович Кадиев).

24 октября 2013 г. руководители НКА Сыктывкара К.Э. Кадиев и Ш.С. Расулов проинформировали Миннац РК, что работа автономий велась планомерно, решались проблемы трудоустройства мигрантов-земляков, прибывших в республику на легальной основе, вопросы организации культурно-просветительских мероприятий, определения детей и молодежи в образовательные и спортивные учреждения республики. 17 февраля 2014 г. в Сыктывкаре организовали Коми региональную общественную организацию «Национально-культурная автономия лезгин». Председателем была избрана Аида Ибадуллаховна Тагирова. 17 марта 2014 г. НКА лезгин была официально зарегистрирована. Одним из первых ее мероприятий стал проведенный в Сыктывкаре «Праздник весны» Яран Сувар. Не позднее октября 2018 г. в Ухте была организована НКА чеченцев «Вайнах» («Наши люди»); ее руководителем был избран Магомед Омарович Солтымурадов. НКА кабардино-балкарцев в г. Усинске была организована после октября 2020 г. Ее возглавила Мадина Юрьевна Апанасова.

В 2021 г. в Республике Коми проживали 812 лезгин, 222 ногайца, 205 чеченцев, 164 аварца, 140 даргинцев, 116 осетин, 75 табасаранов, 70 кумыков, 53 кабардинца, 46 ингушей, 43 лакца, 42 талыша, 35 черкесов, 30 рутульцев, 17 адыгейцев, 16 карачаевцев, по 10 абазинов и балкарцев, 7 агулов, 5 цахуров, по 3 ассирийца и тата, 1 горский еврей, итого 2125 человек – меньше, чем в 1979 г. [10]. Уменьшилось и количество НКА народов Северного Кавказа. Миннац РК в 2021 г. назвал только пять: НКА аварцев в г. Сыктывкаре «Народы Дагестана», местная общественная организация «Народы Дагестана» в г. Ухте, Автономия народов Дагестана (г. Воркута), НКА кабардино-балкарцев (г. Усинск) и НКА чеченцев «Вайнах» («Наши люди») (г. Ухта) [7].

В заключение приведем слова руководителя НКА аварцев в Сыктывкаре Ш.С. Расулова: «Наш Дом дружбы абсолютно соответствует своему названию. Все мы тут живем очень дружно, ходим друг к другу в гости, все концерты и вечера открыты для всех. Не случайно же украинские стихи читают на арабском, лезгинку танцуют русские, а в еврейскую воскресную школу ходят коми дети. В Коми нет межнациональной напряженности даже на бытовом уровне» [11].

Источники и литература

1. Документы по истории Министерства национальной политики Республики Коми и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков) / сост. Е.Н. Рожкин, М.В. Таскаев. Сыктывкар, 2013.

2. *Жеребцов И.Л.* Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 87–98.

3. *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75.

4. *Жеребцов И.Л.* Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 54–62.

5. *Жеребцов И.Л.*, Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Демография, труд, расселение населения в Республике Коми: историография середины XX – начала XXI в. // Историческая демография. 2019. № 2 (24). С. 67–74.

6. *Жеребцов И.Л.*, Фаузер В.В. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Историческая демография». 2023. № 8. С. 98–106.

7. Народов много – республика одна. Информационный сборник. Сыктывкар, 2021.

8. *Подоплелов В.П.*, *Фаузер В.В.*, *Загайнова Г.В.* Население Коми АССР: Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО АН СССР 17 мая 1990. Сыктывкар, 1990.

9. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты. Сыктывкар, 2023.

10. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.*, *Васкул И.О.*, *Фаузер Г.Н.* Роль народов Кавказа в колонизации и освоении Республики Коми // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 246–254.

11. Шамил Расулов: «Наши добрые дела видит Всевышний» / Беседовала П. Романова // Регион. 2019. № 4. С. 20–23.

З.А. Чомаев

ИСЛАМСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ НА ЦЕНТРАЛЬНО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ХАНАФИТСКОГО МАЗХАБА (на примере Карачаево-Черкесской Республики)

На сегодняшний день актуален вопрос о религиозной принадлежности тех или иных народов, проживающих на территории многонационального и многоконфессионального Кавказа. Найти общий язык между разными

этнорелигиозными объединениями помогают веками сложившиеся традиции, такие как гостеприимство, уважение к старшим, веротерпимость. Важную роль в налаживании межнационального согласия играет мусульманское духовенство, призывающее последователей ислама придерживаться традиционных ценностей и умеренных взглядов. Традиционализм помогает мирно сосуществовать на одной территории разным этническим группам. Поэтому государство и народ поддерживают приверженцев традиционных взглядов. Традиционными обычно считаются те школы и течения, которые веками существовали на данной территории, гармонично взаимодействуя с местными обычаями и традициями. Обычно традиционалистами называют приверженцев мазхабов (учений), сформировавшихся в ранний период ислама. Принятие ислама многими народами Кавказа способствовало их дальнейшему развитию, так как «введение шариатских норм стало подлинным прорывом на пути к созданию у горцев зачатков гражданственности», – справедливо замечает Р.Т. Хатуев [4].

На территории Центрально-Западного Кавказа издревле бытует суннитский ислам ханафитского толка. В восточной части Северного Кавказа (Дагестан, Чечня) в основном доминирует шафиитский толк. Данная ситуация указывает на то, что исламские идеи проникали на территорию Большого Кавказа разными путями и исходили от разных проповедников. Как известно, в Закавказье (Азербайджан) ислам представлен в основном шиитской школой. На данной территории наблюдается иранское влияние. Каждая из перечисленных школ и течений имеет свою историю возникновения и распространения. На территории современной России и на постсоветском пространстве большинство тюркоязычных народов придерживаются ханафитского мазхаба (татары, башкиры, карачаевцы, балкарцы, частично ногайцы). Исключение составляют тюркоязычные народности Дагестана (например, кумыки). Также данного мазхаба придерживаются кабардинцы, черкесы, абазины, адыгейцы и др. В центральной части Кавказа присутствует турецкое и среднеазиатское влияние. Как известно, в Османской империи и в странах Средней Азии бытовал именно ханафитский толк со всеми вариациями.

После присоединения Кавказа к России данная территория подпадает под российскую юрисдикцию. Многие государственные советники предлагали без посредничества духовных лиц, напрямую воздействовать на жителей присоединенных территорий. Но, несмотря на это, в 1788 г. по указанию Екатерины II был образован Оренбургский муфтият. Исторически сложилось так, что по отношению к суннитской части были созданы духовные управления (муфтияты), которыми руководили лояльные властям муфтии. Над шиитскими общинами главенствовал шейх *аль-ислям*. После 1990-х гг. верующие предпочли ту же модель, которая существовала в царское время, но с небольшими оговорками. В советское время государственная политика по отношению к исламу и мусульманам была разной: от признания до полного отрицания. В 1917 г. в известном обращении «Ко всем

трудящимся мусульман России и Востока» [2: 35] верования и обычаи мусульманских народов были объявлены «неприкосновенными». История показала, что это было сделано только для того, чтобы приверженцы ислама поддержали советскую власть в период ее становления. В дальнейшем конфессиональная политика СССР изменилась. После отделения «церкви от государства» в 1918 г. мусульманские организации и правовые институты полностью лишились своих полномочий. Позже начались репрессии и гонения на духовенство. По некоторым подсчетам по всей стране в репрессиях погибло от 30 до 50 тыс. представителей мусульманского духовенства. Около 12 тыс. мечетей было закрыто или разрушено [3]. Последнее постановление правительства по «усилению борьбы с исламом» вышло в 1986 г. После распада СССР в 1991 г. Карачаево-Черкесская автономная область была преобразована в Карачаево-Черкесскую Республику. С этого времени начинается новейшая история данной территории.

Необходимо обратиться к истории становления теологических школ, существующих на Кавказе. Как известно, после смерти пророка Мухаммада и его сподвижников начинают формироваться разные школы, направленные на изучение и сохранение исламского наследия. Также наряду с этим появляется множество течений, имеющих разные религиозно-политические мотивы. Особое место занимает суннитское направление, претендующее на первенство в отражении истинных исламских ценностей. Приверженцев данного направления исторически называли *Ахлю Сунна*, т.е. приверженцами Сунны (подлинного пути Пророка). Данное направление в исламе считается основным, базовым. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство приверженцев ислама (около 90 %) и на сегодняшний день относят себя к суннитам, подчеркивая этим свою принадлежность к традиционному исламу, восходящему своими корнями к самому Пророку.

Известный исламский ученый Абу аль-Хасан аль-Аш‘ари (873–935 гг.) приверженцев данного направления в исламе называет *асхаб аль-хадис уа ахль ас-сунна* («владеющие хадисами и принадлежащие Сунне»). Согласно его определению, это те, кто верят «в Аллаха, в Его Ангелов, в Его книги, в Его посланников и во все то, что они передали от Аллаха, также в то, что передают заслуживающие доверия информаторы от посланника Аллаха (Мухаммада. – *З. Ч.*), (да будет над ним мир), и не отрицают из перечисленного ничего» [1: 290].

К такому определению склоняются и большинство ранних исламских ученых. Как видно из сказанного, к X в. суннитский ислам был уже сформирован как основное течение, признанное крупными богословами и простыми последователями.

На основе изучения суннитского ислама формируются четыре крупные религиозные школы *мазхабы*. Одним из самых распространенных становится ханафитская школа фикха, которая своими корнями восходит к крупному куфийскому ученому Ну‘ману б. Сабит Абу Ханифе (699–767). Ханафитский маз-

хаб опирается на мнения многих ученых, которые, согласно сложившейся традиции, делятся на классы. Привилегированное место в данном направлении занимают Абу Ханифа и его три ученика: Абу Юсуф, Мухаммад аш-Шайбани и Зуфар. Они считаются муджтахидами (т.е. учеными, имеющими право и возможности определять основные векторы развития мазхаба). Их мнение является доминирующим. Последующие ученые считаются менее значимыми для мазхаба. Однако, надо отметить, что именно они систематизировали и сохранили имеющееся наследие. К ним можно отнести таких деятелей, как Ибн ʻАбидин, аль-Муасили, ас-Сархаси, аш-Шурунбуляли и др.

Большую роль в распространении данного мазхаба и становлении его как основного государственного течения сыграл выдающийся ученый Абу Юусуф, ученик Абу Ханифы. Он стал первым верховным кадием Халифата. Как известно, эту должность предлагали и самому Абу Ханифе, основоположнику мазхаба, но он отказался от нее.

Было бы неправильно считать одного человека основоположником данной религиозной школы. Абу Ханифа, по описаниям, будучи проницательным юношей, усердно практиковался в *каляме*, который к тому времени успел взбудоражить умы многих последователей ислама. Средневековый арабский калям представлял собой философскую систему, опирающуюся иногда на логику и совпадающую, а порой и противоречащую принципам ислама *макасид аш-шариʻа*. Через какое-то время, поняв истинную суть каляма, Абу Ханифа оставляет занятие этим ремеслом и присоединяется к тем, кто непосредственно изучает исламский *фикх*. Со временем он становится одним из выдающихся учеников известного ученого того времени Хаммада. 18 лет вплоть до его смерти Абу Ханифа неотлучно следует своему учителю. Согласно воспоминаниям современников, когда умер Хаммад, все впали в уныние и находились в ожидании того, кто же сможет заменить его. Когда на место Хаммада был назначен Абу Ханифа, все вздохнули с облегчением. С этого времени Абу Ханифа возглавил куфийскую школу исламского фикха. Стоит отметить, что территория Ирака играла важную роль в истории Арабского халифата. Еще при жизни имама Али ставка была перенесена из Медины в Багдад. Многие сподвижники Пророка Мухаммада переселились туда. При халифе Умаре б. аль-Хаттабе официально в Ирак были направлены два выдающихся сподвижника Пророка: Аммар б. Йасир и Абдаллах б. Масʻуд. Аммар был назначен эмиром, а Ибн Масʻуд – визиром и учителем веры. Последний прожил долгую жизнь. Говорят, что Абу Ханифа, будучи юношей, с ним пересекался. Таким образом, куфийская школа фикха восходит своими корнями к известным сподвижникам Пророка Мухаммада.

Ханафитский мазхаб отличается своей гибкостью, приземленностью, не возлагает на своих последователей неисполнимых задач, для решения возникших вопросов предлагает пользоваться таким видом доказательств, как *кияс* (проведение аналогии). Во многих постановлениях ученые ханафитского мазха-

ба пользуются таким доводом, как *истихсан*, который учитывает интересы простых граждан. Также ученые этого мазхаба разрешали толкование и объяснение труднопонимаемых мест Корана.

Очень сложно на сегодняшний день точно определить время проникновения идей ханафитской школы на территорию Карачаево-Черкесии. По-видимому, данный мазхаб появился здесь с приходом ислама. Большую роль в распространении исламских идей в этом регионе сыграла Османская империя. Имеется много сведений о том, что мусульманское духовенство указанной территории получало образование в Стамбуле. Важную роль в формировании ханафитских идей сыграла и депортация карачаевского народа в Среднюю Азию в 1940-е гг. Как известно, жители среднеазиатских республик придерживаются ханафитского фикха.

На сегодняшний день в Карачаево-Черкесской Республике мусульмане составляют около 70 % населения. Это в основном карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы. Имеется более 100 зарегистрированных мусульманских общин. Все официальные имамы поддерживают духовное управление республики, которое было создано в 1991 г. На территории республики функционируют более 130 мечетей. Проповеди в мечетях ведутся на русском и национальных языках. В 1993 г. открыт Карачаево-Черкесский исламский института им. имама Абу Ханифа, готовящий кадры для духовного управления.

Таким образом, большинство имамов в Карачаево-Черкесской Республике являются выпускниками местного исламского вуза, где готовят знатоков ханафитского фикха. В соответствии с этим почти все обряды, связанные с присутствием духовных лиц, совершаются по ханафитскому мазхабу (коллективные молитвы – ежедневные, пятничные или праздничные, обряды, связанные с деторождением и бракосочетанием (никах), похоронно-поминальные обряды, которые не проводятся без присутствия местного имама).

Источники и литература

1. *Аль-Аш‘ари Абу Хасан*. Макалят аль-исламиин. Аль-Мактабат аль-‘арабия. М., 2005.

2. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.

3. *Житенев Т.Е.* Ислам в России: вехи истории // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 4. С. 35–42.

4. *Хатуев Р.Т.* Эмансипация горянки: правовой приоритет шариата (на примере Карачая и Балкарии) // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск, 2009. С. 274–282.

Н.В. Кратова

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Религиозное просвещение и образование стали важным направлением деятельности исламских объединений в постсоветский период. Получает развитие система начального (мектеб), среднего (медресе) и высшего (институт) исламского религиозного образования. В настоящей статье мы рассмотрим, как эти процессы проходили на территории Карачаево-Черкесской Республики (далее – КЧР) с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Начальное мусульманское образование. Численность примечетских школ и количество обучающихся достаточно сильно колебалось. Информация об открытии при религиозных обществах школ появляется в 1990 г. Создание начальных мусульманских школ, в которых обучали не только детей и молодежь, но и взрослых проходило в течение всего постсоветского периода.

Из графиков, составленных автором на основании отчетов о религиозной ситуации в Карачаево-Черкесии в 1990–1997 гг. (рис. 1, 2), видно, что количество примечетских школ и учащихся существенно колебалось. После 1997 г. этот показатель вообще перестал фиксироваться в отчетах. Характерно, что школы создавались далеко не при всех мечетях, а со временем их число существенно сократилось.

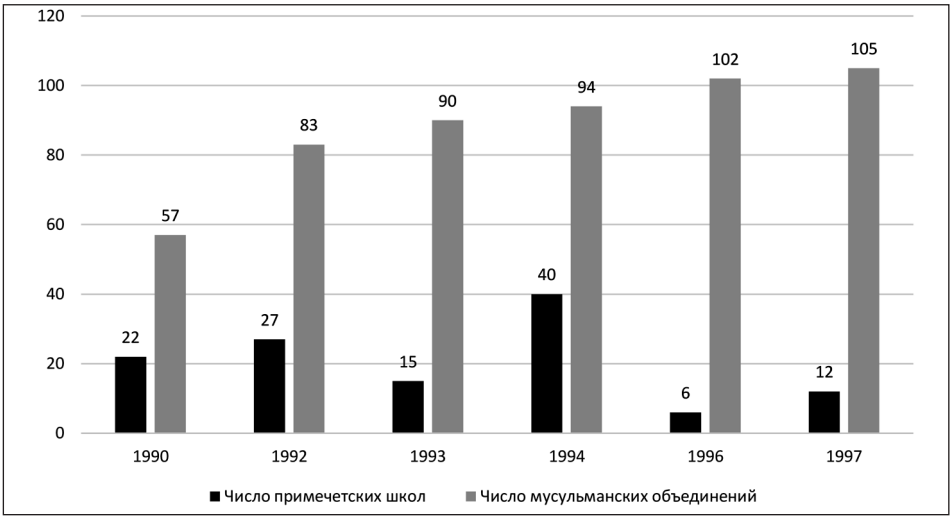


Рис. 1. Соотношение численности примечетских школ и мусульманских религиозных объединений. 1990–1997 гг.

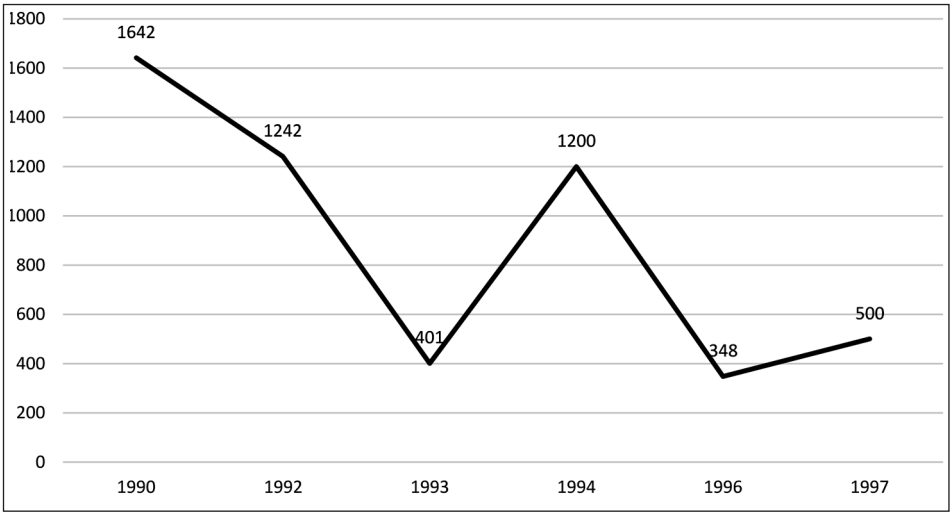


Рис. 2. Динамика численности учащихся в примечетских школах КЧР. 1990–1997 гг.

Активное создание в начале 1990-х гг. примечетских школ (мектебов) вызвало необходимость разработки единой программы обучения. Такая программа была утверждена на II Внеочередном съезде мусульман Карачаево-Черкесской автономной области и Ставропольского края в 1991 г. Весь курс начального религиозного образования разбивался на четыре раздела. Учащийся постепенно должен был получить представление и практические навыки в совершении омовения, намаза, познакомиться с Кораном, историей его ниспослания пророку Мухаммаду, усвоить основы арабской грамоты, изучить основные суры Корана и тафсир.

Знакомство с основами шариата включало изучение порядка совершения джаназы-намаза, условий держания уразы, совершения закята и выполнения некяха [14]. Вопрос об унификации религиозного образования был поднят и в 1996 г. на IV Очередном съезде мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья. Съезд принял решение «О единой системе мусульманского образования и просвещения», согласно которому контроль за соответствием процесса обучения в мектебах программе, утвержденной на II съезде, возлагался на созданный в 1993 г. Карачаево-Черкесский исламский институт им. имама Абу-Ханифа. Институт признавался основным и ведущим учебно-методическим центром мусульманского образования и просвещения на территории КЧР и Ставропольского края [6: 14, 15].

На практике религиозная школа была весьма условным понятием. Как правило, это были разновозрастные группы по изучению арабского языка и основ ислама, с которыми занимался местный имам. Занятия проводились нерегулярно и достаточно бессистемно, в основном в летне-осенний период. Практиковались и факуль-

тативные занятия с учащимися в общеобразовательных школах республики [11]. Впрочем, эта работа велась нерегулярно из-за нехватки кадров духовенства. Чаще всего занятия имели форму разовых встреч с учащимися и педагогами. Интересно, что записывалось на религиозное обучение большое количество (до 200–300 и более) человек, а затем, когда начинались занятия, многие отсеивались. В среднем на одну школу у мусульман приходилось 46 учащихся. Исключением являлись мусульманские школы в Малокарачаевском районе, которые даже в зимнее время посещали до 200–300 человек. Обучение в них велось по группам 10–20 человек [11]. Курс обучения длился 3–6 месяцев, а затем набирали новую группу [4].

Характерно, что начальное религиозное образование давали и в медресе. Сегодня обучение азам ислама, наряду с профессиональным религиозным образованием, в республике осуществляют четыре зарегистрированных медресе. По факту, наличие религиозной школы при мечети зависит от активности и авторитета имама.

В 1994 г. появляются сведения об обучении исламу детей на дому. Преподавание вели женщины в группах по 3–7 человек, обучали чтению Корана, арабскому алфавиту, умению молиться [3].

Другой формой религиозного просвещения стало обучение детей основам ислама в общеобразовательных школах во внеурочное время. С 2007 г. в нескольких школах Малокарачаевского района после уроков с детьми проводились регулярные занятия по основам ислама. Учителями выступали либо имам-хатыбы мечетей, либо их представители, имеющие богословское образование. В каждой из этих школ занятия посещали до 120–140 учащихся 5–10 классов. Уроки проходили на русском языке. Помимо собственно исламского вероучения, внимание уделялось воспитательным моментам. Планирование и разработка занятий каждым преподавателем производилось самостоятельно. В работе использовались материалы Карачаево-Черкесского исламского института и другая доступная литература. Однако учебной программы, учебников и методических разработок, позволяющих проводить занятия по единой системе, создано не было.

События всей постсоветской эпохи подтвердили необходимость религиозного просвещения как одной из важнейших форм профилактики религиозного экстремизма. Проблема сохраняет актуальность по сей день и находит понимание у высшего мусульманского духовенства республики. Ректор Карачаево-Черкесского исламского института Мухаммад-хаджи Батчаев отмечал, что после разработки и внедрения единых образовательных стандартов для высших и средних исламских учебных заведений, утвержденных Советом по исламскому образованию, пришло время упорядочить работу на низшем, базовом уровне. Именно на этом уровне необходимо формировать у ребенка систему морально-нравственных ценностей и знакомить с традиционным пониманием исламского вероучения [2].

Средне-профессиональное религиозное образование. В 1993 г. в с. Учкекен Малокарачаевского района было открыто исламское среднее учебное заведение – медресе «Аль-Исламийа», в котором обучались 147 детей и 26 человек старше 20 лет [4]. В 1997 г. здесь обучались 150 человек, из них 120 детей [10]. В этот же период было открыто медресе в Черкесске. Однако оба учебных заведения практически сразу после открытия оказались под контролем сторонников религиозного экстремизма, а потому к концу 1990-х гг. были закрыты. Источниками финансирования медресе в с. Учкекен выступали зарубежные центры из Саудовской Аравии и Азербайджана. Руководитель медресе лично разрабатывал программы обучения, не согласовывая их ни со светскими властями, ни с Духовным управлением [8]. Суть проводимого в этом медресе обучения емко выразил один из его выпускников: «Это не ислам, это путь к смерти». «Студенты» проходили здесь интенсивную идеологическую обработку и вовлекались в террористическую деятельность [5: 1, 2].

В 2011 г. в с. Учкекен Малокарачаевского района была зарегистрирована Исламская духовная профессиональная образовательная организация «Медресе-интернат Карачаево-Черкесской Республики». Основателем и бессменным директором медресе является Мухаммад Эркенов. В 2014 г. медресе получило лицензию на осуществление образовательных программ, направленных на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций.

За 10 лет работы медресе по разным программам здесь прошли обучение 1726 детей и подростков, которые усвоили базовые знания основ ислама. Из них получили профессиональное образование 38 человек. 27 человек стали хафизами – выучили весь коранический текст наизусть. Выпускники медресе работают имамами и преподавателями в 14 регионах России. Многие выпускники продолжают обучение в Пятигорском государственном университете по специальности «Теология» [7].

В настоящее время по программе подготовки имам-хатыбов обучается три группы студентов общей численностью 30 человек. Кроме этого, ведется подготовка хафизов (10 человек). 20 человек обучается по программе начального религиозного образования. Ежегодно при медресе организуются детские летние лагеря, в которых отдыхают свыше 100 человек [1].

В республике также зарегистрированы медресе в ст. Зеленчукской Зеленчукского района (2019), с. Чапаевском Прикубанского района (2022) и в г. Усть-Джегута (2024). Все они взяли за основу формат работы Медресе-интерната КЧР в с. Учкекен, однако образовательную лицензию не получили и в состав Совета по исламскому образованию не входят.

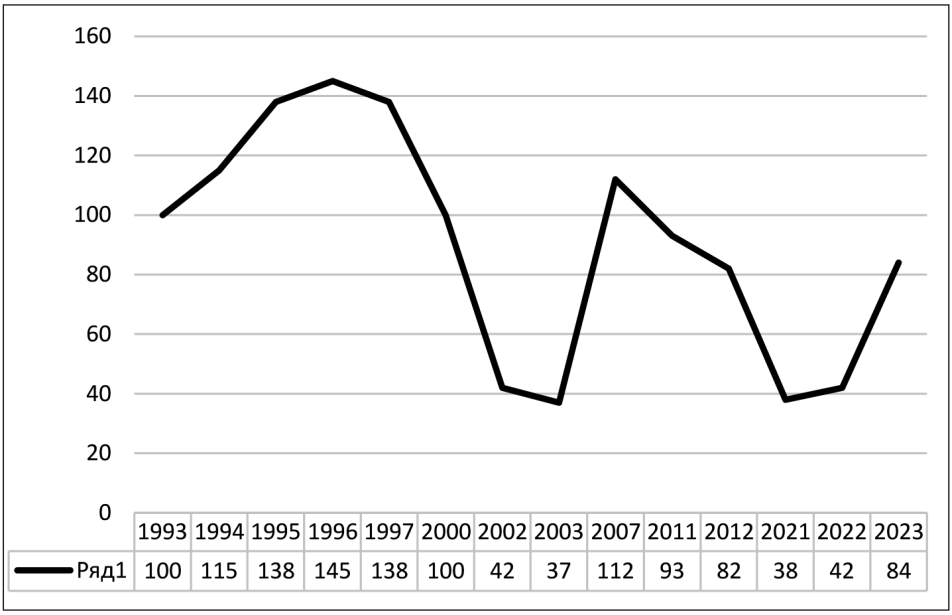
Высшее исламское образование. Образовательным учреждением, осуществляющим подготовку по программе высшего исламского образования, является Карачаево-Черкесский исламский институт им. имама Абу-Ханифа. Институт был создан 23 августа 1993 г.

Основателем и ректором института вплоть до своей смерти в 2009 г. был Исмаил-хаджи Бостанов. После его трагической гибели в сентябре 2009 г. институт возглавил Расул Узденов. С апреля 2021 г. ректором является Мухаммад-хаджи Батчаев. Национальный состав студенческого и преподавательского коллектива достаточно пестр: здесь есть представители разных народов, включая русских. Но на учебный процесс и характер взаимоотношений это практически не влияет. Изучение обычаев и традиций народов республики входит в программу института. Конфликтов и трений на национальной почве здесь не возникало даже в периоды обострения межэтнических отношений.

Помимо ребят, которых готовили к работе в мечети, в институте учились и девушки. Предполагалось, что они, получив квалификацию богослова, будут преподавать в примечетских школах.

Сразу после открытия в 1993 г. в институте получало высшее духовное образование 100 человек [9].

Как видно из графика (рис. 3), составленного автором на основании отчетов о религиозной ситуации и интервью с ректорами Исламского института Исмаилом-хаджи Бостановым и Мухаммадом-хаджи Батчаевым, число обучающихся в институте сильно колебалось. Подъемы и спады числа обучающихся напрямую связаны с общественно-политической ситуацией в регионе, а также положением в самом институте.



	1993	1994	1995	1996	1997	2000	2002	2003	2007	2011	2012	2021	2022	2023
Ряд1	100	115	138	145	138	100	42	37	112	93	82	38	42	84

Рис. 3. Динамика численности студентов в Карачаево-Черкесском исламском институте им. имама Абу-Ханифа, 1993–2023 гг.

Прямым следствием повышения качества обучения стал рост числа студентов. Существуют разные мотивы для поступления в институт. По оценкам ректора Мухаммада-хаджи Батчаева, половина абитуриентов мотивирована, приходит в институт после окончания или нескольких лет обучения в медресе, то есть они обладают базовыми знаниями об исламе, владеют арабским языком, навыками чтения Корана и намерены по окончании института работать имамами в мечетях. В то же время часть абитуриентов основ религии не знает, и приходится тратить целый год на обучение чтению Корана и другим базовым вещам. Это обусловливает необходимость организовать при институте подготовительные курсы. Важным условием для поступления в институт является рекомендация имама, что тоже должно способствовать поступлению подготовленных, мотивированных абитуриентов [2].

Долгое время не удавалось решить вопрос с получением лицензии на осуществление образовательной деятельности. Лишь в 2003 г. институт наконец получил лицензию, которую впоследствии продлевал [12]. В 2018 г. институту была выдана бессрочная лицензия.

Учебная программа изначально была составлена на основе программы Ташкентского исламского института. В 2007–2010 гг. институт принял участие в масштабном федеральном проекте создания системы мусульманского религиозного образования и мусульманского организационно-кадрового обеспечения. Подробный анализ этой программы дал И.В. Понкин [13]. Мы же лишь отметим, что предложенный программой формат взаимодействия религиозного и светского вуза оказался крайне неэффективным как минимум по причине отсутствия в курирующем вузе квалифицированных теологов и религиоведов. Взаимодействие очень быстро приобрело формальный характер, а разрабатываемая в светском вузе учебная и методическая литература не находила практического применения в условиях религиозного учебного заведения. Ситуация изменилась лишь после создания в 2010 г. Совета по исламскому образованию и внесения в 2016 г. соответствующих поправок в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», регламентирующих порядок обучения религии и получения религиозного образования.

Сегодня институт работает по направлению подготовки 48.03.01 «Теология» (уровень бакалавриата) в соответствии с требованиями ФГОС высшего образования и по направлению «Подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций» в соответствии с профильным образовательным стандартом, утвержденным Советом по исламскому образованию.

С момента создания для работы в институте привлекались зарубежные специалисты, в том числе из старейшего исламского университета Аль-Азхар. В настоящее время в штате института числится 18 преподавателей, в том числе четыре преподавателя фикха и арабского языка из Аль-Азхара.

Институт располагает собственной библиотекой. В учебном процессе используется современное оборудование: оснащено несколько компьютерных классов, имеется копировальный центр.

С апреля 2024 г. указом муфтия Исламскому институту поручена разработка образцовых хутб для использования во всех мечетях республики, возобновлено проведение курсов повышения квалификации для имам-хатыбов.

Переходя к выводам, отметим, что на сегодняшний день в республике сформировалась трехуровневая система исламского образования, позволяющая получить знания о вероучении ислама от базового до профессионального уровня. В целом эта система решает как вопросы духовно-нравственного просвещения, так и задачи подготовки и переподготовки кадров мусульманского духовенства.

В то же время остаются и нерешенные проблемы. Прежде всего, не налажено взаимодействие между медресе и исламским институтом. Начальное исламское образование не носит системного характера. Вместе с тем наметившиеся тенденции в развитии исламского образования в стране и республике позволяют надеяться на позитивный результат.

Источники и литература

1. Интервью с директором Медресе-интерната Карачаево-Черкесской республики Мухаммадом-хаджи Эркеновым. Малокарачаевский район, с. Учкекен, 6 июня 2023 г.

2. Интервью с ректором Карачаево-Черкесского исламского института им. имама Абу-Ханифа Мухаммадом-хаджи Батчаевым. Черкесск, 1 июня 2023 г.

3. Информация о деятельности религиозных объединений на территории КЧР по состоянию на 1 января 1995 г. (копия) // Личный архив автора (далее – ЛАА).

4. Информация Уполномоченному Совмина КЧР по связям с религиозными организациями Проваторову Н.Г. [1993 г.] (копия) // ЛАА.

5. *Кратов Е.* Дорога, которая не ведет к храму // День республики. 2020. № 129 (20233). 3 сентября.

6. Материалы IV Очередного съезда мусульман КЧР и Ставропольского края. 30 марта 1996 г. г. Черкесск. 1996 г. // ЛАА.

7. О медресе. URL: https://medresekchr.ru/o-medrese (дата обращения: 01.06.2024).

8. О результатах проверки деятельности исламского института в г. Черкесске, медресе в Малокарачаевском районе и религиозных обществ в г. Карачаевске. Информационная записка на имя Председателя Правительства КЧР В. И. Нещадимова № 290-1-99 от 03.11.99 (копия) // ЛАА.

9. О религиозной обстановке в КЧР в 1993 году. Информационная записка (копия) // ЛАА.

10. О религиозной обстановке в КЧР в 1997 году. Информационная записка (копия) // ЛАА.

11. О состоянии государственно-церковных отношений в Карачаево-Черкесской республике [в 1992 г.] (копия) // ЛАА.

12. Отчет о религиозной ситуации в 2003 году (копия) // ЛАА.

13. *Понкин И.В.* О содержании, направленности и последствиях реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах. Аналитическая записка. URL: https://www.state-religion.ru/index.php?id=15&p=post (дата обращения: 01.06.2024).

14. Протокол II Внеочередного съезда мусульман КЧАО и Ставропольского края. Г. Черкесск. 6 марта 1991 г. (копия) // ЛАА.

РАЗДЕЛ 4
Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XVIII–XXI вв.

О.Б. Клочков

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ – РОДИНА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО САДОВОДСТВА

Биологическое существование человека невозможно без регулярного поступления в его организм жизненно необходимых веществ, среди которых немаловажное место занимают витамины. Они способствуют нормальному развитию организма, а их недостаток может вызвать потерю работоспособности, что было особенно важно для истории развития человеческого общества. Первоначально витамины накапливаются в растениях, а потому их выращивание становится для человека жизненно необходимым. Еще в глубокой древности – около 10 тыс. лет назад – начался процесс окультуривания различных растений. Несколько позже – около 6 тыс. лет назад – началось окультуривание плодовых деревьев: финиковой пальмы, яблони, груши, персика, вишни и др.

До сих пор в научной среде продолжаются споры об ареалах происхождения культурных растений, в том числе плодовых деревьев. Большинство ученых считают родиной подавляющей части плодовых деревьев территорию так называемого «Плодородного полумесяца» (Передняя Азия, Малая Азия, Иран, Туркменистан) [10]. Другие же утверждают, что родиной основных культур плодовых деревьев является Кавказ и Средняя Азия [1: 7].

Первые упоминания о развитии садоводства на Северном Кавказе связаны с процессом колонизации древними греками Черноморского побережья Кавказа. В то же время можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что садоводство на Северном Кавказе было автохтонным, имеющим собственную историю в связи с тем, что эта территория могла быть местом зарождения

некоторых плодовых культур, например, яблони. Это, в частности, подтверждается тем, что до сих пор существует дикий кавказский ее вид. Это означает, что местные племена могли начать пользоваться плодами деревьев и до греческой колонизации [15: 13].

Традиция садоводства на Северном Кавказе прослеживается и в Новое время. Это подтверждается многочисленными свидетельствами западноевропейских путешественников, купцов и дипломатов (фактически – разведчиков), которые побывали на Северном и Северо-Западном Кавказе в XVII–XVIII вв. [2; 8; 13; 16]. При этом большинство из них утверждают, что занятие садоводством не носило на Северо-Западном Кавказе характера регулярного, промышленного занятия. Очевидцы чаще всего говорят о диких, невозделанных садах, которые дают хоть и многочисленные, но низкокачественные плоды.

В течение XVIII–XIX вв. территория Северного Кавказа перешла под контроль Российской империи. В регионе появились казачьи войска, стали распространяться великорусские и малорусские хозяйственные занятия и обычаи. Однако процесс этот шел довольно медленно. Продолжавшаяся до 1864 г. Кавказская война фактически ставила крест на занятии садоводством, которое подразумевало систематический уход за растениями и крупные капиталовложения. В условиях войны это было невыгодно.

В то же время российская администрация на Кавказе регулярно предпринимала усилия для того, чтобы убедить русское население заниматься садоводством, видя для его распространения прекрасные природно-климатические условия. Так, например, в 1840-х гг. в Екатеринодаре, ставшем центром переселившегося на Северо-Западный Кавказ Черноморского казачьего войска, был организован войсковой сад с питомником [12]. Эта инициатива исходила от главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова. В середине 1840-х гг. исполняющий обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал Г.А. Рашпиль обратил на это внимание войсковых окружных администраций, настоятельно требуя от них распространять среди русского и горского населения культурное садоводство. В результате число садов в Черномории во второй половине XIX в. начало увеличиваться, хоть и медленно [7: 112].

Однако решительного перелома на протяжении XIX – начала XX в. в занятии садоводством так и не произошло. В Кубанской области оно по-прежнему носило вспомогательный характер и, несмотря на достаточно большое количество садов, промышленного характера не имело. И это при условии, что руководство Кубанским казачьи войском отмечало чрезвычайно благоприятные почвенные и природно-климатические условия Кубанской области для занятия садоводством, особенно районы левобережья Кубани и приморских территорий Темрюкского отдела [9: 121].

Причин тому было несколько. Северный Кавказ в целом и Кубанская область в частности рассматривались в основном как территории выращивания зерновых

культур. Немалые территории именно в Кубанской области были заняты гораздо более высокодоходными виноградниками. Местное казачье население не обладало необходимыми агрономическими знаниями и не стремилось к их приобретению. В то же время в Черноморской губернии именно в результате пропаганды занятия садоводством и организованной властями губернии бесплатной раздачи саженцев садоводство стало популярным, эффективным и рентабельным, принося ее населению до 1/5 валового дохода Черноморской губернии [11: 67–68].

Таким образом, в дореволюционное время на Кубани и Северном Кавказе садоводство дольше других сельскохозяйственных занятий продолжало сохранять черты натурального хозяйства. Немногочисленные примеры попыток создания садов промышленного типа (в районе Лабинска, в Черноморской губернии) не могли изменить общую экономическую ситуацию.

Не сильно изменилась ситуация – как на Северном Кавказе, так и в СССР – после революции и Гражданской войны. Садоводство и виноградарство оценивались как отсталые, сохраняющие черты натурального хозяйства виды деятельности, количество садов сокращалось. Так, по данным Народного комиссариата земледелия Северо-Кавказского края, в 1925 г. они занимали 226,7 тыс. десятин, а уже в следующем году площади, ими занимаемые, сократились вдвое – до 109 тыс. десятин [4: 89].

Ситуация резко изменилась с принятием в Советском государстве курса на индустриализацию. Одним из его проявлений должно было стать резкое увеличение рабочего населения, проживающего в городской местности и лишенного возможности получать витамины из растений в окружающей сельского жителя среде. Появилась необходимость в снабжении городов и рабочих поселков плодовой продукцией, с помощью которой рабочие могли бы восполнять баланс витаминов в организме и не снижать работоспособность. Кроме того, индустриализация должна была коснуться и сельского хозяйства, став «рычагом» его интенсификации. В СССР в это время осознали, что экспорт плодов и фруктов может обеспечить стране поступление валютных ресурсов, а продажа их на внутреннем рынке – национальной валюты. И те, и другие средства можно было бы направить на реализацию амбициозных планов индустриализации. Однако, как отмечали некоторые специалисты, это требовало развития садоводства [5: 21].

Весной 1928 г. вышло постановление Совета народных комиссаров СССР о развитии плодоводства и виноградарства. Последовательно подобные документы стали приниматься на нижестоящих уровнях – в союзных республиках, краях, областях. В рамках РСФСР была поставлена задача увеличить площади, занимаемые плодовыми насаждениями, сразу на 55 % – с 343 тыс. га до 530 тыс. га. На Северном Кавказе в течение первой пятилетки планировалось заложить плодовые сады на площади 1700 га, из них 600 га – в Кубанском округе.

При этом основное внимание уделялось не расширению колхозных садов, а созданию крупных плодовых совхозов с площадью насаждений не менее 50 га.

Их поддержка и распространение должны были служить обеспечению политического присутствия государства в деревне, а также вести за собой процесс модернизации садоводства [14: 167].

В первую очередь предполагалось развитие плодоводства в Северо-Кавказском крае, считалось, что производство плодовой продукции здесь более выгодно, чем в Крыму или Закавказье. При этом еще раз делался акцент на том, что это развитие должно осуществляться через создание крупных садовых совхозов [6: 152].

На тот момент (конец 1920-х гг.) в состав Северо-Кавказского края входили территории нынешних Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, а также современных республик Северного Кавказа. В качестве критериев выбора конкретных территорий для организации плодовых совхозов были выдвинуты наличие железнодорожной сети и степень ее развития, наличие запасов дешевой воды для организации полива, уровень развития плодоводства и его товарность. В соответствии с этими критериями наиболее подходящим руководству Северо-Кавказского края виделся именно Кубанский округ, который опередил Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, Майкопский, Терский и Таганрогский отделы [5: 412].

Выбор конкретного места закладки плодового совхоза был доверен специалисту по садоводству Северо-Кавказского краевого сельскохозяйственного треста Г.С. Жуку. Он отправился в командировку на Кубань, обследовав Черноморский, Кубанский, Армавирский округа и Адыгейскую (Черкесскую) автономную область. Предпочтение Г.С. Жук отдавал именно Кубанскому округу, так как он, по мнению специалиста, отличался от других территорий лучшим составом почв, наличием доступных водных ресурсов для полива, развитой сетью речных и железнодорожных путей и существованием плодовых питомников. Всё это делало Кубанский округ, по мнению Г.С. Жука, будущим центром промышленного производства плодовой продукции, от которого шло дальнейшее развитие садоводства в крае. В рамках Кубанского округа наиболее привлекательно выглядел Славянский район. В частности, он отличался тем, что здесь было довольно много индивидуальных крестьянских садоводческих хозяйств, продукция которых шла на экспорт – в Великобританию, Швецию и Норвегию. Недаром в ст. Славянской к этому времени успешно функционировала Северо-Кавказская контора по экспорту яблок [5: 229].

В конечном итоге на северной окраине ст. Славянской в конце сентября 1929 г. была осуществлена посадка первых 300 га плодовых деревьев в рамках организованного здесь совхоза № 28 «Сад-Гигант». Название было говорящим: уже в 1930 г. площадь садов в новом совхозе увеличилась более чем в семь раз и составила почти 3000 га. В 1933 г. площадь совхоза составила более 5500 га при площади садовых насаждений более 2800 га [3: 6]. Совхоз долгое время носил почетное звание самого большого в Советском Союзе и в Европе. Для посадки были выбраны в основном зимние сорта яблонь, плоды которых отличались высокой лежкостью

и могли транспортироваться на большие расстояния. Тем самым совхоз имел ярко выраженную экспортную направленность. Предприятие существует и сейчас как акционерное общество «Сад-Гигант», являющееся одним из крупнейших производителей плодовой продукции в России.

Источники и литература

1. *Гегечкори Б.С.* Плодоводство: курс лекций. Ч. 4. Частное плодоводство. Краснодар, 2010.

2. *Главани К.* Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана в Бахчисарае, 20 января 1724 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Xaverio_Glavani/text.htm (дата обращения: 02.03.2013).

3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 5. Д. 108.

4. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 16. Д. 143.

5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 1510. Оп. 1. Д. 241.

6. ГАРО. Ф. 1510. Оп. 1. Д. 293.

7. *Клочков О.Б.*, *Генерал Г.А.* Рашпиль и его военно-политическая и государственно-административная деятельность в контексте интеграции горских сообществ в Российскую империю. Славянск-на-Кубани. 2009.

8. *Монтрэ А.* Путешествие господина А. де ла Монтрэ в Европу, Азию и Африку. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1700-1720/de_la_Motre_Abri/text1.htm (дата обращения: 02.07.2024).

9. О состоянии области и войска за 1907 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, под ред. Д.М. Мартыненко // Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1908. С. 1–116.

10. Происхождение и распространение основных плодовых растений. URL: http://agrolib.ru/books/item/f00/s00/z0000040/st003.shtml (дата обращения: 07.07.2024).

11. *Ратушняк В.Н.*, *Кумпан В.А.* Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики: Очерки социально-экономического развития. Начало и конец XX века. Краснодар, 2007.

12. *Садковская О.Г.* Об учреждении Екатеринодарского войскового сада и переходе его в статус парка. URL: https://slavakubani.ru/p-service/public-service/?ELEMENT_ID=5290 (дата обращения: 02.06.2024).

13. *Тавернье Ж.Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет, с особыми заметками об особенностях религии, управления, обычаях, торговли каждой из этих стран вместе с мерами, весами и стоимостью обращающихся денег. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1620-1640/Tavernier/text1.htm (дата обращения: 02.06.2024).

14. *Трофимова А.И.* Механизм совхозообразования в начале 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера РСФСР) // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33): в 2 ч. Ч. 2. С. 167–170.

15. *Тхагушев Н.А.* Садоводство адыгов: народные традиции, описание сортов, лесосады. Майкоп, 2008.

16. *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 году. // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1700-1720/Ferrand/text1.htm (дата обращения: 02.06.2024).

Р.М. Султанбеков

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ В СОЮЗАХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА (на примере Сюргинского союза)

В рамках натурального хозяйства в обществах Сюрга, как и в других обществах Дагестана, развивалась торговля и обмен внутри самого союза, и с другими феодальными владениями и обществами. Обмен продуктами у даргинцев был напрямую связан с процессом географического разделения труда. По мнению М.О. Османова, «постоянные обменные связи могли возникнуть только с образованием крупных политических объединений, т.е. со второго тысячелетия н.э.» [3: 52]. Нам думается, что данное мнение правильное, так как ранее этого времени обменные связи сложиться не могли из-за частных столкновений между родовыми поселениями.

Особое развитие обменные связи получают в связи с зональной специализацией. В XIX в. у даргинцев мы наблюдаем следующую специализацию по зонам: нижнее предгорье – зерно, крупный рогатый скот, верхнее предгорье – крупный рогатый скот и меньше зерна, горная зона – овцы, крупный рогатый скот, зерно, горно-долинная – сады, овцы, крупный рогатый скот, зерно [6: 233; 14: 7]. Таким образом, судя по этой специализации, основными продуктами обмена у сюргинцев могли выступать крупный и мелкий рогатый скот и продукты животноводства.

Торговля в Дагестане вплоть до присоединения к России носила меновый характер. В качестве эквивалента обмена здесь выступали котлы, бараны, шкуры и др. вещи. Но это не значит, что жители Сюрга не знали денег. В известном летописном своде «Тарихи-Дагестан» рубежа XV в. в тексте «Перечня податей Шамхалу» указывалось, что ни земли, ни аулы, перечисленные там, кроме Сюрга, не платят деньгами. «Общество Сирхи платит подать – 1 дирхему с каждого дыма» [8: 23]. Об этом пишет Р.М. Магомедов, он задается вопросом: «Откуда же у сирхинцев деньги (дирхемы)?» Продолжая свою мысль, он указывает далее «на хорошо налаженные торговые связи сирхинцев» [7: 192].

О широком хождении иностранных монет на территории Сюргинского союза свидетельствуют и сохранившиеся названия иностранных монет, использовавшиеся для обозначения денег более позднего времени (советского периода). Например, *шагьи* (5 коп.), *гIяппаси* (20 коп.), *къуруш* (1 руб.), *тумен* (10 руб.), *къаракепек* (медные деньги). Названия данных монет связаны в основном с правлением в Иране шаха Аббаса I, в Дагестане они распространялись с XVII в. [11: 92]. Начиная с XVIII в., после похода Петра I в Дагестан, всё большее распространение получают российские монеты. О хождении здесь серебряного российского рубля свидетельствуют и материалы из «Адатов Сюргинского общества», где в качестве платы взимаемого штрафа выступает серебряный рубль [1: 78].

Сама специфика географического и ремесленного разделения труда привела к возникновению достаточно больших постоянных базаров. Еженедельные базары проходили в крупных населенных пунктах, таких как Дербент, Маджалис, Кумух, Уркарах, Урари, Урахи, Тарки, Эндирей и др. [10: 262, 265, 268].

Центром обмена и торговли внутри союза Сюрга являлось Ураринское общество [10: 267], где по вторникам собирался базар. На Ураринский базар для обмена товара приезжали не только жители Сюрга, но и жители других даргинских обществ. Таким образом, это был базар не только местного, но и регионального значения.

Каждое село или группа сёл специализировались на поставке определенных товаров. Так, Сутбук, Урцаки, Бакни, Хуршни поставляли молочные продукты (сыр, масло); Нахки, Нацы, Карбучи-махи – откормленных баранов, сушеное мясо, курдюки; Цугни, Гулебки, Ургани, Гуладты – ремесленные изделия из кожи и овчин, а также сукно; Урари, Уркутта, Урхнища – живой скот (телок, бычков, ослов) [12: 100].

Сюргинцы, как и все остальные горцы Дагестана, сами приезжали на плоскость за зерном. Называлось это у сюргинцев «тащща». Отмечая эту особенность, И.Г. Гербер писал о Кайтаге: «Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают» [4: 83].

Обмен и торговля, в особенности с появлением базаров, стали носить регулярный характер. Об этом свидетельствует и твердо установившаяся местная система мер весов, которая была распространена без больших изменений во всех обществах союза. Для измерения емкости сыпучих тел жители Сюрга, как и все остальные даргинцы, использовали единицу измерения *барха*, равную 16 кг. Более мелкой единицей измерения сыпучих тел являлся *сяхI*, который равнялся 2,5 кг. Мерой веса мяса, сыра, сала, меда, урбеча являлся *ратIал*, равный 4 фунтам, или 2,4 кг [12: 101].

Единицей измерения длины являлся *декI*, равный длине локтя, или 50 см. Также мерой длины был *чIим* – расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами. Эти меры длины применяли в торговле сукном и веревками.

Для отдельных жителей обществ Сюрга торговля становилось основным занятием. Торговцев в Сюрга называли *базриган* или *вачрукья*, а сам процесс торга – *вачар*. По данным 1880-х гг., всего торговцев в обществах Сюрга насчитывалось 32 человека [11: 68], из них пятеро торговцев красными товарами. Больше всего торговцев имелось в обществе Цугни – 10 торговцев, в Гулебки – восемь торговцев, в Хуршни – пять торговцев, в Мирзидта – четыре торговца, в Урари и Карбучи-Махи – по два торговца [5: 68, 70]. География торговых связей сюргинцев была обширной, о чем свидетельствует запись в посемейных списках жителей Сюргинского наибства Даргинского округа 1886 г.: «Из сел Хуршни: Ибрагим Карим оглы – Торговец. Имел свидетельство, выданное Нухинской уездной комиссией от 30 июля 1886 г. за № 686» [16: 53].

Еще ранее, в XVIII в. жители общества Сюрга вели торговлю через посредников в лице армян и евреев. Так, Д.И. Тихонов писал, что жители Сюрга «произведения из своих округ продают армянам и жидам (евреям. – *Р. С.*), которые приезжают к ним всегда» [13: 134].

С Дербентом жители Сюрга торговые связи поддерживали издавна, так как это был единственный рынок, где можно было приобрести товары, поступающие из России и Персии. О важности торговых связей сюргинцев с Дербентом говорит тот факт, что в качестве принудительных мер к повиновению царская власть применяла метод «заарестование сюргинцев, прибывавших в Дербент по торговым делам» [17: 181].

Иногда сюргинцы сами играли роль посредников в торговле между отдельными обществами. Так, жители общества Урцаки покупали нефть на плоскости в уцмиевом владении и ишачьим вьюком, в бурдюках доставляли в Кумух, где ее продавали с выгодой для себя. Назывались они *тIагIне*. Таким способом на одном ишаке можно было перевезти от 80 до 100 л нефти [12: 102].

Внешние связи жителей Сюрга не ограничивались только территорией Дагестана. Сюргинцы, как и другие горцы, в основном ходили в Нуху и Шемаху, где продавали сукно и паласы и покупали там шелковые и хлопчатобумажные ткани, а также посуду. О торговых связях сюргинцев писал и Д.Н. Анучин: «Сукна (в кусках около 10–15 аршин, стоимостью в 5–10 руб.) делаются почти во всех домах и отвозятся раз в год, двумя-тремя из жителей, в Нуху» [2: 399].

Наряду с географическим и ремесленным разделением труда в развитии обмена и торговли важную роль играет наличие транспорта и путей сообщения. Много было дорог, которые связывали Сюргинский союз сельских общин с другими обществами соседних союзов сельских общин и феодальных владений. Так, одна из «арбенных дорог шла от Акуша через Согни (Цугни) в Кюлюли (Кюра)» [9: 325], таким образом связывая Сюрга с Акуша-Дарго и Кюринским ханством. Более удобная колесная вьючная дорога шла через Урари, с проездом арбы, которая вязывала Сюрга с равнинным Дагестаном через Кубачи, Уркарах, Маджалис [15: 179].

Через территорию союза проходила дорога, ведущая из равнины в Лакию по маршруту: Маджалис – караван-сарай – Уркарах – Кища – Харбук – Хуршни – Мирзидта – Гуладты – Урари – Лакия. Дорога, ведущая от селения Харбук в Хуршни, называлась «Лакакла гьуни», т.е. «Лакская дорога». Другая дорога, также идущая из равнины в горную часть Сюрга, проходила немного по иному маршруту: Маджалис – караван-сарай – *жугьут къатти* – Кала Корейш – Кубачи – уркутла гьуни – Урари – Цугни и далее в Кумух.

Из Нацы, Нахки в Дербент вела дорога по маршруту: Нацы – Нахки – р. ХалахIеркI – Урари – Халакъатти – Бакни – Сутбук – Урцаки – УрцIмуцци – жугьут къатти – караван-сарай – Маджалис – Мамедкала и Дербент.

Во владения Тарковского шамхальства вела дорога Урари – Бакни – Сутбук – Шулерчи – Хула къатти (Буган) – Уркарах – Дибгаши – Силли къатти – ХIулли – Башлы – далее на главный тракт и до г. Тарки.

Существовала дорога, соединяющая общество Сюрга с Цудахаром. Она шла из Нацы через Тантинский перевал – ХIяпшима – Шухты – Акуша – Цудахар и далее в аварские земли; можно было проехать на арбе.

В Кумух вела дорога от Урари – Цугни – Нахки – Нацы – гора Ценау (Шуну-Даг) – Вихли – Кумух. Существовала другая вьючная дорога в Акуша и Цудахар, ведущая из Кубачи – Урцаки – Сутбук – Бакни – ХулахIеркI – Хуршни – перевал «Лис» – Бутри – Акуша – къадар Дубур – Цудахар.

Сюргинцы вели оживленную торговлю с Шемахой через известную дорогу Урари – Нахки – Нацы – Ценау Дубура (гора Шуну-даг) – Вихли – Кумух – Хосрек – Чирагъ – Курах – Закаталы [12: 106].

Более удобные колесные дороги появились уже во второй половине XIX в., после введения в Дагестане военно-народного управления и вовлечения его в более активные капиталистические отношения с Россией.

Таким образом, торговля жителей Сюргинского союза в основном носила внутренний, обменный характер, свойственный натуральному хозяйству. Хотя в начале XIX в. с проникновением в Дагестан товарно-денежных отношений торговые связи сюргинцев расширяются, они активно вовлекаются в торговые отношения с соседними обществами и феодальными владениями. Урари – главное селение Сюрга – приобретает характер зонального торгового центра среди даргинских союзов сельских общин.

Источники и литература

1. Адаты Сюргинского общества / Сборник адатов Даргинского округа // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 188.

2. *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского географического общества. СПб., 1884.

3. *Гаджиева С.Ш.*, *Османов М.О.*, *Пашаев А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

4. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря – 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 60–120.

5. Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1887.

6. История Дагестана: в 2 т. / отв. ред. А.И. Османов. Т. 1. М., 2004.

7. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999.

8. *Мухаммед Рафи.* Дагестанские летописи. Извлечения из истории Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1871. С. 9–30.

9. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Сборник документов. М., 2005.

10. Памятная книжка Дагестанской области / сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895.

11. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964.

12. *Султанбеков Р.М.* Сюрга в XVIII – первой половине XIX в.: исследование социально-экономического развития и административно-политического устройства. Махачкала, 2008.

13. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 125–137.

14. *Хашаев Х.-М.О.* Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959.

15. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 21. Оп. 3. Д. 4.

16. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 99.

17. *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.

Д.С. Кидирниязов, Р.В. Ишмухамбетов

СЛУЖИЛЫЕ ГРУППЫ У НОГАЙЦЕВ И ДРУГИХ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Тема военной службы и служилых людей снова приобрела особое значение в настоящее время, когда Россия оказалась на пороге серьезных геополитических изменений. Поэтому осмысление и дополнительное изучение этого явления авторы считают важной задачей.

Служилые группы у ногаев, очевидно, имеют древнее начало и ведут свое происхождение от средневековых институтов шадов у древних тюрок, а затем от так называемых «господчичев» при половецких ханах [14: 164]. Позднее

в государственном устройстве Золотой Орды было сформировано служилое сословие, условно именуемое «татарами» или «узбеками». Затем оно было воспроизведено уже в постзолотоордынских государствах, например, в Ногайской Орде.

В данной статье авторами выдвигается версия о трансформации ордынского названия *узбек* (тюрк. *оьзбек* ‘сам себе господин, свободный человек’) в термин *уздень* (тюрк. *оьзден* ‘сам от себя [принимающий решения]’) [7: 31]. Уздени как особое сословие, помимо ногайцев, были известны у многих северокавказских народов (кумыки, карачаевцы, осетины и др.). Поздним золотоордынским термином *узбек* (ног. *оьзбек*) называли свободного кочевника-воина, служившего ханам или племенным бекам.

Позднее своеобразная, схожая между собой, «лестничная» вертикальная властная структура, включавшая узденей, существовала у адыгских народов и ногаев Кубанской орды. Уздени при мурзах (так же, как ранее узбеки при ханах и беках) были по происхождению свободными людьми, выполнявшими военные и полицейские функции. За эту службу они получали либо часть захваченного в набегах, либо земельные пожалования, либо людей в подчинение. Очевидно, это были потомки прежних племенных беков, устраненных с возвышением клана мангыт в Ногайской орде.

Во многих горских обществах (аварцы, чеченцы и т.д.), подобно башкирскому, например, была принята иная, горизонтальная структура общества, где одни его члены были равны другим, имели свободный статус и одновременно были воинами, составляя ополчение. Захваченные в набегах рабы вначале стояли ступенью ниже, а затем инкорпорировались в общество с равными правами.

По нашему мнению, такая структура была принята в XVIII в. у караногайцев и карагашногаев в силу того, что на тот момент у них уже не существовало своей прежней знати. Однако у кубанских, юртовских и кундровских ногаев знать из числа мангытской династии потомков Эдиге сохранялась до начала XX в. При этом ее статус изменялся в сторону понижения.

Сам феномен служилости мог принимать разные формы на различных уровнях. Так, помимо узденей, у ногаев имелись особые группы эмеков и тумаков, связанные с сословием мурз подчинением и зависимостью, что было описано П.И. Небольсиным [12: 64], а затем исследовано В.М. Викториным [6: 64].

Развитие разных форм служилости напрямую связано с темой принятия подданства Российского государства, а также встраивания так называемых «туземных» институтов власти в российские. Перспективным и обоснованным авторы считают применение по отношению к данным процессам термина *аккультурация* (С.В. Любичанковский и др.) вместо используемого в западной традиции термина *колонизация*. В этих условиях народы пользовались относительной автономией, сохраняли прежние институты власти, но при этом находились в подчинении принимающего государства. Данный опыт полезен в современных условиях для осознания места различных этносов в формировании единого Российского государства.

Складывание служилых групп у ногайцев и их соседей происходило неодинаково на разных этапах и в различной степени подчинения. Наше внимание, прежде всего, должно быть сосредоточено на самой княжеской верхушке у ногаев, которая, первоначально будучи правящей, впоследствии составила служилую знать в Российском государстве и Крымском ханстве, а также его вассальном образовании – Кубанской орде. Войдя в состав России, поначалу представители Большой Ногайской орды сохраняли свою сословную структуру, а представители Кубанской орды (*карагаши*) утрачивали ее. И у ногайцев Дагестана, и у ногаев-карагашей Астраханской области произошло как бы обрушение прежней вертикальной структуры так же, как это случилось и у башкир, у которых представители знати не имели преимуществ над простолюдинами, о чем пишет Б.А. Азнабаев [1: 282]. Роль верховного правителя отныне стало играть в этой структуре Российское государство. Оно же жаловало привилегии и производило поощрения или, напротив, определяло санкции и наказания.

Отметим, что вместе с присоединением Астраханского ханства к Московскому государству в XVI в. образуется особый институт так называемых «юртовых татар», который основательно изучен И.В. Торопицыным [16: 377]. Так власти именовали местное тюркское население из потомков Астраханского ханства и Большой Ногайской орды, предков современных ногайцев-юртовцев. Их знать, состоявшая из ногайских мурз и табунных голов, частью вступила в русское дворянство [3: 10], а частью вошла в состав астраханского, терского и донского казачества.

Интересный факт, не получивший еще полного освещения, но имеющий архивные подтверждения, – участие местного астраханского (ногайского) населения в формировании так называемых конных стрельцов. Это связывает местное коренное славянское население с более ранним тюркским.

Интересен и пока недостаточно разработан сюжет о том, какое положение имели ногаи в составе образовавшегося в XVII в. нового политического объединения – Калмыцкого ханства. В этом смысле ценными являются изыскания В.Т. Тепкеева, который обратил внимание на то, что калмыцкие правители отнюдь не были заинтересованы в физическом истреблении ногаев как народа, но нуждались в новом подчиненном населении [15: 194]. Ими была сохранена исходная ногайская улусная система и система управления. Так, в личном архиве ногайского просветителя и имама А.И. Умерова сохранилась копия важного документа об управлении кочевыми ногаями из числа утар, кундровцев и карагашей и исполнении ими функций зайсанга [11: 423].

Ногаи, сохраняя свою религию и идентичность, кочевали по указанным калмыцкими владетелями маршрутам, участвовали в их военных акциях, а представители знати калмыков и ногаев породнились, заключив династические браки [15: 194]. Наблюдал эти взаимоотношения лично Ян Потоцкий, который описал, как «кундуры», то есть ногайцы-карагаши и кундровцы, выполняли особую роль

при тайше Тюмене, участвуя в его охоте, что указывает на их особый социальный статус.

Не менее интересна судьба туркмен, как ставропольских, так и астраханских, которые также находились в подчинении сначала у ногайских мурз, а затем у калмыцких тайшей и ханов, участвуя в военных походах последних (с обращением туркмен в подданство.) С уходом же калмыков туркмены окончательно «учредились в российском подданстве», перейдя под прямое управление Российского государства [5].

У самих же калмыков сформировались уникальные институты кетченеров и шабинеров, которые были приписаны к различным владельцам, в том числе к буддийским хурулам, и несли при них разнообразные обязанности [2: 102].

Тему процесса принятия подданства России номадами Северного Прикаспия поднимали в своих работах И.В. Ерофеева [8] и Ж.Б. Кундакбаева [10]. Они отмечали, что кочевые народы (ногайцы, калмыки, казахи, туркмены) воспринимали свое подданство и службу России иначе, чем это понимали сами российские власти.

Особый интерес представляет для исследователей участие номадов Северного Прикаспия в различных казачьих войсках (астраханском, донском и терском), а также в самом процессе их формирования. Позднее сами ногаи-юртовцы были приняты в казаки, как, например, известные княжеские семьи Урусовых, Тинбаевых, Жангуржиных и др. [6: 63]. Ногайцы-юртовцы под официальным именем «юртовых татар» составили особую служилую группу, которая принимала участие в войнах Российского государства [16: 377]. Отметим, что «татарами» традиционно ошибочно именовали как всех ногаев в целом, так и представителей других ветвей астраханских ногаев и туркмен (кундровские татары и трухменские татары соответственно).

Особый сюжет, ставший основой для квалификационного исследования одного из авторов данной статьи, – привлечение к исполнению служилых функций при ханах казахской Букеевской орды ногайцев, а также примкнувших к ним татар. Данная особая служилая группа букеевских ногаев во многом заменила прежних туленгутов. Она же участвовала на стороне хана в подавлении восстания Исатая Тайманова и была пожалована землями и привилегиями, однако и сама вела себя весьма «своенравно» [9: 21].

Очевидно, что для почти всех служилых групп было характерно так называемое «двойное поведение»: те, кто служил, обретая привилегии и пожалования, лишаясь их, переходили к различным формам протеста (неповиновение, участие в восстаниях, уход в абреки). В этом проявлялась их особая независимая воля и «политическая субъектность» [4: 110].

Одним из наиболее ярких примеров служилости у народов Северного Прикаспия является Горский эскадрон императорской лейб-гвардии. Почти все участники этого особого воинского формирования имели аристократическое происхождение.

Этнический состав был разнообразным: едисанские, тохтамышевские, джембойлукские ногайцы, туркмены, кабардинцы, чеченцы, кумыки, и другие горцы. Командовал ими ротмистр из ногайских гиреевских султанов Азамат-Гирей, а ногайский мурза (князь) Муса Туганов оказывал ему помощь. Власти уважали религию и идентичность горцев, составлявших конвой, от них не требовали отказа от своих убеждений и веры [13: 49].

Говоря о служилости, считаем необходимым упомянуть события Кавказской войны, в которой ногайцы приняли участие вместе с другими народами Северного Кавказа. Вопреки поверхностным суждениям, распространенным в среде дилетантов, эта война отнюдь не была «ненужным, бессмысленным кровопролитием». Она показала властям Российской империи, что с горцами в частности и с мусульманами вообще нельзя обращаться как с жестокими и второсортными народами, а можно общаться только на равных. Она показала политическую субъектность участвовавших в ней народов, заложила основы будущих автономий и приучила к веротерпимости российскую администрацию. Очевидно, нынешние права мусульман в России окончательно были завоеваны именно в связи с Кавказской войной. С другой стороны, эти трагические события приучили мусульман к мысли о терпимости по отношению к русским, а также к совместной жизни с ними и даже поступлении на службу Российской империи на приемлемых условиях, среди которых получение религиозной свободы и функционирование судов шариата, территориальная автономия; исключение возможности военных действий против единоверцев; уважение национальной идентичности и сохранение языка; престиж и привилегии, связанные со службой (вплоть до признания или получения дворянского статуса).

Очевидно, именно поэтому на вышеозначенных и единственно приемлемых условиях уже дети Шамиля и некоторые его наибы поступили на российскую службу. Впервые вопрос о службе мусульман Российскому государству поставлен в произведении Кадырали Джалаири «Джами ат-таварих», написанном в XVII в. в вассальном Московскому государству Касимовском ханстве.

В заключение отметим, что важное значение для осмысления явления служилости приобретает термин «служиловедение», предложенный В.М. Викториным и Ю.М. Юсуповым во время круглого стола «Актуальные вопросы истории народов России в контексте современных этнополитических процессов», который состоялся в Астрахани в июле 2023 г. по инициативе центра ногайской культуры «Эдиге».

Исходя из сказанного, можно сделать несколько выводов об общих особенностях феномена служилости у номадов и оседлых народов:

1. Служилость связана с особым престижным статусом в обществе.

2. Служилость подразумевает связь зависимости и подчинения слуги и сюзерена «в обе стороны»: чтобы что-то получить (верность и службу), необходимо что-то дать (различные формы жалования и привилегии).

3. Служилость подразумевает вознаграждение за службу, выражаемое разными формами поощрения.

4. Служилость связана с двойным поведением: верные прежде, при нарушении исходных договоренностей со стороны сюзерена служилые восстают и становятся ядром протеста (восстания С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва и др.).

5. Служилые группы (как и держатели власти) часто изначально имели иноэтничное происхождение, что облегчало осуществление военно-полицейских функций.

Таким образом, явление служилости у народов Северного Прикаспия принимая разные формы, характеризовалось многими специальными чертами, которые должны стать предметом дальнейшего научного изучения.

Источники и литература

1. *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVII в. Уфа, 2016.

2. *Батыров В.В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста, 2016.

3. *Беляков А.В.* Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М., 2023.

4. *Бердин А.Т.* Салават: бой после смерти. Уфа, 2014.

5. *Веселовский Н.И.* Первое подданство туркмен России // Исторический вестник. 1884. № 5. С. 300–306.

6. *Викторин В.М.* Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев – едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII–XIX вв.: к эволюции сообщества при переходе к оседлости // Тюркологический сборник. 2011–2012. СПб., 2013. С. 60–79.

7. *Дебиров Г.-М.* Дагестанские предания и суеверия // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа Вып. 4. Тифлис, 1884. С. 25–33.

8. *Ерофеева И.В.* Внутренняя, или Букеевская орда в первой половине XIX в.: история и историография // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 3–23.

9. *Ишмухамбетов Р.В.* Феномен служилых групп Букеевской орды // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52). С. 19–29.

10. *Кундакбаева Ж.Б.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения. М., 2005.

11. *Мустакимов И.А.*, *Ханнанова Г.М.* Ханский указ о назначении муфтия: мусульмане под властью волжских калмыков // Золотоордынское обозрение. 2021. № 9 (2). С. 423–437.

12. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852.

13. *Петин С.И.* Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1899.

14. *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

15. *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2014.

16. *Торопицын И.В.* Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012. СПб., 2013. С. 375–412.

М.М. Картоев

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ИНГУШЕЙ В XVIII в. – 1870-е гг.: ОТ ОЦЕНОЧНЫХ СВЕДЕНИЙ ДО ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ (по сведениям российских письменных источников)

Информация о численности народов Северного Кавказа в XVIII в., известная из письменных источников, довольно фрагментарна и носит оценочный характер. В полной мере это относится к ингушам, которые перманентно присутствуют в орбите российской политики на Северном Кавказе как отдельная этническая общность начиная со времени не позднее середины XVIII в., что зафиксировано в российских письменных и картографических источниках.

Первые оценочные данные о численности населения отдельных обществ ингушей относятся к началу 1760-х гг. Так, доклад ротмистра Терского казачьего войска Александра Киреева, посланного из Кизляра в начале мая 1761 г. с политической миссией сбора информации об ингушах, является наиболее ранним российским документом, содержащим краткие сведения о политическом состоянии и оценочной численности ингушских обществ, состоящих из группы селений, расположенных в верховьях Камбилеевки и Сунжи (общества Ангушт и Ахки-Юрт). Согласно представленной в докладе информации, в этих двух обществах ингушей, или «киштинского народа», как указано в документе, проживает «дворов до девятисот», «а буде когда востребуется народу собрать, то по надобности может набраться конных и оружейных к обороне до тысячи человек, а по нужде и более, исключая при том малолетних и престарелых» [2: 38–39].

Для сравнения интересны оценочные данные численности ингушей, которые приводит И.А. Гильденштедт, побывавший в Ангуште в марте 1770 г. и бывший свидетелем принятия ингушами присяги на подданство Российской империи. Гильденштедт отмечал: «Ингуши (по-русски – ингушцы). Так называют себя кисты некоторых районов, которые живут в высокогорье, рядом с Малой Кабардой, к югу от Моздока, на расстоянии в 80 верст, преимущественно вокруг мелких речек Кунбелея, притока Терека, которых я посетил, когда в 1770 году один русский офицер принял у них клятву верности и получил заложников /аманатов/ <…>. Обычно они находились под защитой кабардинских и аксайских князей; но при

посредничестве кизлярского коменданта полковника Неймича они поменяли этих незначительных покровителей на покровительство России. Рассчитывают, что они могут выставить 5000 боеспособных мужчин-всадников» [8: 26]. Если оценочные данные «5000 боеспособных мужчин-всадников», приведенные Гильденштедтом, подразумевают лишь население верховьев Камбилеевки и Сунжи, как это следует из текста, то, даже избегая предположительной оценки общей численности, можно высказать мысль о значительном увеличении населения в этих ингушских обществах за менее чем десятилетний период (с 1761 по 1770 г. население выросло в пять раз), что является, по-видимому, в том числе свидетельством активных миграционных процессов и освоения плоскостных земель в этот период.

Оценочные данные о численности ингушей («боеспособных мужчин»), приводит и Якоб Рейнегс: «Правый берег Терека, северо-западную вершину восточного Кавказа и всю его центральную часть гор в направлении север-запад-север населяет народ, который называет себя ингуши <…> Определить точную силу этих племен и численность их членов невозможно, ибо они сами не знают достоверно. Каждый обнесенный забором дом народов Кавказа содержит свою собственную семью, которая со времен предков живет здесь совместно и не имеет ничего собственного, а владеет всем сообща, и живет так в довольствии и согласии до тех пор, пока она не должна разделиться из-за большого увеличения численности. Самая незначительная семья имеет определенно от 5 до 10 боеспособных мужчин, другие насчитывают больше, и нередко боеспособность одной отдельной семьи – 40–50 мужчин, ее старейшина всегда становится главой, которому во всех семейных делах повинуются беспрекословно. Если они собираются в условиях войны, как утверждают, ингуши должны выставить в поле 3000 боеспособных мужчин, кисты могут выдвинуться с 800, карабулаки – с 1000 мужчин; чеченцы с их второстепенными племенами выставляют против врага, правда, только от 8 до 10000 мужчин, но если они берут в помощь своих горских соседей, то их мощь велика и существенна» [8: 82– 83].

По данным владикавказского коменданта генерал-майора И.П. Дельпоццо, в трех ингушских населенных пунктах – Назрани, Яндаре и Темуркове (близ Владикавказа) – на 1810 г. было 946 домов, в которых проживало 1394 мужчин (взрослых и вооруженных) [1: 124].

В 1821 г. в Веймаре, в издательстве Географического института, вышел XX том «Описательной географии», содержащий описание «Азиатской части России, включая кавказские страны, киргизскую степь и Джагатай». Том был подготовлен коллективом авторов под общей редакцией известного немецкого географа и специалиста по географической статистике доктора Иоганна Георга Генриха Хасселя (1770–1829). В данном издании были использованы и обобщены сведения по изучению народов Кавказа немецких исследователей XVIII – начала XIX в. В книге приводятся краткие сведения об ингушах, в том числе информация об их численности: «Ингуши (Ingushen), которые называют себя гIалга (Ghalga), а также ламур

(Lamur) или горцами. Их местности располагаются на реке Макалдон (Makaldon) (осетинское название р. Армхи – правого притока Терека в горной Ингушетии. – *М. К.*) и Кумбалей (Kumbalei), обе впадают в Терек; а также проживают на Сундже (Sundsha) и на Ассе (Assai) или Шалгире (Schalgir), который впадает в Сунджу. <…> князей и дворян среди них нет. Но они теперь достаточно хорошо уживаются с русскими и признают себя жителями их страны. Они могут насчитывать около 5000 боеспособных мужчин, по другим данным, 2500 семей и подразделяются на 7 племен: Тергимха (Tergimha), Аги (Agi), Хамхой (Khamhoi), Харатой (Kharatoi), Цимкайбох (Zimkaiboch), Геулавы (Geulawy) и Вапи (Wapi)» [8: 265]. Сведения об ингушских племенах заимствованы автором из материалов Л. Штедера и Ю. Клапрота. Здесь перечислены крупные ингушские тейпы: Таргимхой (с. Таргим), Эгахой (с. Эгикал), Хамхой (с. Хамхи), Кхоартой (с. Кхарт, Верхний Кхарт), Цикмабухой – Оздой (группа селений в горной Ингушетии), Евлой (группа селений в горной Ингушетии) и общество Фяппий (Вяппий).

В 1823 г. в Москве вышел труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским». В данной работе, написанной в основном в 1803–1810 гг., в главе «Кисты» имеются сведения по ингушам и их численности. При составлении данной главы С.М. Броневский использовал данные И.А. Гильденштедта и П.С. Палласа. Он подразделяет кистов, т.е. ингушей и чеченцев, на области, или «племена»: «1. Кисты, собственно так называемые; 2. Ингуши, или ламур; 3. Карабулаки, или арште; 4. Чеченцы, или шешены, называемые также мычкиз. Из оных чеченцы, как многолюднейшее колено, занимают большую половину кистинских земель и, в рассуждении примечаемой у них разности с другими кистинскими племенами в нравах и наречии, составляют особенное отделение, только по сходству языка к кистам причитаемое; следовательно, можно бы было разделить Кистинскую область на две части: то есть на обитаемую кистами в теснейшем смысле, под именем коих разумеются ингуши, карабулаки и прочие колена, и на область Чеченскую; но сие должно предоставить до лучшего познания кавказской топографии» [3: 178–179]. Отметим, что под «кистами, собственно называемыми» в труде С.М. Броневского имеются ввиду ингушские общества: джераховцы и фяппинцы, или «Ближние кисты» (позднее известные как «Мецхальское общество»). В работе приводятся следующие сведения о численности ингушей: земли «кист, собственно называемых», простираются «от Владикавказской крепости до Дариела»; «деревни их Заурова и Джерах, почитаемы за сборные места двух разных обществ, которые вместе с приписными к ним деревнями заключают не более 500 дворов». «Ингуши, называемые также кисты галгаи, сильное кистинское колено, имеют главные жилища свои вдоль по Кумбулею и впадающим в нее ручьям до высоких гор, также по вершинам Сунжи и по Сунжинской реке Шадгире или Оссае, находясь, таким образом, между Малою Кабардою и чеченцами». С.М. Броневский приводит сведения по обществам и селениям ингушей, и их общей численности, заимствованные у И.А. Гильденштедта:

«Все сии общества могут выставить пять тысяч вооруженных людей; следовательно, население Ингушской земли должно быть не менее 5000 дворов и, вероятно, несколько более». Общая численность кистинских колен (ингушей), вместе с карабулаками и другими, «за исключением чеченцев», согласно сведениям Броневского, может составлять до 12 000 дворов, так как они могут собрать «до 12 000 худо вооруженных воинов» [3: 179–182].

До 1858 г. включительно ингуши расселялись как в горах, так и на плоскостных землях, в небольших населенных пунктах, насчитывавших в среднем от 15–20 до 30–40 дворов. Многочисленные населенные пункты (юрт, ков – инг.) располагались по берегам рек Терек, Сунжа, Камбилеевка, Асса, Назрановка, Фортанга, а также на их притоках, мелких речушках и ручьях.

Первые подробные сведения о наименованиях населенных пунктов ингушей и количестве их населения содержатся в рапорте владикавказского коменданта полковника Широкого от 31 декабря 1838 г. Согласно представленным комендантом Владикавказской крепости сведениям, на 1838 г. в горной Ингушетии располагалось 64 селения («Джераховский народ, Кистинский народ, Дальногалгаевский народ»), с общим количеством дворов – 752, жителей обоего пола – 4046. Отметим следующий статистический факт, представляющий интерес для сравнительного анализа исторической динамики этнической карты горной Ингушетии. Несмотря на большее количество населенных пунктов, территория «Дальногалгаевского народа» (Галгаевское, Хамхинское и Цоринское общества, расположенные на р. Ассе и ее притоках) являлась менее населенной, чем территория «Кистинского народа» (в источниках XIX – начала XX в. фиксируется под названиями «Кистинское общество», «Ближние кисты», «Мецхальское общество»; располагалось на р. Армхи и ее притоках). Если во втором (Кистинское общество) было зафиксировано 380 дворов на 18 селений с общим количеством жителей в 2071 человек, то в первом плотность населения значительно ниже – всего 275 дворов на 40 селений, количество жителей – 1534. Причиной такого дисбаланса количества населенных пунктов и населения, по-видимому, является более активный характер миграции населения Ассинского ущелья на плоскостные земли, в том числе участие в освоении в последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. территории Назрановской долины.

В плоскостной и отчасти в предгорной части Ингушетии располагались Карабулакское и Назрановское общества. В рапорте Широкого они обозначены как Карабулакский и Назрановский народы. «Карабулакский народ» (сюда включено и общество Галашевское) состоит из 36 населенных пунктов, расположенных на реках Сунже, Ассе, Фортанге и их притоках, с общим количеством дворов – 1141, жителей обоего пола – 6187. «Назрановский народ» состоял из 75 населенных пунктов, расположенных на Сунже, Назрановке, Камбилеевке, в том числе в ее верховьях, в Тарской долине и окрестностях Владикавказа. Общее количество дворов – 1872, жителей обоего пола – 9489.

Таким образом, согласно сведениям владикавказского коменданта полковника Широкого, на 1838 г. на плоскости и отчасти в предгорьях (Галашевское общество, верховья Камбилеевки и Сунжи) Ингушетии располагалось 111 населенных пунктов, в которых проживали 15 676 человек. Итого, согласно этому источнику, на 1838 г., на территории Ингушетии располагалось 175 населенных пунктов. Численность населения составляла 19 722 человек [13: 11–12, 15–25 об.].

Однако необходимо учитывать, что, несмотря на подробный подсчет по населенным пунктам, эти данные не охватывают население всех ингушских этнотерриториальных групп (в рапорте учтено лишь население, подведомственное владикавказскому коменданту). Так, согласно таблице «Народонаселение горских народов и закавказских провинций», помещенной на карте Кавказского края 1834 г., ингушей насчитывалось 34 тыс. человек [10]. Близкие к этой цифре данные о численности ингушей присутствуют в ряде источников, относящихся к 1820-м – началу 1840-х гг. Так, по сведениям Н.А. Волконского, описывавшего события Кавказской войны, в середине 1820-х гг. «ингушевское племя состояло из следующих обществ: кистинского, джераховского, назрановского, карабулакского (впоследствии назвавшегося галашевским), галгаевского, цоринского, аккинского и мереджинского; все эти общества вместе имели свыше тридцати тысяч душ» [5: 74]. Генерал-майор А.И. Менде в подробном обзоре политического состояния Кавказа 1840 г. указывает численность ингушей более 34 тыс. человек. К «племени Ингуш», согласно данным Менде, относились назрановцы – 9489 человек, галаши – 775, карабулаки – 1690, галгаи – 1534, цори – 135, кисты ближние – 1269, кистинцы – 1195, джерахи – 313, кисты дальние – 18 000 [6: 13]. Еще большая цифра численности ингушей этого периода, в 38 500 человек, содержится в документах личного фонда историка Кавказской войны, генерал-лейтенанта И.Д. Попко [11: 75].

В «Военно-статистическом обозрении Российской империи», изданном в 1851 г., к ингушам отнесены общества: Джерахи, Цоринцы, Кистины ближние, Малхинцы, Галгаевцы, Назрановцы, Карабулаки, населяющие Верхне-Сунженскую линию, Галашевцы и Дальние Кисты. Общая численность – 36 108 человек [4: 134–143].

Первый после «реформы» по созданию больших селений, проведенной в ноябре 1858 г., список населенных пунктов Ингушетии был составлен в 1859 г. В «Список населенных местностей Военно-Осетинского округа» с указанием расстояний до уездного города и стана, числа дворов и количества жителей были внесены ингушские населенные пункты, расположенные на плоскости и в горной зоне, относившиеся к следующим обществам: Назрановское (15 селений, 15 757 человек), Галашевско-Карабулакское (8 селений, 6856 человек), Джераховское (7 селений, 960 человек), Кистинское (31 селение, 1950 человек), Галгаевское (79 селений, 5799 человек). Таким образом, на 1859 г. на территории Ингушетии, входившей вместе с Осетией в Военно-Осетинский округ, располагалось 138 населенных пунктов, из них на плоскости – 21 укрупненное селение,

в горной Ингушетии – 117 небольших населенных пунктов. Общая численность ингушей на 1859 г., согласно этим данным, составляла 31 322 человека [14: 101–111].

Как мы видим, количество населенных пунктов на плоскости в результате реформы сократилось от 111 (в 1838 г.) до 21 (в 1859 г.). Вновь образованные на плоскости большие селения насчитывали от 68 (аул Ведзижева на р. Ачалук) до 500 (аул Экажева на р. Сунже) дворов. Общее количество населения, проживающего на плоскости, возросло почти на 7 тыс. человек.

Согласно данным посемейных списков населенных пунктов Ингушского округа Терской области за 1863–1864 гг., в Назрановском участке проживало 18 589 человек, в Карабулакском участке – 6738 человек [7: 511–658]. По Горскому участку имеются только данные по количеству дворов – 982 (Джераховское, Кистинское, Галгаевское и Цоринское общества).

Согласно статистическим данным, опубликованным в «Кавказском календаре» («Сведения о народонаселении Терской области по округам: Ингушевский округ») на 1867 г., в Ингушевском округе числилось 5371 дворов с числом душ мужского пола – 13 213, женского пола – 12 840, всего – 26 153 человек [9: 318]. Те же данные приведены в «Статистической таблице Кавказского края. Пространство, число жителей и плотность населения Кавказского края в 1865 году» с пометкой, что они относятся к 1864 г. Однако, судя по цифре, не учтено население Карабулакского участка, упраздненного в 1865 г. в связи с выселением его жителей в Османскую империю. Соответственно, эти данные предположительно относятся к 1865 г. Судя по всему, здесь мы видим сокращение населения Ингушского округа, в связи с уходом части его населения в Османскую империю в 1865 г. и упразднением Карабулакского участка. Так как, по данным на начало 1865 г. (январь), согласно «перечневой ведомости о числительном народонаселении Ингушевского округа», в Назрановском участке проживало 18 679, в Горском участке – 7300, в Карабулакском участке – 6902 и в Акинском обществе – 683 человек, а всего жителей обоего пола – 33 564 [17: 13–14, 23–24].

По статистическим данным на 1868 г., в Ингушевском округе, состоявшем из трех участков (Назрановский, Горский и Пседахский), проживало 29 914 человек [15: 6–8]. Из них в Назрановском участке (центр – Назрань) – 17 339, в Горском (центр – Владикавказ) – 5763, в Пседахском (центр – аул Пседах) – 6812 человек. На 1870 г. в Ингушском военном округе числилось уже 32 315 жителей обоего пола [12: 1].

Согласно данным, опубликованным в «Сборнике сведений о кавказских горцах», на 1875 г. во Владикавказском округе и Владикавказе проживал 33 331 ингуш, из которых 17 037 – мужского пола и 16 294 – женского пола [16: 55–56]. В списке населенных мест Терской области на этот же год ингушей насчитывается 32 649 человек (по подсчету количества жителей в населенных пунктах) [7: 504–508].

Таким образом, начиная со второй половины 1860-х гг. прослеживается более или менее последовательная статистика численности ингушей, что было связано со становлением системы учета населения на Северном Кавказе, с формированием по итогам Кавказской войны устойчивых для этого периода этнотерриториальных и административных границ и в целом с вхождением региона в российское государственное пространство.

Источники и литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах / сост. Л.М. Парова. Назрань. 1995.

2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 128. Осетинские дела. Оп. 128/1. 1757–62 гг. Д. 2.

3. *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 т. Т. 1, 2 / подг. текста к изд., предисл., прим., словарь малоупотребительных слов, указ. И.К. Павловой. СПб, 2004.

4. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1: Ставропольская губерния. СПб., 1851.

5. *Волконский Н.А.* Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886. С. 1–224.

6. *Дзуматова З.Р.* «О племенах ингуш» – назрановцах, галашевцах, карабулаках, кистах ближних и др. (из лекций, читанных в Императорской военной академии Генерального штаба) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2020. № 1. С. 10–14.

7. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: сборник документов и материалов / сост. М.М. Картоев. Изд. 2-е, исправ. и доп. Магас, 2020.

8. Ингуши и их соседи в трудах немецких исследователей XVIII–XX веков / перевод с немецкого языка, составление, автор предисловия и комментариев М.М. Хадзиева. Ростов н/Д., 2020.

9. Кавказский календарь на 1867 год. Тифлис, 1866.

10. Карта Кавказского края с пограничными землями / сост. при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 г. СПб., 1834.

11. *Котиков С.Б.* К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института истории, языка, литературы и искусства. 1972. Т. 9. Ч. 2. Вып. 1. С. 61–102.

12. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 386. Оп. 1. Д. 2997.

13. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218.

14. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 202.

15. Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. Отд. VIII. Горская летопись.

16. ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. Отд. IV. Горская летопись.

17. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 26. Оп. 1. Д. 33.

А.П. Скорик, И.М. Федина

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ В ЧЕРНОМОРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

История почтовой службы на Кубани восходит к предписанию войскового судьи Коша верного императорского войска Черноморского А.А. Головатого «Об учреждении почтовых станций в Черноморском войске», подписанного им 3 июля 1794 г., которое предусматривало формирование 10 почтовых станций на пути от Екатеринодара до Ейского окружного правления и создание 10 почтовых станций в направлении Тамани. Каждая из 20 учреждаемых почтовых станций должна была снабжаться шестью повозками с погонщиками и небольшим табуном из 12 лошадей [3: 1, 6]. Это решение подтверждается последующей депешей от 7 июля 1794 г. войскового есаула, секунд-майора К. Кордовского. О предметном исполнении полученного войскового предписания, в частности, докладывал высокоблагородному почтенному верного войска Черноморского войсковому судье А.А. Головатому рапортом от 2 августа 1794 г. атаман Коневловского куреня И. Линник. Согласно полученному расписанию почтовых станций, при р. Ясени силами Коневловского куреня была учреждена почтовая станция с шестью лошадьми, двумя повозками и двумя погонщиками, которых вооружили «для защиты от неприятеля нападения» [3: 17].

Важным шагом на пути развития земской почтовой службы стало Высочайше утвержденное императором Николаем I Положение «О Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г. [6], когда в рамках всей Российской империи земской почты еще не существовало. Норма § 302 Положения возлагала на Войсковое правление и относила к его предметам ведения (в главе третьей отдела I части IV) «особое попечение, дабы существующие по войску дороги, мосты перевозы и плотины, содержимы были всегда в совершенной исправности» [6: 730], что обеспечивало не только беспрепятственный проезд по существовавшим в Черноморском казачьем войске дорожным коммуникациям, своевременную доставку грузов, но и свободное перемещение почтовой корреспонденции. Глава 2 отдела 6 «О повинностях в Черноморском войске» части 4 «О гражданском управлении Черноморского казачьего войска в особенности» посвящалась содержанию почтовых станций (§§ 463–469) [6: 740]. К числу общих повинностей в главе третьей того же отдела Положения относилось: «1) Содержание в исправности дорог, мостов, гатей и перевозов… 4) Земская почта» [6: 740]. Поскольку § 469 ориентировал

в отношении организации почтовой службы в Черноморском казачьем войске на нормы «Положения об управлении Донского Войска», нам удалось установить после его детального изучения правовой статус Екатеринодарской почтовой конторы как главного органа управления почтовой службой в Черноморском казачьем войске. А еще § 564 «Положения об управлении Донского Войска» предусматривал возмездность почтовой доставки: «Все войсковые жители поставляются в обязанность за пересылку как чрез Войсковую, так и чрез Окружные Почтовые Конторы писем, денежных сумм и посылок, платить весовые, страховые и процентные деньги, также по общему установлению» [7: 626].

18 декабря 1842 г. по административной инициативе Исполнительной экспедиции Войскового правления Черноморского войска в казачьем регионе учреждается земская почта, а 22 декабря этого года окружным сыскным начальствам предписывалось распорядиться «насчет Земской повинности в каждой станице и при каждом Окружном сыскном начальстве [организовать] Земскую почту из трех пар лошадей. Прокормление лошадей сих и довольствие подводчиков возложить на жителей станиц, подлежащих земской повинности» [4: 11]. Земская почта решала вопросы местного значения и дополняла войсковую почту с сетью почтовых станций.

Еще до принятия Положения «О Черноморском казачьем войске» 1 июля 1842 г. Войсковая канцелярия выпустила «распоряжение об отдаче означенных войсковых почт в откупное» [4: 12]. В соответствии с § 468 и § 469 Положения [6: 740] Хозяйственной экспедицией Войскового правления проводились торги на содержание почтовых станций, против чего резко выступило Главное почтовое начальство. При Всемилостивейшем назначении 27 марта 1842 г. на должность Главноначальствующего почтовым департаментом Российской империи генерал-лейтенанта В.Ф. Адлерберга (1791–1884) императором Николаем I этот царский выдвиженец, которого монарх почитал по жизни за родного брата и даже назначил своим душеприказчиком (исполнителем завещания), получил поручение «заняться устройством [почтовых] станций на таких началах, которые вполне обеспечили быстрое и правильное движение почт и безостановочный проезд частных и должностных лиц» [1: 2]. Почти 15 лет В.Ф. Адлерберг руководил почтовым департаментом и запомнился в истории нашей страны многими преобразованиями по части подчинявшегося ему почтового ведомства, которые заметно улучшили почтовое сообщение в Российской империи. Именно в указанный период появляются почтовые марки, придававшие корреспонденции, помимо явной возможности облегчения функциональной сортировки по видам отправлений, оригинальный дизайнерский характер.

Главноначальствующий почтового департамента проанализировал причины неудовлетворительного состояния почтовых станций и пришел к выводу о необходимости изменить существовавший порядок передачи в казенный подряд («отдачи в содержание») почт-содержателям (или отраслевым предпринимателям)

почтовых станций; отменить практику публичных торгов в форме аукциона за право на содержание почтовых станций; увеличить временные сроки передачи в казенный подряд почтовых станций; предоставить правительству возможность самому назначать базисную цену за содержание почтовых станций и дать право подбирать «благонадежных людей для отправления почтовой гоньбы» (т.е. перевозки корреспонденции) [1: 2 об.]. О выявленных причинах неудовлетворительного состояния почтовых станций в стране В.Ф. Адлерберг доложил лично императору Николаю I и прежде всего обратил внимание государя на недостаточный трехлетний временной срок передачи в казенный подряд почтовых станций по результатам проведения публичных торгов, когда в борьбе за источник получения прибыли кандидаты на коммерческое содержание почтовых станций занижают суммы положенных земских сборов, ведь в стремлении заработать денежные средства «за возку почт», поддержание «эстафет» (быстрой доставки), обеспечение «курьеров и проезжающих» лиц важно сэкономить на любых расходах. В таких условиях правительственные инстанции после окончания торгов не имели никакой информации о реальных доходах и расходах (издержках) почтовых станций, совершаемые здесь приходно-расходные операции зависели от «самих торгующихся», а контроль за умеренностью «приплаты» по земским сборам отсутствовал, и они часто занижались в целях получения коммерческой выгоды (маржи). Такое положение вещей на почтовых станциях по ценообразованию «в соединении с неотвратимыми при торгах ухищрениями участвующих в них лиц», временная краткосрочность казенного подряда почтовых станций «уничтожают всякую возможность довести их до посредственного состояния» [1: 4].

Начальнику почтового ведомства В.Ф. Адлербергу удалось добиться при поддержке императора Николая I введения новой системы содержания почтовых станций, при которой они передались в долгосрочный казенный подряд сроком на 12 лет без проведения публичных торгов, только по решению почтового ведомства при обязательном административном выборе правительственными инстанциями наиболее достойного почт-содержателя для данной почтовой станции. Эту новую систему содержания почтовых станций В.Ф. Адлерберг настойчиво предлагал ввести на территории Кавказского края (куда входило Черноморское казачье войско) наместнику Кавказа, генерал-адъютанту, генералу от инфантерии, князю М.С. Воронцову в письме (отношении) от 4 марта 1848 г. № 94 [1: 5 об.]. Но ситуация менялась с почт-содержателями не так быстро, как предполагал В.Ф. Адлерберг.

К числу самых известных на Кубани почт-содержателей относился отставной войсковой старшина Черноморского казачьего войска А.Л. Посполитаки, довольно рано вышедший в отставку, будучи храбрым офицером, сделавшим вместе с братьями неплохую военную карьеру. В этом керченскому греку, безусловно, помогало отличное знание греческого и турецкого языков. Занятие

коммерцией оказалось для А.Л. Посполитаки гораздо более привлекательным предприятием, в котором он немало преуспел. Однако зарабатывание больших денег не являлось для него самоцелью, поэтому кубанский предприниматель получил известность как меценат и, говоря современным языком, как активный стартапер, который буквально на лету подхватывал многие новые идеи времени и бизнес-модели независимо от того, насколько удачным может оказаться очередной проект, ведь он стремился по определению сделать его успешным. Екатеринодарский предприниматель взялся за осуществление большого казенного подряда по содержанию целого ряда почтовых станций, но, видимо, у него не всё получалось, или же местные чиновники захотели приобщиться к получению «теневой» прибыли. Как бы там ни было, 31 октября 1854 г. войсковое правление Черноморского казачьего войска специальным указом поручает Екатеринодарской почтовой конторе «освидетельствовать почтовые станции, содержимые отставным Войсковым старшиною Посполитаки по трактам Ейскому и Ростовскому» [2: 4], а также изучить состояние ряда почтовых станций на соответствие контрактным обязательствам по Ставропольскому и Таманскому трактам. Почт-содержателю (подрядчику) войсковое правление Черноморского казачьего войска вначале для безусловного устранения «недостатков и неисправностей, существующих на почтовых станциях, [которые] содержались в Черномории войсковым старшиной Посполитаки, [был] назначен ему Посполитаки временный срок к приведению станций в контрактное состояние». Войсковое правление подобрало проверяющих лиц: почтовые станции по Ставропольскому и Таманскому трактам направили проверять есаула Барилко, а по Ростовскому и Ейскому трактам – есаула Гребенника. Им в помощь от Екатеринодарской войсковой почтовой конторы выделили почтовых чиновников: к есаулу Барилко прикрепили помощника почтмейстера Цирюльникова и к есаулу Гребеннику подключили сотрудника службы, контролера Екатеринодарской почтовой конторы Подольского [2: 1–1 об.].

1 ноября 1854 г. есаул Барилко вместе с помощником почтмейстера Цирюльниковым «приступили к освидетельствованию Екатеринодарской почтовой станции, но явившийся к ним сам Посполитаки ни к какому освидетельствованию их не допустил, отозвавшись притом, что в настоящее время он не имеет у себя доверенных, кои могли присутствовать при поверке ими станций и что он об этом [обращался] с особыми отзывами в Войсковое правление и в Почтовую контору. [Кроме того, Посполитаки] дал ответ, что всякое освидетельствование станций без участия его доверенных он будет считать неудовлетворительным» [2: 1 об.]. К сожалению, большой фрагмент архивного дела, где излагаются обнаруженные проверяющими лицами на почтовых станциях подрядчика А.Л. Посполитаки многие недостатки и неисправности, читается с большим трудом, ввиду рукописного и частично выцветающего текста. Из того, что удалось разобрать, становится очевидной позиция проверяющих лиц, выступивших против

присутствия при проверках доверенных подрядчика. В рапортах проверяющих отмечаются следующие недостатки и неисправности: неподкованность почтовых лошадей, плохие их физические кондиции, от чего почти треть наличных почтовых лошадей можно «определить вовсе неспособными к отправлению почтовой гоньбы», неготовность навозничьих саней к зимнему сезону, неотремонтированные «повозки различной формы», нехватка фонарей для освещения почтовых станций в ночное время [2: 4]. Вместе с тем «овса и сена заготовлено в достаточном количестве, а в иных станциях даже с избытком. Только на станции Албашской, на которой имеется запаса овса по наличному числу лошадей не более как на двадцать дней». Однако ни на одной из почтовых станций, обследованных проверяющими лицами, не обеспечили численность лошадей, предусмотренных контрактом ответственного подрядчика (почт-содержателя). Существовали проблемы и с подбором кадров ямщиков на отдельных почтовых станциях, поскольку не все из них оказались готовы «к отправлению войсковой обязанности» [2: 5]. Проверяющие обнаружили и другие недостатки, но, как мы отмечали выше, неразборчивость текста в архивном деле не позволяет в полной мере изложить этот сюжет.

Еще одним выявленным нами почт-содержателем по Таманскому и Ставропольскому трактам являлся купец первой гильдии С. Яременко (Прятенков). В докладной записке № 99 от 3 апреля 1847 г., направленной на имя начальника войскового штаба, исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора Г.А. Рашпиля, этот почт-содержатель просил «для отложения неудобств и препятствий, встречаемых в исправлении почтовой гоньбы по Таманскому тракту, разрешить проезд почт с Копыльской станции на Петровскую и обратно по прямой дороге, идущей над рекою Давыдовской» [2: 5]. Свою просьбу купец обосновывал весенним половодьем рек Кубани и Протоки, что увеличивало расстояние при объезде на 40 верст, да и то приходилось ехать по заболоченным и поросшим кустарником и камышом местам. Войсковой начальник поддержал почт-содержателя в вопросе об изменении маршрута почтовой гоньбы и дал детальное распоряжение начальнику 4-й части Черноморской кордонной линии, полковнику и кавалеру П.Н. Борзи(ы)кову об организации охраны этого участка почтовой дороги, а тот, в свою очередь, подробно доложил об исполнении полученного предписания [2: 6–10].

В середине XIX в. Черноморское казачье войско располагало тремя внутрирегиональными почтовыми дорогами, расходившимися своеобразным веером от столичного Екатеринодара в разные стороны, статистическое описание которых вместе с основными проселочными дорогами составил исправляющий должность начальника чертежной мастерской Черноморского казачьего войска, поручик Павленко. Это позволяет нам сегодня достаточно детально представить региональную дорожную сеть, обеспечивавшую межпоселенческие коммуникации Черноморского казачьего войска.

Первая почтовая дорога пролегала в общем направлении с запада на восток от Екатеринодара в сторону ст. Пашковской, находившейся на расстоянии семи верст от города. В районе этой станицы почтовая дорога проходила через войсковую плотину, устроенную через реку Карасун (ныне это цепь озер на территории Краснодара), тогда правого притока реки Кубань, бравшего свое начало где-то вблизи ст. Старокорсуновской. После преодоления гребня войсковой плотины первая почтовая дорога шла в ст. Старокорсуновскую, где в самом поселении располагалась одноименная почтовая станция. На всем протяжении эта почтовая дорога не имела никаких препятствий для проезжающих транспортных средств и отдельных лиц, а расстояние при движении по ней от ст. Пашковской до ст. Старокорсунской составляло 27 верст. Здесь вектор движения несколько изменялся, поворачивал в направлении с юго-запада на северо-восток, и почтовая дорога без особых проблем после преодоления 9 верст пути достигала ст. Васюринской, от которой в том же северо-восточном направлении шла еще 7 верст до границы Черноморского казачьего войска. Неподалеку у поста Редутского почтовая дорога пересекала административную границу Ставропольской губернии и далее пролегала в ст. Воронежскую, относившуюся к Кавказскому линейному казачьему войску. Тем самым общее расстояние от ст. Старокорсуновской по первой почтовой дороге до поста Редутского, или же до самой административной границы Ставропольской губернии составляло всего 16,25 версты [5: 17–18].

Вторая внутрирегиональная почтовая дорога Черноморского казачьего войска, стартовавшая от столичного Екатеринодара, имела общее географическое направление с юга на север, с вектором движения в сторону почтовой станции Конурской. На расстоянии 8,5 версты от города почтовая дорога проходила рядом с хутором казака Чадного, владельческий участок которого в районе пролегания дороги отличался наличием удобных земель, но пересекался «2-мя балками незначительной величины». Вот они-то и доставляли немало хлопот проезжающему транспорту и отдельным путникам, поскольку в продолжительные периоды осеннего ненастья и весенней распутицы становились очень топким, трудно преодолеваемым местом. Общее расстояние при движении по второй почтовой дороге от Екатеринодара до почтовой станции Конурской составляло 21 версту. Недалеко от этой станции в северном направлении, на дистанции не более 100 сажень (около 200 м) почтовая дорога пересекала «общественную плотину через речку Конуру». От почтовой станции Конурской дорога шла в сторону ст. Старомышастовской и, практически достигнув ее, проходила на небольшом расстоянии 2,5 версты мимо станичного поселения с его восточной стороны. Вполне удобная дорога ожидала путников далее на всем протяжении пути до почтовой станции Кочатинской, которая отстояла тогда от почтовой станции Конурская на общем расстоянии 18 верст. От почтовой станции Кочатинской путь пролегал через ст. Медведовскую, а от нее на дистанции

в 6,5 версты дорога проходила по гребню (дамбе), устроенному через речку Кирпильцы (Кирпили), и далее она двигалась в направлении станции Кирпильской. На приличном расстоянии в 19 верст между почтовыми станциями Кочатинской и Кирпильской почтовая дорога пересекала четыре неглубокие балки, которые в период осеннего ненастья и весенней распутицы становились относительно топкими местами. От почтовой станции Кирпильской дорога направлялась к Бейсугской почтовой станции, но установить точную длину пути между указанными станциями не представлялось возможным из-за незавершенности землеустроительных работ [5: 18–18 об.].

Третья почтовая дорога пролегала из Екатеринодара в северо-западном направлении и через 16 верст достигала станции Новомышастовской без особых препятствий. Но вблизи степной ст. Ивановской, отстоявшей от почтовой станции Новомышастовсой на расстоянии 8,5 версты, дорожный путь пересекал по мосту Ангелинский ерик. После переправы через Ангелинский ерик почтовая дорога поворачивала прямо в западном направлении до почтовой станции Каракубанской, и далее на протяжении еще 8,5 версты совершенно ровной полосой стелилась по Кубано-Приазовской низменности. Затем третья почтовая дорога проходила на расстоянии 3,5 версты через плавни, представлявшие собой достаточно болотистую местность, поросшую камышом. Преодолев этот довольно тяжелый участок плавней, почтовая дорога поворачивала на юго-запад, пересекала через мост Казачий ерик, далее направлялась по восточному и южному берегам Кущеватого лимана и к р. Протоке, где на ее левом берегу располагалась почтовая станция Копыльская, но установить точную длину пути между почтовыми станциями Каракубанской и Копыльской, к сожалению, не представлялось возможным из-за незавершенности землеустроительных работ [5: 18 об –19 об.].

Таким образом, становление почтовой службы в Черномории прошло сложный путь, хотя, безусловно, проблема надежной почтовой коммуникации осознавалась войсковыми властями с самого начала создания войска. Свои сложности испытывало нормативно-правовое регулирование почтовой службы в условиях широкомасштабной реформы почтового дела в Российской империи, но вместе с тем мы видим колоритные фигуры почт-содержателей, которые, несмотря на существовавшие трудности, налаживали почтовое сообщение в рамках трех векторов развития почтовых трактов.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1878.

2. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2095.

3. ГАКК. Ф. 250. Оп. 7. Д. 1.

4. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 82.

5. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 257.

6. Положение о Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. // Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. XVII. Отд. 1-е. СПб, 1843. Ст. 15809. С. 708–742.

7. Положение об управлении Донского Войска. 26 мая 1835 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. X. Отд. 1-е. СПб, 1836. Ст. 8163. С. 453–639.

К.Б. Сижажева

ПРОХЛАДНЕНСКИЙ МЕНОВОЙ ДВОР КАК МЕСТО ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ГОРЦАМИ И РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ в 1810–1820-е гг.

В слободе Прохладной с 1809 г. находился меновой двор, который представлял собой пункт товарообмена местного населения с русскими. Несомненно, торговля играет большую роль в сближении двух народов, и Прохладненский меновой двор внес свою лепту в этот процесс.

Социально-экономические отношения между Россией и народами Кавказа всегда пользовались интересом у исследователей. Торговля является одной из форм взаимодействия разных народов. Начало XIX в. характеризовалось военным положением на территории Центрального Кавказа. Необходимость открытия Прохладненского менового двора объясняется тем, что нужно было интегрировать местное население в российскую экономику, с одной стороны, а с другой – обеспечить спокойствие на рубежах империи. Сотрудничество местного населения с русскими давало возможность перехода от традиционного типа экономики к новому. Тем не менее функционирование меновых дворов и регулирование их деятельности остаются малоизученными.

Данное исследование является актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане. В теоретическом смысле – это механизмы включения народа в социально-экономическую структуру другого государства, переход от традиционной экономики к новому типу торговых связей; в практическом – внедрение товарно-денежных отношений, становление системы власти и контроля над экономической жизнью.

Цель статьи – раскрыть основные аспекты деятельности Прохладненского менового двора в 1810–1820-е гг. Задачи работы: изложить общие сведения о меновой торговле на Центральном Кавказе; рассмотреть особенности организации торговли на Северном Кавказе с привлечением представителей местного населения; осветить пространственную организацию Прохладненского менового двора.

Вопросы меновой торговли на Центральном Кавказе затрагивались в работах Т.Х. Кумыкова, имеющих важное значение для понимания тех социально-

экономических процессов в регионе, на фоне которых развивалась меновая торговля в Прохладном. В его книге «Экономическое и культурное наследие Кабарды и Балкарии в XIX веке» описана меновая торговля кабардинцев и балкарцев [2].

Основным материалом исследования стали документы Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (фонд И-49 «Прохладненский меновой двор»). Были проанализированы источники, которые можно условно разделить на две группы: нормативные и делопроизводственные. К нормативным относятся распорядительные акты власти, которые регламентировали порядок деятельности меновых дворов, права и обязанности должностных лиц в их отношении и т.п. К их числу принадлежит «Наставление смотрителю над меновым торгом с горскими народами» от 19 апреля 1811 г. [2: 78], в котором описывается, как именно должна проводится торговля и обмен с местным населением. Делопроизводственные документы составлялись учреждениями и должностными лицами для учета и управления собственной деятельностью. Были проанализированы рапорты гражданских губернаторов и смотрителей, отчеты о приходе и расходе соли и вырученных меновым двором за соль денежных сумм, входящие и исходящие регистры Прохладненского менового двора и т.п. В них содержатся сведения о состоянии соляного магазина, казенном имуществе и строениях менового двора.

Торговля солью занимала важное место на Северном Кавказе в начале XIX в. Царское правительство понимало, что спрос на соль всегда будет держаться на высоком уровне и делало все возможное для того, чтобы регламентировать ее продажу. Это стало одной из причин появления меновых дворов.

Наряду с меновыми дворами появились и карантинные заставы, которые усложняли в принципе передвижение по региону, не говоря уже о торговле. Под строгим запретом был свободный проезд через Кавказскую линию. Те, кто проезжал через эту территорию, должны были «сидеть на карантине» в течение месяца, а иногда и 40 дней. Это отрицательно сказывалось на торговле солью.

До установления карантинных ограничений кабардинцы, осетины, чеченцы и другие народы Терека для нужд своего развитого животноводства привозили соль из соляных озер Кавказской области с уплатой в казну по 1 руб. 50 коп. за арбу [1: 29]. С открытием меновых дворов такую же цену поставили за пуд. Цена в 1,5 руб. за пуд соли стабильно держалась вплоть до 1822 г. С середины 1822 г. плата с 1 руб. 50 коп. была повышена до 2 руб. за пуд. Естественно, это было крайне невыгодно населению, бывали и недовольства. Но данная цена за пуд держалась много лет, и местные жители постепенно привыкли к новым реалиям.

Продажа соли кабардинцам шла главным образом через Прохладненский меновой двор [1: 29], который был основан в 1809 г. По мнению Т.Х. Кумыкова, культурное и экономическое сближение между местным населением и русскими неуклонно ширилось. Доставка соли была под особым надзором начальника Кавказской линии. Нами исследовано много рапортов, содержащих указания смотрителю

донести до губернатора, сколько нужно пудов соли в меновой двор для продажи в следующем году [6: 1].

Следует отметить, что Прохладненский меновой двор занимал особое значение в соляной торговле на Тереке. Однако торговля в начальные годы существования менового двора шла достаточно медленно. Этому были две причины. Во-первых, ограничения по карантину были достаточно длительные, а за соблюдением карантинных правил строго следили. Во-вторых, как было сказано выше, покупка соли при меновых дворах была невыгодна местному населению, которое искало «обходные» пути [5: 114].

Кабардинцам было невыгодно менять свои продукты на соль именно при меновых дворах. Это обходилось им дороже, чем при обычной торговле вне двора. На свой страх и риск всё-таки они делали попытки покупать соль вне менового двора. Было много случаев, когда при перевозке находили и отбирали у горцев соль, купленную в другом месте. Так, гражданский губернатор писал смотрителю менового двора: «В разрешение рапорта вашего предписываю: законфискованную у горцев при провозе за границу соль, продавать в Кабарду» [4: 230].

В 1815 г. на меновом дворе оставалось большое количество соли:

«1. Доставлено с соляного озера 27 августа 3460 пудов соли, 7 сентября 3500 пудов, 16 сентября 3000 пудов соли. Итого 9960 пудов.

2. К тому числу поступило от здешней карантинной заставы законфискованной тайно провозимой за границу соли 29 апреля 10 пуд[ов], 30 мая 22 пудов. Итого 32.

3. К тому числу поступило от моздокского земского суда законфискованная тайно провозимая нагайцами соль 105 пудов.

Остаточной от 1814 года состояло соли 5002. Итого в 1815 году 15 099 пудов соли» [3: 157].

Следом идет отчет 1816 г., в котором отмечается, что остаток соли от 1815 г. составляет 9438 пудов [3: 157].

Следует отметить и другие причины упадка торговли солью. Во-первых, на это влияла сложная политическая ситуация в Кабарде. Во-вторых, в данный период были построены новые крепости и наблюдался приток казаков, у которых можно было приобрести соль и другие продукты в разы дешевле.

Видя всё происходящее, администрация предлагала ряд решений этого вопроса: запретить всем постовым продавать или обменивать что-либо местному населению, возвращать в родные места кабардинцам товар строго через карантин, запретить обмен и покупку соли вне менового двора [7: 167].

Можно сделать вывод, что торговля или обмен с горцами велась не столько с целью извлечения прибыли, сколько для их привлечения на сторону России в столь нелегкое время. Торговля солью при меновом дворе не приносила желаемых российской администрацией результатов. Несомненно, в этих связях было заинтересованно прежде всего государство, оно и стало их первым организатором. Торгуя

на меновых дворах, горцы и жители слободы одновременно искали возможность для более выгодных торговых отношений. Они таким образом оказались вовлечены в систему экономических связей Российской империи.

Источники и литература

1. *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.

2. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное наследие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

3. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР) Ф. И-49. Оп. 1. Д. 1.

4. УЦГА АС КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 3.

5. УЦГА АС КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 4.

6. УЦГА АС КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 12.

7. УЦГА АС КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 44.

В.В. Касьянов

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ЗАСЕЛЕНИЯ АРМАВИРА[1]

Общепризнанным считается факт появления в 1839 г. в районе слияния рек Кубань и Уруп поселения, получившего название Армянский аул. У историков не вызывает сомнения и то, что основное население аула составили черкесогаи – переселенцы в основном с территории Западного Кавказа, просившие об этом царское правительство в лице командующего Кубанской укрепленной линией генерала от кавалерии барона Г.Х. фон Засса [2–4; 9; 10]. Большинство исследователей едины в том, что дальнейшие действия командующего являлись своевременными, благородными и человечными, поскольку именно он осуществил это переселение. Генерал и сам гордился содеянным, судя по документам, в одном из которых он указывал, что «уже несколько лет, как используя все благоприятные моменты, успел переселить 300 семей армян из горных районов Черкесии на равнины Кубани, которые поселились теперь на левом берегу реки Кубани, напротив Прочно-Окопского укрепления, и с военной, и с гражданской стороны они ныне всем обеспечены...» (цит. по: [2: 42]). Несмотря на противоречивые оценки деятельности генерала Г.Х. фон Засса, следует признать, что переселение горских армян и создание их единого этнонационального

[1] Статья написана в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сёл Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.».

поселения стало, действительно, одним из главных вопросов в деятельности генерала на Кавказе.

Именно на основании этого письма ранее делался вывод о компактном и одномоментном переселении сотен семей горских армян на новое место жительства. Более внимательное изучение источников (Российский государственный исторический архив, фонд 1278) позволяет убедиться в том, что процесс переселения черкесогаев начался значительно раньше – с 1820-х гг. – и в условиях войны требовал скорейшего решения и военного, и гражданского управления Российской империи. Исход населения с территорий военных действий приводил к усилению миграционных потоков, многочисленным людским трагедиям, жертвам среди мирного населения, обострению межэтнических и конфессиональных отношений. Иными словами, надо признать, что подготовка переселения и выбор места заняли длительное время, даже больше, чем те «несколько лет», о которых писал генерал.

Этот сложнейший исторический процесс прекрасно изложен в работе Ф.А. Щербины «История Армавира и черкесо-горцев», где в разделе «Первые поселенцы и их предки» подробно и глубоко анализируется исход армянского и греческого населения с Кавказских гор на равнинные территории вплоть до Тамани и Крыма. Вот только часть примеров, которые приводит Фёдор Андреевич: «Всё это происходило весною в 1834 г., после того как армяне, частью вследствие неурожая, а частью из боязни набега Састяна, совсем переселились в 1833 г. из аула в станицу Казанскую… При переселении в Армавир группа Хатукаевских армян состояла из 12 фамилий в количестве 42 семейств… В числе их были выходцы из Армении, Крыма, Турции и пр. <…> Другая группа армян, осевшая в Армавире в 1839 г. и основавшая здесь Гяурхайльский квартал, сделала два передвижения, прежде чем попала в Армавир. <…> Наконец, в Армавире была водворена и та часть горских армян, которая вышла из гор в Черномории и обитала здесь вместе с греками на Таманском полуострове, в станице Гривенской или Новонижестеблиевской, близ станицы Пашковской и др. Последние были переселены внутрь Черномории – в станицу Переясловскую, смежную с Брюховецкой. Когда предложено было расселить их и по другим станицам, то они просили не разъединять их, так как у них были общие священные предметы и утварь. Все они перешли потом в Армавир» [10: 28–29, 34–35].

Какие выводы следуют из этих примеров?

Во-первых, налицо общий для территории Кубани и Причерноморья затяжной кризисный процесс перемещения значительных групп населения из одних мест в другие, поскольку Ф.А. Щербина называет большое количество станиц, где уже обитали будущие армавирцы.

Во-вторых, констатируется особо бедственное положение горских армян, которые в условиях продолжавшейся войны уже не могли проживать в горных селениях и просили военное командование царской армии взять их под защиту и определить новое место проживания.

В-третьих, в этих условиях наиболее приемлемым местом компактного расселения (что и просили черкесогаи) стал левый берег Кубани на месте впадения в нее р. Уруп. Ранее в публикациях мы анализировали этот процесс и пришли к выводу, что наличие здесь свободных земель, значительных водных ресурсов, лесных массивов, имевшихся тогда, позволяло быстро организовать и наладить хозяйственную деятельность большого количества людей [7: 69–72].

Кроме того, необходимо учитывать фактор постоянной военно-государственной защиты населения: напротив аула, на правом берегу Кубани, находилась крепость Прочный Окоп. С 1784 г. крепость была не только форпостом царских войск на Кавказе, но и местом активной экономической деятельности, меновым двором. Это соседство стало причиной быстрого хозяйственно-экономического роста армянского аула.

Надо особо отметить, что освоение этой территории началось десятилетиями раньше. После окончания Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. царское правительство стало переселять на правый берег Кубани казаков Черноморского войска, а также донских казаков. К 1 августа 1794 г. у подножия крепости Прочный Окоп на самом берегу Кубани разместилось поселение донских казаков, состоявшее из 200 семей. По имени крепости их станица была названа Прочноокопской. Она располагалась на том месте, где сейчас находится правобережная часть Армавира – Старая Станица.

Прочноокопскую часто затапливали разливы Кубани. Ввиду этого по приказу командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А.П. Ермолова в 1817 г. станица была перемещена на 4 км вниз по течению реки, на ее высокий правый берег, где она находится и поныне. В то же время рядом с Прочным Окопом выросла солдатская слобода Форштадт (теперь это поселок с тем же названием).

Крепость Прочный Окоп связана с именами таких известных русских генералов, как А.П. Ермолов, А.А. Вельяминов, Н.Н. Муравьев-Карский. 8 (20) августа 1820 г. через ст. Прочноокопскую вместе с семьей героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н.Н. Раевского проезжал А.С. Пушкин, возвращаясь из Горячих Вод (Пятигорска) к месту своей негласной ссылки в Екатеринослав (Днепропетровск) [5: 88–92].

Дорога пролегала через Ставрополь, Владимирский редут и у крепости Прочный Окоп выходила к берегу Кубани. За ст. Прочноокопской старая ставропольская дорога делала крутой поворот к высокому правому берегу реки. Это место получило название Пушкинской высоты.

Такой подробный анализ расположения крепости, ее роли в появлении аула не случаен. Крепость Прочный Окоп не могла стать и не стала началом г. Армавира. Сегодня и следов крепости почти нет. Но ее роль в становлении и развитии города невероятно велика. По-нашему мнению, в подготовке нового исследования по истории Армавира просто необходима глава о Прочноокопской крепости [1: 20–21].

В XX в. неоднократно вспыхивал спор о том, кто выбрал место для поселения. Упоминали генерала Г.Х. фон Засса, нескольких известных армянских просветителей и религиозных деятелей. Нет сомнения в том, что они высказывали свои соображения. Но решение принималось не здесь. Ход многолетней войны свидетельствовал о том, что Россия приходит сюда навсегда. А если это так, то и место для нового города должно было быть стратегическим.

Действительно, Армавир был основан в центре между тремя русскими (уже заселенными) областями и четвертой – черкесской, к которой как бы пуповиной прикреплены были своими прежними связями новорожденные армавирские армяне. На восток от Армавира находилась нынешняя Ставропольская губерния с ее достаточно развитой по тому времени экономической жизнью.

Та же Ставропольская губерния юго-западной своей частью примыкала к Терской области, а ближе к Армавиру, с северо-запада, востока и юга по кубанской дуге пролегала еще более богатая часть Кубанской области, известная впоследствии как Старая Линия. Армяне, основавшие Армавир и прожившие несколько лет перед тем близ него на Кубани у станиц Казанской, Кавказской и Темижбекской, знали все эти условия и, наверное, надлежащим образом оценили их [6: 43–48].

Но еще более в правильности выбора были уверены чиновники канцелярии Николая I. Они и закрепили это предложение.

Правильность выбора места подтверждает и дальнейшая история города: прокладка здесь железнодорожных магистралей в XIX–XX вв., быстрый рост населения и экономики. Совершенно прав известный исследователь истории Армавира С.Н. Ктиторов, который пишет: «Исключительно выгодное месторасположение Армавира на линии магистрали (Ростово-Владикавказской. – *В. К.*), посреди обширного сельскохозяйственного района с плодородными черноземами и тучными пастбищами, вблизи от важнейших торговых центров Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии привлекало сюда не только русских, но и представителей многих других народов, живущих в нашем Отечестве» [8: 42].

История продвижения России на Кавказ сложна и противоречива. При ее анализе требуется учет значительного числа условий, факторов и закономерностей. Для нас в данном вопросе главным является положение о том, что юго-восток Краснодарского края с таким важнейшим центром, как Армавир, неизбежно должен был привлекать к себе внимание государственных министерств и ведомств. А стратегическое направление на Кавказ через Армавир должно было стать и стало одним из важнейших на Юге России.

Источники и литература

1. Армавир / А.И. Гончарова, В.И. Гончаров, В.Б. Баргилова и др. Краснодар, 1983.

2. *Виноградов Б.В.* Средняя Кубань. Земляки и соседи. Формирование традиционного населения. Книга историко-культурных регионоведческих очерков. Армавир, 1995.

3. *И.* Современное состояние Армавира // Кавказ. 1853. № 34. С. 141–142.

4. *Иванов.* Армавир // Кавказ. 1850. № 45. С. 179–180.

5. История Кубани: учебное пособие / под общ. ред. проф. В.В. Касьянова. Краснодар. 2015.

6. *Касьянов В.В.*, *Петров В.И.* Историко-демографическая характеристика аграрного населения Кубанской области второй половины XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 43–48.

7. *Касьянов В.В.*, *Петров В.И.*, *Басте Р.Ю.* Заселение города Армавира (к вопросу изучения социально-экономической истории Кубанского края XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5/2. С. 69–72.

8. *Ктиторов С.Н.* Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX века). Армавир, 2014.

9. *Ланге.* К вопросу о преобразовании Армавира в город // Кавказ. 1905. № 129. С. 2.

10. *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкесогаев: адаптированное переиздание. Краснодар, 2010.

И.В. Середина

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК

Экономический бум, который пережил Северный Кавказ во второй половине XIX в., был невозможен без качественных изменений в сфере коммуникаций. Возводилась сеть дорог, которые позволили не только связать край в единое целое, но и открыть населявшим его народам доступ к огромному общероссийскому рынку. Бурно развивавшиеся и совершенствовавшиеся железные дороги обеспечили качественный рывок в преодолении, казалось бы, непоколебимой локальности. Вывоз местной продукции и одновременно поступление фабричных товаров из внутренних губерний на северокавказский рынок обеспечивали фундаментальную основу «революции повседневности», переживаемой населением региона.

Ради достижения заветной цели правительство готово было привлекать как отечественный, так и иностранный частный капитал. Но затратный замысел отпугивал потенциальных исполнителей. Нужна была поддержка государства,

способного решить эту задачу. Кавказский наместник, пользуясь возможностью напрямую обращаться к императору, просил его о содействии в реализации масштабного и амбициозного проекта по соединению региона доступными дорогами с остальной империей. В качестве главного аргумента называлась военная целесообразность, но и экономические выгоды со счетов не сбрасывались.

В итоге 2 июля 1872 г. была высочайше учреждена концессия «на сооружение и эксплуатацию железной дороги от Ростова-на-Дону до Владикавказа и шоссе от станции Минеральные Воды на Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск» [6: 20]. В дальнейшем планы пришлось корректировать, а к имеющимся веткам со временем добавились новые дороги. Строительство магистрали привело к заметной активизации экономической жизни в крае, и даже был сделан вывод, что «с этого момента и начинается собственно экономический рост всего Северного Кавказа» [6: 20].

Отметим то обстоятельство, что почти сразу заговорили о культурных последствиях дорожного строительства. Оно открывало регион для славянской колонизации, позволяя при этом повлиять на местные народы как в «нравственном», так и в «коммерческом отношении» [4: 35]. Как отмечалось в журнале Комитета министров, «только подобная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России навсегда прочными и неразрывными узами; тогда, быть может, не в дальнем будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской ее границы» [4: 35].

При строительстве железнодорожной магистрали учитывались прежде всего интересы армии. Хронический дефицит денег заставлял экономить буквально на всем. По подсчетам экономистов, дорога становилась рентабельной лишь в том случае, если ежегодно по ней перевозилось бы не менее 12 млн пудов грузов [16: 121]. Без привлечения частных инвесторов обойтись было невозможно, и в итоге было создано акционерное Общество Ростово-Владикавказской железной дороги, которое могло владеть ею в течение 81 года после завершения строительства. Это открывало перед ним огромные перспективы, так как все ресурсы региона фактически становились зависимыми от воли акционеров. Они могли влиять на местных предпринимателей через ценовую политику, поглощать их производства. Кавказ становился весьма привлекательным местом для вложения капитала.

Помимо железнодорожных путей, возводились и грунтовые дороги. Этот процесс затянулся на десятилетия, и, что особенно важно подчеркнуть, нередко сами горцы занимались дорожным строительством по своей инициативе. Финансовая поддержка со стороны властей была незначительна. Нередко всё ограничивалось предоставлением шанцевого инструмента и непригодного к боевому применению пороха для подрыва скальных пород камня. В полной мере связать горные районы с равниной в рассматриваемый период так и не удалось [14: 118].

Это сдерживало разработку полезных ископаемых, делало нерентабельной их доставку на плоскостные территории. То, что могло обеспечить трудоустройство немалой части местных жителей, к примеру, угольные копи в Карачае, так и оставалось убыточным предприятием, державшимся за счет государственных дотаций. Серьезный удар по экономической состоятельности предприятия нанесло мухаджирство, так как «уменьшение перевозочных средств, происшедшее от выселения ногайцев из края», отразилось на себестоимости конечного продукта [15: 113].

Когда вошла в строй Ростово-Владикавказская железная дорога, появился шанс на расширение добычи угля с Хумаринского месторождения. Но практика показала, что завозить донецкий уголь, более подходящий для паровозных топок, было гораздо выгоднее, и вкладываться в добычу местного сорта угля не стали. Не изменила ситуации и более низкая цена на последний [7: 108].

Аналогичные проблемы возникли и вокруг Алагирского серебро-свинцового завода в Северной Осетии. Сложнейший рельеф затруднял доставку сырья до завода, а затем к ближайшей железнодорожной станции. Отечественная промышленность пока не нуждалась в дорого обходившемся материале, а потому лишь приход иностранного капитала изменил ситуацию в лучшую сторону. Тем не менее власти видели перспективы этого завода, так как «богатство рудников, обилие гидравлической силы, строительного материала и топлива, наконец, дешевизна рабочих рук» составляли «чрезвычайно благоприятные условия» для дальнейшего совершенствования данного производства [2: 122].

В итоге «центр формирования прибыли» решили перенести во Владикавказ, благодаря чему транспортные издержки удалось свести к минимуму [14: 124]. Горные районы по-прежнему считались неперспективными для вложения капитала, а потому рассчитывать на то, что здесь возникнут производства, нуждающиеся в рабочих руках, не приходилось.

Между тем на Садонских рудниках, где в первое время работали преимущественно русские, в дальнейшем свыше 60 % рабочих составили осетины. В результате длительного взаимодействия горцы усвоили не только производственный опыт, но и модель социальных отношений, характерную для российского пролетариата. Можно говорить о мировоззренческих изменениях, в том числе и в оценке политических реалий, которые стали присущи горцам [1: 27–28].

Достаточно амбициозные проекты по разработке полезных ископаемых в Дагестане также нередко разбивались о непреодолимые преграды горного ландшафта [9; 10]. Добыча серы и ртути сулила немалую прибыль. Основной капитал открытого в 1896 г. товарищества «Кавказская ртуть» оценивался в 1,5 млн руб. Весьма состоятельные и имевшие немалый административный ресурс учредители могли преодолеть досадные бюрократические барьеры [5: 108]. Но даже таких возможностей оказалось недостаточно, и спустя шесть лет предприятие было закрыто, а учредители решили «продать имущество его» [10: 88].

Власти причинами имеющихся провалов считали «невыясненное положение прав на землевладение и отсутствие удобных путей сообщения в Дагестане» [8: 38].

Параллельно ведению строительства дорог власти озаботились и реконструкцией региональных портов. Это делало регион привлекательным не только для отечественного, но и для иностранного капитала, открывало внешние рынки сбыта местных товаров [13: 180, 260 и др.]. Повышенным спросом пользовалось зерно, для которого была создана система хранилищ и передовых механизированных элеваторов. В итоге через порты Кавказа стали вывозить не только местное зерно, но и хлеб с Урала, из Поволжья, Сибири, центральных губерний страны. Постепенно регион становился одним из динамично развивающихся лидеров отечественной экономики. Это не только открывало перед проживавшими здесь народами большие перспективы, но и несло немало угроз, так как процесс имущественного расслоения горских обществ, по-прежнему в значительной степени сохранявших приверженность патриархальным устоям, приводил к болезненным социокультурным конфликтам.

В регион хлынул ссудный капитал, который Общество Владикавказской железной дороги предоставляло под урожай. Кредит мог получить отдельный хозяин или целое общество. Эта практика ударила по интересам так называемых амбарщиков, которые раньше могли скупать зерно по низким ценам, в то время когда заканчивалась навигация и производители не могли выгодно продать имеющиеся у них запасы. Теперь же цена на хлеб держалась на одном уровне и его реализовывал непосредственно сам производитель, минуя перекупщика [3: 68–69].

Железная дорога, таким образом, нанесла сильнейший удар по сложившейся специализации традиционной экономики региона. Ранее жители равнин предлагали своим горным соседям хлеб, а те им – продукты животноводства. Но отныне доступ на равнинные пастбища затруднялся, а значительная часть площадей, ранее использовавшихся для выпаса, теперь была занята пашнями. Это привело к сокращению поголовья и отразилось на уровне благосостояния населения горных районов [14: 119–120].

Отмечалось, что «в силу существующих на плоскости условий земельной аренды, доставка оттуда корма, равно как и перегон туда скота могли быть доступны лишь для более зажиточной части населения, которая, разумеется, и воспользовалась этими средствами… Менее же зажиточная часть горцев, потеряв постепенно свой мелкий скот во время суровых зим, осталась уже без него, – что, с своей стороны, только благоприятствовало развитию этого рода скотоводства у зажиточных, так как оставляло в их распоряжении больше пастбищ» [5: 56–57]. Отсюда и заметные различия в одежде, домовладениях, разновидности досуга и тому подобных маркерах, свидетельствовавших об усилившемся имущественном расслоении еще недавно внешне эгалитарного общества.

На примере новороссийского порта второй половины 1890-х гг. показывалось, что выдают «ссуды под хлеб, в настоящее время до 80 % биржевой стоимости зерна, и высылают авансы по получении образцов груза и их дубликатов… Таким образом, обеспеченный ссудой хлебоотправитель, может, если найдет выгодным, выжидать наступления более благоприятного для него положения рынка. С другой стороны, реализовав 80 % стоимости своего зерна – он имеет возможность пустить свой капитал в оборот» [11: 33]. Это был качественно новый уровень ведения торговых операций, демонстрировавший, как местный рынок обнаруживал свою зрелость и состоятельность.

Планировалось вкладывать средства в ответвление от основной ветки железной дороги к тем районам, которые считались экономически перспективными и сулили поставки разного рода сырья. В этот процесс втягивались и горские народы, получившие, как и все живущие на Кавказе, возможность использовать преимущества устойчивых коммуникаций.

Но объективные трудности, связанные с ландшафтно-климатическими особенностями региона, так и не дали довести инфраструктурное обустройство Северного Кавказа до приемлемого для его качественной трансформации состояния [12: 8 об., 20 и др.]. Нам видятся эвристически продуктивными размышления Н.Ю. Силаева о том, что традиционная горская экономика оказалась слишком хрупкой и уязвимой перед изменениями среды и любыми внешними воздействиями [14: 126].

В рассматриваемый период преодолеть транспортно-логистические проблемы в крае так и не удалось. Это негативно влияло на усилия властей по органичному включению региона в общероссийское пространство, сдерживало процессы его социокультурного обустройства на новых державных принципах.

Источники и литература

1. *Ахмадов Ш.Б.* Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период) / А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов, С.А. Исаев, Э.Д. Мужухоева, Я.З. Ахмадов, Г.А. Горчханова, Т.М. Айтберов. Грозный, 1989. С. 86–101.

2. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 год. Владикавказ, 1896.

3. *Казначеев А.В.* Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск, 2005.

4. *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: исторический очерк. Т. 2. СПб., 1902.

5. *Максимов Е.*, *Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа: историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ, 1892.

6. *Москвич Г.* Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель на 1915 год. Петроград, 1915.

7. *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.

8. Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898.

9. Обзор Дагестанской области за 1901 г. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1902.

10. Обзор Дагестанской области за 1903 г. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1904.

11. Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. СПб., 1896.

12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 802.

13. *Руммель В.Ю.* Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа: результаты изысканий, произведенных в 1893–1894 гг. (Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Вып. 20). СПб., 1896.

14. *Силаев Н.Ю.* «Кавказа не станет…» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т. I (33) / отв. ред. Н.Ю. Силаев. М., 2004. С. 110–128.

15. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сборник документов. Ростов н/Д., 1985.

16. *Харин Ю.Г.* Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск, 2003.

Д.И. Состин

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX в. ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

История социально-экономического развития Кавказа в начале XX в. представляет особый интерес. Именно здесь к этому времени быстрее, чем в иных регионах России, сформировалась экономика капиталистического типа с соответствующим характером производственных отношений. Это в перспективе имело большое значение не только для Кавказа, но и для всей России. Внимания заслуживает и социальная структура рассматриваемого региона, которая под влиянием различного рода факторов была во многом уникальной, связанной с политическим процессом, ускорившимся из-за революций 1917 г.

Рассматривая социально-экономическое развитие Северо-Кавказского региона, выделим экономику. Ее основой в начале XX в., как и в предшествующий

период, было аграрное производство. Как сложное социальное явление оно сформировалось в результате длительного развития товарно-денежных отношений, свойственного российской экономике в целом. Вместе с тем, говоря о Кавказе, обратим внимание, что объективно экономика региона, как и местная социальная структура, в значительной мере складывалась под влиянием ранее действовавших факторов: колонизация (вторая половина XVIII в.), становление государственных административно-территориальных границ, устройство хозяйственной жизни на местах, фронтир с его социокультурным взаимодействием с сопредельными государствами.

Особую роль в социально-экономическом развитии Кавказа, как и в целом в России, занимала модернизация. Начавшись в пореформенный период, она охватывала не только промышленность, железнодорожное строительство, но и социальные и политические институты государства. Трансформация последних пришлась уже на начало XX в., период первой российской демократической революции 1905–1907 гг., столыпинских реформ. Именно тогда правительство пыталось проводить такую политику, которая была бы альтернативой радикальным планам преобразования общества и отвечала интересам всего населения империи.

Таким образом, аграрно-капиталистический переворот в экономике Кавказа, в отличие от Центральной России, где он еще не завершился, имел значимые результаты. Достаточно подробно и обстоятельно вопросы социально-экономического развития Кавказа, Степного Предкавказья были изучены историками досоветского, советского и постсоветского времени. Огромный вклад в этом отношении внесли А. Тварчелидзе [18], Г.Н. Прозрителев [13], П.А. Шацкий [20], С.А. Чекменев [19], Т.А. Невская [12], А.И. Кругов [10], В.Н. Ратушняк [14], донские историки Е.П. Савельев [15], А.И. Козлов [9] и многие другие.

Мы же, опираясь на опыт предшественников, историографический задел, собственные исследовательские практики, постарались осветить проблемные аспекты социально-экономического развития региона на переломном этапе российской истории, которые были связаны с модернизацией, событиями 1917 г., последствия которых привели к радикальным, революционным изменениям в российском обществе и государстве. Учитывая задачи статьи, административно-территориальное устройство Кавказа, разнообразие его этнического, социального состава, мы сконцентрируем внимание на Степном Предкавказье и рассмотрим Кубанскую область и Ставропольскую губернию.

К проблемам, которые определяли развитие региона, можно отнести особенности социального положения его населения. Население Кубани и Ставрополья, как, впрочем, и соседних территорий, например, Терека на юге, Донской области – на севере, было исторически неоднородным.

В Ставропольской губернии, как подтверждают архивные источники, главной фигурой аграрного общества (а оно здесь было основным) являлся коренной

крестьянин. Коренное население берет начало от крестьян – переселенцев еще раннего периода колонизации Кавказа, протекавшей задолго до рассматриваемого нами периода [17: 58].

Коренные сельчане имели хозяйство, по количеству земли, скота и инвентаря значительно превосходившее имущество крестьян центральных российских регионов [5: 4]. Коренное крестьянство Ставропольской губернии в период столыпинской аграрной реформы активно образовывало единоличные хозяйства – хутора. В 1917 г. они составляли третью часть от всех крестьянских хозяйств губернии [4: 57–58].

Особую социальную группу аграрного населения региона составляло казачество. Оно являлось военным сословием, которое несло государственную службу, имело корпоративную организацию и ряд привилегий, касающихся землеустройства, промыслов и иной хозяйственной деятельности. Казачьи офицеры, атаманы располагали имениями в тысячи десятин. В Государственном архиве Краснодарского края имеются списки таких землевладельцев, численность которых, впрочем, была сравнительно небольшой [2: 10–11].

Отдельной категорией аграрного населения региона были иногородние. Этот слой сформировался в поздний колонизационный период. К иногородним в Ставропольской губернии относилось около 20 тыс. хозяйств [6: 29]. Роль иногородних в экономике региона была значительной. Уровень жизни немалой части этих людей, имевших определенные знания, производственный опыт, хозяйственную инициативу, был более высоким, чем в бедных селах глубинной России. Однако социально-экономическое положение основной его массы на Ставрополье и в Кубанской области, особенно в казачьих районах, было сложным. На Кубани иногородние были ущемлены в правах, не имели земли, помимо общих, платили отдельные налоги, например, за выпас скота, отстранялись от станичного управления. Такая ситуация создавала немало хлопот губернской администрации на Ставрополье, подрывала экономику сёл и городов, усиливала социальную напряженность, особенно в казачьих станицах и вокруг них.

Таким образом, следует отметить, что социально-экономическое положение земледельцев Ставрополья, Кубани, как и в целом населения Юга России, было неодинаковым и в силу вышеназванных причин часто более благополучным, чем в других регионах страны, но и идеализировать социальную картину, складывавшуюся в ставропольских селах, кубанских станицах, а тем более в городах и горских аулах не приходится. Необходимо учесть, что объективно с развитием капитализма усиливались аграрные противоречия между иногородним и коренным населением, казачеством и горцами. Эта ситуация ухудшалась накануне и в ходе Первой российской революции 1905–1907 гг. и еще более ярко проявилась к 1917 г.

В 1914 г. Российская империя вступила в войну против Тройственного союза. Экономический рост в предвоенные годы не обеспечил технологического

превосходства над противником. Страна оказалась не готовой к продолжительным боевым действиям. Военные потери, экономический кризис усиливали социальные противоречия, которые обострялись по мере падения производства, роста инфляции, транспортного коллапса и т.п. Не был исключением и Кавказ. Близость Кавказского фронта, мобилизация, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве, дефицит промышленных товаров оказывали влияние на общественно-политическую обстановку в регионе. Например, в Ставропольской губернии, недостаток рабочих рук привел к тому, что уже к 1916 г. более 20 % крестьянских хозяйств имели ограниченные посевные площади или совсем их не имели [7: 207]. Весьма сложной обстановка была в горных районах Кавказа. Там обострялся давно назревший аграрный вопрос [11: 15].

Безусловно, центральная и местная власти старались смягчить участь страдающего от всех «прелестей» военного времени населения. С конца 1914 г. на Ставрополье, в Кубанской области, как и в других регионах сраны, начали действовать Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы. Они располагали исполнительными органами на местах. Позднее был создан Главный комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор). Его служащие занимались организацией госпиталей и санитарных поездов, помощью раненым и беженцам, снабжением их продовольствием, одеждой, медикаментами.

Для поддержки производства, занятости людей при правительстве начала действовать система особых совещаний по обороне, топливу, железнодорожным перевозкам, продовольствию. С расширением фронта и притоком беженцев было создано особое совещание по устройству этой категории населения. Не утрачивало своего значения как в довоенный, так и в военный период кооперативное движение. Активно действовало созданное в 1914 г. Доно-Кубано-Терское товарищество кооперативов, включавшее более 14 обществ. Оно занималось скупкой хлеба и поставкой его в войска. В городах, уездных центрах была развернута сеть госпиталей и больниц. В 1915 г. в одной только Ставропольской губернии на средства Всероссийского земского союза действовало 36 госпиталей, к 1917 г. – 40 [7: 207].

Разворачивалась и благотворительная работа. В этом направлении действовали различные общественные организации, например, общества борьбы с нищенством, учрежденные еще до войны. Они функционировали в городах и в уездах, открывали детские приюты, дома милосердия [3: 117].

Тем не менее социальная ситуация ухудшалась, средств на социальные нужды не хватало, производство падало, усиливался дефицит продуктов и промышленных товаров, росла инфляция, постепенно снижавшая покупательную способность крестьян и горожан. Последствием было недовольство людей, в первую очередь представителей городских низов, семей мобилизованных, иногородних, проявлявшееся уже в конце 1916 г. Об этом свидетельствовали полицейские сводки, печать. Вот что писала в декабрьские дни 1916 г. газета «Северокавказский край»,

выходившая в губернском Ставрополе: «Прошло два года войны. В деревенской России произошло нечто невообразимое, сказался недостаток хлеба и предметов первой необходимости. Вдобавок к этому, непременным спутником всего является небывалый рост цен. Большинство общества все зло разрухи видит в спекуляции и бессилии администрации» [16].

В политической жизни все больше заявляли о себе как о факторе стабильности казачество и горская элита. Осенью 1917 г. на волне общероссийского хаоса на Юге России была создана конфедерация представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. На съезде конфедерации, проходившем в сентябре 1917 г. в городе Екатеринодаре, как писала в те дни «Вольная Кубань», было заявлено о создании «сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза Юго-восточных автономных и федеральных областей» [1].

По мере того, как Временное правительство теряло контроль над ситуацией в стране, усиливался экономический кризис, ухудшалось социально положение населения, терялись перспективы благоприятного развития России. Окончательным ударом по экономике региона, как и всей России, социальному положению населения в центре и периферии стал политический кризис, характеризовавшийся противостоянием различных, противоположных друг другу идеологически политических сил, от крайне левых до либеральных. Большинство партий, за исключением большевиков, настаивали на решении аграрного вопроса через Учредительное собрание, выступали против произвольной конфискации частновладельческих земель. Проблемы в экономике все больше перемещались в политическое поле. В этих условиях к концу 1917 г. в регионе, как практически во всей стране, наступил полный экономический коллапс. Временное правительство не смогло объединить различные слои российского общества. На Ставрополье, Кубани, особенно в горных районах, нарастали сепаратизм, националистические настроения. В крестьянской среде наблюдалась неопределенность и отсутствие какой-либо предсказуемости во взглядах на будущее.

Так, на четвертом Губернском крестьянском съезде, проходившем 30 декабря 1917 г. в Ставрополе, наблюдался раскол в настроениях его делегатов. Половина сёл требовала передачи власти советам, другая часть через крестьянские наказы выражала поддержку Учредительному собранию. Однако и те, и другие, желая мира, земли и воли, не получили в итоге ни того, ни другого [8: 8–19]. На фоне социального раскола начиналась Гражданская война, имевшая в стране, особенно на Юге России, трагические формы и последствия.

Таким образом, анализ вышеизложенного показывает не только особенности социально-экономического положения основных слоев общества Ставрополья и Кубани, прежде всего аграриев, которые традиционно составляли здесь большинство, их преимущество над крестьянством Центральной России в обеспеченности землей и иными средствами производства, что, впрочем, не было незыблемым и менялось не в лучшую сторону, особенно в военное время. Источники

свидетельствуют, что социально-экономическое положение практически всего населения региона, как и всей России, ухудшалось на фоне политического кризиса, борьбы за власть и неспособности центральных властей минимально поддерживать социальную стабильность в сложное для страны время.

Источники и литература

1. Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1807.

3. ГАКК. Ф. 590. Оп. 1. Д. 2.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 37. Оп. 1. Д. 16.

5. ГАСК. Ф. 80. Оп. 2. Д. 13.

6. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2759.

7. ГАСК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 208.

8. ГАСК. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 22.

9. *Козлов А.И.* Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава населения Дона и Северного Кавказа накануне Октября. Ростов н/Д., 1984.

10. *Кругов А.И.* Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX века (на материалах Ставрополья, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008.

11. *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.

12. *Невская Т.А.* Северный Кавказ в начале XX в. Очерки истории. Ставрополь, 2012.

13. *Прозрителев Г.Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ставрополь, 1925.

14. *Ратушняк В.Н.* Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв.: учебное пособие. Краснодар, 1982.

15. *Савельев Е.П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917.

16. Северокавказский край. 1916. 15 декабря.

17. Статистический справочник Юго-Востока России / под ред. А.А. Пономарёва. Ростов н/Д., 1923.

18. *Тварчелидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897.

19. *Чекменев С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.

20. *Шацкий П.А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861–1905 гг.: историческое исследование: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Л., 1970.

А.А. Боголюбов

ПЯТИГОРСК ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ: СЮЖЕТЫ О ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В ГАЗЕТЕ «ПЯТИГОРСКАЯ ПРАВДА» 1943 г.

Автор статьи выражает глубочайшую благодарность исполняющей обязанности директора Пятигорского краеведческого музея Ю.А. Золотарёвой и главному хранителю музея Л.Н. Прялкиной за предоставленную возможность собирать материалы для статьи в фондах музея, прежде всего связанные с прессой Пятигорска времен Великой Отечественной войны. Именно в фондах Пятигорского краеведческого музея хранится наиболее полная подшивка газеты «Пятигорская правда». Пятигорская городская библиотека им. Горького располагает подшивками газеты лишь начиная с 1947 г.

Подшивка газеты «Пятигорская правда», хранящаяся в фондах Пятигорского краеведческого музея, содержит 223 выпуска газеты, начиная с 3 марта 1943 г. вплоть до 1944 г., что дает возможность составить на основе этих материалов достаточно полное впечатление о городской жизни того времени. Все номера газеты за этот период находятся в основных фондах музея под № 4052. Подшивка газеты начинается с № 24.

Цель данной статьи – введение в научный оборот материалов, относящихся ко времени непосредственно после освобождения Пятигорска от немецко-фашистской оккупации, возрождению хозяйственной и культурной жизни города, его бальнеологической деятельности в 1943 г.

Следует сказать несколько слов об истории газеты. За 20 лет, прошедших после Октябрьской революции 1917 г., Пятигорск стал не только широко известным курортом с минеральными водами, но и крупным научным, образовательным и культурным центром Северного Кавказа. Кроме того, в городе появился ряд крупных промышленных предприятий. Всё это и обусловило необходимость учреждения в Пятигорске собственного печатного органа [1: 4–8].

«Пятигорская правда» выходила в Пятигорске с 1937 по 1959 г. с перерывом, вызванным немецко-фашистской оккупацией города с августа 1942 по январь 1943 г. В 1959 г. (в период, когда первым секретарем ЦК КПСС был Н.С. Хрущёв) газета была закрыта по политическим причинам: в связи с публикацией в одном из сентябрьских номеров письма, якобы присланного солдатами Н-ской воинской части. К письму прилагалось патриотическое по содержанию стихотворение, оказавшееся акростихом: первые буквы каждой строчки, если их читать сверху вниз, образовывали фразу «Хрущев бандит» [18]. Выпуск газеты был возобновлен лишь в 1990 г. В настоящее время «Пятигорская правда» выходит один раз в неделю.

В 1943 г. газета выходила пять раз в неделю: по вторникам, средам, пятницам, субботам и воскресеньям. Номера 24, 28, 29 и 30 выходили в двухстраничном варианте в формате А4. Все последующие номера – также в двухстраничном варианте – выходили уже в формате А3. Иногда, если требовалось дополнительное пространство, как правило для сводок Совинформбюро, к выпуску газеты прилагались еще две страницы в формате А5. Редакция располагалась в Пятигорске по адресу: ул. Лермонтовская, 10. Тираж печатался также в Пятигорске в типографии им. Анджиевского, располагавшейся по ул. Садовой, 3. Временно исполняющим обязанности ответственного редактора газеты в марте 1943 г. был К. Семёнов. С 23 марта этот пост занимал А.Н. Степанов. С 14 мая исполняющим обязанности ответственного редактора газеты был Л.С. Танский. С 11 июня этот пост занимала М. Абаева, с 16 июля – Г. Белов. С 16 сентября ответственным редактором «Пятигорской правды» был Е.Ф. Бутко. С 29 сентября временно исполняющей обязанности ответственного редактора вновь стала М. Абаева, а с 14 ноября и уже до конца года ответственным редактором вновь стал Е.Ф. Бутко.

Каждый выпуск газеты начинался со сводок Совинформбюро и сообщений о ходе боевых действий на советско-германском фронте [2–17]. В случае, если на первой странице помещались еще и постановления или ноты советского правительства, а также указы Президиума Верховного Совета СССР, сводки Совинформбюро и сообщения о положении на фронтах могли занять и часть второй страницы. За сводками и сообщениями обязательно следовали международные новости. В первую очередь это были сообщения о боевых действиях сухопутных сил, флота и авиации союзников против немецко-фашистских войск. Затем в каждом выпуске газеты шли материалы о возрождении хозяйственной жизни города, а также его госпитальной базы. Ниже будет приведено несколько примеров подобного рода публикаций.

В № 29 от 9 марта 1943 г. сообщалось об успешном освоении пятигорским Гормолзаводом новых видов продукции, производившейся сверх плана. Продукция была предназначена главным образом для больниц, госпиталей, детских садов и яслей. В этом же выпуске сообщалось о состоявшихся 8 марта первых процедурах в возрожденных Лермонтовских ваннах [3: 2]. И это при том, что после освобождения Пятигорска ванны являли собой живое свидетельство варварства фашизма: было уничтожено, разбито, разграблено практически всё.

В следующем номере, от 10 марта, сообщалось об успешном восстановлении работы Пятигорского мясокомбината. Здесь же было помещено объявление о том, что артель «Труд слепых» принимает от организаций и частных лиц заказы на переработку матрасов и ватных одеял [4: 2].

В № 34 от 16 марта сообщалось об открытии на Советском проспекте (ныне проспект Кирова – центральная улица города) кафе под названием «Пятторгин» [5: 2]. Несмотря на весьма неудачное название кафе, начало его

работы было явным свидетельством возрождения в освобожденном городе мирной жизни.

В № 37 от 20 марта на первой странице, помимо фронтовых сводок, был помещен материал о социалистическом соревновании между коллективами двух крупнейших на тот момент промышленных предприятий города – Моторемонтным и Чугунолитейным заводами, уже в тот период успешно функционировавшими [7: 1]. На второй странице того же выпуска сообщалось о том, что Пятигорский спиртоводочный завод успешно восстановлен и находится накануне пуска. Здесь же помещена информация о завершении восстановления железной дороги на всём ее протяжении от Минеральных Вод до Ессентуков и о начале курсирования по этой линии двух поездов в сутки [7: 2].

16 марта в Пятигорске был сдан в эксплуатацию маслобойный завод. Об этом «Пятигорская правда» сообщила в № 38 от 21 марта [8: 2].

В № 41 за 26 марта газета сообщала о восстановлении в артели «Пятилетка» трикотажного цеха, а также о выдаче 20 марта артелью «Расфасовщик» первой партии муки [10: 2].

Таких примеров можно было бы привести по публикациям газеты весьма много. Достаточно сказать, что по сообщению той же «Пятигорской правды» от 25 марта 1943 г. за два с половиной месяца, прошедших со дня освобождения Пятигорска от немецко-фашистской оккупации, в городе было восстановлено и пущено в действие до 40 промышленных предприятий, в том числе хлебопекарни [9: 2].

Конечно, как и во всяком большом деле, не обходилось без досадных казусов. Так, например, в № 52 «Пятигорской правды» от 10 апреля под рубрикой «Предмайское социалистическое соревнование» в заметке Л. Стругач, помещенной под заголовком «Трудовой подъем», сообщалось об инициативе коллектива Пятигорского хлебокомбината на 10 дней раньше срока, 20 апреля, пустить первые две печи [13: 2]. К счастью для руководства хлебокомбината, инициатива эта не привлекла внимания карательных органов. Иначе руководству пришлось бы давать весьма неприятные объяснения, в чей именно день рождения они собрались пускать первые две печи комбината.

Обратимся теперь к освещению на страницах «Пятигорской правды» культурной жизни Пятигорска после его освобождения от оккупации. В № 44 под заголовком «Что покажет театр в апреле» газета знакомила читателей с репертуаром Пятигорского театра музыкальной комедии, как тогда назывался Ставропольский краевой театр оперетты в Пятигорске. Весьма благожелательно сообщалось о премьерах оперетт «Гейша» и «Сильва», а также драматических спектаклей «Платон Кречет», «Без вины виноватые» и «Черный ребенок» [12: 2].

Впрочем, отношение редакции газеты к культурным событиям в Пятигорске было далеко не всегда благожелательным. Так, например, в № 35 от 17 марта была помещена негативная рецензия на представление «Театра иллюзий» на пятигорском базаре [6: 2].

Тем не менее культурная и образовательная жизнь Пятигорска возрождалась быстрыми темпами. Уже в № 28 от 7 марта «Пятигорская правда» сообщала об открытии в Пятигорской городской библиотеке выставки, рассказывающей о советских женщинах и девушках на фронте и в тылу [2: 2].

В № 54 от 13 апреля сообщалось о готовившемся к открытию в пятигорской библиотеке фотомонтаже «Освобождение Ставропольского края от немецко-фашистских оккупантов». Кроме фотомонтажа, в библиотеке предусматривалось открытие выставки о Сталинградской битве, состоявшей из четырех отделов:

1) роль товарища Сталина в обороне Сталинграда;

2) героические защитники;

3) зверства немцев;

4) возрождение Сталинграда.

Как фотомонтаж, так и выставку планировалось развернуть в фойе пятигорского театра [14: 2].

Всего же за время оккупации сотрудникам библиотеки не удалось спасти 35 тыс. книг. В первые дни после освобождения в фонды библиотеки от горожан поступило 20 тыс. ценных книг для восполнения утраченного [15: 2].

В № 55 рассказывалось о том, как оккупанты грабили имущество Музея краеведения, а также находящихся поблизости школ № 1 и № 2. За прошедшие со дня изгнания оккупантов три месяца коллектив музея не только сумел полностью восстановить его деятельность, но и открыть новые отделы, в том числе рассказывающие о героизме советских людей во время Великой Отечественной войны [15: 2].

Возрождалась в городе и научная жизнь. Примером может служить восстановление научной библиотеки Бальнеологического института. По словам профессоров А. Грибоедова, А. Лозинского и ряда других научных сотрудников института, наиболее ценные книги из собрания библиотеки удалось спасти во время немецко-фашистской оккупации. К моменту выхода публикации 27 марта 1943 г. уже было собрано около 30 тыс. книг для восполнения потерь, понесенных библиотекой института во время оккупации. Кроме этого, в кассу института поступило 80 тыс. руб. для закупки библиотекой необходимой литературы [11: 2].

Физико-химическая лаборатория института наладила выпуск наркозного эфира для пятигорских больниц и госпиталей. Об этом сообщил на страницах «Пятигорской правды» заведующий лабораторией кандидат химических наук А. Шинкаренко [14: 2].

Музей «Домик Лермонтова» не только восстановил к концу марта 1943 г. свою работу, но и открыл новый отдел, экспозиция которого рассказывала о разрушениях в городе и музее во время немецко-фашистской оккупации [12: 2].

В кинотеатрах Пятигорска в апреле шли фильмы как патриотического содержания, так и развлекательные. В кинотеатре «Родина» показывали «Как закалялась сталь», а позднее – «Секретарь райкома», в кинотеатре «Октябрь» – «Очарован тобой» [16: 2], а позднее – «Праздник святого Иоргена» [17: 2].

Возрождалось после изгнания оккупантов из города и образование. Отступая, они подожгли здание фармацевтического института. Сотрудницы вуза и жители соседних домов залили пламя, так что серьезно пострадал лишь первый этаж. Это позволило уже в двадцатых числах января 500 студентам вуза продолжить учебу. Обо всех этих фактах сообщил на страницах «Пятигорской правды» в статье «Когда побеждает упорство» заместитель директора по научно-учебной части фарминститута профессор А. Грибоедов [17: 2].

На обеих страницах выпуска «Пятигорской правды» за воскресенье, 18 апреля, помещены материалы о работе пятигорских школ во втором учебном полугодии. В том числе в статье за подписью Л. Стрэн помещен обзор школьных сочинений на свободную тему. Большая часть сочинений посвящена Великой Отечественной войне. В них выражается уверенность в победе советского народа и ненависть к подлому врагу [16: 1–2].

В настоящей статье автор взял на себя смелость рассказать об экономической, образовательной и культурной жизни Пятигорска в первые месяцы после освобождения города от немецко-фашисткой оккупации. В качестве материала для исследования автором были привлечены статьи газеты «Пятигорская правда» за указанный период, что придает публикации научную ценность и вводит в оборот новый исторический источник.

Источники и литература

1. *Линец С.И.* Город во мгле… (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.

2. Пятигорская правда. 1943. № 28. 7 марта.

3. Пятигорская правда. 1943. № 29. 9 марта.

4. Пятигорская правда. 1943. № 30. 10 марта.

5. Пятигорская правда. 1943. № 34. 16 марта.

6. Пятигорская правда. 1943. № 35. 17 марта.

7. Пятигорская правда. 1943. № 37. 20 марта.

8. Пятигорская правда. 1943. № 38. 21 марта.

9. Пятигорская правда. 1943. № 40. 25 марта.

10. Пятигорская правда. 1943. № 41. 26 марта.

11. Пятигорская правда. 1943. № 42. 27 марта.

12. Пятигорская правда. 1943. № 44. 29 марта.

13. Пятигорская правда. 1943. № 52. 10 апреля.

14. Пятигорская правда. 1943. № 54. 13 апреля.

15. Пятигорская правда. 1943. № 55. 14 апреля.

16. Пятигорская правда. 1943. № 58. 18 апреля.

17. Пятигорская правда. 1943. № 59. 20 апреля.

18. Пятигорская правда. 1959. 6 сентября.

А.А. Редин

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Процесс появления диаспор определяется обширным диапазоном разных факторов (социальных, региональных, военных, политических и пр.). Возрастание уровня интенсивности миграционных процессов обуславливает актуализацию рассматриваемого феномена. В настоящее время крупные диаспоры поддерживают свою историческую родину (Грецию, Израиль, Армению, Индию, КНР и пр.) при решении экономических и политических вопросов. В политологии диаспорный фактор является объектом особенного внимания, потому что в выработке и практической интеграции решений политического плана возникают разного рода изменения, а в глобальном политическом пространстве появляются прежде не существовавшие международные субъекты. Термин «диаспора» в нынешних реалиях наделяется абсолютно новым, соответствующим текущим условиям смысловым содержанием [4; 11–13]. В настоящей публикации предпринята попытка осмысления данного научного феномена на примере армянской диаспоры в России.

Дискуссии в научном сообществе о роли диаспорных групп как самостоятельных участников политических процессов отличаются противоречивостью, избыточностью и конкуренцией. Авторитетный немецкий социолог Г. Зиммель в своем эссе «Экскурс о чужаке» 1923 г. произвел теоретическую актуализацию и конкретизацию проблематики, связанной с исследованием диаспоры. Ученый рассматривал чужака не в качестве странника, который «сегодня приходит, а завтра уходит», а в качестве потенциального странника, который «сегодня приходит и завтра остается». По мнению исследователя, чужак находится в определенном окружении, но он не принадлежит ему изначально, благодаря чему в это окружение привносятся принципиально новые качества [7: 9]. Акцент на проблематике социального статуса лиц-«чужаков» дал возможность Г. Зиммелю выделить вопросы, имеющие связь со сложно устроенной диалектикой близости и чуждости в межличностных взаимоотношениях, а также с восприятием «иного» в нынешних реалиях.

В науке используется обширный диапазон подходов к решению рассматриваемых вопросов. Особое внимание привлекает классическая модель диаспор, о которой ведут речь такие специалисты, как Дж. Армстронг, Х. Тололян, А. Ашкенази, У. Сафран и некоторые другие ученые [16; 17; 19; 20].

Проблематика диаспорального характера актуализировалась в период с 1980-х по 1990-е гг. [5; 18]. Это обусловлено распадом Советского Союза, обострением конфликтов на национальной почве и формированием большого количества прежде не существовавших диаспор на постсоветском пространстве. В контексте

изысканий с этнополитическим и этнологическим уклоном выделяются характерные для диаспоры признаки, среди которых значится наличие у лиц – их членов – групповой памяти, идентичности и самосознания.

Американский ученый и издатель журнала *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* Х. Тололян говорит о том, что к диаспорам возможно причислить далеко не каждое объединение лиц-мигрантов. Согласно точке зрения данного специалиста, сообщества-диаспоры в обязательном порядке должны соответствовать обширному диапазону признаков-критериев, в частности:

– все лица-члены диаспорного объединения должны находиться по обособленным государствам за пределами собственной митрополии;

– они должны в течение как можно большего количества времени не утрачивать собственной первоначальной идентичности для формирования новой, базирующейся на поддержке различий (в том числе культурных);

– участники диаспоры чувствуют родственную связь с бывшими соотечественниками, которые находятся на территории иных государств и / или остаются в метрополии [20].

Рассматривая специфические особенности диаспорного объединения с культурно-этнической точки зрения, авторитетный российский этнолог, историк и социальный антрополог академик В.А. Тишков приводит указание на такие черты:

– сохранение и факт существования коллективной памяти мифа / представления о «первоначальной родине»;

– ощущение отчужденности от доминирующего социума, обусловленное наличием лингвистического и культурного барьера, так называемой «ландшафтной ностальгией»;

– ностальгическая и романтическая вера в родину своих предков как в истинный дом, который идеализирован, вне зависимости от надежды туда вернуться;

– идея служения родине, которая далеко [14: 39–42].

Основную долю существующей сегодня «традиционной» армянской диаспоры в различных государствах мира составляют выходцы из разных населенных пунктов Западной Армении, предки которых смогли уцелеть при геноциде 1915–1923 гг. [6: 7].

История армян в России началась еще в IX в. За долгие годы жизни здесь они адаптировались к новым условиям, их культура и язык изменились. Иногда адаптация была настолько сильной, что армяне теряли свою этническую идентичность. Многие армяне считают себя частью российского общества. Основная часть армян, которые обосновались на российской территории до периода перестройки, успешно приспособились к социально-экономической и правовой среде [8: 114–118].

Роль армянской диаспоры в мировой политике анализируют А.А. Вартумян, О.Б. Леонтьева, Л.Г. Мкртчян и другие ученые [10; 17; 20]. Некоторые исследователи вводят в научный оборот новые термины, вызывающие интерес и неоднозначные оценки, например, «глобальная армянская нация» [9].

Взаимодействию экспертов – представителей различных научных направлений – для междисциплинарного и системного анализа диаспоры армян российского Юга способствуют проводимые на регулярной основе конференции международного и общероссийского уровня в Ростове-на-Дону [1–3]. В качестве объекта исследования выступала и московская армянская диаспора, состоящая из «армян-мигрантов» и «армян-москвичей» [15].

По В.Г. Кардумяну, не каждый армянин обладает армянским самосознанием и памятью о том, что его предки обладали армянским происхождением. И данный фактор особенно присущ именно армянам в России. К диаспорам возможно причислить не каждого находящегося за пределами Армении армянина [8]. Согласно экспертным оценкам, диаспора армян в «глобальной этносетке» включена в топ-10 по численности и в топ-3 по ресурсам и степени влияния. Совокупная численность армян на планете гораздо превышает количество жителей непосредственно в Республике Армения.

На территории различных мировых государств есть состоящие из армян партии с политической ориентацией, созданные еще в начале прошлого столетия. К ним относятся Рамкавар-Азатакан, Гнчак и Дашнакцутюн. Однако на российской территории, согласно действующему законодательству, воспрещается формировать политические партии по этническому признаку.

Политическая роль армянской диаспоры, имеющиеся у нее коммуникационные системы и сети трансграничного уровня требуют подробного исследования. Представители диаспорного объединения применяют классические и современные средства связи и коммуникации, включая газеты, радио, ТВ, всемирную сеть «Интернет», электронную почту, мессенджеры и т.д. Данные каналы применяются с целью оперативного обмена экономическими, политическими и культурными ресурсами. За счет решительности и высокого уровня организованности представители диаспоры армян имеют все шансы стать влиятельными субъектами политических процессов в РФ.

В России армянам достаточно объединений по этническому принципу – на уровне землячеств и общинных ценностей – чтобы удовлетворить свои культурные, языковые и образовательные потребности. Армяне, компактно проживающие в определенных местах, активно объединяются и собирают ресурсы для различных проектов и начинаний. Члены диаспоры могут участвовать в политической жизни страны: работать в местных органах власти, государственных структурах и правоохранительных органах. Они развивают научную, творческую деятельность и традиционные виды бизнеса.

Армянские диаспоры в России уже давно сформировались и стали устойчивыми сообществами. В них больше нет только начинающих формироваться групп людей, объединенных по принципу общего места происхождения. Поэтому для изучения армянской диаспоры России можно использовать подходы, которые применяются в разных гуманитарных науках. Чтобы лучше понять армянскую

диаспору, важно проанализировать историю ее существования, выделить основные этапы формирования («волны» миграций), изучить разнообразные способы ее социальной самоорганизации, в том числе в советский период, когда официально диаспоры не могли иметь организационных форм. Также необходимо определить статус диаспоры в современном российском обществе в целом и в отдельных регионах России в частности. Кроме того, стоит обратить внимание на самосознание членов диаспоры и их историческую память, которая неразрывно связана с этнической идентичностью.

Армянская диаспора в России – уникальное явление, которое объединяет множество людей с разными религиозными убеждениями и культурными особенностями. Среди армян есть монофизиты, католики, православные, баптисты, протестанты и даже мусульмане (хемшилы). Однако в российском обществе нет условий для работы армянских политических партий («Дашнакцутюн», «Рамкавар», «Гнчах»), которые борются за влияние над диаспорой. Эти партии не могут создать сильные политические и финансовые группы лоббистов, так как у них нет такой структуры, как у западных партий.

Сегодня мы наблюдаем процесс формирования новой локальной субкультуры среди армян. Однако перерастание этого явления в организованную диаспору маловероятно. Это связано с тем, что армяне в России слишком разнообразны и не имеют единой политической или культурной платформы.

Источники и литература

1. Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012.

2. Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2015.

3. Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2018.

4. *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление: Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д.; Пятигорск, 2002.

5. *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.

6. *Григорьян К.Э.* Субэтнические группы армян: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

7. *Зиммель Г.* Экскурс о чужаке / пер. с нем. А. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 9–14.

8. *Кардумян В.Г.* Армянская диаспора России и ее влияние на армяно-российские отношения // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 114–118.

9. *Крылов А.Б.* «Глобальная армянская нация» в политике современной Армении // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4 (49). С. 162–174.

10. *Леонтьева О.Б.*, *Мкртчян Л.Г.* Армянская диаспора России: современные подходы к изучению // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 26. С. 8–14.

11. *Полоскова Т.В.* Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 1999.

12. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.

13. *Сваранц А.* Армения и диаспора: проблемы и перспективы // 21-й век. Ереван, 2008. № 2 (8). С. 143–157.

14. *Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. / 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург, 2011.

15. *Царева Т.* Армянство Москвы // Армяне в России: сборник статей / под ред. Э.Р. Григорьяна. М., 2013. С. 49–59.

16. *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 3. С. 162–185.

17. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. Is. 2. P. 393–408.

18. *Brubaker R.* The “Diaspora” Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28. No. 1. P. 1–19.

19. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 1991. Vol. 1. No. 1. P. 83–99.

20. *Tololyan K.* Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 1996. Vol. 5. No. 1. P. 3–36.

А.А. Березутская, Л.П. Ермоленко

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Современная политическая и социально-экономическая ситуация в Российской Федерации характеризуется тем, что наши соотечественники существенно реже, чем раньше, посещают международные курорты и, как следствие, чаще приезжают на отечественные. С одной стороны, это позитивно сказывается на имидже внутреннего туризма, но с другой – увеличиваются нагрузки на экологически уязвимые природные и лечебные ресурсы курортов.

Республика Дагестан обладает значительным туристическим потенциалом. Сохранение этого этнокультурного региона и рациональное использование его природных ресурсов – приоритетная задача властей всех уровней, ключевой фактор успешной реализации государственной политики в области туризма

и развития территорий. Республика известна своим выгодным расположением, уникальной природой, сохранными культурными традициями. Дагестан богат золотыми песчаными пляжами (береговая линия протянулась более чем на 500 км), разнообразием горных рельефов, термальными источниками, памятниками истории и культуры. Всё это предоставляет значительные возможности для развития многих видов туризма.

Изучением потенциала Дагестана в этой области занимается несколько коллективов ученых: как специалисты из самой республики (Дагестанского государственного университета [5; 6; 8; 10; 22], Дагестанского государственного педагогического университета [6], Дагестанского государственного аграрного университета [2], Дагестанского государственного университета народного хозяйства [3; 4; 7]), так и из Москвы, Российского экономического университета [14].

Целью настоящей работы является обзор выявленных ранее проблем для развития туризма в регионе и анализ способов их решения, какими их видит правительство республики. Для решения поставленной задачи были проанализированы научные работы о функционировании туристической отрасли в Дагестане и корпус официальных документов (федеральные целевые программы, а также региональные стратегии развития).

Эксперты, занимающиеся изучением проблематики туризма в Дагестане, единодушны в том, что республика обладает значительным потенциалом в этой сфере. Проведенные исследования тенденций развития туристической отрасли в республике за последние 15 лет неизменно фиксировали рост основных показателей, среди которых доля занятых в туристско-рекреационном комплексе от численности трудоспособного населения; доходы от такой деятельности за год; число коллективных средств размещения и др. [2; 14].

В республике видится перспективным развивать различные виды туризма: лечебно-оздоровительный, пляжный, экологический, аграрный, этнический, исторический, паломнический, горнолыжный, экстремальный и винный [3–6; 8; 10; 14; 15; 22]. Однако многое еще предстоит сделать, чтобы полностью раскрыть туристический потенциал самого южного региона России. Эксперты выделяют следующие факторы, тормозящие развитие туризма в республике:

– прежде всего, это комплекс проблем, связанных со сферой безопасности: относительно низкий уровень, на котором находятся системы обеспечения безопасности в регионе [14], и связанное с этим негативное общественное мнение о политической ситуации в республике [3: 40], а также имидж горячей точки [2: 55]; выпадение огромных территорий из экологического процесса (закрытие для туристов нескольких хребтов), что связано с действием военно-политических факторов [6: 118];

– комплекс проблем, связанных с необходимостью развития территорий, куда планируется привлекать туристов: отсутствие развитой туристской инфраструктуры [2: 55; 3]; неблагоустроенная пляжная зона, недостаток финансов

для строительства новых объектов [14: 60]; нерешенные земельные вопросы (конфликты между строителями курортов и хозяевами земель); необходимость строительства очистных сооружений на участках, примыкающих к зонам отдыха [5: 373]; недостатки законодательства, регулирующего правовой режим деятельности курортов [23: 96–97];

– низкое качество предоставляемых туристических услуг [2: 55; 3], что связано, с одной стороны, с вопросами к персоналу (отсутствием высококвалифицированных кадров для работы в сфере туризма [7: 60], отсутствием крупных туроператоров по внутреннему и въездному туризму, имеющих собственную туристскую инфраструктуру и инвестиционный потенциал, сезонным характером занятости в туристическом обслуживании населения [2: 55]), а с другой – со сложившимися стереотипами местных жителей: их нежеланием менять привычный ритм жизни [7: 60], недостаточной толерантностью к туристам [7: 58], восприятием сферы услуг как недостаточно уважаемого вида занятости [14: 60];

– проблемы, связанные с распространением информации о туристических объектах: слабое информирование местного населения о концепции развития туризма и имеющихся объектах на территории республики [1: 6]; отсутствие комплекса мероприятий по продвижению туристического продукта региона [2: 55]; недостаточное информирование потенциальных клиентов о туристических и рекреационных ресурсах региона и их преимуществах [3: 40; 7: 60].

В качестве способа решения имеющихся проблем многие авторы называют государственную поддержку туристической сферы. Однако нельзя сказать, что такая поддержка отсутствует. В правительстве страны и республики принимают меры для постепенной работы с названными проблемами. В 2002 г. в Дагестане был образован специальный исполнительный орган, ответственный за туристическую сферу, – Министерство по делам молодежи и туризма. Оно просуществовало до 2006 г., после чего было упразднено, а спустя девять лет, в 2015 г., восстановлено в новом формате – как Министерство по туризму и народным художественным промыслам. Оно работает и в настоящее время [12].

В течение последних 15 лет в Дагестане был принят ряд документов, предметом которых выступает региональный туризм, и выделены средства на достижение обозначенных целей.

В 2011 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года». К 2025 г. в регионе планировалось создать «развитый туристско-рекреационный комплекс (морской и горный международный курорт с развитыми лечебно-оздоровительной и научно-познавательной составляющими, обладающий инфраструктурой, позволяющей Республике Дагестан стать деловым центром государств Каспийского региона)» [20].

С опорой на цели, обозначенные в этом документе, спустя два года, в 2013 г., в регионе была принята государственная программа «Развитие туристско-рекреационного комплекса и народных художественных промыслов в Республике Дагестан

на 2014–2018 годы». Целью ее называлось «формирование конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса, развитие народных художественных промыслов в Республике Дагестан как приоритетных направлений развития Республики Дагестан, обеспечивающих широкие возможности для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристских продуктах и изделиях народных художественных промыслов, повышение уровня жизни сельского населения путем увеличения количества форм занятости и самозанятости и роста доходов на основе развития сельского туризма, повышения конкурентоспособности санаторно-курортного комплекса республики путем модернизации имеющихся санаторно-курортных организаций и строительства новых» [9]. В рамках программы на развитие туристско-рекреационного комплекса в республике было выделено 5,8 млрд руб.

В государственной программе Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года, утвержденной в 2014 г., была предусмотрена подпрограмма «Развитие туристского кластера в Северо-Кавказском федеральном округе», в соответствии с которой предполагалось создание всесезонного туристско-рекреационного комплекса «Матлас» на территории Хунзахского района Республики Дагестан, а также создание рекреационных комплексов на территориях Дербентского, Карабудахкентского, Каякентского и Магарамкентского районов («прибрежных курортов») [16]. К сожалению, строительство перечисленных комплексов до настоящего времени не завершено.

В 2016 г. пять инвестиционных проектов республики в сфере туризма были включены в список мероприятий федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [17]. Предполагалось построить туристические центры в с. Крайновка и Кардоновка, на Ачикольских озерах в Кизлярском районе, с. Алмак Казбековского района, прибрежной территории Дербентского района. К 2024 г. все эти проекты находятся в стадии реализации.

Также в настоящее время идет работа над туристским укрупненным инвестиционным проектом «Каспий», относящимся к группе расширения туристского предложения в рамках оздоровительного туризма. Его финансирование осуществляется по федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2019–2025 годы) [18].

Анализ программных документов и итогов запланированных работ позволяет сделать вывод, что строительство крупных объектов оказывается сложновыполнимой задачей. В то же время статистические данные о развитии отрасли, как мы упоминали ранее, демонстрируют стабильный прирост мест размещения туристов.

Перспективной стратегией оказывается увеличение числа туристических проектов в регионе за счет событийного туризма. Если в 2019 г. республиканский реестр событийных мероприятий Дагестана состоял примерно из 100 пунктов [11], то в 2024 г. в аналогичном списке их насчитывалось уже 183 [19].

Позитивные изменения видны и в области информирования населения о туристических объектах Дагестана. Если в 2019 г. правительство докладывало о том, что цифровой контент продолжает размещаться на национальном туристском портале *Russia.Travel* [11], то в 2024 г. пользователю доступно уже несколько интерактивных карт с подробной информацией о достопримечательностях республики [13; 21].

В регионе динамично развивается этнотуризм. Туристические агентства разрабатывают интересные авторские этнотуры. Гости, путешествуя от одного аула к другому, могут познакомиться с жизнью дагестанцев и их традиционными ремеслами, попробовать блюда национальной кухни, насладиться живописными горными пейзажами и уникальной природой. В рамках этнотуров гостей республики знакомят с тонкостями древних ремесел и рассказывают о традициях, которые передаются из поколения в поколение на протяжении веков. Анимационные программы включают посещение фольклорных фестивалей или концертов народных коллективов, представляющих этническую группу. Привлекательным для туристов является и личное участие в танцах, играх и приготовлении кавказских блюд. Всё большую популярность приобретают так называемые этносвадьбы, в рамках которых носители культуры воспроизводят для гостей элементы народных свадебных обрядов [15].

Подводя итоги, отметим, что Дагестан имеет потенциал и благоприятные условия для развития всех видов туризма. Задача правительства Республики Дагестан в области развития туристско-рекреационного комплекса состоит в продвижении дагестанского турпродукта на национальном и мировом рынке; выработке оптимального механизма для финансирования работ по возведению и реконструкции туристических объектов, в связи с тем что у частных инвесторов недостаточно средств и возможностей для реализации проектов в этой сфере.

Источники и литература

1. *Аббасова А.А.*, *Исмаилов Т.З.* Основные черты и проблемы развития туризма в Дагестане // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики России в современных условиях: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 14–15 мая 2018 г. Махачкала, 2018. С. 5–9.

2. *Аббасова А.А.*, *Раджабов А.Н.*, *Мустафаева Х.Д.* Туристическая привлекательность Дагестана: проблемы и решения // Горное сельское хозяйство. 2015. № 3. С. 52–56.

3. *Абидов М.Х.*, *Исмаилова Ф.Н.*, *Борисова Л.А.* Проблемы и перспективы развития туризма в Республике Дагестан // УЭПС: Управление, экономика, политика, социология. 2019. № 1. С. 39–43.

4. *Аванесов С.С.*, *Магомедов А.М.* Потенциал развития экстремального туризма в Дагестане // Вопросы структуризации экономики. 2014. № 1. С. 294–296.

5. *Айгумов А.Д.*, *Алибеков М.М.*, *Гамидов М.Г.* Проблемы развития туризма в Дагестане // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 1 (31). С. 371–380.

6. *Атаев З.В.*, *Магомедова А.З.* Высокогорный Дагестан – перспективный район развития экологического туризма // Юг России: экология, развитие. 2007. № 4. С. 116–119.

7. *Атаева Т.А.* Значение макрофакторов в развитии туризма в Республике Дагестан // Актуальные вопросы развития современного общества: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, 18 апреля 2014 года: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Ю.С. Положенцева. Курск, 2014. С. 58–61.

8. *Газалиева Н.И.*, *Айгубова С.С.* Экологический туризм как главное направление развития туризма в Дагестане // Практика использования концепции маркетинга предприятиями и предпринимательскими структурами: Всероссийская научно-практическая конференция. Махачкала, 2016. С. 53–58.

9. Государственная программа Республики Дагестан «Развитие туристско-рекреационного комплекса и народных художественных промыслов в Республике Дагестан на 2014–2018 годы». Утверждена постановлением Правительства Республики Дагестан от 28 ноября 2013 г. № 620. URL: https://docs.cntd.ru/document/460221311 (дата обращения: 05.09.2024).

10. *Гусенова Д.А.* Энотуризм в Дагестане: проблемы и перспективы развития // Теория и практика общественного развития. 2013 № 12. С. 122.

11. Информация о ходе выполнения правительством Республики Дагестан рекомендаций XXXII заседания Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2019. 16 мая. URL: https://mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxii_zasedanie_sgs/1461066/ (дата обращения: 05.09.2024).

12. Историческая справка Министерства по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан // Официальный сайт Министерства по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан. URL: https://mintourismrd.ru/o-nas/7290-2/ (дата обращения: 05.09.2024).

13. Карта активностей. Республика Дагестан // Russpass. URL: https://russpass.ru/activity-map?category=ALL&region_id=5d08e36dad3a9a001701b947 (дата обращения: 05.09.2024)

14. *Кульгачёв И.П.*, *Харитонов Д.А.*, *Романова М.М.*, *Кошелева А.И.* Основные проблемы и перспективы развития туризма в Республике Дагестан // Вестник академии. Вопросы предпринимательства и экономики. 2017. № 3. С. 56–64.

15. *Мустафаева М.Г.*, *Хиясова С.Г.* Особенности этнотуризма в Дагестане как фактор достижения мира и согласия // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 33. № 1. С. 57–64.

16. Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие Северо-

Кавказского федерального округа” на период до 2025 г.» от 1 декабря 2014 г. № 1294. URL: https://docs.cntd.ru/document/420237443?marker=64U0IK (дата обращения: 05.09.2024).

17. Постановление правительства Республики Дагестан «О ходе реализации приоритетного проекта развития Республики Дагестан “Точки роста”, инвестиции и эффективное территориальное развитие» от 1 ноября 2016 г. № 315. URL: https://www.dagestan-gov.ru/doc/16051 (дата обращения: 05.09.2024).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)”» от 5 мая 2018 года № 872-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/557414759 (дата обращения: 05.09.2024).

19. Событийный календарь Дагестана на 2024 г. // Агентство информации и печати Республики Дагестан. URL: https://rd-press.ru/wp-content/uploads/2024/03/Событийный-календарь-Дагестана-на-2024-год.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

20. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года. Утверждена Законом Республики Дагестан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года» от 15 июля 2011 г. № 38. URL: https://docs.cntd.ru/document/412309398 (дата обращения: 05.09.2024).

21. Туристический портал Дагестана. URL: https://визитдагестан.рф (дата обращения: 05.09.2024).

22. *Умаханова А.Ш.*, *Амирова М.М.* Программа стратегического развития лечебно-оздоровительного туризма и ее реализация в Республике Дагестан // Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 219–222.

23. *Хасбулатова Б.М.* Туристические возможности Республики Дагестан // Вестник научных конференций. 2021. № 2–3 (66). С. 96–97.

РАЗДЕЛ 5
Социокультурные процессы на Кавказе

М.Е. Шалак

ВСАДНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В период с конца XV в. по XVIII в. в степном Предкавказье господствовали различные кочевые народы. Первоначально здесь размещали свои кочевья татары Большой Орды. Затем, после ее разгрома, Северное и Восточное Приазовье вошло в состав Крымского ханства. С середины XVI в. на степных пространствах от Азова до Черкесии расположились кочевья Малых Ногаев, известных по письменным источникам как Казыев улус. В Северном Приазовье в это же время расположились ногаи Дивеева улуса. Поэтому можно говорить, что основным кочевым населением степного Предкавказья в позднем Средневековье были ногаи, принадлежащие к различным улусам или ордам. Исходя из этого, в представленной статье речь пойдет о всаднической культуре ногаев в целом.

Основным занятием ногаев было кочевое скотоводство. Всё их хозяйство заключалось в ежегодном цикле перекочевок по степи. Однако у ногаев существовали и другие хозяйственные отрасли и уклады. Поэтому их экономику нельзя сводить только к выпасу скота и обмену с соседями [18: 681].

Согласно сообщениям источников XVI в., главным достоянием ногаев был их домашний скот, включавший лошадей и верблюдов, овец и «животину» (крупный рогатый скот) [15: 70]. Османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби писал, что у крымских татар нет таких животных, которые есть у ногаев, а именно: «коров, ослов, лошадей, баранов, ягнят и других животных, вьючных и верховых» [21: 54]. Секретарь немецкого посольства в Персию Адам Олеарий, кроме обычного перечисления видов домашнего скота у ногаев, уточняет относительно ногайских лошадей, что они «невзрачны, но сильны и очень выносливы» [11: 405]. Обычно в рядовых хозяйствах различных кочевых сообществ соблюдалась следующая пропорция

соотношения голов скота различных видов: 1 лошадь – 1 корова – 6–7 овец [17: 60]. Как писал во второй половине XVIII в. немецкий этнограф Иоганн Георги, «скот их (ногайцев. – *М. Ш.*) красив, крепок и весел; лошади остаются на зиму в степях. Все богатство составляют их стада, которые состоят из половины овец, четвертой доли лошадей, четвертой доли рогатого скота и небольшого количества верблюдов» [5: 42].

Ногайские лошади служили главным товаром в торговле с Россией. Как правило, табуны коней отправлялись вместе с ногайскими послами в Москву. Степные кони подразделялись на аргамаков, иноходцев, коней отрядных и кобыл. Согласно возрастным характеристикам, ногайские кони подразделялись на сроcлых, четвертаков, третьяков и лоншаков. По физическому состоянию выделяли добрых, середних, рядовых и худых («болных и хромых и всяких увечных») [18: 706]. Самую развернутую характеристику ногайским лошадям дал французский наемник при дворе Бориса Годунова Жак Маржерет. Он писал, что русские словом «конь» обозначают именно ногайских лошадей, которые отличались невысоким ростом при весьма высокой работоспособности, которая проявлялась в способности проскакать 7–8 часов без отдыха. Они весьма пугливы и очень боятся выстрелов из пищалей. Их никогда не подковывают, и овса они едят очень мало. Ж. Маржерет, большой ценитель хороших лошадей, даже описал внешность ногайских кобылок, белых «в мелких черных пятнах, как тигры или леопарды, так что их можно принять за раскрашенных» [9: 150].

В ногайском героическом эпосе существует разделение коней эпических героев по их качествам на несколько пород со своими специальными названиями. Самый лучший богатырский конь назывался *тулпар*. Это чудесный скакун, имеющий крылья в сказочном эпосе и со следами крыльев на боках – в героическом эпосе. Кроме этого, есть еще несколько признаков тулпара: когда пьет, то опускает морду в воду по глаза, всегда наступает задними ногами в следы от передних ног, имеет три особые приметы на каждой ноздре, не имеет коренных зубов, нет волос под мышками, неширокая грудная кость. Породистые скаковые кони в эпосе называются *аргымак*. Наилучшим конем считался тот, который превосходил арабского скакуна (*араби тулпар*). Обычные скаковые лошади назывались *юйрик ат* ‘быстрая лошадь’. *Бедеу* назывались лошади биев и мирз, уступавшие по своим качествам коням богатырей. Самые худшие породы коней в эпосе именуются *ебе* и *аласа* [16: 116]. В ногайском героическом эпосе часто встречаются специально обученные знатоки породистых скакунов – *сыншы*. Эти умудренные опытом коневоды умели не только безошибочно распознавать настоящих богатырских коней, но даже в жеребенке определить будущего великолепного скакуна. Вообще от выбора коня зависел успех богатыря в предстоящих битвах, поэтому отец героя первоочередной задачей считал найти для своего сына подходящего скакуна [16: 113].

Приблизительно с 20-х гг. XVI в. главными поставщиками лошадей на русские рынки были ногаи. На протяжении XVI–XVII вв. за счет ногайских лошадей

формировался фонд русской поместной конницы. В Соборном уложении царя Алексея Михайловича указаны расценки на ногайских лошадей: «Конь 8 руб., кобыла ногайская 6 руб., жеребенок 3 руб.». Тогда как русские лошади, называвшиеся меринами, стоили в два раза дешевле: «мерин 4 руб., кобыла русская – 3 руб., жеребенок русский 1,5 руб.» [6: 40]. Такая разница в цене объясняется тем, что из ногайских степей в Россию поступал племенной фонд породистых лошадей [8: 48].

Согласно сообщению посла Великого княжества Литовского в Крыму Михалона Литвина, ногаи пригоняли свои табуны на русские рынки весной. При этом он отмечал, что ногайские лошади более подходят для войны, чем те кони, которых присылают в Литву турки: «самой дрянной породы», старые, загнанные и больные [10: 75]. Однако, по сообщению русских летописей, ногайские послы с лошадиными табунами могли прибыть в Москву и поздней осенью. Так, в Никоновской летописи говорится, что ногайские послы прибыли в Москву аж 4 ноября и торговали лошадьми на лугу под Симоновым монастырем. При этом лошадей ногаи продавали весьма задешево, поскольку из-за раннего снега и бескормицы много коней умерло по дороге, а те, что уцелели, потеряли из-за голода свой товарный вид [13: 130].

В целом, опираясь на данные источников, можно проследить диапазон цен на ногайских лошадей на русском рынке. Так, в первой половине XVI в. стоимость ногайской лошади на русском рынке составляла 1,5–2 руб. [17: 707]. Во время правления Ивана IV за ногайского коня брали 5 руб., за ногайскую кобылу – 3 руб., за ногайского жеребенка – 2 руб. В первой половине XVII в., при царе Михаиле Фёдоровиче, стоимость ногайских коня, кобылы и жеребенка составляла уже 8, 6 и 3 руб. соответственно [7: 272]. Как уже было нами показано выше, в середине XVII в. цены на ногайских лошадей остались, как при Михаиле Фёдоровиче, – 8, 6 и 3 руб. В то же время в народной торговле цены были выше государственных и при царе Алексее Михайловиче колебались в диапазоне от 5 до 15 руб. [7: 272].

Со второй половины XVII в. ногаев с их традиционных кочевий стали вытеснять калмыки. Вытеснили они их и с русского рынка. С этого времени ногаи стали гнать свои табуны на продажу в Крым и Азов, а в Россию гнали лошадей уже калмыки, которые продавали их гораздо дешевле ногайских [18: 708].

Ну и, конечно, говоря о ногаях как о поставщиках прекрасных племенных лошадей на русский рынок, надо сказать о них и как о великолепных конных воинах.

Согласно сообщениям источников, ногаи предстают перед нами как одни из лучших воинов кочевого мира эпохи позднего Средневековья. Английский дипломат Дж. Флетчер, посетивший Москву в 1588–1589 гг., писал, что ногайцы «почитаются лучшими воинами изо всех Татар, но еще более других дики и свирепы» [20: 559]. Спустя 200 лет шведский историк И. Тунманн писал о ногайцах уже не столь

высокопарно, замечая при этом, что «фельдмаршал Миних считал их самыми храбрыми из татар» [19: 50].

По справедливому утверждению В.В. Трепавлова, большие походы ногайской конницы не являлись хаотичным движением грабительских ватаг, что было характерно для мелких набегов ногаев на русские «украйны» [18: 776]. Уходя в поход, ногайские воины брали с собой на одного человека «по 3 овцы старых, да круту на всякую голову, как мочно человеку подняти». Кроме того, предполагалось брать с собой еще и много верблюдов, поскольку «голод терпят и перед конми дорогу топчют» [14: 130].

Во время похода на привалах ногаи привязывали своих лошадей к воткнутым в землю копьям, а сами спали рядом, упираясь головой в эти копья для того, чтобы в случае нападения быстрее вспрыгнуть на коня. Доминиканский монах Жан де Люк, посетивший Крым в первой половине XVII в., писал: «Ногайские татары сражаются храбро, не допускают врага до своих жилищ, но далеко выступают к нему на встречу. <…> Они – народ совершенно грубый, кочевой и дикий» [12: 486]. Как было распространено у кочевников, ногаи, выходя в поход, брали с собой две сменные лошади [21: 54].

Отряды состояли обычно из членов одного племенного клана – *эля*. Охранное войско называлось *караулом*, в отдельных случаях могло выставляться еще и авангардное войско – *чардаул* (*яртаул*): «В сеи земле в день есмя в караулех, а ночи в чардаулех» [14: 128]. Военные отряды делились на сотни и, вероятно, десятки во главе с сотниками и десятниками [18: 778].

У каждого отряда было свое знамя. Его носил особый знаменщик [1: 20]. Если обратиться к ногайскому героическому эпосу, то можно понять, какую важную роль для ногаев играли их боевые знамена – *ту байрак*. Нести боевое знамя считалось у ногаев особенно почетным делом. Присутствие знамени ободряло воинов, а захват знамени неприятеля считался проявлением особого мужества и отваги эпических богатырей. В героическом эпосе часто встречается фраза «знамена столкнулись со знаменами», которая как бы подчеркивает особую ожесточенность сражения. В свою очередь захватить и повергнуть вражеское знамя означало полную победу над врагом. В эпосе, как правило, ногайские знамена имеют белый (*ак ту*) или желтый (*сары ту*) цвета [16: 125].

Вооружение ногаев было типичным для средневековых кочевников. Источники фиксируют следующие виды их оружия: мечи, копья, луки и стрелы; «носят [при себе] мечи, колчаны, нагайки. Другого оружия нет. <...> Они ездят на лошадях, прицепив к поясу колчан и меч» [2: 250; 21: 54]. В ногайском героическом эпосе фигурируют следующие виды оружия: лук и стрелы (*яй* и *ок*, «широкий лук» – *кенъ яй* и «булатные стрелы» – *болат ок*); сабля (*кылыш*, «кривая сабля» – *кайкы кылыш*); меч (*алдаспан*, «острый меч» – *оьткир алдаспан*); кинжал (*кынжал*, «кинжал высокой марки» – *асыл кынжал*); пика (*сунги*, «стальная пика» – *болат суьнъги*); копье (*найза*, «копье, достающее облако» – *булытка*

еткен найза); боевой топор (*айбалта*, «топор с золотой ручкой» – *алтын саплы*); шест с крючком (*сапалдас*, что-то наподобие боевого багра для стягивания всадника с коня, «не выпускающий» – *айырылмас*); огненная арба (от «арба», тип огнестрельного оружия (?), «выстреливающая огонь» – *шерк аттырган*); *балдак* (какая-то разновидность холодного оружия); *сойыл* (колотушка наподобие булавы); аркан («шестиобхватный волосяной аркан» – *алты кулаш кыл аркан*), нож (*пышак*, «острый нож» – *оьткир пышак*) [16: 123–124]. По данным фольклора, в большом ходу у ногайцев были «кривой меч» и «лунообразный топор» [3: 164].

Сабли, мечи, ножи, кинжалы, топоры и балдаки хранились в ножнах – *кын*. На острия копий, пик и багров надевались колпачки. Стрелы хранились в колчанах – *калшан*. Стрелы были разных размеров и предназначались для стрельбы в человека, лошадь, птицу. Причем каждому виду стрел соответствовал свой тип лука. Луки тоже хранились в специальных чехлах – *садаках* [16: 124].

В качестве защитного вооружения сохранившиеся ногайские предания упоминают кольчугу и шлем [4: 131]. Виды защитного доспеха очень широко представлены опять же в ногайском героическом эпосе: это шлемы (*тувлыга*), различные виды кольчуг с металлическими рукавами (*темир тон, куьбе, аймавыт, берен, савыт*), кольчуга без рукавов, удобная для подвижного боя (*енъсиз*), наплечники (*киревке*), щиты (*калкан*), войлочные рубахи, надеваемые под кольчуги (*тегелей, тегелей кебенек*) [16: 123]. Зачастую доспехи ногайских богатырей изготовлялись из стали (*болат*). Иногда говорится о том, что они были изготовлены из железа (*темир*). Наряду с конем, доспехи и оружие являются для богатыря самым дорогим. Как правило, герой получает свое оружие от отца. Богатыри редко изготавливают себе оружие и доспехи сами. Чаще всего они покупают их у мастеров-оружейников. Так, изготовлением луков занимались *яйши*, а стрел – *окшы*. Высококачественное оружие стоило очень дорого. Богатырский лук стоил одного коня, а колчан стрел – жеребенка [16: 124].

Что касается огнестрельного оружия, то оно было мало известно ногаям, поскольку их войско состояло из конницы и практически не имело пехоты. Тем не менее, понимая превосходство «вогненного боя», ногайские бии и мирзы неоднократно просили у османских султанов и московских царей прислать им пушки и пищали, причем вместе со стрельцами, которые могли с ними обращаться [14: 156, 158, 181, 182, 251, 257, 279, 314]. Основная же масса ногайских конных воинов принадлежала к «людям лучного бою». Даже в XVIII в., по сообщению И. Тунманна, лишь немногие ногайцы имели огнестрельное оружие [19: 50].

Таким образом, можно сказать, что ногайская конница с успехом сражалась в битвах с такими же кочевниками, но была практически бессильна перед новыми армиями, состоящими преимущественно из вооруженной огнестрельным оружием пехоты, и крепостными стенами. Ногайские всадники были непревзойденными лучниками, копейщиками и сабельными бойцами. Они представляли собой

грозную силу, с которой считались все соседние государства и народы. Зачастую к использованию ногайской конницы прибегали крымские ханы и кабардинские князья, русские государи и османские султаны. Однако ко второй половине XVIII в. ногайцы постепенно утратили свое былое могущество и были вытеснены Российской империей из традиционных районов своих кочевий в Северном Причерноморье и степном Предкавказье.

Источники и литература

1. Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915.

2. *Бэнистер Т.*, *Дэкет Дж.* Пятое путешествие в Персию // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 250–261.

3. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976.

4. *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев, XIX – начало XX в. М., 1979.

5. *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. Ч. 2. СПб., 1799.

6. *Денисова М.М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 20. М., 1948. С. 29–46.

7. *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862.

8. *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951.

9. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М., 2007.

10. *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

11. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

12. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. 1879. С. 473–493.

13. Патриаршая или Никоновская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904.

14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.

15. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

16. *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

17. *Тортика А.А.*, *Михеев В.К.*, *Кортиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 49–62.

18. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды / 3-е изд., испр. и доп. М., 2020.
19. *Тунманн И.* Крымское ханство. Симферополь, 1936.
20. *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Накануне Смуты. М., 1990. С. 481–603.
21. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

Ф.А. Озова

ОБЫЧАЙ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ПОРУЧИТЕЛЕЙ *КОДОХГ*

С. Хан-Гирей достаточно подробно описал обычай поручительства-посредничества *кодохг*, которым регулировались многие социальные связи в Черкесии [9: 527]. Этим сведениям не было уделено внимания в историографии, хотя обычай *кодохг* играл значительную роль в черкесском обществе. Его сущность состояла в создании эффективной платформы для регулирования отношений как внутри сословий, так и между ними. Как отмечал С. Хан-Гирей, «это обыкновение, употребительное между самими князьями, служит связью и охранением в Черкесии между классами» [9: 193]. Таким образом, обычай регламентировал отношения между самими *пши* (князьями), между *пши* и *уорками* (дворянами), между *пши-уорками* (феодалами) и *лъхукъуэлI* (каб. *тлхукотль* / кях. *тфокотль*) (вольными земледельцами), между крепостниками и *пшитль* (крепостными). Кодохг (поручитель-посредник) был посторонним, но доверенным, уважаемым обеими сторонами лицом, фиксировавшим и гарантировавшим своим поручительством права сторон.

Относительно действия этого обычая в правящем классе известно, что, когда князья становились сюзеренами уорков и водворяли их на своих землях, также давали им «*кодохгов* из старожилых дворян, и буде князь, переступив свои условия, заключенные с дворянином, вновь им принятым, его обидит, то *кодохги* сии требуют от князя удовлетворения обиженному и в случае неполучения удовлетворения вместе с ним оставляют того князя и нередко и свою родину, что и родило и самое название *кодохг* – “соучастник судьбы, поручитель в исполнении условия”» [9: 193].

Обычай *кодохг* занимал краеугольное место в налаживании и регуляции отношений между пши-уорками и другими крепостниками, с одной стороны, и вольными земледельцами и крепостными, с другой. Избранный сторонами *кодохг* (поручитель-посредник) скреплял своим поручительством «права (хабзе)» *тлхукотля*/*тфокотля* или *пшитля*, данные «при водворении», предохраняя безопасность его жизни, свободы и собственности от произвола владельца [9: 527].

Права и обязанности тлхукотлей/тфокотлей и пшитлей в деталях фиксировались в договорах (*дефтерах*) [3: 15, 16]. Крепостник, с одной стороны, вольный

земледелец или крепостной, с другой, заверяли его присягой на Коране. Владелец присягал: «Не отнимать ни одно из прав, которыми он (крестьянин) пользовался у прежнего владельца <…> ценою выгод *я не погублю мою душу*, изменив слову, которое я утвердил именем Божиим», а тлхукотли/тфокотли и пшитли: «Не изменять им (владельцам. – *Ф. О.*) никогда, если они не нарушат наши права» [2: 35–36].

Такой договор был устным («ни один не решится нарушить изустного условия, оно для горца свято» [10: 37]), но материалы XIX в. свидетельствуют, что дефтеры стали оформлять и письменно. Они хранились у поручителя-посредника кодохга. В случае конфликта стороны обращались к кодохгу, и он заставлял «виновного из них исправить свои ошибки согласно с дефтером» [10: 37]. Таким образом, поручитель становился посредником и прекращал разногласие: «Удерживал владельца от тиранства, а крестьянина принуждал к должной покорности» [9: 527].

Кодохгом зачастую выступал пши, во владении которого проживали заключившие дефтер стороны. Он в соответствии с обычаем должен был добиваться от владельца, в чем-либо нарушившего договор, удовлетворения претензий тлхукотля/тфокотля или пшитля. В данном случае пши выступал в качестве судьи и посредника между жалобщиком-просителем и его господином [7: 366]. Так, С. Адиль-Гирей, описавший ситуацию, когда он выступил в качестве кодохга, отмечал: «Объяснение крестьянина в особенности показалось мне так интересным, что я тотчас записал его сколько можно приблизительно. Оно показывает нам положение крестьян у черкесов едва ли не лучше и вернее премудрых описаний ученых путешественников, и убеждает нас, что такие условия могут обеспечивать крепостных людей от произвола, жестокости владельцев, и доставляют последним большие выгоды» [2: 36].

В дефтере в деталях оговаривались обязанности тлхукотлей / тфокотлей или пшитлей. Князь и дворянин не могли требовать от крестьян и пшитлей ничего сверх того, что определяло хабзэ [1: 210]. На основе обычая каждый владетель устанавливал свои нормы феодальных повинностей для подвластных. Подтверждает это правило и «Описание о податях, чинимых от черного народа своим узденям» (в данном контексте: первостепенным дворянам. – *Ф. О.*) 1780 г. Здесь в первой части речь идет о податях (15 пунктов) «родовых» (передававшихся по наследству, семья таких крепостных служила господам из поколения в поколение) крестьян своим господам – *тлекотлешам* (первостепенным дворянам) Дударовым-Анзоровым [8: 24], во второй – о правах «родовых» крестьян, находившихся в зависимости от Дударовых-Анзоровых. В третьей и четвертой частях названы повинности из 20 и 21 пункта азатов (*такашавов/тлхукошао*), соответственно, в пользу «маленьких узденей» (*уорков-шаотлегусо*) Магомета Парытова и Батгирея Гешокина (вассалы Анзоровых). В четвертой части речь идет о «холопьях и черни», подвластных азатам (*тлхукошао* – незнатные рыцари,

занимавшие промежуточное положение между уорками и оггами): «Дани никакой узденям большим и малым не платят, а как оне уже принадлежат такашовым (тлхукошао. – *Ф. О.*), то потому всякую работу исправляют и хлеб пашут на них, такашовых, а иногда вместо их ходят и на узденскую работу, когда потребуетца; пропитание имеют оне обще с ними, такашовыми, для чего те холопья и ясыри на себя и особливого хлеба оне не пашут» [8: 25]. Здесь также даны сведения об «обычае и порядке» для «дворовых», оставшихся по наследству от предков уорку Батгирею Гешокину.

Помимо повинностей, в дефтере оговаривался вопрос о собственности тлхукотля/тфокотля или пшитля. Что касается собственности крепостных, то она у них была двоякой: 1) из личной собственности, на которую господин не имел права, и 2) из собственности зависимой, частично принадлежавшей владельцу. К первому роду имущества относились: 1) *начих* (венчальный подарок), который женщины-огг (поземельно зависимые крестьяне) получали от мужа, а женщины-лагунапит (поземельно и лично зависимые крестьяне) – от господина; он заключался в телушке или в 3–5 руб. в денежном эквиваленте; 2) *дещериг* (подарок от родных женщины-огг и женщины-лагунапит, выходившей замуж, составлявший как бы ее приданное), заключавшийся в одной корове. Весь приплод от скотины, входившей в состав начиха и дещерига, принадлежал исключительно жене огга или лагунапита и составлял неотъемлемую ее собственность, которой ни муж крестьянки, ни ее господин не могли ни в коем случае распоряжаться. При продаже их семейств новый владелец также не имел права на это имущество [7: 371].

Еще один вид имущества крепостного – *дидовос-билим* – скот, приобретенный оггом или лагунапитом собственными трудами, заработками. Он не имел права распоряжаться им без согласия владельца. В случае, если огг или лагунапит резал быка или барана для употребления в пищу, то половина мяса и кожи поступала владельцу. Если владелец решался продать этот скот, то 2/3 поступала ему, 1/3 – оггу или лагунапиту и становилась его личной неотчуждаемой собственностью дещериг [5: 30, 31].

Я. Рейниггс, долго живший на Кавказе (1779–1786), писал: «Каждый дворянин зависит от своего наследственного князя, однако князь не может ничего сделать с его рабами (унаутами, крепостными низшей, третьей, степени, выполнявшими преимущественно функции домашней прислуги. – *Ф. О.*), крепостными и имуществом. Также мало осмеливается дворянин прикасаться к собственности своих крепостных, к его рабам (унаутам. – *Ф. О.*), стадам, рогатому скоту или лошадям, или же присвоить себе на них хоть малейшее право» [1: 210].

Продажа лагунапитов и унаутов была мерой чрезвычайной. Судебные дела первой половины XIX в. помогают детальнее представить правоприменение обычая, регулировавшего куплю-продажу лагунапитов (к примеру: [7]). Продажа крепостных в это время часто была вызвана обеднением владельца. Такие ситуации

обычно обозначались в дефтерах: «В случае, если бы наши господа впали в бедность, или постигло их какое-либо несчастие, принуждающее продать нас, то они присягою обязаны: не разделять наши семейства, продавать тому, кого мы сами себе изберем» [2: 36].

Продажа пшитлей предусматривалась также как наказание за особо тяжкие преступления. В.В. Швецов отмечал: «Если же крестьянин бежит, учиня воровство или убийство, и будет отыскан, то уличенный в таком поступке подвергается смерти или жестокому истязанию и лишению собственности, смотря по преступлению; семейство же его, как малонадежное к пользе владельца продается поодиночке в разные руки, и тем истребляется зло, как зараза, легко прилипающая к слабым и распространяющая плод свой от малейшего соприкосновения» [10: 37].

Однако продажа пшитля была самой крайней мерой наказания. За провинности пшитля, как и для других сословных категорий, обычное право черкесов санкционировало сначала штрафы. В случаях рецидива девиантного поведения, после публичных разбирательств, пшитль мог быть приговорен к понижению социального статуса переводом в разряд ниже, но при условии исправления его права восстанавливались.

Обычное право черкесов не предусматривало телесные наказания для крепостных. Судя по сведениям С. Адиль-Гирея (Адыль-Гирея), этот вопрос особо оговаривался в дефтерах при покупке пшитлей. В описываемом им случае владелец присягал крестьянину не употреблять в его отношении насилия [2: 36]. Я. Рейниггс отмечал: «Ни один крепостной не может быть <…> битым или истязаемым. Что касается рабов (*унаутов*. – *Ф. О.*), то все зависит от доброй воли его господина, но не было примера, чтобы с ним обращались жестоко или бесчеловечно, если он не провинился каким-либо образом» [1: 210]. В Кабарде удар плетью считался величайшею обидою. Согласно хабзэ, когда пшитль проявлял леность, уклонялся от своих обязанностей ударить его и бранить неприличными словами «считалось крайне предосудительным <…> жестокость же хозяев взыскивается и обычаем, и администрацией» [5: 103]. С. Хан-Гирей подчеркивал, что «во всех случаях, требующих мер наказания, налагались штрафы: о телесном наказании не имели и понятия» [9: 527].

Как подчеркивалось в «Докладной записке о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев» (1866), холопы были ограждены «даже более, чем огражден был законами помещичий крестьянин России и Грузии» [5: 102]. Здесь также указывалось, что зафиксированные до деталей «положения о продовольствии холопов, лечении их во время болезни, ответственности за нанесение холопу кровных обид» убеждают, «что жизнь таких холопов вовсе не хуже жизни прежних зависимых людей между европейскими и христианскими поселениями» [5: 102].

В целом система зависимости в Черкесии была выстроена таким образом, что давала возможность для социальной мобильности. Была норма, согласно которой

владетель (пши или уорк), вручив лагунаупиту так называемую узденьскую дань (*уорктын*) мог перевести его в разряд оггов: «Уздень волен делать чагаров из холопьев, дав на первый раз для домашнего обзаведения пару волов, пару коров, котел и восемь тулуков» [6: 232]. Также огги из вольноотпущенников или выкупивших себя на волю переходили в разряд тлхукошао, а в отдельных случаях, при выполнении определенных условий, могли быть посвящены в уорки.

Интересна характеристика крепостнических порядков в Черкесии астраханского губернатора И.И. Якоби (1777). Он отметил, что крепостное право здесь отличалось от такового в России своими более мягкими формами, что среди пшитлей лишь небольшая часть была закрепощена как по земле, так и лично (лагунапиты и унауты), а значительная часть – только по земле (огги) [4: 325]. Через несколько десятилетий Дж. Лонгворт (1839) также наблюдал, что зависимых крестьян наделяли землей, жилищем, скотом, в их пользовании оставалась половина производимого продукта. При желании они имели право требовать, чтобы их передали другим хозяевам, или выкупиться при наличии средств на волю [1: 582].

Яркой иллюстрацией положения пшитлей в черкесском обществе является приведенное С. Хан-Гиреем суждение известного в Черкесии бжедугского князя Пшикоя Ахеджако (Пшьского Аходягоко / Ахэджакъо Пщыкъо) (1777–1838): «“Смотрите, смотрите на этого молодца!” – вскричал князь, указывая на оборванную детину – бедного крестьянина, ростом маленького, очень некрасивого лицом, который, однако ж, танцевал, имея по обеим сторонам и держа за руки двух прекрасных девушек, дочерей черкесских дворян, офицеров русской службы и хорошего состояния. Надобно заметить, что во время пляски девушки стараются казаться неразборчивыми, т.е. не отдающими предпочтения кому-то ни было: таков обычай! “Я был в Константинополе, продолжал князь, – видел европейцев, но только мы, *черкесы*, – *люди*: там и у тех вельможи и богачи – это полубоги, а простолюдины и бедные – *скоты*, которых они презирают, между тем как у нас крестьянин, раб или слуга, даже нищий – всё тот же *человек*. Мы покупаем дорогою ценою жену, Бог дарует нам дочь, воспитываем ее, лелеем, украшаем всем, что имеем лучшего, – а вот, во время веселия, они – *наши* крестьяне пляшут с ними, как будто они с нами на короткой ноге!” – повторил князь в заключение» [9: 544].

Таким образом, следствием бытования обычая *кодохг* стало достаточно защищенное от произвола крепостников положение проживавших на их землях тлхукотлей/тфокотлей и пшитлей. Безусловно, можно сказать, что это был уникальный исторический опыт, аналоги которому, во всяком случае нам, неизвестны.

Источники и литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / пер. и сост. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

2. *Адыль-Гирей С.* Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 34–36.

3. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 5. Д. 24.

4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: XVIII в. / сост. В.М. Букалова. М., 1957.

5. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году / сост. Г.А. Кокиев, отв. ред. Н.П. Мазин. Нальчик, 1947.

6. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882.

7. Материалы по обычному праву кабардинцев: Первая половина XIX в. / собрал и подгот. к печати Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956.

8. Новый источник о социальных отношениях в Кабарде в конце XVIII в. Публикацию подготовил Х.Ж. Беров // Советские архивы. 1986. № 6. С. 23–26.

9. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / сост. М.Н. Губжоков. Майкоп, 2009.

10. *Швецов В.В.* Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Москвитянин. 1855. № 23–24. Кн. 1–2. С. 1–68.

П.А. Кузьминов, А.А. Журтова

ГЕНЕЗИС ПЕРИОДИКИ НА КАВКАЗЕ[1]

Жизнь современного человека практически невозможна без средств цифровой коммуникации – интернета, телефона, радио, телевидения, и всё же реже – газеты и журнала. Видеоряд, безусловно, вытеснил печатную продукцию из сферы общения. Информационная зависимость человека, общества от средств связи с внешним миром является одной из главных особенностей нашего динамичного и беспокойного времени.

Аналогичные тенденции были характерны и для XIX в. который можно назвать золотым веком российской периодики, хотя акценты обращения к печатному слову были иными. На первом месте в первой половине XIX в. были общественно-политические и литературные журналы («Вестник Европы», «Библиотека для чтения», «Сын отечества» «Отечественные записки», «Современник» и др.), а во второй половине XIX в. – газеты («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Гражданин», «Северная пчела», «Голос», «Новое время» и др.). Значимость

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024.

газет была связана с усилением их влияния на общество и власть, способностью «своевременно улавливать настроение минуты» (цит. по: [4: 80]) и острым желанием потеснить журналы из медиапространства. По данным И.А. Федосова, общее число периодических изданий, выходивших в России с 1703 по 1800 г., составляло всего 119 наименований. За период 1801–1861 гг. их количество увеличилось и достигло 714 единиц. С 1862 г. по 1894 г. насчитывается уже 1680 изданий [6: 244]. В условиях экономического подъема страны в пореформенный период периодическая печать стала качественно новым источником информации, отражающим особенности жизни страны.

В XIX – начале XX в. беспрецедентный количественный и качественный рост периодических изданий, на страницах которых публиковались десятки тысяч сообщений, обусловил превращение газет и журналов из источника повседневной информации в важнейший исторический источник, выступающий как литературный памятник, который представляет «форму самоосмысления и самовыражения общества» [19: 92] и в то же время является «наиболее точным барометром активизации общественной жизни» [17: 4]. К этому мнению пришел и Л.А. Чибиров, который подчеркнул, что среди «дореволюционных источников, содержащих богатейший материал по культуре и быту осетинского народа, особое место занимают материалы периодической печати» [9: 3]. Это наблюдение, конечно, касается не только осетин или кабардинцев, оно значимо для всех народов нашей страны. Обыденная жизнь населения Кавказа, запечатленная в заметках, этнографических зарисовках, сообщениях, очерках, эссе, фельетонах, исторических материалах, дает нам колоссальный по объему исторический материал, который нуждается в систематизации, типологизации, научной обработке и введении в научный оборот.

История периодики Кавказа неразрывно связана с историей становления и развития печати в Российской империи, поскольку и здесь, и там действовали одни и те же государственные законы [2: 5], но вместе с тем на Кавказе этот процесс имел особенности, связанные с военно-политической обстановкой, уровнем образования горцев, численностью интеллигенции в Кавказском крае и др.

В первой четверти XIX в. столичная и провинциальная периодика в целом представляла интересы правительства и «фактически противостояла передовой журналистике, представленной декабристскими альманахами и журналами» [16: 25]. Но влияние последних, видимо, было настолько сильным, что для устранения конкуренции в области идеологии и воздействия на общественное сознание в 1826 г. был принят новый цензурный устав [12: № 403], который был призван ввести четкий регламент открытия и деятельности печатных изданий. Но устав не случайно назвали «чугунным», так как он создавал иногда непреодолимые препятствия для создания новых газет и журналов.

Тем не менее необходимость открытия региональных газет осознавалась и правительством, и обществом, и местной губернской администрацией.

По мнению В.В. Шевцова, этому способствовало то, что «в декабре 1828 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин обратился в Комитет министров с предложением издавать губернские газеты для содействия местной торговле и промышленности» [18: 111].

27 октября 1830 г. Николай I утвердил «Положение об издании губернских ведомостей», состоящее из семи разделов и 65 параграфов, ставшее законом для шести губерний Центральной России, в котором регламентировался процесс организации, содержания и структуры провинциальных государственных газет, определялся порядок и способы издания газеты, финансирования и др. Таким образом, губернские ведомости были призваны под контролем губернатора решать административно-информационные задачи. Открытые в наиболее развитых губерниях страны, газеты органично вошли в систему устоявшегося губернского управления и, несомненно, содействовали ее улучшению.

Эксперимент оказался эффективным, поэтому в 1837 г. Комитет министров принял решение об открытии с 1838 г. газет во всех губернских центрах России, подчеркнув необходимость соблюдения ими программы, детально разработанной как для официальной, так и для неофициальной частей ведомостей. Но, пожалуй, главной целью создания этих видов периодики было то, что открытая публикация распоряжений центральной и местной властей означала необходимость принятия их к исполнению: «...никто из мест и лиц не может теперь отговариваться неведением того, что объявлено было официально через губернские ведомости» [18: 112]. Это должно было повысить исполнительскую дисциплину чиновников.

В соответствии с новым законом в 1838 г. газета «Губернские ведомости» начала издаваться в 42 губерниях и областях Европейской России. В «Положении» оговаривались и некоторые исключения. Оно не распространялось «на Сибирский и Остзейский край и области Кавказскую и Бессарабскую», а также на Грузию и Закавказье как имеющие «свои особые учреждения» [13: № 10303, § 2], т.е. местные органы управления.

В то же время в Тифлисе в 1838 г. вышла в свет газета «Закавказский вестник» – правительственная газета для всех учреждений и народов Кавказа, которая печаталась в открытой в 1836 г. губернской типографии. Издание фактически повторяло структуру губернских ведомостей.

Ряд изменений в программу выпуска провинциальных изданий был внесен в 1845 г., когда было издано новое положение о губернских правлениях. Структура газеты снова изменилась, теперь она состояла не из четырех, а из двух отделов: общего, который стал целиком официальным, и местного, состоящего из официальной и неофициальной частей, в котором размещалась интересующая нас информация о народах Кавказа. Интересно, что функции цензора неофициальной части губернских ведомостей выполнял сам губернатор, что свидетельствует о значимости публикуемой информации для местной власти.

В администрации губернии был создан газетный стол под руководством редактора и контролем одного из чиновников губернского правления. Руководитель газетного стола вел текущую работу, фиксировал присылаемые авторами статьи и объявления, следил за расходами и доходами издания, формировал содержание неофициальной части газеты.

Суммируя изменения 1845 г., отметим, что ведомости приобрели новый формат в соответствии с дроблением публикуемого материала: на первой странице, иногда на второй, размещалась информация или документы, присылаемые из центра, за ними редактор располагал сведения или статьи о жизни региона. Для контроля за работой газеты в губернской администрации был создан специальный орган – газетный стол.

Общественно-политический кризис в стране, связанный с неспособностью дворянства управлять страной и поражением в Крымской войне, привел к частичной демократизации губернских ведомостей. Появились постановления, инструкции, разрешающие публиковать известия о перемещениях по стране членов императорской фамилии без «особого высочайшего разрешения» (1850 г.) [14: № 24460].

23 февраля 1855 г. Александр II подписал указ, значительно расширивший программу содержания неофициальной части губернских ведомостей. Теперь разрешалось публиковать «относящиеся до местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии». Но при этом «сообщаемые в неофициальной части известия, не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых имеет место вымысел или не принадлежащая к предмету обстановка» [15: № 29059].

Дальнейшая трансформация средств массовой информации в Российской империи, а значит и на Кавказе, связана с эпохой реформ 1860-х гг. Освещая историю русской периодической печати на Кавказе, Г. Кипшидзе отметил, что «первая русская газета на Кавказе появилась по инициативе графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и называлась “Тифлисские ведомости”. Она начала издаваться на русском и грузинском языках с 1829 г., носила официальный характер и ее издание было поручено специальному комитету, под наблюдением военного губернатора» [8: 3]. Солидаризировался с этой точкой зрения о генезисе периодики в Грузии и на всем Кавказе Г.В. Зерцалов, подготовивший труд «Библиография русской периодики Грузии» [5].

В очерке о развитии местной грузинской периодической печати, Г. Кипшидзе утверждает, что первая грузинская газета «Сакартвелос газети» («Газета Грузии») вышла в свет в 1817 г., но имя редактора и издателя он установить не смог [7: 24]. Он лично читал № 25 этой газеты от 22 августа 1818 г.

Данный тезис оспорил Д. Ватейшвили, который утверждал, что «начало русской печати на Кавказе следует связывать с концом первого десятилетия XIX в.» [3: 14]. Кавказская журналистика, по его мнению, началась 21 марта 1819 г., когда

появилась «Сакартвелос газети» («Газета Грузии»), или «Картули газети» («Грузинская газета»), как она именовалась впоследствии, а с 1828 г. – «Тифлисские ведомости» [3: 17]. Сложно понять логику последнего автора, поскольку он ссылается на работу выше цитируемого Г. Кипшидзе. Дело в том, что Г. Кипшидзе утверждает, что «Картули газети» («Грузинская газета») основана в 1821 г. при штабе Кавказского корпуса, и была предназначена преимущественно для печатания официальных сообщений и приказов [7: 25].

Иную информацию дает Г. Кипшидзе и о газете «Тпилисис уцкебани» («Тифлисские ведомости»), которая была открыта в 1830 г. Ее редактором был Соломон Додашвили, уроженец села Магаро Сигнахского уезда, один из наиболее талантливых людей Грузии. Образование он получил в России, входил в кружок молодых людей, предполагавших в 1832 г. поднять народ против российских властей в Тифлисе. Был арестован вместе с другими участниками заговора и выслан в Россию, но вернувшись, сделал карьеру в управлении Кавказским краем. Газета прекратила свое существование после ареста ее редактора [7: 26].

Вместе с тем, независимо от точной даты выпуска первого номера газеты, анализ ее содержания показывает, что она значительно отличалась от других изданий. Этому во многом способствовали, с одной стороны, специфические условия местной жизни, с которыми вынуждена была считаться кавказская администрация, и, с другой стороны, передовой авторский коллектив, прогрессивно настроенные члены редакции газеты. В нее входили А.С. Грибоедов, сосланные на Кавказ декабристы В.Д. Сухоруков, А.А. Бестужев-Марлинский, И.Г. Бурцов, Е.Е. Лачинов, известные просветители С.И. Додашвили, А.К. Бакиханов, Х. Абовян и др. [3: 445]. В процессе подготовки номеров газеты крепли контакты между передовыми деятелями России и Кавказа.

Оценивая значение открытия газеты, М.А. Полиевктов подчеркивал: «С основанием в 1828 г. “Тифлисских ведомостей” русское правительство обзавелось на Кавказе постоянным информационным центром» [11: 3]. С другой стороны, несмотря на ее служебный характер, создание первой правительственной русской газеты на грузинском языке «Тифлисис уцкебани», а также издание газеты на фарси расценивалось как значительное событие в культурной жизни местного населения, которое при отсутствии в крае высших учебных заведений уповало на просвещение посредством периодической печати. Данная точка зрения на журналистику как на аналог просветительско-учебного заведения была распространена в России. «Чтение благонамеренных журналов, – отмечал корреспондент «Сына Отечества», – более распространило у нас просвещение и ускорило развитие многих познаний, нежели учебные заведения» [10: 83].

Сменивший И.Ф. Паскевича на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен писал, что газета была нужна России, чтобы «сообщать о мало еще известном» Закавказье, а Грузии – чтобы «знакомить... с европейской образованностью» [1: 123].

«Тифлисские ведомости», несмотря на поддержку военной и гражданской российской администрации, выходили в свет только до марта 1832 г. Спрос на газету, судя по объему тиражей, значительно упал. Если до 1829 г. газета представляла собой еженедельник, а в 1830–1831 гг. выходила дважды в неделю, то в 1832 г. – всего два раза в месяц.

Вместе с тем появляются в тифлисских магазинах политические издания, задуманные местной интеллигенцией, – «Синатле», «Аре-Окрестности». В 1838 г. Платон Иоселиани организовал выпуск ежегодного издания «Грузинский календарь» [1: 128].

В 1845 г. князь Захарий Палавандов открыл газету «Махаробели», или «Вестник». Издатель получил образование в России и состоял сотрудником «Закавказского вестника», для которого переводил статьи с грузинского на русский язык. 10 июля 1845 г. он неожиданно умер сравнительно молодым человеком, подававшим большие надежды на поприще литературы. Его смерть повлекла закрытие газеты [7: 27].

Недолго просуществовал и ежемесячный литературный журнал «Цискари» («Заря»), основанный в 1852 г. князем Г. Эристовым, известным грузинским драматургом и основателем грузинского театра. Будучи сослан в 1832 г. в Варшаву за участие в заговоре, он по возвращении в Грузию создал пьесы, ставшие широко известными в Тифлисе и других городах Грузии. Создание журнала получило моральную и финансовую поддержку наместника Кавказа князя М.С. Воронцова. В издании приняли участие Г.Д. Орбелиани, В.В. Орбелиани, П.И. Иоселиани, Д.М. Кипиани, М.Б. Туманов и др. Здесь печатались произведения поэтов А.Г. Чавчавадзе и Н.М. Бараташвили. Несмотря поддержку журнала широким кругом интеллигенции, он приостановил свою работу в конце 1853 г. из-за недостаточного количества подписчиков и отсутствия денежной помощи от наместника Кавказа, ушедшего в отставку в начале 1854 г.

В 1857 г. при поддержке князя Ал. Орбелиани «Цискари» возобновил работу под редакцией И. Кереселидзе. В издании журнала приняли участие беллетристы реальной школы Д. Чонкадзе и Л. Ардазиани, поэты А. Церетели, И. Чавчавадзе, публицисты, критики, фельетонисты. Журнал просуществовал до 1875 г.

Таким образом, появление первых образцов русского книгопечатания, первых газет и журналов, журналистики на Кавказе, чему во многом содействовала социокультурная политика кавказской администрации, способствовало уравнению прав и обязанностей местной русской и национальной печати. Вопреки местным особенностям, языковой полифоничности, разным уровням цивилизационного развития, при которых осуществлялся выпуск многонациональной печатной продукции на Кавказе, развитие и совершенствование русского и национального печатного слова шло параллельными путями. Местные периодические издания на русском и национальных языках взаимно обогащались опытом, поисками точек соприкосновения. Со времени своего зарождения в крае кавказская русская

печать первой половины XIX в. стала неотъемлемой частью общерусского печатного слова и журналистики, обогащая как народы Кавказа, так и население России.

Источники и литература

1. *Антелава И.Г.* Очерки истории Грузии: в 5 т. Т. 5. Тбилиси, 1970.

2. *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. СПб., 1903.

3. *Ватейшвили Д.Л.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973.

4. *Егорова Н.С.* «Московский листок» – бульварное издание конца XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 9. С. 79–98.

5. *Зерцалов Г.В.* Библиография русской периодики Грузии. Ч. I (1828–1920). Тбилиси, 1941.

6. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. / под ред. И.А. Федосова. М., 1970.

7. *Кипшидзе Гр.* Краткий обзор грузинской периодической печати на Кавказе // Периодическая печать на Кавказе. Тифлис, 1901. С. 24–46.

8. *Кипшидзе Гр.* Краткий очерк истории русской периодической печати на Кавказе // Периодическая печать на Кавказе. Тифлис, 1901. С. 3–23.

9. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. и авт. предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Т. 1. Цхинвали, 1981.

10. Письмо к издателям «Северной Пчелы» // Сын Отечества. 1829. № 9. С. 82–92.

11. *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. Тбилиси, 1946.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. СПб., 1826.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 12. Отделение 1. СПб., 1838.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 25. Отделение 1. СПб., 1851.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 30. Отделение 1. СПб., 1856.

16. *Семёнова Т.А.* Особенности развития газетного дела в России в первой половине XIX века // Молодой ученый. 2010. № 12 (23). Т. 2. С. 24–27.

17. *Хоруев Ю.В.* История в печатной строке: справочник периодических изданий на Тереке (1863–1917 гг.). Владикавказ. 2003.

18. *Шевцов В.В.* Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 110–115.

19. *Шмидт С.О.* Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

Э.Р. Вагабова

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ГЯНДЖА (XIX – начало XX в.)

В 2024 г. исполняется 220 лет со дня завоевания древнейшего азербайджанского города Гянджи Российской империей. Издревле Гянджа была крупным торговым пунктом, политико-экономическим и культурно-идеологическим центром на мусульманском Востоке. Это способствовало расширению территории города, увеличению его населения, появлению новых махаллов – кварталов, куда стекались со всех сторон купцы и их караваны с товарами [5: 137].

Свое новое название Елисаветполь (в честь императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I) город Гянджа получил в 1804 г. после завоевания русским генералом грузинского происхождения князем П.Д. Цициановым. Однако местное население продолжало называть свой город Гянджой, а не Елисаветполем. Поэтому князь Цицианов за упоминание этого города прежним именем установил денежный штраф в размере 1 руб. серебром [29: 358]. С момента присоединения Гянджинского ханства к Российской империи начинается новая эпоха истории города. На основании высочайшего указа от 9 декабря 1867 г. 19 февраля 1868 г. учреждена Елисаветпольская губерния, а Елисаветполь стал губернским городом [29: 360]. При городской управе и общественном собрании имелись библиотеки. Также функционировали военная библиотека, читальня при железнодорожном депо на ст. Елисаветполь [9: 159].

В Гяндже, как и в других районах и городах Северного Азербайджана, развивалась народная ашугская поэзия. Завоевание Гянджи Российской империей стало вынужденной темой стихов поэтов из Баку, Шемахи, Ордубада, поскольку до этого поэты жили спокойно и посвящали свои стихи поэзии, любви, природе, философии, воспитанию и т.п. Так, Гасан Гянджали и Абдурахман Дильбази в дастанах (лирико-эпических произведениях) «Гянджинское побоище» прославляли последнего правителя Гянджинского ханства Джавад-хана. Основное содержание этих дастанов – походы Джавад-хана, отсутствие союзников, доблесть Гусейнкули-хана, вставшего на защиту города вместе с отцом, его гибель, расправа и насилие российских захватчиков над мирным населением. Так, А. Дильбази писал: «Град Гянджу поломала русская сила. Перебит народ, мирных ханов уже нет», а Гасан Гянджали с болью говорил о том, как «согнулась от горя и муки Гянджа» [31: 248].

Выдающийся поэт, педагог, один из самых образованных людей своего времени и учитель М.Ф. Ахундова Мирза Шафи Вазех (1794–1853) был ярким представителем литературной школы Гянджи. Прозванный «мудрецом Гянджи», он известен как автор любовных и философских афоризмов. Живя в Тифлисе, куда

он переселился из Гянджи, он подружился с немецким литературоведом-ориенталистом, поэтом и путешественником Фридрихом Мартином фон Боденштедтом, давал ему уроки азербайджанского языка и фарси. Ф.М. Боденштедт был известен не только как переводчик стихов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, повестей И.С. Тургенева, но и украинских народных песен. Уезжая в Германию, последний увез с собой, подаренную ему М.Ш. Вазехом тетрадь стихов «Ключ мудрости», которые затем включил в переводной сборник «1000 и один день на Востоке» (1850 г.). В подаренной тетради М.Ш. Вазех оставил автограф: «…на неоднократную просьбу... моего ученика и друга господина Ф. Боденштедта, я, Мирза Шафи, дарю ему сборник своих произведений, состоящих из гасиды, газели, мураббааты и месневи» [32: 14–15]. Также известно, что ни эта тетрадь, ни оригиналы собранных в ней стихов до сих пор не найдены. Некоторые тексты стихов и рукописные образцы были впервые обнаружены азербайджанскими исследователями Салманом Мумтазом, а затем Гамидом Мамедзаде, что явилось значительным вкладом в азербайджанскую историографию.

В 1851 г. Ф.М. Боденштедт издал на немецком языке отдельной книгой «Песни Мирзы Вазеха» (“Die Lieder des Mirza-Schaffy”), привлекшие его своим восточным колоритом и юмором. «Песни» вскоре были переведены на все европейские языки, принеся автору всемирную известность. Русский перевод «Песен» вызвал восторженную оценку Л.Н. Толстого и А.А. Фета, а также привлек внимание выдающегося русского композитора А.Г. Рубинштейна [30: 7]. Проживавший в то время в Веймаре (1854 г.) композитор создал вокальный цикл «Персидские песни» на стихи Вазеха, состоявшй из 12 романсов. Хочется отметить, что само название данного цикла ошибочно, поскольку сам Боденштедт в описаниях своего путешествия на Кавказ приводит их в качестве перевода именно «с тюркского». А один из романсов этого цикла долгие годы входил в репертуар выдающегося оперного исполнителя Ф. Шаляпина. 5 ноября 1887 г. в Берлине состоялась премьера оперетты “Die Lider des Mirza-Schaffy”, музыку к которой написал австрийский композитор Луис Рота, а либретто немец Эмиль Поль [28].

К сожалению, в изданной Ф. Боденштедтом книге «Из наследия Мирзы Шафи» (1872/1873 г.) он объявил себя уже не переводчиком, а автором «Песен», лишив тем самым авторства самого М.Ш. Вазеха. Тем не менее мы не можем отрицать его положительную роль в популяризации творчества азербайджанского поэта в мировом масштабе. Только в Германии до 1922 г. «Песни» выдержали 160 изданий на немецком языке [6: 6]. К 1917 г. они были изданы уже 264 раза на разных языках народов мира общим тиражом более 2 млн экземпляров.

В своих стихах М.Ш. Вазех говорил о назначении поэта, выступал против религиозного невежества и подчинения науки религии, а смех превратил в орудие для борьбы с отсталостью и предрассудками современного ему общества. Он ратовал за светское образование и передовую науку. Поэт считал суеверием веру в загробную жизнь. Важной темой в творчестве Вазеха является женщина, ее положение

в обществе. Понимая невозможность изменить его в существующих условиях, Мирза Шафи в своих стихах (например, «Отбрось чадру») высмеивал религиозный запрет, не позволявший мусульманкам открывать лицо. Можно с уверенностью констатировать, что творчество классика азербайджанской поэзии М.Ш. Вазеха занимает важное место в развитии литературно-культурных связей Азербайджана и Европы.

В 1819 г. на территории Елисаветпольского уезда были основаны первые поселения немецких колонистов – выходцев из Вюртембергского королевства – немецкая колония Еленендорф (с 2008 г. – г. Гёйгёль) и Анненфельд (г. Шамкир). Жители этих и других шести немецких поселений (Розенфельд (Алексеевка), Елисаветинка (Агстафа), Георгсфельд (Георгиевск), Гринфельд (Агстафинский район), Траубенфельд (Товуз), Эйгенфельд (Шамхорский район)) принимали активное участие в культурной жизни города [17: 10].

В Гяндже, как и в других крупных азербайджанских городах, действовал литературный меджлис «Меджмеуш-шуара» («Собрание поэтов») Мохаммедаги Джурми. В нём принимали участие литераторы, поэты, музыканты и певцы, устраивались поэтические соревнования, обсуждались новые произведения, происходил обмен мнениями. Организатором другого литературного кружка «Дивани-Хикмет» («Кружок мудрости», или «Собрание мудрых»), действовавшего в Гяндже и Тифлисе, был также М.Ш. Вазех, а сам меджлис был известен далеко за пределами Кавказа. Эти меджлисы посещали уже упомянутый Ф. Боденштедт и Главноуправляющий гражданской частью на Кавказе Г. Розен, проявлявшие особый интерес к азербайджанской поэзии. Их участие оказало положительное влияние на членов меджлиса «Дивани-Хикмет», поскольку способствовало знакомству азербайджанских поэтов с немецкой и русской литературой. В меджлисе принимали участие, как его члены, так и поэты Мирза-Мехти Наджи, Мирза Гасан, Гаджи Абдулла, Гаджи-Аббас, Молла Абдулла, Мирза Юсиф, Видади, Гаджи Юсиф, Ибрагим Шейхзаманов [33: 95; 35: 42]. Здесь читали и обсуждали поэтические произведения А. Бакиханова, ставшие «предметом для подражания» [4: 96]. Сам А. Бакиханов проездами останавливался в Гяндже или в Тифлисе и участвовал в заседаниях меджлиса. Состав и контакты меджлиса постоянно расширялись. В поэтических соревнованиях участвовали не только поэты из разных городов Азербайджана, но и представители других национальностей, хорошо знавшие азербайджанский язык. Это способствовало консолидации деятелей культуры, установлению личных контактов между поэтами. Например, И.И. Григорьев переводил афоризмы М.Ш. Вазеха, сотрудника и редактора газеты «Кавказ» И.А. Сливицкого [33: 97–98]. Поэты читали свои стихи, комментировали и обсуждали их, дискутировали на различные темы, а также выступали против реакционного духовенства, религиозного фанатизма и предрассудков.

После введения в ноябре 1905 г. «Временных правил периодической печати», отменивших предварительную цензуру, казалось, появилась возможность свободно

писать и обсуждать вопросы общественной жизни. Но надежды деятелей печати оказались ошибочными. Так, спустя три дня после выхода 19 ноября 1905 г. в Тифлисе ежедневной социал-демократической газеты «Кавказский рабочий листок», Кавказский цензурный комитет потребовал от прокурора Тифлисской судебной палаты конфискации первого номера газеты за призывы к всеобщему революционному движению [18: 376–377]. Постановлением кавказского наместника 12 декабря 1905 г. газета была закрыта, а издатель арестован. Но уже с 13 декабря «Кавказский рабочий листок» выходил под новым названием – «Елисаветпольский вестник» [18: 379]. Когда это выяснилось, первый номер газеты (а по существу, № 16) был конфискован. 14 декабря 1905 г. разрешение об издании газеты аннулировалось, хотя в тот же день было распространено 12 тыс. экземпляров ее очередного номера [18: 379]. Однако 47 экземпляров газеты все же были изъяты властями. В ноябре 1908 г. в Гяндже стал выходить еженедельник «Истигбал» («Будущее», ред. Г. Ахундов), отражавший интересы местной мелкой буржуазии, а в 1911 г. – ежедневная газета на русском языке «Южный Кавказ» (ред. А.Е. Фёдоров). Среди сотрудников газеты были известные общественные деятели Ахмедбек Агаев, Исмаил Зиятханов, Халил Хасмамедов. Газета просуществовала до 1912 г. и закрылась после выхода 110 номеров [8: 42]. В 1916 г. некоторое время выходила газета «Ени Гянджа» («Новая Гянджа»).

В Гяндже было организовано новое издательское общество «Ухуввет Исламия», имевшее свои филиалы в городах Нуха и Закатала. Цель общества заключалась в «содействии распространению полезных книг на турецком, персидском, арабском языках среди закавказских татар (азербайджанских тюрков. – *Э. В.*), лезгин, чеченцев и др.» [7: 3]. Установив связи со всеми значительными книгоиздательскими обществами, существовавшими в мусульманском мире, общество помогало печатать произведения местных поэтов и писателей, которые не имели возможности издавать их за свой счет [7: 3].

Революционные события 1905–1907 гг. привели к созданию значительного числа образовательных обществ. В Гяндже был основан женский кружок, возглавляемый Шафигой ханум Усуббековой, выступавшей за свободу женщин, против ношения чадры. В состав кружка входили образованные девушки и женщины: Дж. Рафибекова, Р. Хасмамедова, С. Зиядханова, Ш. Пишнамаззаде, Х. Рафиева, Ш. Хойская, Д. Хасмамедова [24]. Этим кружком был подготовлен устав Общества распространения грамотности среди мусульманок [25].

В 1895 г. состоялась первая постановка в Гяндже спектакля по пьесе М.Ф. Ахундова «Марди-хасис» («Скряга») в клубе, построенном на средства немецкого нефтепромышленника Форера [26: 120]. Через несколько лет в Гяндже было построено здание театра. Средства на строительство были выделены Гусейнкули Ханом Хойским. В основном все спектакли были благотворительными, собранные средства шли на развитие народного образования. В августе 1906 г. под руководством А. Хасмамедова в городе развернуло свою деятельность Елисаветпольское

мусульманское драматическое общество. Театральная труппа этого общества, насчитывавшая 38 членов, ставила спектакли по произведениям Н. Нариманова («Надир шах», 1908, 1911 гг.), Н. Камала («Родина», 1908, 1909 гг.), Р. Эфендиева («Кровавый очаг», 1908 г.), С.М. Ганизаде («Дурсунали и Балибадис», 1908 г.) и др. [27; 36: 92]. На средства общества в 1909 г. была издана книга «Что есть театро?», написанная еще в 1901 г. преподавателем тюркского языка Елисаветпольской реальной гимназии, просветителем, публицистом, общественным деятелем Мирзой Мухаммедом Ахундзаде. Это была первая книга о театре на азербайджанском языке, написанная с целью привлечения широких слоев населения в театр [15: 10, 16; 23]. По инициативе автора в Гяндже был создан самодеятельный драматический кружок. М. Ахундзаде участвовал в его работе в качестве режиссера и актера. Из-под его пера вышел ряд сценических произведений на самые актуальные темы [3]. В 1910 г. наблюдался некоторый спад в деятельности данной труппы, что объяснялось как уменьшением числа членов общества, так и финансовым положением. В связи с этим звучали призывы к объединению Елисаветпольского мусульманского драматического общества с просветительским обществом «Нэшри-маариф», от слияния которого, как отмечала газета «Закавказье», могли выиграть оба общества [19; 20].

Развитию и укреплению сценического искусства Гянджи способствовало тесное сотрудничество местных актеров с Бакинской любительской труппой [36: 94]. В 1913 г. была поставлена комедия «Сябяб, яхуд Гаджи Гулам Али», главную роль в которой сыграл Н. Шейхзаманов, а также под руководством режиссера Сидги Рухуллы была дважды поставлена оперетта У. Гаджибекова «Не та, так эта» («О олмасын, бу олсун») и отрывок из его оперы «Лейли и Меджнун» [36: 93, 95]. Здесь же было создано общество актеров, основателем которого был Худадат-бек Рафибеков – в будущем генерал-губернатор Гянджи, министр здравоохранения и социального обеспечения Азербайджанской Демократической Республики. Это общество занималось организацией спектаклей, театральных трупп, а также оказывало материальную помощь местным актерам [26: 120]. В январе – феврале 1917 г. в клубе «Форер» был поставлен спектакль Дж. Мамедкулизаде «Мертвецы» («Olülər») с участием известного актера Мирзы Аги Алиева, прибывшего из Баку.

Город Гянджа ассоциируется с гением мировой литературы Низами, произведения которого и сегодня не утратили своей актуальности и значимости. Символом Гянджи считается мавзолей Низами (XIII–XIV вв.). В XIX–XX вв. мавзолей находился в полуразрушенном состоянии. Для его восстановления под руководством Х. Рафибекова было создано общество по сбору средств. Но собранных средств оказалось недостаточно. Благодаря помощи выдающегося мецената, благотворителя Гаджи Зейналабдина Тагиева мавзолей Низами был восстановлен. Откликнулся также Г.З. Тагиев и на просьбу русских гянджинцев помочь им в возведении православной церкви. Прихожане увековечили память Г.З. Тагиева в благодарственной

надписи на храме. Церковь действует по сей день, но надпись была кем-то стерта [26: 119].

В центре Гянджи стоит сохранившаяся Джума-мечеть, построенная в 1606 г. по поручению персидского шаха Аббаса I Великого (1571–1629) по проекту архитектора Шейха Бахааддина Мохаммеда Амиля [11] и являющаяся одной из самых известных архитектурных достопримечательностей Гянджи. В медресе при Джума-мечети долгое время преподавал поэт и ученый М.Ш. Вазех. В 5 км от города расположен мавзолей «Имам-заде» XIV в., известный также как Гёй-Имам [4: 21]. В разное время мавзолей, являвшийся культовой достопримечательностью города, реставрировался, реконструировался и ремонтировался, разрушался и снова восстанавливался. Последняя реставрация была проведена в 2010 г. по распоряжению Президента Азербайджанской Республики И. Алиева.

В 1854 г. в Елисаветполе началось строительство церкви Святого Иоанна, которая начала функционировать в 1857 г. Позже эта церковь станет образцом для разработки проекта немецкой кирхи, построенной в Баку в 1890-е гг. [13: 1–1 об.]. Для проведения собраний в 1885 г. немецкой общиной города было построено молитвенное здание, действовавшее до депортации немцев из Азербайджанской ССР в 1941 г.

В 1887 г. на месте старинного кладбища на благотворительные средства как местных православных, так и мусульман в Гяндже был построен Александро-Невский храм, выполненный в византийском стиле. Освящение состоялось 19 марта 1889 г. Он имел статус соборного и в советское время был закрыт на 15 лет. После Второй мировой войны в 1946 г. храм был возвращен верующим, хотя прихожан здесь, по сравнению с Баку, было немного. В настоящее время храм входит в реестр Национальных исторических памятников Азербайджана.

Исследуемый период характеризуется строительством крупных общественных и культурных зданий: общественное собрание, гостиница «Центральная», синематограф «Модерн», театр «Форер», здания губернской канцелярии, губернского банка, торгового дома «Абилов и Хагвердиев», магазина Зингера, цирка [5: 184; 14: 3].

В рассматриваемый период получило распространение производство набивных тканей. Они изготавливались как в Баку, Шеки, Шемахе, так и в Гяндже, Эривани (азерб. – Иревань, с 1936 г. – Ереван), Нахичевани (Нахчыван) и имели большую популярность у местного населения. Из этих тканей делали женские платки разных размеров [21: 39]. Итальянские, английские, голландские путешественники, побывавшие в азербайджанских городах, оставили свои впечатления о шелковых изделиях и платках, вышитых золотом и серебром [1].

С развитием ювелирного производства становилась востребованной профессия мастера золотых и серебряных дел, хотя количество мастеров оставалось незначительным. Согласно архивным источникам, в Гяндже их насчитывалось в 1849 г. – 24, а в 1880 г. – только двое [12: 3]. Для обработки драгоценного металла

использовались различные способы – ковка, чернение, филигрань, гравировка, эмаль.

Еще в Средние века в Азербайджане было развито ковроткачество, являвшееся предметом не только местной, но и экспортной торговли [16: 146]. Царская Россия поощряла ковровое искусство, получая огромные прибыли от продажи ковров и ковровых изделий [22]. В 1886 г. в Гяндже было произведено более 25 тыс. пудов ковровых изделий. Каждая семья изготавливала себе необходимые в быту ковры, украшавшие внутреннее убранство домов, общественных и религиозных зданий [34: 35]. Гянджинские ковры, узоры которых несут определенную информацию для потомков, обычно имели синий, темно-синий и мареново-красный цвета. Они отличаются длиной, высоким ворсом, разной плотностью петель, относительно большими размерами. В центре узорной композиции – восьмиугольники или три медальона [10]. Ковры, сотканные в Гяндже, назывались «Гянджасити» и пользовались большим спросом на мировых рынках [2: 34]. Неоднократно на международных выставках отмечалось высокое качество ковров и ковровых изделий Гянджи.

Подытоживая, отметим огромное значение г. Гянджи в общественно-политической и культурной жизни азербайджанского народа. Здесь высоких вершин достигла литература, ярким представителем которой явился М.Ш. Вазех. Мечты поэта о равноправии женщин исполнились спустя много лет. Впервые на всем мусульманском Востоке правительство Азербайджанской Демократической Республики в Гяндже приняло закон о правах женщин, благодаря которому они начали участвовать в выборах наряду с мужчинами. Создание первых театральных трупп, разнообразный репертуар постановок способствовали приобщению многонационального городского населения к театру, знакомили его с выдающимися произведениями азербайджанских драматургов. Гянджинские ковры, достигшие высокого уровня качества, стали предметом изучения для зарубежных специалистов. Эти ковры представляют Азербайджан в известных музеях мира.

Сохранившиеся архитектурные памятники – это визитная карточка города. Старинный город Гянджа – симбиоз древности и современности – обладает той притягательной силой, которая снова и снова привлекает туристов со всего мира посетить этот уникальный город. Отношения между народами и религиями как в самом городе Гянджа, так и в Северном Азербайджане в целом основаны на толерантности, взаимном уважении и доверии. Независимо от этнической, религиозной и социальной принадлежности жителей Гянджи, все они участвуют в общественно-политической и культурной жизни города, сохраняя этнокультурные особенности, верования, образ жизни и традиции своего народа. Сегодня изучение культурного наследия Азербайджанской Республики является важнейшей задачей ее ученых.

Источники и литература

1. Азербайджанские келагаи произвели фурор в Париже. URL: http://news.day.az/culture/471134.html (дата обращения: 03.03.2014).

2. Азербайджанские ковры. Гянджинская группа. Баку, 2012.

3. *Алиева Э.* Жизнь во имя возрождения нации // Каспий. 2014. № 3. 25 января.

4. *Ализаде Г.М.* Народное зодчество Азербайджана и его прогрессивные традиции. Баку, 1963.

5. *Амензаде Р.* Страницы архитектурной летописи Гянджи XII–XIX веков. Баку, 2021.

6. *Багиров А.* Поэт трагической судьбы // Международный азербайджанский журнал «IRS- Наследие». 2016. № 3 (81). С. 4–13.

7. Баку. 1909. № 186. 21 августа.

8. *Бенингсен А.*, *Лемерсье-Калькеже Ш.* Печать и национальное движение русских мусульман до 1920 г. / пер. с франц. С.М. Полякова // Архив Института истории и этнологии НАНА. Баку, 1971.

9. *Вагабова Э.Р.* Становление и развитие библиотек как культурно-просветительных учреждений в Северном Азербайджане в конце XIX – начале XX вв. Баку, 2022.

10. Вековые традиции и разнообразие азербайджанских ковров. URL: https://gobaku.ru/blog/vekovye-traditsii-i-raznoobrazie-azerbajdzhanskih-kovrov/ (дата обращения: 22.12.2019).

11. *Гаджиев А.* Сокровищница мудрости // Известия. 2007. 27 июня.

12. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИА АР). Ф. 43. Оп. 2. Д. 855.

13. ГИА АР. Ф. 389. Оп. 3. Д. 126.

14. ГИА АР. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1.

15. ГИА АР. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7.

16. *Гугушвили П.В.* Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX–XX вв.: в 3 т. Т. 1. Тбилиси, 1957.

17. *Джафарли М.Ш.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев / 2-е изд. Баку, 2003.

18. *Жвания Г.К.* Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции / 2-е изд. Тбилиси, 1973.

19. Закавказье. 1910. № 38. 17 февраля.

20. Закавказье. 1910. № 41. 20 февраля.

21. Каракашлы К.Т. Женская одежда населения малого Кавказа XIX – начала XX вв. // Азербайджанский этнографический сборник. Вып. 1. Баку, 1964. С. 39–79.

22. Каспий. 1900. № 165. 29 июля.

23. Каспий. 1906. № 155. 18 июля.

24. Каспий. 1908. № 27. 1 февраля.

25. Каспий. 1908. № 32. 5 февраля.

26. *Керимзаде П.О.* Из истории меценатства города Гянджи // Baki universitetinin xəbərləri, Humanitar elmlər seriyası. 2009. № 4. С. 117–123.

27. *Керимзаде П.О.* Общественные организации Гянджи начала XX века // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 7 (49). С. 73–76.

28. Мирза Шафи и музыка / авт.-сост. С. Фукс. URL: https://anl.az/el/emb/M.Sh.Vazeh/pdf/haqqinda/A-31720.pdf (дата обращения: 17.06.2024).

29. Памятная книга Елисаветпольской губернии на 1914 год (с приложением таблицы об экономическом положении населения губернии). Тифлис, 1914.

30. Песни Мирзы Шафи. Забытые и малоизвестные русские переводы. Пер. с азерб. / сост. Р. Мустафаев. Баку, 1988.

31. *Рустамова А.*, *Набиев Б.*, *Караев Я.* Азербайджанская литература (для азербайджанской диаспоры). Баку, 2005.

32. *Сеид-заде А.А.* Великий мыслитель и поэт из Ганджи-Мирза-Шафи «Вазех» (Жизнь и творчество): Ко «Дню Мирза Шафи», устроенному в гор. Гандже на тюркск. и рус. яз. 1/X-29 г. Ганджа, 1929.

33. *Сеид-заде А.А.* Мирза-Шафи Садык-оглы Вазех / предисл. Е. Бертельса. Баку, 1969.

34. *Сумбатзаде А.С.* Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964.

35. *Юсифов М.* Мирза Шафи Вазех – 220. Баку, 2014 (на азерб. яз.)

36. *Юсуфбейли Т.Г.* Театральная жизнь в Гяндже (1905–1920) // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства. 1983. № 2. С. 92–97.

С.К. Чориян

ПОПЫТКА ОТКРЫТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В КОНЦЕ XIX в.[1]

Со времени основания Нахичевани-на-Дону как руководство города, так и его жители были озабочены проблемой образования подрастающего поколения. Если до определенной поры содержащиеся на средства церкви и благотворительные взносы церковно-приходские школы удовлетворяли потребности городских жителей в образовании, то со второй половины XIX в. положение начинает существенно меняться. В эпоху бурного развития экономики городу всё больше требовались грамотные люди – инженеры, врачи, экономисты, учителя и т.д.

В пореформенную эпоху в России существовало два вида гимназий: классические, с упором на изучение древних языков (древнегреческого и латинского), и технические, где преимущественно преподавались технические науки – математика, физика, инженерное дело и т.д. Армянам с присущим им консерватизмом

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100350-2.

и приверженностью традициям по духу были близки именно классические гимназии, приоритет которых долгое время отстаивал министр просвещения Российской империи граф И.Д. Делянов, кстати, армянин по происхождению. Однако дело было не только в этом.

Как свидетельствует протокол заседания Нахичеванской-на-Дону городской думы, 9 октября 1893 г. была предпринята первая реальная попытка открытия в городе классической гимназии [1: 2]. Однако нельзя сказать, что этот вопрос не рассматривался ранее. После введения Городового положения 1870 г. он неоднократно поднимался на заседаниях городской думы и всегда находил горячий отклик. Известно также о прошении на имя городского головы от 3 сентября 1876 г., которое подписали 160 известных и уважаемых в городе лиц. Существующие в Нахичевани-на-Дону учебные заведения, призванные удовлетворять элементарные требования в обучении грамоте или преследующие специальные задачи, перестали отвечать общеобразовательным целям.

Городская управа, неоднократно поднимавшая данный вопрос, пришла к идее об открытии в Нахичевани-на-Дону классической гимназии. Именно такой тип гимназии должен был наиболее полно удовлетворить потребности горожан в образовании. Задача классической гимназии, как констатировала городская управа, заключалась, с одной стороны, в предоставлении учащимся тех знаний и навыков, которые обеспечили бы юношеству необходимый фундамент для дальнейшего изучения науки в высших учебных заведениях, а с другой – в предоставлении детям общего образования. В этом заключается преимущество классических гимназий перед другими средними учебными заведениями. Если последние преследовали более или менее специальные цели, классические гимназии, давая доступ в университеты или другие высшие учебные заведения, открывали перед учащейся молодежью широкое поле для деятельности в различных сферах общественной жизни.

Помимо этого, в пользу открытия в городе классической гимназии имелись и другие доводы. Городской думе было хорошо известно, что из Нахичевани-на-Дону большое количество молодых людей отправлялось в другие города для поступления в различные учебные заведения. Большая их часть обучалась в гимназиях. Таким образом, нахичеванское общество было склонно к классическому образованию. Открытием в Нахичевани-на-Дону классической гимназии руководство города облегчало бы в материальном отношении положение родителей, вынужденных отправлять своих детей для обучения в другие города и расходовать для этой цели значительные средства.

На основании высказанных соображений городская управа вышла с ходатайством к городской думе открыть в Нахичевани-на-Дону шестиклассную классическую гимназию с подготовительным классом на основании существовавшего на тот момент Устава гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. Одновременно с возбуждением ходатайства по данному вопросу

перед правительством городская управа предложила просить также разрешение на преподавание в открываемой гимназии армянского языка, Закона Божьего по исповеданию Армянской апостольской церкви, изучение которых будет обязательным для армянских детей [2: 4].

Включение в учебный курс открываемой гимназии упомянутых предметов было обусловлено тем, что значительную часть населения Нахичевани-на-Дону составляли армяне, следовательно, они бы и составили основной контингент учащихся. На основании этого городская управа разработала следующий проект штата и бюджета Нахичеванской гимназии:

– директор – 1: содержание 1200 руб. и 800 руб. столовых;
– инспектор – 1: содержание 900 руб. и 600 руб. столовых;
– законоучитель православного исповедания – 1 (12 уроков): 900 руб.;
– законоучитель армяно-григорианского исповедания – 1 (8 уроков): 600 руб.;
– учителя:
– русского церковно-славянского языка – 2 (22 урока);
– латинского и греческого языка – 4 (по 72–73 урока);
– математики, физики, естествознания – 2 (31 урок);
– истории и географии – 1 (19 уроков);
– немецкого языка – 1 (17 уроков);
– французского языка – 1 (17 уроков);
– армянского языка – 1 (17 уроков);
– чистописания – 1 (5 уроков): 250 руб.;
– классные наставники – 5: 800 руб.;
– их помощники – 2: 300 руб.;
– врач – 1: 500 руб.;
– пение, гимнастика;
– бухгалтер или письмоводитель – 1;
– учебные пособия, канцелярские товары: 400 руб.

Всего расход исчислялся в сумме 23 095 руб. [2: 8].

В результате обмена мнениями городская дума по всем вопросам согласилась с городской управой. Было принято решение ходатайствовать о разрешении данного вопроса перед наказным атаманом Области войска Донского. И самым важным было то, что все расходы на содержание гимназии предполагалось брать из городских средств [1: 3].

Однако, как часто случалось в истории Нахичевани-на-Дону, вопросы образования решались неимоверно долго, и эти благие начинания так и остались на бумаге. В 1898 г. нахичеванская городская дума вновь вернулась к вопросу открытия в городе гимназии. 3 февраля 1898 г. думская делегация отправилась в Харьков на встречу с попечителем учебного округа, к которому относилась Нахичевань-на-Дону. На этой встрече попечитель округа заверил нахичеванцев в положительном решении их вопроса, но попутно сообщил, что вопрос

рассматривается в Петербурге в Министерстве народного просвещения и вскоре будет вынесено его положительное заключение. Поэтому нахичеванская делегация отправилась в Петербург, где ее ждало горькое разочарование: вопрос об открытии нахичеванской гимназии был решен положительно, но на общих основаниях [4: 301].

На практике это означало, что преподавание Закона Божьего армянского вероисповедания предполагалось осуществлять на русском языке, а не на армянском, как предполагал проект, разработанный комиссией нахичеванской городской думы. Предлагая преподавание Закона Божьего на армянском языке, нахичеванское городское общество преследовало своей целью изучение подрастающим поколением родного языка и некоторых армянских обычаев. Такое стремление едва ли могло найти понимание и сочувствие у царского правительства. Второй момент, по которому проект нахичеванцев расходился с общими положениями министерства, заключался в наличии формируемого из оплаты за обучение фонда как резервного капитала для устойчивого функционирования открываемого учебного заведения. Помимо всего вышесказанного, просьба нахичеванцев о включении в учебную программу гимназии армянского языка – по сути, основополагающее условие обучения – была оставлена без внимания.

Таким образом, стало ясно, что прошение города было удовлетворено иначе, чем оно было изложено в постановлении городской думы от 24 июля 1898 г. Имело ли смысл при таких обстоятельствах ходатайствовать об открытии в городе гимназии? Ответ на этот вопрос представляется однозначным.

И вина здесь заключалась отнюдь не в инертности нахичеванского городского управления, а в изменившейся общей политической обстановке. Наступление царского самодержавия на армянское образование, выразившееся в законе 12 июня 1903 г. и приведшее к конфискации имущества Армянской апостольской церкви [3: 89–90], на время затормозило данный процесс.

Однако в конечном итоге, после долгих согласований, ходатайств и переписок с вышестоящими органами нахичеванцам удалось, хоть и не сразу, добиться своей цели. 5 октября 1912 г. мужская нахичеванская гимназия была открыта.

Источники и литература

1. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской думы. 1893. № 40.

2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 91. Оп. 11. Д. 67.

3. *Казаров С.С.* Закон от 1 августа 1905 г. и возврат имущества Армянской апостольской церкви на Дону // 300 лет Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви. Исторический путь и современность: материалы Международной научной конференции (Москва, 24–25 октября 2017 г.). М., 2018. С. 89–98.

4. *Сидоров В.С.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4. Ростов н/Д., 1996.

Т.А. Колосовская

О ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ РАБОТЫ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (на основе новых архивных документов)[1]

К числу наиболее востребованных сборников документов по истории российско-кавказского взаимодействия имперского периода относится многотомное издание под названием «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее – Акты). Как для зрелых ученых, так и для начинающих исследователей оно является настольной книгой при изучении различных аспектов российской политики на Кавказе в период его присоединения и интеграции в состав империи.

Акты стали результатом деятельности образованной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии – правительственного учреждения, задачами которого были разбор и опубликование документов, хранящихся в архиве Главного управления кавказского наместника. Этим объясняются хронологические рамки и систематизация обнародованных документов. Их большая часть относится к концу XVIII – первой половине XIX в. При этом каждый том Актов включал материалы за время управления краем тем или иным главнокомандующим (с 1844 г. наместником) на Кавказе.

Большая часть документов была опубликована под руководством первого председателя Комиссии, известного ученого-востоковеда и историка Кавказа А.П. Берже. Ему удалось издать 10 томов и подготовить к публикации 11-й том, включавший документы за период управления Кавказом Н.Н. Муравьева. Скоропостижная смерть ученого не позволила ему завершить задуманное. 11-й том был опубликован уже его преемниками.

Возглавивший Комиссию в начале 1890-х гг. Е.Д. Фелицын подготовил и издал 12-й том Актов, охватывающий материалы за период управления Кавказом князя А.И. Барятинского. Тогда же был поставлен вопрос об издании 13-го тома Актов, включающего документы по истории наместничества на Кавказе великого князя Михаила Николаевича. Однако реализация этой задачи растянулась на долгие годы и не была выполнена.

Первые годы функционирования Комиссии, оказавшиеся наиболее результативными, достаточно подробно изучены и каких-либо споров в научной литературе не возбуждают [2; 4; 5]. Больше вопросов вызывает завершающий этап ее работы, к рассмотрению которого мы обратимся в настоящем исследовании.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

На основе новых архивных документов покажем особенности организации ее работы в 1916 – 1917 гг. и тем самым внесем свой вклад в дискуссию о причинах, которые не позволили завершить этот археографический проект и опубликовать 13-й том Актов.

Источниками для раскрытия темы послужат, главным образом, письма последнего председателя Кавказской археографической комиссии Г.Н. Прозрителева, обнаруженные нами в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Эта группа документов позволит дополнить уже введенные историками в научный оборот делопроизводственные материалы [3; 6] и поможет взглянуть на проблему изнутри, глазами непосредственных участников описываемых исторических событий.

Как уже было отмечено выше, впервые вопрос об издании 13-го тома был поставлен во время руководства Комиссией Е.Д. Фелицыным. Еще в 1899 г. он планировал приступить к изданию собранных и подготовленных к печати документов, относящихся к двум первым годам управления Кавказом великим князем Михаилом Николаевичем [8: 32]. Тогда на издательскую работу Комиссии из казны было решено выделять по 8790 руб. ежегодно на ближайшие пять лет, начиная с 1902 г. [8: 34].

В 1907 г., в связи с истечением срока финансирования, на повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации Комиссии. Выяснилось, что работа по подготовке к изданию 13-го тома велась уже под руководством нового председателя Д.Н. Михайлова, однако была еще далека от завершения. Прерывать или ограничивать деятельность Комиссии, когда дело касалось публикации документов, относящихся к наместничеству великого князя Михаила Николаевича, к тому же еще и основателя Комиссии, и в Тифлисе, и в Петербурге признали решительно невозможным. Работу и финансирование Комиссии продлили еще на пять лет [9: 4 об.].

К 1913 г. Комиссии удалось разобрать и приготовить к печати документы, охватывающие 19 лет управления на Кавказе Михаила Николаевича. Всего было отобрано к печати свыше 8 тыс. документов. Составлено введение, краткие биографии всех главных деятелей этого времени. Документы планировалось представить в 25 отделах и издать в пяти частях по 1500–1600 страниц в формате *in folio* [10: 15–17]. При этом проверка работы Комиссии показала, что предназначенный к изданию материал не был должным образом систематизирован. К тому же большая часть отобранных документов уже была опубликована в вышедшем в конце XIX в. в «Сборнике материалов по истории Кубанского казачьего войска» [4: 54].

Исправление ошибок требовало сил и времени. Однако, по верной оценке современных исследователей: «Первая мировая война и последовавшие за ней Революция и Гражданская война прервали и деятельность самой комиссии, и публикацию документов по истории Кавказа» [4: 54]. Соглашаясь с этой точкой зрения,

хотелось бы обратить внимание на попытки власти и ученых спасти археографический проект в сложных условиях военного времени и надвигающихся революционных потрясений.

В 1916 г. председателем Кавказской археографической комиссии был назначен Г.Н. Прозрителев – известный на Юге России ученый и общественный деятель, возглавлявший Ставропольскую ученую архивную комиссию [1: 47–77]. На эту должность его рекомендовал председатель Русского исторического общества (далее – РИО) великий князь Николай Михайлович. Он был лично знаком с Прозрителевым и характеризовал его как «превосходного знатока архивного дела и идейного работника» [11: 2].

Об отношении Прозрителева к новому назначению свидетельствуют его письма к секретарю РИО В.И. Саитову, отложившиеся в РГАЛИ. Их анализ показывает, что Прозрителев позитивно воспринял изменения в своем служебном положении, был полон сил и созидательных планов. В письме от 7 апреля 1916 г. он отмечал: «Пребывание свое в Тифлисе я использовал для ознакомления с положением дела в Археографической комиссии. Традиции прежнего состава заставляют несколько призадуматься: 12-й том издавался 18 лет и одно печатание тянулось 10 лет. В чём тут загадка – сказать не могу. Но и не поставить этого обстоятельства на вид тоже нельзя, так как печатание производится в казенной типографии» [7: 9].

Прозрителев понимал масштаб предстоящей работы: «надо изучить 16 000 актов, сверить и редактировать их» [7: 9]. Его беглое ознакомление с материалами, подготовленными предшественниками, показало их несовершенство: многие документы были переписаны с копий, без указаний, где находится подлинник, и без его прочтения. «Словом, все сделанное необходимо тщательно и серьезно пересмотреть и подвергнуть оценке, к чему обязывает серьезность работы», – подчеркивал он [7: 10].

Что касается плана издания и отбора фотографий, то эти вопросы Прозрителев намеревался обсудить с великим князем Николаем Михайловичем. С этой целью во второй половине мая 1916 г. он совершил поездку в Петербург, где нашел понимание и содействие, поскольку речь шла о публикации документов по управлению Кавказом отца Николая Михайловича.

Заручившись поддержкой председателя РИО, Григорий Николаевич вернулся на Кавказ и в начале июня 1916 г. писал: «Вот я уже и в Тифлисе и, несмотря на то, что поджариваюсь как на сковородке, приступил к работе» [7: 10]. 3 июня 1916 г. Прозрителев был принят кавказским наместником великим князем Николаем Николаевичем. «Я удостоился высокомилостивого и необыкновенно сердечного приема, – сообщал он Саитову. – Великий князь тепло и сердечно справился о здоровье великого князя Николая Михайловича, с большим интересом и очень обстоятельно пожелал ознакомиться с точкой зрения августейшего председателя исторического общества на предстоящую работу, говорил о получении письма

великого князя, и его высочество выразил полную готовность идти навстречу пожеланиям великого князя. Причем августейший наместник добавил с особенным выражением почтения, что "первое слово в этом деле принадлежит великому князю Николаю Михайловичу, не только как сыну, но и как знатоку-историку: прежде его мнение, а потом уже мое"» [7: 13]. Поддержка со стороны наместника, выделение для Комиссии нового помещения и склада для ее изданий вселяло в Прозрителева бодрость и уверенность в успешности работы.

Одной из главных проблем для Григория Николаевича стал разбор материала, выявленного и предназначенного к изданию его предшественниками. 3 сентября 1916 г. он писал: «Я совсем с головой ушел в работу, не отрываясь ни днем, ни ночью. Хотелось сделать в два месяца то, чего не могли сделать мои предшественники за 12 лет. Тяжелое наследство досталось мне по Комиссии: работавшие сами запутались в массе бумаг, и накоплением без всякого плана только загромоздили дорогу, по которой надо идти. Лучше строить дом на новом месте, чем на развалинах старой постройки, где каждый кирпич привлекает внимание: думается, что он годен к делу, а посмотришь – он испорчен, и только отнимает время на осмотр его. То же повторилось и здесь. Ну, наконец, я разобрался, и на душе стало легче: вышел на свет Божий из тьмы кромешной, где был плач и скрежет зубовный моего предшественника председателя Михайлова, ссорившегося со своим постоянным членом Берже и бессильно опускавшего руки перед никчемностью последнего. И надо было всё это расчистить и выбраться из этой трясины, где застряло дело 12 лет» [7: 16].

В этом же письме Прозрителев с оптимизмом сообщал, что работа наладилась: «сегодня уже сдал часть материала первого выпуска в типографию. Да, это можно сказать праздник. Если типография не будет задерживать, то дело пойдет успешно» [7: 16].

Справившись, говоря словами Г.Н. Прозрителева, с «вещественным» наследством, он оказался беспомощен перед наследством «личным». Речь шла о прежнем постоянном члене Комиссии Берже. «Уже одно то, что он 8 лет сидел в Комиссии и в течение этого времени ни одной строки не было напечатано, а переписанный материал малограмотными девицами даже не был проверен и оказался непригодным, требующим проверки, исправления, замены, дополнения – достаточно говорит относительно пригодности Берже к этой работе и его способности к ней, – возмущался Прозрителев. – Но, кроме того, вот уже три месяца я совсем не вижу Берже, он прикомандирован к Красному Кресту и там всё время, а в Комиссии не только не работает, но даже не бывает. А между тем сотрудники мне нужны, а я пригласить их не могу, потому что денег нет. Берже получает исправно жалование… При таком положении я рискую остаться один. Я уже просил князя Орлова (помощник кавказского наместника по гражданской части. – *Т. К.*) разрубить этот гордиев узел, дав Берже какое-либо повышение, и оставить комиссию "без его работы". Обещали» [7: 16 об.].

Чтобы побыстрее решить вопрос с квалифицированными сотрудниками, Г.Н. Прозрителев пригласил для работы в Комиссию преподавателя Тифлисского учительского института М.В. Беляева. Пока вопрос о вознаграждении оставался открытым, Г.Н. Прозрителев счел возможным оплачивать его работу из сумм, выделявшихся на содержание писцов [7: 13 об.].

Что касается плана издания, то, по мнению Прозрителева, для успешности дела оно должно было идти выпусками: «В отношении содержания я решил не идти шаблонным путем: “Общая часть” и т.д., а держаться жизненного порядка, каким в действительности шла работа великого князя Михаила Николаевича. Самым серьезным и крупным вопросом в его управлении был “крестьянский вопрос”, и с него он и начинает свою работу на Кавказе, а потому совершенно естественно и правильно начать “Акты” документами, относящимися к этому великому вступлению: “Освободительная реформа в Кавказском и Закавказском крае в управлении краем наместника великого князя Михаила Николаевича (Крестьянское дело)” составит отдельный томик и войдет в первый выпуск» [7: 16 об.].

Таким образом, первый выпуск Прозрителев планировал разделить на две части. В первую он предполагал включить документы о назначении великого князя, его биографию и биографии сподвижников, отчеты и ревизии, а во вторую – материалы о проведении крестьянской реформы на Кавказе.

Пристальное внимание уделялось и оформлению нового издания. Заглавные буквы, заставки и виньетки планировалось сделать этнографического характера. Идею первого листа – переход к мирному труду и создание гражданской жизни – обсудили с художниками и получили их одобрение.

Наряду с разбором материалов для 13-го тома Прозрителеву приходилось вести работу в местных архивах: «Дело это здесь страшно запущено. Масса накопилась описей архивных и самих дел, присланных для просмотра. Надо было и это рассмотреть и двинуть, чтобы предупредить уничтожение дел разными учреждениями. Рассмотрено за это время по описям 26559 дел. В видах охраны архивов местных я подал доклад князю Орлову об упорядочении архивов и принятии необходимых мер. Предложения мои одобрены, и работа начинается» [7: 17 об.].

Пользуясь тем, что к печатанию сданного материала типография могла приступить только после 20 сентября, Прозрителев использовал этот промежуток времени для осмотра архивов во Владикавказе, Моздоке и Кизляре.

Опасения Прозрителева по поводу типографии оказались пророческими. В письме от 19 декабря 1916 г. он сообщал: «Еще 1 сентября сдал в типографию наместника часть материала, рассчитывая, что к половине октября будут корректурные листы, как мне обещали, но оказалось, что и до сих пор типография не приступала к моей работе. Если так продолжится и далее, то можно впасть в отчаяние. Типография завалена срочной работой по Канцелярии и частными заказами и считает нашу работу плохо оплачиваемой (1500 руб. ежегодно). А между тем

за 12 лет она получила 18 тыс. руб., не напечатав ни одной строки для Комиссии» [7: 20–20 об.].

Прозрителев видел решение и этой проблемы. Он предлагал выделить в типографии трех хороших наборщиков, которые работали бы исключительно на Комиссию. Это позволило бы выпускать в год по 156 печатных листов и избежать растягивания печатания на десятки лет. В ином случае Прозрителев настаивал на оборудовании собственной типографии.

После революционных событий февраля 1917 г. тональность писем Г.Н. Прозрителева резко меняется. Очевидно, что он начинал осознавать неизбежность провала своего археографического проекта. Теперь его волновали не только печатание документов, но и сохранение собранных материалов. «Работаю усиленно, материал подготовлен, – сообщал он в письме от 10 августа 1917 г., – но к сожалению печатание остановлено. Да и надежды нет на возобновление. А готовить, готовить и без конца готовить, не имея возможности видеть результаты этой сложной и тяжелой работы, очень тяжело. Конечно, всё это можно бы и наладить, но здесь теперь всем не до того… А если бросить, то можно с уверенностью сказать, что всё это сокровище погибнет: никто в сбережении его не заинтересован» [7: 25].

Единственный выход из сложившейся ситуации Прозрителев видел в переводе Комиссии из Тифлиса в Ставрополь. Аргументируя свою позицию, он обращал внимание на следующее: 1) нахождение архива кавказского наместника в Екатеринодаре (куда он был эвакуирован еще на начальном этапе Первой мировой войны в связи с угрозой приближения театра военных действий к Тифлису); 2) необходимость обращения к делам ставропольского архива; 3) отсутствие свободной типографии. «Создать эти условия здесь в данный момент не мыслимо, т.к. перевозить дела крайне рискованно» [7: 25].

Лишившись в изменившихся политических условиях поддержки власти, Прозрителев надеялся только на собственные силы: «Надо дело сохранить и лучше переменить место, чем подвергать риску самое существование его. Я не могу поставить положение Комиссии в связь с “общей” разрухой, да и в “общую” разруху я не верю и, еще больше, “разрушение русского государства” не допускаю» [7: 26].

Перед лицом неблагоприятных внешних обстоятельств Прозрителев оказался бессильным. На него посыпались обвинения в тенденциозности, в предвзятом отборе документов, показывающих деятельность представителей императорской династии на Кавказе исключительно с лучшей стороны. Реализация задуманного становилась небезопасным мероприятием, и под давлением политической конъюнктуры он был вынужден отказаться от издания.

Прозрителев пытался сохранить саму Комиссию, переведя ее в Ставрополь. Но и этим планам не суждено было реализоваться. В 1917 г. Кавказская археографическая комиссия в числе других учреждений царского правительства на Кавказе была упразднена.

В настоящее время подготовленные к изданию усилиями археографов начала XX в. документы хранятся в фонде Кавказской археографической комиссии (фонд 416) Центрального исторического архива Грузии. Их публикация могла бы существенно дополнить источниковую базу исторического кавказоведения, сделав доступными обширный корпус источников завершающего этапа Кавказской войны и российской модернизации региона 1860–1880-х гг. В современных условиях его выполнение вполне возможно в рамках международного российско-грузинского проекта.

Источники и литература

1. *Колесникова М.Е.* Ставропольские краеведы: Биобиблиографические очерки. Ставрополь, 2004.

2. *Колосовская Т.А.* К проблеме институционального оформления кавказоведения в императорской России // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 55–68.

3. *Максимчик А.Н.* Нереализованный проект начала XX в.: история подготовки к изданию XIII тома актов Кавказской археографической комиссии // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2013» / отв. ред. С.А. Котов. М., 2013. С. 291–294.

4. *Максимчик А.Н.*, *Манышев С.Б.* «…Собрать из архивов главнейшие акты и сведения…» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 44–61.

5. *Парова Л.М.* Издание правительственными учреждениями Кавказского края источников о присоединении Северного Кавказа к Российской империи: цели, состав публикаций, их практическое и научное значение // 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Магас, 2020. С. 47–50.

6. *Парова Л.М.* К истории Кавказской археографической комиссии (по новым архивным материалам) // Археографический ежегодник за 1988 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1989. С. 176–185.

7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 437. Оп. 1. Д. 266.

8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 565. Оп. 6. Д. 21083 Б.

9. РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23107.

10. РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23459.

11. РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 90.

Ю.С. Сулаберидзе

ГРУЗИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНО-РОССИЙСКИХ НАУЧНО-КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XX в.

В научной литературе до сих пор в должной мере не оценена роль научно-исторических обществ в развитии грузино-русских отношений конца XIX – начала XX в. Филиалы российских научно-исторических обществ, созданные на Кавказе, а также местные научно-просветительские общества сыграли значительную роль не только в становлении кавказоведения в регионе, воспитании кадров национальной интеллигенции, но и в возрождении национальной культуры на почве активного взаимодействия с русской культурой. Данный контекст становления и развития кавказоведения требует исследования как филиалов российских научно-исторических обществ, так и местных научно-просветительских обществ. Об этом писал еще на заре историографического исследования указанной темы А.Д. Степанский, одним из первых обративший внимание на ее значимость и перспективы. Совершенно справедливо и актуально звучат слова видного ученого-археографа о том, что деятельность грузинских, армянских и других обществ «должна быть рассмотрена специалистами по национальной историографии» [15: 54].

Мы поставили перед собой задачу раскрыть некоторые особенности деятельности Грузинского общества истории и этнографии, образованного прогрессивными грузинскими деятелями в 1907 г. Этой теме посвящен труд Р.В. Метревели, в котором рассмотрена его работа и значение в становлении и развитии грузинской науки [4]. Однако данная тема столь многогранна, что ряд ее аспектов, в частности деятельность Грузинского общества истории и этнографии (далее – Общество) в контексте грузино-русских научных связей, не освещались. Цель данной статьи – выявить возможные контакты Общества с русской академической наукой.

Цель Общества отражена в его уставе, в котором говорится о «собирании, хранении и научной разработке памятников истории, археологии, антропологии, литературы и этнографии как преимущественно древней Грузии, так и всего Кавказа и сопредельных с ним стран» [4: 137]. Для работы по достижению поставленной цели привлекались как местные кадры кавказской интеллигенции, так и живущие в центре империи видные представители грузинской и кавказской науки. Грузинское общество истории и этнографии было тесно связано с образованным еще в 1879 г. Обществом по распространению грамотности среди грузин, что подчеркивает просветительский характер его деятельности. В этом отношении знаменательна и связь рассматриваемой организации с Обществом грузин в Москве,

которое активно занималось пропагандой грузинской культуры в центре империи [18].

Что касается научной деятельности Грузинского общества истории и этнографии, то можно утверждать: оно явилось наследником существовавших ранее научно-исторических обществ на Кавказе, например, Кавказского общества любителей археологии, созданного в 1873 г. под руководством известного кавказоведа А.П. Берже и его сподвижника Д.З. Бакрадзе, основоположника грузинской буржуазной науки. В 1881 г. после созыва в Тифлисе V Археологического съезда оно было преобразовано в Кавказское общество истории и археологии. Большой вклад в исторические, археологические, этнографические исследования внесли филиалы российских научно-исторических обществ, существовавших с 1851 г., прежде всего, Кавказский отдел Императорского русского географического общества, где активно работали Л.П. Загурский, П.К. Услар, Л.Г. Лопатинский, Е.С. Такайшвили. Следует выделить деятельность Восточной комиссии Императорского московского археологического общества (далее – ИМАО). Она существовала с 1879 г., а в 1901 г. было создано Кавказское отделение ИМАО. Активными членами Восточной комиссии были Е.С. Такайшвили, Е.Г. Вейденбаум, Е.Д. Фелицын. Под руководством председателя ИМАО графини П.С. Уваровой были организованы археологические экспедиции в различные районы Кавказа. Спасено большое количество артефактов кавказской старины. Можно отметить экспедиции, совершенные П.С. Уваровой в Сванетию, Д.З. Бакрадзе – в Гурию и Аджарию, Е.С. Такайшвили – в Тао-Кларджети, А.С. Хаханашвили – в Картли и Кахети, Е.Д. Фелицына – в устье Лабы и Зеленчука. Было издано 14 томов «Материалов по археологии Кавказа» [1: 54]. Также значительную роль в изучение этнографии Кавказа сыграла деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Особое место занимает фигура В.Ф. Миллера – руководителя этнографической секции, издававшей журнал «Этнографическое обозрение», на страницах которого печатались статьи А.Н. Джавахишвили, М.Г. Джанашвили, А.С. Хаханашвили.

С 1864 г. стали выходить тома «Актов Кавказской археографической комиссии» под председательством А.П. Берже, а затем Е.В. Вейденбаума. В 12 томах собран огромный материал по кавказоведению [12].

Значительный след в кавказоведении оставила деятельность военно-исторического отдела Кавказского военного округа, руководителем которого долгое время был В.А. Потто, а затем С.С. Эсадзе [3].

Нельзя не отметить и деятельность двух основных центров – Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института в Москве, где готовились кадры востоковедов-кавказоведов, которые приняли активное участие в работе Грузинского общества истории и этнографии [2].

Период Первой революции в России (1905–1907 гг.) открыл новые возможности для появления в регионе научно-просветительских, научно-исторических

обществ. В 1907–1910 гг. под патронажем мецената М.И. Тамамшева в Тифлисе были организованы «Высшие курсы по кавказоведению», где были прочитаны публичные лекции известными учеными А. Дирром, М. Халатьянцем, А.С. Хаханашвили [17].

20 сентября 1907 г. в зале заседания дворянского депутатского собрания Тифлисской губернии состоялось учредительное собрание Грузинского общества истории и этнографии. Председателем Общества избрали Е.С. Такайшвили, товарищем председателя – Д. Каричашвили, секретарем – С. Горгадзе. Архивные материалы Грузинского общества истории и этнографии, на основании которых написана статья, хранятся в Национальном центре рукописей Грузии в одноименном фонде. Они демонстрируют тесную связь Общества с российскими научно-историческими обществами, центрами востоковедения, обоюдную заинтересованность в развитии научных и культурных связей.

Приведем несколько свидетельств, характеризующих обмен печатной продукцией. Императорская археологическая комиссия Министерства императорского двора от 10 сентября 1909 г. за № 1344 обращается к Грузинскому обществу истории и этнографии: «Императорская Археологическая Комиссия имеет честь препроводить при сем выпуски 29, 30, 31, 32, 33 “Известий Комиссии”» [5: 1].

Аналогично отношение от 25 января 1910 г. под № 197 Императорского московского археологического общества: «В ответ на отношение “Грузинского Общества” от 25 ноября за № 229, приносит глубокую благодарность за присланные издания и просит принять в обмен: “Материалы по археологии Кавказа”, все вышедшие тома, изданные Обществом» [8: 1]. Отношение подписано председателем ИМАО графиней П.С. Уваровой, которая внесла большой вклад в исследование археологии Кавказа, в частности Сванетии. Она поддерживала тесные связи с председателями Грузинского общества истории и этнографии Е.С. Такайшвили, А.С. Хаханашвили.

Императорская академия наук также поддерживала тесные связи с Грузинским обществом истории и этнографии: «Имею честь, по поручению Конференции Имп. Академии Наук, принести Обществу выражение искренней благодарности за присланные, при отношении от 25 ноября 1909 года, № 226, издания: “Грузинские древности”, ч. II, и “Древняя Грузия”, Т. 1, и за обещание впредь высылать в Академию по экземпляру изданий Общества. Вместе с тем имею честь сообщить, что Конференция постановила удовлетворить просьбу Общества о высылке ему изданий Академии по Кавказу. И.О. Непременный секретарь Академии – К. Голицын. 20 января 1910 г.» [7: 1].

Тесные связи Общество установило и с другими российскими научно-образовательными учреждениями. Обмен научными изданиями был важнейшим каналом создания единого научно-культурного пространства. Издания Общества «Грузинские древности» (вышло три тома) и «Древняя Грузия» (с 1909 по 1915 гг. вышло четыре тома) отличались высоким качеством исследования Грузии

и всего Кавказа. В них были опубликованы «Очерки по грузинской истории» С. Горгадзе, «Свободная Сванетия» Н. Чимакадзе, «Саингило» М. Джанашвили, «Об археологической поездке по Мингрелии» Е.С. Такайшвили, этнографический очерк Важа-Пшавела «Пшав и его жизнь», тушинские стихи, собранные И. Букураули, «Аварская песня о разорении Кахети» А. Сараджишвили и многие источники и научные работы по истории, этнографии, устному народному творчеству Грузии и Кавказа.

Тифлис объективно и заслуженно оправдывал значение не только административного, но и культурно-научного центра всего Кавказа. В связи с этим показательно письмо одного из видных ученых Северного Кавказа С.В. Фарфаровского председателю Грузинского общества истории и этнографии Е.С. Такайшвили от 21 мая 1910 г.: «Глубокоуважаемому Евфимию Семёновичу Такайшвили. Глубоко благодарю Вас за присылку Ваших высокоценных изданий. Я считаю большим удовлетворением получить их, что мы уже давно следим за Вашей высокопочтенной ученой деятельностью по “Сборникам по местностям и племенам Кавказа”, где печатаются Ваши ценные исследования». [9: 1].

Одной из задач Грузинского общества истории и этнографии было распространение знаний о Грузии, Кавказе. Так, в уставе Общества говорилось об «организации курсов, лекций и публичных чтений по истории, археологии, литературе, антропологии и этнографии Грузии, вообще Кавказа и других стран», об «устройстве этнографических и музыкальных вечеров» [4: 138]. С 1907 по 1917 г. состоялось 124 общих заседаний Общества, на которых было заслушано 88 докладов, сообщений, затрагивающих проблемы, связанные с историей, этнографией и археологией Грузии и Кавказа. Особо следует отметить лекции И.А. Джавахишвили по методологии грузинской исторической науки, истории грузинского права [4: 23].

Посредником связи с русской общественностью, грузинами, живущими в Москве и других российских регионах, было Общество грузин в Москве. Оно само искало тесные контакты с Грузинским обществом истории и этнографии, которое выполняло функции основного грузинского научного центра, объединяющего грузинских (и не только грузинских) ученых-кавказоведов. В архиве сохранилось письмо-отношение Общества грузин в Москве от 27 декабря 1909 г. за № 303. В нём говорится: «“Общество Грузин в Москве” в числе прочих своих просветительских задач внесло организацию специальной библиотеки по кавказоведению. Пользование ею предоставить, кроме членов Общества, и другим лицам, интересующимся Кавказом. Правление “Общества” обращается к “Грузинскому Обществу истории и этнографии” с покорнейшей просьбою оказать содействие в организации библиотеки пожертвованием Ваших изданий, могущих служить материалом для изучения Кавказа» [6: 1]. Обращение подписано председателем Общества грузин в Москве А. Сумбатовым-Южиным, библиотекарем Ал. Джавахишвили. А.И. Сумбатов-Южин был директором Малого театра,

а А.Н. Джавахишвили – одним из основателей грузинской исторической географии, в будущем профессором Тбилисского университета. Общество грузин в Москве устраивало грузинские вечера, на которых часто присутствовали члены Грузинского общества истории и этнографии, в этот период находившиеся в городе. Частым участником таких вечеров был А.С. Хаханашвили. Он был членом обоих Обществ, читал публичные лекции по истории Грузии, кавказоведению и литературе [18]. На этих собраниях присутствовали многие деятели русской науки, такие как К.А. Тимирязев, В.Ф. Миллер и др. Среди членов Общества были видные ученые: Н.Я. Марр, А.А. Цагарели, профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, выпускник Восточного факультета И.А. Джавахишвили, в будущем его председатель после отъезда в эмиграцию Е.С. Такайшвили, военный историк Б.С. Эсадзе, А.И. Орбели, будущий директор Эрмитажа, основатели грузинской этнографии В.В. Бардавелидзе и Г.С. Читая, видный грузинский языковед, кавказовед А.С. Чикобава, деятели искусства Д.И. Аракишвили, З.П. Палиашвили, Важа-Пшавела, Я.С. Гогебашвили, Д.С. Клдиашвили, меценаты А. Сараджишвили, П. Туманишвили, Н. Николадзе. Почетным членом был князь А.Р. Церетели, выдающийся грузинский поэт, юбилей творчества которого отмечали как в Тифлисе, так и в Москве. В составе Общества активно работали историческая, археологическая, лингвистическая секции, заложившие основы грузинской академической науки.

Несколько слов стоит сказать о русских участниках Грузинского общества истории и этнографии. Профессор М.А. Полиевктов волей судьбы в 1920 г. покинул Петроград. Начался тифлисский период его научного творчества в стенах Тбилисского университета. С его именем связано основание кафедры русской истории и разработка вопросов русско-грузинских взаимоотношений, поиск архивных материалов и введение их в научный оборот [16]. Членом Грузинского общества истории и этнографии М.А. Полиевктов стал 16 июня 1923 г. [4: 91]. Архивные документы показывают, что русский ученый несколько раз выступал с докладами на периодических, обычных заседаниях Общества. Так, 10 апреля 1924 г. он представил доклад «Архивные материалы по истории волнений в Имеретии, Гурии Мингрелии в 1819–1820 гг.» [10: 1]. Это доклад был написан на основе документов, выявленных ученым в Центральном архиве ССР Грузии, и опубликован в издании архива [13: 199–220]. Второе выступление М.А. Полиевктова состоялось 10 июня 1925 г. в Музее Грузии, он сделал доклад «Московское посольство Толочанова и Иевлева 1650–1651 года в Имеретию». Документы были выявлены в результате научной командировки ученого в Ленинград [11: 1]. Доклад был опубликован в 1926 г. [14].

Членом Общества были Д. Гордеев, известный фотограф Д. Ермаков и другие. Общество было открыто для всех ученых, любителей древностей Грузии и Кавказа, заинтересованных в исследовании научного и культурного наследия региона. Культурный мир Кавказа рассматривался как часть большого евразийского мира,

его органическая составляющая. Грузинские ученые осознавали свою причастность к большой науке, взаимозависимость с русской передовой наукой. Это было обоюдное стремление познания мира Кавказа.

Источники и литература

1. *Алиева А.И.* Вклад Восточной комиссии Императорского московского археологического общества в исследование Кавказа // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 9. С. 50–56.

2. *Базиянц А.П.* Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

3. *Колосовская Т.А.* История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь, 2020.

4. *Метревели Р.В.* Грузинское общество истории и этнографии. Тбилиси, 1987.

5. Национальный Центр рукописей Грузии им. акад. К. Кекелидзе (далее – НЦРГ). Фонд «Грузинское общество истории и этнографии» (далее – ГОИиЭ). Д. 57.

6. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 69.

7. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 76.

8. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 77.

9. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 144.

10. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 1221.

11. НЦРГ. Ф. ГОИиЭ. Д. 1291.

12. *Парова Л.М.* К истории Кавказской археологической комиссии (по новым архивным материалам): обзор документов ЦГИА СССР, ЦГИА ГССР, ЛИОВ АН СССР, ИР АН ГССР // Академический ежегодник за 1988. М., 1989. С. 176–185.

13. *Полиевктов М.А.* Архивное «дело» о восстании в Имеретии, Гурии и Мингрелии в 1819–1820 гг. // Исторический вестник. Кн. II. Тифлис, 1924. С. 199–220.

14. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652 / документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1926.

15. *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 38–54.

16. *Сулаберидзе Ю.С.* Деятельность М.А. Полиевктова в академических учреждениях Грузии в 1920–1930-х годах // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 1. С. 94–107.

17. *Сулаберидзе Ю.С.* Научно-просветительская деятельность А.С. Хаханашвили: участие в «Высших курсах кавказоведения в Тифлисе» // Russian Colonial Studies. 2020. № 2 (6). С. 98–111.

18. *Sulaberidze Yu.S.* Società di Georgiani a Mosca // Italian Science Review. 2014. Is. 11 (20). P. 140–144.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ И ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ДАГЕСТАНЕ (вторая половина XIX – первая треть XX в.)

Языковая ситуация в Дагестанской области, образованной в 1860 г., была сложной. Северной границей области стала р. Сулак, которая разделила регион расселения тюркоязычных кумыков. В результате его северная часть вошла в Терскую область. В отличие от нее, в Дагестанской области было представлено большое количество в основном неродственных и типологически несходных между собой дагестанских языков и два тюркских – кумыкский и азербайджанский. Последние являлись основным средством межэтнической коммуникации в Дагестане, хотя их носители не относились к большинству населения области.

Русскими лингвистами и писателями периода Кавказской войны особенно высоко ценились коммуникативные и прочие (оценочные) качества кумыкского языка, обусловленные его многовековым использованием в качестве главного средства межэтнической коммуникации на Северо-Восточном Кавказе [10: V; 19: 644]. Поэтому в 1829 г., согласно «Положению о кавказских училищах», данный язык под традиционным для русской тюркологии того времени названием «татарского» (все тюркские языки именовались турецко-татарскими) начал изучаться на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии, в Ставропольской городской гимназии, Ставропольский духовной семинарии, Ставропольском, Моздокском, Георгиевском и Кизлярском уездном училищах (в последнем – с 1826 г.) [3].

Подобный подход, надо полагать, был обусловлен тем, что на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане устным кумыкским языком как средством межэтнического общения владело довольно много представителей различных этносов (в основном взрослых мужчин): аварцы, андийские народы, арчинцы, даргинцы, кайтагцы, лакцы, чеченцы, ингуши, таты, русские, в частности казаки и др. [6: 44–46].

При этом традиция использования тюркского («татарского») языка как книжного имела в Дагестане достаточно давнюю историю, начиная от произведений местных алимов-арабистов, с X по XIX в. и позже других грамотных лиц. Их книги на этом языке распространялись по Дагестану и за его пределами [9: 91].

Речь в данном случае идет об общетюркском письменном языке тюрки, одним из вариантов которого являлся северокавказский. Последний был региональным письменным языком официального делопроизводства и общения на Северо-Восточном Кавказе (особенно в Дагестане и Чечне) и обслуживал не только тюркоязычные народы региона, включая прежде всего кумыков, но также носителей

ряда кавказских языков – андийцев, частично даргинцев, чеченцев, кабардинцев, ингушей [13].

На этом языке были созданы памятники эпистолярного жанра, хроникальная проза и поэтические сочинения [12], что позволяет говорить о его полифункциональности в истории кумыкской книжной традиции. Знаменательно то, что нашедшая свое письменное выражение кумыкская поэзия относится к эпохе расцвета этого языка – к XV в. – и развивалась вплоть до начала Кавказской войны, когда начался процесс разрушения диглоссии с языком тюрки в истории кумыкского литературного языка [1: 125].

Уже по окончании Кавказской войны произошел переход кумыкской поэзии к использованию разговорного языка в качестве литературного. Это было осуществлено выдающимся кумыкским поэтом Йырчы Казаком [1: 16, 42, 43]. Регламентированную письменную фиксацию к этому времени имел, вероятно, собственно кумыкский народно-разговорный язык [см. 12]. Еще в начале XIX в. могли предприниматься более систематические попытки регламентации и, вероятно, нормализации строя собственно кумыкского языка, возможно, на иной (неарабской) графической основе, если принять во внимание перевод на него в 1809 г. Евангелия, осуществленный в Лейпциге [2].

В данном отношении кумыкский язык занимал лидирующее положение на Северном Кавказе. Так, еще в 1848 г. было осуществлено первое систематическое изложение грамматического строя кумыкского языка, связанное с изданием «Татарской грамматики кавказского наречия» Т. Макарова. В книге вслед Ю. Клапротом четко различаются разговорный и письменный варианты кумыкского языка со смешанным характером последнего [10: 49].

Следует подчеркнуть, что тем самым уже в первой половине XIX в. складывалась не только традиция школьного преподавания кумыкского языка, но и предпринимались первые попытки научной нормализации его грамматического строя, соответствовавшие уровню развития лингвистической мысли того времени. Имеются и другие свидетельства того, что еще в досоветское время новый кумыкский литературный язык находился на достаточно высоком уровне развития. Так, из порядка 300 печатных книг, опубликованных в Дагестане до 1917 г., половина была издана на кумыкском языке, около 90 – на аварском, по 30 с лишним – на даргинском и лакском, около 20 – на чеченском [1: 122].

В южном Дагестане вся лезгинская литература, сформировавшаяся первоначально на арабском, турецком и азербайджанском языках, развивалась под влиянием азербайджанской культуры и литературы. Причем и в дальнейшем, в конце XIX – начале XX в., поэтические сборники и книги религиозного содержания лезгинских поэтов и алимов издавались на арабском и азербайджанском языках в Стамбуле, Петербурге и Темир-Хан-Шуре. Следует выделить заметное культурное влияние азербайджанцев, их языка и словесности на формирование табасаранского фольклора и литературы. Важную роль азербайджанский язык

сыграл в формировании и других, проживавших по соседству с Азербайджаном народов – татов (вспомним хотя бы о значении азербайджанского языка в творчестве Хизгила Авшалумова), цахуров, рутульцев, агулов... [см. 9: 88, 89, 91, 92].

После вхождения Дагестана в состав России знанию языков, прежде всего тюркских (кумыкского и азербайджанского), способствовало всё более расширявшееся отходничество горцев (лезгин, аварцев, даргинцев). Мужчины направлялись на заработки с осени, после уборки хлебов, до начала лета в кумыкские и азербайджанские населенные пункты, особенно засулакской зоны [см. 11: 35]. По приблизительным подсчетам, отходничеством занимались от четверти до трети мужской части названных этносов [18: 34, 35, 44, 45].

Таким образом, почти весь южный Дагестан с его лезгинским населением, составлявшим, по переписи 1897 г., 16,6 % жителей Дагестанской области, входил в сферу непосредственного влияния азербайджанского языка. Сюда же необходимо присовокупить тюркоязычных азербайджанцев и кумыков (без Терской области). Кумыки составляли в то время 14,6 % всего населения Дагестана [18: 7].

Тюркоязычные народы составляли таким образом почти треть населения области. Приняв во внимание, что представители других этносов края нередко владели кумыкским языком, можно прийти к выводу, что двуязычие с кумыкским и азербайджанским языками следует считать наиболее распространенным в Дагестане. С образованием Дагестанской области после возникновения городов и слободок в равнинном Дагестане, значительную часть населения которых составляли кумыки, и их расширения доминирующим языком и, соответственно, языком межэтнического общения был кумыкский (чему в немалой мере способствовало то, что вокруг этих городов были расположены кумыкские селения). Поэтому заметно увеличилось количество дагестанцев, пользовавшихся кумыкским языком как средством межэтнического общения [6: 48].

После утверждения в 1864 г. «Положения о начальных народных училищах» обучение в российских школах стало осуществляться исключительно на русском языке [5: 377; 14]. В Дагестане, подобно другим регионам Северного Кавказа, наряду с уже имевшимися арабскими открывались школы с обучением на русском языке. Ситуация развивалась настолько быстро, что уже в 1893 г. известный ученый Л.Г. Лопатинский, инспектор народных училищ Кавказского учебного округа, писал, что кумыкский язык еще «служит языком международных сношений, хотя в последнее время русский язык начинает замещать его в этой роли, проникая всё дальше в горные ущелья Кавказа» [8: 60].

Однако, по «Сведениям об учебных заведениях в Дагестанской области за 1892 и 1894 гг.», светских (русскоязычных) учебных заведений в Дагестане было очень мало [16: 87], но в 1914 г. их насчитывалось уже 93 с 7092 учащимися [7: 511]. Соответственно, уровень и качество знания русского языка в области были чрезвычайно низкими.

Хотя, по данным переписи 1897 г., грамотность населения Дагестанской области составила 9,2 %, русским языком владело лишь 2,3 % (т.е. около 13 тыс. человек). Что касается 12,5 тыс. грамотных в городах, то надо полагать, что значительную их часть составляли носители русского и украинского языков. Кроме того, в сельской местности, где практически отсутствовало русское население, грамотными были только 5725 человек (или около 1 % населения области), что, видимо, соответствовало реальной картине. Остальное же грамотное население области владело преимущественно арабским языком [11: 42, 43, 45].

Арабский язык изучался в сельских (религиозных) школах, а также использовался в делопроизводстве в сельских населенных пунктах, что еще больше осложняло языковую ситуацию в Дагестанской области. Важным преобразованием стало то, что в так называемых новометодных – усул-джадид – школах Дагестана, которые открывались в первом десятилетии XX в. в Темир-Хан-Шуринском округе с его по преимуществу кумыкскоязычным населением, а также в азербайджанском Дербенте и с. Ахты, преподавались родные тюркские языки, а также русский и арабский. При этом к 1915 г. изучение родного (кумыкского) языка ограничивалось лишь вышеупомянутым округом [4: 18; 11: 40, 42].

Именно здесь в первые годы советской власти общетюркский (тюрки) язык продолжит использоваться в системе не только школьного, но и педагогического образования. Неслучайно уже в декабре 1917 г. в центре Дагестанской области – г. Темир-Хан-Шуре – был открыт педагогический институт, в котором преподавание велось на тюркском языке. В дальнейшем он стал государственным языком Дагестанской АССР, провозглашенной в 1921 г.

Так, 29 июня 1923 г. на заседании Дагестанского обкома ВКП(б), посвященном вопросу государственного языка для народов Дагестанской АССР, было отмечено, что для республики характерно многоязычие, отсутствует литература и письменность у некоторых народностей. Было указано также на «неимение государственного языка, понятного для всех». По итогам заседания было решено «считать целесообразным и необходимым объявить государственным в ДАССР тюркский язык. Отмечая превосходство латинского шрифта над арабским, считать целесообразным введение его в школах и популяризацию среди населения». Вместе с тем родные языки рассматривались как языки широких трудящихся масс, необходимые при строительстве социализма: тюркский – как язык межплеменных отношений в республике, русский – «как язык связи трудящихся масс ДАССР с трудящимися и рабочими других союзных республик СССР» [17: 170].

Переход на новый латинский алфавит языков неславянских народов СССР был завершен в Дагестане в 1928 г. [11: 128]. В дальнейшем в системе образования республики реализовывалась концепция триязычия, так как наряду с обучением на родных языках было произведено ранжирование языковых средств межэтнического общения. В пределах республики с этой целью использовался тюркский язык, за ее пределами – русский.

Что касается русского языка и фактически, но не законодательно закрепленного за ним в СССР статуса государственного языка, то о предпосылках развития соответствующих процессов в масштабах всей страны представляется возможным говорить с середины 1930-х гг. Об этом свидетельствует известное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 324 от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [15].

Источники и литература

1. *Абдулатипов А.-К.Ю.* История кумыкской литературы (до 1917 г.). Ч. 1. Махачкала, 1995.

2. *Алиев К.* Интересная находка в Ставрополе // Дагестанская правда. 1982. 8 августа.

3. *Алиев К.С.* Из истории кумыкского языка // Ленин ёлу. 1990. 10 марта (на кумыкском языке).

4. *Алиева А.С.* Реформистские тенденции в системе конфессионального образования в дореволюционном Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Махачкала, 2003. Вып. 1. С. 17–21.

5. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 17. М., 1974.

6. *Джидалаев Н.С.* Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане (к характеристике языковой ситуации). Махачкала, 2004.

7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988.

8. *Лопатинский Л.Г.* Кое-что о кумыках и об их языке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. Отд. III. С. 60–68.

9. *Мазанаев Ш.А.* Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур. Махачкала, 1997.

10. *Макаров Т.* Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848.

11. *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998.

12. *Оразаев Г.М.-Р.* «Дербенд-наме» – замечательный памятник кумыкской литературы // Адабият Дагестан. 1989. № 3. С. 57–76 (на кумыкском языке).

13. *Оразаев Г.М.-Р.* «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв. // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 47–52.

14. Положение о начальных народных училищах (1964 г.). URL: https://library.by/portalus/modules/rushistory/readme.php?subaction=showfull&id=1176529260&archive=1401694033&start_from=&ucat=& (дата обращения: 25.04.2024).

15. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g (дата обращения: 29.04.2024).

16. *Рагимова П.Ф.*, *Муртузалиев С.И.* Проблема периодизации системы образования в Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 1. Махачкала, 2003. С. 85–90.

17. *Рамазанова Д.Ш.* Языковая политика в Дагестане: исторический аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 169–174.

18. Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.). Статистический справочник. Махачкала, 2001.

19. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Серия первая. Произведения. Т. 35. М., 1950.

А.Н. Еремеева

«В ДУХОВНОМ ОТНОШЕНИИ ЭТОТ КРАЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ НЕ МЕНЬШИЕ БОГАТСТВА, ЧЕМ В МАТЕРИАЛЬНОМ»: ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУРОРТНЫХ МЕСТНОСТЕЙ КАВКАЗА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

Важной составляющей освоения южных территорий Российской империи, учитывая их уникальный ландшафт, климат, ресурсы, стало строительство курортов. Процесс формирования курортных зон был длительным и неравномерным. Например, Крым и Кавказские Минеральные Воды уже к концу XIX в. имели достаточно развитую курортную инфраструктуру. В это же время курортное строительство на Кубани и Черноморском побережье Кавказа находилось на этапе формирования. На рубеже XIX–XX вв. государство, при активном участии министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова и председателя Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья Н.С. Абазы, озаботилось выбором мест, подходящих для устройства новых курортов.

В рамках информационного обеспечения данной деятельности публиковались разнообразные материалы об отдельных местностях и в целом о регионе. Это труды ученых, инженеров, врачей – А.И. Воейкова, В.А. Будзинского, А.Н. Краснова, В.В. Марковича, И.Н. Клингена, Ф.И. Пастернацкого, И.В. Палибина, И.Ф. Косинова и др. о природе, климате, бальнеологических возможностях

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» по теме «Исторические поселения как категория недвижимого культурного наследия: проблема охранного статуса и социально-культурных функций», номер государственной регистрации 12401280052-4.

региона. Интересны с точки зрения перспектив формирования курортных местностей «Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года» А.С. Ермолова (СПб., 1908), книги С.И. Васюкова «Край гордой красоты» (СПб., 1903) и «Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье» (СПб., 1908), содержащие широкий спектр краеведческих данных, «Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа» Л.С. Личкова, путеводители К.Ф. Гана, П.М. Головачева, справочные издания Г.Г. Москвича (неоднократно переизданные). Управлением Владикавказской железной дороги была запущена серия «Курорты Северного Кавказа».

Основное внимание в справочной литературе уделялось путям сообщения, условиям проживания, прогулочным маршрутам. В книгах также присутствовали краткие сведения о природных и исторических достопримечательностях.

Функционирование курортов освещалось в московских газетах «Курорты и лечебные места России и за границей», «Вестник курортной жизни», харьковском журнале «Вестник курортов и лечебных учреждений», тифлисском «Кавказском вестнике», пятигорском еженедельнике «Кавказские курорты» и др.

История отдельных местностей Кавказа, этнография, впечатления о путешествиях по региону отражались в таких изданиях, как «Записки Крымско-Кавказского горного клуба», «Записки Кавказского отдела ИРГО», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», периодике краеведческих организаций, архивных комиссий, статистических комитетов.

В 1911 г. в Санкт-Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа. Его председателем стал лейб-хирург, профессор Е.В. Павлов, дача которого находилась в пригороде Сочи – Уч-Дере. Важную роль в деятельности Общества сыграл уроженец Екатеринодара ученый и путешественник Н.И. Воробьев. Общество немало сделало для популяризации сведений о Черноморском побережье среди широких слоев россиян. В конце 1913 г. в Санкт-Петербурге была проведена выставка «Русская Ривьера», которую посетило около 100 тыс. человек, в том числе император Николай II [6]. Параллельно работал съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. Три тома его «Трудов» были изданы в 1913–1914 гг. В 1912 г. в Тифлисе был создан Главный комитет поощрения туризма на Кавказе.

Повышенный интерес российской власти к курортам Кавказа проявился с началом Первой мировой войны в связи с вынужденной «отменой» заграничных курортов и интенсификацией использования региона как госпитальной базы.

По инициативе Медицинского совета Министерства внутренних дел началась подготовка I Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Заинтересованным организациям и лицам буквально за месяц до его начала были разосланы письма, которые начинались так: «Неустройство отечественных лечебных местностей, приобретающее в наше время исключительное значение, вследствие обстоятельств, вызванных войной, побудило Медицинский

Совет подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о всех тех мерах, которые необходимо принять в ближайшем будущем, в интересах улучшения лечебных местностей, на особом Съезде…» [1: 11].

Интересы Кавказа на съезде, который проходил с 7 по 11 января 1915 г., представляли председатель Общества изучения Черноморского побережья Е.В. Павлов, почетный член Общества статс-секретарь А.С. Ермолов, члены Общества Н.И. Воробьев, А.А. Каминский, С.О. Соболев, а также делегаты из Анапы, Новороссийска, Туапсе, Сочи, Красной Поляны, Сухума, Батума, других городов, представители отдельных курортов – Мацесты, «Кавказской Ривьеры», «Анапы и Семигорья». Только о проблемах Черноморского побережья Кавказа на съезде было прочитано 16 докладов: А.А. Желябужский и М.Н. Султан-Крым-Гирей «Туапсе как курорт Черноморского побережья», А.Т. Менчинский «Сухум как курорт», А.С. Ермолов «Сухум», В.И. Пиленко «Курорт Анапа и его окрестности», И.Ф. Басов «Новороссийские лечебные местности» и др. Труды Съезда были опубликованы «по горячим следам» [7].

В процессе работы съезда было учреждено Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей. Практически сразу стали формироваться его дочерние организации в различных концах Российской империи, в том числе на юге [3: 134]. Общество издавало журнал «Целебные силы России». В мае 1915 г. было основано Кавказское общество содействия развитию лечебных мест. Его печатным органом стал журнал «Целебный Кавказ».

Проблемы кавказских курортов в большей степени отражались в журнале «Русская Ривьера», выходившем в Петрограде в 1915–1916 гг. с подзаголовком «Вестник Черноморского побережья, Кавказа и Крыма. Ежемесячный иллюстрированный журнал курортного дела и культурно-промышленной жизни Юга России» (с №3–4 1915 г. после слов «курортного дела» через запятую добавлено: «туризма»). Его редактором-издателем был В.П. Вишневский. В программе журнала, помимо юридических, экономических, медико-санитарных направлений, анонсировались такие, как «Очерки культурной жизни Юга России», «Литературные описания Черноморского края», «Черноморский край в художественных произведениях», «Туризм, экскурсионное дело, спорт», «Историко-археологические исследования Побережья», «Литература Черноморского Края и библиография».

Одна из важных тем, поднимавшихся на страницах нового издания, – патриотический аспект курортного строительства, заключавшийся не только в готовности вкладывать средства в отечественные курорты, но и в соединении оздоровления с познанием региона. Особое значение имеет статья профессора Петербургского университета, зоолога и зоопсихолога, владельца дачи на мысе Кадош близ Туапсе В.А. Вагнера. Учитывая, что Кавказ «в духовном отношении… представляет не меньшие богатства, чем в материальном и в лечебном отношениях» и при этом «его духовные богатства – его этнография, его история, археология, его современный быт, его музыка и поэзия представляют для русского человека и вовсе

закрытую книгу», необходимо разрабатывать соответствующие издательские проекты. «Если в Англии издаются и расходятся очень дорого стоящие книжки с описанием одной только природы Кавказа, так как они иллюстрированы такими фотографиями, каких мне… не приходилось встречать в русских изданиях», – сокрушался автор. По его мнению, специальные издания недоступны широкому кругу читателей, а данных в путеводителях только «о гостиницах, климате и путях сообщения» явно недостаточно. В итоге знакомство с регионом сводится «к случайным встречам “с разными черкесами”, да осматриванием на досуге… старинных башен со стенами, “богатырских хат”, священных рощ и других диковинок, о которых местные старожилы сообщают всякий вздор». «Связь не устанавливается отелями, а она желательна особенно теперь, когда единение с окраинами, доказавшими на деле, что Россия и им, заодно с нами, представляется единой великой родиной», – резюмировал В.А. Вагнер [2: 9].

Эту же идею развивал А.С. Ермолов, инициировавший создание «Русского общества туризма и отчизноведения» [4].

Рассмотрим практики описания в литературе 1915–1916 гг. отдельных местностей Кавказа, главным образом его Черноморского побережья. Здесь вне конкуренции было 22-е, существенно дополненное, издание книги Г.Г. Москвича «Кавказ. Иллюстрированный практический путеводитель» (Пг., 1915), его же «Черноморское побережье. Иллюстрированный практический путеводитель» (Пг., 1916) и справочная книга, составленная Ф.П. Доброхотовым и другими авторами, под редакцией Н.И. Воробьева «Черноморское побережье Кавказа» (Пг., 1916). Последняя, наиболее подробная, объемом более 500 страниц, вышла в издательстве М.А. и Б.А. Суворины. Обширное предисловие, включающее обзор экономического, курортного, историко-культурного потенциала Черноморского побережья, написал А.С. Ермолов. Среди авторов книги – ученые, знатоки Черноморского побережья А.А. Каминский (климатолог, сотрудник Главной геофизической обсерватории), ботаник И.В. Палибин, Н.И. Воробьев и др. В статье «От редактора» Н.И. Воробьев предупреждал читателей о несовершенствах издания, связанных с близостью Черноморского побережья к Кавказскому театру военных действий: сложно было собирать материалы, делать фотографии, невозможно публиковать планы городов и карт [8: 27].

В архиве г. Новороссийска сохранились документы, связанные с изданием этой книги, в частности, заявление в Новороссийскую городскую управу представителя издательства Суворины А.П. Зотова. Его содержание свидетельствует о том, что в апреле 1915 г. Ф.П. Доброхотов предложил городской управе профинансировать часть издания «Черноморского побережья Кавказа», касающуюся Новороссийска, однако получил отказ. При этом «издательство само пошло навстречу городу, уделив описанию Новороссийска и его окрестностей большое место. Справочник вышел в свет в январе месяце 1916 г. в количестве 20 тыс. экземпляров и уже к началу апреля был раскуплен публикой. Таким образом, издательство

сделало Новороссийску небывалую, прекрасную и при этом бесплатную рекламу». А.П. Зотов сообщал, что «ввиду громадного интереса у публики и людей науки к Черноморскому Побережью, издательство приступает к выпуску в свет (летом 1916 г.) второго издания справочника» [1: 169]. 11 июля 1916 г. на объединенном заседании курортной и земельной комиссий обсуждалось предложение А.П. Зотова «относительно помещения в выпускаемой вторично издательством справочной книги “Черноморское побережье Кавказа” широкого описания Новороссийска и его окрестностей в климатическом и др[угих]. отношениях с приложением рекомендованных комиссией 4–5 видов Новороссийска и его окрестностей», Комиссии постановили предложение принять и просить городскую управу «выдать вышесказанному представителю 150 р. из сумм, назначенных на издание брошюры (сто рублей за напечатание текста в издании и 50 рублей – за помещение рисунков)». Деньги эти раньше предназначались на печатание брошюры Грекова «Новороссийск», которую «ввиду громоздкости» было рекомендовано «вполовину сократить» [1: 236]. Факт реального выделения денег, равно как и какую-либо информацию о судьбе труда Грекова, обнаружить не удалось, а второе издание «Черноморского побережья Кавказа» так и не вышло.

Журналы и особенно справочные издания, снабженные картами, фотографиями и пр., включали разнообразные сведения о памятниках природы, в том числе связанных с религиозными верованиями местных жителей (горы, священные леса, деревья), парках, экзотических для приезжей публики посадках цитрусовых культур, тропических растений, чайных плантаций. В разделе «памятники археологии» давалась информация о дольменах, руинах крепостей, древних храмов, надгробиях. Подробно описывались культовые сооружения, особенно старинные, популярные среди православных паломников монастыри, прежде всего Новоафонский, источники, считавшиеся чудодейственными.

Отмечалось конфессиональное и национальное многообразие региона; туристам предлагалось посещение адыгских, эстонских, чешских, греческих, молдавских, грузинских, армянских, старообрядческих поселений. Обращалось внимание на свидетельства уникальной земледельческой культуры местного населения, покинувшего в результате Кавказской войны этот край, – черкесские сады. «До настоящего времени среди непроглядной чащи леса места старых черкесских аулов весной являют собой дивную картину цветущих плодовых деревьев… Осенью громадные пространства бывших садов завалены большим слоем больших сладких груш, кисло-сладких черкесских яблок, черешни и других плодов», – сообщалось в справочнике «Черноморское побережье Кавказа» [8: 242–243].

С учетом большого интереса среди интеллигентной публики к толстовской колонии «Криница» ей отводилось достойное место, как, впрочем, и находившемуся в Джанхоте имению Ф.А. Щербины. Вообще, неординарные с точки зрения архитектуры дачи и имения, среди которых владения царской семьи (в Дагомысе, на Красной Поляне) и представителей русской аристократии (знаменитый дворец

принца А.П. Ольденбургского в Гаграх и др.), неизменно удостаивались описания. Это же можно сказать и об объектах с образцовыми приусадебными участками, таких, как сад, парк и виноградники Варваринского училища садоводства и виноделия в Туапсе.

Имение удельного ведомства «Абрау-Дюрсо» – «русская Шампань» – рассматривалось как грандиозное винодельческое хозяйство, а также как живописная местность.

Внимание потенциальных туристов привлекалось к немногочисленным в то время музейным учреждениям, памятникам русским воинам, прославляющим их храбрость в русско-турецких войнах (крест в честь подвига Архипа Осипова) и в период покорения Кавказа.

Красочного описания удостоились садовые и сельскохозяйственные опытные станции в Сочи и Сухуми, основанные в 1894 г. Автором очерка для издания Г.Г. Москвича о созданном в 1912 г. Батумском ботаническом саде стал его основатель А.Н. Краснов. Он описал буквально каждый уголок своего детища, все его отделы – американский, японский, австралийский, новозеландский [5: 456–458].

В целом, период Первой мировой войны стал временем осознания важности наращивания отечественного курортного потенциала, в частности на Кавказе, создания условий для познания отдыхающими культурного наследия региона как ресурса укрепления общероссийской идентичности.

Источники и литература

1. Архив МУ г. Новороссийск. Ф. 2. Оп. 1. Д. 750.

2. *Вагнер В.А.* Туапсе (под впечатлением Курортного Съезда) // Русская Ривьера. 1915. № 1–2. С. 5–11.

3. *Еремеева А.Н.* Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 132–141.

4. *Ермолов А.С.* Русский туризм и отчизноведение // Русская Ривьера. 1915. № 3–4. С. 19–31.

5. *Москвич Г.Г.* Кавказ: иллюстрированный практический путеводитель. Петроград, 1915.

6. *Сагинадзе Э.О.* «Первый публичный экзамен»: правительственная политика по развитию Черноморского побережья Кавказа и сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка «Русская Ривьера» (1913 г.) // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 130–147.

7. Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей / под ред. д-ра мед. П.Н. Булатова. Т. 1. Вып. 1–3; Т. 2. Вып. 4–6. Петроград, 1915.

8. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга / сост. Ф.П. Доброхотов и др.; с предисл. статс-секретаря А.С. Ермолова; под ред. Н.И. Воробьева. Петроград, 1916.

В.З. Акопян, З.В. Акопян, В.П. Ермаков

К ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТА ИСКУССТВ ПЯТИГОРСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Несмотря на значительную роль Пятигорска в Северо-Кавказском регионе, наличие значительного интеллектуального потенциала, только весной 1918 г. советские власти основали здесь Пятигорский народный университет им. М.Ю. Лермонтова (далее – ПЛНУ). Его деятельность прервалась в период пребывания в регионе властей Вооруженных сил Юга России (январь 1919 – март 1920 г.).

После восстановления советской власти на Тереке весной 1920 г. деятельность ПЛНУ возобновилась и продолжалась до лета 1922 г. В нашей статье уделено внимание жизни только одного факультета этого учебного заведения – факультета искусств ПЛНУ.

Народные университеты – это образовательные заведения для взрослых людей, которые по разным причинам не могли учиться в традиционных вузах из-за своего социального положения, отсутствия финансов и полного базового образования. Впервые они возникли в Дании в первой половине XIX в., а затем распространились по всей Западной Европе, а с конца XIX в. и в России. Народные университеты функционировали за счет средств меценатов, платы учащихся и т.д. Их деятельность основывалась на принципах демократизма, доступности и открытости [2].

В первые годы советской власти «старые» народные университеты, подвергшиеся огосударствлению, осуществляли свою деятельность, перестроившись на соответствующие идеологические рельсы. И хотя они находились в системе органов народного образования, но не обладали правом выдавать слушателям дипломы или свидетельства. К такому типу учебных заведений относился ПЛНУ, вновь заработавший через два месяца после того, как 16 марта 1920 г. красные отряды вошли в Пятигорск.

В апреле 1920 г. Пятигорск был объявлен центром Терской области (с 1921 г. – губернии). 15 мая 1920 г. Лермонтовский народный университет возобновил свою деятельность [4: 14]. В его состав входили рабочий факультет имени Карла Маркса, состоявший из общеобразовательного факультета и подготовительного отделения. Учебный процесс на общеобразовательном факультете состоял из четырех триместров, каждый из которых продолжался три месяца. За неполные полтора года обучение на факультете прошли 3900 слушателей. На сентябрь 1921 г. число слушателей составляло 200 человек, причем запись в университет продолжалась. При университете работал клуб, в рамках которого также проводилась научная работа; физический и химический кабинеты, оснащенные необходимыми

приборами [4: 15]; естественно-исторический кабинет; женская школа по ликвидации безграмотности.

Несмотря на углублявшийся экономический кризис в стране, ПЛНУ не только продолжил свою деятельность, но и значительно расширил ее: существенно увеличивался контингент слушателей, в том числе за счет открытия новых факультетов (медицинского, сельскохозяйственного, искусств и общественных наук) [10], улучшалось качество учебного процесса, в котором участвовали известные в стране ученые и деятели культуры. В их числе всемирно известный физиолог Х.С. Коштоянц, гидрогеолог Н.Н. Славянов, химик В.А. Кистяковский, биолог М.А. Гремяцкий, профессор Н.В. Вавилов, артист и драматург Б.С. Ромашов.

Торжественное открытие факультета искусств состоялось 24 января 1922 г. К этому моменту на факультет записались 40 человек, и набор продолжался [11]. Обучение предполагало двухлетнюю программу, построенную так, чтобы дать студентам одновременно и академические познания, необходимые для поступления на соответствующие факультеты вузов, и подготовку чисто прикладного характера, отвечающую насущным потребностям жизни региона. В частности, факультет искусств готовил инструкторов и работников по таким классам, как литературный (журналистика, художество, проза, стихи, драма), ораторский, драматический и изобразительного искусства. Учебные занятия проходили с 17 до 20 ч [10].

Остановимся на личности ректора и преподавателя ПЛНУ Николая Глебовича Виноградова (Виноградова-Мамонта) (1893–1967) – советского драматурга, мемуариста. В 1914 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С началом войны отправился добровольцем на фронт. В годы Гражданской войны служил в Красной армии. В 1919 г. руководил Театрально-драматургической мастерской Красной армии. В конце 1919 г. в Самаре служил в штабе Туркестанского фронта. Лучшему пониманию личности Виноградова помогает содержание письма наркома просвещения А.В. Луначарского к Н.Г. Виноградову (1919) по поводу пьесы «Царь Пётр Великий» («Российский Прометей») [8: 65–66].

Губернская газета, информируя своих читателей о назначении в апреле 1922 г. Н.Г. Виноградова заведующим культотделом Управления Кавказских Минеральных Вод, давала такую ему характеристику: «Товарищ Виноградов состоял режиссером Петроградского Передвижного и Государственного театров в 1918–1919 гг., где осуществил ряд интересных постановок. Им сделан первый в России опыт постановки “массового действа” на площади в Петрограде в 1919 г. Кроме того, он заведовал театральным отделением Петроградского отдела Наркомпроса и театральной секцией РККА в качестве литератора (драматурга). Виноградов премирован на Всероссийском конкурсе в 1920 г. за трагедию “Российский Прометей”» [12].

В годы начинавшегося нэпа Н.Г. Виноградов привлекал к чтению лекций в ПЛНУ, в первую очередь на факультет искусств, свободомыслящих людей, в том числе далеких от идей, провозглашаемых компартией. Он учил слушателей думать самостоятельно, стремился проводить занятия в форме дискуссий. Даже в этот период круг его знакомств был достаточно велик, о чем свидетельствует обширная переписка с известными деятелями культуры страны [3].

Н.Г. Виноградов приглашал на проведение открытых лекций или просто на встречи со слушателями известных писателей, поэтов, драматургов, приезжавших на курорты Кавказских Минеральных Вод. Например, по его предложению в ПЛНУ выступал со своими произведениями Велимир Хлебников. На Кавказских Минеральных Водах поэт находился незадолго до своей кончины. В Пятигорске Хлебников несколько месяцев работал в губернском отделении РОСТА. Здесь он написал поэмы «Ночь перед Советами», «Председатель Чеки» и ряд других сочинений. Виноградов незадолго до своей кончины написал два воспоминания: «Велимир Хлебников в Пятигорске» и «Б.С. Ромашов в Пятигорске» (1965).

Второе воспоминание Виноградова посвящено Б.С. Ромашову, преподавателю факультета искусств и актеру Пятигорского театра, использовавшему псевдоним Эрбе по первым буквам его фамилии и имени. Б.С. Ромашов (1895–1958) родился в Петербурге, в артистической семье. В 1915 г. окончил Киевскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. Однако его влекло к литературе и искусству. В 1920 г. он переехал в Пятигорск, где стал актером и режиссером городского театра. В городе-курорте он открыл театральную студию. Одновременно он писал пьесы. Одна из них, «Федька-есаул», посвящена событиям Гражданской войны, участником которой был сам автор. Эту пьесу в 1924 г. поставили в Малом театре [5].

М.В. Бердникова о нём вспоминала: «Очень колоритной фигурой среди преподавателей народного университета был Борис Сергеевич Ромашов. Он возглавлял факультет литературы и искусства… и в те годы был артистом Пятигорского городского театра. По образованию и таланту это больше был артист, чем преподаватель. Во время ознакомления слушателей с искусством Генриха Ибсена, Ф. Достоевского, А. Островского и других авторов Ромашов так увлекался обрисовкой характеров героев, что нередко входил в роль и, незаметно для себя, переходил на артистическую игру» [1: 269].

В воспоминаниях М.В. Бердниковой нет упоминаний о деятелях культуры, имевших отношение к Пятигорску и региону, в свое время достаточно известных, но которые преследовались за инакомыслие.

В качестве примера приведем только две судьбы: Николая Ивановича Проферансова – преподавателя и ректора ПЛНУ после возобновления его деятельности в 1920 г. – и Якова Трофимовича Чаги – слушателя факультета искусств. Оба преследовались имперскими, а затем и советскими властями.

Николай Иванович Проферансов (1885–1934) – русский анархо-мистик, историк, литератор, редактор, член Ордена тамплиеров, руководитель сочинского филиала «Ордена света». Родился в городе Бобруйске Минской губернии, сын оружейного мастера. Окончил Тульскую мужскую гимназию. Образование высшее – историк-литератор. Арестован органами ОГПУ 14 августа 1930 г. за принадлежность к подпольной контрреволюционной анархо-мистической организации и руководство ею. Находясь под следствием в Бутырской тюрьме, Н.И. Проферансов представил заявление в Коллегию ОГПУ с информацией о своей деятельности в дореволюционный период с просьбой учесть при вынесении приговора [7: 124].

После закрытия ПЛНУ Проферансов переехал в Москву, где возглавлял отдел социалистического движения в институте Маркса-Энгельса и работал техническим редактором Большой советской энциклопедии.

Результатом его увлеченности стала принадлежность к рыцарям-тамплиерам – членам «Ордена света», своеобразному неформальному историческому клубу-братству. В Ордене тамплиеров состояли известные деятели искусства: Аполлон Карелин, Сергей Эйзенштейн, Юрий Завадский, Михаил Чехов, отец Павел Флоренский и др. «Орден света», критикуя политику большевиков, «предавших» революцию, не выступал за их свержение, считая необходимым подготовить к идеальному обществу человека. В сентябре 1930 г. на московскую Лубянку привезли несколько десятков известных деятелей науки и культуры. В их числе был и Николай Иванович, арестованный в Мацесте.

Несмотря на огромные заслуги перед революцией, решением коллегии ОГПУ от 13 января 1931 г. особым совещанием коллегии ОГПУ в числе других членов рыцарского братства Н.И. Проферансов осужден к пяти годам тюрьмы [7: 165–166]. Часть срока ему была заменена спецпоселением в Киргизскую АССР, до 1936 г. входившую в состав РСФСР.

О кавминводском периоде своей жизни Николай Иванович на допросе на Лубянке сообщал следующее: в Народном университете читались лекции и доклады «на исторические, историко-литературные и философские темы. Читал Николай Глебович Виноградов, академик Кистяковский, читал я, читал Малышев. Я читал два доклада по философии истории и о Толстом. Основной контингент посещавших лекции были слушатели Народного университета, и посещала всякая желающая публика» [7: 120]. На другой день допроса он говорил следователю: «В дополнение к моей автобиографии. После революции я бывал на Северном Кавказе, в Пятигорске, с 1920 по 1921 г. семья жила в Кисловодске <…>, работал лектором в партшколе, на Коммунистических курсах и в Народном университете. <…> Знакомых у меня по Кисловодску не было; в Пятигорске были – Виноградов Николай Глебович, сейчас живет в Ленинграде, заведует театром, профессор Огильви, живет в Пятигорске, затем Фролов, товарищ председателя горного общества, живет в Пятигорске» [7: 123].

Следствие особо интересовал вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство Н.И. Проферансова с Я.Т. Чагой. В своих показаниях Проферансов сообщал: «С Чагой Яковом Трофимовичем я познакомился в 1921 г. в Пятигорске, в Народном университете. Я им заинтересовался как человеком с большой эрудицией в области сектантских движений, типом интеллигента, живущего в народе» [7: 123].

Яков Трофимович Чага (1880/82 – после 1949 г.) – сельский учитель, последователь учения Л.Н. Толстого. В 1902 г. на собственных землях под селом Маргаритовка Ростовского уезда Я.Т. Чага вместе с другим толстовцем В.И. Скороходовым организовал вольную земледельческую общину. После этого учительствовал под Туапсе и в районе Нальчика, где открыл нелегальную школу среди местных сектантов, затем среди сектантов Ставропольской губернии. В 1903 г. за отказ от воинской повинности по религиозным убеждениям был судим и выслан в Якутскую область на 18 лет. О судьбе Чаги узнал Толстой и написал ему письмо [15].

Между Л.Н. Толстым и Чагой завязалась переписка. Всего Толстой написал ему 12 писем. Благодаря Льву Николаевичу в апреле 1905 г. Я.Т. Чага был амнистирован и выехал в Пятигорск. В 1907 г. за пособничество революционерам вновь подвергся аресту. В 1907 г. вернулся в Пятигорск, где жил до 1924 г., продолжая собирать материалы о сектантах. В 1921 г. в Пятигорске Чага познакомился в Н.И. Проферансовым, который организовал религиозно-философский кружок. После 1924 г. Чага жил в Ермоловске под Сочи, в ст. Псебайской, в Красной Поляне и в Новой Мацесте, куда к нему приезжали знакомые единомышленники из разных городов [6: 326–327].

8 августа 1930 г. Чага был арестован в Мацесте с женой Н.З. Дешевой и остановившимся у них Н.И. Проферансовым. При обыске изъяты различные документы и рукописи. Осенью того же года он был препровожден на Лубянку, где находились и другие подследственные, обвиняемые в участии в нелегальной анархо-мистической организации и антисоветской пропаганде. 28 февраля 1931 г. Коллегией ОГПУ Чага был приговорен к пяти годам лагерей. 20 мая 1934 г. Чага был освобожден вместе с женой, однако в феврале 1949 г. снова арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна [6: 327].

Вернемся к показаниям Чаги в отношении Н.И. Проферансова, Н.Г. Виноградова и других лиц, связанных с ПЛНУ. На допросе Чага свидетельствовал о группе «свободных христиан»: «Предъявленные мне записи… о Пятигорской группе “свободных христиан” – выдержка из моего письма Н.И. Проферансову на его письмо, в котором он интересовался жизнепониманием свободных христиан. Эта группа “свободных христиан” существовала в Пятигорске в 1921 г.» [6: 326–336].

О научно-философском кружке в Пятигорске Чага сообщал следующее. Кружок был организован при Народном университете в 1921 г. Активное участие в нём принимал Н.И. Проферансов, который в то время был ректором

Пятигорского народного университета. Он же был и руководителем кружка. Чага свидетельствовал: «Направление этого кружка в то время, насколько я помню, было в духе идеалистической философии. После отъезда Н.И. Проферансова из Пятигорска в Батум руководителем этого кружка остался Виноградов Николай Глебович, со времени его начала руководства кружок приобрел направление религиозно-философское с уклоном в сторону философии Соловьева, затем с конца 1922 и в 1923 г. руководил кружком я». И далее: «Во время моего руководства кружок занимался главным образом разбором восточной религиозной философии; в составе этого кружка было около 10 человек, из них я помню Корохова Василия, Егорова Василия Ивановича, он был секретарем кружка (и занимал должность секретаря Отдела народного образования), Надежда Захаровна Дешевая (жена Я.Т. Чаги. – *В. А., З. А., В. Е.*). В 1921–1923 гг. кружок собирался вне рабочего времени в Народном университете, в 1922–1923 гг. в Армянской школе, т.к. Народный университет был закрыт». Кружок распался в 1923 г. из-за отсутствия помещения [6: 335].

Таким образом, факультет искусств в ПЛНУ, хотя и уступал по числу слушателей другим факультетам, являлся уникальным очагом культуры, где вопреки желанию властей присутствовал дух свободомыслия, разумеется, насколько это было возможно в условиях того времени. Лекции и доклады штатных и приглашенных преподавателей факультета вызывали интерес не только у студентов ПЛНУ, но и у широкого круга жителей и гостей Кавказских Минеральных Вод, учащихся других учебных заведений города и региона.

В одном из последних репортажей о ПЛНУ в губернской газете подводился своеобразный итог его существования: «Каждый, кто помнит университет в первый год его существования, – отмечает автор статьи, – не забыл, конечно, того бодрого настроения, той любознательности жажды, которая охватывала всех. Трудно было университету, <…> но это не помешало ему сосредоточить в своих стенах все видные педагогические силы, известные не только Пятигорску, но и России <…> Университет, помимо своего прямого назначения, становится научным и литературно-художественным центром губернии» [13].

В стенах ПЛНУ обучались будущие выдающиеся деятели науки, культуры, образования, разных профессий, признававших особую роль, которую сыграл Лермонтовский университет в их жизни. Но на работу, где требовалось свидетельство о квалификации, не брали слушателей, окончивших соответствующие курсы. Иное дело «статусные» учебные заведения, которые значительно уступали по уровню преподавания ПЛНУ, но дававшие заветные «корочки». К такому учебному заведению, например, относился Пятигорский политехникум, основанный в 1918 г. и являвшийся тогда отделением ПЛНУ, но в 1920 г. приобретший самостоятельность.

Автор газетной заметки «Внимание рабочему политехникуму» подчеркивал, что политехникум – «чисто пролетарское учебное заведение, которому предстоит большая будущность» [9]. Не сомневаемся, что выделенные нами

слова – намек на «непролетарский» ПЛНУ. В мае 1922 г. Лермонтовский университет решено было «слить» с «чисто пролетарским учебным заведением». Губернские власти всячески поощряли переход слушателей из ПЛНУ в политехникум. Но и без этого желающие получать официальный диплом устремлялись в учебное заведение, имевшее соответствующий статус. Определенную роль играла информация о том, что в результате «слияния» политехникум вполне может считаться вузом [14].

В мае 1922 г., когда судьба Лермонтовского университета уже была предрешена, в газете «Терек» сообщалось: «Обозревая трехлетнее его (ПЛНУ. – *В.А., З.А., В.Е.*) существование… можно верить, имея первый опыт организации в Пятигорске университетской жизни, что в недалеком будущем она возродится в более надежных для существования формах» [13]. Такое будущее наступило в 1939 г., когда решением Наркомпроса РСФСР педучилище было преобразовано в Пятигорский государственный пединститут – нынешний Пятигорский государственный университет – наследник Пятигорского народного университета им. М.Ю. Лермонтова.

Источники и литература

1. *Бердникова М.В.* Воспоминания краеведа о преподавательском составе народного университета // Сборник избранных статей членов историко-революционной секции Пятигорского Краеведческого общества на Кавминводах (1970–1973 гг.). Книга 1. Пятигорск, 1973. С. 267–269.

2. *Веникова М.С.* Институционализация и образовательная деятельность народных университетов в императорской России // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 70–81.

3. Виноградов-Мамонт Николай Глебович (1893–1967) – драматург, режиссер. URL: https://libinfo.org/index/index.php?id=113202 (дата обращения: 10.07.2024).

4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1317. Оп. 1. Д. 75.

5. *Лавринович Е.С.* Драматургия Б.С. Ромашова на сцене Ленинградской Госдрамы // Общество. Среда. Развитие. 2022. № 3. С. 91–94.

6. Орден российских тамплиеров. Т. I. Документы 1922–1930 гг. М., 2003.

7. Орден российских тамплиеров. Т. II. Документы 1930–1944 гг. М., 2003.

8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 142. Оп. 1. Д. 159.

9. Терек. 1922. 28 января.

10. Терек. 1922. 29 января.

11. Терек. 1922. 31 января.

12. Терек. 1922. 7 апреля.

13. Терек. 1922. 12 мая.

14. Терек. 1922. 25 ноября.

15. *Толстой Л.Н.* Письма. Я.Т. Чаге. 1904 г. Января 20 // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. Т. 20. М., 1984. С. 560–561.

А.А. Попова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И РОЛЬ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА В ЕЕ СОЗДАНИИ

Ростовская писательская организация была основана в 1923 г. как Ростовское отделение Российской ассоциации пролетарских писателей (далее – РАПП), руководителем которой был избран Владимир Киршон (1902–1938). Уже через два года она стала Северо-Кавказской (далее – СКАПП) с центром в Ростове-на-Дону и сплотила вокруг себя как опытных, так и начинающих писателей Юга России. В составе организации были Григорий Кац, Александр Бусыгин, Коста Гатуев, Вано Дарасели, Вениамин Жак, Николай Щуклин, Павел Максимов, Георгий Шолохов и многие другие донские, кубанские, северокавказские литераторы.

Осенью 1924 г. членом Ростовской писательской организации стал Александр Фадеев (1901–1956). «Впервые я встретился с Александром Фадеевым в начале октября 1924 года… из двери редакторского кабинета вышел высокий, очень молодой (лет двадцати – двадцати трех), бритый парень в длинной серой суконной кавказской рубахе с высоким стоячим воротником, в скромных брюках-галифе и в мягких сапогах», – вспоминал Павел Хрисанфович Максимов [6: 8].

Как заведующий отделом партийной жизни газеты «Советский Юг», Фадеев вел большую работу с рабселькорами и начинающими писателями, бывал в шахтерских поселках, знакомился с нефтяниками Майкопа, выступал на партийных и комсомольских собраниях в кубанских станицах и везде создавал корреспондентские посты. Фадеев часто читал доклады по различным вопросам литературы на собраниях РАППа. Вся его деятельность способствовала укреплению связи ростовских периодических изданий с северокавказскими.

В ноябре 1924 г. Александр Фадеев был избран в состав правления РАППа, а Юго-Восточный край РСФСР был преобразован в Северо-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону.

К 1925 г. вокруг РАППа объединились 11 писательских организаций края, насчитывавших более 300 прозаиков и поэтов. Назрела необходимость создания Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей с литературным центром в Ростове-на-Дону.

Как члену правления РАППа А. Фадееву было поручено добиться через краевой комитет партии разрешения на издание литературно-художественного журнала. Такое разрешение А. Фадеев получил.

В «Советском Юге» 25 февраля 1925 г. было помещено объявление, в котором сообщалось, что в марте 1925 г. начинает «выходить “Лава” – литературно-

критический журнал, орган ассоциации пролетарских писателей Северного Кавказа, под редакцией тт. В. Киршона, Н. Стальского и А. Фадеева» [6: 37].

В начале 1925 г. в Ростове-на-Дону проходило краевое совещание редакторов газет, резолюцию которого разработали Александр Фадеев и Владимир Киршон. Полностью опубликованная в журнале «Лава» резолюция свидетельствует о том, что центральным на совещании был вопрос о политико-воспитательной деятельности среди рабочих и сельских корреспондентов и начинающих писателей из их среды. Участники совещания отметили большие успехи Ростовской писательской организации и наметили пути дальнейшей работы РАППа по объединению рабочих писателей Северного Кавказа. Резолюция совещания рекомендовала редакциям всех краевых газет «оказать существующим ассоциациям пролетарских писателей всемерную и практическую поддержку» и предлагала принять следующие практические меры:

1. Дать возможность пролетарским писателям публиковать свои произведения на страницах газет и журналов, с этой целью открыть литературные странички или подвалы в газетах и т.д.

2. Помогать ассоциациям в работе по выявлению и вовлечению в ассоциацию тех рабкоров и селькоров, которые имеют наклонности и способности к художественному творчеству, всемерно способствовать установлению прочных связей между рабкоровскими организациями и ассоциацией пролетарских писателей.

3. Содействовать вновь возникающим ассоциациям на местах, обращать особое внимание на писателей [4: 102].

Первый номер «Лавы» вышел в апреле 1925 г., и, как рассказывает П.Х. Максимов, фактическим редактором журнала был А. Фадеев. «Покончив с правкой корреспонденции и заметок для отдела партийной жизни газеты “Советский Юг”, он принимался за рукописи журнала “Лава”, лежавшие на том же редакционном столе отдельно, аккуратной стопкой, – читал, правил, давал переписывать на машинке, вновь правил и сдавал в набор, и делал это с великой серьезностью, с сознанием важности этого дела и вместе с тем с явным удовольствием (хотя, с точки зрения нынешних дней, журнал “Лава” был очень скромный). Тираж его номеров в 1925–1926 гг. был всего 200, 350 и 650 экземпляров» [4: 103].

По свидетельству Павла Максимова, автором программной статьи «От редакции» был А. Фадеев: «Он (журнал. – *А. П.*) дает возможность из узких рамок своего кружка, ассоциации вынести произведения в широкую читательскую массу. “Лава” – единственный литературный журнал в крае – объединит вокруг себя, помимо сплоченных кадров пролетарских писателей, близких к нам одиночек, крестьян и горцев» [6: 37].

А. Фадеев сумел объединить вокруг журнала поэтов, прозаиков, театральных критиков, журналистов, преподавателей, литературоведов. В редакцию поступало огромное количество литературного материала, свидетельствующего о небывалом культурном подъеме пролетарских и крестьянских масс, впервые взявшихся

за перо. Большинство авторов, присылающих свои произведения, составляла молодежь с фабрик и заводов, из Красной армии, сёл, станиц, хуторов.

В июле 1925 г. состоялся первый пленум писателей Северного Кавказа. Его задачей было объединение вокруг РАПП писателей всего края. Участники пленума отметили тесное единство всех пролетарских писателей края и предложили осенью 1925 г. созвать конференцию, которая окончательно оформила бы создание СКАППа – единой Северо-Кавказской ассоциации. Особо стояли на пленуме вопросы творчества крестьянских писателей и писателей национальных меньшинств. «Задача пролетарских писателей, – отмечалось в резолюции, – объединить писателей-националов вокруг своих организаций, помочь им в творческой работе, дать указание и оказать помощь в деле печатания их произведений как на их национальных языках, так и в переводе». Через несколько месяцев завершилось организационное оформление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей с центром в Ростове-на-Дону. Первым руководителем СКАПП был Владимир Киршон. Он руководил организацией до ноября 1925 г. После его отъезда в Москву, где он вошел в правление Всесоюзного объединения Ассоциаций пролетарских писателей, Северо-Кавказскую ассоциацию возглавил Александр Фадеев и находился на этом посту по октябрь 1926 г.

Большое внимание руководителями вновь созданной писательской организации уделялось поискам литературно одаренной молодежи, рабкоров и селькоров. Для этого регулярно осуществлялись поездки по Дону, Кубани, в Минеральные Воды, Северную Осетию, Дагестан, Адыгею, Чечню. Из командировок привозились путевые заметки.

Появились книги «Энтузиасты культурной революции в горах (Культпоход в Кабарде и Балкарии)», «Кавказ без романтики», «Адыгейские сказки» Тембота Керашева, «Кавказские рассказы» Павла Максимова, «Кубанские записки» и «Разбег» Владимира Ставского, сборник стихов, рассказов и очерков «Молодость. К 15-летию Комсомола».

Северо-Кавказское отделение просуществовало в Ростове до 1937 г. В этот период его руководителями были Ставский Владимир Петрович (1900–1943) с октября 1926 г. по декабрь 1928 г.; Бусыгин Александр Иванович (1900–1941) с января 1929 г. по март 1931 г.; Стальский Илларион Николаевич (1901–1978) с марта 1931 г. по март 1933 г.; Петров-Бирюк Дмитрий Ильич (1900–1977) с марта 1933 г. по февраль 1935 г.; Шолохов-Синявский Георгий Филиппович (1901–1967) с 1 марта по 1 декабря 1935 г.; Оленич-Гнененко Александр Павлович (1893–1963) с декабря 1935 г. по 1938 г. [7: 223].

Хотелось бы немного подробнее остановиться на некоторых именах литераторов, входивших в состав СКАПП.

В середине 1920-х гг. в газетах и журналах края часто печатались стихи Петра Хромова (1904–1942) – молодого казака из ст. Темиргоевской, лежащей к западу от Армавира. Это были стихи о станице и станичниках, их делах и трудовых заботах.

Стихи хорошие, интересные, по ним чувствовалось, что писал их явно талантливый, самобытный и притом думающий, размышляющий над явлениями жизни молодой поэт. Примерно в 1930 г. П. Хромов переехал в Ростов-на-Дону. Когда началась Великая Отечественная война, Хромов записался добровольцем и погиб, защищая Таганрог [2: 130].

Оганесьян Арсен Абрамович родился в 1908 г. в с. Канакер, недалеко от Еревана, в бедной крестьянской семье. Стихи А.А. Оганесьяна появились в печати в 1925 г. Расцвет его творчества приходится на годы, проведенные им в Ростове-на-Дону. За 20 лет он написал немало стихотворений, успел выпустить несколько книг. Его первые стихи посвящены социалистическому строительству, последние – подвигу советского народа в боях с фашизмом. И те, и другие пронизаны идеей патриотического служения Родине, сыновней преданностью Отчизне. Его стихи охотно печатала выходящая в Ростове армянская газета «Мурч-Мангах» («Серп и молот») (г. Ростов-на-Дону, 1925–1931 гг.), в которой поэт был постоянным сотрудником. В дальнейшем Оганесьян работает также с армянскими газетами «Грох» («Штурм») (1931–1937 гг.) и «Большевик» (1937 г.). В 1936 г. в Ростове-на-Дону вышла книга стихов Арсена Оганесьяна «Детство». Во время Великой Отечественной войны он работал переводчиком армянского издания газеты Южного фронта «Во славу Родины». С августа 1942 г. Оганесьян становится переводчиком и корреспондентом армянских изданий газет «Вперед, к победе» и «Вперед, за Родину». Затем поэт добивается направления в действующие войска и получает разрешение. В битве за Одер 16 апреля 1945 г. поэт Арсен Абрамович Оганесьян пал смертью храбрых [2: 98].

Валентин Георгиевич Вартанов – советский техник-химик, журналист, поэт, родился в Моздоке Терского округа Северо-Кавказского края в 1909 г., Работал в ростовской газете «Молот». В 1934 г. выпустил в Ростове-на-Дону сборник стихотворений «От всего сердца». По ложному обвинению арестован и расстрелян в урочище Сандормох Карельской АССР 2 ноября 1937 г. [1].

Ахмед Джанхотович Хатков родился в ауле Хатажукай Кубанской области. С 1910 по 1912 г. учился в частной школе, затем в Уфе. После 1917 г. работал учителем в ауле Габукай. С 1923 по 1926 г. обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, затем работал заместителем редактора газеты «Адыгейская жизнь», в педагогическом техникуме, ответственным редактором областного национального издательства, в областном отделе народного образования. С 1934 г. – член Союза писателей СССР; в 1934–1937 гг. – ответственный секретарь Адыгейской писательской организации. Первые стихи были опубликованы в 1923 г. в адыгейской газете «Адыгэ макъ» («Голос адыга»). В соавторстве с Темботом Керашевым написал три первых в истории адыгов учебника по адыгейской литературе для средней школы. В 1938 г. в Ростове-на-Дону вышла книга стихов Хаткова «Мужество» в переводе с адыгейского ростовского поэта Григория Каца. В свою очередь Хатков переводил произведения А.С. Пушкина – поэмы

«Кавказский пленник», «Цыгане», «Полтава» и другие – на адыгейский язык. Переводы были изданы в 1937 г. [5].

Дзахо (Константин) Алексеевич Гатуев, осетинский писатель, публицист, революционный и общественный деятель, родился во Владикавказе в 1892 г. После окончания владикавказской гимназии поступил в 1912 г. в Московский университет. Будучи студентом, принимал участие в деятельности подпольного марксистского кружка. Был знаком с Сергеем Кировым, по заданию которого распространял во Владикавказе большевистскую агитационную литературу. Будучи корреспондентом газеты «Горская жизнь», присутствовал в 1918 г. на съезде народов Терской области. С 1923 г. проживал в Ростове-на-Дону, стоял у истоков создания Ростовской писательской организации. С 1925 г. – аспирант Кавказской секции Института народов Востока. Занимался историей Кавказа, участвовал в экспедициях и собирал этнографический материал. В это же время написал свое первое крупное публицистическое произведение – историческую повесть «Ингуши», которая была издана в 1926 г. в Ленинграде. С 1928 г. проживал в Москве, где работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Возвратившись на родину, продолжил свою журналистскую деятельность, путешествуя по селениям Северного Кавказа. Публиковал свои очерки на страницах журналов «Народный учитель» (1930–1934) и «Наши достижения» (1935–1936) [8: 149].

Тембот Магометович Керашев – адыгейский советский писатель. Родился 16 августа 1902 г. в ауле Кошехабль в семье крестьянина. Окончил частную татарскую школу, затем учился Краснодарском политехническом институте. В 1929 г. окончил Московский промышленно-экономический институт, вернулся в Адыгею. Здесь он был редактором областной газеты, управляющим Адыгейским национальным издательством. В 1931 г. Президиумом Адыгейского областного исполкома был назначен директором Адыгейского научно-исследовательского института краеведения, в этой должности он проработал до 1934 г. В соавторстве с А.Д. Хатковым создал три первых учебника по адыгейской литературе для средней школы. В соавторстве с ростовским писателем Павлом Максимовым издал сборник «Адыгейские сказки» с предисловием Максима Горького [10: 92].

Ванион Алексеевич Дарасели (1909–1954) – грузинский советский драматург. Родился 12 (25 мая) 1909 г. в селе Кахаты в Грузии. Литературную деятельность начал в 1928 г. В Ростове-на-Дону жил с 1935 г., когда собирал материалы и работал над пьесой о Василии Киквидзе. Пьеса была поставлена театром Красной армии и показывалась частям Северо-Кавказского военного округа. В Ростове у В. Дарасели вышла книга стихов «Клятва» в переводах В. Жака, А. Софронова, А. Гарнакерьяна, а также повесть «Твой сын» о жизни грузинского села в предвоенные годы. Во время Великой Отечественной войны служил на Закавказском фронте заместителем ответственного редактора газеты «Боец РККА» на грузинском языке [3: 84].

Кофанов Павел Евтихиевич, беллетрист, поэт, родился в 1893 г. в Пятигорске в семье рабочего. Работал в газете «Пятигорское эхо», которая издавалась

до 1916 г. включительно. С 1917 по 1920 г. принимал активное участие в революционном движении на Тереке в рядах РКП(б). В 1919 г. был приговорен белыми к расстрелу, по общей амнистии получил каторгу. Сидел в тюрьме 1 год и 2 месяца до прихода красных. Начал писать с 1920 г., печатался в журналах «Лава», «На подъеме», «Октябрь». Окончил заочно Киевский литературный институт. Был главным редактором сборника «Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина».

Сын писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского Л.Г. Шолохов вспоминал: «Работал на Дону в те годы совершенно забытый ныне писатель Павел Евтихьевич Кофанов. Жила наша семья с ним в одном доме на 16-й линии – мы на втором этаже, а он прямо над нами. <…> Кофанов уже был довольно известен в России. Его повесть “Студенты”, а затем “Юность Пануки” (во многом автобиографическая) пользовались популярностью, особенно среди молодежи. Трагична и печальна судьба Павла Евтихьевича... В 1937-м или 1938 г. арестовали в Москве его сына, инженера-авиаконструктора, который работал в известном КБ А.Н. Туполева. Павел Евтихьевич как-то поник. Стал выпивать. И однажды, возвращаясь поздней зимней ночью домой по нашей, слабо освещенной 16-й линии, был избит. Грабители в садистском угаре долго били Кофанова головой и лицом о мостовую, сняли шубу и скрылись... Оказались они, как стало потом известно, жителями нашего многоквартирного дома – братьями Колбасиными, но... Кофанов был отцом “врага народа”, и дело “замяли”...» [9: 134].

Судьба Кофанова очень схожа с судьбой ростовского художника Сергея Королькова, друга и лучшего иллюстратора романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Немецкий генерал заказал Королькову свой портрет и художник выполнил заказ. А когда фашисты бежали из города, он, понимая неотвратимость наказания на сотрудничество с фашистами, бежал вместе с ними, а позже эмигрировал в США.

Жизнь Павла Кофанова сложилась гораздо трагичнее. Когда фашисты стали приближаться к Ростову, он и его жена эвакуировались в Пятигорск. Но и туда ворвались немцы. На оккупированных территориях издавались русскоязычные газеты. В Ростове это был «Голос Ростова», в Пятигорске – «Пятигорское эхо». Кофанов опубликовал несколько статей о зверствах сталинского террора и репрессиях 1937–1938 гг. После освобождения Пятигорска Красной армией 20 января 1943 г. он был арестован. Особым совещанием при НКВД СССР 5 марта 1944 г. приговорен к 10 годам лагерей. Дальнейшая его судьба не известна.

Это лишь несколько интересных судеб...

В августе 1934 г. в Москве состоялся Первый съезд советских писателей, и СКАПП стал Северо-Кавказским отделением Союза писателей СССР. После реорганизации Северо-Кавказского края и выделения Ростовской области в самостоятельную административную единицу претерпела реструктуризацию и писательская организация.

Источники и литература

1. Бессмертный барак. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/abc/?a=%D0%B2&number=4154 (дата обращения: 25.06.2024).

2. *Гегузин И.М.* Добрый след: Рассказы краеведа. Ростов н/Д., 1987.

3. *Гегузин И.М.* С кровавых не пришедшие полей: очерки о ростовских поэтах, погибших за Родину. Ростов н/Д., 1981.

4. *Гордеева Н.М.* Литературный Ростов 20-х годов. Ростов н/Д., 1967.

5. Литература юга России. Первая треть XX века. URL: https://rls.kubstu.ru/lit6/page127.html (дата обращения: 25.06.2024).

6. *Максимов П.Х.* Фадеев в Ростове: Воспоминания. Ростов н/Д., 1972.

7. *Попова А.А.* Всё, что память бережет. Очерки о донских писателях. Ростов н/Д., 2021.

8. *Туаллагов А.Д.* Приговоренные к бессмертию. Владикавказ, 1993.

9. *Шолохов Л.Г.* Мне грезилась донская гроза // Донской временник. Год 2006-й. Ростов н/Д., 2005. Вып. 14. С. 134–142.

10. *Шолохова Т.А.* Т.М. Керашев – писатель и сын адыгейского народа (по материалам семейного архива Г.Ф. Шолохова-Синявского) // М.С. Шагинян и ее современники о времени и о себе. Материалы IX Шагиняновских чтений 13–14 мая 2022 г. Ростов н/Д., 2022. С. 90–94.

З.Х. Гучетль, О.И. Кускарова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ АДЫГОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ (на примере обычая избегания)

В современной научной литературе проблемам традиции, традиционности уделяется достаточное внимание, однако из зоны внимания исследователей выпадают специфические аспекты региональной культуры, которые до сих пор остаются вне серьезного философско-социологического анализа. Изучение региональных традиций, несомненно, актуально в современных условиях, когда у многих этносов наблюдается интерес к культурно-историческим ценностям, их истокам и перспективам их сохранения, появляется желание найти в традиционных ценностях незыблемые нравственные устои.

Традиции этнической нравственной культуры – это важнейший элемент культуры адыгского социума. На них равнялись, их воспринимали как эталон в межличностных отношениях и образе жизни. Сегодня в мире глобальных перемен, когда этнокультурные ценности претерпевают кризис, многие традиции и обычаи адыгов утрачены, однако некоторые из них сохранились, хоть и фрагментарно, и продолжают бытовать в их социокультурной среде.

Исследование социокультурных ценностей народа невозможно без обращения к его духовной культуре, мировоззренческим, нравственным и эстетическим знаниям. Известный адыгский этнограф Б.Х. Бгажноков писал: «Адыгская этика является эталоном общекавказской нравственной философии, ее наиболее полным и детально разработанным выражением. То же касается и адыгского этикета – *адыгэ шэн-хабзэ*, который сравнивают иногда с китайским, японским, французским. Традиционный адыгский этикет служит важным подспорьем адыгства, институтом, через который этика проводит в жизнь свою "политику", свои принципы и идеалы» [2: 3]. Адыгский народ годами почитал и сохранял свои уникальные традиции и обычаи.

Адыгский обычай избегания пережил многие века и на сегодняшний день не исчез полностью, хотя и не является актуальным для культуры адыгов. Полагаем, что в условиях глобализации и трансформации, когда этнические традиции находятся под угрозой размывания, изучение этого компонента адыгской традиционной культуры имеет особую важность. Вопрос о прагматике и семантике обычая избегания у адыгов в научном пространстве недостаточно освещен, хотя опубликован ряд работ, посвященных этой практике как у адыгов, так и у других кавказских народов [1; 5; 6; 8].

Обычай избегания возник еще на ранних этапах развития общества и прочно вписался в общекавказский этикет и в нормы «адыгэ хабзэ». Данную норму соблюдали не только кавказские, но и другие народы мира. В мировой культуре встречается множество параллелей адыгскому обычаю избегания, например, у жителей Австралии, Океании, Северной Америки, Азии и даже Крайнего Севера. И.Н. Болтенкова проанализировала обычай избегания между тещей и зятем, а также между невесткой и свекром и свекровью у народов Австралии. Она пишет: «В народной традиции обычаи избегания, как известно, нередко воспринимались как проявление взаимного уважения, которое объективно в равной мере доставалось каждой стороне. У выше названных народов эти обычаи также являлись выражением наивысшей вежливости, наивысшего внимания. И эти вежливость и внимание к теще или свекру (свекрови) заключались в том, чтобы отворачиваться от них, не смотреть на них, всячески их избегать. Следует отметить, что этот обычай был широко распространен и у коренных жителей Австралии. Имеются сведения, что у племени вачанди зять, лишь завидев, что теща к нему приближается, должен куда-нибудь спрятаться. Если же он не заметил, и теща оказалась рядом, то зять спешит укрыться в кустах или за деревом и выходит только тогда, когда теща удалится. У племени реберн считается, что стоит только зятю посмотреть на тещу, как он в тот же миг поседеет. У племени камиларон зять с тещей разговаривают следующим образом: они поворачиваются друг к другу спиной и громко кричат, как будто стоят не рядом, а разделяет их огромное расстояние. У племени брабролунг также обычаи не позволяют разговаривать зятю с тещей» [4: 136].

Обычаи избегания существовали и у индейцев Северной Америки. У многих индейских племен зять никогда не мог говорить с тещей и тестем, а невестка – со свекровью и свекром. В случае неизбежности разговора он велся через третьих лиц. Например, в племени омаха, если тесть или теща входят в помещение, где находится зять, последний спешит повернуться к ним спиной и быстро уходит. При визите зятя в дом тестя уже тесть отворачивается от него и закрывает себе лицо. Трубку и еду родственники жены передают зятю через свою дочь. У племени араваков зятю было запрещено смотреть теще в лицо, поэтому при поездке, например, в одной лодке теща садилась первой, поворачивалась к зятю спиной и уже не оборачивалась. В случае совместного проживания в доме зятя и тещу разделяла перегородка [4: 138].

У якутов «по древним обычаям якутская невестка не должна была показывать лицо своему свекру и старшей мужской родне мужа в течение трех или семи лет, а в некоторых случаях – до самой смерти. Великим грехом считалось для невестки показывать лицо своему свекру, но если же нельзя было избежать встречи, то женщина опускала на лицо покрывало» [7: 66]. В Момском улусе зять всю свою жизнь не снимает перед тещей или старшей сестрой жены шапки и всегда носит длинную рубашку, достигающую колен, так, чтобы женщины никогда не увидели его наколенников. Невестка соблюдала такой же обычай относительно свекра и свекрови [7: 66].

У адыгов избегание между зятем и родственниками жены касалось исключительно старших родственников – отца, матери, деда, бабушки, дядей, теток. Нельзя было не только разговаривать со всеми ними, но даже показываться им на глаза. Завидев тестя, зять сворачивал с дороги, а столкнувшись с ним, отворачивался. Родственники замужней женщины также не посещали дом зятя. Исключение могло быть сделано лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Например, в случае крайней нужды мать навещала дочь в доме ее мужа, но она делала это как бы тайком, плотно закутавшись в платок и всегда под покровом ночи.

Обычай избегания у адыгов можно разделить на четыре группы в зависимости от его участников: 1) между супругами; 2) между родителями и детьми; 3) между женой и родственниками мужа; 4) между мужем и родственниками жены. Все перечисленные виды этого обычая, кроме четвертого, в настоящее время практически не соблюдаются. На сегодняшний день на территории Адыгеи сохраняется избегание между мужем (зятем) и родственниками жены. На Кавказе обычай избегания в полной мере сохранили ингуши. Как рассказал нам эксперт из Ингушетии, доктор политических наук И.М. Сампиев: «…наш народ полностью сохранил все виды избегания. Мы не видимся не только с тещей, но и с ее сестрами и братьями. К обычаю избегания наш народ относится очень бережно и четко передает от поколения к поколению».

Ценностные установки ингушской культуры (скрывание, избегание, табуирование) сегодня воспринимаются общественностью как пережитки прошлого.

Однако, по оценке корреспондента ингушской газеты, обычаи избегания – «это не что иное, как сфера деятельности по предупреждению и разрешению конфликтов, а также воспроизводству механизма решения конфликтных ситуаций в соответствии с предписанными правилами, этическими нормами» [9].

Современный философ А.А. Шаов в ходе интервью сказал: «Мы видим, как соблюдали старшие люди обычай избегания, и осознаем, хоть на интуитивном уровне, что это важный, правильный и позитивный обряд, который нужно сохранить. Он приносит в практику реальных отношений достаточно хорошие, позитивные плоды, и мы пытаемся объяснить ретроспективно, какая мудрость закладывалась тогда, когда он учреждался в качестве обычая и традиции… Адыгский обычай избегания можно отнести к какому-то этносферному миропониманию и космосу, который как единоцельное нечто присутствовал тогда в каком-то в своем первозданном виде. Конечно, сейчас он фрагментарно деформирован, но главные его принципы – преданность и доверие – всё равно в современном обществе еще сохранились… Институт избегания диктует две фундаментальные моральные вещи: это мораль и право, у кого какие права и обязанности внутри семьи и чем продиктованы эти права… Я сам соблюдаю его и считаю, что это негласный закон адыгов».

Еще в 1970-е гг. этнограф Я.С. Смирнова писала: «Общий процесс социалистического переустройства Адыгеи повлек за собой ряд принципиальных сдвигов в быту и культуре народа. В Адыгее, как и в других областях Советского Востока, с первых же лет существования советской власти развернулась активная борьба против вредных пережитков патриархально-феодального быта, за юридическое и фактическое раскрепощение женщины, привлечение ее к производственному труду, общественно-политической и культурной жизни» [8: 47].

Обычай избегания между зятем и родственниками жены в былые времена в адыгском обществе соблюдался, но в каждой субэтнической группе по-своему. Если в Адыгее зять вообще не виделся с родителями жены и с пожилыми людьми рода свойственников, то в Кабардино-Балкарии после официального визита зятя в дом жены («мэхъулъэ гъашхэ») он мог общаться и видеться с родственниками жены. Именно так поступали и поступают адыги, проживающие в Карачаево-Черкесской Республике.

Обряд «ввода зятя» является составной и самой главной частью приобщения зятя к семье и роду невесты. Однако и после этого зять держался от родителей жены на определенной дистанции, не надоедая им своими посещениями, не позволяя себе садиться за один стол с тестем и с тещей и т.д. Видимо, с этим связана известная пословица «Малъхъэр дакъэ хэкIэм къыфIэкIыркъым» («Зять не переступает заднего места у очага»). Это было наименее почетное место, находившееся ближе всего к входной двери. Видимо, тем самым подчеркивалась «чуждость» зятя, отсутствие прямой, кровной связи с родом невесты. Отсюда еще одна пословица, предписывающая тестю и теще держать зятя на определенной дистанции:

«Малъхъэщ жьыпIэу унэгъу умыщI» («Зятя приблизив, членом семьи не делай») [3: 383].

Но зять, как сказано выше, и сам старался избежать в отношениях со свойственниками излишней близости и фамильярности. В повседневной беседе он не произносил даже личные имена тестя и тещи, а заменял их конструкциями типа: «унэм щIэсым ядэр» («отец той, что находится в доме»), «унэм щIэсым янэр» («мать той, что находится в доме»). Употребление терминов родства, служащих обозначением тестя и тещи, – «щыкъуадэ», «щыкъуанэ» и др., также считалось не вполне приличным. Обычно, если человеку приходилось использовать в своей речи эти слова, он заранее извинялся перед собеседником: «Уи нэмыс нэхъ лъагэ ухъу» («Твоя честь (твой авторитет) да будет») [3: 383].

В Республике Адыгее обычай избегания между зятем и родителями жены носил и носит совершенно другой характер. Адыгский обычай («адыгэ хабзэ») считал недопустимым нарушение норм избегания в отношениях между зятем и родителями жены. Даже после официального ввода («мэхъулъэ гъашхэ») зятя в дом жены он не общался с родителями, с дядями и с тетями жены. Обряд «мэхъулъэ гъашхэ» означал просто официальное знакомство с родственниками жены. Законы «адыгэ хабзэ» были неписаными, однако их несоблюдение делало адыга и всю его семью изгоями социума. Такая семья подвергалась общественному осуждению, с членами этой семьи избегали вступать в брак. Поэтому традиционные правила этикета, нормы и обычаи должна была соблюдать каждая адыгская семья.

Для выявления степени сохранности обычая избегания в адыгском обществе в конце 2023 – начале 2024 г. мы провели социологический опрос среди жителей Республики Адыгеи. Цель опроса заключалась также в выявлении отношения молодых людей к этому обычаю. Было опрошено 300 человек.

Как показало исследование, большинство жителей сельской местности обычай избегания между зятем и родителями жены сохраняют: 79 % опрошенных респондентов заявили, что соблюдают его, 16 % признались, что не соблюдают.

Среди городских жителей около половины опрошенных респондентов не соблюдают обычай избегания, объясняя это разными причинами. Некоторые респонденты и вовсе не слышали об этой традиции.

Например, Рамазан (34 года, проживает в городе): «Я недавно женился. Да, про обычай избегания кое-что знаю и нана (бабушка. – *З. Г., О. К.*) по материнской линии (я у нее воспитывался) рассказывала мне о нем. Но как-то я быстро познакомился с родителями жены и начал общаться, я не скажу, что с ними постоянно вижусь, но не избегаю их… Нане мой поступок не понравился [смеется], но уже поздно».

Бислан (29 лет, проживает в городе): «Я избеганием не занимаюсь, в наше время, мне кажется, это ни к чему. Хотя мой отец соблюдает, но я не принял этот обычай, и мои родители отнеслись к моему поступку спокойно».

Есть и другая точка зрения. Большинство опрошенных – 53 % – соблюдают обычай избегания и с уважением говорят о национальной принадлежности, о менталитете адыгов.

Казбек (38 лет, проживает в городе): «Чтобы сохранить свой этнос, надо, прежде всего, знать родной язык, чтить и соблюдать обычаи и традиции своего народа. Я соблюдаю обычай избегания не потому, что кто-то что-то мне говорил или приказывал, вовсе нет, скорее, все обычаи у нас в крови. Этот обычай видел с детства, помню, мой отец избегал бабушку по материнской линии, все мои дяди соблюдали. Это традиционная норма для нас, адыгов, вообще. Когда я женился, сразу начал соблюдать этот традиционный адыгейский обычай… я избегаю тещу, тестя и бабушку жены. Я считаю, этот обычай надо ценить и продвигать, чтобы он сохранился в культурной среде адыгов».

Арамбий (49 лет, проживает в ауле): «Соблюдаю этот исконный обычай, и никакого труда мне это не составляет. Все традиции, обычаи и обряды во что бы то ни стало надо сохранять. С родителями жены я не вижусь и с дядями и тетями тоже. У меня два сына, постараюсь, чтобы они продолжили этот семейный обычай».

Рустам (29 лет, проживает в ауле): «Я живу с родителями и всегда видел, как мой отец и дядя соблюдали этот старинный обычай. Когда сам женился, я тоже начал его соблюдать и даже не могу себе представить, если я даже увижусь с родителями жены, о чем я с ними буду говорить… Нет, нет. Это не мое… Хабзэ есть хабзэ! Границы везде должны быть».

Таким образом, наше исследование показало, что обычай избегания в социокультурной среде адыгов в данный момент соблюдается большей частью респондентов. По нашим прогнозам, он будет еще долго сохраняться, поскольку значительная доля опрошенных молодых людей осознает свою национальную принадлежность и чтит обычаи и традиции своего народа.

Источники и литература

1. *Бахова О.В.* Обычаи избегания у кабардинцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33): в 2 ч. Ч. II. С. 19–21.

2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, 1999.

3. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик, 2011.

4. *Болтенкова И.Н.* Специфика некоторых видов обычаев избегания в контексте мировой цивилизации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 3. С. 135–140.

5. *Дзагоева Э.П.* Обычай избегания «уайсадын» у осетин XIX–XXI вв. (на материалах этнографической экспедиции в Турцию (2015 г.)) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22916 (дата обращения: 23.06.2024).

6. *Невская Т.А*. Традиции «избегания» в кавказской семье // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 2 (57). С. 83–87.

7. *Петрова С.И*. Обычай избегания у якутов: традиции и этнокультурные параллели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 6 (30). С. 66–70.

8. *Смирнова Я.С*. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху // Советская этнография. 1961. № 2. С. 41–52.

9. Традиции. Роль обычаев избегания в ингушской культуре // Интернет-газета «Ингушетия». 2014. 30 июня. URL: https://gazetaingush.livejournal.com/1654435.html (дата обращения: 26.06.2024).

РАЗДЕЛ 6
Вооруженные конфликты на Кавказе: события и их осмысление

Ю.Ю. Клычников

«И ТЕ ДЕ ССЫЛЬНЫЕ ЛЮДИ ВСЯКИМ ЛЮДЕМ ЧИНЯТ ВСЯКОЕ РАЗОРЕНИЕ...»: ДВИЖЕНИЕ С.Т. РАЗИНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Зухабский мирный договор 1639 г. положил конец войне между Османской империей и Сефевидской Персией. Достигнутый военно-политический паритет делал дальнейшее противостояние бесперспективным и ничего кроме обоюдного разорения не приносил. Это в значительной степени меняло внешнеполитические приоритеты могущественных держав Востока, в том числе внося коррективы в их намерения в отношении Кавказа. Москва очень скоро почувствовала стремление персидской дипломатии потеснить ее позиции в Дагестане. Если при Аббасе I и его преемнике Сефи I местные владельцы готовы были присягать сразу двум сюзеренам, то теперь они явно тяготели к Исфахану [5: 322].

В 1645 г. за то, что уцмий кайтагский отправлял к «великому государю послов <…>, кизылбашские ратные люди ево изогнали и имением ево завладели» [9: 172]. Примечательны слова эндирейского мурзы Казаналпа, заявившего терским воеводам, что те, «кто великому государю голдует (служит, присягает. – *Ю. К.*), тому ажно не добро живет, а кто шаху голдует, тому добро живет» [9: 175]. В 1651 г. дошло до прямого столкновения, когда персидские войска атаковали Сунженский острог [9: 187]. Поводом послужило ограбление гребенскими казаками каравана ширванских купцов. Но от масштабной войны обе стороны предпочли воздержаться, хотя охлаждение в отношениях продлилось до 1662 г. Аббас II выбрал мир с северным соседом и содействовал развитию торговых отношений, в которых были заинтересованы обе стороны [7: 298]. Следует отметить, что персидская

дипломатия этого периода отличалась сдержанностью. Даже провокационные действия Степана Тимофеевича Разина на Каспии во время его знаменитого «похода за зипунами» в 1667 г. не были поставлены в вину московскому правительству, хотя и могли сделаться *casus belli* в межгосударственных отношениях.

Справедливости ради отметим, что Москва действительно не имела к организации этого набега никакого отношения и сама постфактум собирала сведения о действиях своих непокорных подданных. Да и первые разбои «воровские казаки» начали совершать во владениях Алексея Михайловича.

В рассматриваемый период казачий набеговый промысел мог иметь разновекторную направленность. Весной 1667 г. стали доходить слухи о подготовке «воровскими казаками» нападения на Азов. По крайней мере, так говорили опрошенные русские полоняники, проживавшие в городе и знавшие о царивших там настроениях. Местные жители считали слухи о походе донцов на Волгу обманом и ждали людей атамана у себя под стенами [4: 102]. Но одновременно поступали сообщения о желании донских казаков «на Волгу ити будет воровать», поскольку «на Дону де жить им не у чего». Путь на море был крепко закрыт турками, и в этом направлении «зипуна достать стало негде» [4: 102]. Видимо, С.Т. Разин оценил реальные шансы захвата Азова и в итоге отказался от слишком рискованного предприятия. По крайней мере, такое предположение складывается из донесения донского атамана Корнилия Яковлевича Яковлева, сообщившего, что азовцев «хотел было… войсковой казак Стенка Разин с товарищи своровать, идти на море», однако «он с моря в больших лодках воротился и ничего не учинил» [1: 376]. Волжское направление оказалось в итоге предпочтительнее, так как открывало перспективы грабежа богатых прикаспийских городов Персии. Да и активное судоходство на Каспии сулило в случае удачи серьезную добычу.

Казаки не раз «шарапили» в этих краях, и у С.Т. Разина было немало предшественников. Но его замысел отличался размахом и основательностью подготовки. Помимо разведки предполагаемого маршрута, заготавливалось продовольствие и шла переписка с тайными сторонниками, выказавшими готовность помочь ему в захвате Яицкого городка, который должен был стать базой для отряда атамана [1: 376].

Информация о готовящемся походе «воровских казаков» не прошла мимо царской администрации. Власти в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне и Терках получали предупреждение о необходимости повысить бдительность и быть готовыми к столкновению с непредсказуемыми «охотниками за зипунами». Примечательно, что одной из целей похода называли владения шамхала тарковского, куда якобы собирались казаки после захвата Яицкого городка.

Попытки полюбовно договориться с С.Т. Разиным успехом не увенчались. Он пригрозил посланцам царицынского воеводы сжечь город и истребить служилых людей, которые будут против него отправлены. Не смогли встретиться

с атаманом и представители духовенства, посланные увещевать его отказаться от планируемого грабежа [3: 354]. Отряды атамана двинулись на Волгу.

Почти сразу люди С.Т. Разина захватили здесь большой караван, получив не только ценности, но и освободив перевозимых на нём невольников, которых должны были доставить в Астрахань и на Терек. Разинцы разоряли частных торговцев, не жалели казенное имущество. Ими была потоплена «ладья с государевым хлебом», а сопровождавших ее людей либо, «пограбя весь живот и запасы», прогнали, либо вовсе казнили. Сказалось наличие на захваченном судне «кандальников», которых перевозили в Астрахань. Их избавили от оков, после чего они стали мстить своим притеснителям: «…и те де ссыльные люди всяким людем чинят всякое разорение, мучат и грабят пуще прямых донских казаков» [2: 5–6]. Эти озлобленные и отчаянные люди примкнули к разинцам, которые и в дальнейшем охотно принимали в свои ряды различных «сорвиголов», стремящихся к легкому богатству и необузданной вольности. Доставалось и государевым людям. Сообщалось, что их «побивают до смерти и вешают, и всякое воровство и наругательство чинят» [2: 5]. Часть охраны каравана и ссыльные пополнили ряды казаков, а приказчиков победители предали смерти.

Следует отметить, что число желающих присоединиться к разинцам в этот период было довольно значительно. Было немало примеров того, как ратные люди просто саботировали приказы стрелять по казакам, а то и сами открывали перед ними ворота укреплений [2: 6–7]. Царские воеводы зачастую предпочитали выполнять требования атамана, чтобы не вступать с ним в сражение, резонно сомневаясь в лояльности подчиненных им людей. Так поступил находившийся в Царицыне Андрей Дементьевич Унковский, который среди прочего передал казакам персидского купца со всем его имуществом. По всей видимости, тот нужен был С.Т. Разину как для получения информации о ситуации в персидских землях, так и для того, чтобы захваченными трофеями продемонстрировать своим людям, какие их ждут богатства в землях шаха [4: 81]. Те воеводы, которые попытались остановить «воровских казаков» или сделали вид, что стараются это сделать, успеха не имели, и С.Т. Разин в начале лета 1667 г. вышел на Каспий [4: 83]. Посланные за ним отряды действовали с большой неохотой, и казаки в итоге достигли первой цели своего похода – Яицкого городка [6: 50–52].

Имея сторонников в гарнизоне, атаман легко захватил его, применив хитрость в духе предводителя викингов Хастинга, в 860 г. захватившего итальянский город Луна [10: 244–246]. Хастинг, ложно приняв крещение и выдавая себя за смертельно больного человека, просил похоронить его в городском храме. С.Т. Разин упросил коменданта крепости стрелецкого голову Ивана Яцына дать ему и приближенным помолиться в городской церкви [8: 24–25]. Результатом в обоих случаях стал быстрый захват города. К тому времени, когда к крепости стали подтягиваться царские войска, разинцы успели закрепиться, и попытки выбить их из городка успехом не увенчались. Столь же тщетными были и уговоры

прийти с повинной к властям и вернуться на Дон. Мечта о богатой добыче не способствовала успехам агитации. Прибывших к нему с царской грамотой донцов С.Т. Разин принял и даже, собрав казачий круг, обещал в дальнейшем покаяться перед государем, но реальных подтверждений своей искренности не продемонстрировал. Имевшихся у него захваченных пленных стрельцов и ногайцев отпустить не пожелал. Более того, когда убеждать его повиниться перед властями приехал сотник московских стрельцов Микита Сивцов, казачий предводитель его «убил до смерти, ночью, и тело бросил в воду» [2: 8]. Официальные власти оказались бессильны предотвратить дальнейшие шаги лихого атамана. Всё, что они пытались сделать, это помешать расширению рядов его воинства, в которое готовы были устремиться в том числе и жители русского Притеречья [4: 111–112]. Время работало на С.Т. Разина, к которому стекалось всё больше сторонников.

Весной 1668 г. на Дону вновь усиливаются волнения, и часть казачества, преимущественно из «голытьбы», вдохновленная успехами удачливого атамана С.Т. Разина, двинулась через степи Северного Кавказа, по Куме и Тереку на соединение с его отрядом. Из Астрахани поступали тревожные сведения о появлении в гребенских станицах «воровских казаков». Попытки перехватывать такие группы заканчивались вооруженными столкновениями, далеко не всегда удачными для царских воевод. Посланные против казаков стрельцы нередко переходили на их сторону и шли под руку С.Т. Разина.

Происходящее расценивалось властями среди прочего и как угроза Терскому городу. Сюда были переброшены дополнительные силы, а местный воевода Пётр Семёнович Прозоровский получил указание привлекать для борьбы с разинцами князя Каспулата Муцаловича Черкасского и других присягнувших на верность русского государю местных владетелей [6: 57–58].

К марту 1668 г. казачий предводитель счел, что уже имеет необходимые силы для похода в Персию и покинул Яицкий городок. Он забрал с собой основные силы, но оставил в городке небольшой гарнизон, который должен был удерживать его как опорный пункт для казачьего войска. В дальнейшем правительственным силам удалось захватить этот оплот разинцев, что создало им определенные трудности в снабжении войска продовольствием и в получении пополнения.

Сам С.Т. Разин первоначально расположился со своими силами недалеко от Астрахани. Отсюда атаман двинулся на Терек, рассчитывая получить здесь новых добровольцев. Чувствуя за собой силу, казачий предводитель направил терскому воеводе и князю Черкасскому письма с пожеланием получить от них продовольствие и боеприпасы [8: 29]. Следующим шагом должно было стать вторжение в земли кызылбашей.

Нападениям подверглись прибрежные территории, расположенные между Дербентом и Баку. Здесь удалось захватить богатую добычу, окупавшую риски и трудности похода. Отряду разинцев пришлось выдержать ожесточенное сражение

у города Решта, разбив войска персидского шаха, но понеся при этом ощутимые потери. Изнуряли отряд и болезни, также влиявшие на его боеспособность. Всё это заставило С.Т. Разина вступить в переговоры с персидским правительством, у которого послы атамана просили выделения земли для постоянного проживания. Но договариваться с бунтовщиками шах не собирался и в итоге приказал заключить их в темницу [6: 59–60].

На решение шаха, видимо, повлияло полученное из Москвы послание, в котором северный сосед призывал истреблять «воровских людей» и выражал готовность оказывать в этом поддержку. Алексей Михайлович не скрывал опасений, как бы от действий разинцев «междо государств наших никакие противности и ссоры братственной любви нашей не было» [4: 105]. В данном обращении русский государь недвусмысленно давал понять, что возможная ссора будет на руку давним соперникам как Москвы, так и Исфахана («…люди как от салтана турского, так и от хана крымского не смирительны и всегда хотят вечную дружбу нашу порушить»), и выражал надежду на понимание персидской стороны [4: 106].

Нельзя исключать того, что затеянные казаками переговоры имели целью усыпить бдительность шахского правительства. В пользу этого вывода говорит тот факт, что еще до их окончания отряды С.Т. Разина продолжили разорять восточные прикаспийские провинции державы Сефевидов. Казаки высадились недалеко от города Ферабата и, выдав себя за купцов, проникли за его стены. Несколько дней они торговали и собирали сведения о наиболее богатых жителях, после чего захватили их имущество и благополучно покинули Ферабат. Следующей жертвой лихих набежчиков стал город Астрабат [2: 13].

Предстоящую зиму С.Т. Разин решил пересидеть на полуострове Миян-Кале (Мианкале), где казаки начали возводить укрепленный лагерь. Попытки шахских сил выбить их оттуда оказались тщетными. Но и для разинцев зимовка стоила новых потерь, особенно от болезней, распространившихся в их войске. Благодаря освобожденным полоняникам казакам удалось компенсировать свои потери, понесенные в боях против персов. Кроме того, они сами захватили немало «кизилбашских людей», впоследствии обменянных на русских невольников. Вступили в отряд С.Т. Разина «для воровства иноземцы, скудные многие люди» [2: 13]. О ком в данном случае идет речь, сказать сложно. Ясно лишь, что войско казаков представляло собою многоплеменное сообщество, при этом достаточно слаженно действующее и подчинявшееся воле своего предводителя.

Долгожданной весной 1669 г. поход продолжился. Вновь пройдясь вдоль восточного побережья Каспийского моря, атаман приказал повернуть на запад и устроил возле Баку новый укрепленный лагерь на острове Свином. Отсюда казаки приступили к новым нападениям. Терские воеводы сообщали в столицу, что «воровские казаки Стенка Разин, сшедся с Сережкою Кривым под Тарками, стояв дни с три, пошли под Дербень и под Шеврань, и Шеврань погромили, взяли ясырю

и живота и скотины… да теже казаки в Баке посады погромили, взяли ясырь и живот многой…» [2: 12].

Встревоженные персы спешно строили флот, привлекая для этого иностранных специалистов. Озвучивались цифры в полтысячи стругов, на которых люди шаха должны были преследовать и наказать дерзких северян.

В июне 1669 г. к Свиному острову двинулась персидская флотилия, которую вел «Астаринский Мамедыхан, а с ним шаховых и наемных людей кумычан и черкас горских в 50 сандалах с 3700 человек, и на том де бою воровские казаки Стенка Разин с товарыщи того хана и шаховых людей побили, и пушки и ружья поимали, а сына де его Шабалду в полон взяли…» [2: 13]. Но и самим казакам успехи стоили немало. Как сообщал один из разинцев, попавший в руки властей, в битвах и от болезней они потеряли до 500 человек. Среди павших упоминался атаман Сергей Кривой, который в свое время собирал для С.Т. Разина пополнение на Тереке.

Нагруженные добычей казаки приняли решение возвращаться на Дон и выдвинулись к Астрахани. По пути ими был захвачен бус, на котором шли с товарами стрелецкий голова Василий Пасынков с грузом шелка-сырца из Терского города и персидский купец Магомет Кулибек с товарищами, перевозивший, помимо собственного имущества, еще и подарки царю Алексею Михайловичу.

Появление на Волге казаков-победителей, к тому же не испытывавших пиетета к местной власти, могло спровоцировать социальное недовольство и сопутствующие ему эксцессы. Беспрепятственный проход С.Т. Разина на Каспий был чреват таким же, если не сказать больше – триумфальным, возвращением, а потому русское правительство начало усиливать гарнизоны приволжских городов дополнительными резервами.

Были обеспокоены и османы. Ходили упорные слухи, что следующий удар казаки нанесут по Азову. Здесь поспешно проводились фортификационные работы, усиливались караулы. В городе, ведущем активную торговлю и имеющем разветвленную сеть информаторов, не могли не знать о том, что прежний донской атаман К.Я. Яковлев – сторонник мирного сосуществования со своими крымско-турецкими соседями – был смещен. Он жаловался властям, что ныне у «казаков непостоянство стало большое и Великого Государя указу чинятся непослушны» [1: 392]. И теперь около 400 донцов, выбрав себе атаманом запорожского казака Бобу, направились на Куму, чтобы оттуда идти в станицы гребенцов и присоединиться к разинцам. Но точно знать о замыслах непредсказуемых «охотников за зипунами» никто не мог, а потому Азов оставался в тревожном ожидании.

Между тем московское правительство отдало распоряжение новому атаману Михаилу Самаренину сделать всё, чтобы не допустить новых переходов казаков на Волгу, закономерно опасаясь усиления числа сторонников С.Т. Разина. Потенциальные «воровские казаки» не скрывали, что собираются заниматься

там грабежами, причем их планы были даже радикальнее, чем действия самого С.Т. Разина. Они планировали не просто пройти мимо Царицына, а атаковать его, чтобы посчитаться с местными стрельцами, которые «казаков многих побили» [4: 127].

Узнав о появлении казачьих стругов под Астраханью, городской воевода Иван Семёнович Прозоровский принял решение не допустить их дальше на север. Навстречу разинцам был отправлен четырехтысячный отряд под командованием князя Семена Ивановича Львова, который должен был, действуя по ситуации, либо силой, либо уговорами остановить дальнейшее продвижение «воровских казаков», заставив их разоружиться. Узнав о приближении царского войска, разинцы предпочли отступить подальше от берега, не приняв боя. Тогда князь решил отправить своего человека на переговоры к атаману, снабдив его грамотой, в которой казакам обещали милость и прощение прошлых грехов перед властью. В свою очередь трое переговорщиков от С.Т. Разина прибыли в Астрахань к воеводе И.С. Прозоровскому, чтобы начать торг и оговорить условия своего примирения с правительством.

Споры разгорелись вокруг судьбы пленников, которые были захвачены разинцами на территории Московского царства и в Персии. Власти также пытались изъять у атамана его пушки и захваченные в походе ценности, а заодно переписать всех казаков. В большинстве случаев они получили категорический отказ, а на силовое решение пойти не осмелились. Успех атамана и наглядная демонстрация захваченных трофеев сделала С.Т. Разина кумиром не только для голутвы, но даже стрельцов, в надежности которых городские воеводы сомневались. «Астраханских служилых людей малолюдно и те шатки и к воровству склонны», – поясняли Москве свою беспомощность местные власти [8: 47].

Тем не менее удалось вызволить из плена часть иноземных подданных. «Шаховы области купчины Магомет Кулюбеков сын Сахан-Бет да ханов сын и иные полоненики, которые взяты в Астрахани у воровских казаков у Стенки Разина с товарыщи… отданы шаховым же купчинам», – отчитывался государю астраханский воевода. Необходимо было демонстрировать шахскому двору свою непричастность к казачьему разбою и пытаться хотя бы отчасти сгладить последствия «похода за зипунами».

В российском пограничье ожидали мести персов за погромы, устроенные на их территории. Из Астрахани в Москву сообщали о полученном из Терского города письме стольника и воеводы Петра Прозоровского, утверждавшего, что «кизылбашской де шах за разоренье воровских казаков Стенки Разина с товарыщи будто нынешние весны хочет посылать ратных своих людей под Терек войною…» [8: 53]. Аналогичная информация поступала и из других источников. Называлась даже численность неприятельского войска – 12 тыс. человек, а к ним должны были присоединиться и горские владетели, которые признали над собой власть шаха [8: 54].

К счастью, до войны дело не дошло, но осложнению отношений между государствами казачья экспансия способствовала. В пограничье постоянно копилась взрывоопасная протестная масса, что значительно затрудняло выстраивание диалога с соседними державами.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1645–1676. Т. IV. СПб., 1842.

2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб., 1857.

3. *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994.

4. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. I. 1666 – июнь 1670 гг. М., 1954.

5. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.

6. *Лебедев В.И.* Крестьянская война под предводительством Степана Разина (1667–1671 гг.). М., 1955.

7. *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

8. *Попов А.* Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

9. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958.

10. *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 244–246.

С.М. Багаутдинов, М.-П.Б. Абдусаламов

АХМЕД-ХАН МЕХТУЛИНСКИЙ – ОРГАНИЗАТОР РАЗГРОМА НАДИР-ШАХА АФШАРА В ДАГЕСТАНЕ в 1741 г. (по османской хронике «Тарих»)

Яркими примерами героической борьбы народов Дагестана против иноземных захватчиков являются Аймакинское и Андалальское сражения, которые произошли во время третьего похода Надир-шаха Афшара в Дагестан в 1741 г. Эти сражения, особенно Андалальское, не имевшее аналогов в истории Дагестана, окончилось сокрушительным поражением Надир-шаха, имело международное значение и высоко подняло статус дагестанских народов.

Между тем следует отметить, что выдающуюся роль главнокомандующего дагестанскими войсками сыграл кумыкский правитель Мехтулинского ханства[1] – Ахмед-хан Мехтулинский[2]. Согласно турецким источникам, именно он руководил всеми военными операциями в этих сражениях.

В данной статье на основе коллективного труда османских авторов XVIII столетия Сами, Шакира, Субхи и Иззи «Тарих» («История»)[3], изданного в 1783 г., мы рассмотрим роль Ахмед-хана Мехтулинского как организатора и руководителя в борьбе дагестанских народов против Надир-шаха Афшара, завершившейся полным разгромом персов в Андалальской битве 1741 г. Важно, что в своем совместном сочинении османские хронисты дают высокую оценку мужеству и полководческому таланту Ахмед-хана во время тех судьбоносных событий в истории Дагестана.

Они пишут, что «шах (Надир-шах Афшар (1736–1747). – *С. Б., М.-П. А.*) в конце 1153 г.[4] вернулся из Узбека (Бухарское ханство. – *С. Б., М.-П. А.*) и направился в сторону Дагестана. В дороге он отправил письма дагестанским правителям и требовал их подчиниться ему. В начале 1154 г.[5] он достиг Шемахи» [1: 220].

В это время ни один из дагестанских правителей не изъявил Надир-шаху покорность. По этой причине он отправил в Дагестан 10 тысяч узбекских воинов во главе с Хайдар-беем. Пока Хайдар-бей продвигался к Демиркапы (Дербент. – *С. Б., М.-П. А.*), он встретил небольшой отряд дагестанских воинов и вступил с ним в сражение. После этого столкновения он достиг Дербента и превратил его в военный лагерь.

Отсюда Хайдар-бей организовал нападения на селения Усуми-хана[6] (уцмия. – *С. Б., М.-П. А.*), угнал крупный рогатый скот и «разграбил еду». Но он не смог выполнить то, что от него требовал Надир-шах. После этого «Гроза Вселенной» на усиление послал еще 20-тысячное войско под командованием Лютф-Али-хана. Направляясь в Демиркапы, Лютф-Али-хан потребовал от уцмия продовольствие и сальяне[7]. Но Усуми-хан отверг это требование. Тогда, как сообщали османские хронисты Сами, Шакир, Субхи и Иззи, Лютф-Али-хан и Хайдар-бей покинули Демиркапы, чтобы разорить посевы и угнать скот на землях уцмия. Они вошли «во владения Усуми-хана, выкопали метрис, построили земляной ров для своей защиты» и использовали его как опорный пункт-плацдарм для

[1] Известное в источниках также как Дженгутаевское владение.

[2] Более известный в турецких источниках как Ахмед-хан Дженгутаевский.

[3] Выражаем особую благодарность нашему турецкому другу, ученому-историку, коллеге И. Бюльбюлю за перевод данной работы с османского на турецкий язык.

[4] В тексте «Тариха» указан 1741 г.

[5] Здесь ошибочно указан 1742 г. вместо 1741 г.

[6] Имеется в виду уцмий Ахмад-хан Кайтагский (1711–1750), правитель Кайтагского уцмийства.

[7] Сальяне – это ежегодный налог с некоторых провинций Османской империи, который доставляли в Стамбул.

дальнейших походов вглубь Дагестана. Часть своих сил Лютф-Али-хан и Хайдар-бей отправили сюда, чтобы грабить окрестности. Против них уцмий собрал из верных ему людей небольшой отряд воинов. Как свидетельствовали Сами, Шакир, Субхи и Иззи, силы Усуми-хана были направлены, прежде всего, против Лютф-Али-хана. При этом отряд уцмия не понес никаких потерь в этом бою, продолжавшемся около двух дней. Что касается Лютф-Али-хана, то его потери составили 30–40 человек. Шахские военачальники Лютф-Али-хан и Хайдар-бей покинули свое место дислокации и со своими войсками проникли на территорию шамхальства Тарковского со стороны Хазарского (т.е. Каспийского) моря. На этом они не остановились. Продолжая наступление, Лютф-Али-хан и Хайдар-бей проникли в земли Ахмед-хана (Дженгутаевского), «зятя Усуми-хана». Здесь они учинили погром сельскохозяйственных угодий и садов Ахмед-хана Мехтулинского.

Тем временем сам Надир-шах вторгся в Дагестан и остановился «во владении Серхай-хана»[1]. Лютф-Али-хан в это время находился в землях Ахмед-хана Мехтулинского. Шах вновь отправил своего посланника к Усуми-хану с требованием подчиниться ему. В местности под названием Копач, по сведениям османских хронистов, Усуми-хан основал крепость, где под его командованием находилось 15-тысячное войско. Уцмий повторно отклонил шахский ультиматум, и тогда Надир-шах снарядил против «Усуми-хана 24-тысячное войско под командованием афганских ханов Ата-хана, топчибаши Мехмед-Яр-хана и ясакчибаши Халил-хана» [1: 220].

Кроме того, шахское войско было усилено 4 бальемезами[2], 13 шахи зарбзенами[3] и 4 хумбарами[4]. После восьмидневного сражения между войсками Надир-шаха и уцмия, когда последний был близок победе, «Серхай-хан отправил письмо Усуми-хану», в котором заявил, что к шаху был отправлен посланник от багдадского наместника Ахмед-паши и было подписано соглашение между шахом и Османским государством. После этого, как свидетельствовали авторы Сами, Шакир, Субхи и Иззи, «Усуми-хан отправился к шаху и встретился с ним». При встрече уцмий понял из действий Надир-шаха, что такого договора на самом деле не было, и шах оставался, как и прежде, противником османов. Далее, по сведениям османских хронистов, «Усуми-хан оставил шаха под предлогом и прибыл в свой старый замок Карыш». Он известил о сложившейся ситуации своего зятя Ахмед-хана Дженгутаевского. Тот в свою очередь спровоцировал на военные действия шахских военачальников Лютф-Али-хана и Хайдар-бея, находившихся в его владениях. Ахмед-хан развернул военные действия против них

[1] Сурхай-хан Казикумухский (1700–1741) – правитель Казикумухского ханства.

[2] Бальемез – вид крупных осадных пушек известных с XVI в.

[3] Шахи зарбзен – полевое орудие больших калибров.

[4] Хумбара – разновидность гранаты или бомбы из железа или бронзы, круглой формы, начиненной взрывчатым веществом и бросаемой из миномета или вручную.

в ущелье «Аймки-Умуки» (Аймаки. – *С.Б., М.-П.А.*) и разгромил их. Это была засада, устроенная Ахмед-ханом Мехтулинским по классическим канонам военного дела. Лютф-Али-хану удалось спастись вместе с небольшой горсткой своих воинов [1: 220].

После блистательной победы в Аймакинском сражении, по словам османских хронистов, «Ахмед-хан взял с собой своих воинов со стороны Авара[1]» и выступил против Надир-шаха. Ахмед-хан сообщил о своих действиях своему тестю, уцмию Кайтагскому, который также выдвинулся против шахских военачальников Ата-хана, Мехмед-Яр-хана и Халил-хана со своим войском. Две армии сошлись в смертельной схватке «в день Джума в долине Кёйлю». В сражении, продолжавшемся до вечера, уцмий разгромил шахское войско. Он захватил сановников шаха и более тысячи женщин. В бою погиб и шахский военачальник Халил-хан. В качестве трофея была захвачена вся артиллерия, боеприпасы и амуниция. Войска же других военачальников Надир-шаха Ата-хана и Мехмед-Яр-хана были рассеяны и находились в плачевном состоянии [1: 220–221].

Между тем Усуми-хан узнал, что с небольшим посольством к Надир-шаху были отправлены дорогие дары из Индии. По иронии судьбы, это посольство прошло недалеко от места сражения. Уцмий незамедлительно послал за ними воинов из Кайтага. Те, кто нес подарки, были убиты, а сами сокровища и дары, принадлежавшие шаху, захвачены. В сокровищнице оказалось 40 тыс. золотых монет под названием «эшрефи-йи кебир», различные украшения, другие различные подарки и лошади [1: 220–221].

С другой стороны, Ахмед-хан Мехтулинский выступил против Надир-шаха с войском, собранным из аварцев и других дагестанских воинов. Как писали хронисты Сами, Шакир, Субхи и Иззи, когда это войско приблизилось к области под названием Авар, шах находился от них на расстоянии трех выстрелов. Армия «Грозы Вселенной» Надир-шаха атаковала села Андалальского союза сельских обществ: Саграт, Муха, Убик и Чок (села Согратль, Мегеб, Обох и Чох соответственно). Ахмед-хан Мехтулинский, будучи опытным полководцем, заранее послал воинов во все четыре села. По сути, они были готовы с оружием встретить врага. Сражение длилось пять дней. В конце концов Надир-шах собрал все свои силы и приказал воинам двинуться в решающий бой. Одновременно с этим Ахмед-хан Мехтулинский также собрал дагестанских воинов под своим начальством и лично выступил против главных сил Надир-шаха. Безусловно, одно только присутствие Ахмед-хана Мехтулинского на поле боя придало дагестанцам храбрости, воодушевило их сражаться до последнего [1: 220–221].

Финал Андалальской битвы 1741 г. известен. В научной литературе имеется немало сведений об этом кровопролитном сражении. Надир-шах, прославленный полководец Востока, полностью проиграл битву. У села Саграт персы потеряли 5 тыс. опытных джалаирских воинов. Они не добились успеха в борьбе

[1] Авар – область, населенная аварским народом.

против «Исламских Газиев» (т.е. дагестанцев). Османская хроника XVIII столетия «Тарихи» Сами, Шакира, Субхи и Иззи ясно показывает определяющую роль Ахмед-хана Мехтулинского как полководца и организатора разгрома персов в Андалальской битве 1741 г. К сожалению, сведения из этого источника игнорируются некоторыми дагестанскими историками, стремящимися, опираясь на данные фольклора, показать ведущую роль в Андалальском сражении сына Сурхай-хана I Казикумухского Муртазали.

Вследствие сокрушительного поражения Надир-шаха в горах Дагестана его армия отступила к горной дороге и была деморализована. Персы отказались от дальнейшего бесперспективного боя. Ахмед-хан Мехтулинский не был удовлетворен победой, одержанной в Андалальской битве. Он хотел полностью сокрушить Надир-шаха. Ахмед-хан Мехтулинский преследовал отступавшие шахские войска. Настигнутым неприятелем персам ничего не оставалось, как вновь вступить в бой. И когда войска шаха ввязались в сражение, случилось, что две армии отделились друг от друга. Тогда персидскую армию охватил страх, и шахские воины ночью обратились в бегство. По свидетельству Сами, Шакира, Субхи и Иззи, персы «вошли во владения Серхай-хана, взяли его с собой, покинули Дагестан и пришли в место под названием Хазра (Хазере), где пытались оказать сопротивление народу Дагестана… Шах пробыл здесь два года и продолжил борьбу против них. Однако успеха он не добился и уехал из Дагестана с грустью о невозможности его покорить. Таким образом, с Дагестана было снято тяжелое бремя» [1: 220–221].

Далее авторы «Тариха», отметившие героизм Ахмед-хана Мехтулинского в борьбе с Надир-шахом, сообщают: «Благодаря борьбе Ахмед-хана за религию и его мужество ему османским султаном было пожаловано ханство в сентябре (октябре) 1153 г. Его положение усилилось за счет ханства. Кроме того, ему в подарок были переданы почетный соболиный кафтан, шимшир (меч), и 50 тысяч куруш» [1: 221]. Никто из дагестанских предводителей, участвовавших в Андалальском сражении или в борьбе против персидских завоевателей, не был так щедро вознагражден, как Ахмед-хан Мехтулинский.

Сочинение османских авторов XVIII столетия Сами, Шакира, Субхи и Иззи «Тарих» убедительно показывает, что Ахмед-хан Мехтулинский внес решающий вклад в крушение экспансионистских планов Надир-шаха Афшара в Дагестане. Полководческие и организаторские качества мехтулинского правителя, ярко проявленные в Андалальской битве 1741 г., позволили ему как главнокомандующему не просто консолидировать силы народов Дагестана, но и умело направить их в организованное русло. Из сочинения «Тарих» мы видим, что Ахмед-хан Мехтулинский не остановился на достигнутой блистательной победе в Андалальском сражении, а продолжил борьбу против Надир-шаха Афшара до полного его краха и изгнания захватчиков с территории Дагестана. Во многом благодаря незаурядному полководческому таланту Ахмед-хана Мехтулинского битва при Андалале

1741 г. завершилась триумфом непокорных народов Дагестана над войсками прославленного полководца Востока XVIII в. Надир-шаха.

Источники и литература

1. [*Сами, Шакир, Субхи ве Иззи*]. Тарих. Истанбул, 1198/1783.

А.Х. Курмансеитова

НОГАЙЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 гг.

В период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. ногайско-русские отношения являлись значимой частью внешней политики России и Турции и во многом зависели от ситуации, сложившейся между ними. Во второй половине XVIII в. на международной политической арене геополитические интересы Российской империи столкнулись с интересами западноевропейских и восточных государств в борьбе за обладание акваторией Чёрного моря, территорией Крыма и Северного Кавказа. В 60-х гг. XVIII в. перед Россией стояла важная задача – выход русского флота в Чёрное море, присоединение украинских и белорусских земель к России.

В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (далее – АКАК) опубликованы документы, характеризующие военно-политическое положение ногайцев Закубанья в период Русско-турецкой войны 1769–1774 гг. Однако эти артефакты не дают возможность воссоздать полную картину присоединения ногайцев Северного Кавказа и Крыма к Российской империи, поэтому в статье использованы материалы из исторической литературы.

В историографии новейшего времени рассмотрено военно-политическое положение ногайцев Северного Кавказа в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Б.-А.Б. Кочекаев при изучении данной проблемы обратил внимание на уход ногаев Едисанской, Буджакской, Джембойлукской и Едичкульской орд из турецкого подданства и их вступление под покровительство Российской империи [6: 161–260]. Он рассмотрел также два проекта (1771 и 1782 гг.) по созданию самостоятельного ногайского ханства в эпоху правления Екатерины II и показал причины, почему они не были реализованы [6: 178, 179–180]. Б.-А.Б. Кочекаев считал, что Османская Порта пыталась использовать «ногайские орды в качестве форпоста и пушечного мяса в своих корыстных антирусских целях», но в то же время Россия для ослабления Турции хотела увести Крым и ногайские орды из подданства османов и создать из них независимые области [6: 163–191]. Кроме того, историк отметил и желание самих ногаев уйти из-под покровительства Османской Порты к России и получить от нее защиту.

Е.И. Дружинина изучила решение судьбы ногайцев Северного Причерноморья и степного Крыма по материалам Бухарестской конференции и Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. [3: 183–277].

Ростовские историки сообщили краткие сведения о положении ногайцев Дона и Кубани в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Так, в 1770 г. на территорию между Доном и Кубанью были переселены 30 тыс. ногайцев из Буджака (Бессарабия) [2: 37–38].

Д.С. Кидирниязов исследовал использование ногайских аманатов (заложников) в Кавказской войне как один из инструментов давления на знатных ногайцев, а также ввел в научный оборот значимые документы, раскрывающие некоторые аспекты военно-политического положения ногайцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [5: 433–448]. Он сообщил сведения об отказе полководца П.И. Панина ногайцам, бывшим в подданстве Турции, перейти через Буг и Днепр для соединения с едишкульцами и джембойлуками, находившимися на территории Российской империи [5: 435]. Чиновник мотивировал это тем, что «знатные ногаи» могут быть наказаны за нарушения клятвы и казнены султаном.

Следует отметить, что в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. агенты Порты постоянно агитировали кавказских мусульман уйти из подданства России. Так, под влиянием турецких агентов кубанские ногайцы в 1767 г. стали уговаривать ногайцев, кочующих около Кизляра, находившихся в подданстве Российской империи, переместиться на Кубань и стать подданными Турции. Но в то же время буджакские ногайцы, находившиеся в вассальной зависимости от Крымского ханства, в 1768 г. проявляли ярую ненависть к туркам и отказывались им уступать дорогу, из-за чего между ними происходили столкновения [3: 44].

Австрия и Франция активно подталкивали Османскую Порту к войне с Российской империей. Под давлением Франции Турция в сентябре 1768 г. объявила войну России, но военные действия начались лишь в 1769 г. одновременно на Балканах и Кавказе, в Подолии и Приазовье. Турки предполагали использовать мусульман Северного Кавказа на своей стороне и настраивали их на войну против русских.

С начала Русско-турецкой войны все военные и дипломатические действия «направлялись Советом при высочайшем дворе». Так, 6 ноября 1768 г. на втором заседании Совета были определены основная цель войны и содержание мирного договора с Турцией в предстоящей войне [3: 109]. Государственный совет поставил задачу добиться выхода русского флота в акваторию Чёрного моря, также было принято решение в ходе войны учредить русский порт и крепости в Крыму [3: 109].

В январе 1769 г. крымский хан Крым-Гирей совершил военный поход на Украину. В 1769 г. войска Первой русской армии одновременно заняли Хотин и проникли в Молдавию, а затем взяли Азов, считавшийся нейтральным. Тогда

ногайцы, бывшие в подданстве крымского хана, стали переходить на сторону России [7: 353]. Полководец П.А. Румянцев 9 октября 1769 г. сообщил Екатерине II о намерении части ногаев перейти в русское подданство. 15 октября 1769 г. делегация из 500 ногайцев приезжала в Фальше во главе с мурзой [3: 108]. Ногаи, проживавшие и в других частях Крымского ханства, также изъявляли желание перейти к русским. Командующий Второй русской армией П.И. Панин и губернатор Слободско-Украинской губернии Е.А. Щербинин через запорожских казаков, владевших ногайским языком, вели активную агитацию среди ногаев об их переходе на сторону России [3: 108].

2 июля 1769 г. генерал-майору Иогану Фридриху де Медему было поручено управление кабардинскими делами и дано предписание действовать в Кабарде «наступательно» [1: 82]. Он, прежде чем принять управление Кабардой в свои руки и прибыть на место службы, встретился с наместником Калмыцкого ханства Убаши. Генерал-майор де Медем с русским войском и Убаши с 20 тыс. калмыцких воинов переправились на нагорную часть Волги и настигли неприятеля. 29 апреля 1769 г. битва русских и калмыцких войск с объединенными отрядами кабардинцев и закубанцев состоялась на р. Калаус. В этом сражении объединенные войска русских и калмыков во главе де Медемом одержали победу [1: 83].

Турецкая армия в октябре 1769 г. была вынуждена уйти с территории Украины за Дунай, оставив ногайские орды, живущие между Дунаем и Днепром [6: 165]. Этой ситуацией воспользовался командующий Второй русской армией П.И. Панин, который направил к ногайцам эмиссаров, убеждавших их о выходе из турецкого подданства. Он мотивировал их тем, что Россия всегда готова к избавлению любого народа от турецкого ига.

Русские войска под командованием П.А. Румянцева в 1770 г. нанесли поражение объединенным турецким и крымским войскам, по численности значительно превосходившим русскую армию [7: 353]. В этот год был уничтожен турецкий флот в сражениях в Хиосском проливе и Чесменской бухте.

15 марта 1770 г. Совет при высочайшем дворе принял решение, что не следует добиваться включения Крыма в состав России, достаточно будет, если турки согласятся на его полное отделение от Османской империи и предоставят ему независимость [3: 109]. Русское правительство предполагало, что, когда крымчане станут независимыми, граница с Турцией отодвинется и исчезнет препятствие для перевода русских войск через Дунай, а справа от русских будут ногаи, независимые от Турции [3: 109–110].

Российское правительство, узнав о желании ногаев отделиться от Турции, стало предполагать возможность занятия территории Крыма русскими войсками, и тогда был практически поставлен вопрос о дальнейшей судьбе Крымского ханства [3: 109]. В 1770 г. русские войска заняли Крым, правительство стало настаивать о предоставлении Крымскому ханству статуса независимого государства. В декабре 1770 г. буджакские и едисанские ногайцы были уже в полном союзе

с Россией, они искали повод для выхода из подданства Крыма, но Османская империя выставила несколько лодок в Еникале, чтобы препятствовать выходу едишкульских и джембойлукских ногайцев из Крыма на Кубань [5: 441].

В ситуации, когда турецкий флот господствовал в Азовском и Чёрном морях, а Крым оставался в подданстве Турции, для России существовала угроза захвата турками Азова и Таганрога и лишения Второй русской армии главной военной базы [2: 20–21]. Поэтому в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. для российского правительства важно было предоставление независимости Крымскому ханству и заключение с ним союзнических отношений [2: 21]. В решении данной проблемы значимая роль отводилась Прикубанью, особенно после 1771 г., когда туда были переселены джембойлуки, едисаны, буджакские ногаи, они первыми отделились от Порты и заключили союз с Россией [2: 21]. Русские войска заняли все стратегически важные пункты в Крыму, и крымскому хану был предъявлен ультиматум: если Крым не уйдет из подданства Турции, то Россия отделит ногайцев от Крыма и создаст для них самостоятельное государство. Когда перед Крымским ханством возникла угроза потери Прикубанья, под давлением русских войск, введенных в 1770 г. на территорию Крыма, хан вынужден был согласиться уйти из подданства Турции [2: 21]. Так русское правительство вывело Крымское ханство из подданства Османской Порты и нейтрализовало Крым, уже не представлявший угрозу Российской империи, и в то же время отпала необходимость создания независимого Кубанского ханства для ногайцев.

В то же время Турция не признавала независимость Крыма и еще предполагала вернуть себе полуостров, территории Северного Кавказа и юга России. Поэтому турецкие эмиссары с призывами не подчиняться русскому правительству разъезжали среди мусульманских народов Северного Кавказа. Генерал-майор де Медем в рапорте от 25 мая 1771 г. сообщил, что к находящимся в ведении подполковника Стремоухова «новосоюзным татарским ордам» были подосланы кабардинские уздени, чтобы уговорить ногайцев, находящихся в российском подданстве, отколоться от России и соединиться с ними [1: 87]. Едисанский мурза Джан-Мамбет принял их предложение. Турецкие агенты часто появлялись в Кабарде и в закубанских ордах. Они проводили частые собрания и переговоры, чтобы ногаи, как мусульмане, воевали на стороне турецкого султана.

Полковник Бринк сообщил, что хан Девлет-Гирей с турецким войском в 1771 г. прибыл к абхазским пристаням. По сведениям пристава Кабарды премьер-майора Таганова, 24 тыс. турецких воинов перешли «по сю сторону Кубани» и находились в г. Тамани. Едисаны, «белогорцы» (имеются в виду аккерманские ногаи. – *А. К.*) и прочие народы, кроме кабардинцев, выбрали над собой сераскиром султана Казы-Гирея, родственника крымского хана, чингизида [1: 87].

Губернатор Слободско-Украинской губернии Е.А. Щербинин в своих переговорах с татарами и крымскими ногаями добивался их согласия на независимость от Порты. Дипломат А.М. Обресков считал, что Россия имела право распоряжаться

судьбой Крыма. Он ссылался на то, что, во-первых, значительная часть крымских ногаев состояла из ногайских племен, выходцев из Российской империи, а во-вторых, русские имели «право завоевания», относящееся к остальному населению Крыма [3: 201].

В ходе рассмотрения проекта Бухарестского мирного договора ногаи и крымские татары обещали, что их войска ни с кем в союзе против русских не будут выступать. Россия брала на себя ответственность за независимость Крыма, считала необходимым иметь в Крыму «запасное войско и суда» и оставляла за собой крепости Керчь и Еникале. Крымским татарам и ногаям разрешалось иметь при Еникале перевоз для связи с народами, живущими на кубанской стороне [3: 205].

12 ноября 1770 г. в статьях 8 и 9 Бухарестской конференции было сказано о необходимости сохранения прежних границ Крымского ханства как на «Кубанской стороне», так и к северу от Перекопа. В документе было учтено, что «за Перекопом крымская степь по границы Российской империи, бывшие до настоящей войны, то есть начиная от вершин речек Берд до их устьев оных» по-прежнему находились во владении крымских жителей (т. е. ногаев. – *А. К.*) [3: 205]. Однако в договоре не упоминались территории к западу от Днепра, до войны принадлежавшие Крымскому ханству, ранее на этих землях еще до Русско-турецкой войны жили ногаи, позже переселившиеся на Кубань [3: 205]. Россия для безопасности русских границ в данном регионе эти территории предполагала оставить «пустопорожними».

В 1768–1774 гг. русское правительство упорно добивалось предоставления независимости Крымскому ханству и заключения с ним союзнических отношений [2: 21]. В этом проекте большое значение придавалось Прикубанью, особенно после переселения туда в 1771 г. с левого берега Днепра ногаев: едисан, буджак, джембойлук, ушедших от Порты в 1770 г. и первыми заключивших союз с Россией [2: 21]. Русские дипломаты с особой настойчивостью добивались самостоятельности Крымского ханства во время проведения Бухарестского конгресса (29 октября 1772 г. – 9 марта 1773 г.). 10 января 1773 г. А.М. Обрескову на этом конгрессе русское правительство дало предписание на переговорах уступить Турции все города и крепости на Кубани за исключением только Тамани, необходимой крымским ногаям для общения с ногайскими ордами на Кубани [3: 215]. Кроме того, А.М. Обрескову рекомендовали «отпотчевать Порту с одними кубанскими крепостями», но Тамань обязательно должна была оставаться в собственности крымских татар и ногаев [3: 238].

Русское правительство на 27-й конференции в Бухаресте (1773 г.) предъявило Порте ультиматум: дать независимость крымским татарам и ногаям с передачей им всего Крымского полуострова, за исключением Керчи и Еникале, которые должны были остаться за Россией; Турция была обязана признать Азов «со всем уездом совершенно принадлежащим» России; передать в собственность России Кинбурун и разрушить Очаков [3: 240]. Но Османская Порта была категорически

против закрепления черноморских портов за Россией и предоставления независимости крымским татарам и ногаям, она не хотела терять Крым как важный плацдарм в борьбе за Северный Кавказ и Юг России. Турция направляла своих агентов для привлечения на свою сторону мусульман Крыма и Северного Кавказа. В 1774 г. кабардинцы на российских границах продолжали совершать набеги на русскую территорию, кроме того, агенты из Турции и Кабарды проводили агитационную работу среди ногайцев, чтобы они выступили на стороне турецкого султана против русских. Подполковник Стремоухов сообщил генерал-поручику де Медему, что четыре «новосоюзные» ногайские орды: Едисанская, «Белогородская», Едишкульская и Джамбалуцкая – не надежны в верности Российской империи [1: 87].

Турки, несмотря на поражение на Северном Кавказе и в Крыму, предполагали вернуть Закубанье как удобный плацдарм для похода на Крым и рассчитывали на поддержку единоверцев, но они не были поддержаны мусульманами Северного Кавказа. Русские войска в Закубанье, поддержанные ногаями, одержали несколько побед, но местные народы никакой помощи туркам не оказали.

Турецкие войска 11 июня 1774 г. под предводительством крымского хана Девлет-Гирея прибыли на р. Малку. Здесь к ним присоединились «абазинцы, бесленейцы, темиргойцы», весь кубанский народ и ногайцы. Едишкулы, джембулуки, едисаны рассеялись по степи и небольшими партиями подъезжали к самым стенам Моздока, но из-за предосторожности не причиняли никакого вреда [1: 87]. Объединенные войска османов и татар летом 1774 г. вторглись в Кабарду, обойдя Моздок, и напали на ст. Наурскую, но были отбиты казаками. Затем русские войска, поддержанные ногайцами и кабардинцами, разгромили войска противника [4: 441].

Русская армия во главе с П.А. Румянцевым в июне 1774 г. переправилась через Дунай. В сражении при Козлудже войска под командованием А.В. Суворова нанесли сокрушительный удар туркам. Визирь не имел возможности собрать воедино разбитые на части турецкие войска, русские вплотную подошли к Шумле, передовые отряды продвинулись за Балканы [7: 362]. Положение турецкой армии стало безвыходным, и Порта была вынуждена заключить мир.

10 (21) июля 1774 г. в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор между Россией и Турцией. По результатам этого договора России были переданы Керчь, Еникале и Кинбурун [7: 362]. Кроме того, Российская империя получила возможность строительства флота на Чёрном море, однако при этом Порта не пропускала русские военные корабли через проливы Босфор и Дарданеллы. В мирном договоре 1774 г. Крымское ханство было объявлено независимым, но религиозная зависимость татар от турецкого султана сохранялась, что позволило Турции вмешиваться в крымские дела [7: 362].

Третий артикул Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) всем татарским народам: крымским, буджакским, кубанским, едисанцам, джембулукам

и едишкулам – предоставил волю и независимость от какой бы то ни было власти, кроме власти их собственного хана чингизида, избранного и возведенного на трон всем татарским обществом [3: 350].

Следует отметить, что в период Русско-турецкой войны 1769–1774 гг. некоторые жители Кавказа поддерживали Россию, вступали в ее войско и оказывали помощь русским. Так, с помощью ногайцев русские войска захватили турецкую крепость Копыл [4: 440].

В ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. ногаи из родов едисан и буджак, в 1770 г. переселившиеся из Бессарабии на правобережную сторону Кубани, были признаны независимыми от Оттоманской Порты и от Российской империи. В первой половине XIX в. еще продолжалась война России за присоединение территории Закубанья и народов, ее населявших. В конце XVIII – первой половине XIX в. началось постепенное введение институтов российского государственного управления в регионах проживания ногайцев Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Т. I. Тифлис, 1866.

2. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д., 1977.

3. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

5. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000.

6. *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / ред. А.И. Баранович и др. М., 1956.

А.В. Венков

САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ[1]

Донские казаки еще задолго до начала Кавказской войны служили на Кавказе и принимали участие в боестолкновениях с горцами. Сначала это была

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 12401200178-4.

пограничная служба, и донские казаки высылали обычно тысячную команду в Кизляр. Остальная часть границы пролегала к северу от Кубани, в степной зоне. Сюда казаки регулярно высылали по несколько полков (обычно четыре полка, 2000 всадников) на 3–4 года.

Иногда в пограничную зону совершались кратковременные «поголовные походы». Так, в 1783 г. донские казаки были посланы в «поголовный поход» против ногайцев. Выступили 13 донских полков во главе с А.В. Суворовым, которые разгромили на Кубани ногайскую орду [10: 112–113], и в Черкасске, столице донских казаков, 4 тыс. ногайцев были проданы в рабство. Это был последний зафиксированный случай работорговли на Дону.

Кроме того, в XVIII в. Прикубанье и предгорья Кавказа всякий раз становились театром военных действий, как только начиналась очередная русско-турецкая война. На Дону проводилась мобилизация, и на этот театр военных действий опять-таки приходили донские полки.

Однако каких-либо сведений о больших санитарных потерях у казаков в это время нет. Донцы обычно стояли в привычной им степной местности, а походы в предгорья или в горы были достаточно кратковременны и носили характер набегов.

Каждая русско-турецкая война заканчивалась очередным перенесением границы южнее и южнее. Затем включение Грузии в состав Российской империи радикально изменило театр неизбежных военных действий.

После войн с Ираном и Турцией в 1827–1829 гг. донских казаков стали чаще посылать в Закавказье для охраны новых границ с этими государствами. Так, в 1833 г. за Кавказским хребтом стояли девять полков донских казаков, а к северу от хребта – четыре полка [3: 53]. Климат Закавказья радикально отличался от климата привычных казакам донских степей, и долговременная – по 3–4 года – служба здесь вызывала вспышку заболеваний и смертей.

На Северном Кавказе русские укрепления вклинились в горы, разделяя недружественные России и друг другу народы. С целью закрепления территории правительство организовало на Линии казачьи поселения.

Боевые действия стали постоянными. Донские казаки то охраняли «мирных» горцев от «немирных», то прикрывали массовую вырубку лесов, создание просек, то участвовали в экспедициях и набегах, зачастую это делалось с целью подрыва хозяйства «немирных селений». И здесь резко возросло количество смертей.

По разным подсчетам, в Кавказской войне (1818–1864) приняли участие 118 донских казачьих полков, что составляет примерно около 100 тыс. казаков, а если учесть военные действия до этого периода и русско-турецкие войны, которые всякий раз протекали на Кавказе или в Закавказье, то в сумме получается 226 тыс. донских казаков [4: 29].

Когда на Кавказ прибыл в качестве наместника граф М.С. Воронцов, количество донских полков здесь резко увеличилось. В 1846 г. одновременно на Северном

Кавказе и в Закавказье находились 19 донских полков [3: 175]. Такое же количество донских полков перед Первой мировой войной несло срочную службу в целом во всей Российской империи.

В сознании донских казаков служба на Кавказе отложилась как безрадостная, тяжелая, полная опасностей. Смерть от «обыкновенных болезней» стала заурядным явлением.

Власть осознавала проблему и пыталась ее решить. Так, известно, что в 1843 г. в войсках Кавказского корпуса русской армии умер каждый седьмой военнослужащий, а в 1852 г., благодаря целенаправленной деятельности наместника, – лишь каждый двадцатый [1: 153].

В.А. Потто в своем труде «Кавказская война» связывал высокую смертность казаков с климатом: «Десятками ложились они в одиночных боях с врагом, к которому не успели еще приглядеться, сотнями погибали от климатических условий, ломавших самые крепкие железные натуры, – и, таким образом, на глазах у всех исчезла и падала боевая казацкая сила» [11: 311]. Бросается в глаза приведенное автором соотношение потерь: десятки погибали в боях и сотни умирали от условий климата.

А.Т. Урушадзе в статье «Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников» приводит страшную статистику: «соотношение боевых и небоевых (болезни и эпидемии) потерь примерно равнялось 1 : 15... то есть на одного казака, погибшего в схватке с горцами, приходилось 15 умерших от болезней в лазаретах Тифлиса, Ставрополя, Георгиевска и Эривани» [12: 1346].

Обратившись к полковым книгам полков, ушедших служить на Линию или в Закавказье, мы найдем подтверждение этим данным.

Полк № 26 полковника П.Н. Кумскова стоял в укреплении Воздвиженском в 1843–1847 гг. За это время убыль составила два урядника и 94 казака, из них убито 16. В полку было 17 георгиевских кавалеров [6: 30 об. – 31]. То есть казаки полка активно сражались, число погибших практически равно числу награжденных, но главные потери казаки несли не в сражениях. Гибель всех 16 казаков относится к 1846 г. В том же году полк понес следующие потери: бежал – 1, умерли от ран – 3, умерли «от обыкновенных причин» – 6, умерли «самопроизвольно» – 20 [6: 30 об. – 31].

Такое соотношение явно не 1 к 15, но умерло больше, чем убито. Кроме того, требуют объяснения слова «от обыкновенных причин» и «самопроизвольно».

В 1851 г. вернулся из Грузии, с иранской границы, полк А.П. Хрещатицкого № 37, который не участвовал в боях, а ловил контрабандистов. Убитых в полку не было. Умершими полк потерял четырех офицеров (двух есаулов и двух сотников), четырех урядников и 132 казака (из них два казака умерли от ран, полученных в перестрелке с контрабандистами). Еще три офицера, три урядника и 26 казаков остались в Грузии в госпиталях [3: 264].

Еще один полк привлекает наше внимание. Это полк № 40, находившийся «на левом фланге» Линии, в Чечне, с 1847 по 1851 г. Полк отслужил не положенные по регламенту 3–4 года, а 5 лет, так как его вовремя не сменили из-за войны в Венгрии. Убитых за время службы в полку было семь, от ран умерли шесть казаков, от холеры – 17, а от пресловутых «обыкновенных болезней» потери составили: два офицера, два урядника и 55 казаков. Больше всего казаков – 19 человек – умерло в 1849 г., на третий год службы, когда объявили, что из-за войны в Венгрии не будет смены [3: 297]. Налицо психологический фактор.

Этот фактор всегда играл большую роль в прохождении военной службы. Например, в мае 1841 г. на границу с Пруссией выступил донской казачий № 36 полк полковника М.А. Родионова в составе 890 человек. Полк стоял на границе недолго и вернулся на Дон 30 декабря 1843 г. За время службы в полку умерло 40 казаков, из них 10 были калмыками. Из последних шесть умерли в 1843 г. – на последнем году службы. Тем не менее командир полка полковник Родионов был отдан под суд «за беспорядки и злоупотребления по командованию им полком № 36» [7: 15–15 об.]. Так что, помимо психологического фактора, имели место и злоупотребления.

И одна очень важная деталь: в 1850 г. казак уже упоминавшегося полка № 40 Пантелей Пучков «умер от цинготной» [3: 198]. Цинга… Авитаминоз… Можно ли человеку на Кавказе умереть от цинги? Да. Если его не кормят.

В годы Кавказской войны в России шел процесс первоначального накопления капитала, резко увеличилось число хищений и злоупотреблений. Это относилось и к Войску Донскому, где имущественное и социальное расслоение оформились задолго до Кавказской войны. Меньшинство стало без зазрения совести обирать братьев-казаков, большинство, соответственно, стало разоряться.

Сам донской атаман упрекал служащих на Кавказе офицеров за то, что они «находили себе стол в общем котле со своими подчиненными» (цит. по: [12: 1342]), то есть питались за счет рядовых казаков. Как писал Г.И. Филипсон, наказной атаман Черноморского казачьего войска: «в мое время донские казаки были только неопытны, офицеры же сверх того были необразованны, склонны к пьянству и к незаконной наживе на счет своих же подчиненных» (цит. по: [12: 1341]).

Нарыв вскрылся в Грузии в донском полку № 13 войскового старшины Корнея Степановича Каргина. Полк нес там службу с 1831 г. Известный историк В.Д. Сухоруков, бывший в это время на Кавказе, стал слать в столицу жалобы, что в казачьих полках командиры воруют. Посланный царем разобраться граф В.В. Орлов-Денисов подтвердил эти сведения. Когда полки вернулись на Дон, три полковых командира – Каргин, Фомин и Пантелеев – и командовавший ими походный атаман генерал Леонов были отданы под суд. Суд «во избежание непотизма» учредили не на Дону, а в Чугуеве, при штабе 1-го резервного кавалерийского корпуса.

Вызванные на суд свидетели (ограбленные казаки) показали, что командиры полков собрали с них по 22 руб. за покупку новых киверов и по 25 руб. 60 коп. за

новые вальтрапы (суконная попона под седло для лошади), в то время как саму лошадь у калмыков можно было купить за 15–20 руб., максимум за 30. То есть попона для лошади стоила дороже, чем сама лошадь. Всего были доказаны поборы на 13 150 руб. Выяснилось, что с казаков брали каждый год по полтиннику то на покупку волов для дежурства походного атамана, то на покупку лошадей для полковой канцелярии. С них же затем собрали по 2 руб. на взятку походному атаману, чтобы сменил казаков с разгонного поста (через полгода обобранных казаков опять вернули на тот же пост). По 60–80 руб. брали с казаков, чтобы послать их с ремонтной командой на Дон – фактически отправить в отпуск [2: 451]. И всё это при том, что в день казаку приварочных денег полагалось 2 $^{7}/_{9}$ коп.

Суд тянулся с 1840 г. В 1841 г. командующий корпусом суд упразднил, поскольку вышла амнистия в честь бракосочетания наследника-цесаревича, но царь повелел передать дело в аудиторский департамент, так как недочеты превышали оговоренные в амнистии 600 руб.

Дело решилось в 1843 г. Так как в деяниях трех полковников и генерала Леонова «не заключается лихоимство, а одни беспорядки, которые большей частью произошли оттого, что до Высочайше утвержденного положения о Войске Донском не имелось определенных правил об отчетности по довольствию нижних чинов, то по сим утверждениям и по Всемилостивейшему манифесту, состоявшемуся 16 апреля 1841 года, повелено не лишать их прав и преимуществ, прежнею службою приобретенных». В послужные списки помилованным вписали: «Представлено подать прошение об увольнении от службы» [2: 461].

Обирали казаков не только полковые командиры. В том же 1843 г. урядник Григорий Крюков из полка Рубашкина № 4 судился «за взятки с казаков денег будто бы в пользу офицеров» [5: 20 об.]. Однако командир знаменитого Баклановского полка (Донской № 20) не только не обирал казаков, но и добавлял в полковую казну из своего жалования.

Кроме лихоимства, большую роль играли факторы климата и психологии. Самые большие потери умершими в полку № 20 приходились на первый год службы, на период акклиматизации, а по времени года – на зиму и раннюю весну. С января по май 1847 г. в полку № 20 умерло 47 казаков «от обыкновенных болезней» и два «скоропостижно».

В 1848 г. потери в полку резко сократились: один убит, четверо умерли от ран, восемь человек умерли от болезней. В 1849 г. убитых не было. Два казака умерли от ран и трое – от болезней (из них скоропостижно – один, «насильственно» – двое).

В последний год службы в полку резко возросла смертность от болезней – 10 казаков [8]. И в других полках, как мы уже заметили, в последний год службы количество умерших возрастало.

Мы специально взяли в качестве примера наиболее тихие годы из истории службы Донского полка № 20. Полк воевал на территории Чечни и Дагестана,

считался лучшим из донских полков и отличался от других соотношением боевых и небоевых потерь. Всего за время службы на Кавказе Баклановский полк потерял: одного офицера и 35 казаков убитыми, 23 казака – умершими от ран, трое казаков убегали к горцам, но вернулись (двое из них были отправлены в арестантские роты, один расстрелян), умерли от болезней – три офицера и 79 казаков [8]. Как видим, при хорошем командире потери чуть ли не один к одному, но умерших всё равно больше.

Но отнюдь не все командиры были такими, как Я.П. Бакланов. По версии А.Н. Пивоварова, из донских казаков, воевавших на Кавказе и в Закавказье, погибло в боях 1763 человека, умерло от болезней более 16 тысяч [9: 59] Фактически соотношение погибших и умерших один к девяти.

Видя такие потери, Александр II, как только закончилась Кавказская война, перестал посылать донские полки на службу на Кавказ и в Закавказье.

Своего рода компенсацией великих потерь было возвеличивание подвигов генерала Я.П. Бакланова, действительно талантливого военачальника. Хотя на Кавказе он большую часть своей службы был всего лишь полковым командиром, его имя, наряду с именами Ермака Тимофеевича, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.И. Платова, было в 1904 г. присвоено одному из первоочередных донских полков.

Источники и литература

1. *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. 1. СПб., 1876.

2. *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. М., 2014.

3. *Венков А.В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М., 2013.

4. *Галушко Ю.А.* Казачьи войска России: Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 г. М., 1993.

5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 468.

6. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 525.

7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 624.

8. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 638.

9. *Матишов Г.Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов н/Д., 2013.

10. *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.

11. *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 т. Т. 3. Персидская война (1826–1828). Ставрополь, 1994.

12. *Урушадзе А.Т.* Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1335–1350.

А.Х. Боров

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ 1917–1918 гг.: ЛОКАЛЬНЫЙ ОПЫТ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Определение исторического места революционного перехода от имперской к советской общественной и государственной системе принадлежит к узловым проблемам истории Кабардино-Балкарии. Этим переходом, который охватывает в регионе период с февраля 1917 по март 1920 г., был задан вектор его дальнейшего развития на протяжении всего «короткого» XX в., завершившегося в 1991 г. В свою очередь, социально-культурное, экономическое и политическое развитие советской эпохи сформировало базис современного положения Кабардино-Балкарской Республики в российском обществе и государстве. «Внутренний план» развития революционного процесса в Нальчикском округе Терской области, который объединял тогда этнические общества Кабарды и Балкарии, наиболее полно раскрывается в событиях 1917–1918 гг. Они воплотили автономное, самодеятельное начало во взаимодействии местных обществ с трансформирующейся социально-политической средой.

Анализ итогов научно-исторического изучения этого опыта ожидаемо фиксирует два концептуальных кластера, соответствующих советскому и постсоветскому периодам развития историографии. Само по себе это очевидное обстоятельство не представляет интереса. Важнее оценить их познавательную специфику. Для историков советского периода большевистская линия в революционном процессе воплощала его закономерное развитие. Все, кто противостоял этой линии или не участвовал в ее продвижении, либо прямо характеризовались как контрреволюционеры, либо считались обманутыми в силу незрелости классового сознания. Политические формулы, выражавшие стратегию и тактику большевиков, оценивались как полностью соответствовавшие социально-политической специфике региона и интересам трудящихся масс на каждом этапе революционного процесса, а в конечном счете, отождествлялись с самой исторической реальностью. Иными словами, это был взгляд на революцию не «извне», с исторической дистанции и научной позиции, а взгляд «изнутри». Осмысление революции осуществлялось в терминах-лозунгах, свойственных ей самой, а точнее, одной из присутствовавших в ней политических линий. Доминирующим в постсоветской региональной историографии стал национально-политический подход к общей интерпретации революционного процесса. Но в работах его сторонников не дифференцируются конкретно-исторический анализ национального аспекта социально-политических процессов революционного времени

и собственная национально-ангажированная позиция. В результате, если советская историография интегрировала в академический дискурс идейно-политические формулы из арсенала революции, то современные национальные историки «вчитывают» в ее практику категории собственного национально-политического дискурса, не характерные для Кабардино-Балкарии того времени. При этом они порой сочетаются с антибольшевизмом как принципиальной позицией. Иными словами, осмысление революции осуществляется в логике, соединяющей теперь уже антибольшевистский набор свойственных ей самой терминов-лозунгов с категориями, которым трудно найти соответствие в исторической реальности 1917–1918 гг. Выход к современной обобщенной интерпретации социально-политического опыта революционного периода 1917–1918 гг. возможен в соотнесении его с базовым и долговременным процессом, соединяющим начало и конец XX в. истории России и Кабардино-Балкарии. Таким процессом является модернизация.

Вопрос о связи революций 1905–1907 и 1917–1920 гг. с российской модернизацией составляет концептуальное ядро современной российской историографии [4: 96]. Всё шире распространяется представление, что глубинные причины русских революций следует искать в самих успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному [1; 5; 6]. Некоторые авторы акцентируют сопротивление структур традиционного общества модернизационной практике государства, а революцию 1917 г. оценивают как традиционалистскую реакцию общества на происходившие в стране изменения [3: 648].

Приложение любого из вариантов концептуализации связи модернизации и революции к локальному историческому опыту требует конкретизации общих принципов теории модернизации, которая к тому же прошла длительный путь совершенствования и существует сегодня в различных версиях. Во-первых, необходимо учитывать территориальную неравномерность и региональные особенности распространения волн российской модернизации. Для Северного Кавказа характерны сугубо экзогенные импульсы модернизации и запаздывание ее процессов. Отсюда следует, во-вторых, что отправным пунктом анализа регионального модернизационного процесса остаются основоположения классической парадигмы модернизации, в частности концепция структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного общества к обществу модерна. Если ее проявления, такие как индустриализация, урбанизация, секуляризация, профессионализация не фиксируются, то нет смысла обращаться к более тонким теоретико-методологическим инструментам, характерным для новейших версий модернизационного подхода. В-третьих, необходимо рассматривать модернизацию как реальный исторический процесс, включающий в себя и прорывы, и катастрофические отступления. Анализ ее форм и результатов должен учитывать специфику реакции местных обществ как

на модернизационные импульсы, так и на кризисы и отступления в ее динамике [2: 13, 14; 7: 115–123]. Именно срывы и отступления модернизации отражают противоречия ее предшествующей волны и задают исторические параметры ее следующей волны.

Модернизация этнических обществ Северного Кавказа не была завершена и к концу XX в., а в его начале только два поколения отделяли народы Кабардино-Балкарии от эпохи бытования их сугубо традиционных этносоциальных укладов. Если обобщить итоги эволюции кабардинского и балкарского обществ к 1917 г. с точки зрения структурно-функциональной дифференциации, то их можно было бы представить по аналогии с планетарной моделью атома. Ядро социума составляла община, сельское общество как поземельная организация крестьянских домохозяйств, внутри которой сохранялись элементы традиционного патронимического структурирования и межсословной субординации. Вне общины, но сохраняя функциональную связь с ней (надзирая, регулируя, обслуживая), располагались специализированные социальные институты и группы – бюрократические, экономические, профессиональные. Как и в структуре атома, почти вся масса общества концентрировалась в его ядре – общине. Соответственно, в местных этнических социумах не оформились внутренние движители модернизации, и в них не сложилось социальное лидерство групп, способных и готовых встать на революционные позиции в «до-» или «не-» революционных условиях и добиваться свержения существующего строя.

Соотнесенность итогов и пределов модернизации этнических обществ Кабарды и Балкарии с российской революцией могла выявиться только в процессе ее развития, в ответ на условия и вызовы, порожденные уже вспыхнувшей революцией. Эти условия и вызовы суммируются в нескольких пунктах: фактическое отстранение центральной власти от региональной ситуации и демонтаж единой системы власти в Терской области; активное включение носителей различных идейно-политических альтернатив (либерально-кадетской, социалистической в большевистском, эсеровском и меньшевистском вариантах, а также исламской) в общественную жизнь и в ход событий в регионе; активизация социальных и национальных групп, заинтересованных в земельном переделе в Терской области и в Нальчикском округе; обострение и дестабилизация межнациональных отношений в регионе в тесной связи с земельным вопросом; начало вооруженной борьбы на Тереке с перспективой ее распространения на Нальчикский округ.

Народы Кабардино-Балкарии не располагали в то время культурно-идеологическими и политическими ресурсами, которые позволили бы им охватить весь сложный спектр вызовов и возможностей, открывающихся перед ними в условиях революционной ломки российского общества и государства, выработать внутренне завершенную самостоятельную линию поведения и обеспечить ее реализацию в динамичной и конфликтной социально-политической среде.

То обстоятельство, что под давлением революционной обстановки актуализировались внутренние социальные конфликты, что те или иные группы кабардинского и балкарского общества были кооптированы в противоборствующие идеологические и военно-политические лагеря, свидетельствует, что эти общества уже вышли из фазы сугубо традиционного общинного бытования и вступили на путь становления сложной социальной структуры. Мера их сложности была еще далека от того, чтобы запустились эндогенные процессы модернизационного развития, но была достаточной для того, чтобы отразить противоречия и альтернативы модернизационного развития большого российского общества. В условиях, когда общий ход событий революционного времени не зависел от народов региона, они всё-таки включились в них в качестве сложных социальных и национальных субъектов и по итогам революционного периода завоевали себе право на достойное место в новой, советской, общественно-государственной системе России.

В целом для регионального революционного процесса характерно соединение как традиционалистских, так и модернистских по форме и содержанию явлений. Архаические набеговые формы приобрели межобщинные и межэтнические столкновения из-за земли между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и казаками – с другой. Новые политические структуры, такие как Союз объединенных горцев или Терский областной народный совет создавались на основе не партийно-политического, а этнотерриториального представительства. И в этом также проявилось действие традиционалистских общинных начал. В наибольшей степени элементы традиционализма и ксенофобии были выражены в исламистских движениях и структурах. Наряду с этим в деятельности Союза объединенных горцев и Терской народной республики воплотилась установка на законодательное решение земельного вопроса, будь то на началах уважения прав собственников земли или ее социализации и перераспределения на началах уравнительности. Доминирующий на съездах и в деятельности региональных политических структур дискурс оформлялся в терминах общероссийских идейно-политических течений. Исламские лидеры в регионе строили свою деятельность не просто на религиозно-догматической основе, но и на рациональной политической стратегии, сообразуясь с обстановкой и находя союзников среди идеологически чуждых им светских сил. Различные сегменты кабардинского и балкарского обществ по-разному взаимодействовали с этой сложной и динамичной социально-политической средой.

Социальные группы, в жизнедеятельности которых отразились результаты структурно-функциональной дифференциации кабардинского и балкарского обществ, т.е. интеллигенция в широком смысле слова – лица, получившие образование и занятые в административной, общественной, профессиональной и иногда предпринимательской сферах вне сельской общины, довольно активно включились в деятельность областных и окружных институтов и организаций,

воплощавших модернистскую политическую культуру. При всех возможных оговорках, такая оценка применима и к органам Временного правительства – гражданским исполнительным комитетам, и к Союзу объединенных горцев. С ними была связана перспектива включения региона в либерально-буржуазную и либерально-демократическую модернизацию России, и они раньше всего, уже в марте 1917 г., вступили на общественную арену.

Другой социальный сегмент, активно включившийся в общественно-политическую деятельность, был представлен выходцами из рядовой крестьянской массы, сохранявшими в той или иной мере связь с повседневной жизнью сельских общин, но обладавшими некоторым образованием или грамотностью и получившими внеобщинный социальный опыт. Сюда можно отнести и такой специфический слой, как молодежь, получившая к моменту революции исламское образование. В целом этот контингент был нацелен на эгалитаристскую перестройку социальной организации Кабарды и Балкарии, будь то через ликвидацию элементов сословного неравенства или через уравнение доступа к основному ресурсу агарного общества – земле. Этот слой естественным образом тяготел к радикальному большевистскому крылу революционного лагеря и активно включился в общественно-политическую жизнь уже после октября 1917 г.

Специфика революционного перехода Кабарды и Балкарии от имперской к советской общественно-государственной системе была связана с тем, что не только отдельные активные социальные группы, но и основной структурный элемент, ядро их социальной организации – сельская община участвовала и во многом определяла параметры революционного социально-политического процесса как его субъект. Это стало возможным благодаря наличию в Нальчикском округе такого института самоуправления, как съезд доверенных сельских обществ Кабарды и Балкарии, причем изначально в нём были представлены именно этнические общества кабардинцев и балкарцев. Съезд доверенных, претерпев некоторую эволюцию и получив с марта 1918 г. название народного съезда, продолжал функционировать на протяжении 1917 и 1918 гг. уже как политический институт. Все повороты социально-политического развития региона проходили обсуждение на съездах и получали воплощение в его решениях; во всех случаях смены власти вплоть до осени 1918 г. новые органы власти получали санкцию и легитимацию со стороны съезда. То есть, будучи базовым элементом, ядром традиционной социальной организации, сельские общества Кабарды и Балкарии через съезды своих доверенных выражали не традиционалистскую реакцию на революционное общественно-политическое обновление, а пытались сообщить ему упорядоченную, «эволюционную» форму.

Народная власть, установленная в Терской республике и в Нальчикском округе в марте 1918 г., в вопросе о земле проводила политику, которая дала новый толчок развертыванию аграрного движения. По масштабам и остроте оно не обрело

в Кабарде и Балкарии характера социальной войны, но определенное перераспределение земли между крупными частными владельцами и сельскими обществами произошло. Получившие землю сельские общества и их члены не были теперь заинтересованы в реставрации прежнего социального порядка и прежней власти. Не меньшее значение имела связь земельного вопроса с межнациональными отношениями. В 1918 г. в Терской республике осуществлялось перераспределение земель между различными национальными группами, причем Кабарда в этом процессе только теряла, а не приобретала. В социально-историческом плане земельная политика Терской республики укладывалась в общий контекст аграрной эволюции, ведущей к переходу от феодальной монополии к крестьянскому землевладению, от наследственных прав к трудовым основаниям собственности на землю. В этносоциальном плане это было частью процессов перемещения населения с высокогорья на плоскость, развивавшихся на Северном Кавказе по меньшей мере с XVIII в. Но масштабы и интенсивность перераспределения земли, осуществлявшегося малопонятной, не получившей всеобщего признания властью и менявшего привычный набор пространственных образов полиэтничного региона, вызвали усиление межнациональной напряженности.

Подобно тому, как весь период 1917–1920 гг. стал «моментом истины», высветившим достижения и пределы предшествующего этапа модернизации, так лето и осень 1918 г. стали «моментом истины» в развитии революционного процесса в Нальчикском округе. Дело было в том, что с лета 1918 г. Северный Кавказ уже по-настоящему втягивается в гражданскую войну и местные общества оказываются перед необходимостью определяться в своем отношении к противоборствующим идеологическим и военно-политическим лагерям. При этом речь идет не о навязанном извне, а внутренне обусловленном выборе.

С одной стороны, в Нальчикском округе сформировались две военно-политические группировки, готовые вооруженным путем добиваться своей цели. Хотя одна из них впоследствии была полностью интегрирована в армию А.И. Деникина, а вторая стала частью Красной армии, изначально они строились на собственной своеобразной идейной базе. В программе лидера кабардино-балкарских «белых» З.А. Даутокова-Серебрякова провозглашалась цель обеспечить национальное самоопределение Кабарды через установление власти Национального совета, располагающего национальным войском, сохраняя при этом результаты революции (раздел земли, выборные советы и т.д.) в интересах простого народа, которым должны были подчиниться князья и дворяне. Установки «красного шариатиста» Н.А. Катханова, хотя и не сформулированные в развернутом виде, сводились к соединению эгалитаристских принципов шариата с властью советов.

С другой стороны, окружной народный Совет и окружные народные съезды в августе и сентябре 1918 г., подтверждая свою лояльность областной советской власти, пытались удержаться на позиции нейтралитета в разгорающейся

гражданской войне. А в декабре 1918 г. народный съезд санкционировал организацию власти в Нальчикском округе на основе Конституции РСФСР. Иными словами, если по отношению к вооруженному противоборству военно-политических лагерей в России и на Тереке общество Кабарды и Балкарии обнаруживало внутренние расхождения, то по отношению к социальному содержанию революционного процесса 1917–1918 гг. оно сохраняло консолидированную позицию. Это было обусловлено интересами основной массы населения – кабардинского и балкарского крестьянства – и свидетельствовало о модернизационном потенциале традиционного в своей основе общества.

Период революции и Гражданской войны, разумеется, непосредственно не продвинул, а скорее прервал модернизационные тенденции в местных обществах. Его место в вековом тренде модернизации определяется соединением двух обстоятельств. Во-первых, сельская община как ядро социетальной системы сохранила свою целостность и место в структуре этнических обществ Кабарды и Балкарии. Кардинальные сдвиги в социальном составе претерпели внеи околообщинные «элитные» социальные группы. В этом смысле новый этап модернизации после Гражданской войны в регионе должен был бы начаться как бы заново, с запуска процессов структурно-функциональной дифференциации всё еще традиционной общественной системы. Во-вторых, интенсивность, характеристики, формы модернизации на новом этапе, как и в имперский период, зависели бы от внешних, задаваемых советским государством условий и стимулов социального обновления.

Источники и литература

1. *Алексеев В.В.* Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 96–104.

2. *Алексеев В.В., Побережников И.В.* Модернизационная парадигма российской истории // Информационно-аналитический бюллетень Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Саранск, 2006. Т. 4. С. 7–17.

3. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / изд. 2-е доп. М., 2010.

4. *Журавлев В.В.* Россия 1905–1907 гг.: в поисках новых граней осмысления // Российская история. 2016. № 4. С. 96–100.

5. *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб., 2019.

6. *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

7. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

Р.Н. Саленко

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918–1920 гг.)

Гражданская война и интервенция на Северном Кавказе и в Закавказье имеет обширную историографию. Изучение истории Кавказского региона остается актуальной темой, требующей всестороннего и глубокого подхода. Попытки описания и анализа Гражданской войны предпринимали еще ее участники – деятели Белого и Красного движения. О Гражданской войне на Юге России писали советский партийно-государственный и военный деятель В.А. Антонов-Овсеенко, советский военачальник и военно-политический деятель А.И. Егоров, русский и советский военачальник, военный публицист, историк и педагог Н.Е. Какурин [1; 7; 9].

В 1930–1980-е гг. Гражданская война стала рассматриваться в контексте иностранной интервенции в России. Периоды Гражданской войны выделялись в соответствии с тремя волнами интервенции зарубежных государств. Среди авторов, писавших на данную тему, следует выделить историков Е.Н. Городецкого, И.И. Минца, С.С. Хромова [3; 8; 13].

Изучение истории Гражданской войны происходило не только в нашей стране, но и в эмиграции. В 1980-е гг. в СССР начинает проникать литература русской эмиграции, представители которой придерживались иной точки зрения на историю Гражданской войны. Стоит отметить таких авторов, как руководитель Белого движения на Юге России генерал А.И. Деникин, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал Н.Н. Головин, либеральный политический деятель, историк и публицист П.Н. Милюков [2; 4; 12].

В данной статье рассматривается участие интервентов в событиях Гражданской войны на Северном Кавказе, Черноморского побережья Кавказа и в Закавказье. Это регион всегда имел для России стратегическое значение как водораздел между православием и исламской цивилизацией и как естественный защитный рубеж на юге страны. С другой стороны, Кавказ использовался как «болевая точка» для глобального воздействия на русскую державу со стороны соседних стран: Персии (Ирана), Турции и мировых держав – Великобритании и ее геополитического преемника США.

Черноморское побережье Кавказа было и остается главными южными воротами России в Средиземноморский регион и воды Мирового океана. Данный регион постепенно становился частью Российского государства в результате добровольных вхождений в его состав закавказских княжеств и завоевания горских земель

в ходе Кавказской войны 1763–1864 гг. и Аджарии в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Для понимания географического охвата иностранной интервенции во время Гражданской войны следует очертить границы рассматриваемого региона. Северной границей региона принято считать Таманский полуостров. Южная граница Черноморского побережья Кавказа совпадает с государственной границей бывшего СССР (ныне Грузии) с Турцией. Его продолжением на турецкой территории является Анатолийский берег и далее – Румелийский берег. С востока регион Черноморского побережья Кавказа ограничен отрогами Большого и Малого Кавказа и находящейся между ними Колхидской низменностью, с запада – Черным морем. Отсюда видно, что главным претендентом на экспансию в регионе, ввиду географической близости, была Турция.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России и дальнейший выход страны из Первой мировой войны в 1918 г. привели к тому, что противники и союзники по вооруженному противостоянию начали интервенцию против неустойчивых государственных образований на территории бывшей Российской империи, в том числе на Кавказе и Юге России. Иностранные войска вторглись как в советские республики, так и в национальные образования Закавказья, горцев Северного Кавказа, а также казачьи автономии, такие как Всевеликое войско Донское, Кубанская народная республика. Рассматривался даже проект по созданию Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Главным путем проникновения в эти квазигосударственные образования было Черноморское побережье Кавказа.

Все участвовавшие в вооруженной интервенции имели свои собственные планы на различные регионы распадавшейся страны. В контексте нашего исследования мы рассматриваем интересы Османской, Германской и Британской империй в регионе.

Главными целями интервентов были:

1. Недопущение распространения идей коммунизма в страны Запада. Уинстон Черчилль был одним из главных инициаторов интервенции в Россию и ярым борцом с большевизмом. Он прилагал максимальные усилия для нахождения британских войск в России до 1920 г. [3: 502].

2. Возвращение иностранных капиталов, вложенных в экономику России.

3. Территориальный раздел бывшей Российской империи, с поддержкой национальных окраин для доступа к сырьевым ресурсам Закавказья, в первую очередь к бакинской нефти.

4. Распространение идей пантюркизма и панисламизма на Кавказе со стороны Османской империи.

Рассмотрим интересы Османской империи в регионе. Турецкое правительство планировало возвратить эту территорию под свое влияние после потери Кавказа в ходе русско-турецких войн XVIII–XIX вв. Это согласовывалось с политическими

планами турок начала XX в., которые активно продвигали идеи пантюркизма и панисламизма [16: 46].

Но планы Османской империи поднять народы Кавказа на борьбу с Российской империей во время Первой мировой войны не имели успеха. Обстановка изменилась только после Октябрьской революции в Петрограде. Ранее не помышлявшие об отделении от России народы Кавказа не признали власть большевиков и начали движение в сторону автономии, стремясь к полному отделению от Советской России.

Турецкая интервенция на Кавказе проводилась под лозунгами помощи единоверцам, прежде всего в Азербайджане и созданной в 1918 г. Горской республике. Но продвижению Турции на Кавказе помешало поражение стран Центрального блока в Первой мировой войне. В дальнейшем турецкое присутствие в регионе выражалось в участии в 1919–1920 гг. в горском восстании на Тереке и в Дагестане турецких подданных, где они занимали командные посты в войсках. По факту представители Турции противостояли белым войскам Вооруженных сил Юга России (далее – ВСЮР), являясь союзниками большевиков, горских народов и государственных образований Закавказья [11: 86].

У германской интервенции на Кавказе в 1918 г. были экономические интересы, связанные с эксплуатацией бакинской нефти. Но здесь немцы встретили противодействие со стороны Османской империи. Несмотря на это, им удалось закрепиться в Грузии. Грузинский национальный совет призвал Германию оказать помощь грузинскому национальному движению. Германия согласить оказать покровительство грузинам, и немецкий воинский контингент численностью более 30 тыс. человек был переброшен из Крыма в Поти, вследствие чего в Тифлисе грузинский национальный совет провозгласил создание Грузинской демократической республики 28 мая 1918 г. [15: 233].

Таким образом Германией был создан временный плацдарм на Черноморском побережье Кавказа. Пользуясь данным положением, немцы, оформили аренду порта Поти и железной дороги. Закрепившись в Грузии, войска Германии 15 июня 1918 г. высадились на Тамани. Советским войскам Таманского боевого участка удалось нанести контрудар германскому десанту. К середине июня Таманский плацдарм германских войск удалось на время локализовать [14: 122]. Вскоре, имея в союзниках Грузию, войска Германии вновь оккупировали часть Черноморского побережья и Приазовье, где не было в это время кубанских и донских казаков. Но, как и в случае с Османской империей, в ходе поражения Четвертного союза в Первой мировой войне, вывод немецких войск из Грузии начался уже в октябре 1918 г. [15: 240].

Наиболее масштабной и продолжительной интервенцией на Кавказе была британская. Британское вмешательство в Закавказье началось еще во время Первой мировой войны. Но британские войска быстро эвакуировались в связи с тяжелым продовольственным положением в Баку, малочисленностью контингента, наступлением турецких войск.

Окончание Первой мировой войны и вывод из региона войск центральных держав позволили возобновить британскую интервенцию на Кавказ. Британские войска появились одновременно на Западном и Восточном Кавказе, в Батуми и Баку. Интервенты преследовали экономические (бакинские нефтепромыслы) и геополитические цели, поскольку Кавказ всегда рассматривался как ключевой путь в Среднюю Азию и в конечном счете к главному источнику британского благополучия – Индии.

Как указывает азербайджанский историк С.З. Юсиф-заде, Британская империя учитывала преимущества географического и стратегического положения Южного Кавказа. В работе «Азербайджано-британские отношения в начале XX в.» она пишет: «через Закавказье проходят пути, по которым надо следовать тем, кто хочет попасть во внутренние районы Азии по коммерческим или военным соображениям» [17: 12].

Для этого Британия признавала де-факто независимость новых Закавказских республик: Азербайджана, Грузии, Армении и Горской республики Северного Кавказа, но при этом оказывала влияние на все текущие конфликты в регионе. Конфликт Грузии с белогвардейскими войсками Деникина в 1918–1920 гг. из-за территориальных споров по поводу Черноморской губернии происходил под контролем британцев. В свою очередь противостояние Армении и Азербайджана не отвечало их интересам, так как потенциально могло затруднить поставку бакинской нефти по железной дороге в Батуми. Британская империя в России, в том числе на Кавказе, использовала проверенную стратегию отношений метрополия – доминион, рассматривая территорию бывшей Российской империи как свои владения, из которых необходимо в самые кратчайшие сроки выкачать как можно больше ресурсов [6: 60].

А.И. Деникин надеялся, что Великобритания пришлет на помощь белогвардейцам Юга России свои войска. Однако помощь британцев ограничивалась материально-технической поддержкой. Практически все снабжение ВСЮР держалось на поставках союзников.

После окончания Первой мировой войны, британское правительство решило отправить оставшиеся не у дел танки для помощи Белому движению. Весной 1919 г. в Батуми для поддержки Белой армии прибыли 12 танков: шесть Mark V и шесть Medium Mark A Whippet. Была создана «Школа английских танков», где английские инструкторы готовили первых русских танкистов. Генерал А.И. Деникин в работе «Очерки русской смуты» писал: «появление на этом фронте английских танков произвело на большевиков большое впечатление и еще более увеличило их нервность» [5].

В отличие от У. Черчилля, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж не поддерживал нахождение британских войск на территории России и объявил, что поддержка Белого движения является напрасной тратой сил и средств. Военная помощь Деникину была прекращена [10: 102].

Из Новороссийска, под прикрытием британских войск и кораблей, в обстановке хаоса и паники, было эвакуировано 8 тыс. военнослужащих Белой армии и их семей. На остальных судах было эвакуировано более 25 тыс. человек [18: 162].

Таким образом, британцы не особо верили в успех Белого движения и не хотели вступать в прямое противостояние с Советской Россией. При этом они проявляли большую активность на национальных окраинах бывшей Российской империи.

В связи с непростым положением в своих колониях Британская империя вывела свои войска с Кавказа летом 1919 г., оставив их только в Батуми до середины 1920 г. После этого Батумская область была передана властям Грузинской республики. В 1920 г. Великобритания де-юре признала суверенитет стран Закавказья, но вскоре советское влияние распространилось на этот регион, и в 1922 г. он вошел в состав СССР в качестве Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики [17: 112].

Таким образом, государствам – участникам иностранной интервенции в России не удалось воплотить свои планы в жизнь. Советская Россия установила власть на территории всего Черноморского побережья Кавказа.

Причинами неудачи интервенции Антанты и Центральных держав, в частности на Юге России, стали:

– поражение Четвертного союза в Первой мировой войне и последующий распад Германской и Османской империй, что привело выводу их войск с территории России;

– сменившие противников в войне страны Антанты, в первую очередь Британская империя, видя неизбежность поражения Белого движения в Гражданской войне, предпочла выстраивать экономические и политические отношения с новой сильной советской властью;

– премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж выступал против участия страны в интервенции, в отличие от своего коллеги, ярого сторонника борьбы с большевизмом У. Черчилля, и писал: «если мы затеем войну с целым континентом, каким является Россия, это станет дорогой к банкротству и большевизму на этих островах» [10: 150];

– внутренние противоречия Британской империи: проблемы в разных частях огромной колониальной державы, общая усталость от долгой Первой мировой войны, низкий моральный дух контингентов, отправленных в Россию, сложная экономическая ситуация в Великобритании и усиление позиций британских социалистов с лозунгом «Руки прочь от России!».

Проводя параллели с сегодняшними событиями, связанными с проведением специальной военной операцией и конфликтами в постсоветском Закавказье, можно сделать вывод, что сегодняшние цели коалиции западных стран во многом повторяют события интервенции в ходе Гражданской войны. Это и поддержка

санитарного кордона из стран бывшего Советского Союза вдоль границ современной России, и активное вмешательство в экономику страны с целью доступа к сырьевым ресурсам и получения рынка сбыта, а также навязывание западных ценностей. Турция же в свою очередь стремится распространить свое влияние на народы Кавказа, исповедующие ислам. Таким образом, в кризисные моменты в истории нашего государства «партнеры» международного сообщества продолжают добиваться ослабления России с целью получения экономических и политических дивидендов. И только сильное государство с консолидированным сообществом способно противостоять внешним угрозам.

Источники и литература

1. *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне: в 4 т. М; Л, 1924–1933.

2. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 2 т. М., 2011.

3. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / глав. ред. С.С. Хромов. М., 1983.

4. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. I–V. Париж; Берлин, 1921–1926.

5. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. IV. Вооруженные силы Юга России. URL: https://www. militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/5_01.html (дата обращения: 06.07.2024).

6. *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 58–67.

7. *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919. М., 1931.

8. История гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 года). М., 1943.

9. *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918–1921: в 3 т. Т. 3. М., 1930.

10. *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны. Минск, 2003.

11. *Матиев Т.Х.* Роль меньшевистской Грузии в поддержке горского антиденикинского движения в период Гражданской войны на Северном Кавказе // Современная научная жизнь. 2019. № 6. С. 86–89.

12. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. Вып. 1–3. София, 1921–1924.

13. *Минц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931.

14. *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947.

15. *Сапаров А.* Гражданская война в Закавказье 1918–1921 с точки зрения социальных, этнических и политических процессов // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 224–253.

16. *Сваранц А.А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.

17. *Юсиф-заде С.З.* Азербайджано-британские отношения в начале XX века. Баку, 2008.

18. *Kopisto L.* The British Intervention in South Russia 1918–1920. Helsinki, 2011.

Г.М. Курков

КАЗАКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД и в 1941–1942 гг.

Непросто складывались социально-политические отношения казачества и новой власти Советов в Северо-Кавказском регионе после Гражданской войны. В стране прошел процесс демобилизации армии. Подвижную часть сухопутных войск РККА составляла кавалерия. Некомплект лошадей достигал 60 % [14: 196]. Правительство страны еще в феврале 1925 г. вынуждено было признать, что «на ближайшие годы терформирования конницы возможны только в районах, богатых конским составом, а таковыми будут те районы, которые заселены казаками» [5]. Поэтому были приняты меры по вовлечению казаков в социалистическое строительство. Территориальные казачьи формирования [1: 64] в казачьих районах признали одной из важнейших форм упрочения влияния советских элементов в станицах. Было разрешено ношение казачьей формы одежды с отличительными знаками Красной армии в теркавчастях. В табель конского снаряжения было введено и казацкое седло. Его разрешалось приобретать казакам-переменникам и всему населению [3: 422, 423].

Политика «кнута и пряника», усиленная агитационно-пропагандистская работа среди переменников по вовлечению их в колхозы давали нужные результаты. После проведенной реорганизации РККА стратегическая конница в 1932 г. имела 20 дивизий (16 кадровых, три территориальные и одну колхозную дивизию на Дальнем Востоке). Общая численность конницы составляла 100 тыс. человек [14: 197].

Зима и весна 1936 г. ознаменовались серьезными подвижками во взаимоотношениях казачества и власти Северо-Кавказского региона и Центра. С 13 по 16 февраля в Москве состоялось совещание передовиков животноводства, в котором участвовали и представители донского и терского казачества [12]. 22 февраля Центральный исполнительный комитет СССР наградил орденами и медалями 582 передовика животноводства. В их числе свыше 60 казаков получили ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» [10].

Празднование 18-й годовщины РККА вылилось в демонстрацию преданности колхозного казачества Родине. Казаки станиц Северо-Донского округа приняли участие в парадах «ворошиловских кавалеристов» [8]. Азово-Черноморский и Северо-Кавказский крайкомы ВКП(б) организовали подготовку к празднику Дружбы народов Северного Кавказа. К 14 марта в Ростов-на-Дону прибыли две

казачьи сотни с Терека, пройдя за четыре дня 550 км. Несколько раньше в столицу Дона прибыли сотни донских и кубанских казаков. 15 марта в Ростове-на-Дону состоялся праздник демонстрации единения казачества, горцев Северного Кавказа, рабочих, колхозников и интеллигенции вокруг партии и правительства. Более 20 тыс. кавалеристов приняли участие в параде. В выступлениях казаков содержалась просьба инспектору кавалерии РККА Маршалу Советского Союза С.М. Буденному, присутствовавшему на празднике, ходатайствовать перед правительством о разрешении казакам служить в Красной армии на своих колхозных конях и о создании Донской, Кубанской и Терской казачьих кавалерийских дивизий [11].

После поездки С.М. Буденного на праздник советского казачества процесс формирования кадровых казачьих кавалерийских соединений получил ускорение. Юридических оснований для призыва в ряды РККА у большинства казаков не существовало, поскольку, имея в собственности земельные наделы и нередко используя наемный труд, они, согласно положениям Конституции 1918 г., не попадали в число «трудящихся». События в тот период времени за рубежом и в СССР, в частности на Кубани и Дону, а также необходимость укрепления подвижной составляющей Красной армии привели к тому, что с казачества были сняты все существующие формальные ограничения для службы в РККА. В связи с чем 20 апреля 1936 г. ЦИК Союза ССР утвердил постановление «О снятии с казачества ограничений по службе РККА», которым отменялись все ранее существующие ограничения в отношении службы казаков в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, кроме прав, лишенных по суду [13]. 21 апреля 1936 г. Нарком обороны СССР подписал секретный приказ № 061, где были определены кадровые казачьи кавсоединения, подлежащие формированию и места их дислокации [7]. В 1938 г. в составе РККА было 32 кавалерийские дивизии (против 20 в 1932 г.), среди них пять казачьих [14: 197]. С этого момента началась и планомерная работа по подготовке командных кадров из казачьей молодежи. Для ее организации по приказу С.М. Буденного в районы Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев выехал начальник Тамбовской объединенной Краснознаменной кавалерийской школы имени 1-й Конной армии комбриг М.Г. Хацкилевич [15: 75–77].

Перед началом Великой Отечественной войны в связи с активным переводом кавсоединений (в том числе и казачьих) в механизированные и танковые в РККА осталось всего 13 кавдивизий, из них одна казачья – 6-я Кубано-Терская Чонгарская ордена Ленина Краснознаменная дивизия имени С.М. Буденного. 22 июня 1941 г. она приняла бой в составе 6-го кавкорпуса. Личный состав дивизии почти полностью погиб в первые дни Великой Отечественной войны в районе Минска [18: 44].

4 июля 1941 г. ГКО СССР принял постановление о формировании кавдивизий «легкого типа» в составе трех полков. Кавполк в своем составе должен был включать четыре сабельные и один пулеметный эскадроны, полковую батарею

противотанковых средств в составе четырех орудий калибра 76-мм и двух орудий калибра 45-мм. У бойцов эскадронов на вооружении должны были быть станковые и ручные пулеметы, винтовки и шашки [17: 311].

За время войны сформировали 91 кавдивизию (кд). Основная масса дивизий (79 кд) была сформирована в 1941 г. Непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками приняли 75 кд.

Из населения бывших казачьих областей сформировали 39 кд. Более 50 % дивизий были сформированы на Северном Кавказе (24 кд). В боевых действиях с захватчиками участвовали 15 кубано-терских и семь донских кавсоединений. Основу остальных кавдивизий составили уральские (9 кд), сибирские (4 кд), забайкальские (2 кд) и дальневосточные (2 кд) казаки.

Основная нагрузка по комплектованию кавдивизий легкого типа летом 1941 г. легла на Северо-Кавказский военный округ (СКВО), где в июле 1941 г. были сформированы и отправлены на фронт 10 кавдивизий (пять кубанских, три донские, одна кубано-терская и одна ставропольская), а в августе – еще семь кавдивизий (четыре кубанские, две донские и одна ставропольская). Таким образом, в июле – августе 1941 г. из СКВО на фронт были отправлены 17 кавдивизий, сформированных из казаков призывного возраста, а из всех регионов СССР – 27 дивизий [18–20]. Кроме того, в июле было положено начало формированию двух донских и трех кубанских добровольческих казачьих кавдивизий, составивших в дальнейшем основу 17-го кавкорпуса РККА. В октябре 1941 г. в СКВО были сформированы 114-я кавдивизия в Чечено-Ингушетии и 115-я кавдивизия в Кабардино-Балкарии. Всего в 1941 г. из различных регионов СССР в действующую армию были направлены 42 вновь сформированные кавдивизии [16: 420]. Таким образом, летом 1941 г. из Северо-Кавказского региона на фронт были отправлены 63 % созданных в стране кавсоединений.

Характерной особенностью для кавдивизий, созданных в казачьих регионах в июле 1941 г., являлись короткие сроки формирования и комплектования. Например, создание 50-й кавдивизии (в будущем знаменитой 3-й гвардейской) начали 6 июля 1941 г. в Урупском старом казачьем лагере близ Армавира под руководством полковника И.А. Плиева. 12 июля завершили комплектование кубанскими казаками, мобилизованными из запаса. Средний возраст рядового и младшего командного состава – 30–45 лет. Старший командный состав был из кадровых командиров. Дивизия уже 15 июля приступила к выполнению боевых задач в составе кавгруппы генерала А.Г. Селиванова, а в августе – полковника Л.М. Доватора [24: 10–16].

Соединения, комплектование которых началось в августе 1941 г., завершили его в ноябре. Мобилизационные ресурсы Северного Кавказа по лицам призывного возраста, способным выполнять боевые задачи в кавалерии, были практически исчерпаны летом 1941 г.

Боевой состав кавдивизий легкого типа был одинаков: три кавалерийских полка и эскадрон химзащиты. Способности этих дивизий противостоять продвижению

танковых дивизий немцев оценивались невысоко. При усиленном спешивании в идеальных условиях кавдивизия легкого типа РККА могла выставить всего 2250 активных сабель при 12 76-мм орудиях, 48 станковых пулеметах, 96 ручных пулеметах и шести противотанковых 45-мм пушках. А танковые дивизии немцев, шедшие в авангарде войск, насчитывали в своем составе 416 танков, 576 офицеров и 10 347 солдат. Кроме того, в их состав входили моторизованная бригада и моторизованный артиллерийский полк [24: 8, 9]. И всё же кавалерийские дивизии Красной армии формировали и бросали в бой, пытаясь задержать врага и выиграть время для подготовки новых рубежей обороны.

Процесс формирования казачьих кавалерийских соединений РККА в годы Великой Отечественной войны можно разделить на три периода:

– период формирования отдельных кавалерийских дивизий легкого типа: с 4 июля по 27 октября 1941 г.;

– период формирования кавалерийских корпусов: с 28 октября 1941 г. по 6 января 1943 г.;

– период формирования и боевого использования конно-танковых и конно-механизированных групп: с 7 января 1943 г. и вплоть до разгрома Японии в 1945 г.

Временные рамки первого периода определились в связи с тем, что 4 июля 1941 г. было подписано постановление о кавдивизиях легкого типа.

Во втором периоде в связи с продвижением врага в сторону Северного Кавказа для повышения боевых возможностей кавсоединений началось формирование кавалерийских корпусов [2: 653]. С 28 октября по 15 ноября 1941 г. был сформирован отдельный кавкорпус 18-й армии Южного фронта. Командиром был назначен генерал-майор И.И. Хорун, начальником штаба – полковник П.К. Богданович [5: 6]. В состав корпуса вошли 35-я и 68-я кавдивизии донских казаков и 56-я кавдивизия, сформированная на Ставрополье из терских и кубанских казаков. Этот кавкорпус принимал участие в Ростовской наступательной операции и освобождении Ростова-на-Дону в ноябре 1941 г., а также преследовании противника до р. Миус. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования отдельный кавалерийский корпус 14 декабря 1941 г. был переименован в 1-й казачий. В составе 62-й и 64-й кубанских дивизий, а также 70-й кавдивизии терских казаков 14 декабря 1941 г. был сформирован 2-й казачий кавалерийский корпус, который также принял участие в вытеснении немецко-фашистских войск до р. Миус.

В ходе боев оба корпуса понесли тяжелейшие потери. Так, после проведения Барвенково-Лозовской операции в составе 1-го кавкорпуса насчитывалось всего 3753 человека (то есть 38,8 % от штатной численности). В некоторых полках оставалось по 50–60 человек, а в эскадронах – по 15–25 человек [21: 3]. 1-й и 2-й казачьи кавкорпуса из-за больших потерь были расформированы в марте и июне 1942 г. Из 14 кавдивизий легкого типа, сформированных на Кубани и Дону в июле – августе 1941 г., 12 кавдивизий прекратили свое существование к июню 1942 г. ввиду боевых потерь [18–20].

В связи с большим количеством заявлений о добровольной мобилизации от лиц непризывного возраста был сформирован 17-й кавкорпус, основу которого составили казаки-добровольцы Кубани и Дона. Корпус вошел в состав Красной армии 4 января 1942 г. приказом Ставки Верховного главнокомандования № 003. Затем приказом командующего СКВО № 006 от 8 января 1942 г. добровольческие казачьи дивизии, сформированные в Краснодарском крае под номерами 1, 2 и 3, были зачислены в кадровый состав Красной армии. Согласно приказу по войскам СКВО от 24 января 1942 г. дивизии переименовали и утвердили места их дислокаций: 1-я стала 10-й с дислокацией в ст. Ильской; 2-я стала 12-й с дислокацией в ст. Брюховецкой; 3-я – 13-й с дислокацией в с. Ванновском. Этими же приказами в состав корпуса вошла и 116-я Донская казачья кавдивизия, основу которой также составляли казаки-добровольцы. Местом ее дислокации был г. Сальск [18: 74, 87, 93].

В Сталинградской области с 4 июля по 8 октября 1941 г. была сформирована 15-я кавдивизия из донских казаков-добровольцев и иногородних. 1 декабря 1941 г. на основании приказа командующего Харьковским военным округом № ОМ/104356 от 23 ноября 1941 г. дивизия была переведена на положение кадровых частей Красной армии и стала Отдельной кавалерийской дивизией. В январе 1942 г. она была переименована в 1-ю казачью Донскую кавалерийскую дивизию, а 2 февраля 1942 г. – в 15-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию. Ее включили в состав 16-го кавкорпуса, дислоцированного в Москве. 20 марта 1942 г. ее планировали расформировать вместе с корпусом. Но на партийном собрании 25-го кавполка дивизии казаки-ветераны Первой конной армии предложили направить делегацию к Наркому обороны СССР с просьбой не расформировывать дивизию. В адрес И.В. Сталина была направлена телеграмма за подписью комиссара дивизии батальонного комиссара В.З. Юрченко. Ходатайство Сталинградского обкома ВКП(б) было отправлено и к председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину [19: 108]. Последовал положительный ответ. 15-я кавдивизия по личному распоряжению И.В. Сталина телеграммой за № 782/Ш от 30 марта 1942 г. была передана в состав 17-го кавалерийского корпуса [23: 9, 10]. В момент передачи 15-й кавдивизии в ст. Михайловка Сталинградской области она была укомплектована на 93,2 %, из которых свыше 50 % бойцов имели возраст более 40 лет. Был подобран опытный командный состав. Так, командиром эскадрона был назначен казак Константин Иосифович Недорубов (председатель одного из колхозов Сталинградской области, участник Первой мировой и Гражданской войн, кавалер четырех Георгиевских крестов), которому было 54 года. Три четверти начсостава дивизии являлись участниками боев Красной армии в послереволюционный период, а более 50 % из них уже участвовали в боях против немецко-фашистских захватчиков [22: 1, 1 об.].

После серьезных потерь, понесенных Красной армией в мае 1942 г. в ходе Харьковской наступательной операции, 24 июля фашисты повторно заняли

Ростов-на-Дону и двинулись в сторону Краснодара. По приказу командующего Северо-Кавказским фронтом Маршала Советского Союза С.М. Буденного 17-й кавкорпус был срочно снят с обороны побережья Азовского моря и направлен навстречу неприятелю. 28 июля на берегах р. Кагальник начались боевые действия частей 17-го казачьего кавкорпуса.

Враг после повторного захвата Ростова-на-Дону был остановлен на рубеже станиц Канеловская – Шкуринская – Кущёвская. Ход боевых действий на вышеуказанном рубеже обороны с 28 июля по 4 августа 1942 г. подробно описан автором статьи [9: 118–133] и показан в фильме А.А. Белова «Кущёвская атака. Мифы и факты» (кинокомпания «Курьер», 2023 г.). Упорное сопротивление советских солдат позволило подготовить оборонительные позиции в предгорьях, в районе перевала на Туапсе и зацементировать нефтяные скважины в районе Майкопа до прихода захватчиков. Планы гитлеровцев по захвату нефтеносного района были сорваны.

Таким образом, мужество и отвага бойцов 17-го казачьего кавкорпуса остановили продвижение немецко-фашистских соединений, что позволило отступавшим войскам 18-й армии РККА занять оборонительные позиции в предгорьях Кавказа. О казаках написали в газетах («Воевать, как воюют казаки под командованием генерала Кириченко» [7]), заговорили на всех фронтах и в тылу. 17-й кавкорпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. Приказ НКО СССР № 259 о преобразовании соединений корпуса в гвардейские был подписан 27 августа 1942 г. Командиру корпуса генерал-майору Н.Я. Кириченко было присвоено звание генерал-лейтенанта. Высокие звания и награды получили и его подчиненные [4].

В дальнейшем, осенью 1942 г., совместно с другими частями и соединениями фронта казаки-гвардейцы не пропустили фашистов через перевал на Туапсе. Эти бои по важности историки приравняли к боям под Москвой в 1941 г. С началом наступления под Сталинградом (19 ноября 1942 г.) пошли в наступление и войска Северной группы войск Закавказского фронта.

20 ноября 1942 г. на базе 4-го гвардейского казачьего кавкопуса были сформированы 4-й гвардейский Кубанский и 5-й гвардейский Донской казачьи кавкорпуса, отмеченные в дальнейших боях высокими правительственными наградами. Казачьи кавалерийские соединения показали высокую эффективность в период боев на Кубани и в Прикумских степях в 1942 г., в Ростовской и Таганрогской наступательных операциях 1943 г. В ходе войны кубанские, донские и терские формирования РККА проявили героизм, отвагу, воинскую доблесть, самоотверженность и верность ратным традициям российского казачества.

Источники и литература

1. Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 8. М., 2004.
2. Военный энциклопедический словарь. М., 2002.

3. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.): сборник документов. Ростов н/Д., 1962.
4. Известия. 1942. 28 августа.
5. Кавалерийские корпуса в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1954.
6. Красная звезда. 1925. 20 февраля.
7. Красная звезда. 1942. 22 августа.
8. Красный кавалерист. 1936. 5 марта.
9. *Курков Г.М.* Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар, 2011.
10. Молот. 1936. 24 февраля.
11. Молот. 1936. 20 марта.
12. Правда. 1936. 18 февраля.
13. Правда. 1936. 21 апреля.
14. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Путеводитель. Ч. 2. М., 1993.
15. РГВА. Ф. 31899. Оп. 10. Д. 96.
16. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
17. Советская кавалерия: военно-исторический очерк / Я.А. Сошников и др. М., 1984.
18. Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 3 книгах. Кн. 1. М., 1954.
19. Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 3 книгах. Кн. 2. М., 1954.
20. Справочник по боевому использованию кавалерийских дивизий за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 3 книгах. Кн. 3. М., 1954.
21. Справочник. Сведения на кавалерийские корпуса (с № 1 по № 19). М., 1954.
22. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 3470. Оп. 1. Д. 575.
23. ЦАМО РФ. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 1.
24. ЦАМО РФ. Ф. 3534. Оп. 1. Д. 2.

Е.Н. Стрекалова

ВКЛАД НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАЗГРОМ ГИТЛЕРОВСКИХ ВОЙСК в 1941–1945 гг. КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Исследование участия народов СССР в общем деле разгрома гитлеровских войск в годы Великой Отечественной войны является актуальной научной

проблемой [2; 13; 16; 17]. Кавказские народы в полной мере вынесли всю горечь, тяготы, трагедию 1941–1945 гг., показали примеры невероятной стойкости, мужества, самоотверженности, сплоченности на полях сражений, в строительстве оборонительных рубежей, в подпольной и партизанской борьбе, на трудовом фронте. Период наиболее тяжелых испытаний – Битва за Кавказ, когда гитлеровская армия пришла непосредственно на многонациональную землю региона. Вермахт был остановлен Красной армией в тяжелейших боях осени 1942 г. на подступах к Грозному, Владикавказу и Туапсе [22].

К настоящему времени написаны сотни книг и статей о вкладе кавказских народов в разгром фашизма, однако интерес к проблеме не только не угасает, а, наоборот, укрепляется. В последние годы наблюдается возросшая динамика в изучении периодов обороны Кавказа в 1942 г. и разгрома немецких гитлеровских войск, их сателлитов и пособников, завершившегося 9 октября 1943 г. в районе Таманского полуострова [5; 22]. Много работ посвящено вкладу отдельных республик и народов Северного Кавказа [1; 2; 13; 14; 20 и др.]. Однако обобщающих исследований о роли всего Северного Кавказа и населяющих его народов в победе в Великой Отечественной войне не так много [3; 4; 22]. Переплетение и столкновение интересов различных этнических и социальных групп, политизированность в изучении прошлого сдерживают, как представляется, возможность создания таких обобщающих работ. Тем не менее на конференциях в последние годы всё чаще поднимается вопрос об общем вкладе республик, краев, областей и народов региона в разгром нацистских войск в 1941–1945 гг. [7; 10; 17].

Проявление такой тенденции объясняется признанием научной и общественно-политической значимости темы. В научный оборот введен целый массив рассекреченных документов о Великой Отечественной войне, о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения, эти материалы демонстрируют чудовищную гитлеровскую политику на оккупированных территориях [18]. Нацисты планировали разыграть националистическую карту, перессорить народы, задействовать недовольных советской властью в своих интересах в целях порабощения Кавказа. Проступающая через документы общность судеб многонационального региона перед угрозой геноцида подталкивает к углубленному изучению общего вклада народов Северного Кавказа в разгром немецко-фашистских войск и их сателлитов.

Общее количество ушедших на фронт и невернувшихся по всему Северному Кавказу неизвестно, но есть данные по отдельным республикам и краям. Так, с территории Ставрополья ушли на фронт 320 тыс. человек, более половины из них не вернулась [19: 12]. Были призваны на фронт свыше 90 тыс. жителей Северной и 22 тыс. Южной Осетии [20: 8]. Из Дагестана за годы войны было мобилизовано на фронт более 180 тыс. человек, из которых более 90 тыс. не вернулось с полей сражений [2]. В Краснодарском крае было призвано на фронт 600 тыс. кубанцев, около 20 % жителей края [11: 46]. Около 16,5 тыс. сыновей и дочерей карачаевского

народа ушли на фронт и геройски сражались в годы Великой Отечественной войны, еще 2 тыс. человек служили в тыловых частях, 9 тыс. из них погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны [14].

Многие пошли на фронт добровольцами. Сведения об этом также не обобщены для всего региона. В Краснодарском крае было подано почти 30 тыс. заявлений о желании добровольно отправиться на фронт [11: 51]. На Ставрополье в первые июньские дни войны в военкомат поступило 5909 заявлений с просьбой отправить добровольцем на фронт [19: 34]. В Дагестане поступило более 3350 заявлений, в том числе 677 от женщин. На фронт шли целые семьи. А. Абдулгамидов из аула Уркучи-Махи Акушинского района отправил на фронт 12 сыновей и внуков. Т. Тагирова из с. Ахты проводила на фронт семерых сыновей. У Эфендиевых из села Кумух пятеро защищали Родину, один из них был начальником политотдела дивизии, затем командиром полка. Шестеро братьев Исмаиловых из с. Кака Ахтынского района сражались на фронте [3].

Начальный период войны был очень трудным, страна превратилась в единый боевой лагерь. Участие в перестройке хозяйства на военный лад – это тоже вклад региона в разгром сил гитлеровской Германии. Сведения об этом процессе также разрознены по республикам и краям. Для Ставрополья и Кубани главной была борьба за урожай. Она велась по-военному – перевыполнение заданий вдвое, втрое было обычным и массовым явлением. Уборка урожая была завершена к 1 августа 1941 г. К началу сентября колхозы и совхозы Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края выполнили план сдачи государству на три четверти от намеченного – страна получила 65 млн пудов зерна, а осенью большинство хозяйств завершило выполнение годовых плановых поставок мяса, молока, шерсти, яиц [19: 135]. В Северной Осетии заводы «Электроцинк», вагоноремонтный, стекольный перешли на производство военной продукции: выпускали бомбы, снаряды, гранаты, сабли, создавали и снаряжали бронепоезда [9; 20]. С середины ноября 1941 г. из 40 промышленных предприятий Махачкалы 22 выполняли военные заказы. В Майкопе 17 промышленных предприятий из 46 полностью работали на нужды Красной армии [13: 67]. Из 1685 промышленных предприятий Краснодарского края 1245 давали продукцию для фронта. Швейные предприятия перешли на выпуск гимнастерок, брюк, шаровар, шинелей, телогреек, армейских ушанок, другого имущества [1; 8; 11]. Весомый вклад в общую победу всех республик и краев Северного Кавказа еще не получил должного обобщения. Мобилизация трудовых ресурсов для поддержания экономики тыла воюющей страны сыграла немаловажную роль в победе над врагом. Только на полях Ставропольского края летом 1941 г. труженикам села помогали убирать урожай и проводить другие работы свыше 100 тыс. городских жителей [19: 130].

В 1941 г. на Северном Кавказе начали формироваться воинские части и подразделения. Только в Орджоникидзевском крае были сформированы, экипированы и подготовлены для последующей отправки на фронт 343-я и 320-я стрелковые,

53, 56 и 70-я кавалерийские дивизии, 68-я и 76-я морские стрелковые бригады, позже – 511-й и 6-й добровольческие кавалерийские полки. На территории Орджоникидзевского и Краснодарского краев до конца 1941 г. были укомплектованы стрелковый и танковый корпуса, три стрелковых, горнострелковая, танковая и авиационная дивизии, шесть военных училищ и другие боевые и тыловые части в общем количестве 371 430 человек, в том числе 320 396 – рядового состава. В июле 1941 г. началось создание Краснодарским крайкомом ВКП(б) кавалерийских казачьих сотен. В Северо-Кавказском военном округе (далее – СКВО) было сформировано 15 кавалерийских дивизий, в их числе – сформированные на Кубани 62, 64, 66 и 72-я добровольческие кавалерийские дивизии. Все они осенью – зимой 1941 г. приняли участие в оборонительных и наступательных боях за Ростов-на-Дону [6; 11; 19].

Чрезвычайно важным вкладом в разгром врага в условиях войны стало лечение раненых и больных бойцов Красной армии. На территории Кавказа формировалась крупная госпитальная база. В 1942 г. госпитальная сеть Дагестана насчитывала более 12 тыс. коек [13: 78]. В Северной Осетии в первые же месяцы войны было ускоренно подготовлено 428 медицинских сестер и 557 сандружинниц [21: 19]. Курортные города Ставрополья и Краснодарского края стали важной частью госпитальной базы Советского Союза. К концу августа 1941 г. на базе санаториев и пансионатов Ставрополья было развернуто 47 эвакогоспиталей на 28 034 койко-места. Самой крупной госпитальной базой стал Кисловодск, в котором было открыто 25 госпиталей на 16 тыс. мест. Всего на Ставрополье было развернуто 106 госпиталей на 32 тыс. мест, из них половина в Кисловодске. И в последующие месяцы войны власти региона продолжали наращивать мощности госпитальной базы. Много раненых прошло через госпитали. Три четверти из них возвратились в строй благодаря медикам, и это вклад региона в победу [15: 12]. За большой вклад в лечение раненых города Кисловодск и Сочи были награждены орденом Отечественной войны I степени.

Немаловажным вкладом в возможность выстоять стране стало размещение в регионе более 1 млн эвакуированных. С лета 1941 г., в самый тяжелый и трагический период войны, проходили эвакуация населения и перемещение материально-технических ценностей предприятий, колхозов, совхозов в тыловые районы и на Кавказ, в частности. Это было спасение мирных граждан, стариков и детей от физического истребления. Параллельно взрослое население привлекалось к работе в местах нового проживания в интересах экономики и фронта. К 1 октября 1941 г. только на территории Орджоникидзевского края оказалось более 226 тыс. эвакуированных [19: 25]. Население республик оказывало беженцам посильную помощь. Только в Кабардино-Балкарии собрали около 120 т продовольствия, 122 тыс. промышленных товаров, 3580 предметов одежды и др. [9: 34].

Важно обобщить и работы по строительству оборонительных укреплений. Оборонительные сооружения строились в 1941 г. от Чёрного до Каспийского морей.

В их сооружении участвовало более 1 млн человек из краев, республик и областей. В 1942 г. население Северного Кавказа было вновь мобилизовано на строительство оборонительных сооружений. Дагестанский обком ВКП(б) и Совнарком ДАССР 10 августа 1942 г. приняли решение о мобилизации граждан Махачкалы на возведение Махачкалинского оборонительного рубежа. Ежедневно на оборонительных работах трудилось более 4 тыс. человек. Дагестан в 1942 г. не был захвачен немцами, он стал прифронтовым и стратегически важным районом, через который проходили морские и железнодорожные пути, связывающие центр с Закавказьем, по которым перевозили ценные военные и народно-хозяйственные грузы. Одних только земляных работ здесь было произведено до 10 млн куб. м [13: 80]. За этот же период героическими усилиями в Дагестане было сооружено восемь крупных оборонительных линий, которые протянулись по берегам рек Терек, Сулак и в районах Дербента и Махачкалы.

Обобщение знаний об участии народов Кавказа в разгроме нацистских войск в 1941–1945 гг. необходимо для формирования целостного представления о роли народов региона в борьбе за свободу и независимость. Битва за Кавказ стала одним из самых продолжительных сражений Великой Отечественной войны. Победа советских войск в Битве за Кавказ не позволила немецко-фашистским войскам выйти к нефтепромыслам и источникам стратегического сырья, расположенным в Закавказье [22: 125]. По планам гитлеровцев во главе Кавказа должен был стоять наместник, которому подчинялись отдельные районы со своими наместниками: Грузия, Азербайджан, Горный Кавказ, Кубань, Терек. К счастью, эти планы не реализовались [3: 47]. Народы всего СССР сражались за Кавказ, а народы Кавказа сражались еще и за свой дом, землю своих предков. На Северном Кавказе и в Закавказье в кратчайшие сроки были сформированы национальные дивизии и пополнены другие воинские формирования, которые приняли непосредственное участие в боевых действиях по защите региона [16: 5, 156].

От единства всех народов СССР и народов Кавказа в том числе зависела судьба всей страны. Исследователи указывают на высокую значимость разгрома гитлеровских войск на Кавказе в коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны наряду со Сталинградской и Курской битвами [7; 9]. Изучение этих событий требует обобщения и углубления. Профессор Северо-Кавказского федерального университета Н.Д. Судавцов предлагает создание энциклопедии по Битве за Кавказ с объединением усилий всех ученых региона, занимающихся изучением этой темы.

На оккупированной территории немцы не только устанавливали свой новый порядок, но и тотально уничтожали людей. На всех оккупированных территориях Северного Кавказа было уничтожено свыше 100 тыс. мирных жителей. Миллионы советских людей погибли в ходе бомбардировок и артиллерийских обстрелов, были уничтожены в концентрационных лагерях, газовых камерах, душегубках, расстреляны, угнаны на принудительные работы в Германию. Каждое совершенное

преступление по отношению к советским мирным гражданам должно получить не только историческую, но и правовую оценку. С 2020 г. на сайте Росархива открылся федеральный архивный проект «Без срока давности: Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Он подготовлен в соответствии с решениями Оргкомитета «Победа» Росархивом совместно с ФСБ, министерствами обороны, внутренних дел и иностранных дел России. Проект призван сделать широко известными факты геноцида мирных советских граждан, увековечить имена жертв нацистского террора, выявить ранее неизвестные факты зверств и преступников, избежавших наказания [18]. Изучение нацистских преступлений показывает, что Красная армия освободила Северный Кавказ и иные оккупированные территории СССР и спасла их население от геноцида.

Победа над гитлеровской Германией стала возможной, благодаря объединению усилий всех народов нашей многонациональной страны. Исторически сложившееся и идеологически поддерживаемое советской государственной системой многонациональное содружество народов СССР стало тем фактором, который требует изучения через призму всех особенностей Северо-Кавказского региона. Довоенная советская система воспитания в духе героизма и патриотизма, как считали многие современники, доказала свою жизнеспособность в самой экстремальной обстановке. Существенный вклад в дело разгрома немецко-фашистских агрессоров внесли все кавказские народы. У всех народов Кавказа есть награжденные высшей степенью отличия Герои Советского Союза [12; 16: 152–155].

Развернувшаяся в предгорьях Кавказа с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. битва стала не только одним из самых продолжительных сражений в годы Великой Отечественной войны, но и общим местом памяти о борьбе за независимость народов России, Азербайджана, Армении, Грузии. В 2020 г. в России была учреждена новая памятная дата 9 октября – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ. Укоренение этой даты в представлениях современных граждан России и особенно молодежи, как и дальнейшее углубление исследований, является важной задачей, работа по реализации которой должна активно проводиться учебными заведениями и научно-исследовательскими центрами.

Источники и литература

1. *Ачмиз К.Г.* Адыгея и адыги в Великой Отечественной войне и сохранение памяти о Великой Победе в республике // Великая Победа, добытая единством. Материалы Первой международной региональной конференции в Туапсе 29–30 апреля 2010 г. М., 2011. С. 47–53.

2. *Бабаев А.-М.Б.* Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Института ИАЭ. 2010. № 2. С. 5–11.

3. *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000.

4. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

5. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах / под общ. ред. С.И. Линца. Пятигорск, 2015.

6. *Бурмагин А.Г.* К вопросу о формировании Кубанских кавалерийских дивизии в июле – августе 1941 г. // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (13). С. 67–69.

7. Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.): сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2018.

8. *Глухов В.М., Ачмиз К.Г.* Адыгея в дни Великой Отечественной войны. Майкоп, 2008.

9. *Дзидзоев В.Д. Баликоев Т.М.* Интернационализм и патриотизм как источник победы над германским фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Северного Кавказа) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 4. С. 34–36.

10. Единство и братство народов Кавказа – решающий фактор победы в Битве за Кавказ (к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов). Сборник материалов Международного научно-практического форума (г. Пятигорск, 8 октября 2021 г.). Ставрополь, 2021.

11. *Жинкин А.В., Черный В.И.* Сражающаяся Кубань. Вклад кубанцев в Победу над фашизмом. Краснодар, 2014.

12. Золотые звезды Кабардино-Балкарии: очерки о Героях Советского Союза – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 2010.

13. *Каймаразов Г.Ш.* Вклад народов Дагестана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2015. № 2. С. 64–87.

14. *Койчуев А.Д.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998.

15. *Линец С.И.* Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2010.

16. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / под ред. Е.Ф. Кринко. Ростов н/Д., 2022.

17. Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945: материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала, 2005.

18. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны. URL: https://victims.rusarchives.ru/ (дата обращения: 14.04.2024).

19. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. С.И. Линца. М., 2018.

20. *Тедтоев А.А.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Орджоникидзе, 1968.

21. *Халимбекова Ф.А.* Женщины Кавказа в Великой Отечественной войне // Вестник Владикавказского научного центра. 2012. № 12. С. 18–22.

22. *Януш С.В.* Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942–1943 гг.). М., 2020.

А.Е. Епифанов

ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНАЯ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЙСК НКВД ПО ОХРАНЕ ТЫЛА НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА НА РУБЕЖЕ 1942/1943 гг.

В мае 1942 г., согласно приказу НКВД СССР № 00852 от 28 апреля 1942 г., войска НКВД по охране тыла (далее – ОТ) действующей Красной армии были переформированы и включены в состав внутренних войск НКВД, в непосредственном подчинении которого они находились вплоть до мая 1943 г. [7: 251] Для руководства деятельностью войск НКВД, охраняющих тылы фронтов, в составе Главного управления внутренних войск (далее – ГУВВ) НКВД СССР было сформировано Управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии в составе оперативного и разведывательного отделов. Руководство по иным вопросам оперативно-служебной и боевой деятельности войск осуществлялось соответствующими отделами ГУВВ НКВД СССР.

В общей сложности в состав войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии были приняты:

– управлений войск НКВД по ОТ фронтов – 11;
– отдельная пограничная бригада – 1;
– пограничных полков – 37;
– пограничных отрядов – 6;
– пограничных комендатур – 5;
– отдельных пограничных батальонов – 3;
– различных подразделений боевого обеспечения – 23 [7: 251].

Общая штатная численность названных частей и подразделений составляла 65 978 бойцов и командиров при списочной численности в 50 758 человек. Проведение данного мероприятия положительно сказалось на состоянии руководства частями НКВД, охранявшими тылы Красной армии, и повысило результативность их деятельности.

Последующие организационные изменения в составе фронтов Красной армии в период с мая 1942 по май 1943 г. вызвали необходимость проведения в составе войск НКВД по охране тыла ряда новых организационных мероприятий. В этот

период были организованы восемь управлений войск ОТ фронтов и шесть пограничных полков. Шесть управлений войск НКВД по ОТ фронтов были расформированы [7: 251 об.].

В данной работе будут рассмотрены организация и деятельность войск НКВД ОТ фронтов южного направления. Войска НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта во главе с полковником И.И. Павловым составляли пять пограничных полков общей численностью 6295 бойцов и командиров. Протяженность охраны вверенного им участка составляла 420 км. С 26 июля по 1 августа 1942 г. 24-й пограничный полк героически оборонял переправы через Манычский канал на Южном фронте. При этом подразделениями полка были уничтожены 575 солдат и офицеров противника, восемь катеров, 13 пулеметов и восемь минометов. С 1 по 11 марта 1943 г. 143-й стрелковый полк НКВД вел оборонительные бои на южных подступах к г. Изюм, в ходе которых было уничтожено 60 вражеских солдат и офицеров, восемь танков и три автомашины. Также были подбиты два бомбардировщика противника. Ликвидированы две бандгруппы общей численностью 63 человека. Снайперами названных частей были выведены из строя убитыми и ранеными 5613 вражеских военнослужащих.

В результате оперативно-служебной деятельности внутренних войск ОТ названного фронта были задержаны 101 372 человека, в том числе 82 446 военнослужащих и 18 926 гражданских. В результате фильтрации 94 394 человек 6654 из них были разоблачены. В их числе оказались 50 агентов разведывательных органов противника, 274 агента гестапо и полиции, 63 бандита, 731 изменник, 3057 ставленников и пособников гитлеровцев, 852 дезертира и 78 мародеров. У задержанной агентуры противника было захвачено две радиостанции, шесть единиц оружия и 43 070 руб. советских денег. У бандитов изъяли четыре единицы оружия и шесть гранат [6: 13–15].

Войска НКВД по охране тыла Южного фронта под командованием генерал-майора С.И. Гусарова включали три погранполка и два отдельных стрелковых батальона общей численностью 4899 человек. Бойцы и командиры названных частей принимали активное участие в боевых действиях. С 17 по 22 мая 1942 г., находясь в составе войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта, 79-й пограничный полк вел тяжелые бои на Изюм-Барвенковском направлении. Из окружения удалось выти лишь 231 человеку. 25 августа 1942 г. заставы названного полка вели бои в районе Ерзовки под Сталинградом. 14 сентября 1942 г. они сражались с автоматчиками противника, пытавшимися захватить переправы через Волгу в самом Сталинграде.

С 3 июня по 18 августа 1942 г. 25-й Краснознаменный погранполк, находясь в составе войск НКВД по охране тыла Южного, а затем Закавказского фронта, вел оборонительные бои в районе Раздорской, Армавира и Рожкао. Совершив тяжелейший переход через Главный Кавказский хребет, полк с 22 августа по 11 ноября 1942 г. приступил к обороне перевалов Санчаро, Мамисонского и др. За период боевых

действий его бойцы и командиры уничтожили 2425 солдат и офицеров противника, 14 танков, четыре бронемашины противника, пять орудий, четыре минометных батареи, 41 пулемет и 12 автомашин. Были захвачены трофеи и пленные [6: 15].

Кроме того, войсками НКВД ОТ Южного фронта были ликвидированы три бандгруппы. Трое бандитов при этом были убиты, а 72 захвачены живыми. Снайперами были убиты и ранены 559 солдат и офицеров противника. В результате служебно-оперативной деятельности по охране тыла Южного фронта внутренними войсками были задержаны 58 085 человек, в том числе 43 146 военнослужащих и 14 939 гражданских лиц [5: 34].

В результате фильтрации 64 862 человек 4489 из них были разоблачены. Среди них оказались 76 агентов разведывательных органов противника, 118 агентов гестапо и полиции, 76 бандитов, 323 изменника, 1531 ставленник и пособник гитлеровцев, 1141 дезертир и 179 мародеров. У задержанной агентуры противника было захвачено семь единиц оружия и 9458 руб. советских денег. У бандитов изъяли семь единиц оружия и 179 патронов [6: 16].

Семь полков внутренних войск под командованием полковника С.М. Фадеева в составе 9133 бойцов и командиров осуществляли охрану тылов Северо-Кавказского фронта на протяжении 125 км. Вместе с тем они принимали активное участие в боевых действиях. Так, 24-я отдельная погранкомендатура около восьми месяцев участвовала в обороне Севастополя. Из окружения удалось вырваться лишь 18 ее бойцам и командирам. С 8 по 20 мая 1942 г. 26-й Краснознаменный погранполк, 95-й погранполк и 25-я отдельная погранкомендатура вели тяжелые оборонительные бои на Керченском полуострове. Их личным составом были уничтожены 2620 солдат и офицеров противника, 54 танка и 20 самолетов. В плен были захвачены 100 вражеских военнослужащих.

С 21 августа по 5 сентября 1942 г. 23-й дважды Краснознаменный пограничный полк в ходе наступления овладел рядом укрепленных высот и Азишским перевалом. До 14 января 1943 г. полк прочно удерживал перевал. Второй батальон этого полка до 3 февраля 1943 г. вел наступательные бои и овладел населенными пунктами Нижегородская, Дагестанская, Курджипская и Садовый. 29 января 1943 г. он первым ворвался в Майкоп, где предотвратил подготовленные противником взрывы вокзала, аэродрома, бензохранилища, спиртоводочного завода, складов боеприпасов и других объектов, захватив при этом большое количество трофеев. За образцовое выполнение заданий командования полк был награжден вторым орденом Красного знамени.

С 23 марта 1943 г. 1-й батальон 26-го Краснознаменного и 2-й батальон 95-го Ордена Ленина погранполков вели бои с гитлеровцами на Кубани, действуя в составе Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского войск НКВД генерал-майора И.И. Пияшева [6: 17].

Войсками НКВД охраны тыла Северо-Кавказского фронта были ликвидированы 23 бандгруппы. При этом были убиты 176 и захвачены живыми 477 бандитов.

Снайперы частей внутренних войск убили и ранили 3697 солдат и офицеров противника.

В ходе оперативно-служебной деятельности внутренних войск были задержаны 159 789 человек, в том числе 136 635 военнослужащих и 23 154 гражданских. Из 131 672 человек, подвергнутых фильтрации, 18 602 были разоблачены. Среди них были выявлены 202 агента разведывательных органов противника, 136 агентов гестапо и полиции, 653 бандита, 2382 изменника, 4219 ставленников и пособников гитлеровцев, 3595 дезертиров и 391 мародер [3: 59].

У задержанной агентуры противника были изъяты радиостанция, взрывчатка, шифры, коды и 2000 руб. советских денег. У бандитов захватили два станковых пулемета, восемь автоматов, 188 винтовок, 17 револьверов, 16 гранат, 7994 патрона, 44 парашюта, 13 лошадей и 1000 голов мелкого скота [6: 18].

Несомненно, названные части и подразделения войск НКВД по охране фронтовых тылов внесли существенный вклад в разгром гитлеровских оккупантов на южном направлении советско-германского фронта, проявив при этом беспримерную отвагу и массовый героизм. Вместе с тем представляется, что было бы ошибкой безоглядно идеализировать их оперативно-служебную и боевую деятельность. По нашему мнению, для предотвращения подобных недостатков в аналогичных условиях на современном этапе необходимо учитывать не только положительный, но и отрицательный опыт.

Организация боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД ОТ сопровождалась рядом досадных недочетов. Так, в период успешного наступления частей Красной армии на Юго-Западном и Южном фронтах подразделения пограничных полков вперед продвигались медленно, отставая от боевых порядков наступающих частей на 30–50 км и более. Передислокация отдельных подразделений внутренних войск вслед за наступающими частями Красной армии не практиковалась, перемещение как правило производилось только целым полком. Передислокация передовых застав производилась скачками, на 30–40 км. При этом расположенные между пунктами старой и новой дислокации населенные пункты «влиянием» внутренних войск не охватывались, в результате чего тылы фронтов оказывались сильно «засоренными» [7: 262]. Выявление и изъятие враждебных элементов при этом осуществлялись крайне медленно [4: 21]. Наведение строгого «революционного порядка» в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов населенных пунктах, включая изъятие у местного населения оружия, организацию сбора трофейного вооружения и имущества, уборку трупов гитлеровцев и павших животных, ограничение передвижения граждан, светомаскировку и т.п., осуществлялось слабо. Связь с командующими армиями и их оперативными отделами, командирами частей и их штабами на должном уровне не поддерживалась. В результате они лишались возможности принимать своевременные и правильные решения по передислокации своих подразделений.

В период вынужденного отхода частей Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов управление внутренними войсками зачастую терялось. Утратив связь с вышестоящим командованием, многие части и подразделения войск НКВД по охране тыла, в том числе 2, 91, 25 и 24-й пограничные полки, отходили с ранее занимаемых рубежей не по приказу свыше, а самостоятельно. В этой связи они зачастую оказывались одни и вынуждены были вступать в тяжелые бои, неся при этом большие потери. Никем не управляемые, потеряв связь между собой и с командованием, некоторые части и подразделения внутренних войск смешивались с отходившими частями Красной армии, в результате чего не могли выполнять возложенные на них задачи на промежуточных рубежах.

Там, где отход частей Красной армии проходил недостаточно организованно, подразделения войск НКВД ОТ хотя и задерживали значительное количество советских военнослужащих, но действовали недостаточно решительно для того, чтобы силой оружия заставить паникеров и трусов вспомнить о своем долге и организовать отпор врагу [7: 263]. Большинство застав, снявшись с охраняемых ими рубежей, отходили вслед за частями Красной армии, не имея при этом конкретных целей и задач. О подобной неорганизованности отхода подразделений внутренних войск свидетельствовал тот факт, что из 1107 человек потерь, учтенных за период отхода летом 1942 г., по частям войск НКВД ОТ Сталинградского фронта только 29 значились убитыми и ранеными. Остальные были зафиксированы как «без вести пропавшие» [7: 263]. Подобные факты были следствием серьезных недочетов в системе управления войсками, организации службы по охране тыла фронтов, а также недостаточной инициативы, оперативности, гибкости и решительности в работе командиров частей и их штабов [2: 101].

Существенные проблемы в организации оперативно-служебной и боевой деятельности войск НКВД по охране тыла фронтов сохранились и в период стабилизации положения. В летний период 1942 г. абсолютное большинство командиров частей внутренних войск стремились к «кордонному» расположению застав. При этом они вытягивались в одну линию на широком фронте. Эшелонирование застав по глубине охраняемых участков при этом отсутствовало. Это лишало внутренние войска возможности в период отхода частей Красной армии организовывать промежуточные рубежи заграждения и обеспечить тем самым его непрерывность если не на всем фронте, то хотя бы на наиболее важных его направлениях.

Отмечалось пренебрежение вопросами управления и связи, слабая выучка и низкая требовательность командного состава. Осложнение обстановки привело к тому, что многие командиры и штабы всех степеней не проявили должной инициативы, гибкости и напористости с тем, чтобы ценой любого напряжения, не взирая ни на что, обеспечить связи командования со своими частями и подразделениями, а также между собой. Населенные пункты в прифронтовой полосе разведывательно-поисковыми группами (далее – РПГ) проверялись нерегулярно. Местные

жители имели возможность беспрепятственно проникать на ее территорию, несмотря на отселение [7: 264].

Между тем РПГ в практике внутренних войск являлись наиболее эффективным видом наряда. Однако некоторые командиры частей и подразделений войск НКВД ОТ его недооценивали и правильно применять не умели. В этой связи зачастую РПГ действовали безрезультатно. В полосе Северо-Кавказского фронта, например, некоторые начальники застав поручали РПГ «попутные» задачи, не относившиеся к их компетенции, в частности по проведению бесед с колхозниками [1: 152].

Оперативный отдел Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии 22 мая 1943 г. отмечал, что личный состав РПГ предварительно не подбирался. Как правило, группы сколачивались наспех из бойцов и командиров, случайно попавшихся под руку. По этой причине поиски велись неумело и в большинстве своем безрезультатно. Когда такие группы вступали в бой с противником, они зачастую проявляли трусость и растерянность, вместо активных действий переходили к обороне. В ходе преследования гитлеровцев или бандитов РПГ нередко действовали медленно, вследствие неумелой организации преследования часто попадали под внезапный огонь из засад, подрывались на вражеских минах и несли ненужные, ничем не оправданные потери, как это, например, имело место среди личного состава 72, 80 и 82-го пограничных полков. В результате существенных недостатков в организации и планировании службы, служебные наряды обнаруживали прорывы вражеских разведгрупп с большим опозданием, до 20 часов. Неудовлетворительное состояние связи приводило к тому, что начало организации поисков затягивалось до 36 часов и более [7: 268].

Нередко формально организовывалась служба контрольно-пропускных пунктов (далее – КПП). Соответствующие места предупредительными знаками не оборудовались, шлагбаумы не устанавливались, личный состав сигнальными флажками не снабжался. Места расположения КПП часто превращались в места сбора и отдыха проходящих по дороге лиц [7: 266].

Одним из основных недочетов внутренних войск при охране фронтовых тылов являлась плохая маскировка нарядов. На основе показаний задержанных шпионов, террористов и дезертиров было установлено, что при проникновении на советскую территорию они предварительно выслеживали расположение нарядов внутренних войск, после чего безнаказанно обходили их. В целом боеготовность нарядов в рассматриваемый период оценивалась командованием войск НКВД ОТ как низкая. Службу они несли, имея в своем распоряжении только по 10–30 патронов, вместо 120 положенных. На Юго-Западном и Южном фронтах отмечалось, что бойцы внутренних войск в наряд саперных лопат с собой не берут. Вместе с тем по всем фронтам, в том числе южного направления, состояние оборонительных сооружений в пунктах расположения внутренних войск было плохим.

Источники и литература

1. *Ашихмина А.В.*, *Епифанов А.Е.*, *Абдрашитов В.М.* Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Волгоград, 2008.

2. *Долгих Ф.И.* История государства и права России: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

3. *Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4. С. 54–61.

4. *Епифанов А.Е.* Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21–22.

5. *Епифанов А.Е.*, *Джамбалаев Я.Р.* Особые государственно-правовые режимы в отечественной теории государства и права // Право и практика. 2012. № 1. С. 30–36.

6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 589.

7. РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592.

И.Е. Татаринов

ГЕРОИ ДОНБАССА В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ: ГЕНЕРАЛ АНАТОЛИЙ ИОСИФОВИЧ ПЕТРАКОВСКИЙ

Сегодня на пространстве исторической памяти в ряде стран так называемого «коллективного Запада» наблюдается отчетливая тенденция переписывания итогов Второй мировой войны и принижения роли Советского Союза и его решающего вклада в уничтожение нацизма, которое приблизило победу Красной армии. Ставится цель формирования ложных представлений о ключевых сражениях на фронтах Второй мировой войны, вымарывается из мемориального пространства само понятие «Великая Отечественная война», всячески популяризируются различные псевдоисторические мифы. Важно противопоставить этой массированной пропаганде объединенные усилия научной общественности и государственных структур с целью дать отпор попыткам извратить память о Великой Победе.

Герои Донбасса внесли свою бесценную лепту в Победу, и многие из них были награждены высокими правительственными наградами, в том числе и высшей наградой – званием Героя Советского Союза. Одним из таких героев был первый командир сформированной в Ворошиловграде (ныне – Луганск) 395-й «шахтерской» стрелковой дивизии – Герой Советского Союза Анатолий Иосифович Петраковский, воевавший в лесах Карелии и степях Донбасса, в горах и на равнинах Кавказа, громивший врага на Днепре и Дальнем Востоке. Однако сведения

об этом герое сегодня весьма слабо представлены в пространстве исторической памяти.

Из биографии А.И. Петраковского известно, что он родился в 1901 г. в д. Нижняя Сафроновка Херсонской губернии в крестьянской семье. Избрав военную карьеру, он в 1924 г. окончил Владикавказские пехотные курсы красных командиров, по окончании которых служил старшиной в 39-м стрелковом полку 13-й Дагестанской стрелковой дивизии (г. Дербент). В 1927 г. он окончил Владикавказскую пехотную школу комсостава и вернулся для прохождения службы в 13-ю Дагестанскую стрелковую дивизию, где занимал различные командные должности [3: 425–426]. Во время советско-финской войны Петраковский занимал должность командира батальона 554-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии 7-й армии. Особо он отличился 11 февраля 1940 г. в бою в районе 1,5 км западнее населенного пункта Хотинен, где командовал батальоном и в ходе боя «под сильным заградительным огнем белофиннов, прорвал два ряда проволочной сети и ворвался в окопы противника на выс. Безымянная… После короткого боя противник был отброшен к опушке рощи на высоте, а затем сбит и со второй линии окопов и отброшен в лес» [6: 20–20 об.]. В дальнейшем он с оставшимися бойцами батальона героически отразил до шести контратак окружившего их противника. «После артподготовки части 138 сд снова заняли высоту Безымянная и рощу Угольник и освободили группу капитана Петраковского. Пробывший всю ночь в полном окружении капитан Петраковский личным примером мужества и преданности Родине, показал блестящие качества воина-гражданина, готового защищать интересы своей Великой Родины до последнего вздоха, до последней капли крови» [3: 425–426]. За этот подвиг капитану А.И. Петраковскому было присвоено звание Героя Советского Союза [3: 426] с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Великую Отечественную войну А.И. Петраковский встретил слушателем Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Сложная боевая обстановка на южном фланге обусловила принятие постановления Государственного комитета обороны № 506с от 18 августа 1941 г. о призыве в ряды Красной армии 40 тысяч шахтеров Донбасса и укомплектования ими четырех стрелковых дивизий [4: 70]. Удалось укомплектовать четыре стрелковые дивизии под номерами 383, 393, 395 и 411, а особенности комплектования позволяют неофициально именовать их «шахтерскими». Полковнику А.И. Петраковскому было поручено формирование 395-й стрелковой дивизии (дислокация – г. Ворошиловград), личный состав которой состоял в основном из шахтеров угольного комбината «Ворошиловградуголь». В дивизии значились: 12 141 боец рядового состава, 1682 человека младшего комсостава, 843 офицера комначсостава и 135 политработников. Примерно 10,5 % состава дивизии, или 1212 человек, были членами ВКП(б) [11: 246]. Командуя 395-й стрелковой дивизией в составе 9-й армии Южного фронта, полковник А.И. Петраковский участвовал в Донбасской оборонительной операции и в оборонительных боях под

Мариуполем. С середины октября 395-ю стрелковую дивизию передали 18-й армии, где ворошиловградские шахтеры участвовали в Ростовских оборонительной и наступательной операциях, а летом 1942 г. дивизия под командованием А.И. Петраковского принимала участие в Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции.

18 февраля 1942 г. командование 18-й армии подписало представление на награждение полковника А.И. Петраковского орденом Красного Знамени. В документе отмечалось, что «части Петраковского, состоящие из шахтеров Донбасса, за период боевых операций с октября м-ца 1941 года в борьбе с германскими захватчиками показали немало образцов героизма и отваги нанося противнику огромные потери… За период боевых действий с 8.10.41 г. по 15.2.42 г. дивизией под командованием тов. Петраковского было уничтожено: до одной пехотной дивизии противника, 32 танка, 4 бронемашины, 5 орудий, 84 автомашины с пехотой, 42 повозки с боеприпасами, 49 станковых пулеметов, 60 наблюдательных пунктов, 8 пулеметных гнезд, 74 минометных батареи и другой ущерб материальной части… За умелое руководство в бою, проявление мужества и отваги в борьбе с немецкими захватчиками – достоин правительственной награды – Ордена “Красное Знамя”» [5: 72–72 об.].

В начавшейся в июле 1942 г. масштабной битве за Кавказ, длившейся 442 дня, части под командованием А.И. Петраковского показали примеры мужества, героизма и стойкости в борьбе с врагом, а сам Анатолий Иосифович уже считался решительным и волевым командиром, смелым и бесстрашным в бою, которого «в самой сложной обстановке можно видеть в ответственных и опасных местах как руководителя боя» [5: 72]. 21 июля 1942 г. ему присвоено звание генерал-майора. С августа Петраковский – временно исполняющий обязанности командующего оперативной группой Пшадского направления Северо-Кавказского фронта [2: 1182]. Из боевого донесения штаба группы войск Пшадского направления от 4 сентября 1942 г., хранящегося в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, известно, что оперативная группа под командованием генерал-майора А.И. Петраковского стойко сдерживала рвущегося к кавказским перевалам врага: «Войска группы, обороняя прежние рубежи обороны боем вели разведку противника. Отбивая попытки противника вести силовую разведку из Ильская и Дербентская (уничтожено до взвода пехоты и одна автомашина) производили инженерные заграждения… Матобеспечение: боеприпасов – 2 б/к, продовольствия – 10–15 сутдач, горючего – 3 заправки. Прошу немедленно подать обмундирования, обувь и мин 82 и 120 мм. Задачи на 5.09.42 г.: а) упорно оборонять… рубежи обороны, узды сопротивления и опорные пункты, продолжать вести боевую разведку и наблюдение за пр[отивни]ком в направлениях Северская, Ильская, Холмская; б) непрерывно нарушать работу коммуникаций прка» [10: 571–571 об.].

6 сентября 1942 г. генерал-майора А.И. Петраковского назначили на должность заместителя командующего 47-й армией Черноморской группы войск

Закавказского фронта, а с ноября того же года – на должность заместителя командующего важнейшим Туапсинским оборонительным районом. Туапсинская оборонительная операция (25 сентября – 20 декабря 1942 г.) представляется крайне интересным и важным эпизодом битвы за Кавказ. Петраковский провел большую работу по реорганизации советских войск на Туапсинском направлении, создав новые оборонительные рубежи и численно усилив состав и матчасть советских войск, а также подготовив войска к контрудару. Интересно, что планы немецкого наступления (операция «Аттика») были известны нашим войскам как по данным разведки, так и на основании показаний пленных. Так, в плен частям 395-й стрелковой дивизии сдались два словацких солдата, которые сообщили о готовящемся на 26 сентября наступлении [12: 189]. Ворошиловградские «шахтеры» в дни вражеского наступления понесли серьезные потери, приняв на себя один из самых мощных немецких ударов, но смогли отстоять свои позиции. Генерал-майор А.И. Петраковский непосредственно командовал «родной» 395-й стрелковой дивизией до 30 сентября 1942 года.

Падения Туапсе советское руководство не могло допустить. Помимо серьезных экономических и военных последствий, с выходом врага к Сочи и Сухуми вполне вероятным стало бы вступление Турции в войну на стороне Третьего рейха. Учитывая все эти факты, 10 августа Ставка ВГК строго приказала командующему Северо-Кавказским фронтом маршалу С.М. Буденному: «В связи с создавшейся обстановкой самым основным и опасным для Северо-Кавказского фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе. Выходом противника в район Туапсе 47-я армия и все войска фронта, находящиеся в районе Краснодара, окажутся отрезанными и попадут в плен. Немедленно перебросить из 47-й армии 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию и занять ею вместе с 236-й стрелковой дивизией в три-четыре линии по глубине дорогу от Майкопа на Туапсе, и ни в коем случае, под вашу личную ответственность, не пропустить противника к Туапсе» [9: 242].

Рвущегося на Черноморское побережье и к кавказским перевалам врага удалось остановить. Попытки вермахта выйти в тыл 18-й армии не принесли успеха. Батальоны 76-й морской стрелковой бригады надежно закрыли долину р. Псекупс. На участке 395-й «шахтерской» стрелковой дивизии враг также не смог сбросить ее обескровленные части с высот хребта Качканова, а дивизия «продолжала удерживать рубежи обороны» и «вела бои с разведкой противника» [12: 206]. В долине р. Каверзе успешно оборонялись части 30-й стрелковой дивизии, закрывая выход на Хребтовый перевал. На правом фланге обороны 18-й армии (на Лазаревском направлении) противник также был остановлен, а сам участок был укреплен 67-м горнострелковым полком и стрелковой бригадой. С 26 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление, к 20 декабря части правого крыла и центра армии (383-я и 353-я стрелковые дивизии, 83-я горнострелковая дивизия) вышли на р. Пшиш, где, закрепившись, отдельными отрядами захватили

плацдармы на правом берегу реки. В ходе наступательных действий с 26 ноября по 20 декабря 1942 г. в районе Туапсе советские войска разгромили Гойтхскую и Семашховскую группировки фашистов. Всего же в наступательных действиях на Туапсинском направлении за время боевых действий по разгрому только семашхинской группировки противника «было уничтожено 4200 солдат и офицеров, более 40 дзотов. Наши войска захватили 2193 винтовки, 23 миномета, 6 орудий и много другого военного имущества и вооружения» [1: 18–20].

После успешного выполнения поставленных задач на Туапсинском направлении в феврале 1943 г. генерал-майор А.И. Петраковский был назначен на должность заместителя командующего 18-й армией (командарм – генерал-майор А.И. Рыжов, а с 11 февраля – генерал-майор К.А. Коротеев), с которой участвовал в Краснодарской наступательной операции и в освобождении Краснодара с юга [2: 1182]. В полосе своего наступления 18-я армия разбила части 44-го армейского корпуса вермахта (198-я пехотная дивизия, 101-я легкая пехотная дивизия), части 4-й горно-пехотной дивизии вермахта, а также 1-ю словацкую моторизованную дивизию, которую считали низко боеспособной, учитывая общее морально-психологическое состояние словацких солдат в битве за Кавказ [7: 18]. В итоге успешное наступление 18-й и 46-й армий привело 12 февраля к освобождению Краснодара. Примечательно, что «в целях скрытности от врага Совинформбюро сообщило о взятии Краснодара частями 46-й армии генерал-майора И.П. Рослого» [8: 82], тогда как усилия понесшей большие потери 56-й армии, а также успехи 18-й армии не были отмечены Ставкой ВГК публично.

Герой Советского Союза генерал-майор А.И. Петраковский мужественно переносил все тяготы битвы за Кавказ, однако 9 июля 1943 г. был вынужден отбыть по болезни в госпиталь Наркомата обороны в Москву. После выздоровления с 18 августа Петраковский уже не возвращается на Кавказ, получив назначение командовать 57-м стрелковым корпусом в составе 37-й армии Степного, а с 20 октября 1943 г. – 2-го Украинского фронта, где он участвовал в битве за Днепр и в боях за освобождение УССР и был награжден орденами Красного Знамени, Кутузова и Суворова II степени. А его 395-я «шахтерская» дивизия, где генерал А.И. Петраковский был первым комдивом, за успехи при освобождении Тамани получила почетное наименование «Таманская», дойдя в мае 1945 г. до Берлина.

С января 1944 г. генерал-майор А.И. Петраковский вновь находился на лечении в госпитале по болезни, после чего с марта состоял в резерве Ставки ВГК (при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова). В мае того же года он был зачислен слушателем этой академии, которую окончил в марте 1945 г. В мае 1945 г. генерал-майор А. И. Петраковский был направлен в распоряжение Военного совета Дальневосточного фронта, затем 10 июня назначен заместителем командующего 16-й армией в составе 2-го Дальневосточного фронта (с 5 августа), с которой в ходе советско-японской войны во взаимодействии с Северной Тихоокеанской военной флотилией принимал участие в Южно-Сахалинской

операции, в ходе которой был освобожден Южный Сахалин, а также в Курильской десантной операции [2: 1183].

После войны Герой Советского Союза генерал-майор А.И. Петраковский продолжал служить в прежней должности заместителя командующего 16-й армией, а в ноябре 1945 г. отбыл в распоряжение Главного управления кадров Народного комиссариата обороны. С января 1946 г. он проходил службу в Военной академии им. М.В. Фрунзе в должности начальника учебного отделения командиров стрелковых дивизий запаса курсов усовершенствования командиров стрелковых дивизий при академии. В апреле 1949 г. назначен начальником Военного управления штаба Советской военной администрации в Германии (СВАГ), с марта 1950 г. исполнял должность начальника военного отдела Управляющего делами Советской контрольной комиссии в Германии. В январе 1951 г. получил назначение начальником Управления боевой и физической подготовки штаба Одесского военного округа. С ноября 1951 г. состоял в распоряжении Главного управления кадров Советской армии, затем в мае 1952 г. был назначен начальником военной кафедры Свердловского юридического института. 2 ноября 1956 г. генерал-майор А.И. Петраковский вышел в отставку [2: 1183]. В октябре 1968 г. он стал почетным гражданином Луганска. Умер 3 сентября 1969 г. в Ростове-на-Дону, был похоронен на еврейско-татарском кладбище города.

В завершение следует отметить, что вписавший свои подвиги в боевую летопись Донбасса и Кавказа Герой Советского Союза генерал-майор А.И. Петраковский внес бесценный вклад в Великую Победу. Решительность и мужество, храбрость и героизм советских солдат и офицеров под его командованием помогли отразить массированное наступление немецких войск на Кавказе летом – осенью 1942 г., уже в декабре 1942 г. приступить к изгнанию противника с советского Кавказа и победоносно завершить это грандиозное сражение. Успешное завершение битвы за Кавказ позволило военно-политическому руководству Советского Союза перейти к решительному наступлению на всех фронтах, освобождая страну от немецко-фашистских захватчиков. Сегодня сохранение исторической памяти и противостояние попыткам исказить правду о Великой Отечественной войне является исключительно важной задачей как для государства, так и для научной общественности и всех интересующихся отечественной историей. Значимой частью этой работы является восстановление исторической справедливости по отношению к незаслуженно забытым героям минувшей войны, к которым, без сомнения, относится Герой Советского Союза генерал-майор Анатолий Иосифович Петраковский.

Источники и литература

1. В боях за Туапсе. Сборник / сост. Г.С. Акопян. Краснодар, 1988.

2. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь / под общ. ред. В.П. Горемыкина. Т. 4. Командиры стрелковых, горнострелковых

дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий Ребольского направления, истребительных дивизий. (Ибянский – Печененко). М., 2015.

3. Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь / под общ. ред. М.Г. Вожакина. Т. 1. М., 2006.

4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7.

5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 14.

6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 37.

7. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 431.

8. ЦАМО РФ. Ф. 51. Оп. 932. Д. 442.

9. ЦАМО РФ. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 124.

10. ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 52.

11. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 50.

12. ЦАМО РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 7.

РАЗДЕЛ 7
Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав

В.А. Авксентьев

СЦЕНАРИИ И ПРОГНОЗЫ ДИНАМИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ 2020-х гг.[1]

На Северном Кавказе и Юге России в целом происходит нарастание противоречивых тенденций в экономической, социальной и политической сферах жизни. При отдельных успехах в экономике происходит концентрация рисков в области обеспечения безопасности Северо-Кавказского макрорегиона. Ранее мы констатировали возможность сохранения умеренного конфликтологического сценария развития региональной ситуации вплоть до середины третьего десятилетия XXI в. и отмечали, что значительных рисков нового регионального этнополитического кризиса нет. Вместе с тем подчеркивалось, что нерешенность базовых вопросов развития региона, сформулированных еще при образовании Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО), не позволяет с уверенностью пролонгировать умеренный, т.е. в целом позитивный сценарий развития субъектов Федерации, входящих в СКФО, за пределы середины третьего десятилетия XXI в. [1: 453] По мере приближения середины десятилетия становится очевидным, что наши сомнения в возможности сохранения умеренного конфликтологического сценария оправдываются.

Большинство угроз и рисков безопасности и стабильности Северного Кавказа имеют инерционный характер, за исключением существенного возрастания вероятности экстремистских и террористических проявлений в контексте ведущейся против России гибридной войны.

[1] Публикация подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100306-9.

Прежде всего, не наступило перелома в базисе регионального развития – экономике, с чем связывались перспективы улучшения общей ситуации в СКФО. 2023 год можно считать в целом удачным для экономического развития округа. Средства массовой коммуникации охотно растираживали фрагмент выступления вице-премьера российского правительства А. Новака о том, что Северный Кавказ сохраняет положительную динамику по ключевым показателям. «Растет объем инвестиций, снижается уровень безработицы. Инвесторы вкладываются в проекты, благодаря чему запускаются новые технологичные производства, создаются дополнительные рабочие места, развивается малый и средний бизнес. СКФО занимает лидирующие позиции в России по росту турпотока. С каждым годом горные курорты и санатории округа принимают всё больше гостей», – отметил А. Новак [2]. Действительно, показатели увеличения туристического потока в регион впечатляют, он выступает драйвером экономического развития на Северном Кавказе в первой половине третьего десятилетия XXI в. Бесспорно, улучшается ситуация на рынке труда.

Вместе с тем затянулся процесс реиндустриализации и ремодернизации экономики. Эксперты отмечают, что, например, в Дагестане, имеющем одни из лучших экономических показателей в округе, бесспорным первоочередным стратегическим приоритетом является восстановление и прорывное развитие современных инновационных отраслей промышленности, возрождение былой индустриальной мощи [3: 48]. Между тем реализация правильных и амбициозных задач сталкивается со многими институциональными препятствиями, которые привели республику к глубокой стагнации после кратковременного позитивного тренда во втором десятилетии XXI в.

Это в той или иной степени характерно и для других регионов СКФО. Рост инвестиций наталкивается на институциональные препятствия: низкий уровень государственного управления, отсутствие механизмов развития инновационной деятельности, частный капитал вкладывается в проекты с быстрой окупаемостью. Таким образом, улучшение экономических показателей в республиках округа достигается в основном за счет экстенсивных факторов, прежде всего за счет расширения использования природных ресурсов. Это касается и развития туризма.

Не находят решения такие базовые институциональные проблемы в экономике региона, как проблемы землепользования. Наиболее конфликтогенной из них является вопрос об использовании земель отгонного животноводства, особо остро стоящий в Дагестане, но имеющий конфликтные проявления и в других республиках, использующих эту форму сельскохозяйственного производства (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия).

Серьезными угрозами стабильности и поступательному развитию региона являются коррупция и клановость. В регионе периодически происходят коррупционные скандалы с вовлечением региональных управленческих структур.

Однако основная концентрация угроз и рисков находится в сфере обеспечения общественной безопасности. Хотя в регионе за последние годы не было резонансных межэтнических конфликтов, количество преступлений экстремистского и террористического характера не имеет тенденции к снижению.

По последним официально опубликованным данным, ситуация с преступлениями экстремистского и террористического характера выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Динамика преступлений экстремистской и общетеррористической направленности за 2018–2022 гг.

Годы	**Преступления экстремистской направленности**	**Преступления общетеррористической направленности**
2018 г.	159	840
2021 г.	124	905
2022 г.	167	805

В условиях резкого обострения геополитической обстановки на южном стратегическом направлении угрозы нарастания экстремизма и терроризма существенно возрастают, а нахождение рисков распространения международного терроризма, согласно «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года», в неактивной фазе представляется переоценкой позитивных трендов в условиях геополитических трансформаций.

Геополитические оппоненты России сместили акценты с немедленной ответной реакции (протестные действия) на более отдаленные цели: стимулирование сепаратистских настроений, «национально-освободительной» борьбы, поощрение недовольства различными сторонами деятельности российского государства. Хотя в этих подходах нет ничего нового, но их большой риск для стабильности Северного Кавказа заключается в том, что, в отличие от непосредственных протестных действий, формируются отдаленные установки на возобновление сепаратистских тенденций.

Возрастают риски радикализации отдельных групп населения, прежде всего молодежи. Молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, куда переместились самые острые и неконтролируемые дискуссии по межэтническим и межконфессиональным отношениям. Большинство деяний, имеющих признаки экстремизма и терроризма, разжигания межнациональной и межрелигиозной розни, обнаруживаются именно в виртуальном пространстве. Кроме того, молодежь наиболее болезненно воспринимает проявления несправедливости, нарушения законности и прав человека.

Одной из конкретных целей антироссийской активности является «пробуждение» «спящих» террористических ячеек. Именно с активизацией деятельности таких ячеек бандподполья связана серия террористических событий в Ингушетии весной 2023 г., организация беспорядков в аэропорту Махачкалы в октябре 2023 г. и события в Дагестане в июне 2024 г. Особенно настораживает то, что основой групповизации и конфликтной мобилизации всё чаще становится религия. Об этом свидетельствует реакция мусульманского населения Северного Кавказа на обострение израильско-палестинского конфликта и другие события, выраженный религиозный контекст событий июня 2024 г. в Дагестане. Использование религии в качестве инструмента конфликтной мобилизации формирует качественно новую рискогенную ситуации на Северном Кавказе, в которой на смену этническим линиям раскола приходят конфессиональные.

В отдельных регионах Северного Кавказа формируется «культурный экстремизм», представляющий собой абсолютизацию одного мировоззрения и навязывание одной культурной модели поведения в качестве единственно правильной и приемлемой. Этому также способствует недоурбанизированность, маргинальность части жителей региона, сохраняющиеся этнократические режимы на Северном Кавказе.

Северный Кавказ остается «недомодернизированным» регионом не только в экономическом, но и социокультурном плане. Немалую лепту во «взрыхление почвы» для «культурного экстремизма» привносит гипертрофированная увлеченность прошлым, историей, присущая северокавказскому сообществу, особенно его интеллигенции. При этом из прошлого чаще всего извлекаются этнотравмирующие сюжеты. В ряде республик нарастает клерикализация общественной жизни. В регионе всё отчетливее прослеживается раскол на светски организованное и религиозно фундированное общество. Всё это создает новые сложности и риски для формирования российской цивилизационной идентичности – задачи, поставленной высшим политическим руководством страны и в доктринальных документах.

В субъектах СКФО прослеживается тенденция усложнения этноконфессиональной структуры населения. Нарастают несвойственные региону в недавнем прошлом трудовые миграционные процессы, прежде всего из государств Центральной Азии. Вместе с ростом этнокультурного многообразия населения возникают напряженность и проблемы адаптации прибывшего населения.

Северо-Кавказский федеральный округ становится более неоднородным с точки зрения концентрации рисков общественной безопасности, и возможность выработки единого для региона конфликтологического сценария снижается. Так, проделанный ивент- и факторный анализ динамики этнополитической и этноконфессиональной ситуации в Ставропольском крае дает основание сохранить позитивный сценарий развития этнополитической ситуации до середины третьего десятилетия XXI в. Однако с учетом того, что край находится на перекрестке

миграционных и транспортных потоков из республик СКФО в другие регионы России, рост напряженности в Северо-Кавказском макрорегионе требует осторожности в пролонгировании позитивного прогноза на вторую половину десятилетия, хотя условия для сохранения позитивного сценария сохраняются. Также нарастанием позитивных трендов характеризуется региональная ситуация в Республике Северная Осетия – Алания, и для нее можно пролонгировать умеренный сценарий на вторую половину десятилетия. В Чеченской Республике формируется тенденция к устойчивому переходу на умеренно-позитивный конфликтологический сценарий развития. Такая ситуация во многом обусловлена достаточно эффективным управлением в республике, о чем свидетельствуют стабильно высокие показатели в рейтингах эффективности регионального управления. Динамика этнополитической и этноконфессиональной ситуации в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии позволяет сделать вывод о сохранении инерционного умеренного конфликтологического сценарного прогноза до середины третьего десятилетия XXI в., но оснований уверенно пролонгировать этот прогноз на вторую половину нет: имеются признаки возврата региональной ситуации на негативный сценарий в его умеренном варианте.

Концентрация рисков эскалации напряженности и негативных тенденций фиксируется в Республике Дагестан и Республике Ингушетии. В этих субъектах Федерации на Северном Кавказе наиболее вероятным является умеренно-негативный сценарий развития региональной ситуации.

Российское государство в условиях роста геополитической напряженности и «гибридной войны» успешно «купировало» значительную часть деструктивных усилий геополитических оппонентов России. В регионах Северного Кавказа проводится большая работа по предотвращению радикализации молодежи, укреплению общероссийской идентичности, воспитанию патриотизма. В условиях проведения специальной военной операции сформировались новые позитивные практики, важной частью этой работы стала поддержка военнослужащих и членов семей призванных или служащих по контракту в зоне специальной военной операции, чествование героев и увековечивание памяти погибших.

Спецификой пропаганды идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, нацизма и их оправдания является то, что эта деятельность почти полностью переместилась в интернет, в частности социальные сети, которые стали основной для их циркуляции и одновременно трудно контролируемой площадкой. Выявляется лишь небольшая часть такого контента в силу его быстрого распространения. Важную роль в пропаганде и распространении таких идей играют телеграм-каналы, в том числе модерируемые из-за рубежа. Поскольку добиться недопущения пропаганды деструктивных идей через интернет трудно, необходимо вести упреждающую профилактическую работу, прежде всего в молодежной среде. При этом важно соблюдать принцип «не навреди»: необходимо выстраивать работу таким образом, чтобы не допустить формирования нездорового интереса

к теме национализма, экстремизма и терроризма. Также необходимо учесть, что очень часто отдельные экстремистские, нацистские, националистические сюжеты «рассыпаны» в информационном пространстве среди других материалов, вписаны в различные субкультуры, молодежные модели поведения.

Во всех субъектах Федерации на территории СКФО ведется активная деятельность, направленная на профилактику национализма, расизма, экстремизма и терроризма. Созданы различные комиссии и группы, имеются программы и планы, в работе участвуют учреждения образования и культуры. Издано большое количество методической литературы. Часть этой деятельности, очевидно, приносит незначительный результат, выполняется для отчета. В этой работе много дублирования, что снижает ее результативность. С другой стороны, имеются наработки, доказавшие свою эффективность. В этой связи требуется своего рода ревизия накопленного опыта, его «просеивание», отбор эффективных форм работы. Необходимо создание «пула» позитивных практик, которые могут получить широкое распространение.

Важно учитывать психологическую составляющую пропаганды идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, нацизма и их оправдания. Несмотря на то что такие идеологии и психологические установки, как ксенофобия, национализм, национальная исключительность, могут распространяться очень быстро, в обычных социальных условиях лишь небольшая часть общества оказывается восприимчивой к таким идеям, по крайней мере на уровне установок к действию. Психотип людей, особенно молодежи, склонных к восприятию и трансляции данных идей, изучен и описан в научной литературе. В сложившихся условиях возрастает роль психологических служб в учебных заведениях по выявлению и индивидуальной работе с такими людьми. Все педагогические работники должны обладать компетенциями по профилактике распространения идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, нацизма, а также обладать компетенциями по первичному выявлению людей, склонных к усвоению и распространению таких идей, для дальнейшей работы с психологами. В этих целях необходимо включить в программы переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров дисциплины, направленные на формирование соответствующих компетенций.

Особое внимание следует обратить на систему среднего профессионального образования, в которой профилактическая работа по предотвращению распространения идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, нацизма поставлена значительно слабее, чем в школьном образовании и вузах.

Источники и литература

1. *Авксентьев В.А.*, *Гриценко Г.Д.* Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. № 3 (24). С. 442–458.

2. Александр Новак: «Северный Кавказ сохраняет положительную динамику по ключевым показателям» // Вестник экономики. 2024. 13 марта. URL: https://eurasianmagazine.ru/news/aleksandr-novak-severnyy-kavkaz-sokhranyaet-polozhitelnuyu-dinamiku-po-klyuchevym-pokazatelyam/?ysclid=lyg123tcsq568133330 (дата обращения: 15.06.2024).

3. *Ахмедуев А.Ш.* Проект стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2035 года: сомнительные цели и неудачные прогнозы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 4 (114). С. 42–51.

И.С. Багирова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В СВЕТЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ

Проблема региональной безопасности на Южном Кавказе, являвшаяся предметом многолетних дискуссий и аналитических обзоров, начинает приобретать новые очертания в последние годы в свете меняющейся буквально ежедневно геополитической ситуации как в регионе, так и в мире.

Долгое время главным препятствием на пути безопасного существования трех закавказских республик были начавшиеся еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. межэтнические конфликты, которые с распадом СССР приобрели форму межгосударственных. Основной юридический казус, обусловивший длительное существование таких конфликтов, заключается в противоречии принципа территориальной целостности и права на национальное самоопределение, которым апеллируют лидеры непризнанных республик, а приоритет первого над вторым, четко прописанный в международным законодательстве, подвергся переосмыслению самими мировыми акторами после косовского прецедента 2008 г. [17].

Другим вызовом являются взаимоотношения с мировыми державами и степень их вовлеченности в региональные проблемы. Россия, Турция, Иран, США и Евросоюз (ЕС) в большей или меньшей степени оказались в роли как откровенных сторон, так и арбитров в попытках урегулировать мирным способом разгоревшиеся конфликты.

Характерной особенностью конфликтов на Южном Кавказе, как карабахского, так и абхазского и южноосетинского, является то, что их первая, горячая, или активная, стадия проходила в одно и то же время, в 1992–1994 гг., и закончилась подписанием соглашений о прекращении огня в мае 1994 г. [15; 33: 77]. Войны принесли бесчисленные жертвы и страдания вовлеченным в них народам, огромное количество беженцев и перемещенных лиц, многие из которых до сих пор лишены возможности вернуться на родные земли.

В середине 1990-х гг., несмотря на замороженные конфликты, начинает приобретать популярность идея интеграции кавказских государств в рамках «Кавказского дома». В марте 1996 г. президенты Азербайджана и Грузии Гейдар Алиев и Эдуард Шеварднадзе подписали «Манифест о мире, безопасности и сотрудничестве в Кавказском регионе», получивший название Тбилисской декларации [19: 41–56]. В июне того же года в Кисловодске состоялась встреча президентов Азербайджана, Грузии, Армении и России, во время которой была подписана «Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе» [27]. Президенты четырех стран обратились ко всем сторонам с предложением приложить все усилия для урегулирования конфликтов на основе общепризнанных принципов и норм международного права, территориальной целостности государств и уважения законных прав многонационального населения, используя все возможные политические средства и посредническую деятельность [27].

В конце XX – начале XXI в. дважды выдвигалась идея подписания пакта стабильности на Кавказе. К этой идее активно подключились европейцы, в частности ПАСЕ [29]. Периодически на международных форумах выдвигалась и идея южнокавказского единства в рамках федеративного государства, тем более что такой опыт в истории наших стран в XX в. уже дважды был (в 1918 и 1922–1936 гг.). В новой реинкарнации такое образование, по мнению западных политиков, предполагало бы достижение взаимных компромиссов и совместное обеспечение безопасности, что привело бы к мирному решению конфликтов и в перспективе вхождению в европейское пространство. Напротив, значительная часть отечественных исследователей и политиков пессимистично смотрели на перспективы такой интеграции, мотивируя это, во-первых, наличием межгосударственных конфликтов, мало способствующих такому объединению, во-вторых, разновекторной направленностью внешнеполитических ориентиров южнокавказских стран [26: 30]. Конечно, процессы глобализации могли бы ускорить этот процесс, но пока наиболее тесное экономическое сотрудничество сложилось только между Грузией и Азербайджаном, задействованными в транснациональных проектах. Армения в силу занятой ею непримиримой позиции в карабахском конфликте на протяжении последних 30 лет оказалась практически изолированной от них.

С самого начала конфликтов они стали объектом внимания геополитических игроков на Кавказе, круг которых со временем только расширялся. По поводу Карабахского конфликта еще в 1992–1993 гг. были приняты четыре резолюции ООН, признающие территориальную целостность Азербайджана и требующие вывода армянских вооруженных сил с его территории. В 1992 г. к процессу подключились европейские структуры в лице ОБСЕ, созвавшие Минскую конференцию, которая в свою очередь создала Минскую группу для мирного урегулирования конфликта. В нее вошли представители Азербайджана, Армении, России, США, Франции,

Германии, Италии, Турции, Швеции и Финляндии. Представители трех стран: России, Франции и США – стали сопредседателями Минской группы [39].

За почти 30-летие своего существования Минская группа так и не добилась сколько-нибудь значимых результатов в продвижении мирного процесса, все ее предложения о «пакетном», «поэтапном» и пр. вариантах отвергались поочередно обеими сторонами. Продолжающиеся на протяжении всех этих лет постоянные перестрелки на границе завершились второй карабахской войной, начавшейся 27 сентября 2020 г. За 44 дня Азербайджан освободил семь районов вокруг бывшего Нагорного Карабаха, а также г. Шуша [24]. В ночь с 9 на 10 ноября 2020 г. между Азербайджаном, Арменией и Россией было подписано заявление о прекращении огня, признающее все эти территории азербайджанскими [16]. В район боевых действий, в Ханкенды (Степанакерт) был введен российский миротворческий контингент из 1960 солдат и офицеров. Заявление было подписано при посредничестве Москвы. Вхождение российских военных на территорию Азербайджана было неоднозначно воспринято в обществе, но на тот момент это казалось удачным завершением войны, представляющим Азербайджан не как оккупанта, а как освободителя своих земель.

Трехстороннее заявление, положившее конец военным действиям в Карабахском регионе, ввело нового игрока в региональные дела – Турцию. Россия и Турция решили создать общий центр мониторинга для обзора деятельности воюющих сторон в Карабахе и хода миротворческой операции. Спустя несколько месяцев после подписания Трехстороннего заявления президентами Азербайджана Ильхамом Алиевым и Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом была подписана Шушинская декларация, наиболее значимой частью которого является обязательство о военно-стратегическом союзе между двумя государствами [36: 48–49].

Армяне, особенно в Карабахе, восприняли присутствие российских миротворцев как гарант своей безопасности, и на первых порах так оно и выглядело. Однако со временем ситуация стала меняться. Участились провокационные обстрелы азербайджанских позиций со стороны карабахских армян за спинами миротворцев. Такие же провокации наблюдались и со стороны Армении. По трехстороннему заявлению от 10 ноября 2020 г. все армянские войска должны были быть выведены с территории Азербайджана. Утром 19 сентября 2023 г. в новом тоннеле на территории Ходжавендского района Карабаха взорвался автомобиль с четырьмя сотрудниками Госавтоинспекции Азербайджана [37]. В ответ было принято решение о начале локальной контртеррористической операции, которая длилась меньше суток. За 23 часа боевые позиции, артиллерийские и зенитно-ракетные установки, станции радиоэлектронной борьбы и другая военная техника армянских вооруженных сил были нейтрализованы. О проводившихся мероприятиях были проинформированы российский миротворческий контингент и турецко-российский мониторинговый центр [28].

21 сентября состоялась встреча представителя президента Азербайджана с представителями армянского населения Нагорного Карабаха, на которой со стороны Азербайджана был представлен план реинтеграции карабахских армян [5]. В этот же день была создана рабочая группа для решения социальных, гуманитарных, экономических и инфраструктурных вопросов армянских жителей Карабаха, в состав которой вошли представители министерств экономики, труда и социальной защиты населения, сельского хозяйства, внутренних дел, здравоохранения, науки и образования [5]. Несмотря на призывы властей Азербайджана к армянскому населению не покидать места своего проживания и открытие специального интернет-портала (reintegration.gov.az) для их регистрации [1], началось массовое переселение карабахских армян в Армению через Лачинский коридор. Армянская сторона не преминула воспользоваться этой ситуацией, чтобы продемонстрировать всему миру «исход» карабахских армян, что вызвало ожидаемую реакцию западных и международных организаций, обвинивших Азербайджан в «этнической чистке» [38]. Свою обеспокоенность выразила и Россия, призвав в лице представителя МИД Марии Захаровой вернуться к дипломатическому урегулированию проблемы [21].

28 сентября 2023 г. новоизбранный глава Нагорно-Карабахской Республики Самвел Шахраманян подписал указ о прекращении с 1 января 2024 г. существования республики [34]. Таким образом, карабахский конфликт, который 35 лет пытались решить мирными переговорами, был разрешен военным путем. Азербайджан полностью восстановил контроль над всей территорией Карабаха. Сейчас на повестке дня стоит вопрос подписания мирного договора и открытия коммуникаций, которые позволили бы всему региону выйти на качественно новый уровень экономического развития.

Хотя переговоры начались при посредничестве России, свою заинтересованность в этом процессе также выразили ЕС и США. Однако позиция западных стран, представляющих Армению как жертву агрессии, не могла устраивать официальный Баку. Особую активность традиционно проявила Франция. Вклинившись в переговоры между Баку и Ереваном, Париж в лице президента Макрона обвинил Баку в агрессии против Армении, откровенно заявив, что поддерживает Ереван [18]. ЕС и США также не остались в стороне, заявив о вводе в регион миссии международных наблюдателей, против чего выступил президент И. Алиев, одобривший только миссию ООН. В результате «ограниченный контингент» миссии ЕС расположился на территории Армении, граничащей с Азербайджаном [41]. В этой ситуации Армения проявляет недовольство позицией России и ее отказом в использовании сил ОДКБ и в то же время пытается заручиться поддержкой Запада, особенно Франции. Такая позиция привела к значительному обострению отношений между Москвой и Ереваном, откровенно демонстрирующим прозападный курс и отказавшимся участвовать в саммитах ОДКБ и его финансировании [3].

Вскоре после завершения 44-дневной войны Турция и Азербайджан выдвинули инициативу по созданию нового формата для переговоров «3+3» (Армения, Грузия и Азербайджан плюс Россия, Турция и Иран) для обеспечения коллективной безопасности и сотрудничества в регионе. Россия и Иран одобрили этот формат, премьер Армении Н. Пашинян продолжает возлагать надежды на внерегиональные силы, хотя и не отвергает окончательно новый формат [22]. Единственной страной, которая категорически выступила против, стала Грузия, считавшая, что участие России подрывает территориальную целостность страны. Негативно восприняли данный формат и США, которые после начала войны на Украине проявляют возрастающий интерес к Южному Кавказу и опасаются увеличения здесь влияния России или Ирана [6: 144].

Азербайджан выражает готовность к реализации глобальных транзитных проектов, для чего требует от Армении открытия Зангезурского коридора, соединяющего его основную часть с Нахичеванской (азерб. Нахчыванской) Автономной Республикой, граничащей с Турцией. Это обеспечило бы транзит грузов из Центральной Азии через Южный Кавказ. Армения под предлогом угрозы для своей территориальной целостности отказывается исполнять достигнутые в ноябре 2020 г. договоренности об открытии транспортных коридоров, усугубляя свое и без того тяжелое экономическое положение. Азербайджан всегда старался выстраивать взаимовыгодные и сбалансированные отношения со всеми мировыми силовыми центрами. Примерами могут служить его союзнические отношения с Турцией, активное участие в Организации тюркских государств и вместе с тем подписание «Декларации о союзническом взаимодействии» с Россией в феврале 2022 г., а также участие в мировых транснациональных проектах и заключение двусторонних договоров с европейскими странами и США [25]. 10 июля 2024 г. спикер парламента Азербайджана С. Гафарова приняла участие на X Парламентском форуме стран БРИКС, где заявила о намерении страны вступить в эту организацию [30].

Грузии, в отличие от Азербайджана, не удалось разрешить свои этнотерриториальные конфликты. В результате российско-грузинской войны 2008 г. Россия официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии и перебросила туда дополнительные войска и вооружения. После этих событий, по мнению российских исследователей, произошло переформатирование конфликта из этнополитического, т.е. внутреннего, в межгосударственный [31: 13].

Несмотря на то что в Грузии существует целое министерство по реинтеграции, разработавшее свою программу, будет достаточно сложно реализовать ее на практике. Тем не менее правительство Грузии не забывает об этих планах: осуществляются образовательные, торговые и медицинские проекты по вовлечению Абхазии в грузинское культурно-экономическое пространство [35].

С самого начала конфликта в начале 1990-х гг. руководство и гражданское общество Грузии возлагало большие надежды на миссию наблюдателей ООН

в Грузии (МООННГ), учрежденную 24 августа 1993 г. резолюцией 858 (1993) Совета Безопасности ООН [12]. После возобновления военных действий в Абхазии в сентябре 1993 г. миссия была приостановлена и под руководством спецпредставителя Генерального секретаря ООН 14 мая 1994 г. в Москве было подписано соглашение о прекращении огня. По этому соглашению в регион вводились миротворческие силы СНГ (фактически России), а МООННГ должна была присутствовать лишь в качестве наблюдателя. После начала вооруженного конфликта между Грузией и Россией в Южной Осетии в августе 2008 г. деятельность миссии ООН была прекращена в 2009 г. из-за разногласий членов Совета Безопасности по вопросу о продлении ее мандата [40]. Фиаско миссии ООН можно объяснять, с одной стороны, нежеланием России уступить свою посредническую роль в конфликте, а с другой – недостаточной заинтересованностью в этом крупнейших западных держав.

После пятидневной войны в Южной Осетии заметно активизировались посреднические усилия Франции в лице президента Николя Саркози. В это время Франция председательствовала в ЕС. По плану Медведева – Саркози стороны отказывались от применения силы, войска Грузии и РФ выводились на линию их постоянной дислокации и начиналось международное обсуждение статуса Южной Осетии и Абхазии, который был принят всеми сторонами конфликта [8: 232]. Саркози также выступил против предоставления плана действий по членству Грузии и Украины в НАТО, удовлетворив возражения РФ, так как считал, что европейская безопасность не может быть всеобъемлющей без участия в ней Москвы.

Однако после присоединения Крыма к России в 2014 г. ситуация начала меняться. План Медведева – Саркози так и остался невыполненным. Официальный Тбилиси еще более упрочил связи с США, НАТО и ЕС. В июне 2014 г. в Брюсселе состоялось подписание Соглашения об ассоциации Грузии с ЕС, в 2017 г. установлен безвизовый режим между Грузией и ЕС (кроме Великобритании и Ирландии) [7]. А в марте 2022 г. Грузия подала заявку на членство в ЕС. На этом фоне Россия перешла к более тонким, в основном экономическим инструментам восстановления своего влияния на Грузию. Последняя со своей стороны стремилась к расширению связей не только с ЕС, но и с НАТО. Конечно, Кремль рассматривал евро-атлантические устремления Грузии как серьезную угрозу для себя.

Пришедшая к власти в 2012 г. партия «Грузинская мечта» во главе с Бидзиной Иванишвили, не отказавшись от евро-атлантического курса страны, одновременно начала отходить от конфронтации с Россией, благодаря чему оппозиция назвала ее пророссийской. Это не совсем так. С одной стороны, сразу после прихода к власти «Грузинской мечты» между Грузией и Россией возобновилось транспортное сообщение, за 10 лет товарооборот возрос в пять раз [9]. С другой стороны, между двумя странами до сих пор не восстановлены дипломатические отношения. После 24 февраля 2022 г. Грузия соблюдает международные ограничения по поставкам в Россию товаров двойного назначения и почти прекратила

работать с российскими банками. В то же время Грузия не стала вводить экономические санкции против России, руководствуясь тем, что это нанесет огромный ущерб стране [23]. Отвечая на нападки за слишком мягкое отношение к России, спикер парламента Ираклий Кобахидзе заявил, что критики хотят открыть «второй фронт» и втянуть Грузию в войну [11]. Летом 2022 г. премьер Ираклий Гарибашвили говорил: «Мы не хотим войны, даже если это цена вступления в ЕС» [10]. Поэтому грузинские власти называют оппозицию «партией глобальной войны».

Еще более накалило ситуацию принятие грузинским парламентом в третьем чтении «Закона о прозрачности иностранного влияния», прозванного законом об иноагентах [14]. Закон предусматривает отчетность некоммерческих организаций, финансирование из-за рубежа которых превышает 20 %. Он был вынесен на голосование еще в феврале 2023 г., но под давлением массовых протестов его удалось принять только в третьем чтении. Президент Грузии Саломе Зурабишвили наложила вето на закон, но «Грузинская мечта» преодолела вето в парламенте. Хотя многие местные и зарубежные наблюдатели считают, что закон принят под российским влиянием, на наш взгляд, более вероятно, что он направлен на ограничение зарубежного спонсирования оппозиции на предстоящих 26 октября выборах в парламент Грузии. Последовала реакция из ЕС, который 9 июля 2024 г. вынес решение о приостановлении процесса вступления в него Грузии, посчитав, что закон об иноагентах стал «шагом назад по сравнению с девятью шагами», рекомендованными для вступления страны в ЕС [13]. Сообщивший об этом решении посол ЕС в Грузии Павел Герчинский заявил, что ЕС заморозил выделенные для Минобороны Грузии 30 млн евро. Приостановили свои программы сотрудничества с Грузией и США, перенесшие на неопределенный срок совместные военные учения Noble Partner [32].

Интересно отметить, что это происходит на фоне объявленных США совместных военных учений с Арменией Eagle Partner во второй половине июля 2024 г. [2]. Они вызвали резкую реакцию Москвы, заявившей, что эти авантюры приводят к перестройке всей системы безопасности Армении и приобретению дополнительных рычагов влияния Запада на нее [4]. Негативную реакцию объявление учений вызвало и в Азербайджане.

Подводя итоги, можно констатировать, что после 2020 г. вырисовываются перспективы изменения регионального политического ландшафта на Южном Кавказе. Если до недавнего времени Азербайджан проводил сбалансированную и равноудаленную политику в отношении как региональных, так и мировых геополитических сил, Грузия придерживалась четко обозначенного евро-атлантического курса, а Армения ориентировалась на Россию и Евразийское пространство, то в последние годы ситуация меняется. Азербайджан после однодневной антитеррористической операции в Карабахе в сентябре 2023 г. столкнулся с беспрецедентным давлением Запада, выдвигающего не совсем реальные требования в отношении будущего мирного договора с Арменией. Формально и ЕС, и США, и Россия поддерживают территориальную целостность Азербайджана, но после фактического

распада Минской группы и войны на Украине взаимодействие России и Запада в этом процессе прекратилось, теперь каждый из них видит в другом конкурента, а в мирном договоре между Баку и Ереваном – средство для минимизации влияния друг друга на Кавказе [20]. Ереван, «обидевшийся» на РФ за неоказание помощи в рамках ОДКБ в 44-дневной войне и последующих событиях, отказывается от участия в этой организации, демонстрируя откровенные прозападные интенции. ЕС и особенно Франция пытаются утвердиться в Армении, обещая финансовую и военную помощь. Грузия, раздираемая противоречиями между властью и гражданским обществом, пытается выстроить новый курс как с Россией, так и с Западом, но последнее ей пока плохо удается. Дружеские отношения с Азербайджаном и Арменией сложились лишь у Грузии, все эти годы выступавшей площадкой для переговоров на государственном и гражданском уровнях. В Азербайджане полагают, что в нынешней ситуации, когда вооруженный конфликт с Арменией закончен, предметом взаимовыгодного сотрудничества могут стать транспортные и энергетические проекты, что уже наглядно продемонстрировано на примере азербайджано-грузинских и азербайджано-российских отношений. Заключение мирного договора между Азербайджаном и Арменией также поможет смягчить геополитическое противостояние на Южном Кавказе и стать значимым фактором укрепления региональной безопасности.

Источники и литература

1. Азербайджан начал регистрировать армян Карабаха для определения их юрстатуса // ТАСС. 2023. 28 сентября. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18866433 (дата обращения: 08.11.2023).

2. *Амоева У.* Армения и США проведут совместные военные учения // Информационное агентство «Анадолу». 2024. 6 июля. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/армения-и-сша-проведут-совместные-военные-учения/3267841 (дата обращения: 06.07.2024).

3. Армения отказалась финансировать ОДКБ // Ведомости. 2024. 8 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/05/08/1036305-armeniya-otkazalas-finansirovat-odkb (дата обращения: 09.07.2024).

4. Армяно-американские военные учения Eagle Partner вызывают сожаление: Захарова // Новостной канал Первого. 2024. 12 июля. URL: https://www.1lurer.am/ru/2024/07/12/Армяно-американские-военные-учения-Eagle-Berthner-вызывают-сожаление-Захарова/1156464 (дата обращения: 07.07.2024).

5. Баку отчитался о палаточных городках для жителей трех районов Карабаха // Кавказский узел (внесен Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов). URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/392783 (дата обращения: 08.07.2024).

6. *Борзова А.Ю.*, *Савичева Е.М.*, *Кулумбегова Л.Т.* Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 2. С. 138–146.

7. *Буланов К., Надыкто О.* Соглашения об ассоциации ЕС с Грузией и Молдавией вступят в силу 1 июля // РБК. 2016. 23 мая. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/05/2016/574357539a79476f19be9151 (дата обращения: 07.04.2024).

8. *Волхонский М.* Шесть пунктов Медведева-Саркози: Дипломатический аспект урегулирования конфликта в Южной Осетии // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5 (64–65). С. 227–240.

9. *Вольвач Д.* В 2022 году российско-грузинский товарооборот вырос почти на 60 % // Минэкономразвития России. 2023. 22 марта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_v_2022_godu_rossiysko_gruzinskiy_tovarooborot_vyros_pochti_na_60.html (дата обращения: 05.06.2024).

10. *Гарибашвили И.* Мы не хотим войны, даже если это цена вступления в ЕС. 16.04.2022. URL: https://jam-news.net/ru/мы-не-хотим-войны-даже-если-она-цена-в/ (дата обращения: 06.07.2024).

11. «Грузинская мечта» против «Партии глобальной войны» // Эхо Кавказа. 2023. 9 февраля. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/32263975.html (дата обращения: 05.06.2024).

12. Грузия – МООННГ. Мандат. URL: https://www.un.org/ru/events/missions/past/unomig/unmigmandat.htm (дата обращения: 15.03.2024).

13. Евросоюз приостановил процесс вступления Грузии // Deutsche Welle. 2024. 9 июля. URL: https://www.dw.com/ru/evrosouz-priostanovil-process-vstupleniagruzii/a-69603153 (дата обращения: 09.07.2024).

14. Закон Грузии «О прозрачности иностранного влияния» // Кавказский узел. 2024. 23 мая. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/399856 (дата обращения: 06.07.2024).

15. Заявление о мерах по политическому урегулированию Грузино-Абхазского конфликта. URL: https://docs.cntd.ru/document/901778484 (дата обращения: 29.06.2024).

16. Заявление Президента Азербайджанской Республики, премьер-министра Республики Армения, Президента Российской Федерации, 10 ноября 2020. URL: https://president.az/ru/articles/view/45923 (дата обращения: 08.03.2022).

17. *Кагарлицкий Б.* Косовский узел // Взгляд. 2008. 25 февраля.

18. Как Париж и Баку довели свои отношения до отзыва французского посла // РБК. 2024. 17 апреля. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/661fed179a7947d248309cae (дата обращения: 09.07.2024).

19. *Малышева Д.Б.* Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13). С. 41–56.

20. *Маркедонов С.* Армяно-азербайджанский конфликт: последняя глава или продолжение следует? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armyano-azerbaydzhanskiy-konflikt-poslednyaya-glava-ili-prodolzhenie-sleduet/?sphrase_id=134077710 (дата обращения: 07.07.2024).

21. МИД: Россия глубоко встревожена резкой эскалацией ситуации в Карабахе // NEWS.RU. 2023. 19 сентября. URL: https://news.ru/vlast/mid-rossii-otreagirovalna-situaciyu-v-karabahe/ (дата обращения: 08.07.2024).

22. МИД РФ надеется на скорое решение вопроса по встрече в формате «3+3» по Закавказью // ТАСС. 2021. 26 ноября. URL: https://tass.ru/politika/13031867 (дата обращения: 05.06.2024).

23. *Нариманишвили Н.* «Нет политической воли». Присоединилась ли Грузия к санкциям против России? // Meydan.tv. URL: https://www.meydan.tv/ru/article/net-politicheskoj-voli/ (дата обращения: 05.07.2024).

24. Обращение Президента Азербайджана Ильхама Алиева к народу. URL: https://president.az/ru/articles/view/45924 (дата обращения: 08.03.2022).

25. *Пашаева Г.* Перспективы региональной безопасности на Южном Кавказе в контексте нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией // Вестник Кавказа. 2024. 29 июня. URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/perspektivy-regionalnoj-bezopasnosti-na-uznom-kavkaze-v-kontekste-normalizacii-otnosenij-mezdu-azerbajdzanom-i-armeniej.html (дата обращения: 08.07.2024).

26. *Пашаева Г.* Система региональной безопасности Южного Кавказа: мифы и реальность // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1. С. 30–38.

27. Первая встреча «Кавказской четверки». URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1424212/ (дата обращения: 21.06.2024).

28. Полковник Анар Эйвазов: «Достигнута договоренность о приостановлении локальных антитеррористических мероприятий» // Министерство обороны Азербайджанской Республики. Новости. 2023. 20 сентября. URL: https://mod.gov.az/ru/news/polkovnik-anar-ejvazov-dostignuta-dogovorennost-o-priostanovlenii-lokalnyh-antiterroristicheskih-meropriyatij-video-49445.html (дата обращения: 06.07.2024).

29. Резолюция 1525 (2006) «О создании пакта стабильности для Южного Кавказа». Текст, принятый Постоянной комиссией, действующей от имени Ассамблеи, 17 ноября 2006 г. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BSanMarino2006%5D/Res1525_rus.asp#P6_166 (дата обращения: 04.07.2024).

30. Сахиба Гафарова примет участие на Парламентском форуме БРИКС // Turan. 2024. 10 июля. URL: https://turan.az/ru/politika/saxiba-gafarova-primet-ucastie-na-parlamentskom-forume-briks-782376 (дата обращения: 10.07.2024).

31. *Сляднева Г.В.* Грузино-абхазский конфликт: генезис, современное состояние, перспективы урегулирования (политологический анализ): дис. … канд. ист. наук. М., 2018.

32. США вслед за переносом учений приостановили помощь Грузии // РБК. 2024. 12 июля. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66918ff69a79475a5fbd3e96 (дата обращения: 09.07.2024).

33. *Торопыгин А.В.* Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 71–78.

34. *Унанянц В.* Карабах. Конец истории // Эхо Кавказа. 2023. 28 сентября. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/32614536.html (дата обращения: 29.06.2024).

35. *Чарквиани Н.* Война без победителей: 24 года назад Грузия ушла из Сухуми // Голос Америки. 2017. 27 сентября. URL: https://www.golosameriki.com/amp/georgia-marks-24-anniversary-leaving-sukhumi/4046432.html (дата обращения: 18.03.2024).

36. *Alili Ahmad.* Shusha Declaration: Regional Perspectives for Azerbaijani-Turkish Alliance // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus. Vienna, 2022. No. 4. P. 45–50.

37. DİN-in əməkdaşlarına qarşı törədilmiş terror aktları ilə bağlı cinayət işi açılıb // Azərbaycan Dövlət İnformasiya Agentliyi. 2023. 19 сентября. URL: https://azertag.az/xeber/din_in_emekdaslarina_qarsi_toredilmis_terror_aktlari_ile_bagli_cinayet_isi_achilib-2752786 (дата обращения: 30.06.2024).

38. Joint Statement on Azerbaijan's Attack on Nagorno-Karabakh. URL: https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/product/product-details/20230919DPU37422 (дата обращения: 28.09.2023).

39. Mandate for the Co-Chairs of the Minsk Process. URL: https://www.osce.org/mg/70125 (дата обращения: 07.07.2024).

40. Russia vetoes extension of UN mission in Georgia // UN News. 2009. 15 июня. URL: https://news.un.org/en/story/2009/06/303512 (дата обращения: 02.07.2024).

41. US, Germany Call for Observers in Nagorno-Karabakh // Голос Америки. 2023. 27 сентября. URL: https://www.voanews.com/a/us-germany-call-for-observers-in-nagorno-karabakh/7286741.41.html (дата обращения: 02.10.2023).

Е.М. Малышева

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ СССР

Опыт Советского государства по сохранению духовно-нравственных ценностей народов СССР и концепция государственной безопасности современной России имеют хорошо прослеживаемую и исторически обоснованную преемственность. Актуализация советского опыта сохранения духовно-нравственных ценностей и постановка целеполагания, отраженная в содержании концепции государственной безопасности современной России, по нашему убеждению, тесно взаимосвязаны.

В современной геополитической обстановке возрастает значимость сохранения этнических традиций, культуры, духовно-нравственных ценностей, так как глобальные вызовы национальной безопасности нашей страны служат угрозой складывавшимся веками формам межэтнического взаимодействия народов России. Кавказ в течение трех столетий находился и сегодня остается в фокусе

геополитических интересов мировых держав. Северо-Кавказский регион оказывал и продолжает оказывать влияние на народы Ближнего и Среднего Востока: это цивилизационный канал коммуникации и взаимодействия Запада и Востока, в котором сосуществуют христианская и исламская культуры.

В связи с изменением геополитической ситуации в начале XXI в. выросло число деструктивных и конфликтогенных факторов, определяющих характер современной ситуации на Кавказе. Разрушение сложившегося биполярного мира после распада СССР уничтожило относительное геополитическое равновесие. Процессы, отражавшие назревающий дисбаланс в отношениях между СССР и США, происходили в 1980–1990-х гг. Вызванное этими процессами обострение дезинтеграционных тенденций региональной безопасности на Северном, Южном Кавказе и в Каспийско-Кавказском регионе отразилось на стабильности этих и других регионов СССР, усилились факторы, стимулировавшие межнациональные конфликты. Распад Советского Союза и вызванные им процессы стали причиной обострения проблем в межнациональных отношениях [6].

Тема политической стабильности Каспийско-Кавказского региона в ситуации турбулентности мирового политического процесса и современных геополитических трансформаций стала предметом особого внимания ученых, рассматривающих данный регион как место приложения геополитических интересов мировых и региональных держав [9], критикующих идеологию «самостийности» в контексте российской государственности [2].

Национально-государственные преобразования в контексте сохранения государственной безопасности и задачи социоэтнической консолидации народов СССР, Кавказа, других регионов страны нашли отражение в солидной историографии советского периода, создававшейся на протяжении 70 лет социалистического строительства.

В советский период модернизационные процессы на Кавказе и в других регионах СССР осуществлялись путем реализации государственной политики интернациональной солидарности всех народов, блокирования опасности этнополитических конфликтов и преодоления негативной памяти на Кавказе о событиях предыдущего периода.

Историки, политологи, социологи отмечают важность Кавказа как геополитического, культурно-цивилизационного, стратегического региона. В политике памяти, в исследованиях национальной историографии зачастую неоправданно подчеркивается факт уже преодоленного «тяжелого исторического наследия», связанного с депортацией народов в период Великой Отечественной войны.

В концепции государственного строительства в СССР в XX в. остается ключевым тезис о духовно-нравственных основах, объединяющих многонациональный социум, как условия и фактора результативности реализации планов грандиозного созидательного труда. Этот советский опыт сегодня востребован и актуализируется.

Современными кавказоведами – историками, культурологами, этнографами, социологами и политологами – в историографию темы вносится значительный вклад, нашедший отражение в материалах успешно проведенных научных форумов [5; 16]. На обсуждение на таких мероприятиях выносятся социально-экономические, демографические, конфессиональные, социокультурные и этнополитические процессы, происходившие на Кавказе. В широкий спектр рассматриваемых проблем включаются вопросы геополитики, внутренней и внешней политики, международных отношений, государственного строительства, вооруженных конфликтов [16].

12–13 октября 2023 г. в Ростове-на-Дону состоялся X Международный форум историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура». Материалы форума знакомят читателей с результатами исследований кавказоведов по истории, политике и культуре региона практически за три столетия – с XVIII до XXI в. За десятилетнюю историю функционирования форумы «создали значительные возможности для обсуждения насущных вопросов современного кавказоведения, представления результатов изучения проблем истории и культуры Кавказа и стимулирования к ним интереса, в том числе среди молодых ученых, разработки новых проектов и решения других исследовательских и научно-организационных задач» [16: 11]. Продолжают оставаться востребованными такие темы, как культура и традиции, историческая память и вклад народов Северного Кавказа в государственное развитие [23].

Изучением истории народов политичного Кавказа на разных этапах государственного развития продолжают заниматься разные поколения кавказоведов [11]. В их поле зрения находятся такие темы, как особенности формирования и коренизации государственного аппарата в период национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. и в другие периоды истории СССР [1].

Эти и смежные темы нашли отражение в публикациях Н.Ф. Бугая, Г.Г. Матишова, Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова, М.Е. Колесниковой, П.А. Кузьминова, Р.М. Султанбекова, В.Г. Гаджиева, Г.-А.Д. Даниялова, Н.А. Трапша, Е.Ф. Кринко, А.В. Аверьянова, Т.А. Булыгиной, П.Х. Акиевой, А.В. Понеделкова, Х.Б. Мамсирова, Р.М. Бегеулова, А.А. Панарина, Е.В. Панариной, В.В. Касьянова, Ю.А. Яхутля и других исследователей.

Объектом особо активной научной рефлексии ученых различных регионов России остаются проблемы вклада народов СССР в Победу над нацистской Германией, сохранения суверенитета страны и защиты ее от иноземных захватчиков. Опубликованы сборники документов по истории всех автономий республик Северного Кавказа (например, [7; 12]).

Разработаны вопросы историографии и источниковедения периода противостояния СССР нацистской Германии [3], нацистской оккупационной политики и условий жизни в оккупации, «за линией фронта» [10], взаимодействия общества

и власти в экстремальных условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [15], патриотизма [13]. Увидели свет сотни монографий, тысячи статей, продолжают издаваться сборники материалов конференций, посвященных истории войны.

Получили глубокую разработку различные сюжеты истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в коллективном 12-томном энциклопедическом труде «Великая Отечественная война». Издание охватило все ключевые темы этого героического и драматического периода истории. Внешняя и внутренняя политика, военное искусство, идеологическое противостояние СССР и Третьего рейха, разведка и контрразведка, трудовой подвиг, патриотизм всего гражданского общества и всех народов СССР, история военной повседневности, деятельность органов власти, функционирование экономики, состояние и трансформация социальной сферы в экстремальных условиях войны и многие другие темы исследованы в общесоюзном и региональном масштабах [4].

С конца XX в. возникли новые угрозы и вызовы безопасности России, ее суверенитету и территориальной целостности. Антироссийские силы Запада стремятся к усилению конфликтогенности этнополитических процессов в южных регионах страны, на Северном Кавказе. Эти устремления приобретают особую актуальность в периоды обострения международных отношений и военных конфликтов [14]. Подобные ситуации обострения обстановки в мире наблюдались трижды: первая – в период «холодной войны» с 1945 по 1991 г.; вторая – после распада СССР, особенно в первое постсоветское десятилетие; третью мы переживаем сегодня в связи с началом специальной военной операции.

Противостояние глобальным вызовам национальной безопасности России в условиях обострения военной и геополитической обстановки в мире в связи с событиями на Украине, а также их влияние на национальную безопасность находятся в фокусе постоянного внимания высших органов государственной власти Российской Федерации. Для консолидации устремлений власти и граждан России в обеспечении национальной безопасности 12 мая 2009 г. была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Цель Стратегии – обеспечение военной безопасности, предотвращение, локализация, нейтрализация внешних угроз, создание благоприятных внешних условий существования и прогресса государства [22].

Особое внимание в государственной политике России уделяется, в силу обозначенных выше причин, Северному Кавказу. 29 сентября 2010 г. было принято постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ «О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [17]. Правительству РФ была поручена разработка программы развития Северо-Кавказского федерального округа. Были сформулированы цели устойчивого развития, определены основные направления, способы и средства достижения поставленных задач в контексте обеспечения национальной безопасности.

Дальнейшее развитие в связи с меняющейся внешнеполитической обстановкой концепция внешней политики Российской Федерации, система взглядов на содержание, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности получили в новой редакции, утвержденной президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Документ рассчитан на период до 2025 г. [8].

Кавказ как значимый в геополитическом плане культурно-цивилизационный регион не утратил своего влияния на страны Ближнего и Среднего Востока и в постсоветский период. Опыт советской национальной политики, декларирующей и проводящей на практике идею интернационализма и дружбы народов в урегулировании межнациональных конфликтов на Северном Кавказе, не утратил своего значения. В этом контексте далеко не бесспорным представляется тезис об «отторжении» советского и современного опыта «нациестроительства»: «Современной России остро нужен “просвещенный национализм”, место которого занимает имперскость. Так, в отличие от других советских народов, *для которых крах СССР стал освобождением* (курсив наш. – *Е.М.*), для русских он стал утратой – потеряв империю, они с трудом находят себя вне ее. А патриотический энтузиазм проявляется в ношении патриотичных футболок, бейсболок, этническое (примордиалистское) понимание нации (“спасибо” сталинской и советской национальной политике!) доминирует в обыденном дискурсе, в публицистике, в нормативных документах. Инерция советского стереотипа этнического понимания нации не дает не то что написать – просто подумать о России, как о многонародной нации» [20: 110].

В рамках приведенного выше далеко не бесспорного суждения и предложенного «конструктивного публичного диалога» обратимся к утвержденной указом президента РФ 17 декабря 1997 г. «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [21]. В этом документе изложены принципы государственной политики по обеспечению защиты от внешних и внутренних угроз всех сфер функционирования российского общества.

Базовые основополагающие концепты получили дальнейшее развитие в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной 2 июля 2021 г. [19]. Осуществление государственной политики России в сфере национальной безопасности немыслимо без обеспечения безопасности ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти. На это обратил внимание В.В. Путин на встрече с военными летчиками в Тверской области 28 марта 2024 г.: «Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна, это нельзя забывать, к этому нужно бережно относиться» [18]. В Стратегии делается акцент на опасность разрушения консенсуса в обществе: «Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества»; «Жизненно

важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности». Национальными приоритетами на современном этапе остаются «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны» [19].

Современный мир, утрачивающий устойчивость в условиях нарастания угроз экстремизма и терроризма, нуждается в позитивном опыте оптимального урегулирования и разрешения межгосударственных противоречий путем поиска диалога и переговорных процессов. Рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения роли России в истории, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Инициируются и проводятся информационные кампании, направленные на создание враждебного образа России. Приоритетной задачей для нас остается защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры, исторической памяти и сохранение культурного и исторического наследия многонациональной России.

Источники и литература

1. *Аверьянов А.В.* Особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2021. № 9 (1). С. 189–198.

2. *Баранов А.В.* Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности» // Кентавр. 1993. № 6. С. 34–41.

3. *Безугольный А.Ю.*, *Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. М., 2011–2015.

5. Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск, 2019.

6. *Клычников Ю.Ю.*, *Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / под ред. академика В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2006.

7. *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д., 1998.

8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 05.07.2024).

9. *Косов Г.В.*, *Вартумян А.А.* Проблемы политической стабильности Каспийско-Кавказского региона в ситуации турбулентности мирового политического процесса // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 12. С. 212–219.

10. *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.

11. *Кузьминов П.А.*, *Журтова А.А.*, *Тахушева И.С.*, *Лаврова Н.С.* Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 1. С. 174–187. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-174-187.

12. Лики войны: Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996.

13. *Малышева Е.М.* Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М., 2011.

14. *Малышева Е.М.* Геополитические устремления Третьего рейха на Кавказе // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2015. С. 70–83.

15. *Малышева Е.М.* Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Майкоп, 2000.

16. *Матишов Г.Г.*, *Кринко Е.Ф.* Вместо предисловия: форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013–2022 гг.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 5–14.

17. Постановление «О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» от 29 сентября 2010 г. № 415-СФ. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/8362/ (дата обращения: 05.07.2024).

18. Путин подчеркнул, что Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна // ТАСС. 2024. 28 марта. URL: https://tass.ru/politika/20377823 (дата обращения: 07.07.2024).

19. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 04.07.2024).

20. *Тульчинский Г.Л.* Национальная политика как фактор создания и распада СССР // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 101–111.

21. Указ Президента Российской Федерации 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782 (дата обращения: 03.07.2024).

22. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521 (дата обращения: 27.06.2024).

23. *Шхачемуков Р.М.* Международные форумы историков-кавказоведов: рождение традиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 139–144.

И.В. Юрченко, В.М. Юрченко

РОССИЯ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ЦЕНТР НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА КАВКАЗЕ[1]

Определение роли России в решении проблем международной безопасности в Кавказском регионе в настоящее время обусловлено геополитическими причинами и влиянием факторов стратегического противостояния в пространстве Азово-Черноморско-Каспийского ареала.

В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах сотрудниками лаборатории конфликтологии ЮНЦ РАН проводятся комплексные исследования социально-политической сферы, особенно на пограничных территориях. В условиях геополитической неопределенности основной акцент сделан на выявлении угроз и рисков возникновения внешних и внутренних факторов дестабилизации полиэтничного социума.

По оценке научного руководителя Института мировой военной экономики и стратегии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (РАН) им. Е.М. Примакова профессора РАН Д.Н. Тренина, «американоцентричный миропорядок, установившийся после окончания холодной войны, подвергается серьезным вызовам, его основы ощутимо зашатались… Две крупнейшие ядерные державы – Россия и США – находятся в состоянии прямого, хотя и опосредованного вооруженного конфликта. Этот конфликт официально рассматривается в России как экзистенциальная угроза» [6]. Поэтому важно обратиться к понятию «стратегическая стабильность», которое «возникло в условиях, когда СССР достиг военно-стратегического паритета с США, а холодная война между ними вошла в “зрелую” фазу ограниченного противоборства и известной предсказуемости» [6]. Но сегодня многие специалисты высказывают опасения, что мир движется к третьей мировой войне и что возрастают угрозы применения ядерного оружия. В этом плане следует остановиться на непосредственных истоках

[1] Публикация выполнена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100306-9.

этих опасностей, которые напрямую связаны с распадом СССР как второй мировой сверхдержавы, произошедшим под влиянием многих факторов и в том числе по причине регионального сепаратизма. Кавказ считается одним из самых конфликтогенных регионов.

В период начавшегося в 1991 г. демонтажа Советского Союза даже Дж. Буш-старший как президент США продемонстрировал свою отрицательную позицию по отношению к тем процессам, которые активизировались в республиках по периметру границ СССР, в частности на Кавказе. Чеченский (1991–2009 гг.), грузино-южноосетинский (1990–2008 гг.), грузино-абхазский (1989–2008 гг.) и нагорно-карабахский (1988–1994 гг.) конфликты представляют собой только часть сепаратистских и националистических акций, резко ослабивших вторую сверхдержаву мира, которая в итоге не устояла и распалась. США не поддержат тех, «кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти», – уверял тогда американский президент [2: 57–58], понимавший важность и необходимость лидирующей роли Российской Федерации для обеспечения гарантий ядерной безопасности и остановки начавшегося неуправляемого хаоса на постсоветском пространстве.

В Стратегии национальной безопасности США 1993 г. подчеркивалась опасность со стороны бывших советских республик и стран бывшего «социалистического лагеря», которые могли угрожать миру непредсказуемостью своего дальнейшего политического курса и возникающими новыми региональными конфликтами. Кавказский регион уже тогда начал рассматриваться как важнейшая зона американских интересов, и распространение здесь американского влияния Вашингтон определил как одно из основных направлений своей Стратегии [9: 1, 7, 13]. Как отмечает Е.В. Мацулевич, «после терактов 11 сентября 2001 г. в США взаимодействие Вашингтона с постсоветским пространством должно было укладываться в общую концепцию американской внешней политики, направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в американской миссии, что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.» [5: 140–141]. При рассмотрении данной темы необходимо обратиться к концепту «этнической идентичности». Так, Питер Бергер и Томас Лукман утверждают, что «идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности» [1: 280]. Но индивид представляет собой множественную идентичность, формирующуюся социокультурными, политико-экономическими, медийно-информационными, этноконфессиональными и другими социальными процессами, происходящими на макро- и микроуровне. Сложносоставные типы идентичности в повседневности вызывают множество конфликтных ситуаций, поэтому особую актуальность представляют проблемы, связанные с соотношением повседневных, межличностных взаимодействий и социальных конструктов, взаимосвязи человека, различных социальных групп и общества, этнических, конфессиональных и гражданских идентичностей.

В диссертации В.И. Фенухина говорится об этнических взаимоотношениях в Северо-Кавказском регионе к концу XX – началу XXI в., которые характеризуются им как кризисные, поскольку в обществе происходили политические процессы, вызывающие рост националистических, религиозно-фундаменталистских и сепаратистских настроений. Эти настроения в свою очередь проявлялись в экстремизме и терроризме радикальных группировок, что требовало определения стратегических приоритетов в государственной этноконфессиональной внутренней политике РФ, а также обозначения установок во внешнеполитических взаимосвязях с соседними государствами по периметру границ России [7]. Именно в региональном сепаратизме заключался основной вызов российской государственности в 1990-е гг., когда центральная власть сформулировала тезис: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Но впоследствии, начиная с 2000-х гг., Кремль не просто затормозил процесс распада страны, но и создал благоприятные предпосылки для внутренней интеграции и укрепления единой государственности, в том числе и благодаря политике формирования ментальной целостности и постепенного формирования нового уровня взаимоотношений в стране, которые характеризуются в новой Концепции внешней политики РФ как «государство-цивилизация» [3]. Стратегическое планирование определяет совокупность национальных интересов России в пространстве внешней политики и перспектив международного сотрудничества.

С точки зрения решения поставленных нами задач конфликтологического анализа проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI в., «в исследовательском проекте анализируются изменение векторов социально-политических отношений, причины региональной конфликтности и их влияние на процессы конструирования социально-политических идентичностей, с акцентом на специфику межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде. Проводится конфликтологическая диагностика ряда новых факторов, обусловливающих риски обострения этнических противоречий и региональной дестабилизации» [8: 44].

Учитывая выгодное географическое положение региона и постепенно складывающиеся миролюбивые и взаимовыгодные отношения России со странами Южного Кавказа и Центральной Азии, в начале XXI в. Вашингтон изменил свою концепцию по отношению к российской интегративной политике в пространстве постсоветских кавказских государств. Позитивная динамика в процессе урегулирования региональных конфликтов на Кавказе под эгидой России и одновременное политико-экономическое усиление ее влияния в регионе вызывало негативную реакцию со стороны США, которые в этих условиях стремились создавать и поддерживать антироссийские настроения внутри этих стран и организовывать так называемые цветные революции.

Особую роль играли организации, специально поддерживаемые Западом, такие как ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова). Любое

обострение этнических конфликтов на постсоветском пространстве используется Западом как инструмент подрыва интеграционных процессов, в которых заинтересована Россия. В условиях роста внешнего давления Российское государство усиливало внутреннюю централизацию с тем, чтобы укрепить консолидирующий центр, например, созданием федеральных округов и введением института полпредства.

Пристальное внимание уделялось анализу деятельности региональных элит, и в ряде случаев центру приходилось преодолевать их сопротивление, реформировать региональное законодательство в контексте его соответствия федеральным законам. Серьезные антикризисные меры, включая реформу Совета Федерации и др., привели к установлению так называемой вертикали власти, что было объективной необходимостью в условиях внешнего давления и попыток вмешательства во внутренние дела государства со стороны Запада с целью дестабилизации России. Решение проблем регионального сепаратизма внутри страны, а также внешних и внутренних этнотерриториальных конфликтов, одновременно повышало авторитет России в международных отношениях, позволяло реализовывать совместные интеграционные проекты, обеспечивать политическую и экономическую стабилизацию в дружественных странах на Кавказе.

В связи с распадом биполярной системы и происшедшими коренными изменениями в расстановке сил на мировой арене возникла объективная потребность в усилении роли России как консолидирующего центра на постсоветском пространстве Кавказского региона и обеспечении коллективной безопасности. По оценке академика Г.Г. Матишова: «Юг России превратился в одну из главных арен геополитического соперничества в XXI в. Результат начавшихся масштабных геополитических трансформаций неочевиден, и Россия будет вынуждена действовать в новом геополитическом, внутриполитическом и социально-экономическом контексте в условиях высокой неопределенности. Для обеспечения национальной безопасности РФ на пограничных территориях необходимо проводить комплексные исследования социально-политической сферы на основе современных представлений о динамике процессов» [4: 5].

Поскольку ясно, что возрастает влияние факторов этничности в социокультурных и геополитических процессах, необходимо, на наш взгляд, на одно из первых мест ставить изучение природы и сущности межэтнических элементов социального доверия, устанавливать индикаторы определения интегративного потенциала полиэтничных региональных общностей и разрабатывать конкретные механизмы и технологии повышения уровня безопасности Северного и Южного Кавказа, посредством обеспечения такого уровня силы ОДКБ, который достаточен для защиты национальных интересов и проведения рациональной политики на основе консолидирующей функции Российской Федерации. Закавказские республики в настоящее время имеют разноуровневые отношения с Россией как самым крупным кавказским государством. Но в перспективе

на основе укрепления экономических связей, социокультурного сотрудничества и народной дипломатии будут восстанавливаться полноценные политические отношения, как двухсторонние, так и многосторонние, в интересах взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, с точки зрения политической целесообразности, географических, социокультурных и экономических факторов, для всех государств Закавказья (Азербайджана, Армении, Грузии, а также частично признанных Абхазии и Южной Осетии) Россия должна рассматриваться как консолидирующий центр.

Источники и литература

1. *Бергер П.*, *Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М., 1995.

2. *Бжезинский З.*, *Скоукрофт Б.* Второй шанс. Америка и мир. М., 2018.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 28.06.2024).

4. *Матишов Г.Г.* Задачи развития науки Юга России // Материалы научных мероприятий: Всероссийской конференции с международным участием «Угрозы и риски на Юге России в условиях геополитического кризиса»: материалы докладов (г. Ростов-на-Дону, 15–18 марта, 26–29 апреля 2023 г.); XIX Ежегодной молодежной научной конференции «Достижения и перспективы научных исследований молодых ученых Юга России»: тезисы докладов (г. Ростов-на-Дону, 17–28 апреля 2023 г.) / гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 5–7.

5. *Мацулевич Е.В.* Этнотерриториальные конфликты на постсоветском пространстве как фактор внешней политики США в отношении постсоветской интеграции // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 138–144.

6. *Тренин Д.В.* Переосмысление стратегической стабильности // Россия в глобальной политике. 2024. 21 марта. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/pereosmyslenie-stratstabilnosti/ (дата обращения: 29.06.2024).

7. *Фенухин В.И.* Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2002.

8. *Юрченко И.В.*, *Донцова М.В.*, *Юрченко Н.Н.* Динамика ситуационных и долгосрочных рисков региональной этнополитической стабильности (на материалах Краснодарского края и других регионов юга России) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 44–53.

9. National Security Strategy of the United States // National Security Strategy Archive. January 1, 1993. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf (дата обращения: 27.06.2024).

С.И. Мусаева

ДАГЕСТАН В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кавказ, расположенный на стыке Европы и Азии, занимает особое геостратегическое положение, служит связующим звеном между Западом и Востоком и представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Среднего и Ближнего Востока, в бассейны Каспийского, Чёрного и Средиземного морей. Все эти особенности региона отразились на исторических судьбах народов и стран Кавказа.

Кавказ, в том числе и Дагестан, во все времена привлекал к себе особое внимание завоевателей, пытавшихся покорить его земли и народы. На протяжении тысячелетий на Кавказе происходили постоянные перемещения и смешения различных племен и этносов, как автохтонных, так и пришлых. Прикаспийский путь – одна из главных транскавказских магистралей торговли, которая связывала страны Юго-Восточной Европы, Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Как свидетельствует Страбон, аорсы перевозили по нему «на верблюдах индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян» (цит. по: [25: 8]). Особый интерес к этому региону проявляли путешественники и исследователи. Античные и средневековые ученые и мыслители, описывавшие Кавказский край, отмечали его полиэтничность и пестроту его политического ландшафта [14: 21].

Восточный Кавказ и Дагестан были тесно связаны со странами Ближнего и Среднего Востока, а Дербент являлся крупнейшим портом Каспийского моря. Дербентское поселение еще в глубокой древности получило широкую известность у античных авторов под названием «Каспийские» или «Албанские ворота».

Большую роль играл в жизни народов Кавказа Великий шелковый путь, который шел из Китая через Северный Иран, Закавказье и Северный Кавказ в Византию, в другие страны Европы и в обратном направлении. В зависимости от исторического периода его маршруты менялись. Некоторые регионы Кавказа были более тесно связаны с Крымом, Малой Азией, другие – с Ираном и странами Ближнего и Среднего Востока.

Интерес к Кавказу со времен раннего Средневековья проявляли русские князья Киева (Святослав (967–971)) и набирающего силу Московского государства (Иван Грозный (1533–1584) и др.). Петр I в ходе Персидского похода 1722–1723 гг., заключив Петербургский мирный договор (1723 г.) с иранским шахом Тахмаспом II, присоединил к Российской империи «в вечное владение» земли Прикаспия с Дербентом, Баку, Гиляном, Мазендераном включительно до Астрабада [12: 12–13; 23: 68]. Этот договор был большой победой Петра I. Не нарушая мира с Персией, Россия получила большие территории на взаимных договорных обязательствах

и таким образом стала господствовать на западном и южном побережье Каспийского моря. Однако в связи с этим возникли разногласия между Россией и Османской империей, которые удалось урегулировать путем заключения в 1724 г. Константинопольского договора о разграничении сфер влияния сторон на Кавказе и Прикаспии, по которому Порта лишилась права иметь владения на побережье Каспийского миря. Согласно договору обе державы должны были соблюдать независимость Ирана [21: 305–308].

С тех далеких времен России приходилось бороться с многочисленными агрессорами, желающими завоевать земли Прикаспия и Дагестана. У жителей Кавказа, в том числе и Дагестана, в ходе многовековых кровопролитных войн за свободу и независимость росла и крепла политическая и экономическая ориентация на Россию. Еще во времена борьбы с воинами Надир-шаха горцы Дагестана с надеждой смотрели на Россию и готовы были принять российское подданство [26: 3–4]. Архивные данные свидетельствуют о том, что в 1740-е гг. владетели Дагестана: шамхал, уцмий, майсум, ханы Аварии и старшины сельских общин неоднократно обращались к Российской империи с просьбами о покровительстве [3: 348]. В 1742 г. российский дипломат В.Ф. Братищев писал князю А.М. Черкасскому, что дагестанцы готовы принять русское подданство и с нетерпением ждут того дня, когда русские войска придут в Дагестан, чтобы совместными усилиями изгнать иранцев [28]. В марте 1743 г. князь В.В. Долгоруков и резидент В.Ф. Братищев уведомляли Елизавету Петровну, что «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины» решили принять подданство России [2: 472; 3: 3–4].

Для дагестанских народов имело большое значение развитие дальнейших отношений с Российской империей. Они видели, что Россия может обеспечить им защиту от внешних агрессоров. Со своей стороны российское правительство, видя, что Кавказ, в том числе и Дагестан, в силу своей геополитической значимости стали особым объектом для завоевателей, начало принимать меры по обеспечению поддержки среди местного населения, заинтересованного в сотрудничестве с российской администрацией. Так, Екатерина II в 1762 и 1765 гг. издала ряд указов об освобождении от пошлин товаров горских народов при их продаже и покупке в Кизляре.

Большая часть Кавказа и земли Дагестана окончательно вошли в состав Российской империи после победы в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и после завершения русско-персидской войны 1804–1813 гг. [6; 12: 49–51, 208–214]. Обеспечение безопасности на южных границах России зависело в первую очередь от стабильности политический ситуации в Дагестане. После присоединения Кавказа к России стали укрепляться политико-экономические связи Дагестана с Россией. Российское влияние на дагестанские народы росло с каждым годом [15: 42].

Вхождение Дагестана в многонациональное Российское государство было единственно возможным путем для обеспечения внешней безопасности, ликвидации экономической и политической раздробленности, для выхода из тяжелого

экономического положения, в котором пребывали народы Дагестана на протяжении многих веков. По сути, это был переломный этап в исторической судьбе народов Дагестана [7: 210].

Однако правящие круги западных стран (Англии, Франции, Германии) и США не хотели мириться с потерей своего влияния на Кавказ, его народы и ресурсы. Английская дипломатия, не останавливаясь ни перед какими затратами, продолжала разжигать войну на Кавказе, натравливая на Дагестан Персию и Турцию.

Россия, учитывая особую стратегическую значимость Кавказа, более двух веков держала регион под своим геополитическим контролем. После распада Советского Союза геополитические противники России (США и другие крупные европейские страны) активизировали попытки нарастить свое влияние в регионе. Англия объявила Кавказ сферой ее «жизненно важных интересов» [5: 9–18]. После распада СССР и образования независимых государств в Закавказье Россия оказалась в новых сложных геополитических условиях. Между вновь образовавшимися независимыми государствами (Азербайджаном, Грузией, Арменией) и северокавказскими субъектами Российской Федерации оказались открытыми границы, через которые свободно проникала антироссийски настроенная идеология внешних сил, в том числе и «кавказских диаспор, которые проводили агитационно-массовую работу, чтобы вывести Северный Кавказ из-под влияния России» [22; 1: 96]. Население российского Северного Кавказа полиэтнично и многоконфессионально, и зарубежные эмиссары рассчитывали использовать этот фактор для разжигания межнациональной розни и дестабилизации обстановки в регионе и в стране в целом.

Активизировали свою деятельность на территории Северного Кавказа англо-американские спецслужбы и разведывательные сообщества США. Как отмечал З.С. Арухов: «…для работы по Северному Кавказу создано специальное подразделение ЦРУ, в обязанности которого входит “пресечение каналов влияния России в регионе” и “установление контроля над разработками нефти”. Более того, США обсуждают возможности даже “вооруженной защиты своих интересов в Каспийском регионе”» [1: 97].

Развал СССР и наступивший в стране кризис привел к «параду суверенитетов» и вызвал центробежные процессы в обществе. На волне свободы и безнаказанности местные криминальные псевдополитические элементы «зарубежного разлива» пытались разыграть «национальные карты» с целью захвата власти и установления своего влияния над ресурсами края. Впоследствии их действия привели к ряду конфликтов на территории Северного Кавказа и Дагестана (чечено-ингушский 1992 г., чеченский 1994 г. и дагестанский 1998–1999 гг.) [20: 10–11].

Имеют интересы на Кавказе, в том числе и в Дагестане, и арабские страны. С появлением на мировом рынке каспийской нефти, запасы которой специалистами оцениваются примерно в 12–14 млрд т условного топлива [9: 409], эмиссары Ближнего Востока стали активно внедрять в регионе чуждую для Кавказа ради-

кальную религиозную идеологию. Предпринимаются многочисленные попытки дестабилизировать ситуацию, создать незатухающий конфликт на Северном Кавказе и вытеснить Россию из этого региона.

Примером тому является вторжение отрядов международных бандформирований в Дагестан со стороны Чеченской Республики Ичкерия в августе – сентябре 1999 г. с целью захвата территории республики, выхода к Каспийскому морю и создания мусульманского теократического государства с шариатской формой правления. Планы международных террористов и их спонсоров по созданию теократического государства полностью провалились. Дагестанцы в едином строю вместе с российской армией встали на защиту Родины, дали достойный отпор, защитили себя и Россию [18: 492–500].

С точки зрения региональной безопасности Дагестан и Прикаспий для Российской Федерации являются особой южной «береговой зоной» [16], богатой биологическими и углеводородными ресурсами, открывающей путь в восточные страны. За овладение территорией Прикаспия в течение нескольких веков шло противоборство между Россией, Ираном и Турцией. Активную антироссийскую политику проводили и продолжают вести в регионе европейские страны (Англия, Франция, Германия и США).

Россия, обладая Кавказско-Прикаспийской территорией, частью Каспийского моря и развитой технологией по разработке углеводородного сырья, заинтересована в защите своих геополитических интересов в регионе. Разумеется, «разработка нефти и газа Каспийского бассейна и их транспортировка затрагивают геополитические интересы Российской Федерации», и она должна отстаивать свои интересы «в контексте национальной энергетической безопасности и диверсификации маршрутов транспортировки углеводородов на мировые рынки» [9: 243–244].

По мнению ряда специалистов, российская часть Каспийского региона располагает большим количеством углеводородного сырья и может претендовать на третье или четвертое место в мире по ее добыче после стран Персидского залива и Сибири. Помимо углеводородного сырья, в регионе сосредоточено более 80–90 % мировых запасов биоресурсов (рыбы осетровых пород – белуга, осетр, севрюга). Здесь также имеются запасы ценных природных ресурсов: уголь, медь, сера, сланец, цинк, молибден и др. [8: 52].

Поэтому после распада СССР США пытается установить свой контроль над природными ресурсами Каспия и Кавказского региона. С этой целью американские компании внедряются в структуры кавказских государств, создают совместные предприятия и консорциумы, заключают контракты, пытаясь обеспечить себя ценными природными ресурсами на 50–60 лет вперед. Особый интерес проявляют США к каспийской проблематике после подписания 12 августа 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. В наши дни формируются новые геополитические реалии и направления развития транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг», где активно задействованы и территория, и население Дагестана.

Следовательно, еще более актуализируется проблема региональной безопасности для южных рубежей Российской Федерации.

Дагестан занимает 76 % территории восточного российского побережья Каспия, является важнейшей частью Кавказско-Каспийского региона, и от его политической стабильности зависит спокойствие всего Кавказского края в РФ. Между тем иностранные державы пытаются разными средствами и методами создать религиозный анклав своих сторонников в регионе, чтобы в будущем дестабилизировать ситуацию в республике, установить свое влияние в крае. С этой целью засылались и засылаются многочисленные и разноплановые эмиссары, которые пытаются насадить среди молодежи чуждую для дагестанцев религиозную салафитскую идеологию (ваххабизм). Примером попыток дестабилизации общественно-политической обстановки в Дагестане могут служить беспорядки, произошедшие в аэропорту Махачкалы в октябре 2023 г. в связи с событиями в Палестине, когда толпа молодежи, подстрекаемая террористами-бандитами, ворвалась в здание аэропорта и на взлетно-посадочную полосу в поисках «врагов веры».

В этом же ряду стоит атака приверженцев международной террористической организации религиозных экстремистов-салафитов, запрещенной в РФ, и в частности в Дагестане [13], на православные храмы и синагоги и сотрудников полиции, которая произошла в Махачкале и Дербенте 23 июня 2024 г. Главными целями террористов стали работники правоохранительных органов, пост ДПС, две синагоги и два православных храма. Первыми жертвами террористов стали 66-летний протоиерей Николай Котельников, служивший более 40 лет в церкви Дербента, и охранник махачкалинской церкви [4; 10: 1; 11: 1]. В ходе боестолкновения погибли 22 человека: 17 сотрудников правоохранительных органов, пять гражданских лиц, пострадало более 40 человек. Пятеро боевиков было ликвидировано на месте теракта [27]. Цель таких действий – разобщение российского общества и создание негативного представления о Дагестане и его многонациональном, многоконфессиональном народе в глазах мировой общественности. Глава Дагестана С.А. Меликов напомнил, что «если раньше террористические акты в основном походили на бандитизм, то террористическая атака 23 июня 2024 г. однозначно была направлена на межконфессиональное согласие, потому что ее объектами стали культовые учреждения православия и иудаизма» [24].

Мусульманская община Дагестана не приняла салафитские (ваххабитские) идеи, а муфтият республики выступил с резким осуждением бандитского нападения на культовые сооружения, призвал мусульман и всех дагестанцев стремиться к межконфессиональному миру и согласию. Муфтият Дагестана 3 июля 2024 г. принял фетву «временно воздержаться от ношения никаба, полностью закрывающего лицо» [17: 2; 19] в целях соблюдения безопасности и идентификации личности. Подобная одежда, как отметил глава Дагестана С.А. Меликов, «дает возможность за этими платками скрываться мужчинам, а женщинам за этими обширными балахонами проносить запрещенные предметы» [17: 2].

Источники и литература

1. *Арухов З.С.* Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2006.

2. Архив внешней политики России (далее – АВПР). Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 3.

3. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 4.

4. Боевики с иностранным оружием, десятки погибших и раненых: что известно о нападении на Дагестан // Комсомольская правда. 2024. 26 июня. URL: https://www.stav.kp.ru/daily/27598.5/4949787/ (дата обращения: 04.07.2024).

5. *Бочарников И.В.* Геополитическая экспансия России на Кавказе в XVI–XX вв. // Евразийский вестник. 2003. № 24. С. 9–18.

6. Бухарестский мирный договор // РИА Новости. 2022. 28 мая. URL: https://ria.ru/20220528/dogovor-1790827064.html (дата обращения: 01.06.2024).

7. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

8. *Гаджиев К.С.* «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2010.

9. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001.

10. *Гаджиева Д.* Дагестан в огне // Новое дело. 2024. 28 июня. № 24.

11. *Гасайниев Г.* Гнев и возмущение дагестанцев // Дагестанская правда. 2024. 25 июня. № 89.

12. Договоры России с Востоком политические и торговые / собр. и изд. Т. Юзефович. СПб., 1869.

13. Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/26502658/?ysclid=lya9q03v8267909146 (дата обращения: 06.07.2024).

14. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

15. Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк его присоединения к России / изд. 3-е. СПб., 1911.

16. *Кузнецов А.*, *Сидоренко С.* Императивы геополитики и фиктивность «третьего центра» // Южный федеральный. 2004. 27 декабря. № 45 (170).

17. *Моллаев А.* Никаб чужд мусульманам России // Дагестанская правда. 2024. 5 июля. № 89.

18. *Мусаева С.И.* Единство народов Дагестана в период вторжения бандформирований (август – сентябрь 1999 г.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 492–500.

19. Муфтият Дагестана объяснил, зачем введен временный запрет никабов // РИА Дагестан. 2024. 4 июля. URL: https://riadagestan.ru/news/society/muftiyat_dagestana_obyasnil_zachem_vvedyen_vremennyy_zapret_nikabov/ (дата обращения: 04.07.2024).

20. *Овчинников В.* Геополитические интересы России на Северном Кавказе. История и современность // Защита и безопасность. 2002. № 1 (20). С. 10–11.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. СПб., 1830.

22. *Семёнов В.* «Удержание» не поможет // Век. 1999. 3 сентября.

23. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.

24. *Снегова Д.* Глава Дагестана: среди террористов 23 июня был участник беспорядков в аэропорту // Ведомости. 2024. 1 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/01/1047256-sredi-terroristov (дата обращения: 04.07.2024).

25. Страбон. География. В 17 кн. Кн. XI. М., 1994.

26. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Персидские дела. Ф. 15. Оп. 1. Д. 65.

27. Число погибших в результате терактов в Дагестане выросло до 22 человек // Коммерсантъ. 2024. 1 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6804825 (дата обращения: 04.07.2024).

28. *Юдин П.* Россия и Персия в конце 1742 года (Из писем переводчика Братищева к канцлеру князю Черкасскому) // Русский архив. 1899. № 3. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1740-1760/Bratisev_V_F/text1.htm (дата обращения:25.06.2024).

М.А. Магомедова

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

После распада СССР территория Северного Кавказа стала одним из центров распространения религиозного, религиозно-политического экстремизма и терроризма. Несмотря на все предпринимаемые меры противодействия, угроза экспансии идеологии религиозного экстремизма и терроризма как в России в целом, так и в ее субъектах остается высокой.

В воскресенье 23 июня 2024 г. в день Святой Троицы в Севастополе, Махачкале и Дербенте были совершены террористические атаки. Казалось бы, забытые дагестанцами, террористические акты вновь были совершены на территории Республики Дагестан. В Махачкале и Дербенте вооруженные боевики напали на два православных храма, синагогу и пост ДПС. В республике был введен режим контртеррористической операции. Жертвами террористов стали более 15 полицейских, а также несколько гражданских лиц, в том числе священник Русской православной церкви. На наш взгляд, этот террористический акт был направлен на то, чтобы внести раскол между мусульманским и немусульманским сегментами общества. Россия продемонстрировала способность противостоять таким

провокациям и оставаться сосредоточенной на текущих задачах, первостепенной из которых является проведение специальной военной операции. Судя по всему, эти террористические удары нанесены по территории России организацией «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в РФ), которая считалась уже разгромленной. Нападение на религиозные организации – это тяжелый удар по межконфессиональному и межнациональному миру в древнейшем городе Дербенте, который является колыбелью трех религиозных общин в России, сосуществующих мирно на протяжении 14 веков.

На сегодняшний день продолжается изучение мотивов присоединения человека к террористическим организациям. По мнению некоторых исследователей, причины этого выбора следует искать в индивидуальной психологии, семейном окружении, проблемной среде социума, в организации общественно-политических сообществ и социально-экономической системе общества, интерпретациях исторических событий, религиозных традиций, легкодоступных псевдорелигиозных писаний и т.д. [7].

Если требования экстремистов ограничиваются пределами конфессиональной идентичности, не выходят за границы конфессионального многообразия, не затрагивают вопросы общественно-политического развития и социального обустройства людей, то речь может идти только о религиозном экстремизме [8]. Очевидно, что главная цель экстремистов, несмотря на их обещания, – дестабилизация обстановки, а не решение социальных, экономических и политических проблем.

Современная общественно-политическая и этнополитическая обстановка в Северо-Кавказском федеральном округе характеризуется рядом выраженных негативных социальных тенденций. Этнополитические процессы, в том числе и конфликтогенный потенциал, достаточно широко освещены в работах ученых данного региона: А.К. Алиева, А.Г. Гусейнова, Х.В. Дзуцева, А.А. Санглибаева, Г.И. Юсуповой и др. [1; 5; 6; 12; 15].

Другая особенность Северного Кавказа – это конфессиональная ситуация, в том числе мощная волна реисламизации, произошедшая за последние 20 лет. Но процесс реисламизации протекает противоречиво: внутри одной конфессии возникло множество конфликтующих между собой течений сектантского типа. С одной стороны, мы имеем несколько влиятельных ветвей традиционного ислама, представленных суфистскими (мистическими) орденами с многочисленными группами поддержки в структурах власти и местной олигархии в республиках Северо-Восточного Кавказа. С другой стороны, существуют сторонники так называемого «чистого» ислама «такфиристов» (*такфирист* ‘обвиняющий в неверии’), отвергающих культ шейхов и традиционалистские интерпретации мусульманства.

Следует отметить, что на ситуацию на Северном Кавказе оказала значительное влияние деятельность запрещенной в РФ организации «Исламское государство» (далее – ИГ). В связи с усилением давления на главные позиции

ИГ и аффилированные с ним экстремистские группировки в странах Ближнего Востока и Северной Африки произошла переориентация террористов на ведение подрывной работы на местах, включая страны Европы и государства СНГ [11: 9]. Это происходило в том числе и за счет тех участников боевых действий, состоящих в ИГ (террористическая организация, запрещенная в РФ), которые возвращались в свои страны. Рекруты, получившие навыки ведения диверсионно-террористической работы и опыт участия в боевых действиях, объединялись в бандгруппы, готовые к выполнению установок по совершению террористических актов [11: 18].

Ранее директор Федеральной службы безопасности РФ А.В. Бортников выражал обеспокоенность тем, что сохраняется угроза перенесения активности международных террористических организаций на территорию России, в том числе и на Северный Кавказ: «Ставка в реализации этих планов сделана на боевиков-террористов, возвращающихся из зон вооруженных конфликтов в странах Ближнего Востока» [2].

В 2021 г. автором данной статьи было проведено социологическое исследование среди экспертов, профессионально занимающихся проблемами идеологического противодействия религиозному экстремизму и терроризму на Северном Кавказе. Цель опроса заключалась в следующем: изучить мнение членов экспертного сообщества об основных факторах, влияющих на распространение идеологии религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе; оценить риски, связанные с возвращением в регион на постоянное место жительства участников вооруженных бандформирований из стран вооруженного конфликта (Сирия, Ирак, Ливия); оценить уровень террористических угроз и эффективность деятельности государственных и общественных структур в идеологическом противодействии религиозному экстремизму и терроризму [9: 76].

В результате исследования было выявлено, что основной мотивацией вовлечения молодежи в экстремистскую идеологию выступают религиозные установки. В то же время значительную роль играют социальные и экономические факторы.

По мнению большинства экспертов, значительную роль в идеологическом противодействии религиозному экстремизму и терроризму на Северном Кавказе играют представители исламского духовенства и антитеррористических комиссий.

Более 40 % опрошенных экспертов в числе основных причин распространения радикальной идеологии в регионе считают отсутствие другой мировоззренческой основы. После распада СССР образовался идеологический вакуум, который и старались заполнить адепты радикальной идеологии [9: 213].

Среди доминирующих причин в радикализации молодежи, как показало проведенное автором исследование, оказались высокий уровень безработицы, коррупция, отсутствие социальных лифтов. Проблема социального неравенства характерна для всей страны в целом. Как раз такое неравенство и трансформируется в правый и религиозный радикализм и фундаментализм [10].

В связи с глобальным характером террористической и экстремистской угрозы в различных странах реализуются меры по профилактике вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Большинство экспертов сходится в том, что наиболее оптимальным направлением работы являются меры по предотвращению вербовки. В связи с этим следует усилить идеологическую работу, привлекая ученых, богословов, программистов, общественность. Они должны создавать позитивную альтернативу той идеологии, которая приводит молодежь в террористические организации.

На наш взгляд, в работе с молодежью нужно использовать те механизмы, методы, которые она воспринимает. Молодые люди восприимчивы к коротким (от 1 до 10 минут) роликам, снятым креативно, с хорошей режиссурой, с глубоким раскрытием вопроса, распространяемым в интернет-пространстве, главным образом через социальные сети.

В систематической борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом важную роль играют органы местного самоуправления и институты гражданского общества. В соответствии с федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» основными субъектами противодействия экстремистской деятельности являются органы местного самоуправления [14]. Они должны оперативно реагировать на экстремистские проявления, используя действующее законодательство, потенциал традиционного ислама, позитивных традиций и обычаев. Им необходимо учитывать, что в своей пропагандистской работе экстремисты используют в качестве аргументов ошибки и упущения в деятельности органов местного самоуправления. Исходя из этого основным направлением работы по противодействию и профилактике экстремизма на муниципальном уровне является разработка мер нормативно-правового, пропагандистского, воспитательного характера с целью защиты личности, общества и государства от деструктивных и разрушительных процессов, широкого разъяснения идеологической основы религиозного экстремизма.

Институтом, призванным обеспечивать координацию позиций и действий власти и общества в борьбе против нарушения прав человека, экстремизма и терроризма, являются антитеррористические комиссии при главах субъектов Российской Федерации, а также районные и городские комиссии, оперативные группы по противодействию терроризму на местах.

Существенным направлением противодействия религиозному экстремизму и терроризму на Северном Кавказе является профилактика. На протяжении двух десятилетий проблемы национальной и региональной безопасности были одним из основных направлений работы Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Сотрудниками центра опубликовано большое количество статей и монографий по данному направлению. Последней является коллективная монография,

посвященная системному исследованию угрозы религиозного экстремизма и терроризма. Разработана оригинальная модель методологической матрицы научного анализа национальной безопасности на региональном уровне. Выделены и исследованы угрозы региональной безопасности в этнополитической, этноконфессиональной, социально-экономической, духовной сферах [13].

Религиозный экстремизм, как порождение глобализационных процессов, редко преследует чисто религиозные цели и напрямую связан с вопросами перераспределения политической власти [3: 61]. Ислам признает существующие между людьми различия, провозглашая их основой для культурного обмена и диалога. Любые проявления национализма, шовинизма, экстремизма отвергаются Кораном как заблуждение и уклонение от прямого пути. В связи с этим В.В. Путин в выступлении на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, обращаясь к мусульманским духовным лидерам, подчеркнул: «Сейчас очень важны и ваш авторитет, и ваше наставническое слово. Необходимо уберечь людей, которых пытаются вербовать боевики, от необдуманных шагов, а тем, кто был обманут и в силу разных обстоятельств оказался в рядах террористов, нужно помочь найти дорогу к нормальной жизни, сложить оружие, прекратить братоубийственную войну» [4].

Одним из главных приоритетов в деятельности общества и государства является противодействие угрозе распространения экстремизма и терроризма со стороны радикально настроенных мусульман. Эту деятельность невозможно реализовать без обеспечения духовно-религиозной безопасности. Поэтому усилия общества и государства должны быть направлены на разработку комплекса мероприятий, направленных на защиту духовно-религиозной сферы молодежи от деструктивного воздействия враждебных социокультурных и политико-идеологических факторов.

Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма, уровень террористической угрозы на Северном Кавказе остается высоким. Опасность этой угрозы заключается в прочной идеологической основе, подпитываемой социально-экономическими и политическими проблемами.

Особую актуальность приобретает противодействие распространению идеологии религиозного экстремизма и терроризма, а также обеспечение региональной безопасности в республиках Северного Кавказа как важнейшие составляющие национальной безопасности. Противодействие идеологии религиозного экстремизма и терроризма должно включать комплекс организационных, социально-политических, информационно-пропагандистских мер по предупреждению распространения в обществе убеждений, идей, настроений, мотивов, установок, направленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов государства.

Источники и литература

1. *Алиев А.К.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе // Северный Кавказ в современной геополитике России. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2009. С. 11–23.

2. Вступительное слово председателя НАК, директора ФСБ России А.В. Бортникова на заседании национального антитеррористического комитета 9 октября 2018 года. URL: http://special.nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya-nak-director.html (дата обращения: 09.03.2024).

3. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире. Казань, 2017.

4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 28 сентября 2015 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1515484/ (дата обращения: 29.05.2024).

5. *Гусейнов А.Г.* Социально-политические конфликты Северного Кавказа и пути урегулирования. М., 2007.

6. *Дзуцев Х.В.* Пути преодоления этносоциальных конфликтов в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации. М., 2010.

7. *Зеленков М.Ю.* Комплекс факторов, способствующих современному религиозному терроризму // Вопросы безопасности. 2021. № 1. С. 46–70.

8. *Магомедов Н.Г.* Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 95–111.

9. *Магомедова М.А.* Религиозный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе в контексте проблем информационной безопасности. Махачкала, 2021.

10. *Плотников В.В.* Фундамент фундаментализма – социокультурные и институциональные основания экстремизма // Идеология терроризма: пропаганда и контрпропаганда. Современные вызовы: сборник тезисов конференции. Махачкала, 2017. С. 78–87.

11. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. М., 2018.

12. *Санглибаев А.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Ставрополь, 2008.

13. Современные угрозы и вызовы национальной безопасности на Северном Кавказе: социально-философский анализ: коллективная монография. Махачкала, 2023.

14. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: https://www.yabloko.ru/municipal/zakon/fz131 (дата обращения: 28.04.2024).

15. *Юсупова Г.И.* Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа. М., 2007.

А.А. Тумов

СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ГРАЖДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Центральным аргументом данного эссе является тезис о политике коренизации как структурном факторе, определившем градус гражданских конфликтов на Северном Кавказе в 1990-е гг. Коренизация была призвана создать социальную и культурную инфраструктуру для реализации практик «позитивной дискриминации» в автономиях РСФСР. Реализация коренизации в 1940–1950-е гг. в автономиях Северного Кавказа кардинальным образом отличается при сравнении Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР), Карачаево-Черкесской АССР и Чечено-Ингушской АССР. В данной работе мы остановимся на таких показателях коренизации, как уровень урбанизации, распространение высшего образования и доступ к ключевым позициям в системе управления.

В Кабардино-Балкарии старт послевоенной кампании коренизации – формированию кадров из числа миноритарных этносов – был положен еще апрельским постановлением ЦК от 1948 г. «О работе обкома Кабардинской АССР» [10: 959]. Именно тогда руководство республики начало активно инкорпорировать кабардинцев в традиционно «русские» сферы экономики и общественной жизни. Коренизация в условиях послевоенной модернизации сформировала новую номенклатуру, сменившую довоенный политический класс. На рубеже 1950–1960-х гг., когда балкарцы вернулись из депортации, коренизация достигла апогея. В 1956 г. кабардинец Т.К. Мальбахов стал первым секретарем обкома партии. Символизируя стабильность эпохи «застоя», Мальбахов возглавлял Кабардино-Балкарскую АССР почти 30 лет. Во время националистической мобилизации периода перестройки, в отличие от Чечни, где большая часть номенклатуры была русской, в Кабардино-Балкарии «было труднее мобилизовать кабардинцев против их правящей элиты, потому что слишком многие среди кабардинцев сами входили в номенклатуру или были близки к ее членам» [8: 262].

Советская модернизация 1950–1980-х гг. привела к быстрому, хотя и неполному, преобразованию традиционных кабардинского и балкарского обществ. Статистические данные показывают, что к концу советского периода процессы урбанизации, индустриализации и сопутствующие явления затронули кабардинцев и балкарцев почти в равной степени. Они также свидетельствуют о том, что большие социально-экономические разрывы, которые естественным образом существовали между кабардинцами и балкарцами в 1957 г., были преодолены. Более того, два

титульных этноса доминировали как в абсолютном, так и в относительном количестве в номенклатуре и в высшем образовании [5].

Статистика по урбанизации и рынку труда иллюстрирует динамику модернизации кабардино-балкарского общества и показывает равенство его «этнических» сегментов. В 1925 г. почти все кабардинцы и балкарцы были заняты в сельском хозяйстве. К началу 1980-х гг. только четверть кабардинцев и балкарцев была занята в этой сфере; в этом они приближались к общесоюзному среднему уровню [5: 53]. В 1925 г. менее 1 % кабардинцев и балкарцев жили в городах. К 1989 г. эти показатели составляли 43 % и 58 % соответственно [3: 162–163]. В 1948 г. в номенклатуре республики доминировали русские и другие нетитульные национальности. К 1990 г. кабардинцы и балкарцы, составлявшие около 58 % населения, занимали 72 % номенклатурных позиций республики. При этом балкарцы в этом показателе отставали от кабардинцев лишь на 5 %, несмотря на 13 лет депортации и поражения в базовых правах [5: 52]. Наибольшее различие в социальной структуре между кабардинцами и балкарцами наблюдалось среди городских рабочих. По сравнению с кабардинцами, на 11 % больше городских балкарцев было занято на неквалифицированных рабочих местах (в сельских районах разница составляла 7,4 %). Здесь опыт ссылки играл большую роль на разнице поколений – те, кто достиг совершеннолетия в ссылке, были непропорционально представлены на неквалифицированных должностях. Этот социально-экономический разрыв сузился к моменту распада Советского Союза. Что касается образования, то к 1990 г. доля кабардинцев и балкарцев, обучающихся в высших учебных заведениях, была выше их доли в населении республики (53,3 % против 48,2 % и 14,5 % против 9,4 % соответственно), в то время как русские были значительно хуже представлены в сети высшего образования республики (21,2 % против 32 %). К концу советского периода балкарцы имели чуть более высокий уровень образования, чем кабардинцы [10: 960].

Карачаево-Черкесия с этой точки зрения отличалась от Кабардино-Балкарии. Социальная структура карачаево-черкесского общества напоминала ее соседа – различия в уровне образования и урбанизации среди местных этнических групп тоже были незначительными. Основное различие между двумя автономиями заключалось в наличии сильной «коренизированной» административно-политической элиты. В то время как кабардинцы и балкарцы были представлены в советской номенклатуре своей республики в несколько большей пропорции по сравнению с их долей в населении, представительство черкесов и особенно карачаевцев в номенклатуре их области было значительно ниже доли каждой общины в населении. С 1957 г. должность первого секретаря обкома в Карачаево-Черкесской автономной области (АО) всегда занимал русский [2: 2]. Действительно, русские были самой многочисленной общиной в Карачаево-Черкесии, хотя и не составляли абсолютного большинства. Более того, назначение русских из-за пределов области на должности первых секретарей в Карачаево-Черкесской АО было исключением из неофициального правила (также нарушенного в случае с Чечено-Ингушской

АССР), согласно которому автономные республики и области должны были возглавлять, по крайней мере номинально, представители титульных этносов. Недостаточно высокий уровень представленности карачаевцев был эндемичным на всех уровнях высшего руководства и управленческих должностей в автономной области. Карачаевцы составляли в среднем только 5 % членов обкома партии и 20 % сотрудников областного исполнительного комитета. Они также были недостаточно высоко представлены на всех уровнях в правоохранительных органах, особенно на высших должностях. Так, карачаевцы занимали 11 % руководящих позиций в Министерстве внутренних дел [10: 961]. Даже в главном карачаевском городском центре – городе Карачаевске, с его подавляющим карачаевским населением, московские и ставропольские (вследствие вхождения Карачаево-Черкесской АО в состав Ставропольского края) чиновники постоянно назначали русских на руководящие должности в городском партийном комитете, полиции, прокуратуре, управлении юстиции и КГБ [2: 9].

Постсоветская Карачаево-Черкесия с ее подвижной этнополитической ситуацией контрастирует с относительно стабильным этнополитическим разделением власти, характерным для перехода Кабардино-Балкарии от советского к постсоветскому порядку. В постсоветскую эпоху карачаевская политическая элита активно стремилась исправить политические диспропорции советского периода. Хотя в республике не было вооруженных конфликтов, подобных чеченским и осетино-ингушскому, в постсоветской Карачаево-Черкесии наблюдались резкие реакции на попытки карачаевских элит изменить баланс власти. Эти реакции принимали форму массовых протестов, беспорядков и политического тупика в конце 1990-х и начале 2000-х гг. [4: 114–172].

Сравнение ситуации в Кабардино-Балкарии с ситуацией в Чечено-Ингушетии в позднесоветский период выявляет ряд явных различий. Социальная структура Чечено-Ингушской АССР характеризовалась заметной этнической стратификацией. В истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с русскими, казачьими и осетинскими соседями было немало конфликтов, а в демографическом и этнотерриториальном плане Чечено-Ингушская АССР после 1957 г. выглядела иначе, чем до 1944 г. Эти различия усиливают чувство этнической дискриминации и ощущение незащищенности и отсталости по отношению к соседним группам, которые отсутствуют в случае с Кабардино-Балкарией и менее выражены в случае с Карачаево-Черкесией.

По сравнению с Кабардино-Балкарией, где кабардинцы и балкарцы были относительно равномерно представлены на всех уровнях социальной иерархии, в Чечено-Ингушетии наблюдалась гораздо большая социальная стратификация между коренными титульными этносами на нижних уровнях и преимущественно русским населением на верхних уровнях. По сравнению с общероссийскими показателями чеченцы и ингуши последовательно занимали нижние позиции по уровням занятости, образования и другим показателям социально-экономического

статуса. Несмотря на то что Чечено-Ингушская АССР имела более крупную промышленную экономику, чем Кабардино-Балкарская АССР, к 1989 г. лишь 25 % чеченцев и 35 % ингушей проживали в городской черте [3: 162–163]. По мнению исследователей, Чечено-Ингушетия в 1960–1980-е гг. была разделена на два сектора: «русскую» нефтеперерабатывающую индустрию и «местную» экономику, в которой доминировало мелкое товарное сельское хозяйство, сезонная трудовая миграция и строительство [6: 116]. Так, из 50 тыс. занятых в нефтяной промышленности Грозного, только несколько сотен были чеченцами и ингушами. Для Чечено-Ингушской АССР был характерен один из наиболее высоких уровней безработицы в РСФСР, а промышленный сектор республики часто испытывал трудовой дефицит, при этом руководство республики, преимущественно состоящее из русских, мало делало для привлечения чеченцев и ингушей в промышленность.

Высокая степень этнической стратификации Чечено-Ингушетии была частично результатом низкого уровня школьного и высшего образования среди ингушей и особенно чеченцев. Когда чеченцы и ингуши вернулись из ссылки в конце 1950-х и начале 1960-х гг., из-за условий режима спецпоселений возникло большое расхождение между их уровнем образования и уровнем образования русского населения республики. В отличие от случаев с карачаевцами и балкарцами, усилия руководства Чечено-Ингушской АССР по повышению уровня образования среди чеченцев и ингушей были крайне недостаточными. Образовательный уровень среди ингушей и особенно чеченцев никогда не догонял общероссийский. К 1989 г. всего 4,5 % чеченцев и 6 % ингушей в возрасте 15 лет и старше имели высшее образование. Для сравнения, этот показатель составлял 11,1 % для балкарцев и 11 % для карачаевцев, что немного ниже общероссийского среднего показателя в 11,3 % [7]. В Чечено-Ингушской АССР существовал самый высокий процент жителей без среднего образования среди всех автономных областей и республик РСФСР. Это способствовало углублению социально-экономического разрыва между коренным и некоренным населением республики.

Исходя из этих данных, неудивительно, что чеченцы и ингуши были недостаточно представлены в номенклатуре республики. Действительно, представленность чеченцев и ингушей на ключевых руководящих позициях в партии, администрации и госпредприятиях была даже ниже, чем среди карачаевцев. Ни один чеченец или ингуш никогда не занимал пост первого секретаря обкома, министра внутренних дел, руководителя КГБ или прокурора. В отличие от других депортированных народов, число чеченцев на руководящих должностях не возрастало с 1959 по 1989 г. В начале 1980-х гг., хотя они составляли более 60 % населения республики, чеченцы и ингуши занимали всего около 25 % аппарата управления республики.

Если учитывать, что целью реинтеграции балкарцев было устранение диспропорций в социально-экономическом статусе между балкарским и небалкарским (особенно кабардинским) населением республики, то данные последних десятилетий советского правления свидетельствуют об относительном успехе этой

кампании. Сравнение показателей из Кабардино-Балкарской АССР с аналогичными данными из Чечено-Ингушской АССР и Карачаево-Черкесской АО показывает значительные различия в положении ранее депортированных титульных этносов. По сравнению с балкарцами карачаевцы, чеченцы и ингуши оставались на периферии социально-экономических успехов своей родины до конца советского периода. Анализ различий в социально-экономическом статусе, возникших из-за неполной или неудачной реинтеграции после возвращения из ссылки, помогает объяснить, почему в первые постсоветские годы Кабардино-Балкария оказалась менее подвержена сепаратизму и межэтническим трениям в сравнении с соседними регионами. Другие исследователи этнической мобилизации на Кавказе также объясняют различие в траекториях социально-политического развития на Кавказе вариациями в классовой структуре [8: 261]. Наличие этнически стратифицированной социальной структуры и сопутствующая конкуренция между этнически категоризированными сообществами за позиции власти увеличивают вероятность такого рода конфликтов [9: 99–135].

Сравнение степени реинтеграции балкарцев и чеченцев объясняет различные судьбы постсоветских Кабардино-Балкарии и Чечни. После возвращения из ссылки балкарские элиты были инкорпорированы в местную номенклатурную сеть – например, балкарским местом считалась позиция председателя Верховного совета Кабардино-Балкарской АССР [1: 14]. Более того, к моменту начала перестройки различий в социальной структуре между кабардинцами и балкарцами почти не было – это объясняет низкий уровень бытовой межэтнической вражды, которая не переросла в гражданский конфликт наподобие осетино-ингушского.

Источники и литература

1. *Аккиева С.И.* КБР: модель этнологического мониторинга. М., 1998.

2. *Арутюнов С.А.*, *Смирнова Я.С.*, *Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1990.

3. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.

4. *Казенин К.И.* «Тихие конфликты» на Северном Кавказе. Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М., 2009.

5. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев / отв. ред. В.К. Гарданов. Нальчик, 1986.

6. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

7. Уровень образования населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

8. *Derlugian G.* Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography. Chicago, 2004.

9. *Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.

10. *Lanzillotti I.* Towards an Explanation of Intercommunal Peace in Kabardino-Balkaria: Post-War Nationalities Policy and Late Soviet Society in the North Caucasus // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. Is. 6. P. 942–965.

Г.Д. Гриценко

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

Северный Кавказ по-прежнему остается одной из самых проблемных территорий России с точки зрения обеспечения региональной стабильности как основы поддержания национальной безопасности. Уровень региональной защищенности зависит от многих факторов, в том числе от общих характеристик динамики культуры, от состояния общественного сознания [11]. Среди таких факторов значимое место занимает степень сформированности общероссийской идентичности.

Поскольку целью данной работы является не ответ на вопрос, что есть общероссийская идентичность, а размышление о путях, способах ее укрепления в качестве основы региональной безопасности полиэтничного многоконфессионального северокавказского социума, то именно на рассмотрении этого аспекта и сосредоточено внимание в статье.

Для достижения цели исследования был использован дискурс-анализ научных публикаций северокавказских исследователей за 2018–2023 гг. Работы находятся в свободном доступе на платформе Elibrary. В качестве теоретической основы мы выбрали такое направление дискурсологии, как критический дискурс-анализ (Т. Ван Дейк, Н. Фэркло, М. Йоргенсен, Л. Филлипс и др.). «Для критического дискурс-аналитика, – как отмечали теоретики этого направления М. Йоргенсен и Л. Филлипс, – дискурс – это форма социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется посредством других социальных практик. Социальная практика и дискурс находятся в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. Эти отношения не только вносят вклад в формирование и изменение социальных структур, но также и отражает их» [10: 110].

Учитывая эти особенности дискурса, мы выбрали его социокультурный аспект, а именно идеи, способствующие укреплению общероссийской идентичности в контексте региональной безопасности. Безусловно, многое из того, что предлагалось учеными, достаточно часто рассматривалось и ранее, причем значительная часть из предложенных идей в той или иной степени реализуется в социальной

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100306-9.

практике в субъектах Северо-Кавказского региона. Однако в ходе исследования ставилась задача определения иерархии, последовательности, приоритетности тех идей, о которых говорят северокавказские политологи. Именно такая иерархия и была выстроена в ходе анализа политико-культурного дискурса, что позволило представить весь массив научной информации в виде нескольких групп.

Первая группа идей, способствующих укреплению общероссийской идентичности, касается теоретико-методологических аспектов идентификационной проблематики. Эксперты высказались о необходимости разработки новых теоретических, методологических позиций, «которые позволили бы найти место народным, национальным героям в российской истории со всеми их плюсами и недостатками. Всякие "патриотические" изыски, гиперболизирующие цивилизаторскую роль России, принижая при этом уровень социокультурного развития народов, подчеркивая отсталость народов Северного Кавказа, контрпродуктивны» [3: 86]. Политологи в этой связи вспоминают научные работы В.В. Черноуса, который предложил рассматривать российско-кавказские взаимоотношения «через призму цивилизационно-культурного подхода», комплексного осмысления историко-культурного, этнополитического многообразия, диалога разных культур, «векторов этнокультурных процессов на Юге России» [2: 51]. По мнению В.Х. Акаева, данные предложения незаслуженно забыты, их разработку «нужно продолжить, раскрывая заложенный в них творческий потенциал, ценные идеи» [3: 87]. В данном контексте, как отмечает исследователь, «от ученых, экспертов, политиков требуется не установление единомыслия, а выявление сложного, противоречивого характера социокультурных событий. Но при этом важно установление общих, интегративных аспектов во взаимодействии народов, в их сотрудничестве. В этой связи представляется важным выявление перспективы развития народов, того, что формирует их единство, условия существования в общем государстве при сохранении этнокультурного многообразия» [3: 87–88].

Одним из теоретико-методологических вопросов, требующих дальнейшей разработки, стало определение того, что есть российская нация. Это важно, поскольку суть процесса ее формирования отражается в этнонациональной и гражданской идентичности россиян. И успех научных изысканий в этой сфере обеспечивает эффективность практических мер по совершенствованию межнациональных отношений в стране [6: 101–102], укреплению единства в идентификационной сфере как основы региональной безопасности.

Действительно, как показывает социокультурная практика, без глубокой проработанности теоретическо-методологических контуров идентификационных процессов сложно выстроить систему взаимообусловленных мер по укреплению общероссийской идентичности, обеспечивающей региональную безопасность на Северном Кавказе.

Следующая группа идей, обозначающих способы формирования и укрепления общероссийской идентичности, – это идеи об изменении воспитательного

процесса. Многие ученые указывают на возросшую потребность в «основательном патриотическом воспитании подрастающего поколения», поскольку «такая работа заметно ослабла в семьях, школах, вузах, учреждениях». Именно «формирование патриотизма – это освоение базовых ценностей этнической культуры, региональных ценностей, а в конечном итоге – это и освоение общероссийских ценностей, русского языка, истории и культуры, законов России. Только через понимание разных уровней… идентичностей, каждого из этих компонентов, их взаимосвязи, взаимоперехода… складывается основа для нового этапа формирования русско-кавказского культурного синтеза, общероссийской идентичности» [3: 88]. Такое понимание процесса воспитания особенно актуализируется в условиях проведения специальной военной операции.

Одним из средств патриотического воспитания, по утверждению экспертов, может стать нартский эпос, являющийся составной частью духовного наследия чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, адыгейцев. Обращение к традиционному эпосу, выявление в нём новых смыслов с учетом современного контекста позволяет расширить и углубить понимание роли духовного наследия того или иного этноса в культурно-историческом процессе не только северокавказского общества, но и российского [8: 32–33], что в конечном счете обусловливает региональную безопасность.

Обозначенный подход к модернизации воспитательного процесса может рассматриваться как продолжение разработки теоретико-методологических аспектов идентификационных процессов в северокавказском социуме.

Ко второй группе идей примыкает третья, поскольку она касается идентификационной характеристики религии, а именно ислама. В частности, по утверждению ученых, ислам следует рассматривать в качестве надэтнической и внеполитической составляющей современной северокавказской социальной и культурной идентичности, в качестве важнейшего консолидирующего фактора не только на Северном Кавказе, но и в российском обществе, значительная часть которого – мусульмане [9]. Безусловно, отмечают эксперты, нельзя абсолютизировать влияние религиозных факторов на формирование идентичности, но недопустимы и крайности в понимании диалектики взаимодействия этнополитических и религиозных механизмов: они друг без друга в Северо-Кавказском регионе не существуют; политические, этнические и религиозные процессы здесь всегда выступают в неразрывном единстве [9].

В данном аспекте, полагает ряд авторов, большое значение может иметь учение шейха Кунта-Хаджи Кишиева, поскольку его основные идеи значимы «для противодействия нетрадиционным для региона исламским течениям, таким как салафизм, ваххабизм, разрушительно воздействующим на исторические и культурные традиции» северокавказского общества [8: 33]. Причем, по утверждению исследователей, к таким культурно-историческим установкам относятся не только ценности ислама [4], но и ценностные ориентиры северокавказской идентичности,

сформировавшиеся задолго до его распространения. Известно, что ислам на Кавказе представляет собой вероучение, пришедшее извне, которое было «наложено» на этнокультурный менталитет, сложившийся значительно раньше [9: 104–105]. Как свидетельствует социокультурная практика, факторы религиозного характера, действительно, могут повышать уровень региональной безопасности или способствовать ее устойчивости.

Последнюю группу идей составляют ценности, связанные с русским языком. Многие эксперты говорят о восстановлении этносоциальной структуры северокавказского общества советского периода для успешности процесса укрепления общероссийской идентичности: «Для полноценной интеграции Северного Кавказа в российское политическое пространство очень важно возвращение русских в регион. Возвращение русских будет способствовать не только созданию многоукладной экономики, торможению процесса анклавизации региона, но и созданию общих ценностных ориентаций» [1: 198].

Как полагают ученые, общероссийская идентичность народов Северного Кавказа может формироваться на основе не только духовной общности народов северокавказских республик, но и объединяющей роли русского языка и культуры, общей исторической судьбы многонационального и многоконфессионального российского общества [7].

По утверждению исследователей, ключевую роль в укоренении разных этносов в российском многонациональном обществе в современных условиях играет развитие билингвизма, поскольку русский язык является одним из обязательных для всего многонационального общества России. Это важно в деле углубления межнациональных и межкультурных взаимоотношений [5; 12; 13], укрепления общероссийской идентичности как социокультурной основы региональной безопасности.

Таков результат дискурс-анализа научных публикаций северокавказских ученых по проблематике формирования и развития общероссийской идентичности. Сравнение его с социокультурной практикой последних двух лет, в течение которых проводится специальная военная операция, подтверждает объективность научных выводов, прописанных в анализируемых публикациях.

Источники и литература

1. *Абдулкадыров Ю.Н.* Российский Кавказ: риски и угрозы этнополитической безопасности // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 12. С. 195–199.

2. *Акаев В.Х.* Кавказские исследования профессора Виктора Черноуса в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы Северного Кавказа: сб. науч. ст. / отв. редактор И.П. Добаев. Вып. 97. Ростов н/Д., 2018. С. 48–63.

3. *Акаев В.Х.* Формирование русско-кавказских взаимоотношений: от антагонизма к единству // Вестник Института развития чеченского языка и истории. 2022. № 19. С. 80–88.

4. *Акаев В.Х.*, *Абубакаров А.С.*, *Анимоков И.К.* Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: особенности становления и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 4 (107). С. 49–53.

5. *Акаев В.Х.*, *Акаев А.В.* Язык как основа культурного бытия этноса // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 1 (4). С. 104–111.

6. *Акаев В.Х.*, *Дадуев М.А.*, *Газиев В.З.* Формирование гражданской нации в России как естественно-исторический процесс // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5. С. 95–104.

7. *Акаев В.Х.*, *Кашаф Ш.Р.*, *Бахмудкадиев Н.Д.*, *Тумалаев Д.Р.* Основные факторы укрепления общероссийской идентичности народов Дагестана // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 343–352.

8. *Акаев В.Х.*, *Солтамурадов М.Д.*, *Акаев А.В.* Сохранение этнокультурного наследия народов Северного Кавказа как фактор обеспечения духовной безопасности государства // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. Т. 16. № 1 (19). С. 29–34.

9. *Гаджиев М.М.* Особенности взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 103–108.

10. *Йоргенсен М.В.*, *Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд. Харьков, 2008.

11. *Нарыков Н.В.*, *Скворцов И.П.* Социокультурные аспекты национальной безопасности // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 25–31

12. *Овхадов М.Р.* Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М., 2000.

13. *Овхадов М.Р.* Социально-лингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия. Назрань, 2007.

А.З. Адиев

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ[1]

В данной статье представлены результаты исследования воспитательной работы среди школьников Республики Дагестан, направленной на развитие устойчивости

[1] Статья подготовлена в рамках реализации гранта Главы Республики Дагестан на выполнение инициативных исследований в области гуманитарных наук. Проект «Профилактика экстремизма и терроризма в общеобразовательных школах: опыт Республики Дагестан».

у молодежи к пропаганде экстремизма и терроризма. Выявлено, что просветительская антитеррористическая работа со школьной молодежью проводится согласно «Комплексному плану противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы», в соответствии с которым в школах разрабатываются и реализуются свои ежегодные планы мероприятий. В этом деле участвуют учителя (завучи по воспитательной работе, классные руководители, школьные психологи и социальные педагоги), а также субъекты профилактик из представителей правоохранительных органов [6: 23], органов власти, уполномоченных в сфере молодежной политики, духовенства и других лидеров общественного мнения [7].

Установлено, что основным форматом данной работы является тематическая беседа-лекция со школьниками, проведение которой требует определенных педагогических навыков и компетенций. С помощью анализа нормативных и концептуальных документов, обзора официальных сайтов общеобразовательных учреждений и серии исследовательских интервью с педагогами и другими субъектами этой работы изучены практики профилактики экстремизма и терроризма среди дагестанских школьников, а также выявлена палитра мнений о проблемных аспектах просветительской антитеррористической работы с молодежью. Исследование организационных аспектов этой работы в школах проведено методом выборочного обзора официальных сайтов общеобразовательных учреждений (на сайте школы обычно имеется тематический раздел) и анализа документов (в каждой школе имеется свой ежегодный план мероприятий по антитеррористическому воспитанию). Результаты обзора сайтов и анализа тематических документов дополнены мнениями, собранными в ходе исследовательских интервью с представителями органов местного самоуправления; учителями и спикерами, задействованными в профилактической антитеррористической работе с молодежью. Прямая речь участников исследовательских интервью дана в кавычках, курсивом, с указанием категории эксперта.

К сожалению, приходится констатировать, что сайты многих сельских образовательных учреждений республики на момент их обзора (апрель – июнь 2024 г.) не работали, а многие размещенные на них тематические документы (годовые планы мероприятий и сведения о проведенных мероприятиях) были устаревшими. Выборочное исследование тематических разделов сайтов сельских и городских школ показало, что наиболее распространенными и доступными форматами антитеррористической воспитательной работы со школьниками являются: классные часы; открытые уроки; еженедельные «разговоры о важном»; лекции приглашенных спикеров; показ специализированных документальных фильмов и видеороликов; раздача антитеррористических информационных буклетов. Такие форматы профилактической работы предполагают пассивное участие школьников, что не считается опрошенными специалистами удачным решением в деле формирования у молодежи антитеррористического мировоззрения. «Когда мы говорим с подростками об угрозе экстремизма и терроризма и много

рассказываем им об этом, это не совсем похоже на профилактику. От этого, как правило, мало пользы. Эффект будет, только если ребенок сам активно участвует в просветительских мероприятиях, как пионерия в советское время, формат дети – детям»[1], – отмечает специалист отдела образования (г. Махачкала).

В ходе исследования респондентами не раз озвучивалась проблема слишком прямолинейной работы с молодежью со стороны ряда субъектов профилактики экстремизма и терроризма. Как пишут специалисты из Тулы, необходимо учитывать тот факт, что непосредственная прямая профилактика не дает практически никакого эффекта, в связи с чем необходимо выстраивать систему этой деятельности с опорой на косвенные, «мягкие» методы и формы работы, оптимизирующие и среду, и личность [2: 19]. Некоторые педагоги отмечают, что при проведении с подростками профилактических бесед, занятий и мероприятий не нужно затрагивать сами деструктивные идеи, чтобы не превратить профилактику в пропаганду экстремизма и терроризма. Как отметила учительница из Дербентского района Дагестана, нецелесообразно посвящать детей младшего школьного возраста в тонкости угроз, вызываемых распространением идей терроризма и религиозного экстремизма, межнациональной и межконфессиональной розни. Дети должны приобрести определенные знания (в том числе и специальные) в полном соответствии с их возрастом [5: 95].

Из интерактивных форматов в школьных календарных планах антитеррористических профилактических мероприятий прописаны конкурсы среди школьников на создание лучшего информационного материала (фотографии, стенгазеты), сочинений и рисунков; театрализованные постановки; проведение флэшмобов и других акций с участием самих детей по антитеррористической тематике. «Наша задача – постараться вовлечь в эту работу самих этих трудных детей, подростков, чтобы они сами что-то делали, и тогда им это будет интересно и что-то, возможно, отложится у них в голове, выработается иммунитет», – заявляет педагог-психолог (г. Хасавюрт).

Помимо общепрофилактических мероприятий, охватывающих всю возрастную группу учащихся, в школах проводятся адресные и индивидуальные занятия с детьми из так называемой группы риска, которые потенциально наиболее подвержены влиянию деструктивных идеологий. В группу риска, как пояснили опрошенные учителя, входят дети мигрантов; дети, возвращенные (прибывшие) из зон боевых действий, например, из Ирака и Сирии; выходцы из семей террористов и пособников, осужденных или уничтоженных. К группе риска также относятся школьники, с выраженными изменениями в социальном поведении, религиозном мировоззрении [4: 26], а еще подростки, состоящие на учете в подразделении МВД по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), муниципальных отделах и комиссиях по делам несовершеннолетних. В целях своевременного

[1] Здесь и далее в кавычках приводятся цитаты из интервью, собранных в рамках исследовательского проекта.

выявления школьников, требующих профилактического внимания, учителя интересуются психологическим климатом в их семьях и в классах, наблюдают за внешним видом обучающихся, а школьные психологи проводят среди учащихся психодиагностические тестирования, направленные на выявление обучающихся, склонных к радикализации, а также к агрессивному или суицидальному поведению. «У нас в школе есть социально-психологическая служба, они (сотрудники. – *А. А.*) проводят исследование. В сентябре же поступают новые дети, свой контингент мы уже знаем», – указывает завуч по воспитательной работе (г. Махачкала). После определения детей, относящихся к группе риска, с ними должна проводиться специальная работа, направленная на их включение в позитивную среду развития. Это могут быть кружки по интересам, спортивные секции, летние лагеря при школах, волонтерские и патриотические движения и пр. Цель таких мероприятий – максимально вовлечь ребенка в полезную деятельность, способствовать его разностороннему развитию, а также по возможности ограничить общение с людьми, оказывающими на него негативное влияние.

Просветительская и профилактическая работа по формированию антитеррористического мировоззрения проводится не только со школьниками, но и с их родителями (законными представителями), поскольку без их активного участия в этом воспитательном процессе положительного эффекта ожидать не стоит [3: 14]. Но многие опрошенные учителя называют одной из серьезных проблем в воспитательной работе с трудными подростками как раз отсутствие интереса и даже противодействие со стороны родителей проблемных подростков. «Сейчас, когда любого родителя приглашают в школу, этот человек, она или он, заходит на территорию школы уже с настроем воевать. Особенно женский пол. Она заходит на территорию школы и отрицает наличие проблемы в воспитании ребенка, мол, мой ребенок не такой!» – утверждает член родительского комитета (Ногайский район).

Помимо слабой вовлеченности родительского сообщества в воспитательную работу, опрошенные учителя в качестве основных проблемных аспектов антитеррористической профилактической работы в школах обозначили формализм, т.е. проведение многих подобных мероприятий без особого интереса, ради отчетов перед вышестоящими инстанциями. Причины формализма, по мнению участников исследования, кроются в перегруженности школьных учителей бумажными и электронными отчетами. «Вот это – лишь бы занять учителя какой-то бумагой! Честное слово! Да я бы лучше, чем этим заниматься, я в каждом классе могла бы провести беседы… Круглосуточно у нас идет работа!» – восклицает завуч по воспитательной работе (г. Махачкала). Также формализм может быть вызван нехваткой времени для серьезной подготовки этих мероприятий, особенно в городских школах, поскольку учителя их проводят без отрыва от учебного процесса. Ряд опрошенных учителей также отметили неумение некоторых приглашенных спикеров (например, инспектора ПДН) выступать перед подростковой аудиторией. В результате преобладания формального подхода

(к примеру, монотонное чтение доклада или отсутствие директора школы в актовом зале) подростки теряют интерес к этим мероприятиям, перестают слушать спикеров, а учителя жалуются, что этих нравоучительных лекций стало слишком много, они отвлекают детей от учебного процесса и подготовки к сдаче ОГЭ/ЕГЭ. «На мероприятиях звучат общие банальные слова, пустота, главное отчет! Для отчета сделайте фотографии с мероприятия в школе и все! А чем вы хотите удивить школьников? И школьники прекрасно видят: ты пустой или не пустой. Они сидят, смеются и отпускают язвительные замечания, если вы как оратор не смогли их заинтересовать своим выступлением», – заявляет общественный деятель (г. Махачкала).

В то же время часть опрошенных педагогов не согласны с тем, что из различных ведомств к работе с молодежью привлекаются неподготовленные специалисты. «Спасибо большое я хочу сказать нашим правоохранительным органам, нашим участникам военных действий, у нас постоянно проходят встречи, они говорят детям, как их могут обмануть, что на той стороне (анонимы в социальных сетях. – *А. А.*) не парень и не девушка, это могут быть хорошие психологи, которые детей обрабатывают на этот счет. Но мы проводим столько мероприятий… Каждый месяц один час мы даем представителям духовенства, они тоже проводят беседы, мне очень нравится их работа. Мы допускаем к детям уже проверенных людей, которые говорят не столько о религии, сколько о нравственности в целом, об уважении к родителям, к учителям», – свидетельствует завуч по воспитательной работе (г. Махачкала).

Элемент формализма, по мнению учителей, присутствует не только в мероприятиях, но и в учебных материалах. Так, завуч по воспитательной работе в школе из Хасавюртовского района Дагестана замечает, что в рамках предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» (далее – ОБЖ) не отводится достаточного времени на изучение способов противодействия путям и средствам вовлечения подростков в террористическую деятельность, а сам учебный материал не соответствует возрастным особенностям учащихся. Она пишет, что в отведенные на предмет ОБЖ часы школьникам преподают основы организации системы противодействия терроризму в Российской Федерации, где рассказывается о Национальном антитеррористическом комитете, антитеррористических комиссиях и оперативных штабах, но в то же время, вопросы противодействия вовлечению в террористическую деятельность, правила безопасного поведения в интернете не изучаются или рассматриваются очень поверхностно [1].

В контексте проблемы формализма спикеры из профильных министерств и ведомств, а также общественники, имеющие опыт проведения профилактических бесед и лекций со школьниками, отмечают равнодушие и незаинтересованность в данных мероприятиях как директоров школ, так и муниципальных властей, особенно в малых городах и селах республики. «Говорим – да, а делается по факту что? Флэшмоб сделать – “да”, написать диктант “Как я люблю Родину” – “да”, с флажками побегать – “да”. Но разве это работа? Нет, это имитация! У нас вся работа

в этом направлении поставлена на имитации. Работа по патриотизму заключается во встречах с молодым поколением и на первоначальных этапах становления их личности в школах. В школах надо эту работу проводить! И работа должна проводиться по хорошим примерам и системно, естественно», – утверждает общественный деятель (г. Махачкала).

Все участники исследования согласны с тем, что профилактика экстремизма и терроризма – это часть целостной просветительской работы с молодежью, которая направлена не только на формирование антитеррористического мировоззрения, но и в целом на привитие детям общечеловеческих нравственных ценностей, гуманизма, критического мышления, патриотизма и активной жизненной позиции. «Если молодому человеку правильно объяснить, что такое патриотизм, что такое Родина, что он живет в многонациональной, многоконфессиональной стране, что он должен любить свою малую родину, а она является частью нашей большой страны – России, то я думаю, что такой человек не попадет под влияние экстремистских идей и призывов», – считает специалист Министерства по делам молодежи Республики Дагестан. «Многие думают, что профилактика – это только, когда мы говорим: “Нет терроризму!” Но это не совсем так. Вот если нам удалось привить ребенку, подростку уважение к родителям, к учителю, научили делать добрые поступки, ценить дружбу, помогать слабым и т.д. – вот это профилактика», – заявляет учитель (г. Буйнакск).

Опрошенные учителя и специалисты понимают важность работы с молодежью, видят проблемные стороны этой работы и возможности ее улучшения. Для этого, по их мнению, нужно индивидуально и системно подходить к каждому проблемному ребенку; учитывать возраст и индивидуальные особенности детей; найти различные формы занятости, чтобы направить неуемную энергию подростков в положительное русло; повысить компетентность учителей в этом направлении. Кроме того, очень важно на государственном уровне поднять авторитет школьного учителя.

Источники и литература

1. *Алханова А.Ш.* Воспитательный потенциал школы как часть системы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма // Материалы республиканской конференции «Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан» (21 марта 2023 г.). Махачкала, 2023. С. 14–18.

2. *Клейменов А.А.*, *Григорьева А.И.*, *Дьячкова Т.В.* Формирование антитеррористического мировоззрения у молодежи // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1 (28). С. 16–19.

3. *Махмутова Р.Г.*, *Шибанова Н.А.* Мониторинг радикализации молодежи в учебных заведениях // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1 (28). С. 12–15.

4. Методические материалы для совершенствования работы педагогических коллективов общеобразовательных организаций по противодействию идеологии терроризма. Махачкала, 2023.

5. *Муслимова О.Г.* Актуальные проблемы организации противодействию распространению идеологии терроризма в образовательных учреждениях РД // Материалы республиканской конференции «Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан» (21 марта 2023 г.). Махачкала, 2023. С. 93–96.

6. *Пхешхова И.М.* Причины и условия, способствующие вовлечению молодежи в террористическую среду // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1 (28). С. 20–23.

7. *Якуба Т.Ю.*, *Лазарева Т.С.* Формирование антитеррористического мировоззрения у молодежи: успешные практики Дальневосточной государственной научной библиотеки // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 2 (29). С. 24–31.

Р.А. Товсултанов, М.Ш. Товсултанова

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Процесс взаимодействия культур русского населения и народов Северо-Восточного Кавказа имеет глубокие исторические корни, уходящие в период раннего Средневековья. Первые контакты между восточнославянскими племенами и народами Кавказа фиксируются еще в IX–X вв., когда формировались торговые отношения между Древней Русью и кавказскими народами. Образование Тмутараканского княжества в X в. стало важным этапом в развитии этих контактов, благодаря чему возникли условия для более интенсивного культурного обмена.

Однако наиболее активная фаза взаимодействия началась в XVI в. с появлением на Северном Кавказе первых казачьих поселений и русских военных форпостов. Данный период характеризуется началом формирования устойчивых связей между русским населением и местными народами, что создало предпосылки для дальнейшего культурного взаимообогащения.

Процесс взаимодействия культур не был линейным и однонаправленным. Он характеризовался периодами как интенсификации контактов, так и их ослабления, что было обусловлено различными политическими, экономическими и социальными факторами. Например, период Кавказской войны (1817–1864 гг.) привел к определенному обострению отношений, но в то же время способствовал более тесному знакомству русского общества с культурой и бытом кавказских народов.

Завершение процесса интеграции северокавказских народов в состав Российской империи во второй половине XIX в. открыло новый этап в развитии межкультурных контактов. Этот период характеризуется более системным и институционализированным взаимодействием, в том числе через образовательные учреждения, научные общества и культурные организации.

Процесс адаптации казаков и русских переселенцев к условиям Северного Кавказа представляет собой яркий пример культурной адаптации. Данный процесс характеризовался активным заимствованием элементов материальной и духовной культуры местных народов, что было обусловлено необходимостью приспособления к новым природно-климатическим и социокультурным условиям.

В сфере материальной культуры наиболее заметные изменения произошли в одежде, жилище и вооружении. Казаки и русские переселенцы постепенно перенимали элементы кавказского костюма, такие как черкеска, бешмет, бурка, папаха. Эти предметы одежды были не только более удобны в местных условиях, но и соответствовали военному образу жизни казачества. Как отмечал В.А. Потто: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя» (цит. по: [4: 236]).

В области жилищного строительства также наблюдались значительные изменения. Наряду с традиционными русскими избами, казаки и переселенцы начали строить турлучные дома без подклети с глинобитным полом, характерные для многих северокавказских народов.

Русский язык выполнял консолидирующую функцию, обеспечивая коммуникацию между различными этносами полиэтничного региона. Он стал языком межнационального общения, науки, образования, делопроизводства. Распространение русского языка осуществлялось через систему образования. Создание сети русско-туземных школ, горских школ, реальных и профессиональных училищ способствовало формированию национальной интеллигенции, знакомой с русской культурой. Выпускники этих учебных заведений становились проводниками русского культурного влияния в своих этнических сообществах [5].

Важную роль в культурном взаимодействии сыграло развитие театрального искусства. Русские театры, появившиеся на Северном Кавказе в XIX в., оказали значительное влияние на формирование эстетических вкусов горских народов. На их основе впоследствии создавались национальные театры. Репертуар включал как русскую и зарубежную классику, так и произведения местных авторов.

Распространение русской культуры способствовало модернизации бытовой культуры народов Северного Кавказа: происходило заимствование элементов городского костюма, предметов быта, новых сельскохозяйственных культур и агротехнических приемов. Менялся облик городов и селений, появлялись новые типы жилищ.

Таким образом, влияние русской культуры носило комплексный характер, затрагивая все сферы жизни северокавказских обществ. При этом важно отметить, что данный процесс не был односторонним. Происходило взаимообогащение культур, формирование уникального северокавказского культурного пространства, органично сочетающего традиционные и инновационные элементы.

Также отметим, что период XIX – начала XX в. характеризовался активизацией научного интереса к Северному Кавказу. Это было обусловлено как геополитическими интересами Российской империи в регионе, так и общим подъемом отечественной науки. Важную роль в организации исследований сыграли научные общества и экспедиции.

Среди наиболее значимых научных обществ, занимавшихся изучением Северного Кавказа, следует отметить Русское географическое общество (далее – РГО), основанное в 1845 г. В рамках РГО был создан Кавказский отдел, организовавший ряд экспедиций в регион. Результаты исследований публиковались в «Записках Кавказского отдела РГО».

Большой вклад в изучение археологии и этнографии Кавказа внесло Московское археологическое общество (далее – МАО). По инициативе МАО были организованы археологические съезды, на которых обсуждались вопросы кавказоведения. Общество издавало «Материалы по археологии Кавказа».

Важную роль играли местные научные общества, такие как Общество любителей изучения Кубанской области, Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края, Терское общество любителей казачьей старины. Данные организации объединяли как профессиональных исследователей, так и краеведов-любителей, способствуя развитию региональных исследований.

Значительный вклад в изучение Северного Кавказа внесли научные экспедиции. Среди наиболее масштабных следует отметить экспедицию Императорской академии наук под руководством И.А. Гильденштедта (1768–1775), экспедицию П.С. Палласа (1793–1794), лингвистическую экспедицию П.К. Услара (1850–1860-е гг.).

Результаты экспедиционных исследований нашли отражение в многочисленных публикациях. Особо следует отметить многотомное издание «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», содержащее богатейший материал по истории Кавказа XVIII–XIX вв.

Научные общества и экспедиции внесли неоценимый вклад в изучение различных аспектов истории и культуры народов Северного Кавказа [3]:

1. *Этнография:* были собраны обширные материалы по традиционной культуре, обычаям, верованиям, фольклору кавказских народов. Особую ценность представляют работы М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера, Н.Ф. Дубровина.

2. *Лингвистика:* проводились исследования языков Кавказа, составлялись словари и грамматики. Фундаментальное значение имеют труды П.К. Услара по кавказским языкам.

3. *Археология:* были открыты и исследованы многочисленные памятники различных эпох, от каменного века до Средневековья. Большой вклад в археологическое изучение Кавказа внесли работы А.А. Бобринского, Н.И. Веселовского, В.И. Долбежева.

4. *История:* изучались вопросы древней и средневековой истории Кавказа, его взаимоотношений с Россией. Значимы труды С.М. Броневского, А.П. Берже, В.А. Потто.

5. *География и природоведение:* проводилось комплексное изучение природных условий региона, его флоры и фауны (ценны исследования Н.Я. Динника, Г.И. Радде).

Деятельность научных обществ и экспедиций способствовала не только накоплению фактического материала, но и формированию кавказоведения как комплексной научной дисциплины. Были заложены основы для дальнейшего развития региональных исследований в советский период.

Советский период ознаменовался значительными изменениями в социокультурном развитии народов Северного Кавказа. Политика «коренизации», проводившаяся в 1920–1930-е гг., способствовала активному развитию национальных культур, образования и науки в регионе.

В сфере образования были достигнуты значительные успехи. В частности, была ликвидирована массовая неграмотность, создана система всеобщего начального, а затем и среднего образования. Важным достижением также стало развитие образования на национальных языках. Были созданы алфавиты для ранее бесписьменных языков, издавались учебники, готовились педагогические кадры из представителей коренных народов.

Большое внимание уделялось развитию высшего образования. В республиках Северного Кавказа были открыты педагогические и другие вузы, что способствовало формированию национальной интеллигенции. Многие представители северокавказских народов получили возможность обучаться в ведущих вузах страны.

Значительное развитие получила наука: были созданы научно-исследовательские институты, занимавшиеся изучением языка, литературы, истории и культуры народов региона. Среди них можно отметить Кабардино-Балкарский, Северо-Осетинский, Чечено-Ингушский, Дагестанский научно-исследовательские институты. Данные учреждения стали центрами развития гуманитарных наук в регионе [2].

Большое внимание уделялось развитию национальных литератур. Были созданы писательские организации, издавались литературные журналы на национальных языках. Появилась плеяда талантливых писателей и поэтов, таких как Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков и другие, чье творчество получило всесоюзное признание.

Активно развивалось театральное искусство. В республиках были созданы национальные драматические театры, ставившие как произведения местных

авторов, так и русскую и зарубежную классику. Формировались профессиональные кадры актеров, режиссеров, драматургов.

Значительные успехи были достигнуты в области музыкального искусства. Были созданы государственные ансамбли песни и танца, филармонии. Появились профессиональные композиторы, создававшие произведения на основе национального фольклора. Развивалось также изобразительное искусство: были открыты художественные училища, музеи изобразительных искусств. Творчество северокавказских художников и скульпторов получило признание на всесоюзном уровне.

Важную роль в развитии культуры играли средства массовой информации. Издавались газеты и журналы на национальных языках, велось радио- и телевещание. Это способствовало сохранению и развитию национальных языков, распространению культурных достижений.

Вместе с тем культурное развитие народов Северного Кавказа в советский период было сопряжено с определенными противоречиями. С одной стороны, создавались благоприятные условия для развития национальных культур, с другой – культурная политика была подчинена идеологическим установкам, что ограничивало творческую свободу и вело к унификации культурных процессов.

Тем не менее советский период стал временем значительного культурного подъема народов Северного Кавказа. Были заложены основы современной системы образования и науки, сформировались профессиональные кадры в различных областях культуры. Эти достижения стали фундаментом для дальнейшего развития национальных культур в постсоветский период.

Распад Советского Союза в начале 1990-х гг. привел к значительным изменениям в социокультурной и политической сферах на всем постсоветском пространстве, включая Северный Кавказ. Данный период характеризовался демонтажом прежних форм и механизмов взаимодействия российских культур при отсутствии новых эффективных инструментов межкультурной коммуникации. Нарушение межкультурного диалога в 1990-е гг. было обусловлено комплексом факторов политического, экономического и социокультурного характера, которые привели к дезинтеграционным процессам в межэтнических отношениях на Северном Кавказе.

Еще одним серьезным фактором, осложнившим межкультурный диалог, стало появление конфликтогенных противоречий между этноцентричными и общероссийскими подходами к интерпретации истории Кавказа и русско-кавказских отношений. Так называемые исторические войны спровоцировали конкуренцию исторической памяти различных этнических групп, что также негативно отразилось на межкультурном взаимодействии.

В контексте сказанного отметим, что этнические традиции и идентичность – наиболее стабильные элементы человеческой субъективности. Они играют ключевую роль в сохранении этнической общности и этнического сознания, обеспечивая преемственность культурного опыта и ценностных ориентиров. В свете современных глобализационных процессов вопрос сохранения традиций и этнической

идентичности приобретает особую актуальность. Глобализация, характеризующаяся усилением взаимосвязей и взаимозависимости различных культур и обществ, создает как новые возможности, так и вызовы для этнокультурного развития.

В условиях глобализации этнические традиции и идентичность выполняют ряд важных функций [1]:

1. *Защитная:* этнические традиции и идентичность служат своеобразным «культурным щитом», защищающим от нивелирующего воздействия глобальной массовой культуры.

2. *Адаптивная:* опора на этнические традиции помогает индивидам и группам адаптироваться к быстро меняющимся условиям современного мира, сохраняя при этом свою культурную уникальность.

3. *Интегративная:* этническая идентичность способствует консолидации этнических групп, что особенно важно в условиях глобальных миграционных процессов.

4. *Ценностно-ориентационная:* этнические традиции выступают в качестве источника ценностных ориентиров и моделей поведения, помогая индивидам выстраивать свою жизненную стратегию в соответствии с культурными нормами своего этноса.

5. *Психологическая:* осознание своей этнической принадлежности и следование традициям обеспечивают психологическую стабильность и чувство защищенности в условиях глобальной неопределенности.

В этой связи особую значимость приобретает поиск баланса между сохранением этнических традиций и идентичности и адаптацией к глобальным процессам. Необходимо развивать механизмы, позволяющие народам Северного Кавказа интегрироваться в мировое сообщество, не утрачивая при этом своей культурной самобытности.

Подводя итог, следует отметить, что взаимодействие культур на Северном Кавказе имеет длительную историю и проявляется в различных формах:

1. *Языковая:* взаимное обогащение языков, формирование билингвизма и полилингвизма.

2. *Экономическая:* обмен технологиями, товарами, развитие торговых связей.

3. *Социальная:* межэтнические браки, формирование смешанных сообществ.

4. *Культурная:* обмен элементами материальной и духовной культуры, взаимовлияние в сфере искусства, литературы, музыки.

5. *Религиозная:* синкретизм религиозных практик, формирование толерантного отношения к различным конфессиям.

Для максимально эффективного использования потенциала межкультурного взаимодействия в современную эпоху необходимо создание благоприятных условий, в числе которых: 1) развитие системы образования, ориентированной на формирование межкультурной компетентности; 2) поддержка проектов в сфере культуры, направленных на развитие межкультурного диалога; 3) создание

площадок для межкультурного общения (форумы, фестивали, культурные центры); 4) развитие исследований в области межкультурной коммуникации и распространение их результатов; 5) поддержка СМИ, освещающих вопросы межкультурного взаимодействия; 6) развитие нормативно-правовой базы, обеспечивающей равные возможности для культурного развития всех этнических групп.

Источники и литература

1. *Аракелян Ж.Ж.*, *Аракелян И.С.* Этнические традиции как фактор взаимодействия культур на Северном Кавказе: исторический аспект // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 4–3 (75). С. 162–165.

2. *Каширина О.В.* Интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 100–106.

3. *Кидирниязов Д.С.* Межнациональные взаимодействие, взаимовоздействие, синтез культур русского населения и народов Северо-Восточного Кавказа в прошлом // Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 85-летию ДГУ. Махачкала, 2016. С. 174–181.

4. Российское казачество: научно-справочное издание / отв. ред. и сост. Т.В. Таболина. М., 2003.

5. *Цыганская О.Г.*, *Лизенко И.И.*, *Макарова О.С.* Интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе и ее основные этнолингвистические особенности // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2022. Т. 15. № 3. С. 105–118.

М.А. Гассиева

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРОТИВ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ (на материале Закавказья, Южной Осетии)

В конце XX – начале XXI в. в результате геополитических трансформаций на постсоветском пространстве в Закавказье образовались независимые государства Грузия, Азербайджан, Армения и частично признанные Абхазия и Южная Осетия. На политической арене Южного Кавказа наравне с Россией стали доминировать новые акторы геополитики: США, Европейский Союз (ЕС), которые поощряют геополитическое размежевание постсоветского пространства, пытаются «“втянуть” государства Южного Кавказа в сферу своего влияния и вытеснить

Россию из этого региона» [4: 101]. Различные европейские проекты (например, «Пакт о стабильности на Кавказе» (2000 г., Брюссель)) защищают интересы некоторых независимых стран Южного Кавказа – Грузии, Азербайджана, Армении. В таких проектах постулируется сохранение территориальной целостности государств, а любые изменения их границ рассматриваются как серьезные вызовы государственной безопасности. Этим новые акторы геополитики на Кавказе привлекают Азербайджан, Грузию на свою сторону. Кроме того, проводится стратегия интеграции стран Закавказья в европейские структуры, в них активно происходит насаждение культурных ценностей и образцов Запада. В этом контексте оправдывается активное участие НАТО, ЕС и ОБСЕ в жизни регионов Закавказья. В современных условиях ведущую роль в борьбе за мировое господство играет не военный, а культурный фактор: «Все ведущие университеты Азербайджана, Грузии и Армении принимают участие в программах академических обменов студентов и преподавателей, включая «Эразмус+». В Азербайджане, Армении и Грузии в 2018 г. «Эразмус+» открывает региональные информационные центры. В университетах поощряется внедрение новых образовательных стандартов и технологий, ориентированных на развитие демократических ценностей» [5: 106].

При финансовой поддержке ЕС перерабатывается система школьного и вузовского образования, создаются учебники и программы, основанные на достижениях европейских стран, практикуются стажировки и обучающие экскурсии студентов, учителей, специалистов различных отраслей из Грузии, Азербайджана, Армении в государства ЕС. Акцент в образовании делается на идеях мультикультурализма и толерантности. В странах Закавказья поощряется также обучение английскому языку и IT, в чем ЕС видит факторы интеграции этих государств в Евросоюз и экономического развития региона.

Стратегические интересы Евросоюза по отношению к закавказским государствам определяются как выстраивание однополярного мира европейского образца. Против господства одной культуры или унификации культур выступали многие мыслители конца XIX–XXI в.: Ф. Ницше, О. Шпенглер, Г. Зиммель, А. Бергсон, Ф. Боас, М. Мосс, К. Леви-Стросс, И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Н.С. Трубецкой, А.Г. Дугин, А.П. Марков, А.С. Панарин, А.П. Назаретян и др. Соперничество за господство в культурном пространстве представляется как борьба однополярного европейского и многополярного евразийского пространства. При этом военная стратегия господства к началу XXI столетия отходит на второй план и сменяется борьбой за территории посредством культурного влияния. В результате американский политолог Дж. Най предложил концепт «мягкой силы» (soft power), которая «представляет собой возможность политического актора достигать целей без принуждения, при добровольном желании иных акторов. Най выделил три аспекта формирования мягкой силы: культуру и образ жизни, политические ценности и публичную дипломатию» [8: 92]. В данном случае культуре отводится направляющая роль в вопросах мирового влияния.

Профессор Гарвардского университета С. Мак-Рэ в работе «Мир в 2020 году» выдвигает тезис о господстве европейских ценностей (в частности американской культуры) и объясняет это их мультикультурностью, то есть способностью быстро трансформироваться, приспосабливаться к меняющемуся миру: «культура США и гибкость мысли, которая поощряется в стране, дает ей ее уникальное завидное положение в мире» (цит. по: [2: 8]). В американской культуре доминирует визуальное искусство: телевидение, массовая реклама: «Сеть коммуникаций связывает все культуры в единый узел. Таким образом, возникает возможность влиять на жизнь других стран посредством культуры, т.е. диктовать свой образ жизни» [2: 10]. Основой и средством культуры является язык, распространение которого определяет успешность нации. Так, благодаря международному значению английского языка возникло мировое господство Великобритании в XIX в.

К XXI в. военная экспансия сменяется идеологической борьбой: с помощью культуры можно преображать облик страны и насаждать свои геополитические интересы. Однако на сегодняшний день обозначилась и другая сторона культурной пропаганды. Культура способствует не только распространению чуждой идеологии, но и противостоянию геополитическим интересам развитых стран. Культуролог А.Я. Флиер отметил, что культура является «стратегией выживания человечества» [10: 27]. Империалистическим вызовам ЕС противопоставляются национальный язык, народный костюм, кухня, религия, традиции, формы социального порядка, ценности, система представлений и познания, идеология и многое другое. Всё это можно обозначить понятием *идентичность*, которое отражает специфику и разнообразие основ жизненного устройства народов. В статье 1 «Декларации о культурном разнообразии» (2001 г.) ЮНЕСКО культурное разнообразие названо важным источником выживания будущих поколений земного шара.

Многополярный мир признает разные культуры, языки, религии, политические и экономические системы, в нём свободно существуют и развиваются различные этносы. Ценности народа должны опираться на его историю и культуру, религию и мировоззрение. Язык и культура маркируют нацию, они служат средством противодействия унификации и однополярности современного мира.

Малые народы Закавказья – южные осетины, абхазы – отстаивают свою идентичность, права на свободу и сохранение языка и культуры. В политическом отношении их государственные образования – Южная Осетия и Абхазия – имеют статус частично признанных республик. 26 августа 2008 г. президент РФ Д.А. Медведев признал независимость Южной Осетии и Абхазии. Это решение было легитимным, основанным на принципах международного права. 26 августа 2023 г. Южная Осетия и Абхазия отметили 15-ю годовщину признания независимости Российской Федерацией. Обретение государственности было долгим и сложным процессом, который способствовал консолидации нации, укреплению национальной идентичности и самосознания народов.

Сегодня Южная Осетия и Абхазия выступают за партнерские отношения с Россией с опорой на принципы многополярного мира. Это означает сохранение языка, культуры, исторической памяти, которые определяют существование, свободу и суверенность народа. Выстраиванию однополярного мира может противостоять сохранение национальных культур и языков.

Современная Южная Осетия строится как государство, стремящееся укрепить социально-экономические и международные позиции, но в то же время ориентированное на популяризацию и сохранение этнической и языковой самобытности. Ядром национальной культуры народа остаются язык, фольклор, народное искусство, традиционная материальная и духовная культура.

Постсоветское время было отмечено социально-экономическими и военно-политическими потрясениями для Южной Осетии. Одновременно с ними происходило укрепление национального самосознания, возвращение к традиционным ценностям, национальной культуре. В последнее время ведется активная работа научного, образовательного и литературно-публицистического характера по популяризации этнической самобытности осетин. Публикации, посвященные сохранению родного языка и национальной культуры, являются центральными в средствах массовой информации.

В 2021 г. в Москве прошла Международная конференция «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве», в которой приняли участие ученые России, ближнего и дальнего зарубежья. Южную Осетию представила кандидат филологических наук, профессор Зоя Александровна Битарты, которая выступила с докладом «Развитие осетинского языка в условиях межкультурной коммуникации на примере РЮО – Государство Алания». Она представила дошкольную комплексную билингвальную программу «Малусæг» и методические рекомендации к ней. Основная цель программы – помочь детям овладеть родным осетинским литературным языком. При этом предлагается методика освоения русского (второго государственного) языка в Республике Южной Осетии. Программа уже несколько лет апробируется в дошкольных учреждениях и положительно себя зарекомендовала. Она способствует приобщению к родному языку и обогащению словарного запаса детей. Положительные результаты апробации программы «Малусæг» легли в основу школьных учебников по осетинскому языку и литературе. Необходимо отметить, что методика и программа обучения осетинскому языку разрабатывалась с помощью Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге.

В последнее время обозначился всплеск интереса к осетиноведению, к осетинскому фольклору, в частности к нартскому эпосу. Среди фундаментальных работ по осетиноведению можно назвать «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В.И. Абаева [1], многотомный «Толковый словарь осетинского языка» Н.Я. Габараева [7]. 15 декабря 2021 г. в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте состоялась презентация книги «Фарн Вассо» [9], посвященной

120-летию со дня рождения известного ученого, лингвиста с мировым именем В.И. Абаева. Составителем трехтомного издания выступила З.А. Битарты. В 2022 г. вышел «Русско-осетинский энциклопедический словарь. Авторские неологизмы и новое в современной осетинской термосистеме» профессора Т.И. Кокоева [3]. Важным событием культурной жизни Осетии стал выход в свет «Осетинской этнографической энциклопедии» [6] и трехтомного исследования «Энциклопедия осетинской Нартиады» Л.А. Чибирова [11]. Эти работы передают богатое наследие народного эпоса будущим поколениям осетинского народа. В настоящее время разрабатываются предметные словари на осетинском языке, посвященные музыке, изобразительному искусству, окружающему миру, истории и географии Осетии. Через изучение русской культуры и русского языка осетинский народ приобщается к мировым ценностям.

В Южной Осетии особый интерес проявляется к народному искусству. Важным достижением наряду с государственностью стало строительство собственной профессиональной национально-культурной инфраструктуры. Так, в республике действует Государственный ансамбль народного танца «Симд» им. Б.А. Галаева. Ансамбль имеет богатую историю, он был основан в 1938 г. В Юго-Осетинском государственном драматическом театре имени К.Л. Хетагурова представляется на сцене осетинское искусство.

В последнее время в Южной Осетии активизировалась работа по эко- и этнотуризму. Цель туристических программ – популяризация осетинской культуры. В республике действует этническая деревня, построенная общественным деятелем Ю.М. Бетеевым в Дзауском районе. В ней воссоздана атмосфера осетинского традиционного поселения, быт и трудовые будни крестьян, представлена утварь, народные промыслы, национальные костюмы и кухня.

Таким образом, на постсоветском закавказском пространстве происходят попытки интеграции разобщенного региона в европейские и евроатлантические структуры, выражающиеся в насаждении западных ценностей в отдельных государствах. Это указывает на стремление к построению однополярного мира европейского образца, которому противостоит евразийский многополярный мир. Такая ситуация угрожает самобытности кавказских народов, когда продвигаются ценности одной культуры, позиционируется элитарность одной нации и латентно неполноценность других народов. Конечно, в условиях глобализации народы не могут оставаться в полной изоляции, однако положительными итогами межкультурной коммуникации должны быть приобретение опыта, обмен достижениями между странами с сохранением собственной культурной идентичности. Тогда как однополярный мир, в котором доминируют ценности и язык лишь одной нации, является угрозой этнической уникальности.

Каждая культура обладает уникальными знаниями и ценностями, поэтому сохранение национального колорита является главным принципом многополярности и формой национального выражения и выживания в условиях современных

геополитических и геостратегических изменений. Культурная политика, учитывающая исторический опыт народа и основанная на его традиционных ценностях, – единственный путь конструктивного движения, способный совместить сохранение имеющихся достижений с планомерным достраиванием недостающих звеньев национально-культурной инфраструктуры.

Источники и литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М., 1996.

2. *Андрианова Т.В.* Геополитика и культура: Аналитический обзор / отв. ред. И.Л. Галинская. М., 2001.

3. *Кокоев Т.И.* Русско-осетинский энциклопедический словарь. Авторские неологизмы и новое в современной осетинской терминосистеме. Владикавказ, 2023.

4. *Коробкина И.А.* Политика «мягкой силы» ЕС на Южном Кавказе // История народов Кавказа: диалог культур, языков, и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В.П. Невской): материалы Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 1–2 ноября 2019 г.). Ставрополь, 2019. С. 101–103.

5. *Крючков И.В.* Сотрудничество Европейского Союза с государствами Южного Кавказа в сфере образования // История народов Кавказа: диалог культур, языков, и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В.П. Невской): материалы Международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 1–2 ноября 2019 г.). Ставрополь, 2019. С. 105–107.

6. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2012.

7. Толковый словарь осетинского языка: в 4 т. / под ред. Н.Я. Габараева. М., 2014.

8. *Тузовский И.Д.* Мягкая сила как основа культурной политики цифровой эпохи // Вестник культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 91–96.

9. Фарн Вассо / сост. З. Битарты. Т. 1. Цхинвал, 2020.

10. *Флиер А.Я.* Пять стратегий культуры как системы выживания // Вестник культуры и искусств. 2023. № 1 (73). С. 27–32.

11. Энциклопедия осетинской Нартиады: в 3 т. Владикавказ, 2022.

А.М. Ерохин

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОЦЕНКИ МОЛОДЕЖИ И ФАКТОРЫ КОНФЛИКТОГЕНЕЗА[1]

На Северном Кавказе сохраняются существенные этнокультурные различия, проявляющиеся в степени значимости этнической и конфессиональной

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

самоидентификации полиэтничного населения. Характерной чертой межнациональных отношений является противопоставление «свои» *vs* «другие». В настоящее время межнациональные отношения в целом стабилизировались, конфликтность носит латентный характер. Однако обострение международной ситуации, противостояние России и коллективного Запада, сопровождающееся возрастанием гибридных угроз, могут привести к локальным вспышкам межэтнической и межконфессиональной конфликтности. Потенциальными активными участниками этих конфликтов являются молодые люди. Повышенная социальная энергия, недостаточный уровней знаний и нехватка жизненного опыта могут сделать их объектом манипуляций и способствовать быстрой конфликтной мобилизации.

Модернизация всех сфер общественной жизни региона, включение молодежи в глобальное сетевое информационное пространство также могут привести к ценностной (социокультурной) конфликтности в полиэтничных сообществах, проявляющейся в противоречиях между традиционными и современными мировоззренческими установками. Возникает межпоколенческий разрыв в связи с трансформацией социального уклада жизни, разнонаправленными глобализационными процессами и влиянием исламской глобализации на ценности и установки молодых людей. В связи с этим обостряются социокультурные противоречия, что усиливает конфликтность в межнациональных отношениях [4: 99].

В целом на межнациональные отношения в настоящее время оказывают влияние две тенденции. Первая предполагает дальнейшее развитие сплоченности и этнической комплиментарности на основе общероссийской идентичности, возрастание патриотизма и активизацию поддержки государства в ходе военной конфронтации России и коллективного Запада на Украине. Вторая определяется этнической и конфессиональной конфликтностью, глубокие исторические корни которой идут от этноконфессиональных различий, апелляции к этноисторическим травмам и защитной риторики по отношению к «своим». В ходе исследования предполагалось выявить представления русской и северокавказской, православной и мусульманской молодежи Северного Кавказа о состоянии и тенденциях развития этноконфессиональных отношений в регионе, определить влияние установок на возможность принять личное участие в конфликтах в интересах людей своей национальной и религиозной общины.

Проходящая в регионах Северного Кавказа модернизация, сопровождающаяся урбанизацией, этнической миграцией, борьбой различных групп за социально-экономические и властные ресурсы, приобретающей этноклановый характер, способна дестабилизировать межнациональные отношения. При этом в конфликты вовлекаются молодые люди, не имеющие устойчивых моральных норм [1: 5–6; 5]. Существующее в регионах Северного Кавказа значительное материально-имущественное неравенство, носящее и этнический характер, болезненно воспринимается молодежью, обладающей обостренным чувством справедливости, и может стать источником конфликтов [3: 94].

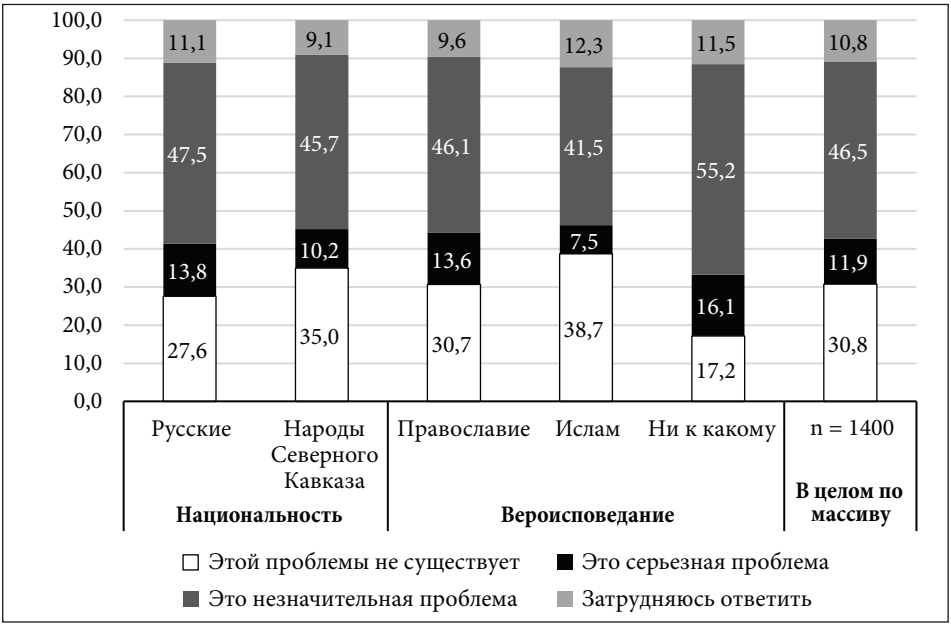


Рис. 1. Распределение оценок межнациональных отношений, %

В ходе соционического исследования важными были дискурсивные самоописательные характеристики, в которых респонденты определяли свое отношение к «другим» – представителям иного этноса или религии [2: 102–103].

Оценки и представления полиэтничной молодежи определялись на основе проведения социологического опроса (февраль – март 2023 г.). Респондентами стали студенты ведущих вузов региона. Было опрошено 1400 человек. Выборка по национальности составила 45 % русских, 45 % представителей северокавказских народов и 10 % – других народов. Выборка по вероисповеданию: 43 % – православных, 33 % – мусульман и 20 % – атеистов и агностиков. Респондентам были предложены шкальные вопросы, направленные на выявление их оценок в области этноконфессиональных отношений и готовности принять участие в межнациональных и межрелигиозных конфликтах.

Оценка студенческой молодежью состояния межнациональных отношений определялась по степени значимости для них проблемы взаимоотношения людей разных национальностей. Результаты опроса подтверждают, что для 77,3 % проблемы межнациональных отношений являются незначительными (ответы: «этой проблемы не существует» – 30,8 % и «это незначительная проблема» – 46,5 %). Есть различия в оценках этой проблемы. Так, меньшая доля русских и православных, чем респонденты из числа северокавказских народов и мусульман, указала, что этой проблемы не существует. Наименьшая доля ответов «этой проблемы не существует» выявлена в подвыборке агностиков и атеистов – 17,2 %.

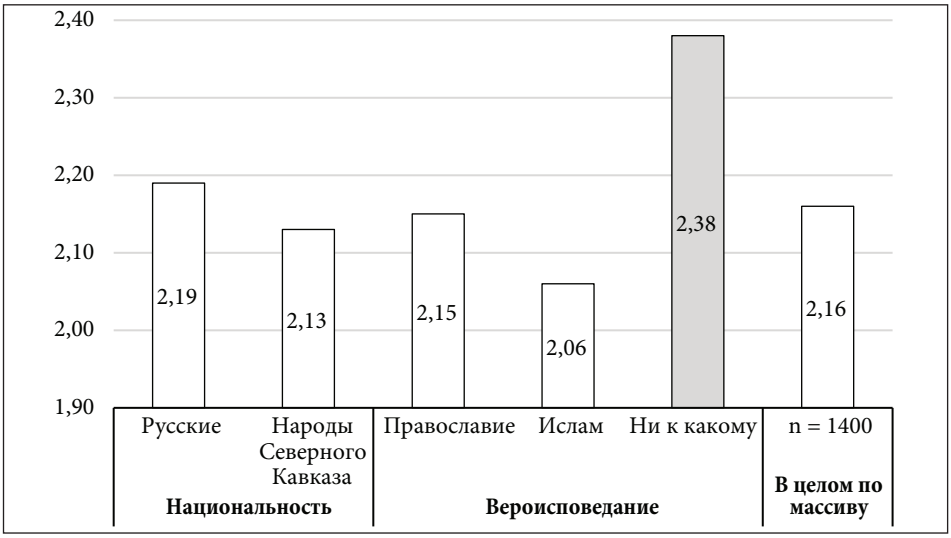


Рис. 2. Уровень межнациональной конфликтности в оценках молодежи, средний балл

Можно предположить, что это связано с глубинными ценностно-мировоззренческими различиями между неверующими и остальными группами молодых людей. Первые настроены более критично к существующим социальным реалиям (рис. 1).

Уровень межнациональной конфликтности в оценках молодежи является важным фактором в определении состояния этноконфессиональных отношений в регионе. Респондентам было предложено оценить уровень межнациональной конфликтности по 5-балльной шкале, где 1 балл – минимальный уровень конфликтности, 5 баллов – максимальный уровень конфликтности. Полученные данные свидетельствуют о незначительном уровне межнациональной конфликтности в оценках молодежи – 2,16 балла. Значимых различий по этноконфессиональной самоидентификации не выявлено. При этом в группе нерелигиозных респондентов оценка межнациональной конфликтности выше (2,38 балла) (рис. 2).

В целях определения состояния межнациональных отношений в оценках и представлениях молодежи респондентам было предложено выделить основные причины (не более трех) межнациональной конфликтности. Чаще всего в качестве причины конфликтов молодые люди выделяют неприятие культуры и ценностей других народов – 51,2 %, а также враждебность и предубеждение к ним – 50,3 %. Хотелось бы отметить, что вместо социально-политических и этнополитических причин межнациональных конфликтов, которые были характерны для постсоветского периода 1990-х и начала 2000-х гг., на первый план выходят ценностно-мировоззренческие факторы конфликтогенеза. Они в настоящее время не в состоянии привести к масштабным этнополитическим конфликтам, но могут стать триггерами локальных и бытовых вспышек неприязни и даже насилия [1: 19].

Таблица 1. Представления респондентов о причинах межнациональной конфликтности, %

Что, на Ваш взгляд, является основными причинами межнациональной напряженности на Северном Кавказе?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n = 1400
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	Ни к какому вероисповеданию	
Неприятие культуры и ценностей других народов	54,1	49,8	52,2	46,9	58,4	51,2
Враждебность и предубеждение к другим народам	54,8	46,2	52,6	43,2	56,6	50,3
Радикальный национализм	30,2	27,6	29,0	24,7	34,3	29,0
Территориальные конфликты и земельные споры	21,9	32,7	25,5	30,5	23,1	26,8
Социально-экономическое неравенство, носящее национальный характер	22,1	21,3	25,5	16,1	21,3	21,6

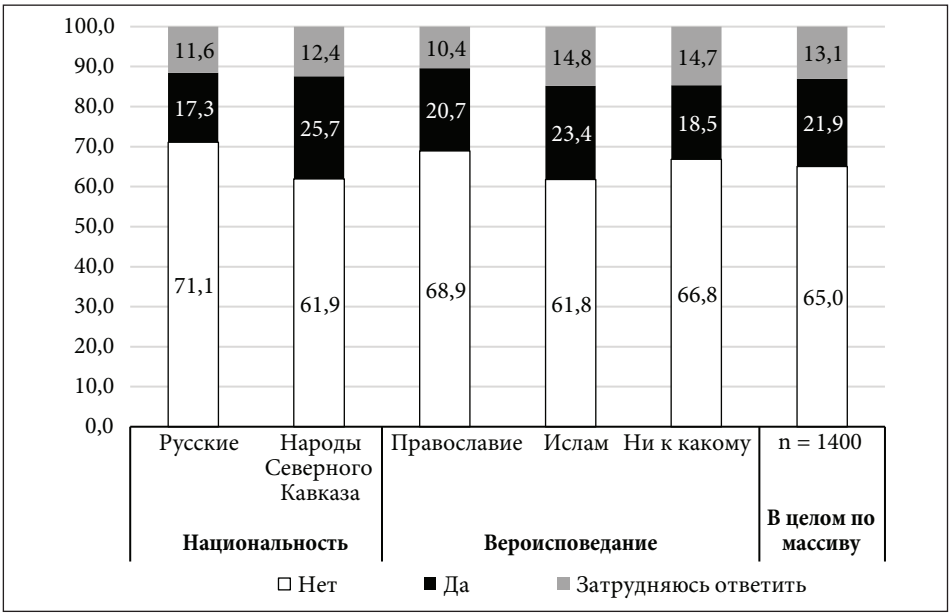


Рис. 3. Столкновение с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями по причине национальности, %

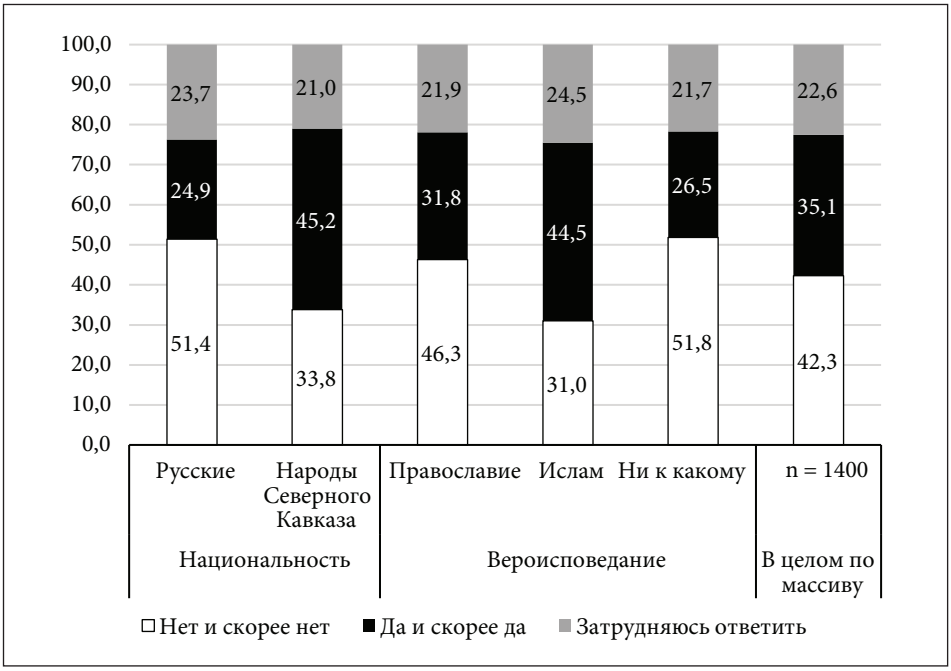


Рис. 4. Оценка респондентами готовности принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности, %

Выявлены этнополитические причины межнациональных конфликтов в представлениях молодежи. Среди них респонденты отмечают радикальный национализм – 29,0 %, территориальные конфликты и земельные споры – 26,8 % и социально-экономическое неравенство, носящее национальный характер, – 21,6 %. Фактор этнотерриториальных и земельных споров сохраняет актуальность для республик Северного Кавказа, что косвенно подтверждается его большей значимостью для северокавказской молодежи (см. табл. 1).

Для определения конфликтности межнациональных отношений респондентам было предложено ответить на вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?» Абсолютное большинство молодых людей не имеют личного опыта участия в подобных конфликтах, только 21,9 % респондентов с ними сталкивались (рис. 3). Это является косвенным подтверждением стабилизации межнациональных отношений как в молодежной среде, так и в регионе в целом.

С этой же целью респондентам был задан вопрос «Готовы ли Вы принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?» Среди опрошенных ответили «да» и «скорее да» 35,1 %. Большую готовность участвовать в таких конфликтах отметили молодые люди из числа северокавказских народов – 45,2 % и мусульман – 44,5 %. Среди русских таких меньше – 24,9 % (рис. 4).

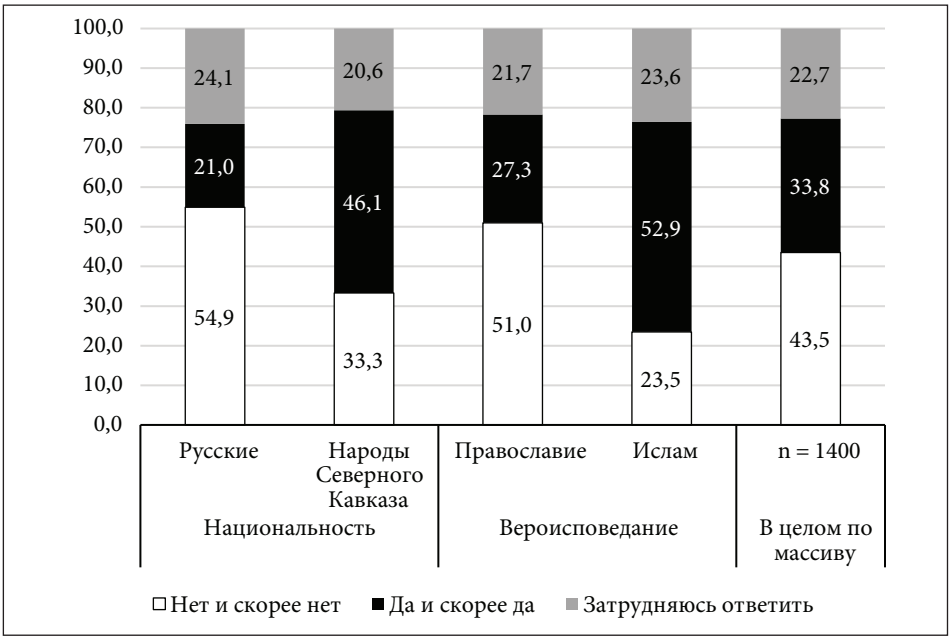


Рис. 5. Оценка респондентами готовности принять личное участие в конфликте в интересах своей религиозной общности, %

Можно отметить, что чувство национальной идентичности имеет больше значение для молодежи северокавказских народов и у них есть готовность ее защищать. Это может спровоцировать межнациональную конфликтность.

Значимым конфликтогенным потенциалом обладает и религиозная идентичность. Среди опрошенных 33,8 % отметили свою готовность принять личное участие в конфликте в интересах своей религиозной общности. Среди них наибольшую готовность отмечают мусульмане – 52,9 % и северокавказские народы – 46,1 %. Для православных респондентов религиозные чувства менее значимы – 27,3 % (рис. 5). Опрос показал, что религиозная идентичность, особенно среди мусульман, имеет существенный конфликтный потенциал.

Таким образом, оценки и представления молодежи свидетельствуют о существующей стабилизации межнациональных отношений на Северном Кавказе. Это подтверждается тем, что лишь примерно пятая часть респондентов сталкивалась с межнациональными конфликтами, средняя оценка межнациональной конфликтности низкая. Однако сохраняется существенный потенциал конфликтной мобилизации путем апелляции к «своей» национальной и религиозной идентичности.

Опираясь на результаты социологического исследования, можно говорить о том, что межнациональные отношения в представлениях молодежи характеризуются стабилизацией и низким уровнем конфликтности. Однако существуют латентные риски и угрозы их дестабилизации. Было выявлено существование

определенного конфликтогенного потенциала этнической и конфессиональной идентичности. Среди основных причин конфликтности респонденты в большей степени выделяют ценностно-мировоззренческие: неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к ним. Этнополитические и социально-экономические факторы имеют меньшее значение. Можно отметить, что происходит медленная трансформация причин межнациональной конфликтности из этнополитической плоскости в социокультурную. Структурам государственного управления регионов Северного Кавказа необходимо уделять больше внимания формированию у молодежи единых социокультурных основ российской идентичности, общих традиционных ценностей, присущих всем народам региона, а также пониманию того, что все народы и культуры являются неотъемлемой частью России.

Источники и литература

1. *Авдеев Е.А.*, *Воробьев С.М.* Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 4–21.

2. *Авксентьев В.А.* Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Вестник Российской нации. 2013. № 5. С. 88–103.

3. Социальные факторы межэтнической напряженности в России / [М.Ф. Черныш и др.]; отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М., 2017.

4. *Стародубровская И.В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 92–113.

5. *Стародубровская И.В.*, *Казенин К.И.*, *Ситкевич Д.А.* Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 112–137.

РАЗДЕЛ 8
Прошлое и настоящее Кавказа в исторической памяти и общественном сознании

Д.М. Эдиев

ПЕРЕЧИТЫВАЯ Ю. КЛАПРОТА: КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ КЫРК МАДЖАР, АЛАНСКИЙ КЫРК ИИР И БУЛГАРСКИЙ КИРК КИЛИСА

Фундаментальный труд Юлиуса Клапрота по Кавказу [20; 21] является богатейшим и во многих отношениях уникальным сборником сведений по этнографии Кавказа рубежа XVIII–XIX вв. Несмотря на то что этому источнику уже более 200 лет, его изучение остается актуальным в кавказоведении, в том числе и потому, что он не был в полном объеме опубликован на русском языке, а его известные переводы страдают не только неполнотой, но и, к сожалению, ошибками. Обращение к оригинальной работе выявляет новые аспекты, полезные в разработке этногенеза народов Кавказа.

В настоящей статье остановимся на одном фрагменте первого тома Клапрота, в котором передается собственное представление балкарских старейшин (и в корреляции с показаниями о карачаевцах) о их происхождении и древней родине. В изложении В.К. Гарданова интересующий нас фрагмент выглядит следующим образом: «Раньше они жили в степях реки Кумы; их столицей был Маджар (известный город Золотой Орды, на месте современного Буденновска. – *Д. Э.*)» [1: 244]. Поскольку речь идет об уникальном описании собственного представления карачаево-балкарцев начала XIX в. (а по сути – второй половины XVIII в.), об их далеком прошлом, эти краткие сведения играли и играют важнейшее значение в разработке непростых проблем этногенеза этих народов.

Обращение к оригинальному тексту показывает, что приведенный перевод был цензурирован и существенно отредактирован. Действительно, оригинальный текст

Ю. Клапрота выглядит иначе: «Their elders say that they have inhabited the steppes of the Kuma all the way to the Don for a long time, but at what exact time they are unable to say. Their capital, which is said to have been very majestic, was called Kyrk Madshar, which in their language means forty stone buildings or forty four-wheeled carts…» [21: 281] («Их старейшины говорят, что они населяли степи Кумы вплоть до самого Дона долгое время, но в какое именно время они не могут сказать. Их столица, которая, как говорят, была очень величественной, называлась Кырк Мадшар, что на их языке означает сорок каменных зданий или сорок четырехколесных повозок…»). При описании карачаевцев Клапрот упоминает только «Мадшар» [21: 284], но надо иметь в виду, что он не посещал Карачай и взял сведения о карачаевцах у армянского купца (что было связано, по всей видимости, не столько с тем, что Карачай еще не вошел в состав Российской империи, сколько с теми подробными инструкциями, которые он получил от графа Потоцкого, которые предопределили программу и отчасти даже результаты исследования и в которых видна и политическая составляющая мероприятия: «любопытство всегда должно уступать дорогу полезности» [21: 6]).

Бросается в глаза несколько принципиальных искажений текста. Во-первых, вместо слова «населяли» (английское *inhabit* вполне соответствует этому русскому слову и отражает проживание на обширной территории) в переводе использовано «жили» (английским эквивалентом было бы *lived*, указывающее на ограниченность в пространстве). Во-вторых, указание на границы проживания «до самого Дона» было цензурировано Гардановым. Наконец, даже название древней столицы Kyrk Madshar (Къыркъ Маджар) оказалось подменено известным золотоордынским топонимом Маджар, с которым, по Клапроту, связывали его и сами балкарцы, но пояснение Клапрота, указывающее на возможную путаницу, оказалось опущено в переводе.

Оставляя в покое проблемы источниковедения в кавказоведении, обратимся к значению вновь прочитанного текста Ю. Клапрота. Отметим сразу, что свидетельство балкарских старейшин весьма точно указывает на протяженность аланской территории, а вернее – алано-булгарской, поскольку оба народа проживали бок о бок на всей территории от Кавказа до Дона, и только разрушение государственности булгар хазарами увело их в «тень» в источниках (в отличие от их волжских и дунайских собратьев, сохранивших государственность). Советские археологи давно указали на прямые свидетельства взаимодействия с булгарами и тюркизации алан на Дону и в Приазовье уже к VIII–IX вв. [2: 313; 7], а новые палеогенетические сведения по раннему Средневековью указывают на то, что «высокая степень генетического сходства между людьми, считающимися аланами и булгарами, на основании их погребального ритуала (катакомбные и ямные захоронения соответственно) и других особенностей, согласуется с тем, что они происходят из одной генетически однородной популяции» [22].

Не менее интересен топоним Кырк Мадшар (видимо, Къыркъ Маджар в оригинале, но это не принципиально). Слово *къыркъ* ‘сорок’ на карачаево-балкарском

могло также означать ‘много’ [16: 237], но мы обратимся к нему чуть ниже. *Маджар* – яркий мадьяризм, в длинном ряду таковых в карачаево-балкарском языке и культуре (они включают в себя, без детализации: *Къыркъ Маджар* / *Маджар, маджар арба, Геджох, Гилястан, Гилястырхан/Гиляхсыртан, Гиляч* – элементы гуннской и/или венгерской легенды о преследовании оленя в карачаево-балкарской песне о Геджох-улу Бийнёгере, а также возм. *баджарыргъа* и *марджа*; слово *огъур* также можно связать с длительным совместным проживанием мадьярских и огурских племен, хотя этот распространенный тюркский термин мог быть связан и с булгарами или даже огурами, доминировавшими на Северном Кавказе после гуннов, еще с V в. н.э. [18: 30–34; 2]). Топоним Маджар, по всей видимости, был известен еще древним (дунайским) болгарам, поскольку он фигурирует как топоним неизвестного происхождения в болгарском героическом эпосе [8: 195]. И последнее, но не менее важное: в XVII в. руины Нижнего Архыза назывались Маджар Юна (Madshar Juna) [21: 9]. Здесь второе слово, вероятно, адыг. *уна*, ‘дом’, могло быть поздней адаптацией в новой языковой среде еще одного мадьяризма – Jenő, венгерское племенное название, сопоставляемое с башкирским Еней [18: 71].

Еще более показательна модель образования топонима Кырк Маджар. Как отмечено выше, *кырк* означало ‘сорок’ или ‘много’. Известно не так много топонимов такой модели, и все они хорошо вписываются в вероятные компоненты этногенеза карачаево-балкарцев. Наиболее известный, пожалуй, из таких топонимов – аланский город в Крыму Кырк Иир [4], или Киркер (Кирк Йер), букв. ‘сорок / много седел (*иер*), семей (*юйюр*) или мужчин (*эр*)’, позже известный как Чуфут-Кале. Менее известен Кирк Килиса (‘сорок / много церквей’, совр. Киркларели; Саранта Экклизис ‘сорок церквей’ в византийский период), захваченный Византией у дунайских булгар в 1003 г. Наконец, имеется еще несколько топонимов, которые, по всей видимости, связаны с огузами/сельджуками: сельджукский караван-сарай Кирк Гоз (Kirkgoz, ‘сорок родников’) в Турции, крепость Кырк Кыз (Qirqqiz, ‘сорок девушек’) в Узбекистане (изначально саманидская крепость IX в., ее можно связать с каракалпакской легендой Qyrq Qyz) и иракский Киркук, до монгольского нашествия находившийся под контролем сельджуков (‘сорок/много стрел, то есть племен’, ср. древнетюркский среднеазиатский народ «десяти стрел» On oq budun; город имеет очень древнюю досельджукскую историю, и позднейший вариант имени мог быть сельджукской адаптацией прежнего топонима).

Таким образом, оригинальный текст Клапрота связывает карачаево-балкарцев не столько с золотоордынским прошлым, сколько с древними мадьярами (а значит, опосредованно – с огурами/булгарами), аланами, булгарами и, вероятно, огузами.

Таковые связи вполне ожидаемы. Действительно, этнографические и картографические материалы, связывающие карачаево-балкарцев с аланами/асами/осетинами старых источников общеизвестны. Из малоизвестного можно отметить, что этноним «осы/овсы» использовался горцами Грузии, поселения которых граничили с Аланией, для обозначения карачаевцев и распространялся на современных осетин

под влиянием «языка грузинской интеллигенции» [6] (см. также [19] о возможном применении в грузинских летописях термина «осетины» к гунно-булгарам). Также давно известны лингвистические сведения, связывающие карачаево-балкарцев с древними булгарами [9]. Детальные системные параллели карачаево-балкарской версии кавказского нартского эпоса с графикой аланского Кяфарского мавзолея также подчеркивают эту связь [12; 15]. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что известная зеленчукская надпись, на мой взгляд, указывающая на языковое тюрко-иранское смешение в регионе, имеет свои параллели как в ономастике, так и структуре эпитафии у волжских булгар [17: 34; 5: 83–84; 11: 110–111, 158–159].

Что касается огузов (они же *черные клобуки* или *черкасы*/*берендеи*/*торки* русских летописей [10]), на связь с ними вполне надежно указывает обширный картографический материал по верхнему Карачаю, который был представлен в статье 2023 г. [13] (к чему можно добавить Тагаса и Коренци на карте Сантарена и Мауро 1450 г., не вошедшей в наш обзор; название «Большая Черкасская» носила дорога в районе Преградной в Карачаево-Черкесии [3: 60]). Черный головной убор (*черный клобук* в летописях, *къара къалпакъ* по-тюркски означают именно это) – униформа, которую носили офицеры-сельджуки [23: 168]. Хотя современный карачаево-балкарский язык не принадлежит к огузской семье, он содержит огузские элементы, такие как *чай* ‘река’ в самом названии Кара-чай и, возможно, в *чайкъаргъа* ‘полоскать’ (например, в реке). Топоним Кара-ян (‘черная, то есть северная, сторона’), показанный на карте аль-Идриси XII в. в верховьях Кубани [14], также мог иметь либо булгарское, либо огузское происхождение. Интересным пережитком влияния черных клобуков может быть традиционный карачаево-балкарский тост (на свадьбе): «Къалпагъы бла келген, кюёу болуп келсин» («Пусть тот, кто придет [на этот двор] в колпаке, придет как жених [то есть не как захватчик; по традиции, жених должен быть в головном уборе]»).

В заключение отмечу очевидную необходимость систематического пересмотра источников по истории карачаево-балкарцев и напомню о давнем уже предостережении от одного ложного следа в кавказоведении. Советские антропологи давно указали на ведущую роль местного кавказского субстрата в этногенезе карачаево-балкарцев, сванов и осетин (составляющих единый кавкасионский антропологический тип) и несостоятельность «чрезмерного увлечения» миграционными теориями их этногенеза. Это предостережение в полной мере относится и к интерпретации приведенных нами параллелей, в которых надо видеть не следы массовых миграций в горы, а последовательные языковые и политико-культурные влияния из «этногенетического котла», каковым на протяжении тысячелетий являлись понто-каспийские степи. Древние миграции, конечно, были, особенно в районы Карачая и Балкарии, легкодоступные со степи (я благодарен О. Чагарову за указание на этот важный факт, подмеченный, кажется, еще В.А. Кузнецовым в контексте булгарского присутствия на Кавказе), но они дополняли, и, скорее, в верхушке общества, существующее кавказское население, а не замещали его.

Источники и литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

2. *Артамонов М.И.* История Хазар. Л., 1962.

3. *Бутков П.Г.* Нечто к «Слову о полку Игореве» // Вестник Европы. 1821. Ч. CXXI. № 21. С. 34–63.

4. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

5. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987.

6. *Ониан А.* Сборник сванских названий деревьев и растений (на лахшском наречии). Петроград, 1917.

7. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

8. *Рангочев К.* Топонимите в българския юнашки епос // «Ономастично и лингвистично пространство на езика: астрономи, вентоними, еортомими, зооними, фитоними, хрономими и др.» Сборник в чест на проф Н.П. Ковачев. В. Търново, 1996. С. 195–196.

9. *Соттаев А.Х.* Происхождение карачаевцев и балкарцев по данным языка // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. С. 81–95.

10. *Филипсон А.* Черкесы, казаки и адехе // Русский вестник. 1863. Т. 48. С. 847–865.

11. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники волжской Булгарии и их язык. М., 1987.

12. *Эдиев Д.М.* Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика // Тюркологические исследования. 2023. № 2 (6). С. 7–28.

13. *Эдиев Д.М.* Карачаевские Черкасы и Карбатай на картах XVI–XVII вв. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2023. С. 505–513.

14. *Эдиев Д.М.* О привязке некоторых поселений Северо-Западного Кавказа и Предкавказья на карте Идриси // X Неделя археологии. Ставрополь, 2023. С. 81–88.

15. *Эдиев Д.М.* О причинах отсутствия развитой письменности у алан Западного Кавказа // История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России: сборник материалов международной научной конференции / сост. Л.Р. Надыршина, Л.Ш. Гарипова, И.Г. Гумеров. Казань, 2023. С. 194–200.

16. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 6: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘Ḳ’. М., 2000.

17. *Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Turcologica 13. Wiesbaden, 1993.

18. *Golden P.B.* Khazar studies: an historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.

19. *Karatay O.* Hunno-Bulgars in Georgia: A Proposal of Correction in the Georgian Chronicle History of King Vaxt'ang Gorgasali // Bulgarian Historical Review. 2023. Is. 3 (LI). P. 3–34.

20. *Klaproth J.* Voyage au mont Caucase et en Géorgie [V. 2]. Paris, 1823.

21. *Klaproth J., Shobrel F.* Travels in the Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808. London, 1814.

22. *Saag L., Utevska O., Zadnikov S. etc.* North Pontic crossroads: Mobility in Ukraine from the Bronze Age to the early modern period. URL: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2024.05.24.595769v1 (дата обращения: 18.06.2024).

23. *Zaporozhets V.M.* The Seljuks. Hannover, 2012.

А.А. Ярлыкапов

КЛАДБИЩА (*МЕЗАР*) КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[1]

Кубанские ногайцы – этнотерриториальная группа ногайцев, проживающая вдоль р. Кубань на территории современной Карачаево-Черкесской Республики (далее – КЧР) (Адыге-Хабльский, Ногайский, Хабезский районы, г. Черкесск) и Ставропольского края (аул Карамурзинский Кочубеевского района). Самоназвание группы – *кобан ногай*, зафиксированные экзоэтнонимы – кубанские татары, закубанцы. Довольно рано часть этой группы оказалась в составе другой этнотерриториальной группы – *караногайцев*, тоже потомков Малой Ногайской Орды, образовав среди них объединение родов под названием *кобаншы* (ног. 'кубанцы'), поверх официальной структуры из четырех родоплеменных объединений – кубов (ног. *куьп*). Тем не менее эта группа уже глубоко интегрирована в состав караногайцев. Современная численность кубанских ногайцев – около 20 тыс. человек. Несмотря на небольшую численность, кубанские ногайцы являются весьма значительной группой ногайского народа. Кубанский диалект ногайского языка (ошибочно называвшийся в советское время акногайским) наряду с караногайским диалектом лег в основу литературного языка. В Черкесске издается республиканская газета «Ногай давысы» (ног. «Голос ногайцев»), печатаются журналы и книги на ногайском языке, работает ногайская студия республиканского телевидения. В республиканском Институте гуманитарных исследований работает группа ногайских ученых, занимающихся изучением истории, языка, литературы, фольклора, этнографии ногайцев.

[1] Эпиграфический раздел статьи написан совместно с В.О. Бобровниковым, который вместе с автором собирал и обрабатывал материалы по надписям кубанских ногайцев в экспедиции в апреле 2024 г. в Карачаево-Черкесской Республике и Ставропольском крае.

Как устные предания кубанских ногайцев, так и письменные исторические источники тесно связывают происхождение этой группы с Малой Ногайской Ордой (Казыевым улусом), которая отделилась от Ногайской Орды в середине XVI в. В частности, одно из названий аула Эркен-Халк Ногайского района КЧР – Казий-аул, которое информаторы связывают с именем первого бия (князя) Малой Ногайской Орды Казыя (Гази) б. Урака (подробнее о Малой Ногайской Орде см. в книге [4: 273–311]). По преданиям местных ногайцев, он, перебравшись за Волгу, основал свою ставку именно здесь, на давних ногайских кочевьях, на берегу Кубани [2].

В целом следует признать, что кубанские ногайцы как этнотерриториальная группа, к сожалению, довольно плохо изучены. До сих пор не подготовлено отдельное исследование этой группы. Источники по истории кубанских ногайцев в основном находятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива Ставропольского края (Ставрополь), Государственного архива Краснодарского края (Краснодар), Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (Черкесск), Архива Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (Черкесск). Из опубликованных архивных документов большое значение имеют материалы, опубликованные в «Актах Кавказской археографической комиссии». Большое количество материалов о кубанских ногайцах собрано в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», других периодических изданиях. Также сведения о кубанских ногайцах содержатся в статьях и публикациях русских, советских и российских исследователей (подробнее см.: [5]).

Практически не изучены до сего дня местные восточные источники о кубанских ногайцах, в первую очередь надписи и сами памятники (ног. *сынтаслар*) кладбищ кубанских ногайцев. Опубликованная в 2004 г. статья Р.Х. Керейтова и С.М. Червонной «Эпиграфика Ногайской степи», к сожалению, не была посвящена собственно эпиграфике. Ее можно назвать в целом неудачной постановкой проблемы исследователями, не умеющими читать по-арабски, которые, судя по некоторым признакам, к тому же посещали только кладбища кубанских ногайцев. Иными словами, на кладбищах собственно Ногайской степи Червонная и Керейтов так и не были. В частности, авторы пишут, что на ногайских надгробиях лицевая поверхность всегда обращена «к югу, в сторону Мекки» [1: 171], однако это характерная черта именно кубанских кладбищ, в то время как у караногайцев, например, лицевая сторона надгробий обращена на восток.

Настоящая статья основана на результатах двух экспедиций автора в Ногайский и Джегутинский районы Карачаево-Черкесской Республики и в Кочубеевский район Ставропольского края, состоявшихся в 2022 и 2024 гг. В 2024 г. экспедиционный выезд был совершен совместно с В.О. Бобровниковым

(Институт востоковедения РАН, Москва)[1]. Были обследованы 12 старинных ногайских кладбищ (кубанские ногайцы называют их *мезар*), большинство из которых продолжают действовать: три мезара у аула Эркен-Халк (Ногайский район КЧР), три мезара у аула Икон-Халк (Ногайский район КЧР), заброшенный мезар у восточной окраины с. Новая Джегута (Усть-Джегутинский район КЧР), два мезара у аула Эркен-Юрт (Ногайский район КЧР), два мезара у аула Карамурзинского (Кочубеевский район Ставропольского края) и мезар у аула Адиль-Халк (Ногайский район КЧР).

В ходе двух экспедиций было обследовано более 1000 надмогильных памятников (*сынтаслар*), среди которых удалось обнаружить, скопировать, сфотографировать, промерить и расшифровать 97 изображений (преимущественно родовых тамг) и арабографичных надписей. Интересно отметить, что преимущественно врезные тамги встречаются чаще, чем тексты. Целый ряд невысоких могильных стел, ушедших глубоко под дерн и землю, содержат на лицевой стороне только изображение тамги. Никаких следов текстов на них не обнаружено. Тамги одного типа, как правило, группируются рядом друг с другом. По датам от хиджры (реже по христианскому летоисчислению в юлианской и позднее грегорианской версиях), а также по палеографическим особенностям можно довольно точно датировать выявленные памятники с надписями и тамгами периодом с начала XIX по 30-е гг. XX в. Более поздние эпитафии меняют язык и весь стиль, относясь уже к иному, советскому эпиграфическому типу, описание которого по большей части остается за рамками этой работы.

До проведения исследования мы ожидали, что основным, если не единственным языком эпиграфики кубанских ногайцев в период нахождения их на границах и в составе Российской империи был староосманский. К этой гипотезе нас подталкивали отдельные ногайские эпитафии на староосманском языке из Большой Кабарды и еще более опыт работы с эпиграфикой караногайцев, которой мы занимались прежде [3]. Надписи Ногайской степи примерно того же времени, хотя среди них под Кизляром попадаются отдельные эпитафии последней четверти XVIII в. [3: 25–26, 558–559]. В них обнаруживается серьезное влияние арабоязычной дагестанской и отчасти чеченской эпиграфики (особенно карабудахкентского типа эпитафий северных кумыков). Логично было предположить, что подобную роль для кубанских ногайцев играли Османская империя и Крымское ханство, с которыми они поддерживали тесные связи. Однако сплошное

[1] Пользуясь случаем, мы хотели бы отметить вдохновителя экспедиции, того, кто сделал всё возможное и невозможное, чтобы она состоялась, – Альберта Мусабиевича Кумукова, проректора СКФУ. Огромную благодарность выражаем министру по делам национальностей КЧР Мурату Есенееву, главам поселений Мухарбию Исалиеву и Тимуру Калмыкову, работникам Ногайской администрации Руслану Кумратову, Али Санглибаеву, Ренату Камбарову. В ауле Карамурзинском Кочубеевского района неоценимую помощь нам оказали Мурадин Эсеналиев, Исса Ольшунов, Ринат Мамбетов и Радмир Нуралиев. Огромная благодарность также Асхаду Карасову и Арсену Евлоеву из Министерства по делам национальностей КЧР.

обследование старых кладбищ у кубанских ногайцев полностью опровергло эту гипотезу. Оказалось, что надписи в подавляющем большинстве случаев делались на литературном арабском языке (*ал-фусха*). Староосманских текстов ни в Карачаево-Черкесии, ни в Ставропольском крае выявлено не было. Среди эпитафий первой половины XIX в. в верхней части, реже в середине текста зафиксированы единичные, но трафаретные благочестивые формулы на ногайском языке о посещении могил по шариату. Мы нашли их на бывшем кладбище с. Токтамыс возле с. Новая Джегута Усть-Джегутинского района и на старом мезаре с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР. Любопытно, что они схожи с образцами соседей ногайцев в частности, с надписью 1163 г.х. / 1749–50 г. на мавзолее абазинского князя А. Кячева. Встречаются также надгробия знати, например, из рода Гиреев, где наряду с арабским использовался и русский язык. Такая билингва была обнаружена на кенотафе «князя Дауда Хаджи-Каблан-Кери-хана» на мезаре у джума-мечети с. Икон-халк (бывш. Токтамыс), датированном 1341 г.х. / 1922–23 г. Любопытно использование в нём имперской титулатуры в раннее советское время. С конца 1930-х гг. кириллица вытесняет арабскую графику.

По эпиграфическим особенностям надписи кубанских ногайцев образуют общий тип, отличный от эпитафий караногайцев того же времени. Вместе с тем у тех и других имеется немало общего. Среди почерков преобладает грубоватый насх. Встречаются элементы угловатого *сулса*. Чаще надписи делали в низком рельефе с выемкой окружающего их поля. Редко встречаются картуши. Большинство надписей крайне лапидарны. Они содержат лишь имя и отчество покойного или покойной с простейшими благожелательными формулами. Часто внизу встречается год смерти, реже точная дата. Эпитафии представителей знати могли содержать в верхней части стандартные благочестивые формулы – *шахаду*, *басмалу*, имена четырех праведных халифов. Порой здесь встречается популярный стих Абу-л-Атахии: «Смерть – чаша, каждый пьет из нее, могила – дверь, каждый входит в нее». На могильных плитах кладбища у джума-мечети с. Икон-Халк басмала выписана в стиле османской тугры. Редко, например, на кладбищах Икон-Халк и Адиль-Халк растительный орнамент и тексты покрывают плиту (рис. 1). Ее форма чаще прямоугольная, порой с закругленным верхом, иногда с навершием в виде чалмы, как у князя Дауда Хаджи-Каблан-Кери-хана.

Для погребальной эпиграфики кубанских ногайцев характерна крайне плохая сохранность. Нам постоянно встречались надгробия с отслоившимися надписями. В отличие от караногайских кладбищ, куда завозили более качественные камни из северного Дагестана, на Кубани использовались недолговечные ракушечник и песчаник. Тексты эпитафий изучаемого времени нередко заключены в рамку-картуш, занимавшую всю лицевую сторону плиты. При отслаивании практически вся надпись крошится в порошок и не поддается прочтению. Кроме того, многие старые кладбища кубанских ногайцев полностью утеряны вследствие массовых переселений на Кавказской укрепленной линии.

Рис. 1. Надгробие Коьше дочери Токмака из рода Аьжи, мезар а. Адиль-Халк Ногайского района КЧР. Июль 1910 г. / раджаб 1328 г.х.
Фото В.О. Бобровникова, 26.04.2024.
المرحومة كوشه بنت توقمق من نسب اجى

Кладбища возле зимовок, откуда кочевники переселялись военными властями империи на другой участок линии, неизбежно исчезали. Многие памятники, как на бывшем кладбище с. Токтамыс возле с. Новая Джегута или на Эски-мезаре на берегу р. Малый Зеленчук в с. Эркен-Халк, ушли под землю. Отдельные плиты с надписями и тамгами удалось извлечь из-под дерна.

Исследование ногайских кладбищ показало, что часть памятников и эпитафий знати была сознательно уничтожена в ходе антирелигиозных кампаний в период советских гонений на религию, вероятно, в 1930-е гг. Имеется много свидетельств разрушения погребений известных людей. В результате многие святые места и могилы подвергнуты забвению, а названия старинных кладбищ практически не сохранились. В ауле Эркен-Халк сохранилось название одного из трех кладбищ – Шейх-мезар, но в честь какого шейха, никто не знает, как не знают и места его погребения. Жители Карамурзинского на Ставрополье не помнят имени неплохо сохранившегося святого места под аулом. В то же время кубанские ногайцы стойко сохраняли способы этнической маркировки погребений, на надгробиях практически всегда изображалась тамга (благодаря этому мы имеем довольно полный набор тамг кубанских ногайцев и их принадлежности ногайским родам). На некоторых женских надгробиях зафиксирована интересная традиция ставить две тамги: очевидно, самой покойной и ее мужа. Также часто указывается, чьей женой являлась покойная. Имеются редкие генеалогии в три и до седьмого колена.

Сохранялась также ногайская традиция ставить *басказык* – «надголовный» столб, который, правда, у кубанских ногайцев, в отличие от караногайцев, устанавливался не только у изголовья, но и в ногах покойного. Как и у караногайцев, изначально материалом, из которого изготавливался басказык, было дерево. Сохранились басказыки с врезными надписями, преимущественно на кириллице, датированные самое раннее первой третью XX в. Однако уже в позднее советское и постсоветское время дерево практически полностью вытесняется асбестовыми трубами. Но отмеченной нами у караногайцев практики последних советских десятилетий делать отливку в цементе всего памятника с трафаретными арабскими формулами, куда после вписывалось имя покойного или покойной, у кубанских ногайцев мы не обнаружили. Видимо, в советское же время появляется традиция ставить на басказык камень или кирпич[1], который теперь принято после посещения могилы покойного переворачивать.

Постсоветская реисламизация довольно слабо отражается на надгробиях, на которых появляются исламские символы, но полумесяц со звездой как символ принадлежности к мусульманам всё же сохранялся и в советские годы. Совершенно неожиданным оказалось обилие всякого рода народных практик, не связанных или даже противоречащих исламу. В частности, почти на всех кладбищах

[1] Традиционный деревянный басказык имеет заостренное навершие, на которое невозможно поставить камень или кирпич.

приходилось сталкиваться со свидетельствами проведения разных колдовских манипуляций, совершающихся под покровом ночи. Например, на старинной, недействующей части второго кладбища аула Эркен-Юрт, расположенного на краю аула, у железнодорожных путей, нами была обнаружена конструкция из двух кирпичей, которые были соединены друг с другом с помощью проволоки и навешаны на старинное надгробие, на котором уже не сохранились надписи. Другие следы колдовских практик, которые мы встречали на кладбищах: окровавленные перья белой курицы, стручки бобов, врытые в землю вилы – всё это также наблюдалось исключительно в старой части кладбищ, далекой от входа в них.

Изучение кладбищ кубанских ногайцев дает большое количество этнографического материала и позволяет уточнить вопросники для проведения полевых исследований в ногайских аулах Кубани. В то же время большая удача, что удалось зафиксировать довольно большое количество надписей, в том числе сохранившихся с первой половины XIX в. Они содержат богатый материал по антропонимике кубанских ногайцев, их социальных сетях, родоплеменном составе и миграциях, а также насильственных переселениях властями кочевников на территории Кавказской линии и созданных после окончания Кавказской войны областей и губерний Кавказского края.

Конечно, невозможно завершить за две относительно краткие экспедиции исследование такого массового материала, как погребальная эпиграфика, к тому же разбросанного на обширной территории нескольких субъектов Российской Федерации. Исследование арабских и арабографичных надписей кубанских ногайцев будет продолжено нами. С учетом опыта экспедиций 2022 и весны 2024 гг. можно выделить ряд важных направлений и вопросов исследования. Прежде всего, речь идет не о выявлении уникальных памятников, а сплошном обследовании всего массива памятников и в особенности надписей старых кладбищ, которые мы рассматриваем как главный объект изучения. Необходимо сопоставить эпитафии кубанских ногайцев с современными и предшествующими им надписями их соседей, таких же, как они, мусульман-суннитов ханафитского мазхаба, на Северо-Западном Кавказе и в Крыму. Сложность представляет практически полная неизученность эпиграфических памятников этих регионов для интересующего нас периода с начала 1800-х по конец 1930-х гг. В методологическом отношении мы во многом опираемся на просопографический подход. Важные материалы, раскрывающие тайны забытых микротопонимов и биографии похороненных на мезарах представителей мусульманских элит, содержатся в упомянутых в начале статьи архивах, особенно в посемейных списках и переписях населения. Наряду с фиксацией, переводом и сопоставлением надписей будет продолжена также полевая этнографическая работа с респондентами в селениях, где сохранились старые, особенно досоветские надписи. Специального внимания заслуживает типология и трансформация родовых тамг кубанских ногайцев, которая также систематически еще не изучалась.

Источники и литература

1. *Керейтов Р.Х., Червонная С.М.* Эпиграфика Ногайской степи // Татарская археология. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 168–209.

2. Полевой материал автора, собранный в с. Эркен-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесской Республики. 23.04.2024.

3. Сынтаслар. Намогильные стелы Ногайской степи / сост. и отв. ред. В.А. Кореняко, В.О. Бобровников. М., 2016.

4. *Трепавлов В.В.* Малая Ногайская орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и Средневековье. М., 2005. С. 273–311.

5. *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам / отв. ред. В.Н. Басилов. Махачкала, 1998.

С.Л. Дударев

ОБРАЗЫ РОССИИ И РУССКИХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XIX в. В ПРЕЛОМЛЕНИИ СОБЫТИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Хронологический период, обозначенный в заглавии статьи, весьма показателен с точки зрения появления ряда произведений зарубежных авторов, прежде всего западных, которые, главным образом после своего непосредственного нахождения, тайного или явного, официального или нет, (иногда заочно) на территории России и в тех ее областях, где российская державность еще только стремилась утвердиться, оставили работы в форме путевых заметок, книг, писем, содержащих их суждения по поводу политики российской власти в конкретных местностях. Они способствовали складыванию образа страны в целом и в частности, как принято говорить ныне, ее государствообразующего народа. В данной работе мы обратимся прежде всего к тем суждениям, которые были сделаны иностранцами с связи с российским присутствием на Северном Кавказе и в Восточном Причерноморье. Актуальность данного обращения очевидна в свете тех внешнеполитических событий, которые сейчас разворачиваются на западных рубежах нашей страны, и в связи с их оценкой в мировом сообществе.

Мы рассмотрим труды английских эмиссаров в Черкесии, побывавших здесь в 1830-е гг. (Э. Спенсера, Дж. Белла и Дж. Лонгворта) и оставивших обширные информативные тексты. Эти произведения, сами по себе весьма ценные, поскольку никто другой в то время не проникал во внутренние районы Черкесии для сбора информации (за исключением нескольких попыток русских разведчиков, прежде всего Г.В. Новицкого и Ф.Ф. Торнау, а также русских пленных или дезертиров,

которые не могли собирать какие-либо сведения [5: 74–75, 79–82; 6: 19]) с целью составить те или иные описания, одновременно являются ярким отражением отношения западного мира к России и русским.

В их текстах наша страна того времени предстает как оплот угнетения и несправедливости, средоточие гигантской мрачной силы, которая в то же время никогда, по мнению этих авторов, не одержит победы над черкесами – «лучшими партизанами в мире» [13: 42] и будет вынуждена убраться восвояси [6: 530]. Политика России захватническая, страна – ужасный конкурент (!) и враг, который навевает ужас и представляет опасность, ее влияние гибельно для Востока, русские – «грабительский народ» [9: 21; 13: 7, 139]. Русское же правительство амбициозно и эгоистично [13: 45]. Перед лицом Европы Россия пытается казаться справедливой и великодушной, но с азиатской стороны ее лицо выдает «алчность, измену и жестокость» [1: 381]. Обрушиваясь на Россию с обвинениями в экспансионизме, английские эмиссары при этом не скрывают причин, по которым они заинтересованы как в Черкесии, так и в самом устранении присутствия Российского государства на Кавказе. Черкесия и в целом Кавказ с его горами и ущельями, где русские позиции наиболее уязвимы ввиду природных условий, должны стать бастионом на пути продвижения России на Восток, которое угрожает-де интересам Великобритании и ее торговле в Черноморском регионе [13: 134–135].

При этом враждебность британских авторов к России и ее политике по мере продолжения их путешествий только усиливалась, в связи с их близким знакомством с результатами российской политики, которые виделись им исключительно в репрессивном духе по отношению ко всем нерусским. Англичане нисколько не скрывали того, что их присутствие в Черкесии должно выступить, выражаясь современным языком, «детонатором» для возбуждения духа сопротивления у местного населения [9: 368].

Противоречивы описания ими казаков, черноморских и донских, которые изображаются как грабители своих соседей-черкесов (а остальные россияне – как мародеры), причем разлад между ними – это намеренная политика русского правительства, стремящегося не допустить, чтобы казаки делали «общее дело» с горцами. В то же время переселение черноморцев на Кубань изображается как мудрый шаг Екатерины II [13: 61–63], ведь черноморские казаки принесли с собой с Днепра навыки хозяйствования, комфорт и аккуратность европейцев вместе с улучшенной системой военного дела и обучили всему этому «дикого черкеса». Правда, по мнению того же Э. Спенсера, черкес использовал все эти новации для того, чтобы стать «страшным соперником» России, для борьбы с «ненавистной Москвой» [13: 73], а не для своего социального и культурного прогресса.

Примечательно, что несколько позднее этих высказываний появилось широко известное письмо Ф. Энгельса К. Марксу, соответствующая цитата из которого в советское время стала классикой в отечественной исторической науке: «Россия

действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку… господство России играет цивилизаторскую роль для Чёрного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар». Однако та часть фразы, которая стояла на месте отточия, всегда опускалась, по причине ее одиозности: «несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь» [10: 241]. Поразительно, но даже в работах указанных английских авторов, несмотря на то что они не гнушались порой выражений, говорящих об их неприязни к русским, которые именуются «высокими курносыми остолопами» [9: 255], не был достигнут такой же градус шовинизма, как у бывшего «классика».

История России и казачества в некоторых случаях неприкрыто перевирается англичанами в угоду выстраивания негативного образа своего геополитического противника. Так, император Павел, с помощью сотни тысяч казаков с Дона и Чёрного моря сверг-де власть Великобритании в Индии [13: 63], чего, как известно, не произошло в результате мартовского переворота 1801 г. (случившегося с ведома английского посла!) и гибели самодержца, а атаман Платов с казаками был отозван в Россию (кстати, он не получал инструкций двигаться в саму Индию).

Русские («московские враги») якобы плохо отзываются о кавказцах, которые от природы мягкосердечны. Одновременно рядом с этим заключением мы читаем: «черкес самый безжалостный грабитель», а грабить ловко и успешно – это часть военной дисциплины [13: 68–69], местные жители – замечательные грабители на суше и мародеры на морском берегу [9: 399]. Подобные же заключения у Палласа, над которым Спенсер явно глумится, квалифицируются как зависимость от русского правительства [13: 87].

Указанные характеристики, типичные для ориентализма, неоднократно встречаются в произведениях английских авторов, которые в целом придерживаются восторженного тона в описаниях черкесов. Такие же суждения присутствуют и у Т. Лапинского – легионера и авантюриста, действовавшего в Черкесии в конце 1850-х гг. [6: 370], который, неоднократно восхищаясь черкесами, превосходит своих английских единомышленников по части негативной характеристики горцев. Он неоднократно называет их вооруженные формирования «бандами» [6: 161, 370], «уличает» их в большом пороке – воровстве [6: 119]. Известного джигита и наездника Карабатыра Заноко Т. Лапинский, который хорошо разбирался в местной этнической номенклатуре, называет «татарином», словно вновь прибывший на Кавказ российский офицер, не сведущий еще в здешних реалиях [6: 161]. Но особенно «досталось» от него народам Дагестана. Он называет их дикими, кровожадными, алчными, жадными до добычи племенами, винит в страсти к убийству и добыче, лености – словом, во всех «добродетелях» из ориенталистского набора [6: 31–32]. Но хуже всех, разумеется, русские: чем они дальше, тем меньше происходит краж в каком-то месте, чем ближе – тем больше. Русские – лучшие покупатели краденых детей, лошадей и рогатого скота [6: 119].

Но вернемся к англичанам. Вершиной их антироссийской риторики является желание Спенсера изобразить стремление Москвы[1] подчинить себе свободолюбивый народ черкесов как «крестовый поход против независимости свободного народа», который является «как варварским, так и несправедливым» [13: 132]. Весьма любопытно, что Лонгворт, также употребляя термин «крестовый поход», иначе понимает его суть. Если у Спенсера «крестоносцы» – это русские, то у Лонгворта – это черкесы и примкнувшие к ним британцы [9: 469].

У Э. Спенсера – борца с «русским крестовым походом» (агрессивные планы России и стремление к далеко идущим внешним, по сути глобальным, захватам, особенно на Востоке, вплоть до Туркестана и Китая включительно, являются кошмарным сном не только английских авторов, но и их единомышленника Т. Лапинского [6: 429–438, 441]) – присутствует и план развала России, который по праву можно считать одним из самых первых проектов цветных революций [13: 138].

Т. Лапинский, при всей навязчивости его абсурдных идей о русской экспансии и маниакальным страхом перед ней («Долг всех индогерманских рас создать фронт против беспрерывно приближающегося урагана с востока» [6: 444]), которые можно было бы выразить известным лозунгом «Русские идут!», обвинений России в намерении ассимилировать горцев [6: 31], высказывал порой весьма верные суждения. Польский автор хорошо понимал определенную общность социополитических структур России и Северо-Восточной Азии. Вот знаковая цитата его произведения: «Легко сделать из монгола русского дворянина, но было бы невозможно шейха бедуинов или князя индусов превратить с помощью простого декрета в маркиза или лорда» [6: 434]. Вообще парадоксальность заключений этого автора, который был профессиональным кондотьером и готов был предложить свои услуги тем, с кем незадолго до этого сражался [4: 55–57], по-видимому, сделала польских историков очень осторожными в обращении с его текстом, который вышел впервые в 1863 г. в Гамбурге на немецком и до сих пор не переведен на родной язык Лапинского.

Современницей английских эмиссаров, оставившей свои путевые наблюдения о народах Юга России и Северного Кавказа [11], была Адель Оммер де Гелль – супруга французского путешественника, ученого, геолога-естествоиспытателя, сопровождавшая его в поездке по России в 1838–1841 гг. [12: 199]. Автору уже приходилось ранее анализировать ее произведение [2], поэтому мы не будем сейчас подробно на нём останавливаться. Укажем лишь на некоторые наиболее характерные его моменты.

Человек незаурядного наблюдательного ума, мадам де Гелль оставила яркие, интересные зарисовки, которые характеризуют ряд этнокультурных особенностей

[1] Англичане нигде не упоминают Санкт-Петербург, как будто он вовсе и не столица России того времени. И это глубоко симптоматично. С одной стороны, устойчивое клише «Московия», «московиты» вошло в западную ментальность. С другой – данный факт по-своему указывает на экзистенциальную роль Москвы в истории нашей страны.

российского Юга. От ее пристального и заинтересованного взгляда не укрылось этническое разнообразие региона (черкесы, грузины, туркмены, казаки и другие народы образовывали перед глазами путешественницы «пеструю смесь» [11: 275]), разнообразие костюмов, убранства, деталей интерьера жилищ, поликультурность (соседство европейского магазина с караван-сараем), веротерпимость (нахождение поблизости церквей и мечетей) и т.п., что, на наш взгляд, является, ярким отражением феномена «российскости», заметные следы влияния французской моды и др. Мадам была впечатлена местными особенностями поведения женщин, например, казачек, справлявшихся со множеством обязанностей, совмещение которых было совершенно невероятно для европейской женщины, тем более образованной и обеспеченной [11: 216].

Но наиболее выпукло выглядят те суждения француженки, которые касаются общественно-политического строя России и его влияния на поведение людей. Оно в немалой степени связано с особенностями эпохи, в которую А. Оммер де Гелль довелось посетить Россию (см. об этом ниже). Выступая с сентенциями, суть которых – в критике тех или иных сторон российской жизни, например, определенных моделей поведения, заставляющих вспомнить нашу собственную классику («Служить бы рад, прислуживаться точно»), форм общественных отношений (крепостное право), не оставлявших равнодушным даже властей предержащих («К стыду России, рабство в ней еще существует. Не нужно, думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оно прекратилось», – наследник престола, Александр Павлович, будущий император Александр I [3: 409]), и особенностей политической жизни (отсутствие гласности), А. Оммер де Гелль, к сожалению, не смогла избежать негативных стереотипов по отношению к тем или иным народам, особенно к русскому. Из-под ее пера вышел сразу ряд безапелляционных заявлений-клише, вроде тех, что русские – самая подозрительная нация в мире, формалисты, ленивые честолюбцы [11: 79].

Кстати, о самой «подозрительной» нации. Трехтомный труд супруга Адель Оммер де Гелль, Ксавье Оммер де Гелля, подытоживший результаты путешествия супругов по Кавказу и Югу России, как отмечают исследователи, оказал впоследствии неоценимые услуги французам при ведении Крымской войны [12: 199]. В этой работе он откровенно писал о том, что его путешествие ясно связано с геополитическим и торговым соперничеством Франции с Англией (и по сути, с Россией) [12: 199].

Подведем итоги исследования высказываний упомянутых иностранных авторов. Было бы неверно рассматривать приведенные суждения исключительно в единой плоскости. Такая оговорка необходима в связи с тем, что в их высказываниях, прежде всего британцев и Т. Лапинского, четко просматриваются стремление создать образ врага и неприкрытая русофобия. Причины такой демонизации России и русских уходят корнями в геополитическое соперничество Британии с Россией, в тот феномен, который давно получил наименование «Большая игра» (The Great Game). Это часть старых и наработанных английских PR-технологий,

сформировавшихся в тот период, когда, например, еще в XVI в. в связи с противостоянием Англии и Испании создавался образ врага-испанца. В XIX в. подошла очередь тиражировать образ врага-русского, что было запросом правящих кругов Британии того времени. Русофобство Лапинского – это результат разделов Польши и польских восстаний XIX в., отражение желания мстить Российской империи где только можно, созывая под знамена борьбы за «нашу и вашу свободу» всех, кто так или иначе недоволен ее политикой. Высказывание Ф. Энгельса отражает острое недовольство как самих «классиков», так и всей европейской буржуазной демократии политикой самодержавной России первой половины – середины XIX в., когда она долгое время была гегемоном в Европе и, опираясь на принцип легитимизма, способствовала подавлению европейских революций, в связи с чем в 1849 г. император Николай I получил в европейской прессе «титул» «жандарм Европы». Это определение затем вошло в отечественную историографию советского времени с подачи В.И. Ленина, который в статье 1908 г. «События на Балканах и в Персии» писал: «Тогда России приходилось играть роль европейского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран» [7: 228].

Что же касается А. Оммер де Гелль, то ее вполне понятная критика российской действительности николаевской эпохи, которая получила уничтожающее определение в стихах того, кто считался возлюбленным мадам («Прощай немытая Россия, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ. / Быть может, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их все слышащих ушей» [8: 78]), к сожалению, перешла с системы на народ. Ни в коей мере не оправдывая этого, следует всё же указать на то, что атмосфера эпохи, подталкивающей к подобным умозаключениям, была такова, что Ф.И. Тютчев время, наступившее после 19 февраля 1855 г. – даты вступления на престол императора Александра II, впервые в отечественной истории назвал «оттепелью», во время которой стал употребляться термин «гласность» [3: 653].

Итак, общественная обстановка в стране в период правления Николая Павловича Романова, прозванного Палкиным с легкой руки А.И. Герцена, была тем фоном, который повышал «градус» негативной риторики иностранцев в отношении нашей страны и ее народа. В то же время базисными причинами этих нападок были противоречия геополитического характера и борьба за доминирование в мире, порождавшие запрос в лагере соперника на инвективный по характеру вербальный набор слов и выражений (и зрительный ряд, а это отдельная тема), призванный в соответствующих нарративах вызывать у европейской аудитории отрицательные ассоциации с Россией и русскими.

Источники и литература

1. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.

2. *Дударев С.Л.* Россия и Северный Кавказ в конце XVIII – первой половине XIX в.: взгляд извне (Заметки о книге Е.Л. Сосниной «Два путешествия в золотой век». – Пятигорск, 2003) // *Дударев С.Л.* Методические статьи и заметки по истории: В помощь студенту. Вып. V. Армавир, 2005. С. 66–79.

3. История России XVIII–XIX веков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030401 «История» / под ред. Л.В. Милова. М., 2008.

4. *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019.

5. *Колосовская Т.А.* Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015.

6. *Лапинский Т.* Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик, 1995.

7. *Ленин В.И.* События на Балканах и в Персии // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 17. М., 1968. С. 221–232.

8. *Лермонтов М.Ю.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1964.

9. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. В двух томах. Лондон, 1840 / пер. с англ. В.М. Аталиков. Нальчик, 2002.

10. Письмо Энгельса к Марксу, 23 мая 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / изд. 2-е. Т. 27. М., 1962. С. 239–242.

11. *Соснина Е.Л.* Легенда в жизни Лермонтова (Оммер де Гелль А. Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России) // Два путешествия в Золотой век. Пятигорск, 2003. С. 181–318.

12. *Соснина Е.Л., при участии Кристиана Пиле.* Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Ессентуки, 2015.

13. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994.

О.В. Матвеев

НАИБ БАТА ШАМУРЗАЕВ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКО-КАВКАЗСКОГО ВЗАИМОПОЗНАНИЯ: ЛЕГЕНДЫ И ДОКУМЕНТЫ

Среди тех, кто приложил немало усилий для преодоления исторических обид и налаживания плодотворного сотрудничества между русским и чеченским народами, был переводчик, офицер горской милиции, шамилевский, а в годы военно-народного управления – российский наиб Бата (Бота, Батий) Шамурзаев (Хамурзов, Мурзаев). Дореволюционные военные историки Н.А. Волконский и А.Л. Зиссерман отдавали должное его уму, знанию языков, тонкостей

политической и религиозной жизни кавказских народов, выдающимся военным и административным способностям [5: 24–25; 9: 314–315]. Советские и российские лермонтоведы (А.В. Попов, Л.П. Семёнов, Б.С. Виноградов, А.А. Шамурзаев и др.) дискутировали о возможных связях Б. Шамурзаева и М.Ю. Лермонтова и влиянии судьбы наиба на творческое наследие поэта [4; 16; 19; 23]. Отдельные аспекты деятельности Баты затрагивались в трудах известных современных историков-кавказоведов М.М. Блиева, Ш.А. Гапурова, Ю.У. Дадаева, В.М. Муханова, А.Т. Урушадзе и др. [3; 6; 7; 14; 20].

Пути взаимопознания, черты «невольного сближенья», кавказского ориентализма наметил в своих произведениях и письмах М.Ю. Лермонтов. В познании «таинств азиатского миросозерцания», «тайника богатых откровений» [12: 312] Лермонтов видел средство преодолеть исторические обиды, понять всех, кто оказался на одном корабле российской государственности. Представив Б. Шамурзаева участником этого сложного, драматического процесса взаимопознания, заманчиво, как это делали некоторые исследователи, включить наиба в число знакомых поэта и видеть Бату в качестве прототипа ряда лермонтовских произведений. Еще до революции среди интеллектуальной части чеченского общества бытовала легенда, возводящая героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» к Бате Шамурзаеву [19: 40]. Ряд подробностей из биографии Б. Шамурзаева связывали с жизнью лермонтовского героя. «В детском возрасте в 1819 г. Бата Шамурзаев был взят в плен, барон Розен оказал ему покровительство, заботился о его воспитании, – писал Л.П. Семёнов. – Впоследствии его приблизил к себе наместник в Польше великий князь Константин Павлович. По фамильным преданиям, Бата пробыл в плену 15–16 лет, затем возвратился на родину, состоял переводчиком в действующей армии левого фланга; потом перешел на сторону Шамиля, быстро выдвинулся как один из виднейших наибов, но, не поладив с имамом, вновь перешел на сторону русских, служил при князе Барятинском и умер в чине майора» [19: 40]. М.Ю. Лермонтов, по мнению Л.П. Семёнова, «мог слышать от современников о взятии Шамурзаева в плен и воспитании его в военной среде» [19: 40].

Другой лермонтовед, А.В. Попов, пошел еще дальше и утверждал, что поэт был знаком с Батой. Он считал, что в Кизляре Лермонтова познакомил с молодым чеченцем служивший на Кавказе известный поэт и переводчик П.А. Катенин [16: 125].

Завершенный вид этой красивой версии придал внук Баты Шамурзаева, А.А. Шамурзаев, который пытался аргументировать версию о том, что его дед наиб был не только прототипом Измаил-Бея, но и кунаком великого российского поэта.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранился «Формулярный список о службе и достоинстве состоящего по политическим видам при Кавказской армии майора Бата Шамурзаева», составленный, по-видимому, в 1864 г. Согласно записи о производстве в прапорщики 8 декабря 1838 г., на момент получения офицерского чина Б. Шамурзаев имел «от роду 32 года». Следовательно,

он родился в 1806 г. Сообщается также, что Бата происходил «из старшин Мичикского общества», «магометанского вероисповедания» [17: 47 об.]. О плене, жизни у барона Г.В. Розена и в Царстве Польском формулярный список ничего не говорит и открывается сведениями о том, что Бата начал службу волонтером милиции в 1835 г., а 8 декабря 1838 г. ему был пожалован чин прапорщика.

На чем вообще основан эпизод в биографии Баты Шамурзаева, связанный с русским пленом и жизнью в Царстве Польском? Помимо фамильных преданий, на которые указывали авторы, это, по-видимому, рассказ военного историка Н.А. Волконского [5] и воспоминания офицера, служившего в Куринском укреплении и подписавшего свою публикацию в 13-м томе «Кавказского сборника» инициалом К. [11].

К. из разговоров с Батой Шамурзаевым узнал, что бывший наиб ребенком «был взят в плен и детство свое провел в доме командира отдельного Кавказского корпуса Розена, о котором он всегда вспоминал с благодарностью и которого не иначе называл как Григорием Владимировичем». Затем Бата якобы оказался в Царстве Польском, служил у наместника великого князя Константина Николаевича, «в Варшаве Бата, между прочим, выучился говорить по-польски» [11: 615]. Наместник предложил ему по достижении совершеннолетия креститься, но Бата отказался и попросил отпустить его на родину, по которой, «как он говорил, никогда не переставал тосковать». «И в один прекрасный день счастливый пленник, – писал К., – перед которым лежала широкая дорога к почестям и отличиям, после роскошных палат наместника Царства Польского вдруг очутился в тесной и темной турлучной сакле, в обществе телят и домашней птицы; но зато он был свободен и дышал родным воздухом» [11: 615].

Эта красивая история, вполне вписывающаяся в сюжеты драматических судеб ряда лермонтовских героев (Мцыри, Измаил-Бей, Зара), увы, не подтверждается таким важным документом, каким является список о службе и достоинстве. Если бы Бата действительно служил в конвое наместника Царства Польского, это нашло бы отражение в таком важном документе, как формулярный список. Не подтверждается документом и знание Батой польского языка. В соответствующей графе списка говорится: «Российской грамоте читать и писать, а также и арабской умеет» [17: 65].

Лермонтов не мог сделать героем своей поэмы Бату после знакомства с ним на Кавказе в 1837 г. уже потому, что «Измаил-Бей» был написан семнадцатилетним студентом Московского университета в 1832 г. [8: 102]. Правда, А.А. Шамурзаев попытался доказать, что в надписи, которая датирует поэму, двойку, изображенную не очень отчетливо, надо читать как восьмерку [23: 282], то есть день, когда кунак Лермонтова Бата 10 мая 1838 г. перешел на сторону мюридов «с твердым намерением организовать борьбу горцев за свободу» [23: 250]. Причиной побега в горы А.А. Шамурзаев называет жестокость генерала А.П. Пулло в Чечне [23: 271].

Однако, во-первых, поэма Лермонтова датируется на основании авторской записи (хотя и известной нам по копии В.Х. Хохрякова) 10 мая 1832 г., что

подтверждается и положением копии рядом со стихами 1832 г. Во-вторых, в формулярном списке майора Баты Шамурзаева отмечено, что к Шамилю он ушел не 10 мая 1838 г., а в 1845 г. [17: 65 об.]. До этого времени Б. Шамуразев участвовал в операциях русских войск, причем в декабре 1837 г. как раз под командованием полковника А.П. Пулло, из-за жесткости которого, по версии А.А. Шамурзаева, Бата якобы бежал к горцам. В документе отмечено участие Баты «1837 года декабря в движении полковника Пулло в Ханкальское ущелье для рассеяния партии абреков и перестрелки, бывшие в разных местах на левом фланге Кавказской Армии при отражении и преследовании хищников, за каковые в сих делах отличия произведен в прапорщики» [17: 44].

Подрывают достоверность рассказа о пленении и польском эпизоде в жизни Баты и подсчеты отдельных исследователей творчества М.Ю. Лермонтова, некритически воспринявших свидетельства К. и Н.А. Волконского. Если Б. Шамурзаев был взят в плен в 1819 г. во время нападения на аул Дады-Юрт, а затем, через 16 лет после смелого отказа великому князю принять крещение, возвратился на родину, то это должно было произойти в 1835 г. Однако известно, что великий князь Константин Павлович скончался в июне 1831 г. Авторитетные исследователи биографии великого князя нигде не упоминают его чеченского воспитанника, хотя и обращают пристальное внимание на связь фигуры Константина Павловича с лермонтовскими портретами поколения «героев николаевской эпохи» [13: 285].

Источником рассказов о жизни в Польше, по-видимому, был сам Бата. Можно предположить, что их мотивами могло послужить стремление Баты Шамурзаева драматизировать, приукрасить свою историю после ухода от Шамиля, понравиться русским офицерам-кавказцам, упивавшимся лермонтовскими образами и кавказскими типами. На подобное предположение наводят воспоминания старого кавказца А.Л. Зиссермана, хорошо знавшего бывшего шамилевского наиба: «Бата был в своем роде замечательный тип кавказского горца: хитрый, лукавый, всем и везде льстивший, с постоянно заискивающей улыбкой на устах» [9: 314]. Проницательный, долго служивший на Кавказе и хорошо знавший его обитателей, автор многочисленных исторических и этнографических очерков, А.Л. Зиссерман, по-видимому, верно трактовал поведение Б. Шамурзаева. Арнольд Львович ничего не говорит о взятии в плен и пребывании своего чеченского собеседника в Царстве Польском, зато сообщает важную подробность: «Молодым человеком, в разгар войны с нами, бежал он от своих к русским, заявляя желание служить верой и правдой; его приняли, он сумел подделаться к начальству, произвели его в милиционные офицеры» [9: 314].

По-видимому, красивые истории о связях жизненного пути и драматической судьбы Баты Шамурзаева с кругом и наследием М.Ю. Лермонтова – попытки выдать желаемое за действительное. Связь Баты и поэта в другом: наиб непосредственно шел по тому пути, который очертил автор «Валерика» и «Героя нашего

времени», пути «невольного сближенья», непростого, но компромиссного сосуществования и взаимоузнавания. Этому способствовала его нелегкая доля переводчика и разведчика.

Пытливый исследователь архивных документов В.А. Сероухов, изучая формулярный список Баты Шамурзаева, поставил вопрос, не был ли Бата российским военным разведчиком в стане непримиримых противников укрепления российского владычества на Кавказе [22].

На эту мысль, наводит содержание записей списка о службе и достоинстве: «Под судом не был, а за побег в горы с начала 1845 года до конца 1851 года лишен чина подпоручика, который ему по Высочайшему повелению в апреле 1852 года за отличие против горцев в зимней экспедиции того же года возвращен, при чем даровано Всемилостивейшее прощение за сделанный проступок» [17: 65 об.].

«Не может остаться незамеченным, – писал В.А. Сероухов, – рост Баты в чинах после возвращения ему чина подпоручика» [22]. После возвращения Бате чина подпоручика формулярный список отмечает следующее: 13 декабря того же 1852 г. ему был пожалован чин поручика, 10 января 1854 г. – чин штабс-капитана, менее чем через год, 4 января 1855 г., чин капитана со старшинством. Причем список не упоминает, за что Б. Шамурзаев получал чины, как это указано при пожаловании чина майора: «За отличие против горцев – в майоры 1860 октября 14 дня» [17: 47 об.].

Кроме того, формулярный список, по мнению В.А. Сероухова, содержит еще несколько вызывающих удивление записей. За период нахождения в отлучке в горах с 1845 по 1851 гг. вместе с возвращением чина подпоручика Бате было выплачено «по 400 руб. серебр. в год жалования» [17: 50].

Считает необычной В.А. Сероухов и запись о награждении Баты орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»: «Ни времени награждения, ни за что награжден, в формулярном списке не указано» [22]. Другой признак награды Баты за тайную службу – земельное пожалование. Список отмечает: «Согласно предписанию г. Главнокомандующего Кавказскою армиею к г. командующему войсками левого крыла от 7 июня 1858 г. за № 32 отведен ему в потомственное владение участок земли 500 десятин в наибстве надтеречных деревень» [17: 66]. «Для малоземельной Чечни это достаточно много. За что такая милость от военных властей, не указано», – отмечал В.А. Сероухов и заключал: «Военная разведка старой России не распространялась о своих успехах, поэтому, наверное, немногочисленные признаки службы Баты в разведке оказались в формулярном списке, тем более что документ этот не был предназначен для широкого круга лиц» [22].

Думается, что для такого вывода оснований нет. В получении за три года трех чинов Батой ничего необычного нет, если учесть те огромные услуги, которые он оказал кавказскому командованию после ухода от Шамиля, став по сути правой рукой князя А.И. Барятинского. С этим же связана и денежная компенсация за годы, проведенные в горах. Известно письмо князя А.И. Барятинского кавказскому наместнику графу М.С. Воронцову от 24 февраля 1852 г., которое содержит

ответ на этот вопрос: «Вы знаете сами, какую большую награду заслуживает Бата́, и я прошу у вас для него прощения (за побег от нас к Шамилю), затем за Автур возвратить ему чин и пенсию в 400 руб. в год, также прошу у вас для его сына, прекрасного мальчика, который часто служил нам проводником, офицерского чина» [10: 192–193]. М.С. Воронцов добился в Петербурге испрашиваемой награды, занесенной впоследствии в формулярный список.

Что касается времени и причины награждения Баты орденом, то здесь В.А. Сероухов не обратил внимания на запись в графе «Участие в походах». За период с января по май 1853 г. там говорится об участии Баты в экспедиции князя А.И. Барятинского и отмечено: «За отличие, оказанное в этой экспедиции, Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 4 ст. с надписью за храбрость» [17: 52–53]. То есть и время, и мотивировка награждения налицо.

Крупное земельное пожалование также объясняется историками. Царские власти стремились внедрить в Чечне институт частной поземельной собственности путем «Высочайших пожалований». Царским офицерам и другим частным лицам, оказавшим «выдающиеся услуги» кавказской администрации, предоставили значительные земельные владения. Помимо Баты, земельными участками были награждены еще 125 чеченцев, среди них генералы Касим Курумов и Арцу Чермоев, полковник Вагап Адуев, подполковники Гатов, Д. Мустафинов, К. Ногаев, капитаны А. Хасамурзаев, В. Мутиев и др. [1: 329].

Поэтому нет оснований подозревать Бату Шамурзаева в выполнении некой тайной миссии русского командования в стане Шамиля. Думается, что уход Баты к мюридам был связан с временным разочарованием в действиях русских властей, которые предпочли в тот момент силовые акции против земляков Баты. «У него произошли какие-то неудовольствия с нашим начальством, – писал, не вдаваясь в подробности, Н.А. Волконский, – вследствие которых он бежал к Шамилю» [5: 23]. Известно, что царский наместник М.С. Воронцов, встретившийся накануне даргинской экспедиции с чеченскими старшинами в крепости Внезапной, выступил с оскорбительной речью в адрес Шамиля [3: 520]. Возобладание «идеологии покорения» и поход в Дарго, по-видимому, вызвали отчаяние у Баты. Ему казалось, что рухнули все надежды на то, что русская администрация принесет мир и стабильность в чеченские аулы.

Противоречит версии о тайной миссии и поведение Баты в рядах войск Шамиля, где он показал себя храбрым воином и умелым распорядителем [11: 613]. Будучи дальновидным и проницательным на фоне многих своих соотечественников, Бата Шамурзаев являлся человеком эпохи, не был лишен человеческих слабостей: тщеславия, стремления к личному обогащению. В этом он мало отличался от других наибов Шамиля, формировавших в имамате класс новых феодалов и начинавших тяготиться деспотизмом имама.

Представляется, что при учете личных мотивов в очередном переходе Баты Шамурзаева на сторону русского правительства не следует игнорировать его

искреннего желания быстрее завершить войну, спасти свой народ от репрессий за участие в движении мюридов, достичь взаимопонимания с российской администрацией.

Будучи проводником русских войск, Бата старался так организовать дело, чтобы по возможности щадить чеченскую и русскую кровь. По свидетельству М.Я. Ольшевского, Б. Шамурзаев водил «так искусно войска, что они обходили все встречавшиеся на пути хутора» [15: 234]. Офицер К. отмечал, что, «благодаря превосходному знанию местности (только в большой Чечне), он (Бата. – *О. М.*) много содействовал покорению Чечни и много русской крови сберег при ея замирении» [11: 613–614].

Документы показывают, что Бата Шамурзаев не столько водил русские войска по чеченским землям, сколько существенно влиял на изменение политики царских наместников Воронцова и Барятинского в Чечне. Вместо карательных экспедиций он предложил организацию переселения из имамской Чечни на равнину. М.С. Воронцов писал князю А.И. Барятинскому 21 марта 1852 г.: «Мы много говорили с ним о колонизации Чеченцев за Качкалыком. <…> Я окончательно убедился в громадной важности этой меры» [10: 208–209]. К началу 1850-х гг. происходит «чрезвычайное увеличение» числа чеченских мирных аулов. В некоторых из них, например, в Грозненском, население удвоилось. Вблизи Качкалыковского хребта появились множество новых аулов.

Б. Шамурзаев предпринимал немало усилий и для того, чтобы убедить своих земляков осуществить нелегкий выбор в пользу России. Даже в среде немирных чеченцев он имел своих сторонников, которые сообщали ему обо всех намерениях Шамиля [5: 25]. Самому Бате избранный им путь стоил «мучительных переживаний» [21: 237].

Помощь в преодолении конфликтных ситуаций, военно-народное управление, привлечение местного населения в ряды горской милиции, словесные суды – всё, к чему прикладывал руку Бата Шамурзаев, постепенно укрепляло доверие к российской власти, способствовало интеграции чеченского народа в правовое и государственное пространство России, наполнению негативных стереотипов светлыми тонами.

Б. Шамурзаев стремился к тому, чтобы о героической истории и культуре чеченцев узнала вся мыслящая Россия. Выдающийся историк-кавказовед А.П. Берже в своей книге «Чечня и чеченцы», изданной в Тифлисе в 1859 г., отмечал, что «для главы о преданиях Чеченского народа мне были в разное время сообщены материалы бывшим Качкалыковским наибом Бата» [2: VI]. Русский читатель получил в результате представление о жизни чеченских героев, удальцов, страстно привязанных к своей родине и независимости, о легендарном первопредке чеченцев Турпале Нахчу.

Офицер К., общавшийся с Батой Шамурзаевым в Куринском укреплении, вспоминал, что ему удалось, благодаря содействию Баты, «перевести на чеченский язык

русский словарь, присланный с этою целью покойным Берже» [11: 613]. Это словарь был использован известным востоковедом и лингвистом Францем Антоном (Антоном Антоновичем) Шифнером в его исследовании о чеченском языке [24].

Эта и другая созидательная работа Баты Шамурзаева сглаживала остроту противоречий, позволяла преодолевать накопившиеся исторические обиды.

Можно вполне согласиться с оценкой М.М. Блиева, который самым важным в деятельности Баты предлагал считать «точное видение главных проблем народа, оказавшегося на сложном “изломе” своей истории, и путей решения этих проблем» [3: 566]. Ученый пришел к выводу о том, что Б. Шамурзаев «был первым чеченцем (после Бейбулата Таймазова, наивного и романтического), кто ощутил себя политическим деятелем общечеченского масштаба». Для определения исторического значения этого персонажа Блиев считал бесперспективными нравственные экскурсы в современных, «цивилизационных» критериях, призывал обратить внимание на «несомненную созидательную сторону его деятельности» [3: 656].

В Российском государственном историческом архиве сохранилось дело о назначении двум вдовам и восьми несовершеннолетним детям майора Шамурзаева пенсии, которое свидетельствует, что бывший наиб скончался в возрасте 73 лет [18: 2]. Память о нём осталась надолго и у русских, и у чеченцев. Отсюда, наверное, и популярность легенд о том, что Бата встречался с М.Ю. Лермонтовым и стал прототипом героев произведений поэта.

Думается, что роль подобных людей в становлении нашего многонационального государства трудно переоценить. Смотря далеко вперед, намного глубже, переступая порой через презрение национальной элиты, они заботились о сохранении своего народа, встраивании его в единое историко-культурное пространство страны. Обладая большим чувством ответственности, делая нелегкий выбор, Бата Шамурзаев стал политическим деятелем государственного масштаба, во многом предвосхитив подвиг Ахмата Хаджи Кадырова в начале XXI столетия.

Источники и литература

1. *Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.

2. *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

3. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

4. *Виноградов Б.С.* Шамурзаев Бота // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981. С. 617.

5. *Волконский Н.А.* Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. Т. V. Тифлис, 1880. С. 1–234.

6. *Гапуров Ш.А.* Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Грозный, 2016.

7. *Дадаев Ю.У.* Бата Шамурзаев // Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. I. Политические и общественные деятели / сост. Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов; под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный, 2020. С. 205–210.

8. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.

9. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Часть вторая. 1851–1856. СПб., 1879.

10. *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 1. М., 1888.

11. *К.* Приложение к статье «Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне» // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 613–616.

12. *Краевский А.А.* Воспоминания (в пересказе П.А. Висковатова) // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 312–314.

13. *Кучерская М.А.* Константин Павлович / 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.

14. *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.

15. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003.

16. *Попов А.В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963.

17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 58. Д. 594.

18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 25. Д. 57.

19. *Семёнов Л.П.* Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939.

20. *Урушадзе А.Т.* «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 10 (42) / под ред. В.В. Дегоева. М., 2017. С. 157–184.

21. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / отв. ред. И.Ю. Крачковский; пер. с араб. А.М. Барабанова. М.; Л., 1941.

22. Чеченцы Шамурзаевы // Генеалогический форум ВГД. URL: https://forum.vgd.ru/1363/64393/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 31.07.2024).

23. *Шамурзаев А.А.* Роль и место чеченца Боты Шамурзаева в творчестве М.Ю. Лермонтова. Грозный, 2004.

24. *Schefner A.* Tschetschenzische Studien. St.-Petersburg, 1864.

А.И. Севостьянова

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ О КАЗАЧЕСТВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (на материалах исследовательских практик И.Д. Попко)[1]

В настоящее время в науке и обществе наблюдается повышенный интерес к истории и культуре казачества, в связи с чем необходимо обращаться к опыту

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

исследований по казачьей проблематике, истоки которых восходят к дореволюционной отечественной историографии. Одним из историков имперского периода, занимавшихся изучением Кавказа и казачества, был И.Д. Попко.

Цель данной статьи – рассмотреть вклад И.Д. Попко в изучение истории и культуры черноморского (кубанского) казачества.

И.Д. Попко (1819–1893) – генерал Кубанского казачьего войска, историк, этнограф, внесший несомненный вклад в становление отечественного кавказоведения и казаковедения, является в региональной истории известной персоной, но в общероссийском плане его фигура занимает второстепенное положение. И.Д. Попко изучал Кавказ, историю возникновения и развития казачества, домашний и военный быт казаков и соседствующих с ними горцев, публиковал результаты своих исследований и тем самым способствовал распространению, углублению знаний и сохранению исторической памяти о горских народах и казаках, населявших Кавказ и Кубань.

Главным трудом И.Д. Попко по истории и этнографии черноморского (кубанского) казачества является книга «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы» [5], которая была издана в 1858 г. Следует отметить, что данной проблематикой занимались современники И.Д. Попко Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко, опубликовавшие «Исторические записки о Войске Черноморском» [6], а также В.Ф. Золотаренко, написавший книгу «Плач Василия при реке Кубань» [4]. Однако оба этих труда были опубликованы позднее, чем книга И.Д. Попко, которая стала первым изданием, познакомившим читателей с малоизвестной ранней историей черноморцев.

История создания книги И.Д. Попко началась в 1850 г., когда директор Департамента военных поселений Н.И. Корф поручил исполняющему должность наказного атамана Г.А. Рашпилю отыскать человека, который смог бы в кратчайший срок написать к 25-летнему юбилею царствования Николая I книгу об истории черноморского казачества. Эта ответственная миссия была возложена на И.Д. Попко по следующим причинам. Во-первых, с 1848 г. он занимал должность письмоводителя Черноморского казачьего войска. Во-вторых, имел литературный опыт и репутацию одного из самых образованных людей в Черномории. В итоге Иван Диомидович справился со своей задачей и написал работу «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков». Свой труд И.Д. Попко преподнес Его Высочеству в сентябре 1850 г. в Екатеринодаре во время его путешествия по Кавказу. И.Д. Попко был награжден бриллиантовым перстнем, стоимостью 250 руб. [3: 172–173].

В 1858 г., находясь на службе в Санкт-Петербурге во 2-м эскадроне лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона, И.Д. Попко несколько лет сотрудничал с военной газетой «Русский инвалид» и журналом «Военный сборник», где публиковал статьи, под псевдонимами «Есаул» и «Помандруйко». В этот период он познакомился и подружился с главным редактором «Русского инвалида»

П.С. Лебедевым. Возможно, именно он посоветовал Ивану Диомидовичу переработать и дополнить свой неопубликованный очерк «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков», который стал основой книги «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту».

В Государственном архиве Ставропольского края в личном фонде И.Д. Попко (фонд № 377) содержатся документы, которые проливают свет на обстоятельства издания этой книги. Скорее всего, И.Д. Попко испытывал финансовые затруднения в издании своей работы. Поэтому он решился посвятить ее старшему сыну Александра II, наследнику престола, цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу, являвшемуся Августейшим атаманом всех казачьих войск. Летом 1858 г. П.С. Лебедев отправил рукопись в Собственную контору августейших детей их императорских величеств на рассмотрение. Ее руководитель генерал-адъютант Н.В. Зиновьев отправил труд И.Д. Попко на экспертизу министру народного просвещения, в ученый комитет военно-учебных заведений. В своем письме от 30 сентября 1858 г. Н.В. Зиновьев сообщил И.Д. Попко о том, что, по мнению ученого комитета Главного управления училищ, сочинение кубанского генерала является уникальным, интересным, увлекательным. Вместе с тем рецензенты отметили недостатки работы, заключающиеся в изредка попадающейся напыщенности изложения с незначительным применением латинских и славянских выражений [1: 2–2 об.]. В конечном счете наследник престола дал согласие на посвящение своему имени сочинения черноморского историка, а Александр II пожаловал И.Д. Попко единовременное пособие на напечатание книги 350 руб. серебром из собственных средств. К началу декабря 1858 г. книга уже была издана и поднесена наследнику в день его тезоименитства [1: 3–4]. И.Д. Попко экземпляры книги отправлял своим сослуживцам. Огромную помощь в деле распространения и популяризации работы оказал А.И. Веригин, пославший книгу некоторым своим знакомым [1: 15–15 об.].

Несмотря на то что прошло более 150 лет с момента издания «Черноморских казаков», труд кубанского генерала не утратил своей актуальности и в настоящее время является одним из главных источников по изучению истории Кубани. Книга состоит из двух частей (17 рассказов). В начальных главах работы автор уделяет внимание рассмотрению топографии, климата, почвы, животного и растительного мира Черноморского края. И.Д. Попко отмечал, что Кавказская линия делится на два крыла: одно достигает Чёрного моря, другое – Каспийского. Между ними простираются реки Кубань и Терек. Больше двух третей всей линии занято кавказскими казачьими поселениями, а другая часть – черноморскими казаками, земля которых называется Черноморьем. Этот регион теплый, плодородный и ветреный. Кубанский историк отмечает, что при благоприятных погодных условиях на черноморской земле произрастают все сорта хлебов, овощей, масляных и прядильных растений, свойственных южной полосе России [5: 25]. Соседство двух морей и Кавказских гор делает климат Черноморского края непостоянным. Для региона характерны перепады температуры и резкая изменчивость погоды.

Самым благоприятным временем года является осень. Как отмечает И.Д. Попко, природно-климатической особенностью края является ветер, который не только негативно отражается на земледелии, но и подрывает здоровье черноморцев, насылая различные болезни [5: 28–30].

Для исследователей прошлого Кубани особенно интересным представляется пятый рассказ первой части, в котором автор описывает процесс заселения региона казаками, их гражданский быт, материальную и духовную культуру, особенности земельной собственности. Черноморье было заселено казаками в 1792 г. Черноморцы – это часть запорожцев, буджацкие казаки, вышедшие из Турции, казаки-переселенцы из малороссийских губерний Полтавской и Черниговской, а также мирные черкесы и татары [5: 34]. За исключением инородцев, черноморцы исповедуют христианство. Интересным является описание автором казачьих поселений и жилищ. Каменных построек практически нет, а деревянные здания встречаются редко. В основном дома казаков турлучные или мазанковые, сделанные преимущественно из глины. Социальная дифференциация казачьего сословия отражается на внешнем виде жилищ. Например, если дом принадлежит пану, то окон будет очень много, в два раза больше, чем нужно [5: 35, 38].

Описывая казачий домашний быт, И.Д. Попко отмечает, что основными видами деятельности казаков в мирное время являлись скотоводство, овцеводство, коневодство, земледелие, рыболовство. Главным занятием казаков, конечно, была воинская служба и защита Отечества. Служебный долг обязывал казаков оставлять пахотное поле и отправляться на поле ратное для обеспечения безопасности границ своей родины. В связи с этим летние полевые работы чаще выполнялись женщинами, чем мужчинами [5: 52]. Являясь соседями, казаки и горцы не могли не повлиять на жизненный уклад друг друга. Черноморцы позаимствовали у черкесов одежду за ее удобство, легкость и прочность покроя, воинское снаряжение, а также сельскохозяйственные орудия труда – легкие вилы и соху [5: 126].

Интересным является описание характера черноморцев: «…казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, что раздробление, особничество или, как сами казаки говорят “показанщина”… составляют отличительную черту характера черноморцев… природа, засеяв поле умственно-нравственной жизни двух единокровных народов – великорусского и малорусского, в первом народе свой посев заборонила и поровняла, а в последнем оставила так. Нет народа в великом племени славянском более способного и готового, как народ малорусский, открыть в самом себе смешные и слабые стороны и осмеять их с беспощадным сарказмом» [5: 48]. И далее И.Д. Попко отмечает, что черноморец, созданный со светлой головой и благородным сердцем, может осмеять недостатки и слабости родного отца, и низкие поступки родного брата, потому что умственно-нравственные симпатии берут верх над симпатиями плоти и крови, соседства и товарищества [5: 49].

Важными являются сведения, приведенные в шестом очерке книги, о том, как появлялись хутора, как устанавливалась поземельная собственность. И.Д. Попко отмечал, что одной из основополагающих проблем для казаков является отсутствие уравнительного и положительного распределения земли. Дело в том, что первоначально правительство дало казакам-новопоселенцам землю общую, войсковую. Все слои казачества стремились к индивидуальным формам землевладения, к частной собственности. Как утверждал И.Д. Попко, все казаки крепки земле, но земля им не крепка. На ней невозможно частное потомственное владение, а допускается лишь пожизненное пользование в качестве награды за службу государству. Автор отмечает, что межевание земли не проводилось, условия, площадь и порядок пользования землей не были определены и зафиксированы на законодательном уровне. Господствовало патриархальное право, согласно которому каждый член войсковой семьи чиновный и нечиновный мог пользоваться земельным наделом по мере надобности. Генерал утверждает, что в первые годы жизни казаков на Кубани, пока земли было достаточно, а оседлого и зажиточного населения мало, земельный вопрос не поднимался. Однако с течением времени по мере увеличения количества жителей и оседания черноморцев на кубанской земле назрела необходимость пересмотреть устаревшее патриархальное право и внедрить новые правила землепользования. Отсутствие регламентации земельного вопроса приводило к тому, что чиновные казаки, преследуя свои интересы, присваивали себе столько земли, сколько считали нужным, отделившись от своих нечиновных собратьев и водворившись хуторами в одиночку по глухим степным займищам. Так появились первые «панские» хутора. Другим видом хуторов являлись «куренные». Все нечиновные казаки, которые желали выселиться из куреня и осесть особняком в поле, должны были поставить угощение куренному обществу и получить от него письменное согласие [5: 52–55].

Во второй части книги автор описывает гражданско-военное устройство, состав военных сил, обмундирование и вооружение, а также военный быт черноморских казаков. В 1787 г. было образовано Черноморское войско, которое первоначально называлось «коша верных казаков», то есть «войско верных казаков», состоявшее из 12 тыс. вооруженных запорожцев. Главой войска был наказной атаман, заведовавший гражданской и военными частями и подчинявшийся главнокомандующему Кавказской армии и кавказскому наместнику. В гражданском устройстве можно выделить войсковое правление, окружные и земские суды и станичные правления. По военной части в аппарат управления войском входят войсковое дежурство с начальником штаба и военно-судная комиссия при нем, окружные дежурства начальниками военных округов и военно-судные комиссии при них, а также станичные правления. По обеим частям, военной и гражданской, высшим распорядителем является наказной атаман, а низшим исполнителем – станичный атаман. Войско разделено на три округа:

Екатеринодарский, Таманский и Ейский. Окружная администрация находится, соответственно, в Екатеринодаре, курене Полтавском и курене Уманьском. Военная обязательная служба черноморских казаков составляет 25 лет: 22 года полевой и три года гарнизонной службы. Военное снаряжение казак приобретает за свой счет, кроме огнестрельного оружия, которое ему обеспечивает войсковая казна [5: 115 121].

В начале 1859 г. стали поступать первые неофициальные доброжелательные отзывы на книгу И.Д. Попко, в частности от сослуживцев, друзей И.Д. Попко. Так, в письме генерал-адъютанта М.Г. Хомутова от 16 января 1859 г. содержался довольно лестный отзыв и поздравление «с блистательным вступлением на литературное поприще». В нём корреспондент высказывал душевное пожелание, чтобы И.Д. Попко для общей пользы употребил свое дарование для описания других казачьих войск, история которых еще малоизвестна, но может «послужить превосходным материалом для вашего искусного пера, которым руководит и знание дела, и любовь к казачеству» [1: 12]. На книгу И.Д. Попко отозвались и официальные издания. Журнал «Современник» назвал его исследование серьезным трудом, в котором можно найти множество весьма интересных специальных топографических, статистических и этнографических сведений об описываемом автором крае и его обитателях.

В 1860 г. книга И.Д. Попко была представлена на соискание престижной в то время Демидовский премии Петербургской академии наук. В качестве официального рецензента выступил известный историк Н.И. Костомаров. Он критиковал автора за предвзятость в некоторых моментах, за неполноту содержания и не научность некоторых суждений, изобилие и неуместность использования латинских слов. Он считал, что сочинение И.Д. Попко по существу является этнографическим, а не историческим. При этом рецензент отмечал живость и легкость слога, и в целом оценил книгу высоко, утверждая, что она заслуживает внимания Петербургской академии наук. В итоге за свой труд И.Д. Попко был награжден бриллиантовым перстнем с рубином и получил одобрительный отзыв академии [2: 24].

Таким образом, генерал И. Д. Попко сумел красочно представить читателю домашний и военный быт черноморского казака, облик кубанской земли и устройство Черноморского войска. Его книга представляет собою ценное историко-этнографическое описание Черноморского региона. Несмотря на то что многие историки критикуют Ивана Диомидовича за ненаучный подход, тем не менее он первым обратился к наиболее актуальным вопросам истории черноморского казачества, изучение которых было продолжено исследователями Кубани.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 10.

2. ГАСК. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 28.

3. *Дубинин И.В., Иванцов И.Г.* «Черноморские казаки» И.Д. Попко в личных документах автора // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 1 (50). С. 172–173.

4. *Золотаренко В.Ф.* Город Екатеринодар 40-х годов прошлого столетия (Рукопись «Плач Василия при реке Кубань»). С предисловием и примечаниями Б.М. Городецкого // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 4. Екатеринодар, 1909. С. 43–72.

5. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в 2 ч. Краснодар, 1998.

6. *Туренко А.М.* Исторические записки о Войске Черноморском. Киев, 1887.

М.А. Веремейчик

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ (1991–2024 гг.)

Начало XX в. на территории Южного Кавказа было ознаменовано ростом социальной напряженности, результатом которой стала революция 1905–1907 гг. Кризисные явления, предопределившие революцию 1917 г. в России, сопровождались ростом национального самосознания. В этой связи февральский и октябрьский этапы революции 1917 г. оказали ключевое влияние на развитие Южного Кавказа в целом и отдельных республик в частности.

Успехи российской армии на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны способствовали активизации армян в борьбе за территории Западной Армении. Серьезное влияние на этот процесс оказал февральский этап революции 1917 г. Временное правительство, придя к власти, начало предпринимать активные шаги по решению «армянского вопроса», заключавшегося главным образом в спорных территориях.

Как отмечает декан исторического факультета Ереванского государственного университета Э. Минасян, новый подход Временного правительства заключался в пересмотре внутренней и внешней политики в отношении территории Армении: во-первых, признавалось существование турецкой Армении, во-вторых, планировалось создать несколько армянских областей – Эрзурумскую, Ванскую и Хнусскую, в-третьих, заместителями руководителей армянских территорий назначались исключительно уроженцы Армении [6]. Однако подобная тактика Временного правительства, хотя и оказала положительное влияние на развитие армянской государственности, была продиктована исключительно экономическими нуждами.

Победа большевиков в ходе октябрьского этапа революции 1917 г. поставила точку в политике, проводимой Временным правительством. По условиям сепаратного Брестского мира от 3 марта 1917 г. правительство Советской России признало поражение в Первой мировой войне, в это же время российские войска стали покидать линию фронта, в том числе на Южном Кавказе. Данные события коренным образом изменили ситуацию в регионе. Армения оказалась незащищенной перед угрозой со стороны Османской империи, которая планировала вернуть утраченные территории.

В условиях вакуума власти, возникшего после февральского и октябрьского этапов революции 1917 г., на территории Армении началась самоорганизация национально-ориентированных сил. Их главной целью было построение государства, способного противостоять османской, а позже турецкой угрозе.

Успех февральского этапа революции 1917 г. не означал мгновенного создания национальных государств. Этому предшествовал длительный период поиска оптимальной формы государственности. Первые проекты государственных образований на территории Южного Кавказа представляли собой единое государство для Грузии, Армении и Азербайджана. Однако на практике политические деятели каждой из стран в первую очередь стремились к защите национальных интересов.

Одним из первых государственных образований принято считать Особый Южнокавказский (Закавказский) Комитет (ОЗАКОМ), созданный 9 марта 1917 г. Членами ОЗАКОМа стали представители от всех трех республик. Армению представлял видный политический деятель того времени, депутат Государственной думы IV созыва от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний Российской империи – М.И. Пападжанов, после упразднения ОЗАКОМа принимавший активное участие в деятельности Первой республики. В современной Республике Армении сохраняется память о М.И. Пападжанове (М. Бабаджаняне). Одним из примеров коммеморации служит передача в дар от Парламента Республики Армении Межпарламентской Ассамблее стран-участников СНГ (МПА СНГ) бюста М.И. Пападжанова. Передача бюста была приурочена к 25-летнему юбилею образования МПА СНГ. Торжественное открытие бюста произошло 27 марта 2017 г. в купольном зале Таврического дворца в Санкт-Петербурге в присутствии парламентариев стран СНГ.

Следует отметить слова председателя Национального собрания Республики Армении Э. Нагдаляна, произнесенные при передаче бюста: «…действительно очень полезно и для нашего общества, и для наших поколений, что в МПА СНГ будет выставлен бюст этого достойного человека, достойного сына, как армянского народа, так и Российский империи» [7]. Отсюда следует, что образ М.И. Пападжанова используется в исторической политике как Армении, так и России для трансляции идеи единства народов в период существования Российской империи.

На смену ОЗАКОМу пришли Южнокавказский (Закавказский) комиссариат и Южнокавказский (Закавказский) сейм. Последний провозгласил следующую

значительную попытку государственного образования – Южнокавказскую (Закавказскую) Демократическую Республику (ЗДФР), просуществовавшую лишь месяц (апрель – май 1918 г.).

Невозможность согласования политическими деятелями Южного Кавказа единой позиции по ряду принципиальных вопросов существования государства в первую очередь из-за роста межэтнических противоречий предопределили создание национальных государств.

Первая Республика Армения (ПРА) просуществовала 18 месяцев – с 28 мая 1918 по 29 ноября 1920 г. Следует отметить, что в историографии присутствует несколько вариантов названия Первой республики: Первая Республика Армения, Демократическая Республика Армения, Араратская Республика и Эриванская Республика. В данной работе будет использоваться первый из приведенных вариантов, поскольку именно он употребляется политическими акторами Республики Армения.

Провозглашение ПРА произошло 28 мая 1918 г. после серии побед в сражениях с войсками Османской империи. Битвы при Сардарапате и Баш-Апаране (обе произошли в мае 1918 г.) позволили нанести поражение османским войскам и стабилизировать линию фронта.

Руководство ПРА оказалось в непростой обстановке. С одной стороны, страна находилась в глубоком социально-экономическом и общественно-политическом кризисе. С другой стороны, существовала внешняя угроза, исходящая от Османской империи. Не менее опасными были и территориальные споры с Азербайджанской Демократической Республикой и Грузинской Демократической Республикой. Тем не менее лидеры ПРА смогли выстроить устойчивую модель государства, успешно противостоящего внешним угрозам и просуществовавшего полтора года – до вступления 11-й армии РККА на территорию Армении.

Немаловажную роль в революции 1917 г. сыграла политическая партия Армянская революционная федерация, или Дашнакцутюн. Политические лидеры, возглавлявшие партию, последовательно становились руководителями ПРА. Это позволило Дашнакцутюн стать влиятельнейшей партией Первой республики. После образования нового независимого государства в 1991 г. партия продолжает принимать активное участие в политической жизни Армении. Кроме того, в 2007 г. в Ереване открылся музей, посвященный истории партии Дашнакцутюн [2].

Третья Республика Армения, появившаяся в результате распада Советского Союза в 1991 г., выступает в качестве преемницы ПРА. Это прослеживается в государственной символике, коммеморативных практиках и почитании мест памяти.

После обретения независимости Арменией в 1991 г. Верховный совет Республики Армения принял новую государственную символику, отличную от советской. За основу была взята государственная символика ПРА (гимн, герб, флаг) [3].

Преемственность отражается также в нормативно-правовых актах Республики Армении. Так, в «Декларации о независимости Армении», принятой 23 августа 1990 г., содержится следующая информация о «развитии демократических традиций образованной 28 мая 1918 г. независимой Республики Армения…» [5].

Государственная историческая политика Армении неразрывно связывает становление государственности в 1918–1920 гг. с победой армянских вооруженных сил в битвах при Сардарапате и Баш-Апаране. Так, еще в годы Армянской ССР в 1968 г. на месте боев был открыт мемориальный комплекс в честь 50-летия победы при Сардарапате. В настоящее время мемориальный комплекс стал не просто местом памяти, но и приобрел статус центрального места празднования независимости Армянской Республики (День Республики). Ежегодно 28 мая первые лица Армении приезжают в Сардарапат и выступают с торжественными речами. Например, в 2024 г. мемориал посетили председатель Национального Собрания А. Симонян, премьер-министр Н. Пашинян и президент Армянской Республики В. Хачатурян [4].

В выступлениях политических акторов также высказываются идеи о преемственности Первой и Третьей Армянской Республики. Следует отметить торжественную речь председателя Национального Собрания А. Симоняна по случаю Дня Республики 28 мая 2024 г.: «Сегодня мы отмечаем одно из важнейших событий нашей истории – день основания Первой Республики Армении. 28 мая 1918 года, после героических битв при Сардарапате, Баш-Апаране и Каракилисе, была восстановлена прерванная веками армянская государственность… Несмотря на то что Первая Республика Армения просуществовала лишь два года, она стала переломной в нашем национальном мышлении» [8]. Важными особенностями содержания речи А. Симоняна являются: во-первых, отсутствие негативной коннотации в адрес 11-й армии РККА, прервавшей развитие ПРА в ноябре 1920 г., во-вторых, акцентирование внимания на восстановлении государственности в 1918–1920 гг.

Коммеморативные практики, посвященные революции 1917 г. и образованию ПРА, затрагивают в том числе увековечивание памяти об отдельных руководителях Первой Республики. В 2018 г. в рамках празднования 100-летнего юбилея провозглашения ПРА в Ереване был торжественно открыт памятник одному из ее «отцов-основателей» – А.А. Манукяну [1]. В период с мая по июль 1918 г. Манукян возглавлял правительство, затем, с июля 1918 по январь 1919 г., руководил Министерством внутренних дел ПРА. Историческая память о первых руководителях ПРА сохраняется в столичной топонимике – в честь А.А. Манукяна и О.М. Каджазнуни (также один из основателей ПРА, с мая 1918 по май 1919 г. занимал пост премьер-министра республики) названы несколько улиц в Ереване.

Таким образом, революция 1917 г. оказала серьезное влияние на развитие армянской государственности. Главным ее результатом стало образование Первой Армянской Республики в 1918 г. После февральского этапа Временное

правительство предприняло попытки решения «армянского вопроса», связанного в том числе с проблемным статусом территорий Западной Армении. В свою очередь октябрьский этап революции и последовавший за ним Брестский мир обусловили внешнюю угрозу со стороны Османской империи. Данные обстоятельства предопределили оформление государственности на территории Армении.

Историческая политика Армении акцентирует внимание на давних традициях и глубокой истории государственности. Это находит отражение в высказываниях политических акторов. Выстроена преемственность между Первой и Третьей республиками. Важной особенностью исторической политики Армении является отсутствие негативной коннотации в адрес Советской России в связи с утратой государственности в 1920 г.

Источники и литература

1. В Ереване открыли памятник Араму Манукяну. URL: https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/7/18/--1 (дата обращения: 17.06.2024).

2. В Ереване открылся музей АРФ «Дашнакцутюн». URL: https://nt.am/ru/news/48367/ (дата обращения: 17.06.2024).

3. Государственные символы Республики Армения. URL: https://www.primeminister.am/ru/state-symbols/ (дата обращения: 19.06.2024).

4. Дань уважения в Сардарапатском мемориальном комплексе к Дню Республики. URL: http://www.parliament.am/news.php?cat_id=2&NewsID=20643&year=2024&month=5&day=28&lang=rus (дата обращения: 11.06.2024).

5. Декларация о независимости Армении. URL: https://www.gov.am/ru/independence/ (дата обращения: 01.07.2024).

6. *Липаритян А.* Что сулила армянам февральская революция 1917 года? URL: https://am.sputniknews.ru/20170227/chto-sulila-armyanam-fevralskaya-revolyuciya-1917-goda-6531881.html (дата обращения: 12.06.2024).

7. *Никифорова Д.* Бюст Пападжанова в подарок МПА СНГ. URL: https://russia-armenia.info/node/37223 (дата обращения: 22.06.2024).

8. Поздравление Председателя НС А. Симоняна с Днем Республики. URL: http://www.parliament.am/news.php?cat_id=2&NewsID=20642&year=2024&month=5&day=28&lang=rus (дата обращения: 21.06.2024).

А.Т. Сихарулидзе

ГРУЗИНСКИЙ ДУАЛИЗМ КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Осмысление советского прошлого в странах бывшего СССР тесно связано с политикой памяти и виктимизацией истории. Западная научная мысль [9] активно

развивает идею жертвенности народов, которая, с одной стороны, позволяет углубиться в исторические травмы, а с другой – представляет альтернативный взгляд на исторические события. Поставив советскую власть, идеологию и наследие на один уровень с властью, идеологией и наследием фашистской Германии, западные мыслители отводят постсоветским государствам роль жертвы. Однако, несмотря на продолжительный процесс виктимизации советского прошлого, грузинская историческая школа [10; 11] всё-таки дуалистична и пока не готова воспринимать по крайней мере свое советское наследие как что-то тотально чуждое, навязанное и негативное. Грузинские мыслители, безусловно, признают исторические травмы, но также и феноменальные достижения грузинской советской мысли. Этот дуализм резко контрастирует с политикой памяти в Польше, странах Балтии и на Украине [15].

Концепция виктимизации истории, исторической травмы предполагает, что исторические события, группы или личности рассматриваются преимущественно с точки зрения их жертвенного статуса. Этот подход акцентирует внимание на страданиях и несправедливостях, которые испытали представители той или иной группы [14]. В современных обществах подобная практика получила широкое распространение и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Переосмысление исторических событий с точки зрения пережитых страданий и несправедливости может подразумевать признание исторической вины, компенсацию жертвам и их потомкам, а также образовательные и культурные мероприятия, направленные на сохранение памяти о трагических событиях [5: 19–20]. Позитивный аспект виктимизации истории заключается в том, что она помогает признать и осмыслить прошлые ошибки, а также способствует исцелению травмированных сообществ. Последнее может способствовать достижению социальной справедливости и примирению, а также укреплению чувства морали и ответственности в обществе.

Важным элементом виктимизации истории является официальное признание вины за совершенные преступления. Примерами этого могут служить официальное извинение правительства Германии за Холокост или извинения Австралии перед коренными народами за политику насильственного изымания детей. Некоторые страны Запада вводят программы компенсаций для жертв исторической несправедливости. В США, например, обсуждаются программы репараций для потомков рабов. В Европе существуют компенсационные фонды для жертв нацизма. Виктимизация истории находит свое отражение в образовательной системе. Включение в учебные программы тем, связанных с геноцидами, колониализмом, рабством и другими трагическими событиями, помогает формировать у молодого поколения осознание исторической справедливости и ответственности. Музеи, памятники, дни памяти и другие культурные мероприятия играют важную роль в сохранении памяти о жертвах исторических несправедливостей. В США, например, существует Национальный музей истории

и культуры афроамериканцев, посвященный истории рабства и борьбы за гражданские права.

Несмотря на положительные аспекты, виктимизация истории вызывает и критику. Одна из главных претензий состоит в том, что чрезмерное акцентирование на страданиях может приводить к формированию культуры жертвенности [13]. Это может укреплять идентичность на основе страданий [12: 9], что, в свою очередь, может препятствовать конструктивному диалогу и примирению. Критики также утверждают, что виктимизация истории может использоваться политическими силами для достижения своих целей [2]. Манипуляция историей и использование статуса жертвы может привести к углублению разногласий и конфликтов в обществе. Еще одно возражение касается селективного подхода к истории. Виктимизация истории часто фокусируется на определенных событиях и группах, при этом игнорируются другие важные аспекты истории. Это может привести к одностороннему восприятию истории и упрощению сложных процессов.

Рассматривая вопросы виктимизации истории, нельзя обойти стороной и реакцию западных мыслителей и представителей новообразованных государств на распад Советского Союза. Зачастую осознание советского прошлого идет именно по пути переосмысления этого события. Следовательно, виктимизация советского наследия представляет собой процесс, при котором акцент делается на страданиях и репрессиях, пережитых людьми в период существования объединения. У этой позиции, которая зачастую называется декоммунизацией [4], есть как сторонники, так и противники.

После распада Советского Союза в 1991 г. многие постсоветские страны начали переосмысливать свою историю, акцентируя внимание на негативных аспектах советского периода. Это включает в себя массовые репрессии, депортации, голодомор и другие трагические события, которые привели к огромным человеческим жертвам. Одним из главных компонентов виктимизации советского прошлого является признание репрессий, организованных государством. Многие страны, такие как Грузия, Украина и страны Балтии, активно подчеркивают масштаб репрессий, проводившихся советской властью, и их последствия для своих народов. Важную роль в виктимизации играет создание памятников и мемориалов, посвященных жертвам советских репрессий. Такие мемориалы призваны сохранить память о погибших и пострадавших, а также служить напоминанием о недопустимости повторения подобных трагедий.

Пример подобных инициатив в Грузии – работа над международным проектом «Последний адрес», в рамках которой на фасадах домов, откуда репрессировали жителей страны в советский период, устанавливаются мемориальные таблички [1]. Включение тем о советских репрессиях в школьные и университетские программы [8] помогает молодому поколению осознавать сложность и противоречивость событий советского периода. Это способствует формированию критического мышления и осознанию важности прав человека и демократических ценностей.

Однако декоммунизация зачастую игнорирует достижения и позитивные аспекты советской эпохи, такие как индустриализация, космическая программа и социальные реформы. Этот подход можно назвать польской моделью [16], поскольку часто именно польская политико-историческая система используется местными элитами как пример. Виктимизация советского прошлого нередко используется в политических целях. Некоторые постсоветские государства могут использовать этот подход для укрепления национальной идентичности и дистанцирования от России. Это может приводить к созданию негативного образа советского прошлого как исключительно репрессивного периода; периода, в рамках которого люди и общество в целом начинают воспринимать себя исключительно как жертвы исторической несправедливости.

Грузия в советский период прошла через значительные изменения в политической, экономической и культурной сферах. Как одна из советских республик Грузия стала частью Советского Союза в 1922 г. и оставалась в его составе до 1991 г. За это время она испытала на себе влияние как положительных, так и отрицательных аспектов советской системы.

Грузия, как и другие советские республики, управлялась в соответствии с директивами Коммунистической партии, а политическая жизнь была строго контролируема. Период правления Иосифа Сталина, который сам был грузином, ознаменовался репрессиями, арестами и депортациями, затронувшими многие семьи.

Наряду с этим, в советский период экономика Грузии была интегрирована в общесоюзную экономическую систему. Основные отрасли экономики включали сельское хозяйство, виноделие, машиностроение и добычу полезных ископаемых. Грузия была одним из крупных поставщиков чая, фруктов, вина и минеральных вод. Советская индустриализация привела к развитию промышленности в республике, особенно в городах Тбилиси, Кутаиси и Батуми. Инфраструктура также значительно улучшилась: были построены железные дороги, шоссе и гидроэлектростанции. Однако экономическая политика планового хозяйства привела к неэффективности и дефициту в некоторых секторах экономики, что было характерно для всего Советского Союза. Советская система обеспечивала бесплатное образование и здравоохранение, что привело к значительному улучшению уровня жизни и образованности населения. Грузинская культура, несмотря на влияние общей для всех республик советской идеологии, сохранялась и развивалась. В стране работали многочисленные театры, музеи, литературные и художественные объединения. Грузия гордилась своей богатой культурной традицией. Хотя советская цензура ограничивала свободу выражения, многие грузинские художники и писатели смогли создать значимые произведения, которые стали частью национального культурного наследия. Несмотря на официальную советскую риторику о братстве народов, в Грузии сохранялось устойчивое национальное самосознание.

В последние десятилетия существования СССР, особенно в 1980-е гг., в республике усилились националистические настроения. Грузинское общество стремилось к большей автономии и защите своего языка и культуры. Массовые демонстрации и митинги, такие как демонстрация 9 апреля 1989 г. в Тбилиси, были подавлены советскими властями, что привело к гибели мирных протестующих.

Советский период оставил в Грузии сложное наследие. С одной стороны, это был период модернизации и экономического развития, а с другой – период репрессий и ограничений. Поэтому он оставил неоднозначное послевкусие, что наглядно проявляется и в дуализме оценок. И это несмотря на активную интеграцию страны в Западный мир, где Советский Союз, безусловно, воспринимается лишь в негативном ключе.

В современной Грузии существует стремление к осмыслению и признанию трагических событий советского периода, что часто приводит к попыткам виктимизации этого прошлого, акценту на страданиях и жертвах, понесенных грузинским народом в годы советской власти. Внедрение именно такой модели было поддержано правительством «революции роз», которое активно опиралось на западную мысль и опыт Польши. Следовательно, с 2004 г. правительство активно занималось признанием и осмыслением советских репрессий через идею жертвенности грузинского народа. Устанавливались памятники жертвам политических репрессий (например, мемориальная доска грузинским писателям – жертвам репрессий, установленная в г. Тбилиси), проводились официальные мероприятия, посвященные памяти жертв (деятельность фонда «Последний адрес» [1]), а также реализовывались программы по реабилитации репрессированных [17]. Была запрещена советская символика, открыт Музей советской оккупации в Тбилиси, а многие советские здания были уничтожены исходя из политико-идеологических соображений.

Однако эти попытки пойти по польскому сценарию не увенчались успехом. Всё больше чувствовалось сопротивления со стороны так называемого глубинного государства [3], которое не воспринимало свое советское наследие как что-то постыдное. Более того, оказалось, что в стране до сих пор существует культ личности И.В. Сталина, а попытки перенести день празднования победы над Германией с 9 на 8 мая, чтобы официально и идеологически присоединиться к западным странам, полностью провалились [6]. Сейчас правительство «Грузинской мечты» уже открыто говорит о дуализме грузинской мысли по отношению к советскому прошлому. И это проявляется не только в разрешении использовать советскую символику 9 мая, несмотря на закон о запрете [7], но и отказ от закрытия музея Сталина в Гори, где требования восстановить памятник советскому лидеру звучат каждый год. Правительство окончательно отказалось от разрушения советского наследия в пользу дуалистического подхода, в котором признаются и репрессии, и достижения. Этот подход вызывает ярую критику западных ученых [10; 12].

Подводя итоги, отметим, что современные постсоветские общества должны стремиться к сбалансированному видению истории, которое учитывает все аспекты советского периода – как негативные, так и позитивные. На данный момент можно выделить две сформировавшиеся модели политики памяти на постсоветском пространстве: польскую и грузинскую. Польский опыт подразумевает анализ советского прошлого как навязанной формы тоталитаризма, репрессий и систематического разрушения национального сознания. Грузинскому же свойственен дуализм подхода, где анализируются исторические нарушения и травмы, однако же признаются и научно-технические, культурные и экономические достижения, и тот вклад, который представители грузинского народа внесли в развитие Советского Союза. Грузинами советское наследие не воспринимается как что-то однозначно отрицательное и постыдное.

Источники и литература

1. В Тбилиси «Последний адрес» впервые установил мемориальный знак жертве политических репрессий // Фонд «Последний адрес». URL: https://www.poslednyadres.ru/articles/articles720.htm (дата обращения: 21.08.2024).

2. *Зверев К.А.* Конструирование политики памяти на постсоветском пространстве: общие подходы // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 40–50.

3. *Коктыш К.Е., Сергеев В.М.* Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 134–148.

4. *Нагорных О.В.* Декоммунизация: опыт стран Европы // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 11–14.

5. *Нечаев Д.Н., Леонова О.В.* Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 1. С. 12–21.

6. *Сотников Г.* Парламент Грузии решил не переносить празднование Дня Победы на 8 мая // Российская газета. 2023. 5 сентября. URL: https://rg.ru/2023/09/05/parlament-gruzii-reshil-ne-perenosit-prazdnovanie-dnia-pobedy-na-8-maia.html (дата обращения: 21.08.2024).

7. Хартия Свободы. 4717-Ib. 31 мая 2011 г. // Законодательный Вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1381526?publication=16 (дата обращения: 21.08.2024).

8. *Chikovani N.* The Georgian historical narrative: From pre-Soviet to post-Soviet nationalism // Dynamics of Asymmetric Conflict: Pathways toward terrorism and genocide. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 107–115.

9. *Galy A.M.M.* Creating the Stalinist Other: Anglo-American Historiography of Stalin and Stalinism, 1925–2013. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Edinburgh, 2013.

10. *Górecki W.* Politics of Memory in Independent Georgia. Selected Aspects // Institute of National Remembrance Review. 2019. № 1. P. 283–309.

11. *Karaia T.* Memory Strategies in Contemporary Georgia // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. 2017. № 4. S. 5–22.

12. *Maisuradze G.* Politics of Memory in Independent Georgia (Key Trends in Recent History). Tbilisi, 2022. URL: https://ge.boell.org/sites/default/files/2023-04/maisuradze_eng.pdf (дата обращения: 21.08.2024).

13. *Mohatt N.V., Thompson A.B., Thai N.D., Tebes J.K.* Historical trauma as public narrative: A conceptual review of how history impacts present-day health // Social Science & Medicine. 2014. Vol. 106. P. 128–136.

14. *Ortega-Williams A., Beltrán R., Schultz K., Henderson Z.R.G., Colón L., Ciwang T.* An Integrated Historical Trauma and Posttraumatic Growth Framework: a Cross-Cultural Exploration // Journal of Trauma and Dissociation. 2021. Vol. 22. № 2. P. 220–240.

15. *Shevel O.* The Battle for Historical Memory in Postrevolutionary Ukraine // Current History. 2016. № 115 (783). P. 258–263.

16. *Skibinski I.* Dealing with an Unloved Past – Decommunization in Poland under PiS // Memory of Central and Eastern Europe: Past Traumas, Present Challenges, Future Horizons / ed. by A. Marková, M. Kuznetsova. Prague, 2023. P. 93–116.

17. სტალინური სიები საქართველოდან (Сталинские списки из Грузии). URL: http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=index&d=26 (дата обращения: 21.08.2024).

А.Д. Осмаев, Е.М. Горюшина

ЗИЯРАТЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК МЕСТА ПАМЯТИ[1]

В исламе святое место и его посещение обозначают словом *зиярат*/*зиарат*/*зийарат*. В суфизме, аскетически-мистическом направлении ислама, распространенном среди чеченцев, *зияратами* называют места, связанные с памятью шейхов, авлия, учителей, наставников, муршидов. Суфийские учителя – это люди высокого духовно-нравственного уровня, которые прославились праведностью и благими делами, глубоким знанием ислама. Их называют *аулия*/*авлия* от арабского слова *вали* (во множественном числе) – праведники, приближенные к Аллаху. В чеченском языке это слово трансформировалось в *эвлаяъ*.

При подготовке статьи авторы опирались в основном на полевой материал, собранный в рамках экспедиционных выездов по населенным пунктам Чеченской

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-01643 «Институционализация коллективной памяти в постконфликтный период в Чечне: динамика и закономерности», https://rscf.ru/project/23-28-01643/.

Республики в апреле 2024 г. В ходе этих исследований была произведена фото- и видеосъемка зияратов. Практически все они в настоящее время отреставрированы.

Феномен *авлия* и *зияратов* у чеченцев становился предметом исследования ученых в советское и постсоветское время. В советский период его изучали с точки зрения рудиментарного явления, пережитка прошлого, мешающего строительству нового общества [7; 18; 25]. Достаточно подробная характеристика суфизма, мюридских общин Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ЧИ АССР) дана в учебном пособии «Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии» [12]. В одном из параграфов пособия рассмотрены мюридские общины в ЧИ АССР. Подчеркивается, что исламские обряды и праздники стали восприниматься как национальные обычаи и традиции, поэтому религия питает и всячески поддерживает националистические пережитки [12: 104–105].

Среди чеченцев широко распространено почитание шейхов, авлия и их потомков. Особенно пользуется популярностью почитание зияратов, следование вирду (*вирд* – религиозная община, братство, орден; набор неритуальных молитв, который предписывает мюриду его шейх) отдельно взятого *устаза* (учителя, основателя братства). Это стало практически семейной традицией, которая изредка нарушается переходом в другой вирд, вследствие чего семьи на протяжении ста и более лет состоят в том или ином вирде. В чеченском обществе у жены существует право выбора: она может перейти в вирд семьи мужа или остаться в вирде своей семьи.

Вопросы, связанные с историей суфизма и его практиками в Чечне, исследовал В.Х. Акаев [1–5]. О.С. Павлова изучила зияраты Чечни в контексте религиозных практик суфизма и пришла к выводу, что посещение зияратов выступает важнейшей ритуальной практикой суфийского ислама. Их посещают не только чеченцы, но и представители других народов, исповедующих ислам суфийского толка [21]. М.Ю. Рощин приводит краткие данные о выдающихся религиозных деятелях Чечни: шейхе Мансуре, Кунта-хаджи Кишиеве, Ташов-хаджи, Умалат-Ахаде, Абдулазизе (Докку)-хаджи, Дени-шейхе, Солса-хаджи, Абдулвагап-хаджи. Автор приходит к выводу, что народный чеченский суфизм вполне мог бы стать «надежным заслоном против разрастания радикального ислама» [24], как это уже случилось в Дагестане.

Значительную роль в единении суфийских братств сыграл сначала А.А. Кадыров, а потом и его сын – Р.А. Кадыров, принимающий активное участие в отправлении суфийских практик (*зикр*, посещение зияратов, мовлид и др.) Несмотря на принадлежность к кадырийскому вирду (братству) Кунта-хаджи Кишиева, он активно взаимодействует не только с кадырийскими, но и с накшбандийскими братствами Чечни [22]. Последних в Чеченской Республике насчитывается больше, чем кадырийских [11: 289, 294–295].

Наиболее полные сведения в советское время о зияратах опубликовал А.С. Сулейманов в работе «Топонимия Чечено-Ингушетии». Впрочем, местонахождение некоторых зияратов указано неточно [27–30]. Отдельную книгу, посвященную зияратам и шейхам Чечни, в 2009 г. издал М.М Вачагаев (признан иностранным агентом). Он описал 167 зияратов из 83 сёл [11]. Часть зияратов, о которых пишет автор, расположены в настоящее время на территории Дагестана и Ингушетии. По данным Духовного управления мусульман Чеченской Республики, в настоящее время на территории республики насчитывается 130 зияратов [9].

На основе широкого круга архивных документов, полевого материала, интервью с потомками шейхов и авлия написана книга «Эпоха шайхов» А.И. Духаева [15]. Автор предпочитает написание слова *шайх*, поскольку подобным образом оно звучит в арабском и чеченском языках. Он же издал книгу о жизни и религиозной деятельности известного накшбандийского шейха Элаха-муллы (Алихан Дебиров), который по ложному обвинению был осужден и умер по пути в ссылку на борту судна в Красном море в возрасте 41 года [14]. В с. Новые Атаги Шалинского района, где он был имамом в течение 13 лет, на кладбище сооружен зиярат над могилами его детей. При этом зиярат в честь самого Элаха-муллы находится в с. Терское Надтеречного района. Примечательно, что эпитафия на арабском языке на его чурте (надмогильная стела, устанавливается в том числе без могилы, в память об умершем или погибшем) принадлежит перу известного религиозного деятеля Сугаипа-муллы (зиярат в г. Шали, Шалинский район), сына Гойсума-муллы (зиярат в с. Агишты, Шалинский район). На кладбище с. Новые Атаги также сооружен зиярат над могилой мюрида Элаха-муллы. Соборная мечеть села, которой более 100 лет, и одна из квартальных мечетей носят имя Элаха-муллы.

Зияраты как места памяти связаны с именами религиозных деятелей (преимущественно чеченцев, но также и представителей других национальностей), шейхов и авлия. При этом зияратом может быть не обязательно могила (в большинстве случаев), но и дом, где он родился, место, где молился и пребывал в одиночестве, дерево, под которым отдыхал. Над могилой чаще всего строят небольшое здание, стены внутри, как и могильный холм, украшаются тканью с надписями на арабском языке, коврами, в ряде случаев могилу просто ограждают. Внутри ограды/здания могут быть похоронены как члены семьи, так и в некоторых случаях мюриды-последователи. В частности, в с. Бердыкель, в зиярате Абубакара-хаджи, умершего в Медине в 1913 г., похоронены его отец, мать, два брата и дочь.

Предварительный анализ местоположения зияратов по районам республики показывает, что они распределены неравномерно. Например, в Шелковском и Наурском районах зияраты отсутствуют, поскольку районы были включены в состав ЧИ АССР после ликвидации Грозненской области в 1957 г. Также отсутствуют зияраты в населенных пунктах Ачхой-Мартановского (за исключением с. Шаами-Юрт) и Серноводского районов, большинство которых к 1920 г. были казачьими станицами, построенными на месте чеченских сёл [26: 114–121;

6: 221–222]. В Шатойском, Шаройском, Итум-Калинском районах зияратов немного. В Надтеречном, Грозненском, Гудермесском, Курчалоевском, Урус-Мартановском районах их число увеличивается. Однако больше всего зияратов в Ножай-Юртовском, Шалинском и Веденском районах [11: 272–277].

Одним из первых проповедников ислама и шейхом из чеченцев был Берс из тайпа курчалой. Его политическая и религиозная деятельность относится к концу XVI – первой половине XVII в. Зиярат Берса-шейха находится в с. Нижние Курчали, рядом с ним похоронена его жена. В этом же зиярате находятся могилы Мустапа-шейха (потомок Берса-шейха) и его матери. Могилы двух сыновей – Турло и Арсамика, которые также посвятили себя укреплению ислама в регионе, расположены рядом с зияратом. Имя Берс до сих пор остается популярным у чеченцев. На этом же кладбище находится зиярат Жансари – жены Кунта-хаджи Кишиева, которая была родом из этого села [31]. Сёла Верхние, Средние, Нижние Курчали Веденского района, как и многие другие горные сёла, постепенно пустеют из-за оттока жителей. Несмотря на это за зияратами регулярно ухаживают.

У шейха Мансура (1760–1794), религиозного и военного лидера, чья деятельность пришлась на конец XVIII в., отсутствует зиярат в Чечне. При этом шейх Мансур пользуется почетом и уважением, его именем назван район в Грозном, мечеть, улицы в различных сёлах и городах республики.

Примечательно, что ряд наиболее почитаемых шейхов, авлия так или иначе связаны с Кавказской войной. В частности, Ташав-хаджи/Ташев-хаджи (в чеченской транскрипции Ташу-хаджи) был не только религиозным лидером, но и лидером национально-освободительного движения в Чечне, претендовал на пост имама после гибели Гамзат-бека, был наибом имама Шамиля, проводил самостоятельную политику. Его жизни и деятельности посвящен ряд статей и книг. Имя его, в соответствии с суфийской традицией, как и у многих шейхов, табуировано, последователи называют его «Хаджи из Сесана» или «Воккха Хьажа» («Большой или Великий Хаджи»).

Отдельные исследователи полагают, что он был кумыком из с. Эндирей, другие – чеченцем, основываясь на том, что в Эндирее проживало значительное число чеченцев. Среди его последователей были Бешто из Саясана, Раасу Гойтукаев (кадий восставших в 1877 г. горцев), Илисхан-хаджи из Шали, братья Дохтукаевы – Товсултан-хаджи и Янгулби-хаджи из Курчалоя и др. (у всех, кроме Гойтукаева, есть зияраты). Зиярат Ташу-хаджи находится в с. Саясан Ножай-Юртовского района. Он был реставрирован в 2013 г. В республике функционируют две школы хафизов его имени.

Гази-Хаджи Зандакский (накшбандиа), известный как «дважды сломавший хребет Иблису», также был активным участником Кавказской войны. Он был сподвижником и другом Ташу-хаджи, дядей имама Алибека-хаджи, который возглавил восстание 1877–1878 гг., после чего был повешен вместе с соратниками в марте 1878 г. на окраине Грозного.

Политический и религиозный портрет Гази-хаджи дан историком С.Х.Х. Мусхаджиевым [19]. На фоне событий Кавказской войны показаны взаимоотношения героя с Ташу-хаджи и Кунта-хаджи. После совершения хаджа Гази-хаджи остался в Мекке и умер там в 1867 г. Зияраты в его честь находятся в селах Симсара и Зандак Ножай-Юртовского района и Гехи-Чу Урус-Мартановского района. В последнем установлена стела в честь его состоявшейся встречи с Кунта-хаджи.

Кунта-хаджи Кишиев также родился, вырос и проповедовал в годы Кавказской войны, но в отличие от других религиозных авторитетов призывал к миру, прекращению войны, поставившей чеченский народ на грань физического уничтожения. Он оказался в немилости как у имама Шамиля, так и у имперских властей. Имя Кунта-хаджи Кишиева также табуировано, и поэтому его чаще всего называют «Киши-хаджи» (по имени отца), «Хаджи из Илсхан-Юрта». В Чеченской Республике много мест памяти Кунта-хаджи Кишиева. Наиболее почитаемый последователями зиярат его матери Хеди находится на кладбище в с. Хажи-Эвла. Зиярата самого Кунта-хаджи в республике нет, поскольку после ареста и ссылки в г. Устюжна, по данным российских властей, он умер в 1867 г. Его последователи уверены, что он не умер, а «скрылся», вследствие чего ожидают его возвращения.

В с. Илсхан-Юрт Курчалоевского района и нескольких районах республики есть зияраты, связанные с Кунта-хаджи и его родственниками: дом, где он родился, его пасека, а также место, где отдыхал. Зияраты его отца Киши и брата Муцу находятся в с. Илсхан-Юрте, сестры Маты – в с. Автуры Шалинского района. Почитается территория над с. Илсхан-Юрт, где Киши часто молился в одиночестве. Известно, что могила-зиярат его брата Мовсара находится в Турции [20].

В мемориальном календаре Чеченской Республики 3 января установлен как День памяти Кунта-хаджи Кишиева: в этот день он был арестован и выслан из Чечни. На одном из кладбищ в центре г. Шали также есть зиярат его мюридов, погибших в ходе так называемого «кинжального боя», когда сотни безоружных мужчин и женщин пошли вызволять своего устаза в январе 1864 г.

На южной окраине Шали находится еще одно место памяти – «Кладбище газавата», на котором было похоронено большинство погибших в 1864 г., а в августе 2023 г. здесь же были захоронены останки 66 ссыльных мюридов, которые были похоронены в Новочеркасске во второй половине XIX в. [10]. На кладбищах Шали есть зияраты и других религиозных деятелей.

В с. Толстой-Юрт (чеч. Дойкар-Эвла) Грозненского района находится один из наиболее посещаемых зияратов Докку-шейха (*накшбандиа*), настоящее имя которого – Абдул-Азиз Шаптукаев. Рядом с местом упокоения шейха находятся захоронения его близких людей, а вблизи кладбища с зияратом располагается джума-мечеть его имени.

В с. Виноградное (чеч. Бамат-Юрт, большинство жителей села кумыки) этого же района на месте, где когда-то располагалась его усадьба, находится зиярат Мани-шейха (Мухаммад Назиров, чеченец, кадырия). Он установлен в 1924 г.

Еще один находится в с. Знаменское Надтеречного района, где шейх прожил последние годы своей жизни. На кладбище села находятся еще три зиярата: Зияуддина-шейха, Харуна-хаджи (кумыки), Абдулмажида-шейха (черкес) (все накшбандиа).

Зиярат шейха Дени Арсанова – дом, в котором он жил, находится в с. Кень-Юрт. На окраине села расположен мост Дени-шейха, построенный им в начале XX в. На окраине г. Урус-Мартан и в с. Шалажи этого же района находятся зияраты шейха Дени и его потомков.

К почитаемым и посещаемым также относятся зияраты в с. Кошкельды Гудермесского района: Юсупа-хаджи и его отца Байбетира, оставивших глубокий след в истории чеченского народа, Нур-Магомеда из Дагестана. На кладбище села также похоронены потомок курайшитов Жамалуллайл Сайид-Мухаммад и известный богослов Изновр-шейх. Именем последнего назван один поселков Грозного.

Зияраты одного из руководителей кадырийского братства, названного по неофициальному имени Овда (настоящее имя – Баматгирей-хаджи Митаев, был мюридом Кунта-хаджи Кишиева), его отца Миты и сына Али Митаева, расстрелянного чекистами, других потомков находится в с. Автуры. Первоначально возведен в 1914 г., после неоднократно перестраивался, последняя реставрация произведена в 2009 г.

Достаточно многочисленны последователи шейха Солса-хаджи Яндарова (накшбандиа). Его зиярат находится на кладбище на южной окраине г. Урус-Мартана, а сына Абдул-Хамида – в с. Мартан-Чу Урус-Мартановского района.

Одним из оригинальных зияратов Чеченской Республики является Джеми / Жеми-Барз (Холм / курган Джеми) у старинного равнинного села Чечен-аул. Здесь нет захоронения, но по местным поверьям на этой вершине собирается совет святых для решения важных вопросов. Джеми-Барз также известен как место, где происходили важные события в истории чеченцев. В частности, здесь представители почти всех плоскостных сёл поддержали шейха Мансура как первого имама Чечни.

В Веденском районе в с. Дышне-Ведено (в так называемом Шамиль-хуторе) находится зиярат Узун-хаджи Салтинского (ок. 1848–1920 гг.) – религиозного деятеля, аварца по национальности, руководителя Северо-Кавказского эмирата. Последователи его вирда проживают в Веденском и Шатойском районах республики и г. Грозном.

В Шатойском районе в с. Гуш-Корте сооружен зиярат Ахбердил-Магома – наиба имама Шамиля. Рядом с ним похоронен его друг, чеченский наиб Батуко Шатойский. Зиярат посещают паломники из Дагестана [13], ухаживает за могилами потомок Батуко [23].

Эти и другие примеры – свидетельство того, что религиозная идентичность в том, что касается ислама, преобладает над национальной: в Чеченской Республике находятся зияраты кумыков, аварцев, черкесов. Паломники из соседних

республик посещают зияраты различных религиозных деятелей в Чечне, при этом паломники из Чеченской Республики организовывают посещения зияратов в Дагестане. Многие зияраты посещаются паломниками независимо от того, к какому тарикату (накшбандия или кадырия) принадлежит тот или иной шейх, авлия или устаз.

Школы в республике также организовывают экскурсии учащихся к зияратам. Министерство Чеченской Республики по туризму в октябре 2021 г. объявило о запуске проектов поездок «Зияртшкахь» (чеч. «в зияратах») [8].

Последователи шейхов, авлия по настоящее время бережно сохраняют память о них, ухаживают за зияратами, уважительно относятся к их потомкам. Знания о них передаются не только в устной форме, но и в книгах. Так, в 2008 г. М.Д. Заурбековым опубликована книга о шейхе Али Митаеве [16], в 2012 г. А.Г. Киндаровым – о Сугаипе-мулле (Х1айбе) [17].

Исламская телерадиокомпания «Путь» им. А-Х. Кадырова сняла короткие ролики о зияратах Чеченской Республики, которые демонстрируются в YouTube (нарушает законодательство РФ) и других социальных сетях с целью популяризации памяти о религиозных деятелях.

Источники и литература

1. *Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Грозный, 2020.

2. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М., 1999.

3. *Акаев В.Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Грозный, 2011.

4. *Акаев В.Х.* Шейх Кунта-Хаджи Кишиев: жизнь и учение. Грозный, 1994.

5. *Акаев В.Х., Акаев А.В.* Зияраты в Чеченской Республике как религиозно-культурные объекты // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. Т. 19. № 2 (32). С. 37–42.

6. *Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.

7. *Боков Х.Х.* Интернационализм на деле. М., 1984.

8. В Чеченской Республике запускают тур паломнических поездок по святыням. URL: https://grozny.tv/index.php/news/tourism/45233 (дата обращения: 01.07.2024).

9. В Чеченской Республике насчитывается 130 зиярто. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/145181/?ysclid=ly71m6tbj8863379991 (дата обращения: 30.06.2024).

10. В Шали захоронили останки 66 последователей Кунта-Хаджи. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/153779/ (дата обращения: 30.06.2024).

11. *Вачагаев М.М.* Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009.

12. *Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И.* Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

13. Делегация Хунзахского района посетила зиярат наиба Имама Шамиля Ахбердил Мухаммада. URL: https://riadagestan.ru/news/khunzakhskiy_rayon/delegatsiya_khunzakhskogo_rayona_posetila_ziyarat_naiba_imama_shamilya_akhberdil_mukhammada/ (дата обращения: 30.06.2024).

14. *Духаев А.И.* Шайх Элах-Мулла. Грозный, 2017.

15. *Духаев А.И.* Эпоха шайхов / 3-е изд., перераб. и дополн. Нальчик, 2016.

16. *Заурбеков М.Д.* Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. М., 2005.

17. *Киндаров А.Г.* Х1айба (Шейх Сугаип-мулла Гойсумов). Биографический очерк. Грозный, 2012.

18. *Мустафинов М.М.* Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975.

19. *Мусхаджиев С-Х.Х.* Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. Майкоп, 2009.

20. *Муфтий С.* Межиев вместе с делегацией из ЧР посетил зиярт Мовсара Кишиева в Турции. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/77939/ (дата обращения: 25.06.2024).

21. *Павлова О.С.* Зияраты Чеченской Республики в контексте религиозных практик суфийского ислама // Кавказ: перекресток культур / отв. ред. М.С.Г. Албогачиева. СПб., 2015. С. 122–130.

22. Паломничество Рамзана Кадырова по святым местам продолжается. URL: https://grozny.tv/news/main/20900 (дата обращения: 29.06.2024).

23. Полевые материалы авторов, апрель 2024 г., сёла Гуш-Корт, Урдюхой, Шатойский район, Чеченская Республика.

24. *Рощин М.Ю.* Ислам в Чечне // Россия и мусульманский мир. 2004. № 1. С. 33–45.

25. *Саламов А.* Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Труды Чечено-Ингушского НИИ при Совете Министров ЧИ АССР. Т. 9. Грозный, 1964. С. 155–169.

26. *Сорокин А., Григорьев Е.* Расказачивание // Родина. 2019. № 1. С. 114–121.

27. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1. Горная Чечня. Грозный, 1976.

28. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 2. Горная Ингушетия (юго-запад) и Чечня (центр и юго-восток) Грозный, 1978.

29. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 3. Предгорная равнина. Грозный, 1980.

30. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 4. Плоскостная часть. Грозный, 1985.

31. *Усаев А.А.* Историческое общество Курчалой // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 4 (51). С. 46–50.

М.Б. Акопян, Л.М. Акопян

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н.Г. СТЕПАНЯНА

Сохранение исторической памяти – одна из первостепенных задач, стоящих сегодня перед российскими историками. Перед нами, потомками победителей, стоит большая и ответственная задача сохранить и передать следующим поколениям величие духа советского народа, прошедшего через горнило поражений и побед.

Нельсон Георгиевич Степанян родился в г. Шуше Елизаветопольской губернии Российской империи 28 марта 1913 г. Он был первенцем в семье Георгия и Вартануш. Вскоре семья переехала в г. Ереван, где Нельсон закончил семилетку. С детства он грезил, как и все мальчишки, небом. Поступил в Закавказскую военно-подготовительную школу в Баку, чтобы после ее окончания продолжить учебу в летном училище. Однако в 1930 г. она была расформирована. Нельсон пошел работать на Бакинский нефтеперегонный завод, стал высококлассным слесарем. Передовика-комсомольца приняли в ряды ВКП(б). Параллельно он учился в Бакинской планерной школе.

По рекомендации трудового коллектива Н.Г. Степанян в 1933 г. был направлен на учебу в 1-ю Краснознаменную школу пилотов и авиатехников Гражданского воздушного флота (далее – ГВФ) им. П.И. Баранова в Батайске. В полетной книжке курсанта Н.Г. Степаняна отмечалось: «Приступил к обучению на учебном самолете – май 1934. Окончил обучение на учебном самолете 22.10.1934 г.» Качества курсанта, подмеченные инструктором: «энергичный, решительный, выявилась незначительная самоуверенность» (цит. по: [3: 35–36]).

В сентябре 1935 г. при авиашколе были организованы Курсы высшей летной подготовки (далее – КВЛП) ГВФ. По окончании школы Н.Г. Степанян был оставлен на КВЛП в качестве инструктора. В августе 1939 г. в связи с обострением международной обстановки школа была передана из подчинения ГВФ в Военно-Воздушные силы Красной армии, а КВЛП (в настоящее время – Ульяновский институт гражданской авиации) перебазировались в г. Минеральные Воды.

В предвоенные годы Степанян уделял немало времени обучению личного состава слушателей, не забывая и о самообучении. Один раз в воздухе у самолета, на котором летели Степанян со слушателем, отказал двигатель. В приказе по КВЛП № 18 от 22 июня 1939 г. отмечалось: «Во время ночных учебных полетов 15-го июня на взлете на высоте 140 м обрезал мотор и после стал давать хлопки и сильный запах бензина. Инструктор Степанян приказал слушателю закрыть пожарный и бензиновый краны, что он и выполнил. Одновременно инструктор Степанян приступил к развороту на 180° на аэродром. Посадка произведена на посадочную полосу с фарой. Решения инструктора Степаняна совершенно правильны,

который обеспечил безопасность посадки при сложных условиях, будучи под городом. За правильное решение, что обеспечило безопасность, инструктору Степаняну объявляю благодарность. Начальник курсов ВЛП Молодцов» [3: 51, 53].

В том же 1939 г. авиатехник Фира Михайловна Гринштат, на которой он женился в Батайске, родила ему сына Вильсона. В 1940 г. за выполнение показателей и большой безаварийный налет пилот-инструктор Н.Г. Степанян приказом начальника Главного управления ГВФ В.С. Молокова был награжден нагрудным знаком ГВФ «За налет 300 тыс. км». Перед самой войной 20 июня 1941 г. ему была начислена надбавка за выслугу лет в системе ГВФ в размере 15 % к месячному окладу [3: 55].

Нападение нацистской Германии и ее сателлитов на СССР 22 июня 1941 г. кардинальным образом изменило жизнь советских граждан на целых четыре года. Инструкторов КВЛП, включая Н.Г. Степаняна, направили в г. Ейск для переучивания на Ил-2. В составе 46-й штурмовой авиаэскадрильи младший лейтенант Н.Г. Степанян в 1941 г. принимал участие в обороне Полтавы, Запорожья, Одессы, Каховки и Николаева. Буквально с первых полетов он зарекомендовал себя не просто как отчаянно смелый, но и чрезвычайно умелый летчик-ас.

В августе 1941 г. под Одессой, вылетев на штурмовку, Степанян заметил двигавшийся по дороге отряд румынской кавалерии. Ринувшись в атаку, летчик «прострiг» ряды конников пушечно-пулеметным огнем, уничтожив около полусотни из них. Остальные румынские кавалеристы посыпались с коней и стали прятаться в канавах. Предоставленные сами себе, кони помчались по полю. Испуганные взрывами и гулом мотора, они неслись в сторону советских солдат. Сделав крутой маневр, Степанян спикировал позади табуна и направил его в сторону советских позиций. 24 августа, на двадцатом вылете, попав под жестокий обстрел во время очередной штурмовки войск противника, младший лейтенант Степанян был ранен осколком зенитного снаряда, но благодаря высокому летному мастерству, сумел на подбитом самолете дотянуть до аэродрома и благополучно посадить изрешеченную машину. Раненного летчика отправили на лечение в госпиталь Харькова [8: 94–95].

После излечения Н.Г. Степанян был направлен в 57-й штурмовой авиаполк Балтийского флота, оборонявший тогда подступы к Ленинграду. Здесь 27 ноября 1941 г. он получил первую боевую награду – орден Красного Знамени. Вскоре, оценив самоотверженные героические действия капитана Н.Г. Степаняна и его звена, военный совет Балтийского флота представил его к высокому званию Героя Советского Союза. За мужество и героизм, проявленные личным составом в ходе операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда, 1 марта 1943 г. приказом наркома Военно-морского флота 57-й штурмовой полк был преобразован в 7-й гвардейский штурмовой авиаполк ВВС Балтийского флота.

Военные действия показывали, что в подготовке летных кадров существовали серьезные пробелы. Молодым пилотам не хватало мастерства, что приводило

к потерям личного состава. Было принято решение создать на Балтийском флоте курсы по переподготовке пилотов. Для этого отбирали лучших летчиков, в числе которых оказался и Н.Г. Степанян с опытом работы по подготовке летных кадров и навыками в боях с врагом. В мае 1943 г. его назначили командиром учебной эскадрильи на курсах в Куйбышевской области. После полного освобождения Северного Кавказа офицерские курсы ВВС ВМФ действовали уже в Моздоке.

Однако Н.Г. Степанян неоднократно подавал рапорты с просьбой отправить его на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Он был назначен командиром 47-го штурмового авиаполка. За освобождение Феодосии авиаполку было присвоено почетное звание «Феодосийский». После освобождения Крыма полк перевели на Балтику. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. полк был награжден орденом Красного Знамени. «Славный сын армянского народа громит врага на Балтике!» – сообщали журналисты, поднимая дух советских граждан [2].

На груди Н.Г. Степаняна красовались «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (23.10.1942), два ордена Ленина (09.06.1942, 23.10.1942), три ордена Красного Знамени (24.11.1941, 21.10.1942, 26.06.1944), медали «За оборону Одессы» и «За оборону Ленинграда». В августе 1944 г. Н.Г. Степанян был представлен к награждению второй медалью «Золотая Звезда». К этому времени он уже совершил 239 боевых вылетов, потопив при этом целую эскадру: миноносец, два сторожевых корабля, тральщик, два торпедных катера и пять транспортов, общим водоизмещением более 80 тыс. т. Кроме этого, во время штурмовок он уничтожил 80 танков, 600 автомобилей, 140 орудий, 41 паровоз, 27 самолетов, 40 вагонов, 4 переправы, свыше 5 тыс. солдат и офицеров противника [10: 184–187]. Однако вторая «Золотая Звезда» Героя Советского Союза была присвоена Н.Г. Степаняну посмертно. Он погиб, совершая 259-й боевой вылет, 14 декабря 1944 г. в небе над латвийским городом Лиепая.

Вклад гражданских авиаторов в победу в Великой Отечественной войне отмечен во многих мемориальных объектах. На вершине Сапун-горы расположен мемориал, посвященный героям, освободившим Севастополь в мае 1944 г. Среди них Герой Советского Союза Николай Мартьянов и дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян. Оба участвовали в освобождении Крыма весной 1944 г., оба летали на штурмовиках Ил-2. На памятнике летчикам – Героям Советского Союза, установленном на территории Ульяновского института гражданской авиации, оба имени также написаны рядом [3: 4]. Стела с именем Н.Г. Степаняна установлена в поселке Севастьяново Ленинградской области. В г. Лиепае на юго-западе Латвии долгие годы стоял посвященный ему бронзовый бюст на постаменте. Но после распада СССР памятник перенесли в г. Калининград, первоначально установив перед штабом ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Позже бюст перенесли в парк Победы, а постамент оказался в Черняховске. Здесь 10 июня 2024 г. на нём был установлен новый бюст.

Имя Нельсона Степаняна носит школа № 71 в Ереване и школа в поселке Храброво Калининградской области, а также малая планета № 3444 «Степанян» (открыта 7 сентября 1980 г.). В его честь названы поселок Степаняновское Призерского района Ленинградской области, траулер рыболовецкого флота, улицы в г. Ереване и в г. Вагаршапате в Армении, в г. Степанакерте, в поселке Лебяжье Ломоносовского района и поселке Севостьяново Призерского района Ленинградской области, в г. Феодосии и в г. Севастополе. Не раз выходили посвященные ему почтовые марки и книги. В Вооруженных силах Армении в 2010 г. учреждена медаль «Нельсон Степанян» [4: 188].

Бюсты Н.Г. Степаняну установлены в городах-героях Ленинграде и Севастополе, городе воинской славы Ростове-на-Дону и в селе Лебяжьем Ленинградской области, мемориальные доски – на носящих его имя улицах Севастополя, Феодосии, Еревана. Однако памятник, установленный на родине Н.Г. Степаняна в г. Шуше, был разрушен вандалами в XX в., восстановлен в 1992 г. и повторно разрушен, как и памятник в г. Степанакерте.

Ставропольским региональным отделением Российского военно-исторического общества (далее – РВИО) проводится большая системная работа по увековечению боевого и трудового подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особое место в ней занимает мемориализация Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, в том числе не только уроженцев и совершивших подвиг на территории Ставропольского края, но и тех, кто призывался или после войны здесь жил. Среди них и Н.Г. Степанян.

Доктором исторических наук, профессором Н.Д. Судавцовым написан ряд статей и готовится выпуску книга, издаваемая Ставропольским региональным отделением РВИО и посвященная Н.Г. Степаняну, в которой раскрываются малоизвестные факты из его работы летчиком-инструктором на КВЛП для летчиков гражданской авиации в аэропорту Минеральных Вод [9 и др.]. В средствах массовой информации Минеральных Вод вышел ряд статей, посвященных отважному летчику, в честь 110-летия со дня его рождения [1 и др.].

По инициативе активистов РВИО и Армянской национально-культурной автономии «Айк» Минераловодского городского округа администрация округа, с учетом того, что Степанян призывался Минераловодским городским военкоматом, приняла постановление об увековечении его памяти. 29 сентября 2023 г. в г. Минеральные Воды на мемориале «Огонь вечной славы» состоялось торжественное открытие бюста дважды Герою Советского Союза Нельсону Георгиевичу Степаняну. Бюст установлен в рамках проекта «Аллея Российской Славы» при сотрудничестве со Ставропольским региональным отделением РВИО в дни празднования 145-летия г. Минеральные Воды и 110-летия со дня рождения Н.Г. Степаняна [4; 6].

Увековечив таким образом память о Н.Г. Степаняне, мы добились того, чтобы молодежь узнала о герое и его мемориализации из средств массовой информации и других местных, краевых и федеральных информационных ресурсов [5; 7 и др.].

Судьба Н. Степаняна является хорошим примером для подрастающего поколения, а материалы на эту тему можно широко использовать в рамках патриотической работы. Вышедшие статьи и проводимые уроки мужества непосредственно на месте установки бюста получили положительные отклики. В музее писателя А.П. Бибика, Общественном военно-историческом музее морской и воинской славы, отделе краеведения Центральной городской библиотеки имени Р.Н. Котовской и Архивном отделе администрации Минераловодского муниципального округа изготовлены специальные информационные стенды, материалы которых могут быть использованы при подготовке исследовательских работ школьников и студентов. Установка бюста заинтересовала военного журналиста М. Пушкарева, который решил снять документальный фильм о Н. Степаняне.

Подвиг поколения победителей навсегда останется одной из самых ярких страниц отечественной истории, немеркнущим примером массового героизма во имя свободы и независимости Родины.

Источники и литература

1. *Акопян Л.* Балтийский орел // Минеральные Воды. 2023. № 13. С. 7.

2. *Багдасарян С.* Славный сын армянского народа // Коммунист. 1942. № 13. С. 2.

3. *Гуркин В.А.* Улетевшие в небеса. Книга о Нельсоне Степаняне и его друзьях-летчиках, не вернувшихся с войны. Ульяновск, 2017.

4. *Карасев И.* Балтийский орел спустя десятилетия вернулся в Минеральные Воды // Минеральные Воды. 2023. № 38. С. 2.

5. *Мокроусов А.* Гроза фашистов Нельсон Степанян в бронзовом обличье вернулся в Минеральные Воды // Ноев Ковчег. 2023. № 12. С. 4.

6. *Петров И.* Бюст «балтийского орла» // Время. 2023. № 69. С. 1.

7. *Сосницкий В.* Чтобы не меркли страницы истории // Красная Звезда. 2023. № 144. С. 10.

8. Ставропольский хронограф на 2023 год: краеведческий сборник. Ставрополь; Кемерово, 2023.

9. *Судавцов Н.* Балтийский орел Кавказа // Ставропольская правда. 2022. № 50. С. 5.

10. Центральный военно-морской архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 496.

М.Р. Габараева

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И СОЗДАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ НА КАВКАЗЕ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Понятие исторической памяти актуализировалось в последние несколько десятилетий. Интерес к этой тематике обусловлен тем, что оценки различных

исторических событий зависят от условий существования конкретного общества, исторической ситуации в нем, требуемой в данный исторический период риторики [12]. Тема колониального прошлого и вовсе из предмета научных споров превратилась «в объект беззастенчивых пропагандистских манипуляций» [4].

Историческая память – «сконцентрированное и направленное общественное сознание, отражающее значимость и актуальность информации о прошлом в непосредственной взаимосвязи с настоящим и будущим» [1]. Коллективная историческая память народа – это вовсе не обязательно история, написанная историками [8: 32]. Историческая память включает в себя представления людей о своей истории, различных событиях и исторических персоналиях. Она формируется на двух уровнях: теоретико-методологическом (в рамках исторической науки) и на уровне социокультурного сознания [7: 149–150].

Историческая память лежит в основе идентичности общества. Это набор символов, выраженных в различных мемориальных знаках (памятных датах, местах, памятниках и т.д.). Она формируется у человека посредством изучения и понимания социокультурного наследия, оставленного ему предками. Именно через формирование исторической памяти происходит конструирование идентичности общества. «Именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» [9: 48–49]. Социальная идентичность же – это осознание индивидом его принадлежности к социальной общности [1]. Именно поэтому манипулирование исторической памятью и конструирование негативных образов на основе исторической памяти являются крайне удачными методами внешнего воздействия. Если вам удастся изменить память народа о своем прошлом, вам удастся изменить и его идентичность. Подобные манипуляции активно применяются в отношении народов, населяющих Северный Кавказ.

Большой Кавказ всегда был местом пересечения интересов мировых и региональных держав, каждая из которых представляла конфигурацию региона по-своему. Доминирующая роль в регионе переходила к разным державам в разные периоды истории. Географическое положение региона и его удобство как транспортной и логистической развязки, а также природные ресурсы делают регион важной точкой пересечения интересов государств [2: 101]. Присоединение Кавказа к Российской империи в XIX в. актуализировало противоречия между Великобританией и Россией. Для Британской империи Северо-Западный Кавказ был препятствием для продвижения России на Восток, из-за чего английское правительство признало законным освободительное движение горцев и оказывало им помощь не только в виде оружия, но и посредством конструирования негативного образа России [11].

Образы, разработанные различными деятелями Британии, Польши и других стран Европы, используются до сих пор. В 1828 г. генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс опубликовал памфлет «Замыслы России», где изложил самый ранний детальный план разделения России и заявлял о необходимости превентивной войны. Другой британец Дэвид Уркварт, активно работавший с черкесами

и оказывавший им помощь в «борьбе с русской оккупацией», был одним из главных русофобских пропагандистов [10: 47–52]. Образ России как империи-колонизатора начал активно формироваться именно во время Кавказской войны и развивался в дальнейшем. Во время Великой Отечественной войны этот образ использовался нацистской Германией для формирования «национально-освободительных» движений («Идель-Урал», «Северокавказский легион» и т.д.) [6: 128]. Подобное происходило и во время холодной войны [14; 15], и в 1990-е гг. [13]. Призывы к отделению Северного Кавказа от России звучат и в настоящее время. Неизменным остается лишь манипулирование исторической памятью как основной метод воздействия, а также набор используемых образов. Изменился лишь используемый для влияния ресурс: сейчас это социальные сети.

Проект деколонизации России вновь актуализировался в 2022 г. после начала специальной военной операции на Украине, когда национальные субъекты страны были выбраны для создания социального напряжения и протестных настроений. Необходимость поддержки сепаратистских движений и национальных диаспор обсуждалась на брифинге Комиссии США по безопасности и сотрудничеству в Европе «Деколонизация России: моральный и стратегический императив» [5]. С весны 2022 г. проводится «Форум свободных государств постРоссии» (Генпрокуратурой РФ признан нежелательной организацией). Эта деятельность направлена в первую очередь на национальные республики России, большое число подобных сообществ было создано для продвижения идеи деколонизации на Северном Кавказе.

В рамках данного исследования нас интересовало, какие темы используются для продвижения идеи деколонизации на Северном Кавказе в социальных сетях и как выстраивается негативный образ России. Объект исследования – публикации в 30 Телеграм-каналах, объединенных в общую сеть на основе взаимных репостов и схожей риторики.

Для определения тем публикаций в исследуемых сообществах был проведен количественный контент-анализ с помощью программы QDA Miner от Provalis Research. Из 30 каналов были выгружены данные с начала 2022 г. до 31 августа 2023 г. Одна из функций программы QDA Miner – создание списка топиков. Программа определяет слова и словосочетания, часто употребляемые внутри одного предложения или абзаца. Слова и словосочетания группируются в топики программой автоматически, т.е. топики были определены не предварительно, а уже в результате количественного контент-анализа. Такой анализ был проведен для каждого канала отдельно. При последующей обработке полученных результатов стало заметно, что все исследуемые источники объединены общими тематическими категориями. Эти результаты представлены в таблице 1. В рубрике «Примеры слов и словосочетаний» в таблице находятся все оригинальные, неповторяющиеся слова и словосочетания, обнаруженные в процессе количественного контент-анализа. Не упоминаются здесь лишь разные формы одного и того же слова или фразы.

Таблица 1. Тематическое содержание исследуемых Телеграм-каналов

Топики	Частотность	Каналы	Примеры слов и словосочетаний
Украина и военные действия	5382	«Вайнах», «The Circassian Times», «Rizvan Kubakaev», «Записки Горца», «Зона Кавказа», «Ичкерия: Герои, Враги и Предатели», «Кавказ. Реалии», «Оплот Ичкерии», «1ADAT»*	боевых действий; военной службы; российские войска; украинские военные; территории Украины; заявил президент Украины; оккупантов; российских; независимости; войны в Украине; репрессии в отношении противников войны; убивать мирных; мирных жителей Украины
История	4244	«adigi tut», «The Circassian Times», «Rizvan Kubakaev», «Имамат Кавказа», «khasan khalitov»	Черкесской войне; Кавказской войны; Черкесской конфедерации; жертв войны; казачий полк; черкесская армия; знания исходят из русских источников; бойцы продолжали сражаться как боевики; произошла эта битва; набеги и сжигать черкесские деревни; геноцид черкесов; попали в руки врага; сожжен отрядом; истреблен; Ногайского; Российской империи; советской оккупации, российских оккупантов; российских войск; врагов; чеченской республики; истории чеченского народа; враг Аллаха
Ислам: проповеди, цитаты из книг, восхваления Аллаха и пр.	3030	«abdullah abrek», «bart», «batir karachaevskiy», «MadWorld», «Абдуллах Шамиль», «Вайнах», «Имамат Кавказа»	Благословит его Аллах; доволен им Аллах; пророк; посланник; Аллах; путь Аллаха; сражаются на пути Аллаха; будьте стойки ради Аллаха; ибо это ближе к богобоязненности; поможет Аллах мусульманам; хадис; Бакр Ибн Мардавайх в своем
Судьбы народов Кавказа, призывы к единству	2481	«abdullah abrek», «batir karachaevskiy», «Записки Горца», «Утро Дагестана», «Rizvan Kubakaev»	Народы; Кавказа; народов Кавказа; народ Дагестана; горцев; свободных народов России; выступающая за самоопределение нации; национальных движений; горских народов, усилиями малых народов; взвешенных общих интересов северокавказских народов; культурного единства Северного Кавказа; плодородных земель; колониальную риторику; депортацию местных народов; полуторавековую агрессию и завоевание; вскоре сменит Кадыровский пропутинский режим; деградация инфраструктуры; экономическая отсталость; разгул неприкрытой кавказофобии; открыто предлагали очистить страну

Продолжение табл. 1

Топики	Частотность	Каналы	Примеры слов и словосочетаний
Кадыров	2308	«1ADAT»*, «Восход ислама»	Кадыров; кадыровские; чеченского народа; наместники оккупантов; врагов Аллаха; пути Ахмата; кадыровских террористов; золотые дворцы; Адам Кадыров; Ахмата Кадырова; кремлевский наместник Чечни
Военные суды над дезертирами / отказавшимися от контракта	1712	«Зона Кавказа», «Кавказ.Реалии»	строгого режима; военный суд; колонии общего режима; гарнизонный военный суд; Южный окружной военный суд
Сбор средств на криптокошелек	1380	«Фронт ислама»	нажмите по адресу для копирования; средств; если возникли трудности с переводом средств
Сообщения о погибших на Украине	1236	«abdullah abrek», «The Circassian Times», «Зона Кавказа», «Утро Дагестана»	Умер; уроженец села; спецокупации на Украине; умер уроженец; Украине умер, подтверждена гибель; уроженцев Кабардино-Балкарии; военной операции на Украине; официально подтверждена гибель; уроженцев Дагестана; уроженцев Северной Осетии
Новые территории	1235	«Кавказ.Реалии»	Херсонской области; Донецкой области; Херсонской и Запорожской; обстрела; области погибли; Херсонской областной военной администрации
Похищения / репрессии в отношении местных жителей	858	«1ADAT»*	Незамедлительно сообщите информацию по этому поводу; молчание и бездействие помогают продолжать геноцид чеченского народа; похитили, кадыровскими наместниками оккупантов был похищен; незаконно удерживают; подвергаясь пыткам и избиениям; сфабриковать уголовное дело; массовые похищения
Народы Кавказа отправляют на убой на Украину	779	«Вайнах», «Оплот Ичкерии»	убой в Украину; отправить на убой; Рамзана Кадырова; войны в Украине
Шейх Мансур	715	«Оплот Ичкерии», «khasan khalitov», «Ичкерия: Герои, Враги и Предатели»	шейха Мансура; батальон

Окончание табл. 1

Топики	Частотность	Каналы	Примеры слов и словосочетаний
Мобилизация	650	«Восход ислама», «Вайнах»	войны и мобилизации; протеста против мобилизации; продолжают кошмарить; составляют административные протоколы; местных жителей; Северном Кавказе; войне в Украине; повестку; военкомат
ЧВК «Вагнер»	330	«The Circassian Times»	Вагнер; ЧВК; источник
Призывы на акции протеста	306	«Утро Дагестана»	Такбир; протест; Аллагьн; акция протеста; скандировать такбир
Отключение коммуникаций	265	«Утро Дагестана»	электричества; воды; отключают

*«Народное движение “Адат”» внесено в перечень запрещенных организаций.

Часть обнаруженных в процессе количественного контент-анализа топиков можно назвать ситуативными, т.е. связанными с конкретными событиями (топики «Шейх Мансур», «ЧВК Вагнер»). Все остальные топики можно сгруппировать в пять смысловых категорий: «специальная военная операция на Украине», «ислам», «общекавказская идентичность», «история», «геноцид народов Северного Кавказа». Так как в данном исследовании нас интересует конструирование исторической памяти, стоит обратить внимание на топики – «история» и «геноцид народов Северного Кавказа».

Образы, конструируемые подобными сообществами, строятся согласно концепции о том, что Россия является жестокой империей и колонизатором, а нерусские народы – притесняемые, угнетенные колонии, против которых на протяжении нескольких веков совершается геноцид. В идею геноцида народов Кавказа укладываются все события взаимоотношений России и Северного Кавказа: Кавказская война, весь процесс присоединения Кавказа к России, репрессии 1930-х гг., депортация 1940-х гг., чеченские войны, борьба с терроризмом на Северном Кавказе, мобилизация и СВО. Все эти исторические события освещаются исключительно с негативной стороны с одним единственным виновником в лице России. Положительные моменты взаимоотношений России и Северного Кавказа (рост уровня культуры, образование, промышленное развитие, развитие инфраструктуры и т.д.) полностью игнорируются, так как не укладываются в избранную картину мира. Конструируется образ Москвы, «отбирающей все ресурсы у регионов», при этом отрицается факт дотационности всех

республик СКФО, как отрицается и любая другая помощь в развитии региона со стороны федерального центра.

Активно используется образ русских как варваров, не имеющих права контролировать «свободные народы Кавказа». Такой образ русского народа совсем не нов, он возникал каждый раз при обострении отношений между Россией и западными странами. Используется устойчивый стереотип о том, что русские лишены нравственной основы, который Н.П. Таньшина отмечает, как появившийся еще в XV в. [10: 204]. Еще один образ – рабский характер русского народа, про который К. Маркс писал: «даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином» [3]. Этому образу «рабов-русских» противопоставляется образ «свободолюбивых горцев», которые на протяжении нескольких веков бьются за свободу с «жестокой империей» всячески их уничтожающей.

Манипулирование исторической памятью происходит с помощью подбора событий и фактов (а зачастую и искажения фактов), показывающих Россию исключительно с отрицательной стороны. Используемые образы не являются новыми или особенными для Северо-Кавказского региона. Все они использовались и в XIX, и в XX вв. Основой этих образов является конструкция «Россия – колонизатор и агрессор, уничтожающий малые народы и использующий их территории». Для каждой национальной республики РФ подбирается свой набор исторических событий, укладывающихся в эту общую концепцию.

Главным вопросом остается уровень влияния рассмотренных интернет-каналов на сознание жителей Северного Кавказа. Так как достоверно знать место проживания подписчиков Телеграм-каналов невозможно, приходится делать выводы, основываясь на сторонних данных. В первую очередь, необходимо отметить, что подобная риторика не характерна для региональных новостных каналов и блогеров. Однако в региональном информационном пространстве существует достаточно национально-ориентированных блогеров и сообществ, пусть пока не позволяющих себе откровенно антироссийских высказываний, но находящихся в пограничном состоянии. Также о проникновении подобных идей в информационное пространство Северного Кавказа говорят протесты в Дагестане в 2022 и 2023 гг., организованные каналом из этой сети антироссийских сообществ «Утро Дагестана». В какой-то степени подобный контент всё же проникает на Северный Кавказ, масштабы этого проникновения пока до конца не ясны.

Историческая память лежит в основе идентичности общества, соответственно подобное конструирование негативного образа России на Кавказе способно изменить идентичность северокавказских обществ. Для недопущения подобного необходимо не только цензурировать контент и удалять вредоносные публикации и сообщества, но и создавать и распространять пророссийский контент – конструировать консолидирующие исторические образы.

Источники и литература

1. *Воскобойников С.Г., Щукина Т.В.* Историческая память: научно-исторический и социокультурный аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 3. С. 14–17.

2. *Маркедонов С.М.* Кавказский регион: от периферии к эпицентру мировой политики // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 3. С. 100–122.

3. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVII века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013. С. 388–414.

4. *Миллер А.И.* Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68–81.

5. *Овчинский В.С.* Деколонизация России 2.0: механизмы по расчленению Российского государства запущены. URL: https://zavtra.ru/blogs/dekolonizatciya_rossii_2_0 (дата обращения: 09.07.2024).

6. *Прилепский П.А., Буров А.С.* Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126–140.

7. *Пушкарева Т.В.* Мерцающее поле истории: о диалектике коллективной памяти и забвения // Социальная политика и социология. 2008. № 2 (38). С. 149–157.

8. *Романова К.С.* Дискурсы исторической памяти // Дискурс-пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36.

9. *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 36–82.

10. *Таньшина Н.П.* Страшные сказки о России: Классики европейской русофобии и не только. СПб., 2023.

11. *Чеучаева А.К.* Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50–60-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 34–45.

12. *Babaitsev A.V., Voskoboynikov S.G., Schukina T.V., Topchiy I.V.* Semiotic discourse of the socio-political sphere of the modern Russian society: challenges of multimodality // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 1972–1978.

13. *Khodarkovsky M.* Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800 // The Journal of Modern History. 1999. Vol. 71. No. 2. P. 394–430.

14. *Kolartz W.* Russia and Her Colonies. Hamden, CT, 1953.

15. *Schwarz S.M.* Revising the History of Russian Colonialism // Foreign Affairs. 1952. Vol. 30. No. 3. P. 488–493.

З.А. Жаде, Е.С. Куква

МЕСТО МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МАТРИЦЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В последние годы в российских идентитарных исследованиях явно прослеживается так называемый «пространственный поворот», то есть особое значение приобретает анализ территориальной идентичности. По мнению ученых, «ключевой составляющей в структуре нематериальных ресурсов является пространственно-территориальная идентичность. Она представляет собой разные уровни территориальной идентификации (локальной, региональной, макрорегиональной). Объективной основой для формирования такой идентичности служат культурно-исторические особенности местного или регионального сообщества, экономическая специализация, природно-климатическое своеобразие и ряд других факторов» [9: 59].

Как известно, в социогуманитарной науке понятия «территориальная идентичность» и «пространственная идентичность» часто рассматриваются как тождественные. Концептуализация понятия территориальной идентичности отражена в работах российских географов и политологов. Так, по мнению Д.Н. Замятина, территориальные идентичности в своей когнитивной основе опираются на понятие пространственности [3]. Рассматривая территориальную идентичность как элемент социогеографического пространства, Н.Ю. Замятина подчеркивает: «поскольку различные общества создают разные системы социальных отношений, системы ценностей и их различные пространственные “развертки”, каждому обществу должны быть присущи свои формы территориальной идентичности» [4: 153].

И.Ю. Окунев выделяет два типа идентичности, связанных с принадлежностью к географическим координатам: территориальную, которая основывается на характеристиках территории, в привязке к которой идентичность формируется, и пространственную, которая вытекает из положения места в пространстве, из системы его связей относительно других объектов [13: 21–22]. И.Л. Прохоренко, определяя территориальную идентичность как «комплекс представлений о принадлежности и привязанности к конкретному территориальному сообществу, об общих интересах, возникающих в связи с местом проживания, особой связи с территорией, которая имеет (а может и не иметь) административных границ, и с функционирующими в пределах данной территории политическими институтами» [15: 501], вместе с тем говорит о таких ее разновидностях, как территориально-пространственная и этнотерриториальная идентичности. При этом полагает, что первая позволяет трактовать территориальную идентичность более широко,

а вторая «позволяет более точно описать одну из форм самоидентификации, когда важно подчеркнуть присутствие этнического компонента в территориальном сообществе» [15: 503].

Мы исходим из отождествления концептов пространственности и территориальности и, соответственно, отождествляем территориальную идентичность и пространственную идентичность. Вслед за специалистами в области идентитарных исследований полагаем, что территориальная идентификационная матрица включает локальный, региональный и макрорегиональный уровни. Проблемы формирования макрорегиональной идентичности постепенно становятся частью категориального поля социогуманитарного знания. Однако до сих пор не сложилась общепринятая трактовка данного феномена. В этой связи понятие макрорегиональной идентичности нуждается в уточнении и концептуализации.

На определении макрорегиональной идентичности сказываются различные подходы к пониманию макрорегиона. В политической науке макрорегион характеризуется как «внутристрановое объединение, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью» [12: 45].

Напомним, что еще в 2007 г. В.В. Путин заявил: «Нам нужны целенаправленные исследования по определению самого понятия “макрорегион”, определению его границ, обусловленных территориальными, природными, инфраструктурными, демографическими и этнокультурологическими особенностями» [16].

В документах стратегического планирования макрорегион определяется как «часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования» [20].

Обосновывая существование федеральных округов и макрорегинов в правовой системе России, юристы подчеркивают, что «макрорегион приравнивается к федеральному округу – развитие макрорегионов предписывается осуществлять в границах федеральных округов, а также макрорегион – территория, включающая два и более субъекта Федерации, равно как и в федеральном округе» [6: 39].

На наш взгляд, макрорегион не является формальной конструкцией, обязательно и исключительно созданной институциональным образом, то есть основанной на соглашении между соседними регионами. Макрорегион – это, прежде всего, полиэтническая социальная конструкция, созданная в результате переплетения практик субъектов всех видов и всех уровней.

В самом общем виде макрорегион можно концептуализировать как пространство, определяемое не только по территориальному признаку, но и по социокуль-

турным (общие традиции, память, картина мира) и историческим основаниям (общность исторической судьбы), сочетание которых создает уникальную региональную специфику.

Концептуализация понятия макрорегиональной идентичности отражена в работах М.В. Назукиной, которая рассматривает ее как отдельный уровень территориальной самоидентификации населения [11: 37].

Как констатирует ряд ученых, макрорегиональную идентичность можно наблюдать на стыке процессов «сверху вниз» и «снизу вверх», управляемую сверху региональными правительствами и более спонтанно осуществляемую другими участниками в рамках горизонтальных межрегиональных отношений.

Анализируя современные тренды данного вида идентичности, ученые подчеркивают, что «в многосоставных макрорегионах особое значение приобретает способность надэтнической гражданской идентичности консолидировать поликультурное население» [7: 147].

В рамках данной проблемы интерес представляют исследования, в которых пространство России рассматривается на основе анализа вариативности макрорегиональных идентификаций ее регионов. Авторы выделяют ареалы устойчивой и нарушенной макрорегиональной идентичности, к которым относят Черноморско-Каспийский ареал, связывающий историческое и политико-экономическое ядро с республиками Северного Кавказа и промышленным ядром Среднего Поволжья [14].

Как известно, новая территориальная единица – макрорегион – предложена в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в приложении 2 которой обозначены 12 макрорегионов РФ. В состав Северо-Кавказского макрорегиона, который полностью совпадает с составом Северо-Кавказского федерального округа, входят Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край [17].

В современном миропорядке Северо-Кавказский макрорегион, оформленный исторически, этнически и географически, можно рассматривать как потенциальный «центр силы», обладающий значительными материальными и нематериальными ресурсами развития.

Исследование разных видов идентичности и идентификационных процессов на Северном Кавказе – одна из самых актуализированных тем в современной научной повестке. Этот интерес объективно обусловлен тем, что концентрация этнического разнообразия на сравнительно небольшом пространстве, отчетливая религиозная окрашенность, связанный с этим особенный социокультурный ландшафт макрорегиона актуализируют естественный личностный и социальный запрос на идентификацию. В условиях такого концентрированного разнообразия естественным становится вопрос границ – этнических,

религиозных, символических, ценностных. Одновременно встает вопрос о социальном и политическом управлении этим многообразием, что, в первую очередь, должно быть ориентировано на целенаправленное формирование позитивной идентичности: этнической, религиозной, региональной, российской национальной.

В современных условиях процесс управления идентичностями становится одной из приоритетных задач политики идентичности как на уровне регионов, так и на уровне страны в целом. Активная политика, направленная на укрепление конкретных российских регионов, а соответственно, региональной идентичности, во многом способствовала смещению акцентов на региональную политику идентичности, в то время как макрорегиональный уровень «просыпался» тогда, когда речь шла о социально-экономических программах (развитие Севера, развитие туризма), стратегии национальной безопасности, использования потенциала уникальных культурных традиций, сложившихся на уровне макрорегиона.

В пространстве макрорегиона формируется / конструируется особая идентичность, занимающая промежуточное положение между региональной и национальной идентичностями, – макрорегиональная идентичность. Она попадает в область интересов регионального управления (когда речь идет о выстраивании взаимоотношений с соседями, а также в условиях конкуренции за туристов и инвесторов с другими субнациональными образованиями) и в область общегосударственных задач (когда государство ставит задачу по укреплению национальной идентичности, поиску общих принципов позитивного взаимодействия между регионами через выстраивание различных общих конструктов). Это задача по выстраиванию нададминистративных «воображаемых» пространств, а также по сплочению общества еще на одном уровне – макрорегиональном, на котором может конструироваться или конструируется ментальный символический образ, обусловленный историческими, этнокультурными, природно-географическими, хозяйственными связями и особенностями.

Макрорегиональная идентичность как один из результатов подобной политики расценивается нами как один из шагов по укреплению российской национальной идентичности. Согласно разработанной нами ранее концепции, каждый из уровней встраивается в многоуровневую идентичность по принципу дополнительности [10].

В российском интеллектуальном дискурсе конструируется особость макрорегиона. Одна из первых попыток анализа трансформации системы идентичностей у народов Кавказа предпринята К.С. Гаджиевым, который на вопрос, можно ли говорить о Кавказе как о единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности, отвечает, что «существует некий комплекс критериев и признаков, на основании которых коренные народы региона относятся к определенной общности, отличающейся от сообществ других народов и регионов.

Тем более что представители каждого из кавказских народов сознают себя именно кавказцами, а не, например, славянами, арабами и пр.» [1: 64]. В контексте определения места макрорегиональной идентичности в идентификационной матрице жителей Северного Кавказа интерес представляют труды представителей научной общественности макрорегиона [2; 5; 18; 19; 21], в которых кавказская идентичность интерпретируется как «попытка выразить современный срез социального, социально-политического и культурного бытия кавказских этносов в массовом сознании» [8: 74].

Ряд проведенных исследований, экспертные оценки и массовые опросы свидетельствуют о частичной сформированности северокавказской идентичности. При этом нет четкого понимания тех маркеров, которые актуализируют эту идентичность и позволяют ей вписываться в структуру многоуровневой идентичности. На сегодняшний день в исследовательском дискурсе, помимо большого числа локальных, региональных и национальных практик по управлению идентичностью или работе с ней, артикулированы и такие практики, как символическая политика, политика памяти, политика брендинга и языковая политика. При этом фундаментальных исследований позитивных практик укрепления идентичностей, направленных на национальную консолидацию российского общества, крайне мало, в связи с чем целесообразно выявить инновационные практики позитивного укрепления макрорегиональной северокавказской идентичности.

Источники и литература

1. *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64–74.

2. *Дамениа О.Н.* Кавказская идентичность перед лицом нового глобального вызова: проблемы и перспективы // Власть. 2014. Т. 22. № 11. С. 30–34.

3. *Замятин Д.Н.* Сопространственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. М., 2012. С. 430–450.

4. *Замятина Н.Ю.* Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.

5. Кавказская идентичность в российской социально-культурной трансформации: тематический сборник научных трудов / отв. ред. А.М. Кумыков. Нальчик, 2007.

6. *Ким В.В.* Макрорегионы и федеральные округа: знак равенства? // Advances in Law Studies. 2019. Т. 7. № 1. С. 36–40.

7. *Клименко Л.В., Жаде З.А., Петрулевич И.А.* Идентичность населения полиэтничного юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3. С. 145–156.

8. *Кумыков А.М., Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах современной российской социокультурной трансформации // Философские науки. 2011. № 1. С. 61–77.

9. *Мирошниченко И.В.* Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2023. С. 57–66.

10. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. М.; Майкоп, 2006.

11. *Назукина М.В.* Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6. С. 37–47.

12. *Назукина М.В., Подвинцев О.Б.* Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 4. С. 45–51.

13. *Окунев И.Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18–25.

14. *Попов П.Л., Черенев А.А., Галёс Д.А.* Ареалы нарушенной макрорегиональной идентичности и устойчивость пространства Российской Федерации // География и природные ресурсы. 2024. Т. 45. № 2. С. 144–152.

15. *Прохоренко И.Л.* Территориальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М., 2017. С. 501–507.

16. Путин предложил разработать концепцию «макрорегионов РФ» // Взгляд. 2007. 30 ноября. URL: https://vz.ru/news/2007/11/30/128556.html (дата обращения: 05.06.2024).

17. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 05.06.2024).

18. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2011.

19. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах современной российской трансформации // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1 (49). С. 32–41.

20. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 23.01.2017. № 4. Ст. 637.

21. *Шадже А.Ю.* Кавказская идентичность в современной России // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000. С. 324–325.

Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев

ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[1]

Одним из важнейших факторов развития России как суверенного и самобытного государства-цивилизации является формирование российских цивилизационных основ у полиэтничной молодежи региона. Утверждение суверенитета России во всех сферах международных отношений, сопровождающееся конфронтацией со странами коллективного Запада, обусловливает необходимость теоретического осмысления российских цивилизационных основ, изучения их сформированности и выраженности в сознании молодежи. Смысловое наполнение и степень выраженности российских цивилизационных оснований варьируются в зависимости от принадлежности к определенным этническим и конфессиональным группам. При этом осознание принадлежности к России выступает ведущим фактором консолидации молодежи русского и северокавказских народов, православных и мусульман, их интеграции в единое социокультурное пространство на платформе общих цивилизационных основ российской идентичности. Опора на цивилизационные ценностные основы российской идентичности позволит полнее задействовать ее консолидационный потенциал в сознании молодежи и сохранить высокий уровень единства народов России в условиях обострившегося геополитического противостояния.

Северный Кавказ является важным геостратегическим регионом России. Исторически он формировался как зона фронтира, где происходило межцивилизационное взаимодействие различных народов. Регионы Северного Кавказа представляют собой различные кейсы, характеризующиеся уникальными условиями и факторами трансформации культурно-цивилизационных ценностей молодежи. Ставрополье – фронтирный регион с преимущественно русским населением; Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия – территории этнокультурного контраста русского, тюркских и адыгских народов. Дагестан – уникальная площадка социокультурного взаимодействия более 40 этносов. Северная Осетия – Алания – преимущественно православный регион со значительной долей русского населения. Национальное разнообразие в совокупности с обилием внутрирегиональных проблем и этноконфессиональных противоречий, обостряет конфликтогенные риски, вызванные гибридными информационными войнами, направленными

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

на подрыв общенационального единства, разжигание этнического сепаратизма и межнациональной розни. Относительная открытость сетевого информационного пространства и острота информационной войны, направленной против России, усиливают риски размывания общероссийских цивилизационных основ у молодого поколения.

Продолжающееся обострение отношений между Россией и коллективным Западом еще раз подчеркивает значимость сохранения и развития самостоятельного российского цивилизационного пространства. Опора на уникальные российские ценности, имеющие цивилизационный характер, позволит стране не только успешно развиваться как альтернативный западному миру центр, но и «обеспечить возможность развития различных политических и экономических систем, а значит, сохранить многообразие и уникальность самого мира» [5: 27]. Консолидация полиэтничного и поликонфессионального российского народа возможна на основе воспроизводства универсальных российских цивилизационных основ идентичности. Развитие России как государства-цивилизации – самобытной культурно-цивилизационной общности – в современных условиях видится единственным жизнеспособным вариантом.

В научном и публичном дискурсе современной России ведется активная дискуссия о месте, роли и цивилизационном статусе России. Всё больше сторонников и аргументов приобретает представление о России, как об уникальном государстве-цивилизации, существующем на основе взаимодействия и с Западом, и с Востоком, заимствующим лучшие практики этих цивилизационных центров, но не являющимся тождественным им. В российской цивилизационистике сложилось основанное на идеях евразийцев представление, что Россия – это особая цивилизация, соединяющая в себе черты и Европы, и Азии. При этом они отмечали не только географическое положение страны, но и формирование уникальной исторически сложившейся евразийской этнокультурной общности, существенно отличавшейся как от Запада, так и от Востока [6: 47]. Выдающийся мыслитель Н.А. Бердяев подчеркивал, что Россия «не может определять себя как Восток и противополагать себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Восто-ко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [2: 22].

Северный Кавказ, расположенный на границе Востока и Запада, всегда являлся своеобразным мостом между Европой и Азией. Здесь исторически сложилась уникальная социокультурная общность, объединяющая русский и северокавказские народы, православное христианство и ислам. В этой связи взгляды и представление молодых людей, проживающих в Северо-Кавказском макрорегионе, являются характерными для выявления выраженности и устойчивости основ российской цивилизационной идентичности. В связи с тем что для региона значимой остается проблема соотношения гражданской, этнической, конфессиональной и региональной идентичностей, вопросы исторической памяти и этноисторические травмы [4], изучение консолидирующих цивилизационных

основ приобретает не только исследовательскую, но и практическую значимость.

Гражданско-политические основания самоидентификации, при всей их значимости, являются формальными и не имеют глубинной ценностной нагруженности. Их неустойчивое равновесие может быть смещено в сторону преобладания этноконфессиональных основ, что несет в себе латентные риски социокультурной конфликтности [3]. В условиях усиления международной конфронтации и целого ряда нерешенных институциональных и социально-экономических проблем обостряются риски актуализации присущих региону этноконфессиональных противоречий и утраты достигнутой на сегодняшний день социально-политической стабильности. В этой связи исследовательское внимание фокусируется на необходимости формирования и развития российской идентичности на цивилизационной основе, целесообразности включения в ее конструкт традиционных российских ценностей, носящих надэтнический характер. По мнению В.А. Авксентьева и Б.В. Аксюмова, «гражданская идентичность, при всей своей безусловной значимости, является по своему генезису формальной и не способна стать реальной основой культурно-аксиологической общности российского народа», сделать разрозненных граждан с их этнокультурной спецификой единым народом призвана цивилизационная идентичность. Исследователи утверждают, что «формирование цивилизационной идентичности России как самобытной культурно-цивилизационной системы будет символизировать преодоление постсоветского кризиса, иногда переходящего в депрессию, когда государство металось из стороны в сторону в поисках своего места в новом мире» [1: 20–22].

В мае – июне 2024 г. авторами было проведено социологическое исследование, направленное на определение объединяющего потенциала российских цивилизационных основ в оценках и представлениях полиэтничной молодежи Северного Кавказа. Были опрошены студенты вузов полиэтничных северокавказских республик и Ставропольского края. Опрос проводился на платформе Yandex Forms. В качестве квотных признаков выступили этническая и конфессиональная принадлежность респондентов. Выборочную совокупность (N = 1500) составили: 55,8 % девушек и 44,2 % юношей; 47,3 % русских, 42,7 % – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10 % составили молодые люди, которые определили свою принадлежность к другим народам; 40,9 % – православных, 38,3 % – мусульман, 17 % – не относящих себя ни к какому вероисповеданию и 3,8 % указали на свою принадлежность к другой религии. Квотный метод позволил сравнить ценностные профили различных групп, отобранных по этнической и конфессиональной самоидентификации.

Респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале (1 – полностью не согласны с утверждением, 5 – полностью согласны с утверждением) свое отношение к двум альтернативным утверждениям, касающимся цивилизационного

статуса России. В большей степени респонденты согласны с тем, что «Россия – самобытное государство-цивилизация, у нее своя система ценностей и путь развития» (3,93 балла). Противоположное утверждение «Россия – часть Европейской цивилизации, ее путь должен продолжаться вместе с Европой» получило значительно меньшие оценки (2,76 балла). При этом цивилизационная самобытность России наиболее близка для православных (4,18 балла) и русских (4,09 балла) студентов. Меньшее значение она имеет для молодежи, относящей себя к северокавказским народам (3,78) и мусульманам (3,77), а также для нерелигиозных респондентов (3,70). Среди нерелигиозных молодых людей больше всего согласных с тем, что Россия – часть европейской цивилизации (3,09 балла) (см. рис. 1). Зарегистрировано различие в оценках цивилизационной специфики России. Можно предположить, что православные и русские в большей степени ориентированы на российскую цивилизационную самобытность, нерелигиозные молодые люди, напротив, настроены более проевропейски. Среди мусульманской молодежи имеет место ориентация на исламские цивилизационные основы.

Исследование показало, что самобытность и суверенитет России, наличие своего цивилизационного пути развития являются важными ценностями и ориентирами для молодежи.

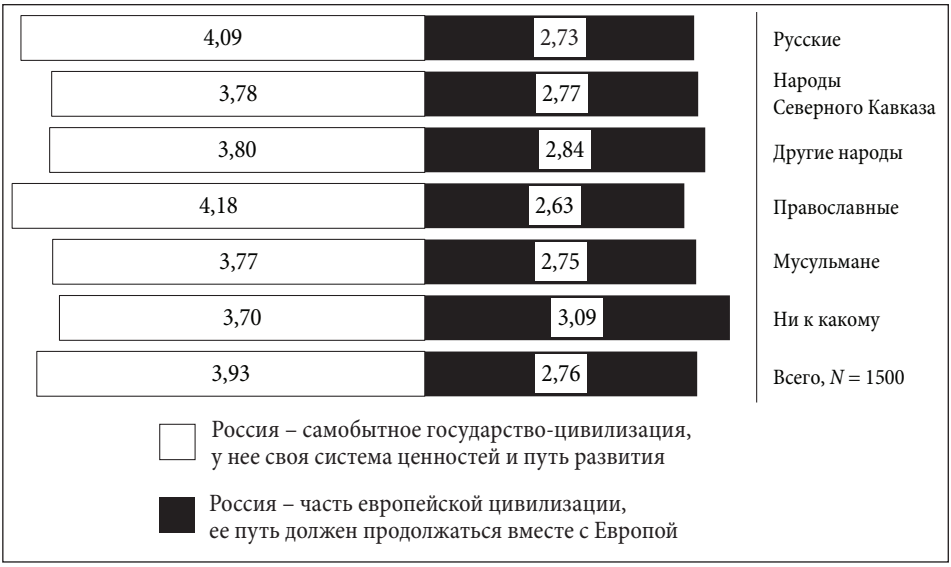


Рис. 1. Оценка респондентами альтернативных утверждений, касающихся цивилизационного статуса России (СКФО, май – июнь 2024, N=1500, средний балл)

Так, ценность самобытности и суверенитета России была оценена в 3,95 балла (применялась 5-балльная шкала: 1 – совсем не важно, 5 – очень важно), а свой цивилизационный путь – 3,93 балла (см. табл. 1). Однофакторный дисперсионный анализ подтверждает наличие статистически значимой разницы между оценками подгрупп респондентов, ранжированных по национальности и вероисповеданию (статистика F-теста – 13,1618 > критического значения F – 4,3874). На основе теста Шеффе были выявлены статистически значимые различия, в большей степени зависящие от вероисповедания: между православными и мусульманами; русскими и не относящими себя ни какому вероисповеданию; православными и не относящими себя ни какому вероисповеданию. Статистически значимые различия в зависимости от национальности не выявлены.

Из ряда значимых ценностей российской цивилизации респонденты выше всего оценивают любовь к Родине (4,30 балла). Далее идут уважение других ценностей и культур (4,23 балла), гордость за страну (4,19 балла), российское культурное наследие (4,19 балла) и общенациональное единство народов России (4,11 балла). Наименее важен приоритет общественных интересов над личными (3,98 балла) (см. табл. 2). Однофакторный дисперсионный анализ подтверждает наличие статистически значимой разницы между оценками в подгруппах респондентов разных национальностей и вероисповеданий (статистика F-теста – 4,5049 > критического значения F – 2,5336). Статистически значимые различия есть между северокавказскими народами и православными; православными и мусульманами; православными и не относящими себя ни к какому вероисповеданию. Они в большей степени связны с конфессиональной, а не национальной принадлежностью. Снижение важности этих ценностей выявлено в подгруппе не относящих себя ни к какому вероисповеданию.

Таблица 1. Распределение оценок респондентов по группе вопросов: «Важны ли для Вас такие ценности и ориентиры, как…?» (СКФО, май – июнь 2024 г., *N* = 1500, средний балл)

	Национальность			**Вероисповедание**			**Всего, *N* = 1500**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Другие народы**	**Православные**	**Мусульмане**	**Ни к какому**	
Самобытность и суверенитет России	4,01	3,89	3,88	4,14	3,84	3,69	3,95
Свой цивилизационный путь развития	4,00	3,91	3,73	4,12	3,93	3,53	3,93

Таблица 2. Распределение оценок респондентов по группе вопросов: «Важны ли для Вас такие ценности и ориентиры, как…?» (СКФО, май – июнь 2024 г., *N* = 1500, средний балл)

	Национальность			**Вероисповедание**			**Всего, *N* = 1500**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Другие народы**	**Православные**	**Мусульмане**	**Ни к какому**	
Любовь к Родине	4,40	4,23	4,17	4,52	4,20	4,04	4,30
Уважение других ценностей и культур	4,22	4,25	4,19	4,29	4,16	4,24	4,23
Гордость за страну	4,29	4,11	4,01	4,40	4,05	3,96	4,19
Российское культурное наследие	4,34	4,05	4,09	4,38	3,99	4,16	4,19
Общенациональное единство народов России	4,13	4,13	4,00	4,23	4,06	3,95	4,11
Приоритет общественных интересов над личными	3,96	4,03	3,91	4,13	4,00	3,66	3,98

Исследование показало сформированность цивилизационных основ российской идентичности в сознании полиэтничной и поликонфессиональной молодежи Северного Кавказа. Важным для нее является самобытность и суверенитет России, наличие своего цивилизационного пути развития. Среди наиболее значимых ценностей респонденты выделяли любовь к Родине, уважение других ценностей и культур, гордость за страну, российское культурное наследие и общенациональное единство народов России. Выявлена вариативность в оценках и представлениях в зависимости от конфессиональной и национальной принадлежности.

Формирование российских цивилизационных основ в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа предполагает формирование установок на общенациональное единство и сохранение национального и культурного многообразия макрорегиона в составе Российского государства-цивилизации на основе уважения и диалога конфессий и культур. Опора на общую цивилизационную составляющую укрепит межнациональный диалог и сотрудничество и будет способствовать купированию рисков утраты российских ценностей и рецепции молодыми

людьми современных западных деструктивных установок. Представляются необходимыми дальнейшая концептуализация и обсуждение в публичном и научном дискурсе цивилизационных основ российской идентичности, а также исследования, направленные на определение представлений молодежи о ее ценностных константах и базовых характеристиках. Требует дальнейшего осмысления символическая политика, посредством которой происходит интерпретация прошлого, конструирование новых ценностей или реконструкция старых. Не менее значимо осознание места России в мире, ее уникальности, исторической миссии, перспектив и стратегий развития.

Источники и литература

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Российская цивилизация: обретение идентичности // Обозреватель. 2014. № 10 (297). С. 16–27.

2. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.

3. *Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А.* Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 112–125.

4. Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа / Е.А. Авдеев, А.В. Аверьянов, С.М. Воробьев [и др.]. Ставрополь, 2022.

5. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель. 2013. № 9. С. 18–30.

6. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / под общ. ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М., 2015.

Сведения об авторах

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – д-р ист. наук, доцент (Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала)

Авдеев Евгений Александрович – канд. филос. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Авксентьев Виктор Анатольевич – д-р филос. наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Адиев Асланбек Залимханович – канд. полит. наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Акопян Виктор Завенович – канд. ист. наук, доцент (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Акопян Завен Викторович (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Акопян Лусинэ Михайловна (Северо-Кавказский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, Минеральные Воды)

Акопян Михаил Борисович (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Аманжолова Дина Ахметжановна – д-р ист. наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)

Амбарцумян Каринэ Размиковна – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Ашуба Арда Енверович – канд. филол. наук (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Багаутдинов Сапиюлла Магомедович – независимый исследователь (Махачкала)

Багирова Ирада Саид гызы – д-р ист. наук, профессор (Институт истории и этнологии имени А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Баранов Андрей Владимирович – д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Березутская Анастасия Алексеевна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Бобровников Владимир Олегович – канд. ист. наук, профессор (Институт востоковедения Российской академии наук, Москва)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуманитарных наук в области новейшей истории, независимый исследователь (Пятигорск)

Боров Аслан Хажисмелович – канд. ист. наук, доцент (Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик)

Бугаев Абдула Махмудович – канд. ист. наук, доцент (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук; Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Булыгина Тамара Александровна – д-р ист. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Вагабова Эсмира Рагим гызы – д-р философии по истории, доцент (Институт истории и этнологии имени А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Вартумян Арушан Арушанович – д-р полит. наук, профессор (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск)

Венков Андрей Вадимович – д-р ист. наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Веремейчик Максим Александрович (Белорусский государственный университет, Минск)

Воробьев Сергей Михайлович – канд. полит. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Габараева Марина Руслановна (Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д-р ист. наук, профессор (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук; Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Гассиева Мадина Александровна – канд. филос. наук, доцент (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени З.Н. Ванеева, Цхинвал)

Горюшина Евгения Михайловна – канд. полит. наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва)

Гриценко Галина Дмитриевна – д-р филос. наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – д-р филол. наук, профессор (Дагестанский государственный университет, Махачкала)

Гучетль Зухра Хачмафовна – канд. социол. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп)

Дзидзоев Валерий Дударович – д-р ист. наук, профессор (Горский государственный аграрный университет, Владикавказ)

Дударев Сергей Леонидович – д-р ист. наук, профессор, независимый исследователь (Армавир)

Епифанов Александр Егорович – д-р юрид. наук, профессор (Академия управления МВД; Государственный университет управления, Москва)

Еремеева Анна Натановна – д-р ист. наук, профессор (Южный филиал Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Краснодар)

Ермаков Виктор Павлович – канд. ист. наук, профессор (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Ермоленко Людмила Павловна – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Ерохин Алексей Михайлович – д-р социол. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Жаде Зуриет Анзауровна – д-р полит. наук, профессор (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Жеребцов Игорь Любомирович – д-р ист. наук (Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Журтова Анжела Ариковна – канд. ист. наук, доцент (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Ишмухамбетов Рамиль Валитович – канд. ист. наук (Астраханский архитектурно-строительный университет, Астрахань)

Кальниченко Владислав Николаевич (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская Ростовской области; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону)

Картоев Магомет Мусаевич (Государственная архивная служба Республики Ингушетия, Магас)

Касьянов Валерий Васильевич – д-р ист. наук, д-р социол. наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала)

Клочков Олег Борисович – канд. ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани)

Клычников Юрий Юрьевич – д-р ист. наук, профессор (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Колесникова Марина Евгеньевна – д-р ист. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Колосовская Татьяна Александровна – д-р ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Красовицкая Тамара Юсуфовна – д-р ист. наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)

Кратова Наталья Васильевна – канд. ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Кринко Евгений Фёдорович – д-р ист. наук, доцент (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кузьминов Пётр Абрамович – д-р ист. наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Куква Елена Сергеевна – канд. социол. наук, доцент (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Кулиш Наталия Юрьевна (Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Курков Геннадий Михайлович – канд. ист. наук, доцент, независимый исследователь (Ейск)

Курмансеитова Аминат Хасановна – канд. ист. наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Кускарова Ольга Ивановна – канд. социол. наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп)

Лиджиева Ирина Владимировна – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Магалян Артак Владимирович – канд. ист. наук (Институт истории Национальной академии наук Республики Армения, Ереван)

Магомедова Муслимат Алхилаевна – канд. филос. наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Малышева Елена Михайловна – д-р ист. наук, профессор (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Мартыненко Виктория Юрьевна – канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)

Матвеев Олег Владимирович – д-р ист. наук профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Матиев Тимур Хусенович – д-р ист. наук, доцент (Ингушский государственный университет, Магас)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (заместитель президента РАН, научный руководитель ЮНЦ РАН, Москва – Ростов-на-Дону)

Муратова Елена Георгиевна – д-р ист. наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Мусаева Салихат Ибрагимовна – д-р ист. наук, профессор (Дагестанский государственный университет, Махачкала)

Озова Фатима Анатольевна – д-р ист. наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова, Черкесск)

Орешин Сергей Александрович – канд. ист. наук (Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва)

Осмаев Аббаз Догиевич – д-р ист. наук, профессор (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный)

Очирова Нина Гаряевна – канд. полит. наук (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Покотилова Татьяна Евгеньевна – д-р ист. наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Попова Антонина Анатольевна (Ростовская-на-Дону городская централизованная библиотечная система, Ростов-на-Дону)

Рахманзаде Шамиль Фазиль оглу – д-р философии по истории, доцент (Институт истории и этнологии имени А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Редин Антон Александрович (Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорск)

Салакая Елена Сослановна (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Салакая Сослан Шотаевич – канд. ист. наук, доцент (Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия», Сухум)

Саленко Роман Николаевич (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск)

Севостьянова Анастасия Игоревна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Сень Дмитрий Владимирович – д-р ист. наук, профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Середина Ирина Вадимовна (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Сижажева Карина Басировна (Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик)

Сихарулидзе Арчил Теймуразович (Научно-исследовательский центр SIKHA Foundation, Тбилиси)

Скорик Александр Павлович – д-р ист. наук, д-р филос. наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск)

Состин Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доцент (Филиал Российского технологического университета МИРЭА в г. Ставрополе; Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Стрекалова Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Сугаипова Айзан Магомедовна – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Сулаберидзе Юрий Семёнович – канд. ист. наук, профессор (Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахашвили, Тбилиси)

Султанбеков Рабадан Магомедович – канд. ист. наук, доцент (Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, Махачкала)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – д-р ист. наук доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Товсултанов Рустам Алхазурович – канд. ист. наук, доцент (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Товсултанова Малика Шариповна (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Токов Мурат Алибекович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Труфанова Виктория Максимовна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Тумов Аскер Асланбекович – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Туфанов Евгений Васильевич – д-р ист. наук, доцент (Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь)

Фаузер Виктор Вильгельмович – д-р экон. наук, профессор (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Федина Ирина Михайловна – д-р ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Чомаев Заур Абдулкеримович – канд. ист. наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Чориян Степан Кеворкович (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Чотчаев Дахир Джансохович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Шалак Максим Евгеньевич – канд. ист. наук (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Шебзухова Татьяна Александровна – д-р ист. наук профессор (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск)

Эдиев Далхат Мурадинович – д-р физ.-мат. наук, доцент (Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск)

Юрченко Виктор Михайлович – д-р филос. наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Юрченко Инна Вадимовна – д-р полит. наук, профессор (ЮНЦ РАН Ростов-на-Дону)

Ярлыкапов Ахмет Аминович – канд. ист. наук (Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва)

Яхутль Юрий Асланбиевич – д-р ист. наук, доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Содержание

Предисловие (академик РАН Г.Г. Матишов) 5

Раздел 1. К 100-летию первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края

Кринко Е.Ф. Постсоветская историография о национально-государственных преобразованиях на Кавказе в начале 1920-х гг. и их законодательном закреплении: к 100-летию первой Конституции СССР 8

Красовицкая Т.Ю. Идеи федерализма на Северном Кавказе в концепте неоколониализма 15

Салакая С.Ш. Создание абхазской советской государственности в оценках абхазской исторической науки 21

Рахманзаде Ш.Ф. Большевистская Россия и меньшевистская Грузия: общая характеристика и вектор развития отношений 25

Чотчаев Д.Д., Токов М.А. Политическая элита карачаевского народа в условиях становления государственности Карачая (1917–1926 гг.) 34

Яхутль Ю.А. Национально-государственное самоопределение адыгов Северо-Западного Кавказа в начале 1920-х гг. 41

Ашуба А.Е., Колесникова М.Е. Краеведение в Северо-Кавказском крае в 1920-е гг. 46

Мартыненко В.Ю. Вопросы проведения административно-территориальных преобразований в Северо-Кавказском крае в середине 1920-х – начале 1930-х гг. (по материалам Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области) 55

Аманжолова Д.А. «Рыскуловское» совещание 1926 г. и Н.П. Самурский 62

Туфанов Е.В. К вопросу о формировании кадрового потенциала в 1920-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций, пленумов) 68

Салакая Е.С. А.Э. Куправа о культурном строительстве Советской Абхазии в 1920–1930-е гг. 75

Кулиш Н.Ю. От «Труженицы Северного Кавказа» – к «Хлеборобке»: смена акцентов в репрезентации процессов «раскрепощения горянки» в 1925–1930 гг. (на материалах АЧАО, КБАО, КЧАО) 79

Раздел 2. Актуальные проблемы кавказоведения: подходы, оценки, источники

Сугаипова А.М. Концептуальные подходы к пониманию культурно-исторической специфики Северного Кавказа 84

Вартумян А.А. Состав и модели поведения акторов фронтира: история и северокавказская специфика 92

Шебзухова Т.А. Эволюция коммуникативных процессов в полиэтническом пространстве Кавказа: от фронтира к диалогу культур 98

Муратова Е.Г. Концептуальные основания изучения истории Балкарии XVII – начала XX в. 105

Дзидзоев В.Д. Подданство южных осетин феодальной Грузии (постановка проблемы) 111

Сень Д.В. Толмачи и переводчики Войска Донского XVIII в.: новые материалы для просопографического описания 117

Ткаченко Д.С. Научные экспедиции на Кавказ в контексте мировых тенденций XVIII в. в изучении неведомых земель 125

Бугаев А.М., Гапуров Ш.А. Будущее зависит от усвоения уроков прошлого… 132

Бобровников В.О. Горские источники о Кавказской войне XIX в. на восточных языках: постсоветские находки, публикации, проблемы 141

Покотилова Т.Е. Государственная практика и общественное участие в подготовке культурной и политической элиты горских народов Северного Кавказа в Российской империи: обращение к проблеме в условиях современной России 147

Матиев Т.Х. Эволюция советской историографии горского национального движения в 1920–1980-е гг.: тенденции и особенности 152

Булыгина Т.А. Проблемы изучения городской повседневности Северного Кавказа в современной историографии 159

Очирова Н.Г. К вопросу изучения этносоциального и этнокультурного развития, межэтнических взаимосвязей народов Калмыкии 167

Раздел 3. Административно-территориальные, социально-политические и религиозные преобразования

Баранов А.В. Эволюция населенных пунктов Черномории в контексте административно-территориального деления (1784–1820 гг.) 174

Магалян А.В. Меликство Дизака (XVIII–XIX вв.) 182

Лиджиева И.В. Религиозная идентичность как фактор самоопределения (на примере калмыков Туркменского района Ставропольского округа) 189

Амбарцумян К.Р., Труфанова В.М. Повседневность губернского Ставрополя в 1920-е гг.: опыт проживания кризиса и процессов социально-политической трансформации 194

Кальниченко В.Н. Антирелигиозные мероприятия в Северо-Кавказском крае в 1929 г. (по материалам газеты «Большевистская смена») 200

Орешин С.А. Формирование органов государственной власти в Чеченской Республике. Декабрь 1994 – июль 1996 г. 206

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Национальная политика и национально-культурные автономии народов Северного Кавказа в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. 213

Чомаев З.А. Исламский традиционализм на Центрально-Западном Кавказе: особенности бытования ханафитского мазхаба (на примере Карачаево-Черкесской Республики) 219

Кратова Н.В. Формирование и развитие системы исламского образования в Карачаево-Черкесской Республике 224

Раздел 4. Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XVIII–XXI вв.

Клочков О.Б. Северный Кавказ – родина отечественного промышленного садоводства 232

Султанбеков Р.М. Торговля и торговые пути в союзах сельских общин Дагестана (на примере Сюргинского союза) 237

Кидирниязов Д.С., Ишмухамбетов Р.В. Служилые группы у ногайцев и других кочевых народов Северного Прикаспия 241

Картоев М.М. К вопросу о численности ингушей в XVIII в. – 1870-е гг.: от оценочных сведений до официальной статистики (по сведениям российских письменных источников) 247

Скорик А.П., Федина И.М. Становление почтовой службы в Черномории в конце XVIII – первой половине XIX в. 254

Сижажева К.Б. Прохладненский меновой двор как место торговли между горцами и русским населением в 1810–1820-е гг. 261

Касьянов В.В. К вопросу о начальных этапах заселения Армавира 264

Середина И.В. Развитие коммуникаций на Северном Кавказе во второй половине XIX в. и их влияние на региональный рынок 268

Состин Д.И. Проблемы социально-экономического развития Кавказа в начале XX в. Особенности и последствия 273

Боголюбов А.А. Пятигорск после освобождения: сюжеты о городской жизни в газете «Пятигорская правда» 1943 г. 279

Редин А.А. Армянская диаспора в современной России: подходы к изучению 284

Березутская А.А., Ермоленко Л.П. Развитие туризма в Республике Дагестан 288

Раздел 5. Социокультурные процессы на Кавказе

Шалак М.Е. Всадническая культура кочевников степного Предкавказья в эпоху позднего Средневековья 295

Озова Ф.А. Обычай посредничества поручителей *кодохг* 301

Кузьминов П.А., Журтова А.А. Генезис периодики на Кавказе 306

Вагабова Э.Р. Краткая история культурной жизни города Гянджа (XIX – начало XX в.) 313

Чориян С.К. Попытка открытия классической гимназии в Нахичевани-на-Дону в конце XIX в. 321

Колосовская Т.А. О последнем этапе работы Кавказской археографической комиссии (на основе новых архивных документов) 325

Сулаберидзе Ю.С. Грузинское общество истории и этнографии в контексте грузино-российских научно-культурных отношений начала XX в. 332

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из предыстории и истории функционирования государственных языков в Дагестане (вторая половина XIX – первая треть XX в.) 338

Еремеева А.Н. «В духовном отношении этот край представляет не меньшие богатства, чем в материальном»: популяризация культурного наследия курортных местностей Кавказа в годы Первой мировой войны 343

Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П. К истории факультета искусств Пятигорского народного университета имени М.Ю. Лермонтова 349

Попова А.А. Деятельность Северо-Кавказской писательской организации и роль Александра Фадеева в ее создании 356

Гучетль З.Х., Кускарова О.И. Социокультурные традиции адыгов сквозь призму времени (на примере обычая избегания) 362

Раздел 6. Вооруженные конфликты на Кавказе: события и их осмысление

Клычников Ю.Ю. «И те де ссыльные люди всяким людем чинят всякое разорение…»: движение С.Т. Разина и его влияние на русско-персидские отношения 369

Багаутдинов С.М., *Абдусаламов М.-П.Б.* Ахмед-хан Мехтулинский – организатор разгрома Надир-шаха Афшара в Дагестане в 1741 г. (по османской хронике «Тарих») 376

Курмансеитова А.Х. Ногайцы Северного Кавказа в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 381

Венков А.В. Санитарные потери донских казаков в ходе Кавказской войны 387

Боров А.Х. Революция и Гражданская война в Кабардино-Балкарии 1917–1918 гг.: локальный опыт в свете глобальной концепции 393

Саленко Р.Н. Иностранная интервенция на Черноморском побережье Кавказа в ходе Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) 400

Курков Г.М. Казаки Северного Кавказа в межвоенный период и в 1941–1942 гг. 406

Стрекалова Е.Н. Вклад народов Северного Кавказа в разгром гитлеровских войск в 1941–1945 гг. как исследовательская проблема 412

Епифанов А.Е. Оперативно-служебная и боевая деятельность войск НКВД по охране тыла на южном фланге советско-германского фронта на рубеже 1942/1943 гг. 419

Татаринов И.Е. Герои Донбасса в битве за Кавказ: генерал Анатолий Иосифович Петраковский 425

Раздел 7. Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав

Авксентьев В.А. Сценарии и прогнозы динамики региональной ситуации на Северном Кавказе в середине 2020-х гг. 432

Багирова И.С. Трансформация системы безопасности на Южном Кавказе в свете новых реалий 438

Малышева Е.М. Концепция государственной безопасности России в контексте глобальных вызовов: актуализация опыта сохранения духовно-нравственных ценностей народов СССР 448

Юрченко И.В., Юрченко В.М. Россия как консолидирующий центр на постсоветском пространстве и ее роль в решении проблем региональной безопасности на Кавказе 455

Мусаева С.И. Дагестан в системе геополитических интересов мировых держав: история и современность 460

Магомедова М.А. Религиозный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе в контексте региональной безопасности 466

Тумов А.А. Структурные факторы гражданских конфликтов: национальная политика на Северном Кавказе во второй половине XX в. 472

Гриценко Г.Д. Общероссийская идентичность как социокультурная основа региональной безопасности на Северном Кавказе 477

Адиев А.З. Формирование антитеррористического мировоззрения у школьной молодежи в Республике Дагестан: проблемные аспекты 481

Товсултанов Р.А., Товсултанова М.Ш. Культурное взаимодействие на Северном Кавказе: исторический опыт и современные вызовы 487

Гассиева М.А. Национальная культура против вызовов современной геополитики (на материале Закавказья, Южной Осетии) 493

Ерохин А.М. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: оценки молодежи и факторы конфликтогенеза 498

Раздел 8. Прошлое и настоящее Кавказа в исторической памяти и общественном сознании

Эдиев Д.М. Перечитывая Ю. Клапрота: карачаево-балкарский Кырк Маджар, аланский Кырк Иир и булгарский Кирк Килиса 506

Ярлыкапов А.А. Кладбища (*мезар*) кубанских ногайцев как исторический источник 511

Дударев С.Л. Образы России и русских в произведениях некоторых иностранных авторов первой половины – середины XIX в. в преломлении событий на Северном Кавказе 518

Матвеев О.В. Наиб Бата Шамурзаев в пространстве русско-кавказского взаимопознания: легенды и документы 524

Севостьянова А.И. К проблеме конструирования знания о казачестве Северо-Западного Кавказа в российской имперской историографии (на материалах исследовательских практик И.Д. Попко) 532

Веремейчик М.А. Формирование образа революции 1917 г. в исторической политике Республики Армении (1991–2024 гг.) 538

Сихарулидзе А.Т. Грузинский дуализм как модель политики памяти 542

Осмаев А.Д., Горюшина Е.М. Зияраты в Чеченской Республике как места памяти 548

Акопян М.Б., Акопян Л.М. Увековечение памяти дважды Героя Советского Союза Н.Г. Степаняна 556

Габараева М.Р. Манипулирование исторической памятью и создание негативного образа России на Кавказе через социальные сети 560

Жаде З.А., Куква Е.С. Место макрорегиональной идентичности в идентификационной матрице жителей Северного Кавказа 568

Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Основы российской цивилизационной идентичности в представлениях молодежи Северного Кавказа 574

Сведения об авторах 581

Table of Contents

Preface *(Academician RAS Matishov, G.G.)* 5

Chapter 1. To the 100th Anniversary of the Adoption of the First Constitution of the USSR and the formation of the North Caucasus Krai (Territory)

Krinko, E.F. Post-Soviet historiography on ethnic-national-state transformations in the Caucasus in the early 1920s and their legislative approval: on the 100th anniversary of the first Constitution of the USSR..... 8

Krasovitskaya, T.Yu. Ideas of Federalism in the Northern Caucasus through the Concept of Neocolonialism 15

Salakaya, S.Sh. Formation and establishment of the Abkhaz Soviet statehood in the assessments of Abkhaz historical science 21

Rahmanzade, Sh.F. Bolshevik Russia and Menshevik Georgia: the general characteristics and development vector of relations..... 25

Chotchaev, D.D. and M.A. Tokov. Political elite of the Karachay people in the context of the formation of the Karachay statehood (1917–1926) 34

Yakhutl, Yu.A. Ethnic-state self-determination of the Adyghe in the Northwestern Caucasus in the early 1920s..... 41

Ashuba, A.E. and M.E. Kolesnikova. Local history studies in the North Caucasus Krai in the 1920s..... 46

Martynenko, V.Yu. Implementation issues of administrative and territorial transformations in the North Caucasus Krai in the mid-1920s – early 1930s (based on documents from the Centre for the Storage of Archival Documents in Shakhty, Rostov Region) 55

Amanzholova, D.A. 'The meeting of 1926 initiated by T.R. Ryskulov' and N.P. Samursky 62

Tufanov, E.V. On the formation issue of the employee capacity in the 1920s (based on the materials of the party congresses, conferences, and plenums)..... 68

Salakaya, E.S. A.E. Kuprava on the cultural development of Soviet Abkhazia in the 1920s–1930s..... 75

Kulish, N.Yu. From "The female worker of the Northern Caucasus" to "The female grain grower": the change of emphasis in the representation of the processes of "the emancipation of a female mountain dweller" in 1925–1930 (the cases of Adyghe, Kabardino-Balkarian, and Karachay-Cherkess autonomous regions) 79

Chapter 2. Relevant issues of the Caucasian Studies: approaches, assessments, and sources

Sugaipova, A.M. Conceptual approaches to understanding the cultural and historical specifics of the Northern Caucasus 84

Vartumyan, A.A. Composition and behaviour patterns of the frontier actors: history and the Northern Caucasian specifics 92

Shebzukhova, T.A. Evolution of communication processes in the multi-ethnic space of the Caucasus: from the frontier to the dialogue of cultures 98

Muratova, E.G. Conceptual foundations for studying the history of Balkaria in the 17th – the early 20th centuries 105

Dzidzoev, V.D. Citizenship of the southern Ossetians of feudal Georgia (statement of the problem) 111

Sen', D.V. Interpreters and translators of the Don Cossack Host in the 18th century: new materials for a prosopographical description 117

Tkachenko, D.S. Scientific expeditions to the Caucasus in the context of the global trends of the 18th century when studying the uncharted lands 125

Bugaev, A.M. and Sh.A. Gapurov. Future depends on learning the lessons of the past 132

Bobrovnikov, V.O. Caucasian sources about the Caucasian War of the 19th century in Oriental languages: post-Soviet findings, publications, and problems 141

Pokotilova, T.E. State practice and public participation in the upbringing of the cultural and political elites of the mountain peoples of the Northern Caucasus in the Russian Empire: addressing the problem in the context of modern Russia 147

Matiev, T.Kh. Evolution of the Soviet historiography of the Caucasian ethnic-national movement in the 1920s–1980s: trends and specific features 152

Bulygina, T.A. Problems of studying the urban everyday life of the Northern Caucasus in modern historiography 159

Ochirova, N.G. On the issue of studying the ethno-social and ethno-cultural development, interethnic relations of the peoples of Kalmykia 167

Chapter 3. Administrative-territorial, socio-political, and religious transformations

Baranov, A.V. Development of the settlements in the Black Sea Region in the context of administrative-territorial divisions (1784–1820) 174

Magalyan, A.V. Principality of Dizak (the 18th–19th centuries) 182

Lidzhieva, I.V. Religious identity as a factor of self-determination (the case of the Kalmyks of Turkmen District of Stavropol Okrug (Region)) 182

Ambartsumyan, K.R. and V.M. Trufanova. Everyday life in Stavropol, a provincial capital, in the 1920s: experience of living through the crisis and processes of socio-political transformation 194

Kal'nichenko, V.N. Anti-religious actions in the North Caucasus Krai in 1929 (based on materials from the *Bolshevik Smena* newspaper) 200

Oreshin, S.A. Formation of the state authorities in the Chechen Republic. December 1994 – July 1996 206

Zherebtsov, I.L. and V.V. Fauzer. Ethnic-national policy and ethnic-national-cultural autonomies of the peoples of the Northern Caucasus in the Komi Republic in the late 20th – early 21st centuries 213

Chomaev, Z.A. Islamic Traditionalism in the Central-Western Caucasus: specific features of the activity of the Hanafi legal school (*madhhab*) (the case of the Karachay-Cherkess Republic) 219

Kratova, N.V. Formation and development of the Islamic education system in the Karachay-Cherkess Republic 223

Chapter 4. Socio-economic and demographic processes in the Caucasus in the 18th–21st centuries

Klochkov, O.B. Northern Caucasus as the birthplace of the national industrial gardening (the case of the Russian Empire) 232

Sultanbekov, R.M. Commerce and trade routes in the unions of rural communities of Dagestan (the case of the Syurga Union) 237

Kidirniyazov, D.S. and R.V. Ishmukhambetov. Servicemen groups among the Nogais and other nomadic peoples of the Northern Caspian Region 241

Kartoev, M.M. On the issue of the number of the Ingush in the 18th century – 1870s: from estimated data to official statistics (based on the Russian written sources) 247

Skorik, A.P. and I.M. Fedina. Formation of the postal service in the Black Sea Region in the late 18th – first half of the 19th century 254

Sizhazheva, K.B. Prokhladny Exchange Yard as a place of trade between the Caucasian and Russian populations in the 1810–1820s 261

Kas'yanov, V.V. On the issue of the initial settlement stages in Armavir 264

Seredina, I.V. Development of communications in the Northern Caucasus in the second half of the 19th century and their impact on the regional market 268

Sostin, D.I. Issues of socio-economic development of the Caucasus in the early 20th century. Specific features and consequences 273

Bogolyubov, A.A. Pyatigorsk after liberation: the reports about city life in the *Pyatigorskaya Pravda* newspaper of 1943 279

Redin, A.A. Armenian diaspora in modern Russia: main approaches to studies 284

Berezutskaya, A.A. and L.P. Ermolenko. Development of tourism in the Republic of Dagestan 288

Chapter 5. Socio-cultural processes in the Caucasus

Shalak, M.E. Horseman culture of the nomads of the steppe Ciscaucasia in the Late Middle Ages 295

Ozova, F.A. Custom of mediation of guarantors, *kodohg* 301

Kuz'minov, P.A. and A.A. Zhurtova. Genesis of periodicals in the Caucasus 306

Vagabova, E.R. Brief history of the cultural life in Ganja (the 19th – early 20th centuries) 313

Choriyan, S.K. Attempt to establish a classical grammar school in Nakhichevan-on-Don in the late 19th century 321

Kolosovskaya, T.A. On the last stage of work of the Caucasian Archaeographic Commission (based on new archival documents) 325

Sulaberidze, Yu.S. Georgian Society of History and Ethnography in the context of the Georgian-Russian scientific and cultural relations of the early 20th century 332

Guseynov, G.-R. A.-K. From the prehistory and history of the functioning of the state languages in Dagestan (the second half of the 19th – first third of the 20th centuries) 338

Eremeyeva, A.N. "In spiritual terms, this region is of no less value than in material terms": popularization of the cultural heritage of the resort areas of the Caucasus during the First World War 343

Akopyan, V.Z., Akopyan, Z.V. and V.P. Ermakov. On the history of the Faculty of Arts at Pyatigorsk People's University named after M.Yu. Lermontov 349

Popova, A.A. Activities of the North Caucasian writers' organization and the role of Alexander Fadeev in its creation 356

Guchetl, Z.Kh. and O.I. Kuskarova. Socio-cultural traditions of the Adyghe through the prism of time (the case of the custom of avoidance) 362

Chapter 6. Armed conflicts in the Caucasus: events and their comprehension and interpretation

Klychnikov, Yu.Yu. "And those exiled people are causing all kinds of devastation to all kinds of people…": S.T. Razin's movement and its influence on the Russian-Persian relations 369

Bagautdinov, S.M. and M.-P.B. Abdusalamov. Akhmed-khan Mekhtulinsky – the organizer of the defeat of Nadir Shah Afshar in Dagestan in 1741 (based on the Ottoman chronicle, Tarikh) 376

Kurmanseitova, A.Kh. Nogais of the Northern Caucasus in the Russian-Turkish War of 1768–1774 381

Venkov, A.V. Sanitary losses of the Don Cossacks during the Caucasian War 387

Borov, A.Kh. Revolution and the Civil War in Kabardino-Balkaria in 1917–1918: the local experience in the light of the global concept 393

Salenko, R.N. Foreign military intervention in the Black Sea coast areas of the Caucasus during the Civil War in Russia (1918–1920) 400

Kurkov, G.M. Cossacks of the Northern Caucasus during the interwar period and in 1941–1942 406

Strekalova, E.N. Contribution of the peoples of the Northern Caucasus to the defeat of Hitler's troops in 1941–1945 as a research problem 412

Epifanov, A.E. Operational, service, and combat activities of the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR troops to protect the rear on the southern flank of the Soviet-German front at the turn of 1942/1943 419

Tatarinov, I.E. Heroes of the Donbass in the Battle for the Caucasus: General Anatoly Iosifovich Petrakovsky 425

Chapter 7. Caucasus in the system of geopolitical interests of the world and regional powers

Avksentyev, V.A. Scenarios and forecasts of the dynamics of the regional situation in the Northern Caucasus in the mid-2020s 432

Bagirova, I.S. Transformation of the security system in the Southern Caucasus in the light of new realities 438

Malysheva, E.M. Concept of state security of Russia in the context of the global challenges: actualization of the experience and practices of preserving the spiritual and moral values of the peoples of the USSR 448

Yurchenko, I.V. and V.M. Yurchenko. Russia as a consolidating centre in the post-Soviet space and its role in solving the problems of the regional security in the Caucasus 455

Musaeva, S.I. Dagestan in the system of geopolitical interests of the world powers: history and contemporaneity 460

Magomedova, M.A. Religious extremism and terrorism in the Northern Caucasus in the context of the regional security 466

Tumov, A.A. Structural factors of civil conflicts: ethnic-national policy in the Northern Caucasus in the second half of the 20th century 472

Gritsenko, G.D. All-Russian identity as a socio-cultural basis for the regional security in the Northern Caucasus 477

Adiev, A.Z. Formation of the anti-terrorist worldview among the school youth in the Republic of Dagestan: problematic aspects 481

Tovsultanov, R.A. and M.Sh. Tovsultanova. Cultural interactions in the Northern Caucasus: historical experience and practices and modern challenges..... 487

Gassieva, M.A. National culture against the challenges of modern geopolitics (based on the materials of Transcaucasia, South Ossetia) 493

Erokhin, A.M. Interethnic relations in the Northern Caucasus: assessments of young people and factors of conflict genesis 498

Chapter 8. Past and present of the Caucasus in historical memory and public consciousness

Ediev, D.M. Rereading Julius Klaproth's works: Karachay-Balkar *Kyrk Madjar* (or *Kyrk Madshar*), Alanian *Kyrk Yor* (or *Qirq Yer*), and Bulgar *Kirk Kilisa* (or *Kirk Kilise*) 506

Yarlykapov, A.A. Cemeteries (*mezar*) of the Kuban Nogais as a historical source 511

Dudarev, S.L. Images of Russia and the Russians in the works of some foreign authors of the first half – mid-19th century in the context of events in the Northern Caucasus 518

Matveev, O.V. Naib Bata Shamurzaev in the space of the Russian-Caucasian mutual perception: legends and documents..... 524

Sevostyanova, A.I. On the problem of constructing knowledge about the Cossacks of the North-Western Caucasus in the Russian imperial historiography (based on the research practices by I.D. Popko) 532

Veremeychik, M.A. Formation of the image of the Revolution of 1917 in the historical policy of the Republic of Armenia (1991–2024)..... 538

Sikharulidze, A.T. Georgian dualism as a model of memory policy 542

Osmayev, A.D. and E.M. Goryushina. Pilgrimages (*Ziyārahs*) in the Chechen Republic as sites of memory 548

Akopyan, M.B. and L.M. Akopyan. Immortalizing the feats of N.G. Stepanyan, twice Hero of the Soviet Union 556

Gabaraeva, M.R. Manipulated historical memory and formation of a negative image of Russia in the Caucasus through social networks 560

Zhade, Z.A. and E.S. Kukva. Place of macro-regional identity in the identification matrix of the inhabitants of the Northern Caucasus..... 568

Avdeev, E.A. and S.M. Vorobyov. Foundations of the Russian civilizational identity in the ideas of the youth of the Northern Caucasus 574

Information about the authors 581

Научное издание

НАРОДЫ КАВКАЗА в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура

Материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края
(г. Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 г.)

Корректоры: *Т.Е. Гревцова, Н.А. Власкина, А.С. Бабаева, Ю.В. Безуглова*
Редактор текста на английском языке: *Р.Г. Михалюк*
Оригинал-макет *Л.В. Безбородовой*
Обложка *Л.В. Безбородовой*

Подписано в печать 30.09.2024
Формат 70 × 100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 48,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 515

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии ООО «Криптос»
344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Согласия, 7–9, оф. 703–703/1
Тел. 8 (961) 437-29-29
E-mail: kriptosyugsn@yandex.ru